

2023
4 (74)

ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА

*PHILOLOGY
AND CULTURE*

**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**

**Филология и культура.
Philology and Culture**

*Журнал основан в 2003 году. Выходит 4 раза в год.
Учредитель и издатель – ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»*

*Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-47510 от 23.11.2011 г.*

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ
Материалы журнала размещаются на сайте Научной электронной библиотеки, включаются в национальную
информационно-аналитическую систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)*

Редакционный совет журнала:

Бак Дмитрий Петрович – профессор Российского государственного гуманитарного университета, директор Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея) (Россия).

Головко Евгений Васильевич – член-корреспондент Российской академии наук, директор Института лингвистических исследований Российской академии наук (Россия).

Гусейнова Махира Наги Кызы – профессор, декан филологического факультета, проректор по международным связям Азербайджанского государственного педагогического университета (Азербайджан).

Дзиффер Джорджо – профессор Университета в Удине (Италия).

Кибрик Андрей Александрович – профессор, директор Института языкознания Российской академии наук (Россия).

Леблан Сесиль – профессор университета «Париж-3, Новая Сорбонна» (Франция).

Лефельдт Вернер – профессор Гёттингенского университета (Германия).

Онер Мустафа – профессор Эгейского университета (Турция).

Сривастава Анамика – научный сотрудник Глобального Университета Джиндал (Индия).

Шаймердинова Нурила Габбасовна – профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан).

Шайтанов Игорь Олегович – профессор, зав. кафедрой истории литературы Российского государственного гуманитарного института.

Ширникова Раима Хакимовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Узбекистан).

Главный редактор – **Замалетдинов Радиф Рифкатович**, д-р филол. наук, проф., директор Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Заместитель главного редактора – **Ярмакеев Искандер Энгелевич**, д-р пед. наук, проф., зам. директора по научной деятельности Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Состав редколлегии:

Агеева Юлия Викторовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бакиров Марсель Хаернасович, д-р филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра по изучению наследия Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бочина Татьяна Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков в сфере международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Бреева Татьяна Николаевна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галимуллина Альфия Фоатовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Галиуллина Гульшат Раисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Гафиятова Эльзара Васильевна, д-р филол. наук, доцент, заместитель директора по международной деятельности и развитию Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Городец Елена Анатольевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Ерофеева Ирина Валерьевна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Есин Радий Германович, д-р мед. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Нейрокогнитивные исследования», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Жолобов Олег Феофанович, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Закирзянов Альфат Магсумзянович, д-р филол. наук, профессор, и.о. зав. отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

Закирова Ильсеяр Гамиловна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Зинин Сергей Александрович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания литературы Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Каюмова Диана Фердинандовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Крылов Вячеслав Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Кулькова Мария Александровна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мардиева Ляйля Агъдасовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мингазова Ляйля Ихсановна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Мухаметзянова Лилия Хатиповна, д-р филол. наук, доцент, глав. науч. сотр. отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан.

Мухаметшина Резеда Фаилевна, д-р пед. наук, профессор, декан Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникаций им. И.А. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Несмелова Ольга Олеговна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Николаева Наталья Геннадьевна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии, Казанский государственный медицинский университет.

Пашкуров Алексей Николаевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Поляков Олег Юрьевич, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры культурологии и журналистики, Вятский государственный университет.

Сайфулина Флера Сагитовна, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой татарской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Салехова Ляйля Леонардовна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры билингвального и цифрового образования, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Солнышкина Марина Ивановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры теории и практики преподавания иностранных языков, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Соловьев Валерий Дмитриевич, д-р физ.-мат. наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИЛ «Текстовая аналитика», Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Тарасова Фануза Харисовна, д-р филол. наук, доцент, декан высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Файзуллина Гузель Чахваровна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, Тобольский педагогический институт им. Д. И. Менделеева (филиал Тюменского государственного университета в г. Тобольск).

Фаттахова Наилья Нурыхановна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Хабибуллина Лилия Фуатовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Харисов Фираз Фахразович, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры татарского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Явгильдина Зилия Мухтаровна, д-р пед. наук, профессор, проректор по научной работе, Казанский государственный институт культуры.

Сотрудники:

Ответственный редактор:

Хабутдинова М. М., кандидат филологических наук.

Выпускающий редактор:

Умарова Л. Д., кандидат филологических наук.

Ведущие редакторы:

Свирина Л. О., кандидат филологических наук.

Хасанова Л. И.

Компьютерная верстка – Герасимова Н. В.

Адрес издателя: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Адрес редакции: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2

Контактный телефон: (843) 292-92-06

Сайт журнала: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

E-mail: journal@ifi.kpfu.ru

Подписной индекс: 66015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Лингвистика

- Антропова А.** Формы времени глагола как средства выражения одновременности в английском и русском языках (на примере глагола «делать» и союза «когда»). 7
- Божедонова А., Филиппов Г.** Система моно- и полилексемных имен прилагательных, описывающих отметины головы лошади в якутском языке. 13
- Гилева Е.** Алломорфные и изоморфные особенности заимствований экономической сферы в русском, арабском, английском языках. 19
- Гукалова Н.** Язык инглис и зарождение литературной традиции равнинной Шотландии. 24
- Ивницкий Е.** Категория эмотивности в современной русской литературе. 31
- Недоступова Л.** Диалектная языковая личность села Коломыцево Воронежской области. 39
- Островерхая И.** Трансонимизация как процесс образования фелисонимов. 48
- Пупырева П.** Лексическая и предикативная стратегии в политическом дискурсе: анализ сообщений Педро Санчеса в предвыборной кампании 2019 года. 58
- Сагидуллина Л., Зарипова И., Гайнуллина Г., Каримова З.** Варианты репрезентации концептов в произведениях татарских и башкирских писателей. 64
- Садовская Е.** Общение поколений: виды дискурсов и их сущностные признаки. 71
- Сибгаева Ф., Мугтасимова Г.** Языковая вербализация смежных эмоций во фразеологических единицах татарского языка. 79
- Скрипка В.** Артиклевая функция указательного местоимения *тотъ* в южнорусской деловой письменности XVII в. 87
- Фаттахова Н., Лу Пин** Функционирование глаголов однократности в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». 92

Литературоведение

- Бреева Т.** Специфика сюжетостроения в повестях В. Катаева «Белеет парус одинокий» и «Сын полка». 97
- Васильева-Шальнева Т., Хабутдинова М.** Специфика перевода феерии «Алые паруса» А. Грина на татарский язык (на материале театральной интерпретации произведения). 104
- Гарипова Г., Шафранская Э.** Мифомодели национального бытия в романе Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых». 111
- Груздева Е.** Традиции китайской классической литературы и литературы Запада в романе Мо Яня «Страна вина». 120
- Гусейнов Г.-Р., Мугумова А.** Русская классическая литература XIX века и кумыки: образы и прототипы. 126
- Закирова И., Фазлутдинов И.** Легендарные предания о святых в татарском фольклоре. 132
- Кознова Н.** Мемуарный очерк как художественный документ. 141
- Махнинина Н., Насрутдинова Л.** Эволюция образа ожившей куклы в русской детской литературе второй половины XX века. 148
- Меняев Б.** «Индивидуальный статус» персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного учения». 154
- Набиуллина Г.** Молитва как один из приемов психологизма в рассказе Г. Гиззатуллиной-Гайсаровой «Молитва моей любви». 163
- Орлова Т.** К вопросу о стилистических особенностях жанра дневника в романе «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро. 170

Саяпова А. Перевод как связь между культурами: роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в интерпретации татарского переводчика.	175
Скворцов А., Давлетишина А. Особенности стиля и жанра переводной детской поэзии М. Я. Бородинской.	181
Хабибуллина Л. Пространство университета в романе З. Смит «О красоте».	187
Хабутдинов А., Хабутдинова М., Машакова А. Образ Шакур-Карака в русской и татарской литературах.	193
Шалимова Н. Несбывшееся взросление: роман Э. Сиболд «Милые кости».	204

ПЕДАГОГИКА

Анопочкина Р. Художественный текст как средство развития межкультурной компетенции китайских стажеров-лингвистов.	210
Замалетдинов Р., Фатхуллова К., Денмухаметова Э., Сагдеева Р., Галиуллина Г. Реализация обновлённых ФГОС при обучении родному (татарскому) языку.	216
Косцова С. Теоретические основы формирования метапредметных результатов обучающихся начальной школы при изучении башкирского языка.	224
Леонтьева Л. Особенности и проблемы в изучении русской медицинской лексики у арабоязычных студентов-медиков и их решение с помощью мнемотехники.	233
Свирина Л., Ашрапова А., Ратнер Ф. Персонализированный контроль в обучении иностранному языку.	240
Хуан Чэньчэнь, Ячина Н., Добротворская С. Педагогические условия формирования профессионализма будущих педагогов-хореографов в системе хореографического образования. .	245

CONTENTS

PHILOLOGICAL STUDIES

Linguistics

<i>Antropova, A.</i> Verb tenses as a means of expressing simultaneity in the English and Russian languages (based on the verb “to do” and the conjunction “when”).	7
<i>Bozhedonova, A., Filippov, G.</i> The system of mono-and polylexeme adjectives describing horse head markings in the Sakha language.	13
<i>Gilyeva, E.</i> Allomorphic and isomorphic features of lexical borrowings in the economic sphere in Russian, Arabic and English.	19
<i>Gukalova, N.</i> The Inglis language and the emergence of the Lowland Scotland literary tradition	24
<i>Ivnitsky, E.</i> The category of emotivity in modern Russian literature.	31
<i>Nedostupova, L.</i> Dialect linguistic personality from the village of Kolomytsevo, the Voronezh Region.	39
<i>Ostroverkhaia, I.</i> Transonymization as a process of felisonym formation.	48
<i>Pupyreva, S.</i> Lexical and predicative strategies in political discourse: An analysis of Pedro Sanchez’s messages in the 2019 election campaign.	58
<i>Sagidullina, L., Zariyova, I., Gainullina, G., Karimova, Z.</i> Variants of concept representations in the works by Tatar and Bashkir writers.	64
<i>Sadovskaya, Ye.</i> Communication of generations: Types of discourses and their essential features.	71
<i>Sibgaeva, F., Mugtasimova, G.</i> Linguistic verbalization of related emotions in phraseological units of the Tatar language.	79
<i>Skripka, V.</i> The article function of the demonstrative pronoun <i>tot</i> in South Russian documents of the 17th century.	87
<i>Fattakhova, N., Lu Ping</i> Functions of one-time occurrence verbs in I. Bunin’s short stories “Dark Alleys”.	92

Literary Studies

<i>Breeva, T.</i> Specific features of the plot construction in V. Kataev’s stories “The Lonely Sail Is White” and “The Son of the Regiment”.	97
<i>Vasilyeva-Shalneva, T., Khabutdinova, M.</i> Features of translation: A. Grin’s féerie “Scarlet Sails” in the Tatar language (based on the theatrical interpretation of the work).	104
<i>Garipova, G., Shafranskaya, E.</i> Myth models of the national being in the novel “Do Not Interrupt the Dead” by Salavat Yuzeev.	111
<i>Gruzdeva, E.</i> Traditions of Chinese classical literature and Western literature in Mo Yan’s novel “The Republic of Wine”.	120
<i>Guseinov, G.-R., Mugumova, A.</i> Russian classical literature of the 19th century and Kumyks: Images and prototypes.	126
<i>Zakirova, I., Fazlutdinov, I.</i> Legendary tales about saints in Tatar folklore.	132
<i>Koznova, N.</i> Memoir essay as a document of fiction.	141
<i>Mahinina, N., Nasrutdinova, L.</i> Evolution of a revived doll image in Russian children’s literature of the second half of the twentieth century.	148
<i>Menyaev, B.</i> “Individual status” of the characters from the Oirat monument “The Tale of the Nectar Teaching”.	154
<i>Nabiullina, G.</i> Prayer as one of the psychologism techniques in the story “The Prayer of My Love” by G. Gizzatullina-Gaisarova.	163
<i>Orlova, T.</i> Stylistic features of the diary genre in “Never Let Me Go” by Kazuo Ishiguro.	170
<i>Sayapova, A.</i> Translation as a link between cultures: Leo Tolstoy’s novel “Anna Karenina” in the interpretation of the Tatar translator.	175
<i>Skvortsov, A., Davletshina, A.</i> Features of the style and genre: Translated children’s poetry by M. Boroditskaya.	181
<i>Khabibullina, L.</i> University space in the novel “On Beauty” by Z. Smith.	187
<i>Khabutdinov, A., Khabutdinova, M., Mashakova, A.</i> The image of Shakur-Karak in Russian and Tatar literature.	193
<i>Shalimova, N.</i> Unfulfilled growing-up: The novel “The Lovely Bones” by A. Sebold.	204

PEDAGOGY

Anopochkina, R. Literary text as a means of developing intercultural competence in Chinese linguist trainees.	210
Zamaletdinov, R., Fathullova, K., Denmukhametova, I., Sagdeeva, R., Galiullina, G. Implementation of the updated Federal State Educational Standards: The native (Tatar) language teaching.	216
Kostsova, S. Theoretical foundations of the meta-subject results formation in primary school students: Based on the Bashkir language learning.	224
Leontieva, L. Features and problems of teaching Russian medical lexis to Arabic-speaking medical students and their solution with the help of mnemonics.	233
Svirina, L., Ashrapova, A., Ratner, F. Personalized control in foreign language learning.	240
Huang Chencheng, Yachina, N., Dobrotvorskaya, S. Pedagogical conditions for developing professionalism in future teachers-choreographers in the system of choreographic education.	245

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.1/2

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-7-12

ФОРМЫ ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОДНОВРЕМЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА «ДЕЛАТЬ» И СОЮЗА «КОГДА»)

© Анастасия Антропова

VERB TENSES AS A MEANS OF EXPRESSING SIMULTANEITY IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES (BASED ON THE VERB “TO DO” AND THE CONJUNCTION “WHEN”)

Anastasia Antropova

The article examines the possibility of expressing simultaneity using the verb “to do” and the conjunction “when” in one sentence. The relevance of the research is due to the need for comprehensive systematic studies of verbal and non-verbal means of expressing the category of simultaneity in English and Russian separately and in comparative terms. To achieve the purpose of the study, the following tasks were set and solved: 1) the tense forms of verbs in English and Russian, which help to express simultaneity; 2) the frequency of use of various tense forms based on a specific verb and conjunction in the compared languages. We used descriptive and comparative methods to implement the tasks set. The theoretical significance of the study lies in the fact that it allows us to identify the features of expressing simultaneity in two different-structured languages. The scientific results and theoretical positions obtained in the course of our work can be used in the further study of simultaneity. The practical results of the research can be used in teaching functional semantics, general and comparative linguistics. The theoretical basis of the research was the works of Russian and foreign authors devoted to the study of simultaneity and its categories.

Keywords: simultaneity, tense forms of verbs, English language, Russian language, conjunctions

В статье рассматривается вероятность выражения одновременности на примере использования глагола *делать* и союза *когда* в одном предложении. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексных системных исследований глагольных и неглагольных средств выражения категории одновременности в английском и русском языках по отдельности и в сопоставительном плане. Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие задачи: 1) выявлены временные формы глаголов в английском и русском языках, с помощью которых выражается одновременность; 2) представлена частотность употребления различных временных форм в сопоставляемых языках на примере конкретного глагола и союза. Для реализации поставленных задач были применены описательный и сопоставительный методы. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет выявить особенности выражения одновременности в двух разноструктурных языках. Научные результаты и теоретические положения, полученные в ходе работы, могут быть использованы в дальнейшем изучении симультанности. Практические результаты исследования могут быть использованы в преподавании функциональной семантики, общего и сопоставительного языкознания. Теоретической базой исследования послужили труды российских и зарубежных авторов, посвященные изучению выражения одновременности и ее категорий.

Ключевые слова: одновременность, временные формы глагола, английский язык, русский язык, союзы

Для цитирования: Антропова А. Формы времени глагола как средства выражения одновременности в английском и русском языках (на примере глагола «делать» и союза «когда») // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 7–12. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-7-12

Понятие «одновременности» является сложным по своему определению. Среди авторов, занимавшихся репрезентацией симультанности в русском языке, можно выделить таких исследователей, как А. В. Бондарко (2002), Н. С. Валгина (2002), О. Г. Тарасова (2004), В. А. Плунгян (2011), Г. Ф. Лутфуллина (2021). Проблематика категории одновременности в английском языке отражена в работах таких авторов, как Р. Деклерк (2006), К. Смит (2007), Б. Шмидтова (2004) и других. Необходимо учитывать, что возможны различные вариации толкования данного термина в научной литературе: симультанность, синхронность, сопряженность. Например, по В. Плунгяну, одновременность ситуаций предполагает сопряженность их временных интервалов и репрезентацию их в языке двумя предикатами [1, с. 237]. Анализ статей и работ по теме одновременности в английском языке показал, что наиболее часто для обозначения одновременности используется термин «simultaneity». Под ним в целом понимаются два события, происходящие в одно и то же время. Однако фактическое выражение одновременности является более сложным, чем то, что передается этим определением, так как степень пересечения событий может варьироваться, и одновременность часто выражается не только через явные, но и через неявные языковые средства, а также выводится с помощью контекста.

Существует различный объем совпадения интервалов времени ситуаций:

1. Полное совпадение (хронологическое совпадение начала и завершения действий) и неполное или частичное совпадение (пересечение двух событий только на протяжении определенного временного отрезка). При этом возможно множество вариантов употребления видовременных форм глагола. Возможен и такой вид частичного совпадения, когда события, не совпадая в своих началах, в дальнейшем накладываются друг на друга и осуществляются параллельно, то есть совместно:

We can hear it while we are taping it [2]. – *Мы можем слышать это, пока записываем* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи – А. А.).

2. Ограниченное и неограниченное совпадение (совпадение или несовпадение временных форм):

We'll go when you're ready [Там же]. – *Мы пойдем, когда ты будешь готов*.

Все из перечисленных типов одновременности возможны в реальном мире, однако считается, что полная одновременность встречается реже [3].

Одновременность в предложениях в английском языке может выражаться с помощью различных способов. Одним из них являются времена группы Continuous, который используется для описания процесса. Несмотря на то, что наличие глаголов в Continuous в предложении не является основным показателем одновременности, так как, например, существуют глаголы состояния (*hear, understand, know*), которые не употребляются в данной форме, однако благодаря использованию Continuous можно отметить, что действия происходили одновременно, что подтверждается примером, представленным ниже:

It was snowing when she reached the side-road marked on the map, and she heaved a sigh of relief when she spotted the dark shape of a cottage [2]. – *Шел снег, когда она добралась до проселочной дороги, отмеченной на карте, и она облегченно вздохнула, когда заметила темные очертания коттеджа* (здесь и далее разрядка наша – А. А.).

Также одновременность способна выражаться с использованием в предложениях различных союзов. В трудах российских и зарубежных авторов (см.: [3, с. 60–64], [4, с. 155–159], [5, с. 185–188]) широко освещалась взаимосвязь союзов и одновременности. Союз *when* как один из способов репрезентации одновременности в английском языке был изучен в исследованиях многих зарубежных авторов, таких как, например, Г. Карлсон (1979), Р. Деклерк (1988), Э. Купер-Кулен (1989), однако существовала необходимость более детального и полного анализа. В 1997 году Р. Деклерк в своей работе «*Whenclauses and temporal structure*», обобщая полученную информацию в сочетании с более детальным изучением особенностей союза *when*, подробно описывает различные интерпретации одновременности в предложениях с данным союзом [6]. Союз *when* может быть использован в предложениях как с короткими, так и с продолжительными действиями и глаголами состояния и занимать позицию в начале или в середине предложения, при этом действия могут совершаться как одним субъектом, так и разными. Однако при помощи данного союза в подобных предложениях также может выражаться последовательность действий, а не их одновременность.

В статье приводятся отдельные результаты поиска по временным формам глагола *to do* в сочетании с одним из союзов, с помощью которого присоединяется придаточное предложение, содержащее в себе другую одновременную ситуацию, – *when*. В качестве эквивалента в русском

языке представлены глагол *делать* и союз *когда*. Материалом исследования послужили: Британский национальный корпус The British National Corpus (далее – BNC) для английского языка, Национальный корпус русского языка (далее – НКРЯ) для русского языка. Для анализа было выбрано 50 примеров, данное количество облегчает подсчет процентного соотношения: 1 пример = 2%. Данные частотности представлены по отношению к выбранному количеству – 50. Глагол *делать* характеризуется высокой частотностью использования в речи и большим познавательным потенциалом.

Английский язык

Настоящее время

1) What do most people *do* when they *begin* to doubt? [2] – Что *делает* большинство людей, когда *начинает сомневаться*?

2) What do they *do* when their child *refuses* to get dressed in the morning? [Там же] – Что они *делают*, когда их ребенок *отказывается* одеваться по утрам?

3) 'What do you *do* when it *doesn't rain*?' [Там же] – Что ты *делаешь*, когда *не идет* дождь?

4) I open the window a crack and breathe in the coldness, as I *do when I am running* in the evenings [Там же]. – Я *приоткрываю* окно и *вдыхаю* холод, как *делаю*, когда *бегаю* по вечерам.

5) Presumably, this is what moths *are doing when they fly* into a candle and are burnt to death [Там же]. – По-видимому, это и *делают* мотыльки, когда *летят* к свече и *сгорают* дотла.

6) It can provide general lighting so you can move around safely and see more or less what you *are doing when it's* dark outside [Там же]. – Это может обеспечить освещение, поэтому вы можете безопасно перемещаться и видеть в большей или меньшей степени то, что *делаете*, когда на улице *темно*.

7) I lean against the window of the bus and watch the raindrops spatter down, just as I must *have done when I was* a kid [Там же]. – Я *прислоняюсь* к окну автобуса и *смотрю*, как *стекают* капли дождя, как я *наверняка делал*, когда *был* ребенком.

В приведенной ниже и в последующих таблицах использован следующий принцип организации данных. В первой колонке указана временная форма глагола главного предложения, во второй колонке указаны временные формы глаголов придаточного предложения. При этом первые цифры отображают номер примера, за ним следует процент примеров, представленных в данных временных формах глаголов.

Английский язык (настоящее время)	
Главное предложение	Придаточное предложение
Do when (Present Simple)	Present Simple (1-3) – 98%
	Present Continuous (4) – 2%
Are / am doing when (Present Continuous)	Present Simple (5-6) – 16%
Have done when (Present Perfect)	Past Simple (7) – 14%

В приведенных примерах представлены значения одновременности, эксплицированные союзом *when*. Используя данные таблицы, можно отметить, что в Present Simple превалирует (98%) реализация неограниченной одновременности, которая заметна в представленных примерах 1-3: *do - begin*, *do - refuses*, *do - doesn't rain*. Несмотря на то, что одновременные действия в сочетании настоящих времен Present Simple в главном и Present Continuous в придаточном предложениях довольно редки (только 2%), примеров с обратным использованием времен больше – 16%. Что касается времени Present Perfect, то необходимо отметить, что в отличие от остальных комбинаций времен (настоящее + настоящее) данное время выражает одновременность только в сочетании с прошедшим, а именно Past Simple, что, вероятно, связано с тем, что оно отражает действия, произошедшие в прошлом, но показывающие результат в настоящем времени.

Прошедшее время

8) The first thing that Daniel *did when he came back* into the room was to remove the record and switch off the gramophone [2]. – Первое, что *сделал* Даниэль, когда *вернулся* в комнату, это *вынул* пластинку и *выключил* граммофон.

9) She stood in the doorway with her hand on her hip as she always *did when she was angry* [Там же]. – Она стояла в дверях, положив руку на бедро, как *всегда делала*, когда *злилась*.

10) Then, as I often *did when I was* alone at sea, I began to recite Shakespeare [Там же]. – Тогда, как я часто *делал*, когда *был* на море один, я начал декламировать Шекспира.

11) He was aware of Slater drawing in a breath and putting his head back the way he always *did when he was rolling* his eyes [Там же]. – Он почувствовал, как Слейтер *втянул* воздух и *откинул* голову назад, как он *всегда делал*, когда *закатывал* глаза.

12) Do you remember what we *were doing when she was killed*? [Там же]. – Ты *помнишь*, что мы *делали*, когда она *была убита*?

13) Just as her mother *had done when she'd* arrived in Athens so many years before [Там же]. – Точно так же, как *сделала* ее мать, *когда приехала* в Афины много лет назад.

14) "It wasn't fair", she thought angrily, in the way that she *had done when she was* a child [Там же]. – «Это было несправедливо», – сердито подумала она, так, как она *делала*, *когда была* ребенком.

В качестве иллюстрации данных примеров используем таблицу ниже.

Английский язык (прошедшее время)	
Главное предложение	Придаточное предложение
Did when (Past Simple)	Past Simple (8-10) – 90%
	Past Continuous (11) – 10%
Were doing when (Past Continuous)	Past Simple (12) – 28%
Had done when (Past Perfect)	Past Perfect (13) – 6%
	Past Simple (14) – 54%

Аналогично ситуации в настоящем времени отмечаем, что наиболее распространенным видом одновременности в прошедшем времени является неограниченная одновременность, что подтверждается данными в таблице и выбранными примерами 8-10: *did - came back, did - was*. Однако, в отличие от настоящих времен, в данном случае одновременность реализуется только с использованием форм прошедших времен.

Будущее время

15) But do you know what you *will do when* you get there? [2] – Но знаешь ли ты, что *будешь делать*, *когда доберешься* туда?

16) She replied: 'No, but they *will do when I've finished this!*' [Там же]. – Она ответила: «Нет, но они *сделают* это, *когда я закончу!*»

В таблице отражены возможные времена, употребляющиеся совместно с будущим временем.

Английский язык (будущее время)	
Главное предложение	Придаточное предложение
Will do when (Future Simple)	Present Simple (15) – 14%
	Present Perfect (16) – 2%

Принимая во внимание анализ примеров и данных таблицы, можно отметить, что только при использовании комбинации форм будущего времени с настоящим, а именно Present Simple и

Present Perfect, возможна реализация одновременности, которая будет ограниченной.

Русский язык

Настоящее время

17) И это надо было видеть: она побледнела, сжала губы плотно, как я обычно *делаю*, *когда пытаюсь* удержаться от очередного плохого поступка, а потом резко указала на дверь. (Салават Вахитов. «Разорванное сердце Адель» // «Бельские просторы», 2013) [7]

18) Не будем распространяться об этом, а скажу тебе, что я, право, больше *делаю*, *когда мажу* свои картины, *бренчу* на рояле и даже *когда поклоняюсь* красоте... (И. А. Гончаров. «Обрыв» (1869) [Там же])

В данных таблицы, представленной ниже, отмечается, что одновременность является неограниченной.

Русский язык (настоящее время)	
Главное предложение	Придаточное предложение
Делаю, когда (Настоящее)	Настоящее (17-18) – 20%

Настоящее время в русском языке коррелирует со следующими временами в английском: Present Simple, Present Continuous. В отличие от настоящего времени иностранного языка, в котором примеров с симультанностью было достаточное количество, в русском языке отмечается меньшая распространенность.

Прошедшее время

19) Он рассказал мне, что *делал*, *когда я отсутствовал*. (И. С. Тургенев. «Ася» (1858) [7].

20) Он всегда так *делал*, *когда хотел* что-то обдумать. (Федор Абрамов. «Две зимы и три лета» (1968)) [Там же].

21) Почему он раньше этого не *делал*, *когда только присоединился* к нам отряд Небогатова? (А. С. Новиков-Прибой. «Цусима» (1932-1935)) [Там же].

22) Ведь ежели правду сказать, что он *делал*, *когда она столкнулась* с ним на крыльце магазина? (Федор Абрамов. «Алька» (1971)) [Там же].

23) Что, вы думаете, этот старшина *сделал*, *когда я его побрил, попудрил*, *сделал* все на первый сорт? (Н. А. Островский. «Как закалялась сталь» (1930-1934)) [Там же].

24) Со дня на день должен был появиться из Красноярска я и остановиться у Берсенева! Что я и *сделал*, *когда приехал*. (Эдуард Лимонов. «Книга воды» (2002)) [Там же].

25) Именно такую оплошность он *сделал*, *когда устраивал* последнюю квартиру. (Ф. М.

Степняк-Личкус [перевод книги С. М. Степняка-Кравчинского с английского]. Андрей Кожухов (1898)) [Там же].

26) Он премного полезного нам *сделал*, *когда* мы за морем *пребывали*. (Ю. П. Герман. «Россия молодая». Часть вторая (1952)) [Там же].

Как в Past Simple, так и в прошедшем несовершенном, высок процент выражения неограниченной одновременности – 90% и 84% соответственно, что отражено в таблице ниже.

Русский язык (прошедшее время)	
Главное предложение	Придаточное предложение
Делал, когда (Прошедшее несовершенное)	Прошедшее несовершенное (19-20) – 84%
	Прошедшее совершенное (21-22) – 14%
Сделал, когда (Прошедшее совершенное)	Прошедшее совершенное (23-24) – 38%
	Прошедшее несовершенное (25-26) – 8%

Прошедшее время русского языка соотносится с английским следующим образом: прошедшее несовершенное – Past Simple, Past Continuous, Present Perfect Continuous, Past Perfect Continuous (примеров последних двух не обнаружено); прошедшее совершенное – Past Perfect.

Будущее время

27) А Маша мне стихи прислала: «Если облако ты белое, тогда я полевой цветок, все для тебя я *сделаю*, *когда* придет любви моей срок». (Василий Аксенов. «Пора, мой друг, пора» (1963)) [Там же].

28) Я и сам так *сделаю*, *когда* буду проходить мимо. (В. В. Голявкин. «Рисунки на асфальте» (1965)) [Там же].

29) — Ды что же я *сделаю*, *когда* человек *спит* навзничь? (Г. И. Успенский. «В деревне (Летние сцены)» (1865)) [Там же]

30) Да и какую фигуру я *буду делать*, *когда* буду туда *лезть*, а на меня еще кто-нибудь, пожалуй, будет смотреть... (Ф. М. Достоевский. «Крокодил» (1865)) [Там же].

31) Что я с ним *буду делать*, *когда* сойдем? (Майя Ганина. «По Витиму — на материк...» (1963)) [Там же].

Ниже приводятся полученные из примеров данные в процентном соотношении.

Русский язык (будущее время)	
Главное предложение	Придаточное предложение
Сделаю, когда (Будущее совершенное)	Будущее совершенное (27) – 8%

Буду делать, когда (Будущее несовершенное)	Будущее несовершенное (28) – 4%
	Настоящее (29) – 2%
	Будущее несовершенное (30) – 2%
	Будущее несовершенное (31) – 20%

Будущее совершенное время обычно соотносится с Future Simple и Future Perfect, однако примеров употребления данного времени в сочетании с исследуемыми глаголом и союзом обнаружено не было. Аналогично английскому языку одновременность возможна при сочетании будущего и настоящего времен, однако в английском языке она распространена больше – 14% против 2%. Будущее несовершенное коррелируется с Future Continuous, однако сравнение не представляется возможным ввиду отсутствия примеров в иностранном языке.

Исходя из анализа, проведенного ранее, можно сделать следующие выводы. Полученные данные указывают на то, что рассматриваемые глагол и союз в обоих языках способны выражать как ограниченную, так и неограниченную одновременность. При использовании союза *when* и глагола *do* одновременность выражается чаще всего в настоящем времени – 98%, когда в обеих частях предложения действия выражены с помощью времени Present Simple. В русском языке при использовании союза *когда* и глагола *делать* частотность выражения одновременности выше в прошедшем времени, когда в обеих частях прошедшее несовершенное время – 84%.

Список источников

1. Плузьян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
2. The British National Corpus URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (дата обращения: 05.09.2023)
3. B. Schmiedtova At The Same Time: The Expression Of Simultaneity In Learner Varieties (Studies on Language Acquisition) / B. Schmiedtova: Ponsen & Looijen BV, Wageningen, 2004. 296 p
4. Broccias Cristiano. Imperfectivity and Transience: The Two Sides of the Progressive Aspect in Simultaneity as- and while-clauses. Journal of English Linguistics № 36. 2008. Pp. 155– 178
5. Declerck Renaat. A functional typology of English when-clauses. Functions of Language. 3. 1996. Pp.185–234
6. Declerck R When-clauses and temporal structure. Routledge, 1997. 312 p.
7. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 05.09.2023)

References

1. Plungyan, V. A. (2003). *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction to the Subject]. Uchebnoe posobie. 384 p. Moscow, Editorial URSS. (In Russian)
2. *The British National Corpus*. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk> (accessed: 05.09.2023). (In English)
3. Schmiedtova, B. (2004). *At The Same Time: The Expression of Simultaneity in Learner Varieties*. (Studies on Language Acquisition). B. Schmiedtova: Ponsen & Looijen BV. 296 p. Wageningen. (In English)
4. Broccias, Cristiano. (2008). *Imperfectivity and Transience: The Two Sides of the Progressive Aspect in Simultaneity*. Journal of English Linguistics. No. 36, pp. 155–178. (In English)
5. Declerck, R. (1996). *A Functional Typology of English When-Clauses*. Functions of Language. No. 3, pp.185–234. (In English)
6. Declerck, R. (1997). *When-Clauses and Temporal Structure*. 312 p. Routledge. (In English)
7. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. <https://ruscorpora.ru> (accessed: 05.09.2023). (In Russian)

The article was submitted on 17.10.2023
Поступила в редакцию 17.10.2023

Антропова Анастасия Евгеньевна,
аспирант,
Казанский государственный энергетический
университет,
420066, Россия, Казань,
Красносельская, 51.
you4375@yandex.ru

Antropova Anastasia Evgenievna,
graduate student,
Kazan State Power Engineering University,

51 Krasnoselskaya Str.,
Kazan, 420066, Russian Federation.
you4375@yandex.ru

УДК 811.512.157

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-13-18

СИСТЕМА МОНО- И ПОЛИЛЕКСЕМНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ОПИСЫВАЮЩИХ ОТМЕТИНЫ ГОЛОВЫ ЛОШАДИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ

© Алла Божедонова, Гаврил Филиппов

THE SYSTEM OF MONO-AND POLYLEXEME ADJECTIVES DESCRIBING HORSE HEAD MARKINGS IN THE SAKHA LANGUAGE

Alla Bozhedonova, Gavril Filippov

This article presents a system of adjectives, describing horse head markings in the Sakha language, based on structural and lexical-semantic analysis. The relevance of the study is conditioned by the fact that so far, the names of horse head markings in the Sakha language have not been systematized. The study uses 25 names extracted from lexicographic sources. To clarify the etymology of the names, we involved lexical parallels from the Mongolian, Buryat, Evenki and Even languages. E. A. Kosykh's theory served as an idea for developing the system. The study showed that 7 analyzed color-designations consist of one lexeme and belong to monolexeme names, which are used separately from horse coat colors. We have established that polylexemic color-definitions, which are represented by 18 names, are formed by adding two components where one of the components is a clarifying component and the other is a supporting one. As the analysis has shown, the clarifying component is expressed by the bases of nouns denoting various phenomena: objects and animals. By developing the system of names for horse head markings we get a broader and more complete picture of color designations describing horse colors in the Sakha language.

Keywords: adjectives, color designations, horse markings, horse colors, horse coats, horse heads, Sakha language

В статье на основе структурного и лексико-семантического анализа разрабатывается система имен прилагательных, описывающих отметины головы лошади в якутском языке. Актуальность исследования обуславливается тем, что до настоящего времени названия отметин головы лошади в якутском языке не подвергались систематизации. Материалом исследования послужили 25 наименований, извлеченных из лексикографических источников. Для уточнения этимологии названий привлекаются лексические параллели из монгольского, бурятского, эвенкийского и эвенского языков. Идеей разработки системы послужила теория Е. А. Косых. Исследование показало, что 7 проанализированных цветообозначений состоят из одной лексемы и относятся к монолексемным названиям, которые употребляются отдельно от названий мастей. Установлено, что полилексемные цветообозначения, которые представлены 18 названиями, образуются путем сложения двух компонентов, где один из компонентов уточняющий, а другой выступает опорным компонентом. Как показал анализ, уточняющий компонент выражен основами имен существительных, обозначающих самые разные явления: предметы, животные. Разработка системы названий отметин головы лошади дала возможность получить более широкое и полное представление о цветообозначениях, описывающих масти лошади в якутском языке.

Ключевые слова: имена прилагательные, цветообозначения, отметины лошади, масти лошади, голова лошади, якутский язык

Для цитирования: Божедонова А., Филиппов Г. Система моно- и полилексемных имен прилагательных, описывающих отметины головы лошади в якутском языке // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 13–18. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-13-18

Колоративная лексика выступает уникальной лексико-семантической группой, состоящей из единиц, служащих для обозначения цвета. Среди них можно выделить слова, применяющиеся лишь в определенной области и представляющие собой обособленную терминологическую систе-

му. Одной из них является система наименований мастей лошади, которая в языках коневодческих народов занимает особое место. Народ саха издавна занимается табунным коневодством. В жизнедеятельности народа лошадь играет важную роль, выступает основным источником жизнеобеспечения (транспорт, еда, одежда и др.). Кроме того, лошадь, по воззрениям якутов, является священным животным. Поэтому в якутском языке имеется большое количество названий разнообразных мастей лошади, которое требует тщательного изучения.

К сожалению, значительное большинство якутских названий мастей лошади утрачивается и уходит в пассивный запас. Как показали наши наблюдения, коневоды при определении цвета кожи и окраса волосяного покрова лошади ограничиваются лишь несколькими наименованиями. Это обстоятельство побудило нас к исследованию данной колоративной группы якутского языка как особой терминологической системы.

В рамках данной статьи на основе анализа структурных и лексико-семантических признаков разрабатывается система названий отметин головы лошади в якутском языке. Материал для исследования был собран в ходе анализа якутских лексикографических источников, в результате которого нами зафиксировано 25 наименований, описывающих отметины головы лошади в якутском языке. Необходимо отметить, что данная лексическая группа ранее не подвергалась систематизации. Собранный материал впервые вводится в научный оборот.

Идея данной системы лежит в основе хорошо известной теории Е. А. Косых. По определению исследователя, структура цветообозначений представляется такими номинативными единицами, как: а) простые прилагательные; б) сложные прилагательные, состоящие из двух или трех корней-основ, представляющих собой названия равноправных цветов и оттенков или названия цвета с уточнением его интенсивности; в) сложные цветообозначения со структурой «сущ. цвет + имя сущ. в и. п.»; г) сложные цветообозначения со структурой «сущ. цвет + имя прилаг. + имя сущ. в и. п.» [1, с. 28].

При этом в составлении системы учитываются цвет фонового окраса масти, цвет хвоста и гривы, местоположение отметины. Благодаря такому подходу, можно добиться четкой структуризации системы цветообозначений и точного обозначения отметин, расположенных на голове лошади.

Масть лошади, являясь ее основным опознавательным признаком, определяется цветом покровных волос головы, шеи, корпуса и

конечностей, волос гривы, хвоста, а также кожи и глаз. В определении масти лошади важное место занимает точная характеристика цвета масти и описание отметины. Отметинами называют врожденные пятна и полосы различной формы и величины на голове, туловище и конечностях. Они помогают различать лошадей, имеющих одинаковую масть. Отметины могут быть белые, цветные с белым, телесного и темного цветов. Чтобы легче было описать внешность и понять, о какой лошади говорят, разные типы отметин имеют свои названия.

Обнаруженные нами якутские названия отметин на голове лошади необходимо разделить на две группы: 1) моноксемные единицы, 2) полилексемные единицы. Такой подход обуславливает рассмотрение не только грамматической структуры образования цветообозначений, но и позволяет раскрыть их семантическую особенность.

Моноксемные названия отметин головы лошади в якутском языке

С лингвистической точки зрения названия отметин, которые состоят из одного слова, отнесены к простым моноксемным именам прилагательным.

1. *Манаас* – ‘лысина’. В толковом словаре якутского языка (далее – БТСЯЯ) дается следующее определение лексической единицы *манаас* – с белой отметиной на морде независимо от масти (о домашних животных) [2, т. 6, с. 222]. В некоторых улусах Якутии данная лексическая единица употребляется только для обозначения окраса рогатого скота, но подтверждением того, что с древних времен лексема *манаас* используется и для обозначения отметины лошади, является наличие дефиниции в словаре Э. К. Пекарского: *манаас*=*мабаас* ‘белоголовый, беломордый, белорылый (о животных)’; *манаас сылгы* – ‘лошадь с белым лбом’; *манаас ынах* – ‘белобрывая корова’ [3, т. 2, с. 1563]. В иппологии данная отметина обозначается термином «лысина».

Согласно описанию в БТСЯЯ, лексическая единица *манаас* ‘лысина’ может быть заимствована из монгольского *манхан* – ‘со звездочкой на лбу (напр., о лошади)’ [2, т. 6, с. 222]. В лексическом значении монг. *манхан* наблюдается сужение значения слова. В этимологическом словаре монгольских языков дается следующее определение: MANGQAN (*mangqa-n): халх. *манх(ан)*, *бархан*, *манхан* – ‘со звездочкой на лбу (например, лошадь)’; калм. *маңхн* – ‘светлоголовый; светлое пятно (например, на лбу); холм, покрытый светлым песком’ [4, т. 2, с. 162].

2. *Туоһахта* – ‘звезда’. Звезда – это отметина на лбу лошади, часто в форме маленькой звездочки. Она может быть маленькой и едва заметной или занимать большую площадь. Звезда может быть белой, рыжей, темной или любого другого цвета, отличающегося от окраса остальной части головы лошади. В толковом словаре якутского языка лексема *туоһахта* обозначает «белое пятно (звёздочка) на лбу у животных» [2, т. 9, с. 141]. Также данная лексическая единица обозначает серебряную или металлическую круглую чеканную бляху, украшающую лобную часть женской национальной шапки – *дьабака* [Там же]. Отмечается, что *туоһахта* имеет сакральное значение. В народе имеются предположения, что жеребенка со звездой на лбу считали животным «с печатью высших сил». Аналогично бляхе, украшающей лобную часть женской национальной шапки – *дьабака*, имеет защитную функцию. В. Л. Серошевский отмечает, что в верхушке женской якутской шапки спереди нашивают серебряную круглую чеканенную пластинку – *тусахта* [5, с. 317]. По форме данная отметина бывает круглой.

В толковом словаре якутского языка для сравнения дается маньчж. *тоси* – ‘белое пятно на лбу животного’ [2, т. 9, с. 141]. Лексические значения данных единиц аналогичны. Стоит отметить, что в эвенкийском языке данное значение определяется как *осикта* – ‘звездочка’ [6, с. 36]. В эвенском языке отметина на лбу у оленя называется *тосалан* – ‘пятно у оленя на лбу’ [7, с. 189]

3. *Ураанньык* – ‘узкая проточина’. В якутском языке лексическая единица *ураанньык* обозначает светлое пятно, светлую полосу вдоль всей морды животного, от лба до носа [2, т. 8, с. 248].

4. *Малааннаах* – ‘проточина’. Белая полоска на переносице, начинающаяся на уровне глаз или ниже, соединенная или не соединенная со звездой на лбу, кончающаяся на верхней губе или захватывающая и нижнюю губу. Прилагательное *малааннаах* обозначает «имеющий белое пятно или белую полосу на лбу (о масти лошади)» [2, т. 6, с. 206]. Стоит отметить, что проточина бывает двух видов: проточина (широкая) и узкая проточина. В якутском языке данные отметины обозначаются разными лексическими единицами: *ураанньык* – ‘узкая проточина’ и *малааннаах* – ‘широкая проточина’.

В толковом словаре якутского языка для сравнения дается монг., бур. *малаан* – ‘лысый, плешивый’ [Там же]. В лексическом значении монг. *малаан* наблюдается расширение значения

слова. В этимологическом словаре монгольских языков указывается следующее: *MAŁAγAN* (**mala-γan*, в рукописях часто *maliyan*): бур. *малаан* – ‘лысый, плешивый; широколобый’ [4, т. 2, с. 158].

5. *Тыыркыннаах* – диалектное слово, которое обозначает «имеющий узкую белую полосу на морде» [2, т. 11, с. 437].

6. *Мэрдьэһнээх* – ‘белизна на губах’. Пятна на губах лошади, которые представляют собой депигментированную кожу розового или белого цвета. Лексическая единица *мэрдьэһнээх* имеет только одно лексическое значение – «со светлыми губами (о лошади)» [2, т. 6, с. 417].

7. *Мөһүөттэй* – ‘белизна на храпе’. Белизна (седина, сединка) между ноздрями (может быть светло-розового цвета – пятно телесного цвета). В словаре значение слова *мөһүөттэй* определяется следующим образом: ‘белый пигмент, пятно на храпе лошади’ [Там же, т. 6, с. 320].

Полилексемные названия отметин головы лошади в якутском языке

Отметины, у которых название состоит из двух или более лексических единиц, отнесены к сложным полилексемным именам прилагательным. В них указывается уточняющий и опорный компонент. Данная группа названий рассматривается по трем структурным особенностям:

А) Сложные цветообозначения, в структуре которых выделяются два корня-основы, представляющие собой названия масти с уточнением его тона: имя прилагательное + имя прилагательное (цвет).

1. *Кэлтэгэй маҥаас* – ‘односторонняя лысина’. Значение данного наименования в словаре определяется как «белая отметина на одной стороне лицевой части (о масти лошадей, крупного рогатого скота)» [2, т. 6, с. 223]. Уточняющий компонент – прилагательное *кэлтэгэй* – «ущербный (месяц), имеющий только одну сторону, один бок» [2, т. 5, с. 476]; опорный компонент – *маҥаас* – ‘лысина’.

2. *Хагдан маҥаас* – ‘с блеклой лысиной’. Данная отметина представлена в виде белого пятна с примесью волосков цвета фонового окраса лошади. Уточняющий компонент – прилагательное *хагдан* – означает «увядший, поблёкший, высохший» [2, т. 8, с. 175]; опорный компонент *маҥаас* – ‘лысина’.

3. *Хаччабай маҥаас* – ‘односторонняя лысина’. Так называется отметина на одной стороне лицевой части независимо от масти (животное такой масти обычно называли «божьей тварью») [2, т. 6, с. 223]. Односторонняя лысина захватывает обе губы и левый глаз лошади.

Уточняющий компонент: прилагательное – *хаччабай* – ‘облысевший, лысеющий’ [2, т. 8, с. 370]; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

4. *Хатыр тумус* – ‘лисий нос’. Рыжеватая морда (напр., лошади). Уточняющий компонент – прилагательное *хатыр* в значении – «шероховатый» [2, т. 5, с. 370]; опорный компонент: *тумус* – ‘клюв’ [Там же, т. 1, с. 107].

5. *Туорай туюхахта* – ‘поперечная звезда’. Поперечная звезда, наклоненная влево (или вправо), на уровне глаз, смещенная вниз (или вверх), влево (или вправо). Уточняющий компонент: существительное *туорай* – ‘поперечный’ [2, т. 11, с. 134]; опорный компонент: *сулус* – ‘звезда’.

6. *Туорай турабас* – ‘гнедая с поперечной звездой’. Уточняющий компонент: существительное *туорай* – ‘поперечный’ [Там же]; опорный компонент: *турабас* – ‘гнедая’.

Б) Сложные цветообозначения, в структуре которых выделяется два корня-основы цветовых прилагательных в равноправном значении: имя прилагательное (цвет) + имя прилагательное (цвет). Данные сложные полилексемные цветообозначения образуются путем сложения двух компонентов, где один из компонентов уточняющий (основная масть лошади), а другой – опорный компонент (отметина).

1. *Аалай манаас* – ‘красноватая лысина’. Тёмно-рыжий с белой отметиной на лицевой или лобной части (о масти лошадей, крупного рогатого скота) [2, т. 6, с. 222]. Уточняющий компонент: цветообозначение *аалай* – ‘ярко-красный, алый; румяный (цвет)’ [Там же, т.1, с. 136]; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

2. *Арабас манаас* – ‘соловая с лысиной’. Бледно-рыжая лошадь с белой отметиной на лицевой, лобной части (о масти лошадей, крупного рогатого скота) [Там же, т. 6, с. 222]. Уточняющий компонент: прилагательное *арабас* – ‘соловая (о масти лошади)’ [Там же, т. 1, с. 519]; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

3. *Кугас манаас* – ‘рыжая с лысиной’. Рыжая лошадь с белой отметиной на лицевой, лобной части [Там же, т. 6, с. 222]. Уточняющий компонент: прилагательное *кугас* – ‘рыжий (о масти лошади)’; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

4. *Күрэн манаас* – ‘бурая с лысиной’. Лошадь бурой масти с белой отметиной на лицевой, лобной части (о масти лошадей). Уточняющий компонент: прилагательное *күрэн* – ‘бурый, красноватый’ [Там же, т. 5, с. 101]; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

5. *Манаас чуобур* – ‘чубарая с лысиной’. Основная масть лошади – чубарая, имеет белую

широкую полосу на морде. Уточняющий компонент: прилагательное *чуобур* – ‘пёстрый, чубарый (об окрасе животных)’ [Там же, т. 14, с. 234]; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

6. *Хара манаас* – ‘вороная с лысиной’. Вороная лошадь с белой отметиной на лицевой, лобной части (о масти лошадей, крупного рогатого скота) [Там же, т. 6, с. 223]. Уточняющий компонент: прилагательное *хара* – ‘вороной (о масти лошади)’. Чёрная окраска всего туловища, головы, конечностей, гривы и хвоста [3, т. 3, с. 3330]; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

В) Сложные цветообозначения со структурой: имя существительное + имя прилагательное (цвет). В данных цветообозначениях уточняющий компонент выражен именем существительным, а опорный компонент – именем прилагательным, описывающим отметину лошади.

1. *Күнүнэн туюхахта* – ‘круглая звезда’. Белое круглое пятно на лбу лошади. Звезда бывает разного размера и любой формы. Из-за округленной формы данной отметины якуты называли круглую звезду *күнүнэн туюхахта*, что дословно переводится как ‘солнцем (солнечная) звезда’. К самому солнцу якуты относились с великим почтением. Солнце в традиционных верованиях якутов было белого цвета.

Уточняющий компонент: существительное *күн* – ‘солнце’ [2, т. 4, с. 631]; опорный компонент: *туюхахта* – ‘звезда’.

2. *Тумарык маңаас* – ‘с полумрачной лысиной’. В белой широкой полосе присутствуют волоски с окраской фоновой масти. Уточняющий компонент: существительное *тумарык* – ‘непрозрачный воздух (из-за тумана, пыли, дыма, сумерек)’ [Там же, т. 11, с. 101]; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

3. *Хаас тумус (тумустаах)* – ‘подпалина’. Белый окрас верхней губы, ноздри у лошади. Данная лексическая единица является диалектным словом. Уточняющий компонент: существительное *хаас* – ‘водоплавающая птица из отряда гусеобразных, семейства утиных (может быть одомашненной), гусь’ [Там же, т. 13, с. 137]; опорный компонент: *тумус* – ‘клюв’ [Там же, т. 11, с. 107].

4. *Харыады маңаас* – ‘с полумрачной лысиной’. В белой широкой полосе присутствуют темные волоски оттенком фоновой окраски. Уточняющий компонент: существительное *харыады*; опорный компонент: *манаас* – ‘лысина’.

5. *Ый туюхахта* – ‘неправильная звезда’. Неправильная звезда – отметина в виде

полумесяца. Пятно, напоминающее полумесяц на лбу, в якутском языке называется *ый туюһахта*. Уточняющий компонент: существительное *ый* – ‘светящееся ночью отражённым солнечным светом небесное тело, луна’ [Там же, т. 14, с. 357]; опорный компонент: *туюһахта* – ‘белое пятно (звёздочка) на лбу у животных’ [Там же, т. 11, с. 141].

6. *Кулгаах кэрэтэ* – ‘светлая или темная каемка вдоль верхнего края ушей у лошади’ [Там же, т. 4, с. 455]. Уточняющий компонент: *кулгаах* – ‘уши’ [Там же, т. 4, с. 452]; опорный компонент: *кэрэ* – ‘молочно-серый’ [Там же, т. 5, с. 549].

Данные сложные полилексемные имена прилагательные образуются путем сложения двух компонентов, где один из компонентов уточняющий, а другой опорный компонент. В якутском языке уточняющий компонент выражен основами имен существительных, обозначающих самые разные явления: предметы, животных. Можно предположить, что некоторые отметины были названы по сходству с любым предметом реальной жизни, обладающим подобным цветом. Стоит отметить, что данные цветообозначения со временем могут пополняться за счет включения в их структуру множества существительных.

В рамках данного исследования нами выявлено всего 25 лексических единиц, обозначающих белые отметины на голове лошади, из которых 7 названий отметин состоят из одной лексемы и отнесены нами к монологическим названиям. Данные названия употребляются отдельно от названий мастей. 18 названий состоят из двух лексем, поэтому отнесены к полилексемным названиям. Полилексемные имена прилагательные включают в себя самостоятельные названия отметин, например: *манаас* – ‘лысина’ имеет следующие разновидности: *кэлтэгэй манаас* – ‘односторонняя лысина’, *хагдан маңаас* – ‘с блеклой лысиной’, *хаччабай манаас* – ‘односторонняя лысина’, *аалай манаас* – ‘красноватая лысина’, *арабас манаас* – ‘соловая с лысиной’, *кугас манаас* – ‘рыжая с лысиной’, *күрэн манаас* – ‘бурая с лысиной’, *хара манаас* – ‘вороная с лысиной’, *тумарык маңаас* – ‘с полумрачной лысиной’, *харыады мабаас* – ‘с полумрачной лысиной’. Стоит отметить, что сложные прилагательные со структурой «имя прилагательное (цвет) + имя прилагательное (цвет)» учитывают основную масть лошади: *аалай манаас* – ‘красноватая лысина’,

арабас манаас – ‘соловая с лысиной’ и др. В данной группе наблюдаются только названия отметин, обозначающих лысину на голове лошади. Также имеются сложные прилагательные, которые были названы с учетом формы отметин: *кэлтэгэй манаас* – ‘односторонняя лысина’, *туорай туюһахта* – ‘поперечная звезда’, *күнүнэн туюһахта* – ‘круглая звезда’, *ый туюһахта* – ‘неправильная звезда’; с учетом оттенка отметины: *хагдан маңаас* – ‘с блеклой лысиной’, *тумарык маңаас* – ‘с полумрачной лысиной’; с учетом местоположения отметины: *хатыр тумус* – ‘лисий нос’, *хаас тумус (тумустаах)* – ‘подпалина’. Однако отметины на голове лошади имеют различные вариации: *кэлтэгэй манаас* / *хаччабай манаас* – ‘односторонняя лысина’; *тумарык маңаас* / *харыады мабаас* – ‘с полумрачной лысиной’.

Названия мастей лошади содержат в себе глубокий, богатый и весьма разнообразный смысл, в котором важно четко знать и понимать значение слова не только по материалам словарей и терминологических источников, но и по внешнему описанию лошади. Таким образом, разработка системы названий отметин лошади, основанная на комплексном анализе, позволит дать более широкое и полное представление о цветообозначениях, описывающих масти лошади в якутском языке.

Список источников

1. Косых Е. А. Система цветообозначений в русском языке // Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. 2002. № 2-2. С. 28–34.
2. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Новосибирск: Наука, 2004–2018.
3. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
4. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016–2018.
5. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Москва: Ассоц. «Рос. полит. энцикл.», 1993. 713 с.
6. Василевич А. П. Языковая картина мира цвета (Методы исследования и прикладные аспекты): дис. ... в виде науч. докл. ... д-ра. филол. наук: Москва, 2003. 95 с.
7. Ришес Л. Д. Русско-эвенский словарь. М.: Учпедгиз, 1950. 259 с.

References

1. Kosykh, E. A. (2002). *Sistema tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [System of Color Designations in the Russian Language]. Vestnik Barnaul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. No. 2–2, pp. 28–34. (In Russian)
2. *Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka: v 15 t.* (2004–2018) [Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language: In 15 Vol.]. Novosibirsk, Nauka. (In Russian)
3. Pekarsky, E. K. (1959). *Slovar' yakutskogo yazyka: v 3 t.* [Dictionary of the Yakut Language: In 3 Vol.]. Leningrad, izd. AN SSSR. (In Russian)
4. *Etimologicheskii slovar' mongol'skih yazykov: v 3 t.* (2016–2018) [Etymological Dictionary of Mongolian Languages: In 3 Vols.]. Moscow, IV RAS. (In Russian)
5. Seroshevsky, V. L. (1993). *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: Experience of Ethnographic Research]. 713 p. Moscow. (In Russian)
6. Vasilevich, A. P. (2003). *Yazykovaya kartina mira tsveta (Metody issledovaniya i prikladnye aspekty): dis. ... dokt. filol. nauk* [The Linguistic Picture of the World of Color (Research Methods and Applied Aspects): Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 95 p. (In Russian)
7. Rishes, L. D. (1950). *Russko-evenskii slovar'* [Russian-Even Dictionary]. 259 p. Moscow, Uchpedgiz. (In Russian)

The article was submitted on 29.08.2023

Поступила в редакцию 29.08.2023

Божедонова Алла Евгеньевна,
научный сотрудник,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова,
677000, Россия, Якутск,
Белинского, 58.
bozhedonova2015@mail.ru

Филиппов Гаврил Гаврильевич,
доктор филологических наук,
профессор,
Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова,
677000, Россия, Якутск,
Белинского, 58.
filippovgg@mail.ru

Bozhedonova Alla Evgenievna,
Researcher,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal
University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 677000, Russian Federation.
bozhedonova2015@mail.ru

Filippov Gavril Gavrilevich,
Doctor of Philology,
Professor,
M. K. Ammosov North-Eastern Federal
University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 677000, Russian Federation.
filippovgg@mail.ru

УДК 81'22+ 811.161.1+811.411.21+811.111
DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-19-23

АЛЛОМОРФНЫЕ И ИЗОМОРФНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЫ В РУССКОМ, АРАБСКОМ, АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

© Евгения Гилёва

ALLOMORPHIC AND ISOMORPHIC FEATURES OF LEXICAL BORROWINGS IN THE ECONOMIC SPHERE IN RUSSIAN, ARABIC AND ENGLISH

Evgeniya Gilyeva

The scientific linguistic understanding of adequate communication is important for implementing business projects on different aspects of economic partnership and collaboration. The article studies comparative lexical borrowings in differently structured languages: Russian, Arabic and English. Using economic vocabulary, we examine allomorphic and isomorphic features in unrelated languages based on the comparative method. The purpose of this research is to identify similar and different features in the process of lexical borrowing in the data systems of three languages. Among the main isomorphic features, the article presents the following ones: a large number of early borrowings in the economic sphere in the form of the product naming, a significant number of early borrowings in the economic sphere from Greek, Latin, French and Italian, the presence of mutual borrowings related to the group of product categories, trade relations, the presence of the international vocabulary, etc. Allomorphic features are identified in the peculiarities of assimilation of a foreign word in receptor languages, in the presence or absence of intra-linguistic borrowings, in the various adaptation differences of borrowings at phonetic, semantic, morphological levels, etc. The article focuses on the understanding of adequate ways of communication in the implementation of business economic projects, which take into account both the regulations of business companies in European countries and the requirements of partners in the eastern regions, representatives of Arab countries. Our practically oriented results can be implemented in the educational methodological literature for the professionals in economics, philologists, Russianists, Arabists, Anglicists, translators, etc.

Keywords: economic sphere borrowings, borrowings in Russian, borrowings in Arabic, borrowings in English, allomorphic features, isomorphic features

В современных условиях при реализации бизнес-проектов по различным аспектам экономического сотрудничества важное значение имеет научное лингвистическое понимание адекватных способов коммуникации. Статья посвящена проблемам сопоставительного исследования лексических заимствований в разноструктурных языках: современном русском, арабском литературном, современном английском. На примере экономической лексики автор рассматривает алломорфные и изоморфные признаки в неродственных языках на основе сравнительно-сопоставительного метода. В данном исследовании выявляются сходные и различные признаки процесса заимствования лексики экономической сферы в системах данных трёх языков. Среди основных изоморфных признаков автор выделяет такие, как представленность ранних заимствований экономической сферы в виде номинации (товаров, участников товарообмена); наличие в трёх языках греческих, латинских, французских и итальянских заимствований экономической сферы; присутствие взаимных заимствований, относящихся к группе номинаций товаров, торговых отношений; присутствие интернационального фонда лексики и др. Алломорфные признаки проявляются в особенностях ассимиляции иностранного слова в языках-преемниках, в наличии или отсутствии внутриязыковых заимствований, в разнообразных адаптационных различиях заимствований на фонетическом, семантическом, морфологическом уровнях и т. д. Автор делает акцент на осмыслении адекватных способов коммуникации при реализации деловых экономических проектов, которые ориентированы не только на регламент бизнес-компаний европейских стран, но и на требования партнёров восточных регионов, представителей арабских стран. Практическая ориентация полученных автором результатов может найти применение в подготовке учебной методической литературы для

специалистов в области экономики, для филологов, русистов, арабистов, англистов, переводчиков и др.

Ключевые слова: заимствования в экономической сфере, заимствования в русском языке, заимствования в арабском языке, заимствования в английском языке, алломорфные признаки, изоморфные признаки

Для цитирования: Гилева Е. Алломорфные и изоморфные особенности заимствований экономической сферы в русском, арабском, английском языках // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 19–23. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-19-23

В современных условиях особенно важную роль приобретает научное лингвистическое осмысление адекватных способов коммуникации в процессе реализации деловых проектов по различным аспектам экономической коллаборации, при этом ориентированы они не только на регламент бизнес-кампаний европейских стран, но и на требования партнеров восточных регионов. Возникающие разночтения в протоколах, недопонимания в пояснительных записках к экономическим проектам, в коносаментх, страховых, банковских и других важных документах – все это сегодня вызывает особую озабоченность у стремящихся к мирному разрешению разнообразных конфликтных ситуаций представителей мирового сообщества. Исследуя заимствования в экономической сфере разноструктурных языков – современного русского, арабского литературного, современного английского – следует упомянуть социальный заказ на разработку проектов, ориентированных на научное осмысление огромного потока информации экономического содержания, который сегодня отвечает вызовам нашего сложного времени, с одной стороны, а с другой – стимулирует исследователей на поиски нетривиальных решений по упорядочиванию и систематизации информационных маркеров, объективно отражающих обновленные реалии современной жизни в экономической сфере. Сегодня особенно важно сохранять и развивать терминологический инструментальный мирного сотрудничества в сфере экономической коммуникации, так как это является одним из основных способов урегулирования разногласий между странами с высокоразвитой экономикой.

В данной работе мы рассматриваем признаки изоморфизма и алломорфизма особенностей заимствований экономической сферы в трех разноструктурных языках, поэтому с целью проведения сопоставительного анализа заимствований мы обратились к современным текстам экономической проблематики (русским, арабским, английским), интернет-сайтам, бизнес-переписке из личного архива, а также к разнообразным (терминологическим, этимологическим, энциклопедическим) словарям русского языка, арабского

языка, английского языка (см. [1], [2], [3], [4], [5]). Для осуществления сопоставительного анализа заимствований в экономической сфере русского, арабского, английского языков с выявлением алломорфных и изоморфных признаков мы применили «сравнительно-сопоставительный метод описания языков», как указывал Н. Ф. Алеференко, «систему приёмов исследования как родственных, так и разноструктурных языков с целью выявления в них общих и отличительных свойств и признаков» [6, с. 352–353].

Проанализировав историю лексических заимствований, а также социокультурный контекст их развития в системе русского, арабского и английского языков, среди изоморфных признаков заимствований экономической сферы в указанных трех разноструктурных языках мы можем выделить следующие особенности (см. [7], [8], [9]). Во-первых, следует отметить присутствие во всех трех языках заимствованных лексических единиц экономической сферы в виде названия (номинации) товаров, что объясняется результатом языковых контактов, происходящих в процессе торговых отношений в течение истории развития данных языков (например, *телефон* – *تيليفون* – *telephone* (гр. *tēle* + *phōnē*); *блуза* – *بلوزة* – *blouse* (фр. *blouse*)); наименования экономических объектов и институтов: (например, *банк* – *بنك* – *bank* (ит. *banco*); *биржа* – *بورصة* – *bourse* (гол. *beurs*, нем. *Börse*)); участников процессов торговли (например, *клиент* – *كlient* – *client* (англ.-фр. (приб. с XIV в.). ‘*clyent*’ <лат. ‘*clientem*’)) и т. д. Во-вторых, отмечается наличие – и в русском, и в арабском, и в английском – заимствованных лексем из таких языков, как греческий, латинский, французский, а также итальянский: например, в русском языке: *экономика*, *ипотека* (из греч.), *деноминация*, *коммерция* (из лат.), *бюджет*, *дефолт* (из фр.), *авизо*, *лоро* (из ит.) и др.; в арабском языке: *كتالوج* – ‘*каталог*’ (из греч.), *كنتراكت* – ‘*контракт*’ (из лат.), *بروتوكول* – ‘*протокол*’ (из фр.), *كالميو* – ‘*камбио*’ (из ит.) и др.; в английском языке: *atlas* – ‘*атлас*’, *telephone* – ‘*телефон*’ (из греч.), *margin* – ‘*прибыль*’, *taxation* – ‘*налогообложение*’ (из лат.), *profit* – ‘*доход*’, *sale*

– ‘продажа’ (из фр.), *agio* – ‘ажю’, *lira* – ‘лира’ (из ит.) и др.

Вследствие того, что во всех трех рассматриваемых языках присутствуют взаимные заимствования, при этом относящиеся к одним и тем же семантическим группам (номинаций товаров, торговых отношений), мы можем говорить о проявлении изоморфизма. Например, в русском языке: *казна* (из араб.), *кофе* (из араб.), *магазин* (из араб.), *тариф* (из араб.), *цифра* (из араб.), *ноутбук* (из англ.), *роутер* (из англ.) и др.; в арабском языке: *سامووار* (от русск. *самовар*), *شااي* (через турец. от русск. *чай*), *لبيوتر* (от англ. *компьютер*), *پرينت* (от англ. *принтер*); в английском языке: *altyn* (от русск. *алтын*), *rouble* (от русск. *рубль*), *bazaar* (из араб.), *caravan* (из араб.), *tariff* (из араб.) и др. Изоморфизм также проявляется в том, что среди заимствований экономической сферы во всех трех данных языках присутствует интернациональный фонд лексики: например, *ажю* (русск.) – *أجيو* (араб.) – *agio* (англ.); *банк* (русск.) – *بنك* (араб.) – *bank* (англ.); *контракт* (русск.) – *عقدا* (араб.) – *contract* (англ.); *чек* (русск.) – *شيك* (араб.) – *cheque* (англ.) и др.

Заимствованные лексические единицы экономической тематики в русском, арабском и английском языках можно распределить в одни и те же семантические группы, например: наименования продукции производства, товарообмена, услуг; наименования экономических ролей; наименования организаций, экономических объектов; наименования документов; терминология банковской, торговой, финансовой системы; терминология деловых операций; термины информационной экономики.

Проявление алломорфизма особенностей заимствований экономической сферы в русском, арабском, английском языках логично в связи с тем, что данные языки относятся к разным типам языков (как указывал А. А. Реформатский, русский – «фузионно-флективный», «синтетический язык»; арабский – «флективно-агглютинативный» (интрофлективный), «символично-фузионный», «синтетико-аналитичный язык»; английский – «аналитический язык флективного типа»); два из них относятся к разным языковым семьям [10, с. 153–154, 451–536]. Русский и английский языки относятся к индоевропейской семье, но находятся в разных группах: русский – в славянской группе восточной подгруппы индоевропейской семьи, английский – в германской группе западной подгруппы индоевропейской семьи; арабский язык относится к семито-хамитским (афразийским) языкам семитской ветви.

Что касается ассимиляции иностранного слова в языке-преемнике, то в связи с тем, что гра-

фические системы таких языков, как русский и английский, похожи на системы других европейских языков, то и в русском, и в английском языках лексические заимствования экономической сферы из других европейских языков достаточно легко адаптируются (например, рус. *экзаунтинг* (от англ. *accounting*), рус. *инжиниринг* (от англ. *engineering*), рус. *димайз-чартер* (от англ. *demisecharter*); англ. *delivery* (от англ.-фр. *‘delivrée’*) – ‘деливери’, англ. *bank* (от ст.ит. **banca* or via фр. **banque*) и др.); арабский язык, используя свои внутренние ресурсы, меняет фонетико-графический облик заимствованного слова практически до неузнаваемости в связи с тем, что арабская вязь адаптирует заимствованное слово по своим моделям: например, *бланк* – *بلاق* *blank* (от фр. *blank*), *протокол* – *بروتوكول* *protocol* (гр. → фр. *protocole*), *стандарт* – *ستندارت* *standart* (от ст.фр. *estandard*), *транзит* – *ترنلزي* *transit* (от лат. *transitus*) и др..

На современном этапе английский язык, который долгое время продуцировал основные экономические неологизмы, является одним из основных источников заимствований экономической сферы как в арабском языке, так и в русском: например, *business* (англ.) – *بزنس* *бизнес* – *deadweight* (англ.) – *دديوت* *дедвейт* – *offset* (англ.) – *أوفсет* *оффсет*; *outsourcing* (англ.) – *اوتсорсинغ* *аутсорсинг*; *timesheet* (англ.) – *تايمшит* *таймшит* и др. В английском языке процесс внешнего заимствования на современном этапе проходит не столь интенсивно, более развиты сейчас направления внутреннего заимствования. Для русского языка наличие внутриязыковых заимствований не характерно, но что касается английского и арабского языков, то для них характерны в том числе и внутриязыковые заимствования: 1) в английском языке – американизмы, канадизмы, заимствования из австралийского и новозеландского английского и др.; 2) в арабском языке – египетские диалектизмы, магрибские диалектизмы, сирийские диалектизмы и др.

Алломорфные признаки особенностей заимствований в русском, арабском, английском языках в экономической сфере проявляются при анализе процесса их ассимилирования: вместо таких распространенных способов ассимиляции заимствований в русском и английском языках, как транскрипция и транслитерация, в арабском языке при передаче значения нового понятия чаще используются «идафные» конструкции, способ описательной компенсации (декомпрессии), способ нахт – *لا نحت* (например, *алиенация* – *علياة تغيير صاحب الأوراق المالية*, *биржа* – *البورصة* (др.). В до-

dict.slovaronline.com/ (accessed: 20.11.2022). (In English)

2. Jaber Abi Jaber. (2012). *Sovremennyi bol'shoi russko-arabskii slovar'* [Large Contemporary Russian-Arabic Dictionary]. 1344 p. Moscow, Biblos Consulting. (In Russian)

3. Kovalev, V. V. (2009). *Economic Dictionary: Economic Terms and Economic Slang. 3000 words.* 283 p. Rostov-on-Don, Phoenix. (In Russian)

4. *Portal sloarei i entsiklopedii* [Portal of Dictionaries and Encyclopedias]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/1099> (accessed: 20.11.2016). (In Russian)

5. Bekhman, S. H. et al. (2007). *Finansovo-ekonomicheskii russko-arabskii slovar'* [Financial and Economic Russian-Arabic Dictionary]. 514 p. Cairo, Al-Qāhira. (In Russian)

6. Aleferenko, N. F. (2014). *Sovremennye problemy nauki o yazyke: Uchebnoe posobie* [Modern Problems of the Science of Language: A Textbook]. 4-oe izd. 417 p. Moscow, Flinta. (In Russian)

7. Gilyeva, E. S. (2012). *Formirovanie sovremennogo angliiskogo yazyka. Istochniki zaimstvovaniy* [Formation of the Modern English Language. Sources of Borrowings]. *Sovremennye problemy lingvistiki i metodiki obucheniya inostrannym yazykam: Po materialam Mezhvuzovskoi nauchno-metodicheskoi konferentsii 10-11 maya 2012g.* 128 p. Pp. 15–18. Moscow, RITM. (In Russian)

8. Gilyeva, E. S. (2013). *Ponyatie zaimstvovaniya v otechestvennom, evropeiskom, arabskom yazykoznanii.* [The Concept of Borrowing in Russian, European, Arabic Linguistics]. *Prepodavatel'. XXI vek.* Vyp. No. 4, pp. 350–356. (In Russian)

9. Gilyeva, E. S. (2013). *Leksicheskie zaimstvovaniya v sisteme arabskogo literaturnogo yazyka* [Lexical Borrowings in the System of Arabic Literary Language]. *Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvokul'turologii.* Vyp. 9. 249 p. Pp. 29–33. Moscow, Prometheus. (In Russian)

10. Reformatsky, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. 536 p. Moscow, Aspect Press. (In Russian)

The article was submitted on 07.11.2023

Поступила в редакцию 07.11.2023

Гилёва Евгения Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации (МГИМО)
(Одинцовский филиал),
119454, Россия, Москва,
Проспект Вернадского, 76;
143007, Россия, Московская область, Одинцово,
Новоспортивная, 3.
agevg@mail.ru

Gilyeva Evgeniya Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow State Institute of International
Relations (University) of the Ministry
of Foreign Affairs of the Russian Federation
(MGIMO) (Odintsovo Branch),
76 Vernadskogo Prospect,
Moscow, 119454, Russian Federation;
3 Novosportivnaya Str., Odintsovo,
Moscow Region, 143007, Russian Federation.
agevg@mail.ru

УДК 81'04

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-24-30

ЯЗЫК ИНГЛИС И ЗАРОЖДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ РАВНИННОЙ ШОТЛАНДИИ

© Надежда Гукалова

THE INGLIS LANGUAGE AND THE EMERGENCE OF THE LOWLAND SCOTLAND LITERARY TRADITION

Nadezhda Gukalova

The paper studies the social history of the idiom spoken by the indigenous population of Lowland Scotland and the Borders of the late 12th – third quarter of the 14th centuries, as well as the first written poetic monuments of Early Middle Scots (Inglis). The aim of this study is to consider the factors that contributed to the spread of the Inglis language, giving a description of its ethnic and social base, the areas of use and the study of the first important poetic monuments written in this language, preceding the epic poem “Bruce” (1375) by J. Barbour, associated by most scholars with the emergence of the literary tradition of the Lowland Scotland regional language. The article gives a brief overview of the literary heritage of Thomas the Rhymer, the poetic work “Song on the Death of Alexander III”, as well as other written monuments of the Scottish pre-literary period. We describe the history of the creation of the “Auchinleck Manuscript”, which includes texts written in various dialects of Middle English, and points out the special scientific value of the Manuscript. As a result of the research, we have come to the conclusion that the isolation of the Scots language and the emergence of its own literary tradition was caused by both external factors, related to the independence of the Scottish state, and internal ones, related to the growth of the Inglis idiom prestige on the territory of Lowland Scotland during the period in question of the Scots language history.

Keywords: Inglis, Early Middle Scots, Thomas the Rhymer, The Auchinleck Manuscript

Статья посвящена исследованию социальной истории идиома населения равнинной Шотландии и англо-шотландского приграничья конца XII – третьей четверти XIV века, а также первых письменных стихотворных памятников раннего среднешотландского языка (инглис). Целью данного исследования является рассмотрение факторов, способствовавших распространению языка инглис, описание его этнической и социальной базы, сфер использования, а также изучение первых важнейших поэтических памятников, написанных на данном языке, предшествующих эпической поэме «Брюс» (1375) Дж. Барбура, связываемой большинством ученых с появлением литературной традиции регионального языка равнинной Шотландии. В работе дается краткий обзор поэтического творчества Томаса Рифмача, стихотворного произведения «Song on the Death of Alexander III», а также иных письменных памятников долитературного периода шотландского языка. Автор описывает историю создания «Рукописи Окнилека», включающей тексты, написанные на различных диалектах среднеанглийского языка, и указывает на особую научную ценность манускрипта. В результате исследования автор приходит к выводу, что обособление шотландского языка и зарождение собственной литературной традиции было сопряжено как с внешними факторами, связанными с обретением независимости шотландским государством, так и внутренними, касающимися роста престижа идиома инглис на территории равнинной Шотландии в рассматриваемый период истории шотландского языка.

Ключевые слова: инглис, ранний среднешотландский язык, Томас Рифмач, Рукопись Окнилека

Для цитирования: Гукалова Н. Язык инглис и зарождение литературной традиции равнинной Шотландии // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 24–30. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-24-30

К XII веку языком шотландского королевского двора и династии становится ранний среднешотландский язык, который в науке получил на-

звание инглис («Inglis»). К концу XIV века начинает расширяться спектр социальных функций среднешотландского языка, а также его функ-

циональные разновидности. Инглис начинает проникать в те функциональные области, которые ранее занимали исключительно латынь и/или англо-нормандский, в первую очередь – в литературное творчество (в форме поэзии), а также в канцелярскую практику и ведение хроник. В частности, законодательные акты парламента Шотландии начинают писать с 1390 года на инглис, а все ранее принятые законы в 1425 году были переведены с латинского на родной язык [1, с. 8].

Вместе с этим лингвоним «Scottis» оставался прочно закрепленным в общественном сознании за гэльским языком. Само слово «Scot» имело отношение к названию ирландского этноса и ассоциировалось в целом с людьми, говорящими на гэльском языке [2, с. 186]. Также необходимо отметить, что гэльский язык, ранее занимавший престижное место в политической и духовной сферах, в светской жизни и при дворе, начинает вытесняться языком инглис. По утверждению авторов, «в то время как южные и восточные районы <Хайленда. – Н. Г.> переживали упадок, особенно на официальном уровне, начиная с XIII века Западные и Южные острова переживали своего рода гэльский ренессанс», также выразившийся в создании богатого литературного наследия [3, с. 153].

Дж. Д. Маклюра полагает, что на данном историческом этапе название «Inglis» использовалось в первую очередь носителями языка для отделения родного идиoma населения как равниной Шотландии, так и Англии от языка гэлов. Более того, язык литературы равнинной Шотландии даже к концу XV века фактически не отличался от идиoma, на котором говорили жители севера Англии [4, с. 44]. Также Дж. Д. Маклюр обращает внимание на существование еще одного смежного лингвонима – «Sudron», или «Suddroun», ссылаясь на факт упоминания Г. Дугласом (ок. 1474–1522) в прологе перевода «Энеиды» данного названия, которое поэт употребляет по отношению к языку англичан [Там же]. Г. Дуглас намеренно отделяет «Sudron» от идиoma, на котором написан его текст, тем самым пытаясь создать идею о шотландском национальном языке. Кроме того, названия «Southerons» и «Southeron men», «Southeron folk» используются Слепцом Гари (ок. 1460–1492) в поэме «Уоллес» для наименования врага с юга, которому главный герой яростно сопротивляется, то есть названия англичан. В то же время слово «Scottis», как было установлено нами, употребляется 15 раз в произведении с эпитетом *trew* ‘настоящий’, ‘добрый’ и 24 раза с эпитетом *worthi* ‘достойный’, ‘храбрый’, ‘почтенный’. Та-

ким образом, следует отметить, что «Southerons» и лингвоним «Sudron», неся, очевидно, негативную коннотацию, вероятно, употреблялся шотландцами с целью отчуждения и антагонизации двух народов, королевств и их языков на разных этапах исторического развития, а наименование «Inglis» служило для подчеркивания некоего родства и единства в зависимости от внешне- и внутривополитических обстоятельств. В целом политика шотландского двора отличалась сменой периодов, которым была характерна англофобия, что находило свое выражение, в частности, в патриотической литературе, периодами относительно сдержанных отношений и почитания английских авторов шотландскими поэтами и даже подражания им. Более того, особый интерес в данной связи представляет идеологическое содержание шотландских исторических сочинений и хроник, абсолютное большинство которых имели националистический характер, а их авторы тяготели к исключительно англофобным взглядам.

Несмотря на все вышесказанное, поэты раннего периода шотландской литературы не относились к языку английских современников как к чужому. Так, поэма короля Якова I Стюарта (1394–1437) «The Kingis Quair», написанная на языке инглис, представляет собой смешение шотландской литературной традиции со стилем чосеровской поэзии. А язык текста поэмы описывается учеными как смесь английского и шотландского языка. Кроме того, У. Данбар (ок. 1460 – ок. 1520), неоднократно задававшийся вопросом шотландской идентичности и родного языка в своем творчестве и являясь поэтом хронологически более позднего периода, упоминая о Дж. Чосере, употребляет местоимение «наш» – «*oure Inglisch*» [4, с. 6]. Ученые также утверждают, что У. Данбар не только рассматривал языки двух народов как «братские», называя язык, на котором писали английские и шотландские поэты, «*oure tong*», но и воспринимал литературную традицию двух королевств как общую, хотя и выделяя некоторые отличительные особенности каждой: в частности, восхищался изысканностью языка английских авторов и сожалел о недостаточной выразительности и богатстве родного языка. Поэт также отмечал близость собственной поэзии не только с произведениями Дж. Чосера, но также подчеркивал связь с другими английскими поэтами, например, с Дж. Гауэром и Дж. Лидгейтом, тем самым пытаясь аргументировать существование некоего общего канона. Также ученые отмечают и факт замалчивания поэтом У. Данбаром (ок. 1460 – ок. 1530) высокого уровня влияния на шотландскую литературу

классических произведений, поэзии французских и итальянских авторов, роль которых даже тогда была очевидна. Вместе с этим поэты золотого века шотландской литературы были склонны считать поэтическое наследие Дж. Чосера наивысшим образцом и рассматривали его как часть собственной литературной традиции, в то время как английская культура и все, что с ней связывалось, осуждалась и поносилась в обществе и в общественной мысли той эпохи. Нередко мы можем заметить такую двойственность порой и в их собственных произведениях, и в работах их предшественников. Кроме искреннего почитания таланта и мастерства английских поэтов, данную противоречивость, сложившуюся в идейном содержании произведений шотландских поэтов золотого века, можно объяснить стремлением поэтов угодить королевскому двору после женитьбы Якова IV на английской принцессе Маргарите Тюдор в 1503 году, а также стремлением к поддержанию национального мифа, сформированного в предыдущие столетия борьбой за независимость Шотландии.

Часто датой, с которой условно связывается закрепление за языком населения шотландской равнины такого названия, считают 1513 год, когда Г. Дугласом был написан перевод «Энеиды», в прологе к которому автор размышлял о родном языке, что нами уже было отмечено выше. О смене лингвонима также свидетельствует название одного из наиболее значимых произведений Р. Генрисона (ок. 1430–1506): «Нравоучительные притчи Эзопа-фригийца, составленные на выразительном и изысканном скотс». Так, лишь впоследствии, к концу XV – началу XVI века, шотландцы, населяющие равнину, начали называть собственный язык лингвонимом «Scottis» вместо «Inglis», что, очевидно, может свидетельствовать о начале формирования собственной национальной и языковой идентичности. Дж. Робертсон описывает язык инглис, на котором были написаны ранние произведения, как «англо-саксонско-пиктскую смесь»; вместе с тем, как утверждает автор, в данный период сложилась ситуация, при которой весь королевский двор знал французский язык, но на нем не говорили ни рыцари, ни знать, в то время как инглис являлся универсальным и понятным идиомом и для «верхов», и для «низов» шотландского общества до XIV века, то есть до тех пор, пока поэты не стали активно заниматься переводом французских художественных произведений, пользующихся популярностью среди придворных [6, с. 34]. Рост влияния и распространение идиома инглис, по мнению ученых, были связаны в первую очередь с его использованием в торговле

как основного средства коммуникации, а также в сфере местного самоуправления активно растущих и развивающихся шотландских бургов. А усвоение языка инглис высшей феодальной знатью Шотландии (для некоторых из них этот идиом не был родным) в период войн за независимость свидетельствовало о формировании национальной идентичности и консолидации общества. Этот процесс способствовал увеличению социального престижа языка [3, с. 159].

Шотландское государство и народ начинают отмежевываться от Англии, а английский язык начинает восприниматься населением шотландской равнины как чуждый, в особенности это касалось центральных и южных среднеанглийских диалектов, а культурное и экономическое влияние Англии значительно ослабевало. На фоне ухудшения политических отношений, приведшего к началу Второй войны за независимость с Английским королевством (1332–1357), разворачивавшейся одновременно с начальным этапом Столетней войны между Англией и Францией (1337–1453), Шотландия и Франция заключают союз, просуществовавший с 1295 по 1560 год и получивший наименование «Старого союза» – «Auld Alliance».

Т. Ф. Гендерсон отмечает огромную значимость данного союза для культуры и, в частности, для языка и литературы Шотландии. Фактически Французское королевство стало новым культурным центром для шотландской аристократии. Множество представителей интеллектуальной элиты обучались теперь в университетах Франции, оставались на службе французского короля, установились прочные связи между дворами, чему способствовали и династические браки. Шотландский двор начал перенимать французские манеры, утонченность, вежливость, обычаи времяпрепровождения и увеселений; росла интенсивность торговых отношений и иных контактов. Французская литература и французский язык стали популярны среди шотландской знати: французскому языку обучали и на нем говорили [5, с. 7–8].

Идейное содержание произведений рассматриваемой нами эпохи (XIII – вторая половина XIV века), как художественных, так и научно-публицистических, переживающих свой расцвет, в основном отражало общий характер внешней политики шотландского государства. В первую очередь это касалось проведения четкой идеологической линии по противопоставлению собственного народа англичанам, а также героизации шотландцев, их правителей и полководцев. Одним из самых ранних жанров литературы Шотландии и традиции стихосложения на раннем

среднешотландском языке были антианглийские инвективы, сатирические рифмовки и песни с использованием обценной лексики, насмешек и непристойного юмора, получившие распространение в ходе противостояния с Англией в период Первой войны за независимость (1296–1328), чаще всего существовавшие в устной форме [7, с. 20]. Традиции этого жанра затем найдут свое продолжение в письменной форме в так называемых «перебранках» («flytings») в конце XV века при шотландском дворе.

Схожие процессы происходили и по ту сторону границы. На севере Англии в период войн также развивалась традиция менестрелей, сочиняющих баллады. По замечанию Р. Ф. Грина, свидетельства существования традиционных средневековых баллад можно найти на всей территории Британских островов (и на самом деле по всей Европе). Вместе с тем, как категорично утверждает ученый, наиболее плодотворной для данной формы литературного творчества областью, где они получили широкое распространение, была территория англо-шотландского пограничья [8, с. 105]. Творчество менестрелей с территории границы легло в основу произведений первых шотландских и английских поэтов, в том числе Дж. Чосера и плеяды шотландских придворных поэтов, которые впоследствии черпали свое вдохновение в данной традиции. Кроме того, по утверждению Дж. Робертсона, шотландская традиция баллад приграничья и стихотворного творчества превосходила английскую в дочосеровский период [6, с. 35]. В целом стоит отметить, что традиция сложения баллад в регионе англо-шотландской границы просуществовала вплоть до конца XVI века, когда все еще появлялись талантливые менестрели с яркими произведениями.

Первые письменные стихотворные произведения также посвящались знаменательным событиям, связанным с жизнью двора, королевской династии и государства. Одним из немногих сохранившихся произведений данного периода является катрен, написанный анонимом по случаю женитьбы Давида II Брюса и Джоан Плантагенет, состоявшейся в 1328 году.

Вероятно, одним из первых поэтов, оставивших значительное наследие для литературы Шотландии, был легендарный Томас Рифмач (Thomas the Rhymer) (ок. 1220 – ок. 1298), вместе с тем оставшийся малоизвестным. Этот поэт также известен под именем Thomas of Erceldoune, где «Erceldoune» – местность на юге Шотландии, находящаяся на пограничной территории Англии и Шотландии, из которой он был родом и где располагалось его земельное владение.

На сегодняшний день о Томасе Рифмаче достоверно известно так мало, что даже его истинное имя остается предметом споров и исследований, поскольку очевидно, что слово «Rhymer» (или такие варианты его написания, как «Rymour» или «Rimour», которые также встречается у различных авторов тех лет) является прозвищем. Авторами-современниками поэта отмечается, что широкую известность в народе и в литературе Томас Рифмач обрел также из-за таланта предвидения.

Однако мы можем говорить о нем как о реальном лице, поскольку его имя упоминается многими авторами более поздней эпохи, в том числе Дж. Барбуром, Слепцом Гарри, по некоторым сведениям, заставшим его при жизни, философом Г. Бойсом и другими. Первое упоминание о нем, как о предсказателе, встречается у Иоанна Фордунского в хронике «*Scotichronicon*» как о человеке, предсказавшем смерть Александра III. Весьма примечательно то, что предсказание было сделано супруге короля Александра III, что свидетельствует о близости поэта ко двору и, возможно, говорит о доверительных отношениях королевской семьи и поэта [9, с. 13–19]. А исследователь Дж. Робертсон даже называет Томаса Рифмача «отцом шотландских поэтов» [6, с. 28]. Поэту приписывается авторство многих стихотворений и поэм, но наиболее бесспорным считается авторство поэмы «*Sir Tristrem*». Произведение является вариантом французского средневекового рыцарского романа, написанного до XIII века по мотивам легенды о Тристане и Изольде, популярной в тот период во всей Европе. Особенностью поэмы «*Sir Tristrem*» является применение ранее не использовавшейся во всей древнеанглийской литературе строфической формы стихосложения.

Долгое время «*Sir Tristrem*» считалась утерянной, пока не была найдена примерно в 1740 году в составе «Рукописи Окинлека» («*The Auchinleck Manuscript*»), изданной в Лондоне в первой половине XIV века. «Рукопись Окинлека» сама по себе представляет огромный интерес, являясь ценнейшим памятником средневековой литературы, состоящая из светских поэм, романов и хроник на различных диалектах среднеанглийского языка. По мнению А. Хиггинса, «Рукопись» имеет северное происхождение, о чем свидетельствует подавляющее большинство текстов, написанных на северном диалекте среднеанглийского от общего количества включенных в нее работ. И лишь впоследствии, как отмечает автор, книга была скопирована и скомпилирована в Лондоне [10, с. 108–109].

Кроме того, широкую известность поэма обрела, когда была переписана Вальтером Скоттом на основе «Рукописи Окинлека». Отмечается также то, что В. Скотт дал название произведению, под которым мы знаем его сейчас, используя именно вариант написания «Tristrem» вместо существовавших также древнескандинавской формы «Tristram» или старофранцузской – «Tristran» [11, с. 97]. Кроме того, поэма была дополнена введением с критическими замечаниями В. Скотта, глоссарием и издана в 1804 году. Однако, как отмечают современные ученые, данное издание выполнено с огромным количеством ошибок и несоответствий, а глоссарий является абсолютно устаревшим [Там же, с. 30]. Наиболее же ценным изданием, с точки зрения диалектологии и палеографии, является «шотландская версия» «Sir Tristrem», являющаяся списком из «Рукописи Окинлека», текст, включенный в которую, также стоит отметить, не являлся оригиналом. Что касается языка, на котором написан текст «Sir Tristrem», то филологи определяют его как идиом, характерный для населения севера Англии и юга Шотландии той эпохи.

Между тем К. Джонс утверждает, что самым ранним дошедшим до нас поэтическим текстом на раннем среднешотландском языке и, по мнению подавляющей части исследователей, открывающим шотландскую литературную традицию, стала «Song on the Death of Alexander III». Авторство и датировка произведения остается дискуссионным вопросом. Поэма в научной литературе часто приписывается хронисту Эндрю Уинтонскому (Andrew of Wyntoun), а также автором не менее часто указывают анонима [12, с. 21]. Так, шотландский поэт, писатель, публицист и крупнейший деятель национального возрождения Хью Макдиармид указывает в своей антологии шотландской поэзии «The Golden Treasury of Scottish Poetry» это произведение под авторством анонима с пометкой о том, что данная поэма цитируется в хронике Эндрю из Уинтона «The Original Chronicle», завершенной в 1420 году [12, с. 2].

Еще один вопрос, сопряженный с датировкой и заимствованием, связан с совпадением первой строки «Song on the Death of Alexander III» и 37-й строки поэмы Дж. Барбура «Брюс» (1375), что дает почву для размышления о том, чья работа была написана первой. Более того, в работах Эндрю Уинтонского мы можем найти множество отсылок к творчеству Дж. Барбура. К. Джонс считает наиболее вероятным, что авторы могли либо независимо друг от друга ссылаться на более ранние устные народные произведения, либо на сочинение анонима, датированное примерно пе-

риодом, совпадающим со временем смерти короля Александра III (1286 г.), что наиболее логично [13, с. 23]. Тем не менее такой факт делает очевидным невозможность причастности Эндрю Уинтонского к авторству «Song on the Death of Alexander III», вместе с этим мы не можем отрицать возможности художественной переработки Эндрю Уинтонским данного произведения для хроники, написанной спустя 120 лет после гибели Александра III.

Поскольку стихотворение достаточно краткое по своему объему, это представляет большую сложность в идентификации каких-либо языковых особенностей, служащих для точного атрибутирования применительно к конкретному этапу исторического развития шотландского языка. Однако учитывая все особенности стихотворения и условия его появления, языком, на котором был написан текст восьмистишия, ученые склонны называть инглис. Также историки литературы отмечают высокий уровень поэтического мастерства автора и изящество произведения, что для ряда ученых также ставит под сомнение происхождение, авторство и правильность датировки произведения. Особо отмечают филологами такие свойства стихотворения, как его гармония, умелое использование автором метра, ритма, аллитерации и других художественных приемов [12]. Еще одной особенностью данного стихотворения является совмещение принципов стихосложения, характерных для французской поэзии и германской традиции, восходящей к «Беовульф».

Таким образом, при изучении поэтических и ряда иных текстов, написанных примерно до 1470-х годов на инглис, весьма значительной остается проблема, касающаяся того, что ни один из таких текстов не дошел до нас в первоизданном виде. Поэтому вопрос, связанный с датировкой, авторством, точностью и достоверностью дошедших до нас списков тех или иных произведений, остается дискуссионным, а изучение языковой стороны текстов ранней шотландской литературы является в значительной степени затрудненным для исследователей. В целом зарождение литературной традиции равнинной Шотландии обуславливалось возросшим престижем языка инглис, связанным с фактом активного использования данного идиома при дворе, в частности королевской династией, а также постепенной потерей социального престижа диалектов гэльского языка к югу и востоку от территории Нагорья (Хайленда).

Кроме того, инглис, будучи удобным средством коммуникации в сфере торговли с англоязычным населением в силу генетической близости

сти языков, получает все большее распространение среди разных социальных и этнических групп населения, включенных в средневековое шотландское общество, для которых данный идиом не являлся родным. Другим фактором, способствовавшим культурному и языковому обособлению Шотландии и, как следствие, развитию собственной литературы, являлся долгий период конфронтации с Английским королевством в период войн за независимость с последующим обретением государственного суверенитета Шотландией к середине XIV века. Так, язык инглис, являясь родным идиомом для подавляющей части населения шотландской равнины и англо-шотландского приграничья, начинает все больше принимать характер национального языка молодого независимого Шотландского королевства. Рассмотренные нами устные и письменные поэтические произведения, сочиненные на языке инглис, заложили основу для формирования самобытной литературной традиции равнинной Шотландии и получили продолжение в творчестве шотландских поэтов Позднего Средневековья.

Список источников

1. The *Edinburg Companion to Scots* / Ed. by J. Corbett, J. D. McClure, J. Stuart-Smith. Edinburgh University Press, 2003. 304 p.
2. MacQueen J. From Rome to Ruddiman: The Scoto-Latin Tradition // The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707), Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 344 p.
3. Robinson C., Ó Maolalaigh R. The Several Tongues of a Single Kingdom: The Languages of Scotland, 1314–1707 // The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. P. 153–163.
4. MacClure J. D. Scottis, Inglis, Suddroun: Language Labels and Language Attitude // Scots and its Literature / Ed. by J.D. MacClure. Amsterdam-Philadelphia, 1995. P. 44–56.
5. Henderson T. F. Scottish Vernacular Literature: a Succinct History / Ed. by J. Grant. Third edition, revised. Edinburgh, 1910. 462 p.
6. Robertson J. Lives of Scottish Poets: With Ports and Vignettes. Vol. 1. London, 1822. 180 p.
7. Galloway A. The Borderlands of Satire: Linked, Opposed, and Exchanged Political Poetry During the Scottish and English Wars of the Early Fourteen Century // The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600 / Ed. by M.P. Bruce and H. Terell. Palgrave MacMillan, 2012. P. 15–31.
8. Green R. F. The Border Writes Back // The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600 / Ed. by M.P. Bruce and H. Terell. Palgrave MacMillan, 2012. P. 103–120.
9. Thomas, the Rhymer. The Romance and Prophecies of Thomas of Erceldoune: Printed from Five Manuscripts; with Illustrations from the Prophetic Literature of the 15th and 16th Centuries / Ed by Murray J. A. H. London: Early English Text Society, 1875. 63 p.
10. Higgins A. Sir Tristram, a Few Fragments, and the Northern Identity of the Auchinleck Manuscript // The Auchinleck Manuscript: New Perspectives / Ed by S. Fein. Boedell&Brewer: York Medieval Press, 2016. P. 108–123.
11. Thomas (the Rhymer). Sir Tristrem / Ed by G. P. McNeill. Edinburgh – London, 1886. 148 p.
12. Jones C. Inclinit to Diuersiteis: Wyntoun's Song on the Death of Alexander III and the 'Origins' of Scots Vernacular Poetry // The Review of English Studies. Vol. 64, No. (263). 2012. P. 21–38.
13. The Golden Treasury of Scottish Poetry: Collected and edited by H. MacDiarmid. Macmillan & Company Limited, New York, 1941. 415 p.

References

1. The *Edinburg Companion to Scots* (2003). Ed. by J. Corbett, J. D. McClure, J. Stuart-Smith. 304 p. Edinburgh University Press. (In English)
2. MacQueen, J. (2006). *From Rome to Ruddiman: The Scoto-Latin Tradition*. The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707), 344 p. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
3. Robinson, C., Ó Maolalaigh, R. (2006). *The Several Tongues of a Single Kingdom: The Languages of Scotland, 1314–1707*. The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707). Pp. 153–163. Edinburgh, Edinburgh University Press, (In English)
4. MacClure, J. D. (1995). *Scottis, Inglis, Suddroun: Language Labels and Language Attitude*. Scots and Its Literature. Ed. by J. D. MacClure. Pp. 44–56. Amsterdam-Philadelphia. (In English)
5. Henderson, T. F. (1910). *Scottish Vernacular Literature: A Succinct History*. Ed. by J. Grant. Third edition, revised. 462 p. Edinburgh. (In English)
6. Robertson, J. (1822). *Lives of Scottish Poets: With Ports and Vignettes*. Vol. 1. 180 p. London. (In English)
7. Galloway, A. (2012). *The Borderlands of Satire: Linked, Opposed, and Exchanged Political Poetry During the Scottish and English Wars of the Early Fourteen Century*. The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600. Ed. by M. P. Bruce and H. Terell. Pp. 15–31. Palgrave MacMillan. (In English)
8. Green, R. F. (2012). *The Border Writes Back*. The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600. Ed. by M. P. Bruce and H. Terell. Pp. 103–120. Palgrave MacMillan. (In English)
9. Thomas, the Rhymer. (1875). *The Romance and Prophecies of Thomas of Erceldoune: Printed from Five Manuscripts; with Illustrations from the Prophetic Literature of the 15th and 16th Centuries*. Ed. by Murray J. A. H. 63. p. London, Early English Text Society. (In English)

10. Higgins, A. (2016). *Sir Tristram, a Few Fragments, and the Northern Identity of the Auchinleck Manuscript*. The Auchinleck Manuscript: New Perspectives. Ed. by S. Fein. Pp. 108–123. Boedell&Brewer: York Medieval Press. (In English)

11. Thomas (the Rhymer). (1886). *Sir Tristrem*. Ed. by G. P. McNeill. 148 p. Edinburgh – London. (In English)

12. Jones, C. (2012). *Inclinit to Diuersiteis: Wyntoun's Song on the Death of Alexander III and the 'Origins' of Scots Vernacular Poetry*. The Review of English Studies. Vol. 64, No. (263), pp. 21–38. (In English)

13. *The Golden Treasury of Scottish Poetry: Collected and edited by H. MacDiarmid* (1941). 415 p. Macmillan & Company Limited, New York. (In English)

The article was submitted on 03.12.2023

Поступила в редакцию 03.12.2023

Гукалова Надежда Владимировна,
Ассистент,
Южный федеральный университет,
347922, Россия, Таганрог,
Чехова, 2.
nadegda-ni@yandex.ru

Gukalova Nadezhda Vladimirovna,
Assistant Professor,
Southern Federal University,
2 Chekhov Str.,
Taganrog, 347922, Russian Federation.
nadegda-ni@yandex.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-31-38

КАТЕГОРИЯ ЭМОТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

© Евгений Ивницкий

THE CATEGORY OF EMOTIVITY IN MODERN RUSSIAN LITERATURE

Evgeny Ivnitsky

The article discusses issues related to the qualifying modus category of emotivity and the ways of its expression in contemporary Russian literature of the second and third decades of the 21st century. The category of emotivity closely interacts with the categories of modality and evaluation, while explicating the qualifying subject, which makes it possible to analyze the degree of emotionality and the level of emotive evaluation. A decrease in emotionality and a shift towards a negative assessment of emotives is noted in modern literary texts as well as the predominance of primary, sensual emotions over cultured ones. Examples are given of the texts written by the most readable modern authors. In some stories, the category of emotivity is analyzed in dynamics, that is, a decrease or increase in the emotionality of the characters can be traced. In other works, emotionality is considered either in connection with the author's attitude to what is being reported, or in interaction with life values, which form the emotional state of the characters. It was important to focus on what family and moral values are expressed through emotions. As a means of expressing emotionality, we highlight the vocabulary of emotions with nuclear and central emotive meanings, as well as syntactic and artistic means of their expression, which are often characterized by a peripheral zone of emotivity.

Keywords: emotivity, feelings, evaluation, modality, metaphor, image, emotional vocabulary, vocabulary of emotions, context

В статье рассматриваются вопросы, связанные с квалификативной модусной категорией эмотивности и способами ее выражения в современной русской литературе второго и третьего десятилетия XXI века. Категория эмотивности тесно взаимодействует с категориями модальности и оценочности, эксплицируя при этом квалифицирующего субъекта, что позволяет анализировать степень эмоциональности и уровень оценки эмотивов. Отмечается снижение эмоциональности в современных художественных текстах, уход в сторону отрицательной оценки эмотивов, а также преобладание первичных, чувственных эмоций над окультуренными. Примерами послужили тексты наиболее читабельных современных авторов. В отдельных рассказах категория эмотивности анализируется в динамике, то есть отмечается снижение или усиление эмоциональности героев. В других произведениях эмоциональность рассматривается либо в связи с авторским отношением к сообщаемому, либо во взаимодействии с жизненными ценностями, которые и формируют эмоциональное состояние героев. Важным было обратить внимание на то, какие семейные и нравственные ценности выражаются посредством эмоций. В качестве средств выражения эмоциональности отмечается эмоциональная лексика, лексика эмоций с ядерным и центральным эмотивным значением, а также синтаксические и художественные средства их выражения, для которых часто свойственна периферийная зона эмотивности.

Ключевые слова: эмотивность, чувства, оценочность, модальность, эмоциональная лексика, лексика эмоций, контекст

Для цитирования: Ивницкий Е. Категория эмотивности в современной литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 31–38. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-31-38

Введение

Эмотивность в лингвистике рассматривается как квалификативная модусная категория, которая эксплицирует субъект речи, тесно взаимодействуя с оценочностью и модальностью, вы-

ражает эмоциональное отношение человека к явлениям действительности. Эмоциональное отношение к сообщаемой информации и к действительности в полной мере проявляется в художественной литературе, однако для современных

художественных текстов свойственен, как мы убедимся далее, уход от излишней эмоциональности. Соответственно меняются и средства выражения эмоций, и эмоциональная оценка. По словам Н. Ивановой, в современной литературе уже появляется «мода на полную бесстрастность, отчужденность от чувства, отказ от его изображения, нежелание иметь дело со страданием и с состраданием, а также гневом, радостью, страхом и печалью» [1, с. 4]. При этом важно понимать, что чувства и воля человека – важнейшие факторы в познании действительности. Психологическая деятельность человека, состоящая из интеллектуального, эмоционального и волевого факторов, по идее должна вести к единству эмоций, мышления и воли.

Основная часть

По утверждению В. И. Шаховского, как языковая категория эмотивность образует внутрисловные и межсловные парадигмы, а эмотивное слово имеет либо эмотивное значение, либо эмотивную коннотацию, либо эмотивный потенциал, то есть может содержать «обязательный, факультативный и потенциальный» эмотивный компонент [2, с. 77–78]. И если обязательная и факультативная эмотивность зависят от лексической семантики, то потенциальная эмотивность, по утверждению Л. Г. Бабенко, может наводиться на «любое слово» [3, с. 3]. Другими словами, средствами выражения эмоциональности могут быть не только компоненты значения слова, но и контекст, эксплицирующий соответствие или несоответствие положения дел намерениям субъекта. Следовательно, эмоциональная оценка выражает эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому, соединяясь тем самым с имплицитной категорией субъективной модальности и эксплицируя ее квалификативные свойства: *Добрая Прасковья Петровна радовалась, что дочь ее наконец нашла себе достойного жениха* (А. Пушкин) [4]; *Я искренне радуюсь вашему счастью, Ирина Петровна* (И. Тургенев) [Там же] (здесь и далее разрядка наша – Е. И.). Здесь предикат *радоваться* выражает сильное чувство веселия, душевного подъема субъекта. В первом примере грамматический субъект не совпадает с говорящим, который, хотя и характеризует Прасковью Петровну как добрую и радостную, но это больше фактическая оценка, чем эмоциональная; во втором же примере говорящий является и грамматическим субъектом, поэтому эмоциональность коммуникативно подчеркивается в высказывании и интонационно, и обращением.

Вот, например, слово *нравиться* имеет следующее значение «доставлять удовольствие и

радость своим существованием или качеством» [5]: *Да, это вечно, это инстинкт – нравиться всем и всегда, от пещерных времен и доныне* (А. Слаповский) [4]. Это эмотивное слово указывает, прежде всего, на имплицитного деятеля и его отношение, потому что эмотивность всегда предполагает ее выразителя, следовательно, и все высказывание приобретает эмоционально-оценочную окрашенность.

В высказывании эмотивные предикаты (*нравиться, радоваться*) выражают оценку субъекта без оценивания качеств объекта, и это подтверждает лишь субъективность эмоциональной оценки. Например: *Городок начинал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом* (К. Паустовский) [Там же]. Предикат *нравиться* имеет значение «приходиться по вкусу, производить на кого-либо хорошее впечатление, вызывать расположение к себе» [6].

Исходя из данных примеров, следует, во-первых, разделить чувства и эмоции, в том числе и в семантической структуре предложения; во-вторых, принять во внимание психологическое понимание эмоций, которые сводятся к трем основным: радости, гневу, страху, хотя, например, К. Изард [7, с. 51] выделяет девять основных эмоций; в-третьих, разделить в языке эмотивность, оценочность и определить их квалификативную функцию в предложении; в-четвертых, отметить взаимодействие эмотивности с другими модусными категориями, а именно с модальностью и оценочностью.

Эмотивная лексика всегда коммуникативно значима, и если не является предикатом, то обычно входит в группу сказуемого, или в рема-тическую структуру высказывания.

Рассмотрим, что происходит сейчас с квалификативной модусной категорией эмоциональности. В качестве примеров проанализируем произведения наиболее читаемых современных авторов: Д. Рубиной, Е. Водолазкина, Л. Петрушевской, Ю. Мамлеева.

В современной русской литературе, как уже было сказано, эмоции чаще сдержанны, а отношение к ним отрицательное. В книге Д. Рубиной «Вавилонский район безразмерного города» говорится об отрицательном отношении к старикам и их эмоциям. Например: *Старики занудны. Старики рассказывают ветхозаветные притчи, интересные одним лишь тараканам на кухне. Старики допотопны, их проблемы ничтожны, их жалобы смешны* [8, с. 7]. Автор использует метафоры (*ветхозаветные притчи, интересные тараканам*), которые, как известно, выражают эмоционально-оценочную реакцию. Слово за-

нудны разговорное, и поэтому «дает оценку тому, что называет» [9, с. 122]. Кроме того, оценочное слово находится в позиции предиката и выступает в роли квалификатора сообщаемой информации. Далее оценка поясняется, конкретизируется, что придает ей эмоциональности.

Причины отрицательного эмоционального отношения можно увидеть в другом примере этого рассказа, где видно, как представители разных поколений по-своему оценивают действительность, по-разному относятся к окружающим. Например: *Хляньте на этих паразитов! Такое хоре кругом, люди остались без дому, без постели, а у вас одни удовольствия в голове!* [8, с. 10]. Речь бабушки, конечно, очень эмоциональна, лексика содержит отрицательную коннотацию (*паразитов*). Восклицательная интонация передает не только эмоциональное состояние, но и непонимание того, как дети могут быть такими бесчувственными и безучастными к горю других. Эмоции удивления и гнева направлены на детей, которые либо не понимают сложившейся ситуации, либо не знают, что надо выразить сочувствие.

В приведенном примере эмоциональность можно разделить на «лексику эмоций и эмоциональную лексику» [3, с. 12]. Слова, называющие эмоции (*горе, радость*), некоторые исследователи считают не эмотивными, так как они «не выражают отношение к адресату», но оценочными, а значит, и потенциально эмотивными [10, с. 35]. В данном примере эмоциональное состояние актуализируется ситуацией, в которой противопоставляются разные образы и указывается на неуместное поведение. Возможно, эта особенность в использовании лексики эмоций, характерная для старшего поколения, свойственна и более поздней литературе, а современное поколение, как и современная литература, старается выглядеть рациональной, уверенной в себе, прагматичной.

Эмоциональность всегда присутствовала в русской литературе. Даже если не брать целое чувственное направление, сентиментализм, то можно найти много тому подтверждений. И довольно интересно сравнить с этой точки зрения художественные образы, например, литературы XIX века и современной литературы. Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», отличающегося своей эпичностью, много героев, которые характеризуются эмоциональностью. Это не только оживляет образы героев, но и передает быт того времени, типичные характеры героев, взять хотя бы нравственные искания Андрея Болконского. Надо отметить, что князь Андрей вовсе не отличался сентиментальным характером,

а, наоборот, рационально смотрел на жизнь, и, тем не менее, ему свойственно и чувственное восприятие жизни, и выражение эмоций. Например:

«Да, он тысячу раз прав этот дуб, – думал князь Андрей, – пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, – наша жизнь кончена!» Целый новый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея [11, с. 513].

Речь идет о мыслях безнадежных, но грустно-приятных. Почему же все-таки приятных? Объяснение этому мы видим дальше: герой должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая. Одиночество здесь не безнадежное, у героя есть нравственный стержень, потому что неделание зла уже способно успокоить человека, подготовить его к духовному обновлению, что и происходит впоследствии:

Старый дуб, весь преображенный, раскинувшись шатром сочной, темной зелени, млел, чуть колыхаясь в лучах вечернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого горя и недоверия – ничего не было видно... «Да это тот самый дуб», – подумал князь Андрей, и на него вдруг нашло беспричинное веселее чувство радости и обновления [Там же, с. 517].

В этом примере одиночество не было абсолютно безнадежным, потому что у героя еще остались чувства. Он потерял жену, но были те, кого он любил, сын, сестра, отец. У героя осталась эмоционально благоприятная среда, поэтому он пытается найти сочувствие у природы, выразить свое к ней отношение, и его грустное отношение к жизни сменилось радостью.

Кваликативное эмотивное значение выражается здесь предикатом *млел* (находился в состоянии истомы, наслаждаясь покоем), а также рядом однородных членов предложения, усиливающих эмотивное отношение к сообщаемому.

В современной литературе мы также встречаем одиноких героев, но их эмоциональное состояние выглядит уже по-иному. Проанализируем рассказ «Дорога домой» Дины Рубиной. Например: *Я же не понимала, кому и чем так помешала моя беготня по окрестным улицам и дворам, чтобы запихивать меня в автобус с целой оравой горластых обормотов и так далеко увозить: растерянность кошки, выглядывающей из неплотно застегнутой сумки* [8, с. 9]. Образ ребенка сопоставляется с образом растерянной кошки, а отрицательную оценку эмоциональному состоянию придают разговорные слова *запихивать, обормотов*.

Дальше чувство страха и растерянности сменяется одиночеством: *Я шла, чувствуя направление внутренним вектором, как та же кошка, завезенная черт в какую даль... Именно одной и ночью, молча возражала я, только одной и ночью можно было проделать этот одинокий путь* [Там же, с. 10]. Героиня находится в эмоциональном, взволнованном состоянии, но она молча возражает родителям. Родители не понимают, как можно сбежать из пионерского лагеря, а девочка не может с ними об этом искренне поговорить: возможно, в семье не принято говорить о чувствах и переживаниях, когда дело касается общепринятых норм. И свое возражение героиня заканчивает безнадежным рассуждением: *Мне кажется, в ту ночь возвращения домой под невыразимо ужасным и невыразимо величественным небом я поняла несколько важных вещей. Что человек одинок. Что он несчастен всегда, даже если очень счастлив в данную минуту* [Там же, с. 13].

Здесь используется и эмоциональная лексика, и лексика эмоций (*невыразимо ужасный, несчастен всегда*). В этом примере речь идет уже действительно о безнадежном одиночестве, даже счастье рассматривается как вид несчастья. Отношения между родителями и ребенком в полной мере напоминают человека и ненужное домашнее животное: *Мама же причитала, ужасалась, сокрушалась... Да другой бы мечтал бы о таком счастье... и вообще, полюбуйтесь на это чудо – разве это нормальная девочка?* [Там же].

Типичный пример конфликта отцов и детей заключается не в противоборстве идей или чувств, а в полном непонимании друг друга, в отсутствии общего эмоционального настроения.

Роль эмоций в жизни человека отчетливо видна в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор». Герой-рассказчик оказался в больнице, он ничего не помнит, память возвращается постепенно, понемногу, и вот что он вспоминает. Например: *Я плачу... только ведь плачу я не от страха – от избытка чувств. От восхищения мужеством и великой славой этих людей (пожарных)* [12, с. 53]. Плач героя связан с положительным чувством восхищения, то есть вспоминаются не только слезы, но и чувства, которые переживает и выражает герой. Также здесь хорошо видно взаимодействие чувств и эмоций: объективное чувство страха (от пожара) сменилось (при виде пожарных) на радость, и поэтому герой выражает эмоцию восхищения. Вспоминается герою и другое эмоциональное состояние:

Человек... режет колбасу ровными кружками, один за другим отправляет их в рот. Скорбная трапе-

за. Грустно запивает их водкой. Вот, надо же, ничего особенного, и врезалось в память [Там же, с. 57].

Неприметное событие, но запомнилось чувство, с которым герой ест и пьет. Самые же яркие эмоциональные впечатления связаны с семьей:

...Я люблю большое скопление народа. Тогда еще люблю... Отец выходил на перрон и целовал нас – сначала меня (подняв на руки), затем маму, – и появление его было несказанным счастьем. Счастье, счастье, говорил я про себя, увидев отца [Там же, с. 94].

Чувство счастья, которое испытывает герой, вспоминается ему в деталях, как, впрочем, и другие чувства. Именно чувства и эмоции приводят героя к жизни, особенно детские положительные эмоции, и через такое осознание он начинает вспоминать прошлое.

В романе «Авиатор» говорится об особенностях современного общества, в котором легко сочетается эмоциональность и практичность: *А может, это стиль эпохи? Поколение юристов и экономистов. Только где же, спрашивается, мечта? Полет где?* [Там же, с. 210].

В другом произведении Е. Г. Водолазкина «Русский акцент» рассказывается история любви, при этом эмоциональное состояние героев получает необычное развитие. Например:

На досуге Юрий рассуждал о том, что и в самом деле не знает, зачем разбирают и собирают автомат на время. Как много, удивлялся он, вещей необъяснимых, но ставших частью русского бытия, – что, собственно, и отличает нас от них. Марта же удивлялась тому, как иррационально устроена русская жизнь [13].

Герои знакомятся и открывают для себя много нового и удивительного. Здесь чувство удивления связано, скорее, с отрицательной оценкой (*иррационально устроена*). Хотя герой рассказывает о русской жизни с большим воодушевлением и радостным чувством, логичные и практические вопросы Марты ставят его в тупик. Далее следует рассказ Марты о немецкой жизни:

Описывала (Марта), как всем классом собирали деньги на немецкие книги для детей Зимбабве, как, купив книги, распределили их по десяти посылкам, причем в каждую посылку вложили еще по несколько плиток шоколада. Дети Зимбабве (печальная трель велосипедного звонка) им так и не ответили [Там же].

Дети сделали доброе дело, но испытали вместо радости чувство печали, так как им не ответили взаимностью. О своих детских чувствах и впечатлениях рассказывает и Юрий:

Однажды Юрий описал ей, как, вооружившись цепями, ездили они с ребятами под Челябинск бить торговцев наркотой. «Зачем бить?» – спросила Марта. – «Так ведь они наркотой торгуют...» – «А полиция зачем?» – «Какая полиция... Полиция с ними в доле». (Марта) произнесла еще медленнее, чем обычно: «В этом, знаешь, разница между нами и вами. Такие вещи должна делать только полиция» [Там же].

Действительно, в этом разница: там нужно делать правильно, по закону, а у нас на первом месте чувство, часто чувство справедливости, хотя, возможно, это и не всегда оправдано.

Герои рассказа проникаются взаимной симпатией, им хочется лучше узнать друг друга: *Сегодня я хочу проехать через Английский сад... В спокойном Мюнхене мне не хватает риска. Вероятно, я стала немного русской* [Там же]. Как отметила Н. Д. Арутюнова, «эмоции создаются рядом противоречащих образов (особенно любовь)» [14, с. 11]. Противопоставление образов двух героев приводит к взаимной влюбленности, но рациональное объяснение событий берет верх над чувствами:

«Это наркоманы (в саду), – нарушила тишину Марта... – И правильно, что вы никак не стали препятствовать». Юрию показалось, что в этих словах промелькнул оттенок разочарования. «В таких случаях разумнее уступить, – продолжала Марта. – А мы завтра напишем заявление в полицию». – «Да, – согласился Юрий, – пусть этим делом занимается полиция». Через два месяца они обвенчались [13].

Именно такими фразами заканчивается рассказ.

С рациональной точки зрения все закончилось хорошо, с оценкой со знаком «+», но где же чувства, где признания или хотя бы элементы романтики? Принять правильную и разумную жизнь – это, конечно, хорошо. Но если чувств и эмоций нет, то оценка «хорошо» снижается до «нормально», если не ниже. Следует учитывать, что «в эмоциях присутствует разная доля чувства и оценки, поэтому первичные эмоции – чувственные, а вторичные – окультуренные» [15, с. 370].

На отсутствие эмоций оказывают влияние жизненные ситуации. В рассмотренном выше рассказе личные отношения героев связаны с культурными и политическими вопросами, которые и повлияли на их отношения. В поиске национального самосознания герой отказывается от личного и эмоционального начала и подчиняет себя разумному, должному поведению. В качестве примера хотелось бы привести слова Дмитрия Рогозина о русской эмоциональности,

чтобы лучше осознавать современные тенденции. «Мы всегда относились к категории очень <...> эмоциональных наций. Русские очень эмоциональный народ. Мы гораздо эмоциональнее итальянцев. <...> Я скажу вещь очень непопулярную, но мне кажется, что мы должны создать в России ситуацию геополитической рутины. Когда мы будем хладнокровны в определении угроз в наш адрес и еще более хладнокровны в ответах на эти угрозы» [16].

Эмоциональная лексика по-особому отражалась в литературе 80-90-х годов, обнаруживая свойственные ей конфронтационно-невротические эмоции, которые характеризуются критикой окружающих: родственников, соседей или представителей власти. Отрицательные эмоции формировались из-за недостаточного внимания к нравственным проблемам, и причину всех бед люди искали не в себе, а в окружающих. Это своего рода поиск козла отпущения, чтобы выплеснуть на него все зло. И обычно уход от конфронтации не способствовал решению проблем, которые находили человека везде.

В конфронтационной литературе категория эмотивности выполняет функцию квалификативной модусной категории, так как в ней есть отношение между субъектом и объектом речи. Так, междометия, имеющие в своем значении обязательный эмотивный компонент, участвуют в квалификации сообщаемого либо на уровне пропозиции, либо на уровне модуса. Подобного рода пример есть в произведении Л. Петрушевской «Новые Робинзоны»:

Однажды ночью мы услышали под дверью писк как бы котенка и обнаружили младенца, завернутого в старую замасленную телогрейку. Отец, который терпелся к Лене и даже приходил к нам днем кое-что поделывать по хозяйству, тут ахнул [17].

Даже вдали от цивилизации проблемы находят героя, выводят его из себя, вызывая отрицательные эмоции. Слово *ахнул* образовано от междометия и обозначает сильное потрясение, которое испытывает человек. Также этот эмотив находится в предикативной позиции, что способствует выражению эмотивного отношения на уровне модуса.

Конфронтация эмоций, о которой уже было сказано, заключается в поиске внешнего врага, в желании найти виновного в своих несчастьях. Например: *Все становится сложным, когда речь идет о выживании в такие времена, каковыми были наши, о выживании старого немоющего человека перед лицом сильного молодого семейства* [Там же]. Эмоции, выражающие чувства сожаления, страха, указывают на оценку ситуации

с точки зрения субъекта речи. В данном примере эмоциональность создается противопоставлением образов старого и молодого поколений, и эти образы поясняют отрицательную оценку предиката – *становится сложным*. Так квалификативная категория эмоциональности взаимодействует с оценочностью.

Современной литературе если и свойственна эмоциональность, то это эмоции с отрицательной оценкой или отрицательной коннотацией, либо, как уже было сказано, это отказ от личных эмоций в пользу общественной или национальной идентификации. Можно предположить, что происходит уход не просто от эмоций, а уход положительных эмоций, а значит, и уход положительных ценностей. Подобного рода эмоциональность можно наблюдать в произведениях Л. Петрушевской, Ю. В. Мамлеева.

В сборнике Ю. В. Мамлеева «О чудесном» есть рассказ, который называется «Счастье». Речь здесь и идет о счастье, но не без доли иронии и с отрицательной коннотацией, так что вряд ли читатель позавидует описанному счастью героев:

«Что есть счастье? – вдруг громко спрашивает Гриша... – Слышь, браток... Почему ты счастлив... Скажи... Корову подарю»...

Михайло молчит, утонув в пиве [18].

Автор с иронией рассказывает, что друзья после очередного запоя лечатся пивом, и «выражение их лиц трезвое и смиренное». Несовпадение образов пьяных дружков с возвышенной темой о счастье способствует выражению эмоционального состояния героев: один из них доволен жизнью, а другой – нет: – *Очень скучно мне вставать по утрам... – «Плохое это, – мычит Михайло. – Счастье – это довольство... И чтоб никаких мыслей», – наконец проговаривает Михайло* [Там же]. Для героя рассказа счастье заключается в чувственном наслаждении, и такое счастье, конечно же, вызывает у читателя отрицательную оценку, да и у друга Михаила тоже. Но, с другой стороны, герои думают о счастье, ищут его, поэтому они не безнадёжны. А научный подход к жизни, например, заключающийся во влиянии количества (выпитого) на качество (жизни), поможет им в поиске: «*В секту пойду», – бросив волосы на нос, произносит Гриша. Михайло возмущается. – «Не по-научному так, – увещевает он. – Не по-научному»* [Там же].

Пример ухода от эмоций можно видеть в рассказе Л. Петрушевской «Нагайна», где пренебрежение положительными эмоциями приводит героя к разочарованию и одиночеству, то есть отказ от положительных эмоций неизбежно при-

водит к отрицательным эмоциям. Например: *Мордочка хорошенькая, фигура прекрасная, ножки длинные, все как надо. Но лицо! Сияет счастьем буквально* [19, с. 6]. Слово *счастье* употребляется здесь с отрицательной оценкой. Герою нравится в девушке все, кроме счастливого выражения лица, и он, можно сказать, убегает от нее, хотя потом жалеет об этом, но найти ее уже не может: *Он постоял, тяжело дыша, погладил ледяную шершавую поверхность, как будто это был надгробный камень, и поплелся назад* [Там же, с. 210]. Герой находится в поиске счастья, но внутренняя пустота, бессмысленность жизни лишают его положительных эмоций.

Крайнюю периферию ЛСП (лексико-семантического поля) эмотивности занимают слова потенциально эмотивные, в которых эмотивное значение возникает из контекста или из ситуации, что можно наблюдать в последнем примере, это так называемые слова-символы, но тем не менее для семантической структуры предложения они остаются актуализаторами эмотивной квалификации.

Приведенные выше примеры показывают, что отказ в жизни от положительной эмоциональности вряд ли поможет решить все проблемы или сделать человека более счастливым, а вот создание в обществе культуры эмоций, которая бы строилась на традиционных ценностях и развитии образования, способствовало бы укреплению русской нации. Хорошим примером может служить высказывание директора музея Джеймса Брэдберна о «Выставке современного искусства»:

Семьи – приоритет для нас. Я верю, что именно эмоции меняют людей, а семья – это пространство концентрации эмоций. Интенсивный обмен эмоциями запоминается на всю жизнь, и наша задача – создать как можно больше ситуаций для такого обмена [20].

Выводы

1. В плане квалификативных модусных категорий категория эмотивности тесно взаимодействует с категориями оценочности и экспрессивности, но в то же время не сливается с ними. Категория эмотивности в языке может быть представлена как эмотивное семантическое поле с ядерным и периферийным эмотивным значением. К ядерной зоне эмотивного семантического поля относятся слова с обязательным эмотивным компонентом; лексемы с вторичной эмотивностью (коннотативы) относятся к периферийной зоне как менее частотные и контекстуально зависимые; к дальней и крайней периферии относятся слова с потенциальной эмотивностью: это ли-

бо слова-символы, либо слова, получившие эмотивность из эмоциональной ситуации.

2. Исследование показало, что в современной русской литературе, литературе третьего десятилетия XXI века наблюдается снижение эмоциональности. С одной стороны, это уход от эмоционального восприятия действительности в пользу социальной или национальной проблематики, с другой – снижение эмоциональной оценки в нравственной характеристике героев.

3. Эмоциональная лексика чаще содержит отрицательное эмоциональное значение, хотя в языке именно такая лексика и преобладает, а лексика эмоций либо содержит отрицательную коннотацию, либо употребляется с иронией.

4. Возможно, что срабатывает принцип: все хорошее человек считает нормой, а отклонение от нормы заслуживает внимания. Эмоциональное состояние героев, как правило, создается с помощью метафор и других тропов, с помощью противоречащих образов и ситуаций.

5. Это особенно заметно при сопоставлении примеров из произведений «Авиатор» Е. Г. Водолазкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого. Эмоциональное состояние героев различно, хотя романы пользуются успехом у читателя.

6. Слова-символы как актуализаторы эмотивной квалификации тоже подвергнуты переосмыслению, становясь знаками сомнительных эмоций.

7. Кроме того, снижение эмоциональности в современной литературе наблюдается и в уходе от окультуренных эмоций к эмоциям первичным, чувственным, и, как правило, это связано с утратой традиционных ценностей. Особенно это видно в сравнении с русской литературой XIX века. Эмоциональная деятельность человека тесно связана с познавательной деятельностью, поэтому уход от эмоций – это уход и от познания, от интереса к жизни.

8. Создание в обществе культуры эмоций – такова задача литературы, отражающей и уход эмоций из психологии героев текста (провал эмоций в литературном отражении), и зреющую необходимость усиления этого квалификативного признака – эмоциональности как необходимой черты в литературном отражении происходящего.

Список источников

1. Иванова Н. Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности // Знамя, 2011, № 11. С. 3–5.
2. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

3. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: изд-во Урал. ун-та. 1989. 184 с.

4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.08.2023)

5. Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.ru/> (дата обращения: 15.08.2023)

6. Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 15.08.2023)

7. Изард К. Э. Психология эмоций / Перев. с англ. СПб: Издательство «Питер», 1999. 464 с.

8. Рубина Д. И. Вавилонский район безразмерного города. Издательство «Эксмо», 2019. 270 с.

9. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс.: учеб. Пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. 5-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 384 с.

10. Телия В. Н. Типы языковых значений. М.: Наука, 1981. 269 с.

11. Толстой Л. Н. Война и мир: роман. В 2 кн. Кн. 1. Т. 1, 2. Москва: Издательство АСТ, 2018. 733 с.

12. Водолазкин Е. Г. Авиатор. Издательство «АСТ», 2016. 416 с.

13. Единый ресурс русскоязычных литературных журналов и альманахов. URL: <https://xn--80alhdjhdchxy5hl.xn--p1ai/content/russkiy-akcent> (дата обращения: 12.08.2023)

14. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Либроком, 2019. 384 с.

15. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка // Избранные труды. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1995. 472 с.

16. Новый мир. URL: <https://www.rulit.me/books/novyy-mir-5-2004-read-219524-170.html?ysclid=lo7fge7pvq960048375> (дата обращения: 17.09.2023)

17. Сказки. URL: <https://skazki.rustih.ru/lyudmila-petrushevskaya-novye-robinzony/?ysclid=lo7floql6u62722150> (дата обращения: 12. 09.2023)

18. Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/mamleev_yuriy/sbornik_rasskazov.html#0 (дата обращения: 17.09.2023)

19. Петрушевская Л. С. Нагайна, или Измененное время. Издательство «Эксмо», 2019. 352 с.

20. Агид. URL: <https://artguide.com/posts/1869?ysclid=lmgva3gxw948800477> (дата обращения: 12.09.2023)

References

1. Ivanova, N. (2011). *Zapret na liubov'. O defitsite emotsii v sovremennoi slovesnosti* [The Prohibition on Love. On the Lack of Emotions in Modern Literature]. *Znamia*, No. 11, pp. 3–5. (In Russian)
2. Shakhovskii, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic Theory of Emotions]. 416 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)
3. Babenko, L. G. (1989). *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* [Lexical Means of Emotion Designation in the Russian Language]. 184 p. Sverdlovsk, izd-vo Ural. un-ta. (In Russian)

4. *Natsionalnyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 15.08.2023). (In Russian)
5. *Gramota.ru*. URL: <http://www.gramota.ru> (accessed: 15.08.2023). (In Russian)
6. *Vikislovar*. URL: <http://ru.wiktionary.org> (accessed: 15.08.2023). (In Russian)
7. Izard, K. E. (1999). *Psikhologiya emotsii* [Psychology of Emotions]. Perv. s angl. SPb. 464 p. St. Petersburg, Piter. (In Russian)
8. Rubina, D. I. (2019). *Vavilonskii raion bezrazmernogo goroda* [The Babylonian District of the Dimensionless City]. 270 p. Eksmo. (In Russian)
9. Alefirenko, N. F. (2012). *Teoriya yazyka. Vvodnyi kurs* [Theory of Language. An Introductory Course]. Ucheb. posobie dlya stud. filol. spets. vyssh. ucheb. zavedenii. 384 p. Moscow, Akademiya. (In Russian)
10. Teliya, V. N. (1981). *Tipy yazykovykh znachenii* [Types of Language Values]. 269 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
11. Tolstoy, L. N. (2018). *Voyna i mir: roman. V 2 kn. Kn. 1. T. 1, 2* [War and Peace: A Novel. In 2 books. Book 1. Vol. 1, 2]. 733 p. Moscow, AST. (In Russian)
12. Vodolazkin, E. G. (2016). *Aviator* [The Aviator]. 416 p. Moscow, AST. (In Russian)
13. *Edinyi resurs russkoyazychnykh literaturnykh zhurnalov i al'manakhov* [A Single Resource of Russian-Language Literary Magazines and Almanacs]. URL: <https://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/content/russkiy-akcent> (accessed: 12.08.2023). (In Russian)
14. Arutyunova, N. D. (2019). *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning. Logical and Semantic Problems]. 384 p. Moscow, Librokom. (In Russian)
15. Apresyan, Yu. D. (1995). *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. Izbrannye trudy. T. 1* [Lexical Semantics. Synonymous Means of Language. Selected Works. Vol. 1]. 472 p. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury. (In Russian)
16. *Novyi mir* [The New World]. URL: <https://www.rulit.me/books/novyi-mir-5-2004-read-219524-170.html?ysclid=lo7fge7pvq960048375> (accessed: 17.09.2023). (In Russian)
17. *Skazki* [Fairy Tales]. URL: <https://skazki.rustih.ru/lyudmila-petrushevskaya-novye-robinzony/?ysclid=lo7floql6u62722150> (accessed: 12.09.2023). (In Russian)
18. *Elektronnaya biblioteka RoyalLib.com* [Electronic Library RoyalLib.com]. URL: https://royallib.com/read/mamleev_yuriy/sbornik_rasskazov.html#0 (accessed: 17.09.2023). (In Russian)
19. Petrusheskaya L. (2019). *Nagaina, ili Izmenennoe vremya* [Nagaina, or Altered Time]. 352 p. Moscow, Eksmo. (In Russian)
20. *Agid*. URL: <https://artguide.com/posts/1869?ysclid=lmgva3gxw948800477> (accessed: 12.09.2023). (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2023
Поступила в редакцию 02.11.2023

Ивницкий Евгений Иванович,
аспирант,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет,
308015, Россия, Белгород,
Победы, 85.
ewgen12.ivnitskij@yandex.ru

Ivnitsky Evgeny Ivanovich,
graduate student,
Belgorod State National Research University,

85 Pobedy Str.,
Belgorod, 308015, Russian Federation.
ewgen12.ivnitskij@yandex.ru

УДК 81'282.2

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-39-47

ДИАЛЕКТНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ СЕЛА КОЛОМЫЦЕВО ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

© Любовь Недоступова

DIALECT LINGUISTIC PERSONALITY FROM THE VILLAGE OF KOLOMYTSEVO, THE VORONEZH REGION

Lubov Nedostupova

This paper presents the speech of a native from a settlement in the west of the Voronezh Region. The aim of the study is to determine the distinctive characteristics of the dialectal linguistic personality from the village of Kolomytsevo, the Liskinsky District, to make up its modern portrait. The subject of our academic essay is the phonetic and grammatical features of the dialect and the themes that reflect the world of the dialect carrier. The object of our study is the Kolomychanka dialect. The living speech of Lidiya Mikhailovna Kostyrkina, recorded by me in the course of our easy communication, was used as a language material. In the process of working on the article, we applied the following methods: the method of stationary observation, survey, description and analysis. The results of the research are the data that allow interpreting a linguistic personality as a carrier of Russian-Ukrainian dialects according to a number of features that are most clearly seen at the phonetic level. We prove that the respondent's speech is simple, expressive and plain. The article concludes that through the original living dialect, the speech portrait and the world of the dialect carrier are represented due to specific features, which display the image of a person with their views on rural realities, diverse family relationships, a rich inner way of thinking, a special faith in God, etc. Everyone has their own system of views. The presented material is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: linguistic personality, dialect speech, phonetic features, grammatical features, Russian-Ukrainian dialect

В работе представлена речь уроженки населённого пункта на западе Воронежской области. Целью исследования является определение отличительных характеристик диалектной языковой личности села Коломыцево Лискинского района, составляющих её современный портрет. Предметом научного сочинения выступают фонетические и грамматические особенности говора и темы, отражающие мир диалектоносителя. Объектом изучения становится говор коломычанки. В качестве языкового материала использована живая речь Костыркиной Лидии Михайловны, зафиксированная автором в ходе непринуждённого общения. В процессе работы над статьёй применены методы стационарного наблюдения, опроса, описания и анализа. Результаты изыскания заключаются в данных, позволяющих интерпретировать языковую личность в качестве носителя русско-украинских говоров по ряду представленных особенностей, наиболее чётко прослеживающихся на фонетическом уровне. Доказано, что речь респондента проста, проникновенна и незамысловата. Сделан вывод, что посредством оригинального живого говора репрезентирован речевой портрет и мир диалектоносителя с чертами, специфические особенности которых заключаются в отображении образа человека с его воззрениями на деревенские реалии, разноплановые семейные отношения, богатый внутренний образ мыслей, особую веру в Бога и мн. др. Система взглядов у каждого своя. Представленный материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: языковая личность, диалектная речь, фонетические и грамматические черты, русско-украинский диалект

Для цитирования: Недоступова Л. Диалектная языковая личность села Коломыцево Воронежской области // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 39–47. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-39-47

В настоящее время внимание многих отечественных лингвистов обращено на изучение национальной речи. На актуальность исследовательской деятельности указывает известный диалектолог

Л. И. Костючук: «Необходимо знать и понимать неопенимую роль народной некодифицированной речи... Познание языка и языковой картины мира человека через народный язык составляет задачу лингвистики и в XXI веке» [1]. Вместе с тем «диалектное слово позволяет исследователю увидеть и понять человека „изнутри“, поскольку ничто не входит в язык иначе, как через слово» [2, с. 74].

Известно, что «исследования диалектной языковой личности традиционно основываются на материале, полученном от „типичных“ носителей говора – людей старшего поколения, уроженцев определенной местности, не выезжавших надолго за ее пределы и не имеющих высшего образования» [3, с. 61]. Е. В. Иванцова пишет, что «для каждого человека типичен свой набор сфер и форм и организации текста в них» [4].

Следует сказать, что «одним из перспективных методов описания диалектной языковой личности является метод речевого портретирования. Сущность этого метода репрезентируется в трудах отечественных лингвистов в процессе изучения речи представителей различных социальных и возрастных групп, профессий и культурных предпочтений» [5].

Подчеркнем, что проблемам языковой личности, речевому портретированию посвящены работы В. П. Тимофеева [6], Ю. Н. Караулова [7], Р. Ф. Пауфогина [8], Л. Г. Гынгазовой [9], Е. А. Крапивец [10], В. Д. Лютиковой [11], К. И. Демидовой [12], Е. В. Ивановой [4], С. В. Шильниковской [13], Ю. Н. Драчевой [14], С. А. Ганичевой [3], Н. Н. Зубовой [15], Н. Н. Зубовой, Е. Н. Ильиной [16], М. И. Черняевой [5], Л. В. Недоступовой [17], [18] и мн. др.

Т. Л. Калентьева считает, что «специфика языковой личности проявляется не только в характере лексикона, но и в особенностях создания текста: он отражает способ формирования и формулирования мысли и индивидуален у каждого говорящего» [19, с. 77]. По мнению Б. Ю. Нормана, «речь рядового носителя языка – тоже творчество, и оно заслуживает не меньшего внимания ученых, чем профессиональное сочинительство. <.> Речевая деятельность обычного человека – это массовое, типичное явление, это то, к чему причастны все мы» [20, с. 3].

Примечательные факты мы зафиксировали в небольшом сельском поселении Центрально-Чернозёмной зоны. Прибегнем к истории: «Коломыцево расположено в 15 км от районного центра г. Лиски в южной части муниципального района, от областного центра города Воронежа – в 135 км. Основное занятие жителей – сельское хозяйство» [21]. Интересно, что «населённый

пункт основан в первой половине XVIII века выходцами из города Острогожска, название получил по имени первопоселенца <...>. На территории селения находится Дом культуры, общеобразовательная школа, детский сад, почта, библиотека, МФЦ, медицинский пункт, церковь Покрова Пресвятой Богородицы, братская могила погибшим в годы Великой Отечественной войны, парк, стадион, 2 магазина, автомастерская» [22]. В настоящее время в Коломыцево 264 хозяйства, проживает около 792 человек. Преимущественно население представлено возрастной категорией старше 30 лет.

Уточним, что настоящая работа подчёркивает научный интерес автора данного сочинения к говорам и речи жителей небольших российских деревень.

Целью статьи является определение отличительных характеристик диалектной языковой личности села Коломыцево Лискинского района Воронежской области, составляющих её современный портрет.

Предметом исследования выступают фонетические и грамматические особенности говора и темы, отражающие мир диалектоносителя.

Объектом изучения становится говор коломычанки.

В качестве языкового материала использована живая речь Костыркиной Лидии Михайловны, 1938 года рождения, зафиксированная в 2022 году в ходе непринуждённого общения.

В процессе изыскания применены нижеследующие методы: стационарного наблюдения, опроса, описания и анализа.

В. Гумбольдт писал: «Все люди говорят как бы одним языком, и в то же время у каждого человека свой отдельный язык. Необходимо изучать живую разговорную речь и речь отдельного индивидуума», поскольку «только в речи индивида язык достигает своей окончательной определённости» [23, с. 84]. Более того, «чем полнее будет представлен речевой портрет, тем объективнее он отразит реальную сущность языковой личности в её единстве общего, типичного и индивидуального» [4, с. 21].

Напомним, что в центре нашего исследования находится языковая личность Л. М. Костыркиной, коренной коломычанки, бывшей рабочей. Укажем, что диалектной речи свойственны отличительные характеристики. Представим *фонетические черты*.

Среди согласных звуков в речи респондента наблюдаются следующие:

1. Звук [в] функционирует в 2-х качествах: как губно-губной [в]: *родив, вже, вывчисся, коров* и как неслоговой [у]: *заутра, красаучик,*

ополоунык, позаучера, устала, уключила, унук, унуничек, ус го, усё, усю, учёра] и др.

2. Звук [г] фриктивного образования *Боуа, боуато, выунал, разу, уарбузы, ул д т, уода, уоли, уолоси, уоло у, уород, уотовыт, урупа, уро и, ууляд, долую, друуа, ёуо, моуу, ноуа, н уожа, н уожуся, ноуты, обоур вател, побула, поул ди, поуналс, поурыб, помоуае, разоуреваю, рууа, с моуо, сн уа, соула а ся, твоуо, торууе, тяуають, убитоуо, фс уда* и др.

3. Утрата начального или конечного согласного: *А* (где) *Ромка? Жит у ей* (у неё) будя. *Нычёго н бачу на ёго* (про него). *автра торгуя тёт Тая, не* (нет)? *То она чисто ить* (ведь). *А кума* (сказала), *о прыв злы* и др.

4. Йотация: *йила, йиздыт, йисты, йих, йихат, йи, пойидым, пойила, прийиду, прийихалы, прийижжа, пройидал* и др.

5. На месте мягких согласных употребляются твёрдые: *б ынчи ы, бо ыт, борш, бу, б дны, б жа, б н ын, б сплатно, б ссов сна, варыла, воскр с ные, во мы, Ворон ж, выв зу, выв рнуло, выдно, вы ыла, вык учи, выпыса ы, вып ла, в ыкая, в рхн ю, в чер, г т, Госпо ы, ывытца, н, ржа, сит, до ты, дробы ы, ыван, ывы ыся, забу, забол ы, забыра, заб р т, закры ы, зам рзну, зан с, заставыла, застын, звоныла, иишио, ид, изм рыт, и ым, иха ы, камны, квартыра, кра саучи ы, кормыт, коровнык, купыла, круты, ыдая, ы и ы, жа, Л на, ныва, х ы, лю ам, Марынка, мат ры, мыска, навара, на ла, н ы, н в ста, н из а, н остан ся, н сп а, Наст, ногты, носыт, Ныночка, ныхто, о ын, одны, открыва ы, оны, отстав, по очер ы, плат ы, платыт, погналс, п ыта, по ыдае, получа ы, пон н ык, постав, потых н ку, прыдя, погрыб, постырая, прыв з ы, прыхолодна, прыв т, пры ла, пустыт, пырож ы, прыв т, пр в зла, пр в рнулася, пр во ы, пр даст, р бята, роднысен ка, ру ы, р монт, са ыс, св т, собирае ся, солод ы, спасибо, спына, ставы ы, сы ыт, сыла, см рты, сн жины, с ными, суда, с ла, с м, с рчно, сы ы, таб тках, тар л ы, тры, тыхон ко, т б, т лятнык, т п р, т п ыца, у иха ы, ум р, упа, учит с, фс гда, фрикламы, хо а, холо ы нык, цв точками, четыр ста, ктрычка, ты, яблокы и др. И, наоборот, вместо твёрдых – мягкие: *базар, го и, помидори* – базар, голый, помидоры.*

6. Глухие согласные на конце слов становятся звонкими: *хо, ня* – хоть, пять; звонкие используются на месте глухих, на конце слов и перед глухими не оглушаются: *ак, п н ия, ночи, ар ковым; га, гарбу, го, гуля, де, моро,*

отря, погрыб, ра, о -ныбу; соси ка, С рёж-ка – так, пенсия, с ночи, с Царьковым; газ, арбуз, год, гулять, дед, мороз, отряд, погреб, раз, что-нибудь; соседка, Серёжка и др.

7. Отсутствие перехода [х] в [к] *ныхто, трахтор, хто* – никто, трактор, кто; [х] в [ш] *н слухал* – слушал; [с] в [ш]: *голосин я* – голошение; [т] в [к]: *вр мянти* – времянке; [х] в [в / ф]: *ахтобус* – автобус; [н] в [д]: *кажны* – каждый и др.

8. Использование [ц] на месте [к]: *мамы, Нинцы, тряпцы* – мамке, Нинке, тряпке. Интересно, что А. Д. Черенкова отметила использование [ц] на месте [ч] в говорах Воронежской области, отнеся их к «цуканскому типу»: «Потомки цуканов живут в сёлах Лискинского района <>, в Каширском районе, граничащем с Лискинским <>, в Бобровском районе <>, в Панинском районе и др. Лискинские и каширские цуканы, не задумываясь, говорят о том, что их предки из Подмоскovie» [24, с. 160]. Однако в речи Л. М. Костыркиной данная фонетическая черта отличается.

9. Стяжение гласных и упрощение согласных: *бол* – больше, *в рхню* – верхнюю, *выклада* – выкладывай, *дажно* – должно, *закручна* – закручена, *маяк* – маньяк, *навлячка* – наволочка, *накладат* – накладывать, *нычё* – ничего, *н-гожа* – негодный, *полонык* – половник, *посеред* – посередине, *сёдня* – сегодня, *с мого* – седьмого, *тая* – твоя, *твого* – твоего, *тока* – только, *ухажват* – ухаживать, *о* – что, *щаз* – сейчас, *иссот* – шестьсот и др.

Наблюдается увеличение основы слова: *н сп ай* – не спеши (оно объясняется удобством произношения).

Среди гласных звуков в речи респондента отмечены следующие особенности:

1. Аканье: *б зар, в ры, г рбуз, д ват, д в л н я, д жно, д ла, з брал, з буд, з крутылася, з крылы, з мучела, з раза, з пл чка, ск жу, к лика, кл ди, кв ртыра, кр саучик, м-инка, н брал, н вара, н рвал, пл точек, пл-тыт, п р лызовал, р скидал, с дыс, с жат, т бл тка, уп ду, р ков, ч сив* и др. Названная черта характерна для южнорусских и белорусских диалектов, некоторых среднерусских говоров.

2. Оканье: *богато, болыт, боюся, возмы, во на, ворота, воскр с н е, вос мнацат, Вит кыно, Ворон ж, выв рнуло, выклада, выходно, выхожу, в ч ром, голоси, голо у, город, Господы, доила, долго, дома ние, до ду, до ихал, дробыл, забол л, звоныла, кнопочка, колбаса, комба н, комуналка, кому, кормлю, коров, короче, Костыркино, костюм, кот-*

летамы, кот лка, копиик, куколка, лоп а, могу, мороз, мои, мо , мусор, мясо, надо, нога, носовые, ночуют , н достаточност , обогр вател , оддовал , од яло, одын, одны, о ну-ко, оны, оп-рацию, опикун, ополоунык, остан ся, открыва кы, отравя, отряд, побуду, поднятца, погнал, поем, позаучера, пока, покупал , покыдае , положи, получал, помидори, помогае, помри , помыла, по ду, по ил, по ихала, пообидала, поплачу, пораскыдал, поросят, порзано, посадытца, послал , поставлю, постар е, потом, потых н ку, походя, проволока, рано, рожден я, согла а ся, солат, солдат, солодкы, сосидка, спасибо, твоя, твоего, торговат , тыхон ко, ходыла, холодно, чисто и др. Представленная черта свойственна севернорусским и украинским диалектам, некоторым среднерусским и говорам белорусского языка.

3. [и] на месте древнерусского [ѣ]: *витир, дви, до ила, жилизно, и и, ист, ихат, калика, копиик, копиичка, лито, нидиля, побигла, подр за и , пообидала, по ил, розвися, снигом, сосидка, тарилка, умии* и др.

4. Яканье: *т гают* , *му*, однако оно немногочисленно.

5. Утрата начального гласного: *е* – ещё.

6. Появление гласного в середине или на конце слов: *мине* (мне), *тут* (тут), *иют* (шьют) и др.

7. Отсутствие перехода [е] в [о]: *ее, жив , и , и е, приде, заб р т , зам рзну, потых н ку, т ; уб е, л хкы*]; [о] в [е]: *ёго, нычёго, ужо, учёра*]; [о] в [а] *зворы* – сварись; [я] в [о]: *Яксанка* – Оксанка и др.

8. Произношение, отличное от литературного языка: *за гарбузамы* – за арбузами, *з ночи* – с ночи, *ёго* – его, *жанитца* – жениться, *людям* – людям, *нова* – новая, *н нужна* – не нужна, *нычёго* – ничего, *по две* – по две, *прид* – придёт, *н було* – не было, *н спала* – не спала, *у м н* – у меня, *у т б* – у тебя, *хоро* – хорошо, *ум р* – умер, *учёра* – вчера и др.

Кроме того, в речи языковой личности частотны краткие формы прилагательных: *б дны* – бедные, *б ссов сна* – бессоветная, *голи* – голые, *жёлта* – жёлтая, *жилизна* – железная, *красывы* – красивые, *л ныва* – ленивая, *мал н ки* – маленькие, *нова* – новая, *сил ны* – сильные, *стар а* – старшая, *с рд чно* – сердечная, *така* – такая, *холодна-прыхолодна* – холодная-прехолодная, *хоро а* – хорошая и др.

Грамматические черты речи коломыхчанки достаточно чётко проявляются посредством глаголов, существительных, местоимений, предлогов. Перечислим наиболее яркие из зафиксированных нами.

Глагол

1. В 3-м лице единственного и множественного числа на конце *-т* *Н клади, оны л-жатъ. Л ны н дають групу? Ну о оны гро и тягають. Л жить з Дня рожд н я. Н могу як болытъ. Поплачу и поболытъ. Мыска Вал кына з котлетамы стоить. Кот лка л жить. Мясо Вит кыно пор зано л жить. Он будто сыдытъ. У пон д лнык оны н торгуютъ. Т п р идуть ус . Таки при идуть. На ахтобуси там возють. И потом оп-рацию будуть. Ромка сыдытъ. П-р дають мороз. Оны м н забирають. Будуть люди см ятца. Скажуть, докормылис матю. Она им дастъ. И спасибо скажуть. издють по очер ды, ночуютъ. Возють з Ворон жса? С ла на дыван и сыдытъ. Оны ж идуть, кормыт их надо. Ромка вин жив ть. иють, н успивают .*

2. В 3-м лице единственного и множественного числа на конце *-я, -а, - -е* *Л нка мы тар лкы. Настя прыд с коли. А то опят откры витир. Мож я суп нал ю. У с д мы клас ход . то ж т бе ист навар . Ну и ход набр хала. Валя ка усвар . Прыд , постыра . Пол ми . Мамка при ид . Месяц поход . Сосидка розвис . Постар е прыход , кыда . Она в пят при ижжса . Дом стро . Кры а по ихала, лиз до газу. Тёт Таня н изд . Настя гуляд же ход ? абрал и н по ид . Скаж , баба бр . Ко мн мал н ки при ид . Дак мамка н зна . А потом выдно буд . И уключа обогр вател . Она ж боле тожа. Над н ха куртку. Рука стула н д рж . У Костыркыно опикуном гл д т буд . Бабу ка торгу . Тюл паны сажса . А то забуд оно. Настя буд у коли, прид . Мат ры разотр . А Ромка торгуе? Вал ка приде. Кнопчку нажм . Вы думает жив . Да хват ж! Люс ка буд ухажсват за ными. Пры д на ноч . Да там хват . Маяк ход , а то уб е. Папка н звон ? Ну о я, зан с снигом. Мороз буд . С рёжка и друга б р . То хлопчик плат . Буд холодно. По дому помогае? Там же ноче, холодно.*

3. Постфикс *-ся* на месте *-с* в возвратных глаголах: *П р в рнулаc , уже л жу. Я и сама н гожуc . При ижжсала, забула, закрутылас . Я кончалос . У Люды дывылыс . Я по ду закр юс . Я тута закр ваюc , я боюc . Я задыхаюc . адыхаюc и ус . Боюc и ус .*

Существительное:

1. Во множественном числе в именительном падеже окончание *-ы* *Я ц у холодылнык, на о оны тута.* Во множественном числе в родительном падеже окончание *-ив* вместо *-ов*: *При ихалы, гарбузив* набрали. *Оны при ихалы, вос мнацат годив. Тоди д сит часив* л жала.

Скил ко у м н блинцѣв. Таблѣтки за иссот рублѣв. Пяѣ годѣв учица? У пяѣ часѣв л к-трычка.

2. В единственном числе в винительном падеже вместо нулевого окончания отмечено -а - у Рука стул н д ржа. Ты газу уключила? Баба т б и кр слу купыла. В единственном числе мужского рода в родительном падеже вместо окончания -а отмечено -у И св ту н було. Я с ем полоньк борцу. В женском роде вместо окончания -ы отмечено -и Колы прыѣд с коли. В единственном числе женского рода в дательном падеже вместо окончания -е зарегистрировано -ы А баб Нинцы оп рацию зробылы. Она р бятм даст по две тыщи, и и спасибо баб скажут . В единственном числе в предложном падеже вместо окончания -е отмечено -у, -и Погл ди там у холодильнику! Упаду на двори и др.

Местоимение в родительном и винительном падеже личные местоимения 2-го лица единственного числа на конце имеют - : Я на т б буду дывытца. Я ж н бачу т б . А тоди можс заб-р т мин . Чѣ у м н с св том. Да у мин у домь. На м н суда круты. У т б свит ра н ма? У м н рука н подымаетца. В родительном и предложном падежах личное местоимение 3-го лица единственного числа женского рода отмечено в форме е : Болыт же у ей спына? Прыготовым на ей. Указательное местоимение тако имеет на конце -и : Такий красаучик.

Предлог на месте в во функционирует у Гарбузы у сараи, Буд у коли. Лоп у постав у холодильник. К тоби часика у тры. У морозилныкы блинцѣв. У суботу прыготовым. Я цы у холодильник. У домь пи сят тук. Она тут у ложках. А у погрыбы у т б картоха е? Можс у т пльцы. По ихала у город. У вр мянти. Устала у дв нацат ночи. У Ворон же дом. У суботу при ижжс . У хати кажны д н . У почках камны. У города у Ворон жи. Ми а Олын тожс у болныцы. На месте «к ко » функционирует «до» До м н ж ходыла Галя. До бабы Ман ки о Дубково . До коров, о поросят?

Обратим внимание на то, что в речи респондента достаточно наглядно проявляется разрушение категории среднего рода: Попропода вся (Пропадѣт всё). Упало давления, я кончалосѣ (Упало давление, я кончалась). Оно як упало давления (Оно как упало давленье) и др.

Безусловно, все представленные языковые особенности являются доказательством оригинального живого говора.

Кроме того, мир диалектоносителя включает переплетение самых разных проблем, волную-

щих селянку. В частности, они затрагивают темы, среди которых:

- трудное детство человека У с д мы клас я ужс коров доила;
- заработная плата прошлого века: Мои получалы восимдисит с м копиик;
- особенности питания пожилого человека: Я за д н суп по ила и усѣ. Пообидала. В мыск жилизно разогреваю. На пльту ставлю. Суп по ила и карто ка;
- организация быта: Валя прыѣд, постырая, кнопочку нажм . Ты газу уключила? Выключи о ну-ко;
- прогноз погоды: А п р дают , мороз буд . И как сних;
- состояние здоровья: Я н выхожу с хаты. ожу с стулом. Я ж вып ла одын, надо ж дви табл тки. Оно як упало давления, я кончалосѣ. Пят раз падал . Я задыхаюся, с рд чно н достаточност . У м н рука н подымаетца. Н могу як болыт . Поплачу и поболыт . А цу парализовал , цу выв рнуло. Ну калика и ус ;
- боязливость, страх: Я тута закр ваюся, я боюся, а маяк хода, а то уб е. Да ха оны м н забирают . А тута я загину. А то упаду и зам рзну;
- мысли о смерти: Умру, и так холодна-прихолодна;
- взгляд на внутрисемейные отношения: Дак мат н нужна. Я ж замучела. Ну о я, зан с снгом;
- тёплые чувства к родным: Да моя ты унучен ка! Да моя ж роднысен ка. Да моя ж ты куколка, Л на;
- материальная поддержка членов семьи: Унучичек, буду дават пенсию, при ижжс , и дам. Л на, возмы же гро и. Ты ж при иды , я фс гда копиичку дам. На б нзын, на проживанье на ту н д лю забира . Да п нзию получаю, Вам усю оддовал ;
- денежные выплаты по старости и их ценность: Пензия в лыкая куда? А т их на табл тках про идал . А ид гро и набрат? Т п р дорогия ус ;
- пожелания на будущее: Учис , унучичек, учис , слуха . Вывчиссѣ, за спыно н носыт тяжест . Пры зжс , мы красаучик;
- божественность: н Да Бог упад и застын . Го споды, да ход бы красаучикы вырослы у Люды. О, Го спод , заболѣв ты? О, Го спод , трудно, унук. Го споды, при ихалы. Го спод , да о ж там таке? Ра ди Бо га, ист . О, Го спод , можс поку ал бы а н ? Господы, да моя ты унучен ка! О, Го споды, а мат о каж ? О,

Го спод , ходыла и ку ат варыла. Не да Бог оз мат р ! Бо гом, щасливо! О, Бож а мо , да и см рты н ма! О, Бож я матер ! Табл тку вот вып ю, ну ход Бо ж я воля. Н спала ноч ю, о, Го спод ! Н да Бог упаду. Ну чи я уже така, Го спод . Ну з Бо гом, Кирю а!

Как представляется, частотность обращения к Богу связана с особой верой в высшие силы. Это всегда помогало деревенскому жителю в трудных жизненных ситуациях.

Можно считать, что респондент разговорчив, словоохотлив. С удовольствием, понятно и доходчиво рассказывает о прошлом и настоящем, проявляя заботу о каждом члене своей большой многодетной семьи.

Итак, анализ показал, что Л. М. Костыркина – жительница села Коломыцево Воронежской области – является диалектоносителем; особенностями речевого портрета выступают фонетические и грамматические характеристики русско-украинского говора.

Приведённые речевые произведения достаточно ярко отражают разнообразные диалектные черты. В области *фонетики* качествами согласных звуков выступают: [в] губно-губной и неслоговой; [г] фрикативного образования; утрата начального или конечного согласного; йотация; на месте мягких согласных употребляются твёрдые, вместо твёрдых – мягкие; глухие согласные на конце слов становятся звонкими, звонкие используются на месте глухих, на конце слов и перед глухими не оглушаются; отсутствие перехода [х] в [к], [х] в [ш], [с] в [ш], [т] в [к], [х] в [в / ф], [н] в [д]; использование [ц] на месте [к]; стяжение гласных и упрощение согласных; наблюдается увеличение основы слова и др.

Особенностями гласных звуков говора диалектоносителя являются: аканье, оканье, [и] на месте древнерусского [ѣ]; яканье; утрата начального гласного; появление гласного в середине или на конце слов; отсутствие перехода [е] в [о], [о] в [е], [о] в [а], [я] в [о]; отмечено произношение, отличное от литературного языка; наличие кратких форм слов и др.

Грамматические характеристики глагола: в 3-м лице единственного и множественного числа на конце *-т* ; в 3-м лице единственного и множественного числа на конце *-я, -а, -э (-е)*; постфикс *-ся* на месте *-с* в возвратных глаголах.

Черты существительного: во множественном числе в именительном падеже окончание *-ы*; во множественном числе в родительном падеже окончание *-ов*; в единственном числе в винительном и родительном падежах окончание *-а*

(*-у*), в дательном падеже окончание *-ы*, в предложном падеже окончание *-у, -и*.

Особенности местоимения: в родительном и винительном падеже личные местоимения 2-го лица единственного числа на конце имеют *-э*.

Черты предлога: у на месте *в во* , до на месте *к ко* . Зафиксировано разрушение категории среднего рода и др.

Таким образом, наиболее чётко особенности диалектной языковой личности прослеживаются на фонетическом уровне.

Следует отметить, что одновременно говор респондента иллюстрирует *переплетение важных* для сельского человека *тем* трудного детства, заработной платы прошлого века, питания и организации быта, состояния здоровья, боязливости, страха, смерти, внутрисемейных отношений, различных чувств к родным, материальной поддержки членов семьи, денежных выплат по старости и их ценности, будущего, божественности и др. На наш взгляд, живая речь информатора проста, проникновенна и незамысловата.

Обратим внимание на мнение Е. Н. Ильиной о том, что «одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение языковой личности наших современников – жителей различных регионов, представителей разнообразных профессий, носителей различных типов языковой культуры» [25, с. 75].

Не стоит забывать, что в настоящее время всё меньше диалектоносителей с ярко проявляющимися речевыми чертами остаётся в небольших деревенских социумах. Их можно считать свидетельством прошлого страны и нашей истории. Поэтому в XXI столетии необходимостью становится исследование говоров людей сельских поселений России.

В заключение сделаем вывод: репрезентируемый в научном сочинении анализ даёт представление о мире языковой личности села Коломыцево Воронежской области. Его специфические диалектные особенности заключаются в отображении образа человека с его воззрениями на деревенские реалии, богатый внутренний образ мыслей, веру в Бога и мн. др. Думается, что «выражаемые в нём значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию» [26, с. 38–39]. А она, разумеется, у каждой личности своя.

Список источников

1. Костючук Л. Я. О псковских говорах: Летопись. Глава 2-я // Псковская губерния, № 6 (26). Псков, 2001. URL: https://gubernia.pskovregion.org/number_26/7.php (дата обращения: 04. 08.2023).

2. Вендина Т. И. Диалектное слово в культурно-языковом контексте // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С.72–94.
3. Ганичева С. А. Диалектная языковая личность: к вопросу о трансформации // Вестник Череповецкого государственного университета. Череповец, 2016. № 5. С. 60–64.
4. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности: дис. ... д-ра филол. наук: Томск, 2002. 395 с. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000151992/SOURCE1> (дата обращения: 04.08.2023).
5. Черняева М. И. Метод речевого портретирования и проблемы изучения диалектной языковой личности // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2015». М.: «МАКС Пресс», 2015. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
6. Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. Шадринск: [б. и.], 1971. 141 с.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
8. Пауфогима Р. Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. М.: ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука», 1989. С. 41–48.
9. Гынгазова Л. Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998. С. 40–49.
10. Крапивец Е. А. Языковое сознание диалектной личности как важнейший источник информации о семантике экспрессивного слова // *Juvenilia*. Томск: Томский государственный университет, 1999. Вып. 4. С. 15–17.
11. Лютикова В. Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Екатеринбург, 2000. 41 с.
12. Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и особенности ее репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. С. 68–76.
13. Илюшниковская С. В. Речевой портрет Фаины Васильевны Поповой // Народная речь Вологодского края: материалы по русской диалектологии. Вологда: Легия, 2012. С. 70–77.
14. Драчева Ю. Н. Нина Арсеньевна Исакова // Народная речь Вологодского края: говоры Кирилловского района Вологодской области. Вологда: Легия, 2014. С. 118–145.
15. Илюшниковская Н. Н. Шиловская Нина Дмитриевна как диалектная языковая личность // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда: Легия, 2015. С. 112–130.
16. Илюшниковская Н. Н., Илюшниковская Е. Н. Диалектная языковая личность в творчестве А. Я. Яшина // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. Вологда: Легия, 2015. С. 178–189.
17. Недоступова Л. В. Фонетические черты речи воронежской терновчанки // Актуальные проблемы русской диалектологии. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2018. С. 193–195.
18. Недоступова Л. В. Особенности самобытного воронежского говора (фонетический и морфологический аспекты) // Вестник славянских культур. Москва: РГУ им. А. Н. Косыгина, 2018. Т. 49. С. 244–252.
19. Калентева Т. Л. Индивидуально-типические особенности устного способа формирования и формирования мысли студентом на родном языке // Сб. науч.тр. Моск. гос. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1989. Вып. 327. С. 72–76.
20. Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. 228 с.
21. Наше поселение. Администрация Коломыцевского сельского поселения Лискинского муниципального района Воронежской области. URL: <https://kolomic.ru/information/our-district.html> (дата обращения: 04.08.2023).
22. Село Коломыцево. Лискинский район, история села и церкви. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Cd114cSA9e0> (дата обращения: 04.08.2023).
23. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Под ред. Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
24. Черенкова А. Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж: Полиграф, 2009. 328 с.
25. Илюшниковская Е. Н. Диалектная языковая личность в фокусе лингвистических проблем // Вестник Череповецкого государственного университета. № 2. 2015. С. 75–79.
26. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 38–39.

References

1. Kostyuchuk, L. Ya. (2001). *O pskovskikh govorakh: Letopis'* [On Pskov Dialects: A Chronicle]. Glava 2. Pskovskaya guberniya, No. 6 (26). Pskov. URL: https://gubernia.pskovregion.org/number_26/7.php (accessed: 04.08.2023). (In Russian)
2. Vendina, T. I. (2022). *Dialektnoye slovo v kul'turno-lingvisticheskom kontekste* [A Dialect Word in the Cultural and Linguistic Context]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh dialektov* (Materialy i issledovaniya). Pp. 72–94. St. Petersburg, OR RAN. (In Russian)
3. Ganicheva, S. A. (2016). *Dialektnaya yazykovaya lichnost': k voprosu transformatsii* [Dialect Linguistic Personality: On the Issue of Transformation]. *Vestnik Cherepovetskogo gos. universiteta*. No. 5, pp. 60–64. Cherepovets. (In Russian)
4. Ivantsova, E. V. (2002). *Fenomen dialektnoy yazykovoï lichnosti dis. ... doktor filol. nauk* [Phenomenon of Dialect Linguistic Personality: Doctoral Thesis]. 395 p. Tomsk. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000151992/SOURCE1> (accessed: 04.08.2023). (In Russian)

5. Chernyaeva, M. I. (2015). *Metod rechevogo portreta i problemy izucheniya dialektnoy yazykovoy lichnosti* [The Method of Speech Portraiture and the Problems of Studying a Dialect Linguistic Personality]. Materialy Mezhdunarodnogo molodyozhnogo nauchnogo foruma "LOMONOSOV-2015". Moscow, "MAKS Press". 1 electron. opt. disc (DVD-ROM). (In Russian)
6. Timofeev, V. P. (1971). *Dialektnyy slovar' lichnosti* [Dialect Dictionary of Personality]. 141 p. Shadrinsk [b.i.]. (In Russian)
7. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and a Linguistic Personality]. 262 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
8. Paufoshima, R. F. (1989). *Zhitel' sovremennogo sela kak yazykovaya lichnost'* [A Resident of a Modern Village as a Linguistic Personality]. *Yazyk i lichnost'*. Pp. 41–48. Moscow, FGUP. Akademicheskii nauchno-izdatel'skii, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skii tsentr "Nauka". (In Russian)
9. Gyngazova, L. G. (1998). *Zhanr otsenki v yazyke lichnosti* [Evaluation Genre in the Personality Language]. *Problemy leksikografii, motivologii, derivatologii*. Pp. 40–49. Tomsk, izd. Tomsk. universiteta. (In Russian)
10. Krapivets, E. A. (1999). *Yazykovoye soznaniye dialektnoi lichnosti kak vazhneyshiy istochnik informatsii o semantike ekspressivnogo slova* [Linguistic Consciousness of a Dialect Personality as the Most Important Source of Information about the Semantics of an Expressive Word]. *Yuvenilia*. Vypusk 4, pp. 15–17. Tomsk, Tomskii gos. universitet. (In Russian)
11. Lyutikova, V. D. (2000). *Yazykovaya lichnost': idiolekt i dialekt avtoref. dis. ... doktor filol. nauk* [Linguistic Personality: Idiolect and Dialect: Doctoral Thesis Abstract]. Yekaterinburg, 41 p. (In Russian)
12. Demidova, K. I. (2008). *Dialektnaya yazykovaya kartina mira i osobennosti ee reprezentatsii v otdel'nykh dialektnykh sistemakh (na materiale russkikh dialektov Urala)* [Dialect Language Picture of the World and Features of Its Representation in Particular Dialect Systems (based on the Russian dialects of the Urals)]. *Leksicheskii atlas russkikh narodnykh dialektov* (Materialy i issledovaniya). Pp. 68–76. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)
13. Shilnikovskaya, S. V. (2012). *Rechevoi portret Fainy Vasil'yevny Popovoi* [Speech Portrait of Faina Vasilievna Popova]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraia: materialy po russkoi dialektologii*. Pp. 70–77. Vologda, Legiya. (In Russian)
14. Dracheva, Yu. N. (2014). *Nina Arsent'yevna Isakova* [Nina Arsentievna Isakova]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraia: dialekty Kirillovskogo raiona Vologodskoi oblasti*. Pp. 118–145. Vologda, Legiya. (In Russian)
15. Zubova, N. N. (2015). *Shilovskaya Nina Dmitriyevna kak dialektnaya yazykovaya lichnost'* [Shilovskaya Nina Dmitriyevna as a Dialect Linguistic Personality]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraia: mezhdru proshlym i budushchim*. Pp. 112–130. Vologda, Legiya. (In Russian)
16. Zubova, N. N., Ilyina, E. N. (2015). *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v tvorchestve A. Ya. Yashina* [Dialect Linguistic Personality in the Works of A. Ya. Yashina]. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraia: mezhdru proshlym i budushchim*. Pp. 178–189. Vologda, Legiya. (In Russian)
17. Nedostupova, L. V. (2018). *Foneticheskiye osobennosti rechi voronezhskoi ternovki* [Phonetic Features of a Voronezh Ternovka Female Speech]. *Aktual'nye problemy russkoi dialektologii*. Pp. 193–195. Moscow, Institut Russkogo Yazyka V. Vinogradova, RAS. (In Russian)
18. Nedostupova, L. V. (2018). *Osobennosti iskhodnogo voronezhskogo dialekta (foneticheskii i morfologicheskii aspekty)* [Features of the Original Voronezh Dialect (phonetic and morphological aspects)]. *Vestnik slavyanskikh kultur*. V. 49, pp. 244–252. Moscow, RGU im. A. N. Kosygina. (In Russian)
19. Kalent'eva, T. L. (1989). *Individual'no-tipicheskie osobennosti ustnogo sposoba formirovaniya i formulirovaniya myslei obuchayushchegosya na rodnom yazyke* [Individual-Typical Features of the Oral Way of Forming and Formulating Thoughts by a Student in Their Native Language]. *Sb. nauch.tr. Mosk. gos. in-ta inostr. yaz. im. M. Toreza*. Vypusk 327. Pp. 72–76. Moscow. (In Russian)
20. Norman, B. Y. (1994). *Grammatika govoryashchego*. [Speaker's Grammar]. 228 p. St. Petersburg, izd. Peterburgskogo Univ. (In Russian)
21. *Nashe poseleniye. Administratsiya Kolomytsevskogo sel'skogo poseleniya Liskinskogo munitsipal'nogo raiona Voronezhskoi oblasti* [Our Settlement. Administration of Kolomytsevsky Rural Settlement of the Liskinsky Municipal District in the Voronezh Region]. URL: <https://kolomic.ru/information/our-district.html> (accessed: 04. 08.2023). (In Russian)
22. *Derevnya Kolomytsevo. Liskinskiy raion, istoriya sela i tserkvi* [The Village of Kolomytsevo. The Liskinsky District, the History of the Village and the Church]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Cd1l4cSA9e0> (accessed: 04. 08.2023). (In Russian)
23. Humboldt, V. (1984). *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Per. s nem. Ped. G. V. Ramishvili. 397 p. Moscow, Progress. (In Russian)
24. Cherenkova, A. D. (2009). *Teksty voronezhskogo dialekta kak istochnik dlya izucheniya russkogo natsional'nogo yazyka, istorii i kul'tury naroda* [Voronezh Dialect Texts as a Source for the Study of the Russian National Language, History and Culture of the People]. 328 p. Voronezh, Polygraph. (In Russian)
25. Ilyina, E. N. (2015). *Dialektnaya yazykovaya lichnost' v fokuse yazykovykh problem* [Dialect Linguistic Personality in the Focus of Linguistic Problems]. *Vestnik Cherepovetskogo gos. universiteta*. No. 2, pp. 75–79. (In Russian)
26. Apresyan, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po yazyku: popytka sistemnogo opisaniya* [The Image of a Person According to the Language: An Attempt at a Systematic Description]. *Voprosy lingvistiki*. No. 1, pp. 38–39. (In Russian)

The article was submitted on 19.10.2023

Поступила в редакцию 19.10.2023

Недоступова Любовь Винаминовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Воронежский государственный
технический университет,
394026, Россия, Воронеж,
Московский проспект, 14.
nedostupowa2009@yandex.ru

Nedostupova Lubov Viniaminovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Voronezh State Technical University,

14 Moskovsky Prospect,
Voronezh, 394026, Russian Federation.
nedostupowa2009@yandex.ru

ТРАНСОНИМИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ОБРАЗОВАНИЯ ФЕЛИСОНИМОВ

© Ирина Островерхая

TRANSONYMIZATION AS A PROCESS OF FELISONYM FORMATION

Irina Ostroverkhaia

The article studies the specifics of transonymization as a process of felisonym formation. Transonymization is established as an active process of felisonym formation, reflecting the felisonymic fragment of the nominator's linguistic world picture. The main categories of onyms that are transonymized into felisonyms at the inter-categorical level are anthroponyms, ideonyms, mythonyms, theonyms, names of verbal trademarks, toponyms, astronoms, culinary names, names of programming languages and software, names of currencies, names of medicines, ergonyms, and names of toys; at the intra-categorical (or interspecific) level, transonymization takes the form of transzoonymization, when proper names of zoological species different from the domestic cat transform to felisonyms; at the intra-specific level, transonymization takes the form of transfelisonimization, when the proper name of one cat is applied to another. The presented list of onomastic categories capable of felisonimization is not considered to be finite and can be supplemented by onyms of other onomastic types. The article reveals that felisonyms, being the product of transonymization, are determined by subject-oriented motives (associated with a particular nominator's views, interests and preferences) and object-oriented motives (associated with a particular cat's properties, the place of its discovery and its life story), the leading place being subject-oriented motives. It is stated that nominators use either semantic or grammatical transonymization when choosing a name for their cat. The most productive type appears to be semantic transonymization, which is the direct transition of the onym to the felisonym without concomitant derivational changes. In case of grammatical transonymization, the revealed derivational processes (addition of the diminutive formant, shortening and language games) emphasize the nominator's positive attitude towards their pets and facilitate communication with them.

Keywords: felisonym, semantic transonymization, grammatical transonymization, transzoonymization, transfelisonimization, subject-oriented motives, object-oriented motives

Статья нацелена на изучение специфики трансоимиизации как процесса образования фелисоимов (собственных имен домашних кошек). Установлено, что трансоимиизация является активным процессом образования фелисоимов, отражающим фелисоимический фрагмент языковой картины мира номинатора. Выявлено, что основными разрядами онимов, трансоимиизирующихся в фелисоимы на межразрядном уровне, являются антропонимы, идеонимы, мифонимы, теонимы, имена словесных товарных знаков, топонимы, астронимы, кулинаронимы, имена языков программирования и программного обеспечения, названия валют, названия лекарств, эргонимы и имена игрушек. На внутриразрядном (или межвидовом) уровне трансоимиизация проявляется в форме трансзооимиизации, заключающейся в переходе в фелисоимы собственных имен животных других зоологических видов, отличных от домашней кошки; на внутривидовом уровне трансоимиизация проявляется в форме трансфелисоимиизации, заключающейся в переносе собственного имени одной кошки на собственное имя другой кошки.

Сделан вывод о том, что представленный перечень ономастических разрядов, способных к фелисоимиизации, не является конечным и может быть дополнен онимами других ономастических видов. Показано, что фелисоимы, являющиеся продуктом трансоимиизации, детерминированы отсубъектными мотивами (связанными с персональными взглядами, интересами и предпочтениями номинатора) и отобъектными мотивами (связанными с уникальными индивидуальными свойствами конкретной кошки, местом ее находки и историей из жизни), ведущее место среди которых принадлежит отсубъектным мотивам. Представлены два типа трансоимиизации, к которой прибегает номинатор при выборе имени для своей кошки: семантическая и грамматическая. Выяснено, что наиболее продуктивным типом оказывается семантическая трансоимиизация, заключающаяся в прямом переходе онима в фелисоимы без сопутствующих деривационных изменений. Продемонстрировано, что деривационные процессы в случае грамматической трансоимиизации (добав-

ление диминутивного форманта, усечение, языковая игра) подчеркивают позитивное отношение номинатора к своему питомцу и нацелены на обеспечение более быстрой коммуникации с ним.

Ключевые слова: фелисоним, семантическая трансонимизация, грамматическая трансонимизация, трансзоонимизация, трансфелисонимизация, отсубъектные мотивы, отобъектные мотивы

Для цитирования: Островерхая И.В. Трансонимизация как процесс образования фелисонимов // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 48–57. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-48-57

«Россия – страна котов!» – так озаглавлен аналитический обзор исследования о том, сколько россиян имеют домашних животных, берут ли их с собой в поездки и готовы ли взять питомца из приюта для животных, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в ноябре 2019 года. Опрос показал, что в домах 39 % опрошенных респондентов живет беспородная кошка, а еще у 15 % – породистая [1]. Репутация России как самой «котолюбивой страны в мире» была также установлена в ходе международного онлайн-исследования, проведенного в 2016 году в 22 странах мира компанией Gfk. Согласно полученным данным, жители России наиболее дружелюбны к кошкам: у 57 % ее жителей имеется питомец-кошка [Там же].

Как правило, практически каждая кошка названа каким-либо именем, выбор или создание которого является особым вызовом для ее хозяйки, поскольку создание имени, по справедливому утверждению А. К. Матвеева, представляет для имядателя «труд, требующий определенного напряжения мысли» [2, с. 132]. Вопрос образования фелисонимов (собственных имен домашних кошек) до сих пор (сентябрь 2023 года) остается детально не изученным, так как фелисонимы традиционно исследуются в общих зоонимических работах, важное место среди которых занимают исследования Е. Н. Варниковой [3], [4], [5], М. Ю. Беляевой [6], М. В. Бобровой [7], Т. В. Федотовой [8], [9], [10], Е. В. Гусевой [11], В. В. Вересияновой [12], А. С. Марудовой [13] и др.

Анализ библиографического материала показывает, что основными процессами образования зоонимов являются онимизация апеллятивов (первичная ономастическая номинация) и трансонимизация онимов (вторичная ономастическая номинация) [10, с. 26–27], [11, с. 93–94], [12, с. 221–222], [14, с. 58], [15, с. 75]. При этом Т. В. Федотова подчеркивает, что «зоонимы с позиции принимающего разряда – самый активный пласт онимов, отражающий весь социально-психологический спектр перцептивной деятельности человека» [10, с. 26], и выдвигает тезис об «универсальности» разряда зоонимов как «наиболее объ-

емного в плане поглощения существующих имен собственных» [9, с. 518].

В контексте сказанного рассмотрение процессов фелисонимизации (образования собственных имен домашних кошек) представляется, безусловно, актуальным. Целью настоящей статьи является изучение трансонимизации как одного из возможных процессов образования фелисонимов. Для достижения заявленной цели необходимо выявить основные разряды и частотность онимов, трансонимизирующихся в фелисонимы, рассмотреть специфические мотивационные и деривационные особенности фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации.

Авторская картотека фелисонимических единиц составляет 5350 онимов, зафиксированных в ходе опроса студентов и преподавателей Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, а также в результате сплошной выборки из материалов Интернет-сайта tau.ru, групп «Жирен и красив» и «Кот растет» в социальной сети ВКонтакте. Исследованию подвергаются только те фелисонимы, которые созданы самими хозяевами кошек и используются в качестве основных имен питомцев. Многочисленные производные имена, а также клубные клички, присвоенные заводчиками породистым животным согласно племенным правилам, остаются за рамками настоящего исследования.

Изучение собранных фелисонимических единиц осуществляется посредством применения общенаучных методов – анализа, сравнения, обобщения, наблюдения, количественных подсчетов и др. Для определения специфики трансонимизации как процесса образования фелисонимов задействуются мотивационный и деривационный анализ. Deskriptivный метод применяется для репрезентации полученных результатов.

Настоящее исследование ориентируется главным образом на терминологию, представленную во втором издании «Словаря русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской, опубликованном в 1988 году [16]. Для терминологического обозначения онимов, отсутствующих в указанном словаре, используются термины, зафиксированные в работах других авторов.

Анализ основных разрядов онимов, трансонимизирующихся в фелисонимы

В ходе проведенного исследования установлено, что трансонимизация является достаточно частотным процессом: из 5350 фелисонимов, находящихся в исследовательском корпусе, 2985 из них (56 % от общего количества собранных фелисонимов) представляют собой продукт трансонимизации. При этом трансонимизация онимов в фелисонимы проявляется на различных уровнях ономастического пространства. В исследовательской базе присутствуют фелисонимы, образованные в результате межразрядной, внутриразрядной (или межвидовой) и внутривидовой трансонимизации онимов. Рассмотрим выявленные способы подробнее.

Межразрядная трансонимизация, представляющая собой переход онимов различных ономастических разрядов (отличных от зоонимов) в разряд фелисонимов, является наиболее популярной. Ее продуктивность составляет 86,7 % от общего количества фелисонимов, образованных в результате трансонимизации. В межразрядной трансонимизации участвуют:

- антропонимы (54 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): неэпонимические антропонимы – *Алекс, Анфиса, Аркадий, Арнольд, Арчибальд, Аська, Ася, Борис, Василий, Григорий, Дашка, Джессика, Джонни, Дуся, Ева, Жора, Зоя, Иннокентий, Катя, Кириша, Лиза, Люся, Макс, Марго, Марта, Матвей, Маша, Машика, Пашика, Ричард, Сеня, Сима, Соня, Степан, Стеша, Тимофей, Тимоша, Тихон, Тишка, Федор, Феликс, Феня, Яша* и др.; эпонимические антропонимы – *Казимир* («назвал кота в честь любимого художника Казимира Малевича» (здесь и далее сохранена оригинальная орфография и пунктуация респондентов – И.О.), *Клеопатра, Конфуций, Месси* («в честь Лионеля Месси»), *Михаил Сергеевич* («в честь М. С. Горбачева»), *Наполеон, Нельсон, Сигурд, Соломон, Сталин, Тайсон, Тина* («в честь Тины Тернер»), *Ума* («в честь Умы Турман»), *Федор Михайлович* («в честь Ф. М. Достоевского»), *Цезарь, Чапа* («в честь Чарли Чаплина»), *Черчилль, Шекспир, Эйнштейн, Элвис* («в честь Элвиса Пресли»), *Юрик* («кот родился 12 апреля в День Космонавтики, назвали в честь космонавта Юрия Гагарина») и др.;

- идеонимы (19 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): поэтонимы – *Афоня* («в честь героя фильма „Афоня“»), *Ганжа* («шкодливый кот, в честь героя фильма „Большая перемена“»), *Герда* («в честь героини сказки „Снежная короле-

ва“»), *Гризабелла* («гламурная кошка как героиня мюзикла „Кошки“»), *Джарвис* («в честь персонажа из „Кинематографической вселенной Marvel“»), *Йода* («в честь одного из главных персонажей „Звездных войн“»), *Симба* («в честь львенка из мультфильма „Король Лев“»), *Том* («в честь кота из сериала „Том и Джерри“»), *Умка* («в честь медвежонка из одноименного мультфильма»), *Фрося* («в честь Фроси Бурлаковой, героини фильма „Приходите завтра...“») и др.; гемеронимы – *Квантик* («в первый день появления в доме кот лег на журнал „Квантик“ и уснул, за что и получил имя»), *Мурзилка* («по имени журнала, который был у меня в детстве»); артионим – *Мона* («кошка похожа на „Мону Лизу“ со знаменитой картины Леонардо да Винчи»); геортоним – *Самайн* («люблю культуру кельтов, поэтому назвал кота в честь праздника окончания сбора урожая») и др.;

- мифонимы и теонимы (4 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Алабрыс, Ариадна, Аполлон, Афина, Афродита, Бастет, Баюн, Бабайка, Василиса Премудрая, Веста, Добрыня Никитич, Зевс, Исида, Колобок, Кощей, Локи, Люцифер, Мантикора, Персей, Персефона, Ра, Радха, Тор, Фрейя, Хока, Шива, Ярила* и др.;

- словесные товарные знаки (4 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Бакарди, Барни, Баунти, Бентли, Вискас, Картье, Лада, Липтон, Мазда, Мартини, Мерседес, Мерс* («дерзкий кот, в честь машины марки „Мерседес“»), *Панасоник, Приорик* («кот найден под машиной „Лада Приора“»), *Ситроен, Сникерс, Субару, Твикс, Тесла* («мечтаю о машине „Тесла“, пока решил назвать так кота»), *Тиффани, Филипс, Фрискас, Чивас, Швепс* и др.;

- топонимы (2 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): астионимы – *Барселона, Вегас, Валенсия, Денвер, Марсель, Сантьяго, Уфа, Хьюстон, Чита* и др.; годонимы – *Дуся* («кошке дали имя, когда ехали на машине по улице Дуси Ковальчук в Новосибирске»), *Марта* («кошка названа в честь улицы 8 Марта в Калининграде, на которой живет ее хозяйка») и др.; комонимы – *Клепка* («кошка найдена в селе Клепка Ольского района Магаданской области»), *Одемира* («завели кота после отдыха в португальской Одемире») и др.; оронимы – *Попокатепетль* («смешное имя, в честь вулкана в Мексике»), *Синай, Эфа* («кошка найдена на дюне Эфа на Куршской косе в Калининградской области») и др.; потамонимы – *Амур, Гудзон, Иртыш, Уда* и др.; хоронимы – *Боливия, Заир, Мали, Сальвадор, Сибирь, Юта* и

др.; пелагоним – *Балтимор* («кот найден на берегу Балтийского моря»); эмпороним – *Симона* («кошка из деревни, в которой есть магазин „Симона“»); экклезионим – *Мартин* («в честь собора Святого Мартина, что в Кельне») и др.;

- астронимы (2 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Альтаир*, *Андромеда*, *Венера*, *Деймос*, *Кассиопея*, *Лира*, *Луна*, *Марс*, *Марсик*, *Пан*, *Плутон*, *Сириус*, *Фобос*, *Юпитер* и др.;

- кулинаронимы (0,5 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Буррито*, *Оливье* («кот найден в новогоднюю ночь, ассоциация с салатом „Оливье“»), *Песто*, *Соба*, *Филадельфия* («люблю роллы „Филадельфия“»), *Шакотис* («кот с всклоченной шерстью, похож на торт „Шакотис“»), *Шарлотка*, *Шашлык* и др.;

- имена языков программирования и программного обеспечения (0,3 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Бейсик* (язык), *Ксара* (графическая программа), *Пайтон* (язык), *Сири* (облачный персональный помощник), *Троя* («сокращение от Трояна, ибо она любит залезать в системный блок и грызть провода, играть с кулером и т. д. Ну вирус ходячий!»), *Юникс* (операционная система) и др.;

- названия валют (0,2 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Еврик* («назвали кота этим именем после того, как услышали о введении в обращение валюты евро в 2002 году»); *Бакс* («мы его купили за один доллар»), *Фунт*, *Шекель* и др.;

- названия лекарств (0,2 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Анаферон*, *Димедролыч*, *Стрептоцид*, *Цитрамон* и др.;

- эргонимы (0,2 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Зенит* («кот болельщика клуба „Зенит“»), *Челси* («в честь любимого футбольного клуба») и др.;

- имена игрушек (0,2 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): *Матрёшка*, *Тутси*, *Чебурашка*, *Чуча* («в честь мягкой игрушки кошки Чучи, которая была у меня в детстве») и др.;

- единичные онимы (0,1 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации): анемоним – *Зефир* («воздушный, мягкий, игривый кот, резвый, как теплый и влажный западный ветер»); трапезоним – *Чеснок* («кот найден возле ресторана „Чеснок“ в Калининграде»); порейоним – *Сапсанчик* («в честь

скоростного поезда „Сапсан“; кот носится по квартире как ошалелый»).

Внутриразрядная (или межвидовая) трансонимизация, представляющая собой трансоонимизацию, заключающуюся в переходе в фелисонимы собственных имен животных других зоологических видов, не отличается высокой продуктивностью. Ее частотность составляет лишь 0,3 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации. В исследовательском корпусе присутствуют фелисонимы, в которые трансонимизируются:

- кинонимы: *Анчар* («в честь бабушкиного пса»), *Лиза* («в честь бывшей собаки»), *Полкан* («в честь собаки Полкан, которая вырастила кота»), *Чарли* («в честь знакомого черного ньюфаундленда – маленький черненький котенок вырос в такое же здоровило») и др.;

- имя морской свинки: *Степан*, *Тима*;

- имя попугая, например: *Кеша* («окрас кота похож на цвет перьев попугая по имени Кеша»).

Внутривидовая трансонимизация, представляющая собой трансфелисонимизацию, заключающуюся в переносе собственного имени одной кошки на собственное имя другой, достаточно продуктивна. Ее частотность составляет 13 % от общего количества фелисонимов, являющихся продуктом трансонимизации. Данный вид трансонимизации возникает тогда, когда на новый денотат переносятся:

- традиционные кошачьи имена: *Барсик*, *Василий*, *Васька*, *Вася*, *Василиса*, *Кузя*, *Кузьма*, *Маруся*, *Мотя*, *Муся*, *Муська*, *Писанчу* («самая распространенная кличка котов в Болгарии»), *Филя*;

- имена реальных котов и кошек: *Варвара* («в память об умершей кошке»), *Кузьма* («в честь другого кота, который уже лет десять живет у моего дядьки»), *Матильда* («в честь популярной в Интернете слепой кошки с гигантскими глазами, которая страдает от прогрессирующего вывиха хрусталика»), *Миу-Миу* («в честь кота футболиста Криштиану Роналду»), *Петрик* («в честь предыдущей кошки»), *Пуша* («имя передается в нашей семье кошкам из поколения в поколение»), *Тимофей* («традиционное имя котов в нашей семье»), *Фармазон* («в дань уважения к коту, который был в детстве»), *Херлиберлибусс* («в честь кота английского поэта Сэмюэла Кольриджа»), *Чесс* («в честь кота чемпиона мира по шахматам Александра Алехина»), *Шунпет* («в честь кошки модельера Карла Лагерфельда») и др.

Мотивационный анализ

В результате изучения мотивов, детерминирующих трансонимизацию онимов в фелисоним-

мы, установлено, что в основе рассматриваемых фелисонимов лежат отсубъектные и отобъектные мотивы номинации. Рассмотрим выявленные мотивы подробнее.

Отсубъектные мотивы (связанные с особенностями субъекта номинации, которым является конкретный человек с его персональными взглядами, интересами и предпочтениями) детерминируют 91 % фелисонимов, представляющих из себя продукт трансонимизации. Изучение отсубъектных мотивов показательно в плане выявления особенностей языковой картины мира номинатора, который «выделяет значимые признаки реалий мира, дает им оценку через наименование объекта, свидетельствующую о тех ценностях, которые небезразличны ему именно в прагматическом плане» [17, с. 13]. Анализ показывает, что в случае действия отсубъектных мотивов номинации трансонимизация онима в фелисонимы осуществляется исключительно на основе символического принципа, поскольку присвоение денотату собственного имени происходит безотносительно к конкретным особенностям данного денотата. В качестве основных отсубъектных мотивов зафиксированы:

- антропоморфизм, заключающийся в антропоцентрическом видении животного, отношении к нему как к члену семьи и другу, проявляется в том, что в качестве основного имени кошки широко используются антропонимы: *Аксинья* («звучит модно»), *Лиза* («хорошее имя для кошки, потому что все Лизы, которых я знаю, очень классные»), *Рома* («любимое имя хозяйки кота») и др.;

- номинативная традиция, проявляющаяся в том, что имядатели активно присваивают своим кошкам типичные кошачьи имена: *Барсик*, *Васька*, *Кузя*, *Мурзик*, *Муся*, *Мурка* и др.;

- мемориализация, детерминирующая меморативы, присваиваемые в честь родственников или друзей номинатора: *Аня* («в честь подруги»), *Маша* («в честь невестки»), *Тёма* («в честь внука»), *Юля* («в честь дочери»), а также меморативы в честь реальных животных (кошек, собак, морских свинок, попугаев и др.), занимающих особое место в жизни номинатора (см. примеры выше);

- приоритизация, ориентирующаяся на один из преобладающих параметров в картине мира номинатора, проявляется в выборе для кошки такого собственного имени, которое связано с интересами или каким-либо предпочтением номинатора (кинематографическим, литературным, художественным, гастрономическим, спортивным, музыкальным, игровым, профессиональным и др.) и воплощается через трансонимиза-

цию соответствующего онима, относящегося к сфере выбранных интересов: *Ассоль* («в честь героини повести „Алые паруса“»), *Ахмат* («в честь любимого российского футбольного клуба»), *Асмодеос* («в честь персонажа компьютерной игры „World of Warcraft“»), *Гефест* («хозяйка увлекается мифологией, имя дано в честь греческого бога огня»), *Далида* («в честь французской певицы»), *Дота* («любимая компьютерная игра»), *Кассиопея* («в честь созвездия, из-за увлечения астрономией»), *Мия* («в честь Мии Уоллес из фильма „Криминальное чтиво“»), *Моцарт* («в честь любимого композитора»), *Ричард* («кот биолога, назван в честь английского ученого Ричарда Докинза»), *Хамон* («любимое блюдо хозяина кота»), *Цезарь* («в честь Юлия Цезаря, хозяин увлекается историей») и др.;

- претенциозность, детерминирующая пафосные имена, призванные, по мнению номинаторов, оказать значимый эффект на окружающих, который воплощается главным образом через редкие иноязычные антропонимы и имена словесных товарных знаков, например: *Айрис*, *Баракута*, *Беатриса*, *Бертольдия*, *Борхес*, *Брабус*, *Брюс*, *Бугатти*, *Бьянка*, *Виола*, *Войцех*, *Густав*, *Гуччи*, *Даниэль*, *Диор*, *Джейкоб*, *Дженнифер*, *Доротея*, *Жаклин*, *Изольда*, *Кимберли*, *Клоделя*, *Кристофер*, *Кишиитоф*, *Лаура*, *Левайс*, *Лексус*, *Лукас*, *Мажинуар*, *Майбах*, *Миколетта*, *Мирабелла*, *Мишель*, *Прада*, *Пандора*, *Рейчел*, *Рикардо*, *Себастьян*, *Спенсер*, *Тайлер*, *Флоранс*, *Хаммер*, *Чарльз*, *Шанель* и др.

Отобъектные мотивы (связанные с особенностями объекта номинации, которым является конкретная кошка с ее уникальными индивидуальными свойствами, местом ее находки и историей из жизни) детерминируют 9 % фелисонимов, образованных в результате трансонимизации. В случае действия отобъектных мотивов трансонимизация онима в фелисонимы осуществляется на основе дескриптивно-символического принципа, поскольку перенос имени с одного объекта на другой строится на различного рода ассоциациях, эксплицирующих значимые для номинатора ценности. Собранный ономастический материал демонстрирует, что сравнительному ассоциированию подвергаются:

- окрас шерстного покрова кошки: *Алиса* («шерсть как у рыжей лисы из фильма „Приключения Буратино“»), *Гизмо* («в честь могвая Гизмо из фильма „Гремлин“; у кошки коричневые пятна на белом фоне»), *Оливия* («окрас шерсти похож на мелированные в белый цвет волосы героини сериала „Оливия Киттеридж“») и др.;

- качество шерсти: *Бонифаций* («по сходству с полосатой тельняшкой льва из мультфильма

„Каникулы Бонифация“»), *Матроскин* («кот с полосками как у кота из сказки „Дядя Федор, пес и кот“»), *Сью* («кудрявая кошка по сходству с героиней фильма „Кудряшка Сью“»), *Чубакка* («кот такой же волосатый как огромный гуманоид из киносериала „Звездные войны“») и др.;

- характерная черта во внешности: *Бакс* («получил кличку за знак \$ на лбу, причудливо играет природа»), *Герман* («на спине пятно в виде карточной масти „пики“, ну а дальше Тройка – Семерка – Туз... вот и Герман из „Пиковой дамы“ А. С. Пушкина»), *Горький* («когда я забрала котенка, посмотрела на него и поняла: взгляд точь-в-точь как у самого Максима Горького и усы! Ну просто нереально! И как тут не верить в переселение душ...»), *Ленин* («бородка как у В. И. Ленина»), *Луна* («у кошки желто-белое пятно, что делает ее похожей на кошку Luna Cat из аниме „Сейлор Мун“»), *Рауль* («усы как у молодого Рауля Кастро») и др.;

- особенности характера: *Буцефал* («буйный кот как норовистый конь Александра Македонского»), *Марго* («Когда она ела корм, всегда жевала и рычала одновременно, чтобы братья-сестры не отняли. Девушка с характером. Поэтому Королева Марго. Всегда ярко выражает эмоции, особенно когда ее что-то не устраивает»), *Шер-Хан* («полудиккий кот как матерый тигр, полноправный и единоличный хозяин джунглей из „Книги джунглей“ Р. Киплинга») и др.;

- особенности поведения: *Айседора* («кошка грациозно двигалась как основоположница свободного танца Айседора Дункан»), *Флэш* («в честь супергероя из сериала „Флэш“, обладающего способностью развивать скорость, превышающую скорость света; кот имеет обыкновение устраивать бешенные гонки по квартире»), *Максимус* («кот, находящийся на самовыгуле и часто дерущийся с другими котами, выходящий победителем из сражений; в честь военачальника Максимилиана из фильма „Гладиатор“») и др.;

- место, где найдена кошка: *Балтимор* (Балтийское море), *Клепка* (село Клепка), *Мазда* («кот найден под машиной марки „Мазда“»), *Ситроен* («кот найден под машиной марки „Ситроен“»), *Эфа* (дюна Эфа) и др.;

- история, связанная с жизнью кошки, например: *Иоланта* («кошка, потерявшая зрение после нанесенных людьми травм, но спасенная волонтерами; в честь слепой героини оперы „Иоланта“»), *Лунтик* («приблудившийся кот, в честь космического пришельца с Луны из мультфильма „Лунтик и его друзья“»), *Нельсон* («в честь британского флотоводца Горацио Нельсона; у кота открылся один глаз, и долго не хотел открываться второй») и др.

Мотивационный анализ позволил также выявить тот факт, что некоторые фелисонимы, образованные в результате трансонимизации, могут служить именами-характеристиками кошек, носящих эти имена. В исследовательском корпусе зафиксирован ряд прецедентных онимов, которые «способны вызывать в сознании носителей данного языка устойчивые ассоциации, близкие к стереотипам или уже ставшими таковыми» [18, с. 167]. Так, например, за фелисонимом *Люцифер* (13 онимоупотреблений в исследовательском корпусе) стоит образ злого кота – «злой кот, в честь Люцифера, предводителя дьяволов, бесов и чертей»; *Клеопатра* (12 онимоупотреблений) – это «лысая» кошка породы сфинкс («кошка породы канадский сфинкс; названа потому что сфинкс = Египет => кто-то из Египта женского пола => Клеопатра»); *Багира* (11 онимоупотреблений) – черная кошка («черная жемчужина как пантера из мультфильма „Маугли“»); *Бегемот* (8 онимоупотреблений) – черный кот («в честь кота-оборотня из романа М. А. Булгакова „Мастер и Маргарита“, кот тоже огромный, черный и ужасный проказник»); *Гарфилд* (7 онимоупотреблений) – рыжий кот («антропоморфный кот рыжего окраса, герой комиксов и комедии „Гарфилд“»); *Леопольд* (7 онимоупотреблений) – добрый кот («добродушный кот как в мультфильме „Приключения кота Леопольда“») и др.

Деривационный анализ

В результате деривационного анализа фелисонимов, образованных в процессе трансонимизации, выявлены два типа трансонимизации, к которой прибегают номинаторы при выборе имени для своей кошки: семантическая и грамматическая. Рассмотрим выявленные типы подробнее.

Семантическая трансонимизация, или абсолютная трансонимизация, не осложняется трансонимизирующийся оним деривационными изменениями. Данный тип трансонимизации максимально продуктивен: его частотность составляет 92 %.

Грамматическая трансонимизация осложняется трансонимизирующийся оним деривационными изменениями. На ее долю в исследовательском корпусе приходится 8 %. Основными деривационными процессами являются:

- добавление диминутивного форманта: -к-: *Алинка*, *Алиска*, *Афинка*, *Данилка*, *Кузька*, *Матвейка*; -ик-: *Баксик*, *Борисик*, *Виталик*, *Еврик*, *Зевсик*, *Марсик*, *Сэмик*, *Эшлик*, *Юлик*; -чик-: *Маккарчик*, *Сапсанчик*, *Соломончик*; -очк-: *Евочка*, *Лерочка*, *Симочка*, *Томочка*; -ош-: *Платоша*,

Тимоша; -уш-: *Лавруша*, *Маркуша*; -юш-: *Кирюша*, *Марсюша*, *Филюша*;

- конечное усечение с использованием диминутивного форманта: *Казик* (от *Казимир* + -к-), *Криска* (от *Кристина* + -к-), *Лучик* (от *Лучано* + -ик-), *Люцик* (от *Люцифер* + -ик-), *Тайка* (от *Тайланд* + -к-);

- начальное усечение с использованием диминутивного форманта: *Зарик* (от *Елизар* + -ик-), *Сандрик* (от *Александр* + -ик-);

- конечное усечение: *Арчи* (от *Арчибальд*), *Беня* (от *Бентли*), *Мерс* (от *Мерседес*), *Кутя* (от *Кутузов*), *Ричи* (от *Ричард*), *Сники* (от *Сникерс*), *Ферри* (от *Феррари*), *Чешир* (от *Чеширский Кот*), *Шума* (от *Шумахер*), *Яша* (от *Яшино*);

- начальное усечение: *Иза* (от *Лиза*), *Меральда* (от *Эсмеральда*), *Фей* (от *Тимофей*), *Фиса* (от *Анфиса*);

- словосложение с усечением: *Акбарсик* (*Акбар* + *Барсик*), *Балтимор* (от *Балтийское море*), *Филексей* (*Филипп* + *Алексей*);

- языковая игра: *Мяулин Монро* (от *Мэрилин Монро*), *Муриарти* (от *Профессор Мориарти*), *Мяугли* (от *Маугли*).

Активное использование диминутивных формантов подчеркивает позитивное отношение номинатора к своему питомцу. Кроме того, широкое применение усечения, являясь проявлением тенденции «экономии языковых средств, поскольку основной функцией зоонимов в речи является вокативная» [5, с. 271], способствует образованию лаконичных имен, обеспечивающих «быстроту прохождения информационного сигнала» [2, с. 132] при общении человека со своей кошкой.

В ходе проведенного исследования установлено, что трансонимизация является активным и продуктивным процессом образования фелисонимов, отражающим фелисонимический фрагмент языковой картины мира номинатора, в которой фелисонимы представляют «результат сознательной стратегии номинатора, эксплицирующий как особенности национальной специфики мышления, так и характерные для носителя языка релевантные ассоциативные связи при создании онима» [8, с. 38–39]. Специфика трансонимизации, как процесса образования фелисонимов, заключается в том, что

- трансонимизация проявляется на межразрядном, внутриразрядном (или межвидовом), а также на внутривидовом уровнях;

- наиболее продуктивной является межразрядная трансонимизация, в результате которой в фелисонимы трансонимизируются онимы различных ономастических разрядов, отличных от зоонимов;

- на межразрядном уровне наиболее частотным источником онимов, трансонимизирующихся в фелисонимы, являются антропонимы, за которыми следуют менее частотные разряды – идеонимы, мифонимы, теонимы, имена словесных товарных знаков, топонимы, астронимы, кулинаронимы, имена языков программирования и программного обеспечения, названия валют, названия лекарств, эргонимы, имена игрушек и др.;

- на внутриразрядном (или межвидовом) уровне трансонимизация проявляется в форме трансоонимизации, заключающейся в переходе в фелисонимы собственных имен животных других зоологических видов, отличных от домашней кошки;

- на внутривидовом уровне трансонимизация проявляется в форме трансфелисонимизации, заключающейся в переносе собственного имени одной кошки на собственное имя другой кошки;

- фелисонимы, являющиеся продуктом трансонимизации, детерминированы отсубъектными и отобъектными мотивами, ведущее место среди которых принадлежит отсубъектным мотивам, связанным с особенностями субъекта номинации, которым является конкретный человек с его персональными взглядами, интересами и предпочтениями;

- наиболее продуктивным типом трансонимизации является семантическая трансонимизация, представляющая собой прямой переход онима в фелисонимы без сопутствующих деривационных изменений;

- основные деривационные процессы в случае грамматической трансонимизации (добавление диминутивного форманта, усечение, языковая игра) подчеркивают позитивное отношение номинатора к своему питомцу и нацелены на обеспечение более быстрой коммуникации с ним.

Проведенное исследование определенным образом соотносится с существующими работами ученых-ономастов.

Во-первых, выявленная лидирующая роль антропонимов как наиболее частотного источника онимов, трансонимизирующихся в фелисонимы, может объясняться особым положением зоонимов в околядерном пространстве ономастического поля русского языка, которые, по меткому замечанию В. И. Супруна, являются «антропонимоподобным разрядом» [19, с. 6] и представляют из себя «слова антропоцентрического притяжения» [Там же, с. 23].

Во-вторых, выявленный широкий репертуар онимов, относящихся к разным ономастическим разрядам, которые способны трансонимизироваться в фелисонимы, дает основание для того,

чтобы рассматриваться в качестве дополнительного аргумента в пользу вышеупомянутого тезиса Т. В. Федотовой об универсальности разряда зоонимов (в данном случае разряда фелисонимов) как наиболее объемного в плане поглощения существующих имен собственных. В силу того, что ономастика, как известно, является системой, «открытой для индивидуальных осмыслений и переосмыслений» [20, с. 129], логично сделать вывод о том, что выявленный инвентарь ономастических разрядов, способных к фелисонимизации, не является конечным и может быть дополнен онимами других ономастических видов. На наш взгляд, не существует практически никаких ограничений для перехода в фелисонимы, например, таких видов онимов, как дримонимы (имена лесных участков), инсулонимы (имена островов), лимнонимы (имена озер), спелеонимы (имена природных подземных образований), хрематонимы (имена предметов материальной культуры: оружия, музыкальных инструментов, ювелирных изделий, драгоценных камней, предметов утвари) и др.

В-третьих, полученные данные дополняют результаты существующих исследований о том, что вторым по популярности источником онимов, способных трансонимизироваться в зоонимы, являются топонимы [21, с. 80], [11, с. 94], [3, с. 56, с. 58, с. 60], [14, с. 58]. Применительно к фелисонимам, согласно настоящему исследованию, вторым по продуктивности источником онимов, трансонимизирующихся в фелисонимы, выступают идеонимы – собственные имена, «имеющие денотаты в умственной, идеологической и художественной сфере человеческой деятельности» [16, с. 61]. Топонимы, способные трансонимизироваться в фелисонимы, являются на межразрядном уровне лишь пятым по продуктивности разрядом онимов после антропонимов, идеонимов, мифонимов (включая теонимы) и словесных товарных знаков. Данный факт показателен в плане необходимости изучения ономастической характеристики зоонимов по отношению к отдельным видам животных, на что справедливо указывает Е. Н. Варникова, подчеркивая, что «описания зоонимов наиболее целесообразны по видам» [4, с. 165], поскольку каждый зоологический вид может иметь специфические ономастические особенности.

Список источников

1. Россия – страна котов! Аналитический обзор. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-strana-kotov> (дата обращения: 09.08.2023).

2. Матвеев А. К. Эволюционные процессы в ономастике // Вопросы ономастики. 2008. № 2 (6). С. 130–136.

3. Варникова Е. Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. № 1 (10). С. 51–62.

4. Варникова Е. Н. Проблемы зоонимики // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: Коллективная монография Памяти заслуженного деятеля науки Республики Адыгея и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой. Майкоп: Издательство «Магарин Олег Григорьевич», 2017. С. 163–168.

5. Варникова Е. Н. Словообразовательная модификация в русской зоонимии // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей. Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2022. С. 271–274.

6. Беляева М. Ю. Экспрессивное формообразование в зоонимии региона: традиции и современность // *Litera scripta manent*. Служение слову. Т. 2. Юбилейный сборник, посвященный 70-летию проф. д-ра Валентины Аврамовой. Шумен: УИ «Епископ Константин Преславски», 2014. С. 41–50.

7. Боброва М. В. Современный сельский зоонимикон в деривационном аспекте (на материале зоонимов одного куста деревень) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, № 2. С. 5–13.

8. Федотова Т. В. Особенности номинативной ситуации и принципы номинации в зоонимии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 4. С. 33–40.

9. Федотова Т. В. Специфика образования и функционирования зоонимов как универсального разряда онимов // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: Сборник материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой, Майкоп, 20–23 декабря 2017 года. Майкоп: Изд-во «Магарин О. Г.», 2017. С. 516–521.

10. Федотова Т. В. Универсальность зоонимов в аспекте отражения картины мира человека // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2018. № 3. С. 23–28.

11. Гусева Е. В. Традиционные и частотные клички животных в языковой картине мира современного горожанина // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2002. № 4. С. 91–104.

12. Вересиянова В. В. Зоонимическая номинация в диалектной речи: аспекты и методы изучения в современной ономастике // Севернорусские говоры. 2016. № 15. С. 221–232.

13. Марудова А. С. Наименования животных как объект ономастических исследований // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. 2017. № 2 (92). С. 108–112.

14. Шмелева Т. В. Ономастика: учебное пособие. Славянск-на-Кубани, ИЦ филиала ФГБОУ ВПО «КубГУ» в г. Славянске-на-Кубани, 2013. 161 с.

15. Варникова Е. Н., Зимичева Н. Н. Зоонимикон современной деревни (на материале кличек животных с. Горицы Вологодской области) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2017. № 2 (5). С. 73–77.

16. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1988. 187 с.

17. Щербак А. С., Казанкова А. А. Креативные тенденции в сфере современных урбанонимов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2, № 4 (8). С. 12–17.

18. Васильева С. П. Прецедентные фамилии в этнокультурном сознании красноярцев // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева, 2014. № 3 (29). С. 167–168.

19. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: дис... д-ра филол. наук: Волгоград, 2000. 76 с.

20. Новикова О. Н., Талецкая Т. Н. Имена современных политиков в словообразовании: трансоимизация // Вестник Башкирского университета. 2019. Т. 24. № 1. С. 129–134.

21. Рядченко Н. Г. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России. Словарь. Москва: Школа-Пресс, 1994. С. 78–84.

References

1. Rossiya – strana kotov! Analiticheskii obzor [Russia is a Country of Cats! An Analytical Review]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiya-strana-kotov> (accessed: 09.08.2023). (In Russian)

2. Matveyev, A. K. (2008). *Evolutsionnyye protsessy v onomastike* [Evolutionary Processes in the Name Stock]. *Voprosy Onomastiki*. No. 2 (6), pp. 130–136. (In Russian)

3. Varnikova, E. N. (2011). *Zoonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve* [Zoonyms: Their Place within the Onomastic Space]. *Voprosy onomastiki*. No. 1 (10), pp. 51–62. (In Russian)

4. Varnikova, E. N. (2017). *Problemy zoonimiki* [Problems of Zoonymy]. *Teoriya i praktika onomasticheskikh i derivatologicheskikh issledovaniy: Kollektivnaya monografiya Pamyati zaslužennogo deyatelya nauki Respubliki Adygeya i Kubani, professora Rozy Yusufovny Namitokovoi*. Pp. 163–168. Maikop, Izdatel'stvo "Oleg Grigorievich Magarin". (In Russian)

5. Varnikova, E. N. (2022). *Slovoobrazovatel'naya modifikatsiya v russkoi zoonimii* [Word-building Modification in Russian Zoonymy]. *Regional'naya onomastika: problemy i perspektivy issledovaniya: sbornik nauchnykh statei*. Pp. 271–274. Vitebsk, Vitebskii gosudarstvennyi universitet im. P. M. Masherova. (In Russian)

6. Belyaeva, M. Yu. (2014). *Ekspressivnoe formoobrazovanie v zoonimii regiona: traditsii i*

sovremennost' [Expressive Formbuilding in Zoonymy of the Region: Traditions and Modernity]. *Litera scripta manent. Sluzhenie slovu*. T. 2, pp. 41–50. Yubileinyi sbornik, posvyashchennyi 70-letiyu prof. d-ra Valentiny Avramovoi. (In Russian)

7. Bobrova, M. V. (2021). *Sovremennyy sel'skii zoonimikon v derivatsionnom aspekte (na materiale zoonimov odnogo kusta dereven')* [Modern Rural Zoonymicon in the Derivational Aspect (on the Material of Zoonyms of One Bush of Villages)]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. T. 13, No. 2, pp. 5–13. (In Russian)

8. Fedotova, T. V. (2021). *Osobennosti nominativnoi situatsii i printsipy nominatsii v zoonimii* [Features of the Nominative Situation and Principles of Nomination in Zoonymy]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 4, pp. 33–40. (In Russian)

9. Fedotova, T. V. (2017). *Spetsifika obrazovaniya i funktsionirovaniya zoonimov kak universal'nogo razryada onimov* [Specifics of the Formation and Functioning of Zoonyms as a Universal Category of Onyms]. *Russkii yazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy: Sbornik materialov XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati Zaslužennogo deyatelya nauki Adygei i Kubani, professora Rozy Yusufovny Namitokovoi, Maikop, 20–23 dekabrya 2017 goda*. Pp. 516–521. Maikop, Izdatel'stvo "Oleg Grigorievich Magarin". (In Russian)

10. Fedotova, T. V. (2018). *Universal'nost' zoonimov v aspekte otrazheniya kartiny mira cheloveka* [Universality of Zoonyms in Reflecting the Human World Picture]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 3, pp. 23–28. (In Russian)

11. Guseva, E. V. (2002). *Traditsionnye i chastotnye klichki zhivotnykh v yazykovo kartine mira sovremennogo gorozhanina* [Traditional and Frequent Nicknames of Animals in the Language World Picture of a Modern City Dweller]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*. No. 4, pp. 91–104. (In Russian)

12. Veresiyanova, V. V. (2016). *Zoonimicheskaya nominatsiya v dialektnoi rechi: aspekty i metody izucheniya v sovremennoi onomastike* [Zoonymic Nomination in Dialectal Speech: Aspects and Methods of Study in Modern Onomastics]. *Severnorusskiye govory*. No. 15, pp. 221–232. (In Russian)

13. Marudova, A. S. (2017). *Naimenovaniya zhivotnykh kak ob'ekt onomasticheskikh issledovaniy* [Zoonyms as the Object of Onomastic Research]. *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya 1: Pedagogika. Psikhologiya. Filologiya*. No. 2 (92), pp. 108–112. (In Russian)

14. Shmeleva, T. V. (2013). *Onomastika: uchebnoe posobie* [Onomastics: A Textbook]. 161 p. Slavyansk-na-Kubani, ITS filiala FGBOU VPO "KubGU" v g. Slavyanske-na-Kubani. (In Russian)

15. Varnikova, E. N., Zimicheva, N. N. (2017). *Zoonimikon sovremennoi derevni (na materiale klichek zhivotnykh s. Goritsy Vologodskoi oblasti)* [Modern Village Zoonimicon (on the Material of Animal Names in the Village of Goritsy of the Vologda Region)]. *Vestnik*

Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye, obshchestvennyye, pedagogicheskiye nauki. No. 2 (5), pp. 73–77. (In Russian)

16. Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 187 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

17. Shcherbak, A. S., Kazankova, A. A. (2016). *Kreativnyye tendentsii v sfere sovremennykh urbanonimov* [Creative Trends in the Sphere of Modern Urban Names]. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Filologicheskiye nauki i kul'turologiya. Vol. 2. No. 4 (8), pp. 12–17. (In Russian)

18. Vasilyeva, S. P. (2014). *Pretsedentnyye familii v etnokul'turnom soznanii krasnoyartsev* [Precedent Surnames in the Ethnocultural Cognition of Krasnoyarsk Citizens]. Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafieva. No. 3 (29), pp. 167–168. (In Russian)

19. Suprun, V. I. (2000). *Onomasticheskoye pole russkogo yazyka i yego khudozhestvenno-esteticheskii potentsial: spetsial'nost' 10.02.01 "Russkii yazyk": dissertatsiya na soiskaniye uchanoi stepeni doktora filologicheskikh nauk* [The Onomastic Field of the Russian Language and its Artistic and Aesthetic Potential: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, Peremena, 76 p. (In Russian)

20. Novikova, O. N., Taletskaya T. N. (2019). *Imena sovremennykh politikov v slovoobrazovanii: transonimizatsiya* [The Names of Contemporary Politicians in Word Formation: Transonymization]. Vestnik Bashkirskogo universiteta. Vol. 24. No. 1, pp. 129–134. (In Russian)

21. Ryadchenko, N. G. (1994). *Zoonimiya russkaya* [Russian Zoonymy]. Russkaya onomastika i onomastika Rossii. Slovar'. Pp. 78–84. Moscow, Shkola-Press. (In Russian)

The article was submitted on 13.11.2023
Поступила в редакцию 13.11.2023

Островерхая Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта,
236041, Россия, Калининград,
А. Невского, 14.
iostroverkhaya@kantiana.ru

Ostroverkhaia Irina Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 A. Nevskogo Str.,
Kaliningrad, 236041, Russian Federation.
iostroverkhaya@kantiana.ru

УДК 81'42

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-58-63

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ПРЕДИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: АНАЛИЗ СООБЩЕНИЙ ПЕДРО САНЧЕСА В ПРЕДВЫБОРНОЙ КАМПАНИИ 2019 ГОДА

© Светлана Пупырева

LEXICAL AND PREDICATIVE STRATEGIES IN POLITICAL DISCOURSE: AN ANALYSIS OF PEDRO SANCHEZ'S MESSAGES IN THE 2019 ELECTION CAMPAIGN

Svetlana Pupyreva

This study is aimed at studying framing strategies in political discourse. The aim of this scientific work is to study discursive framing strategies, namely lexical and predicative ones, in the texts of political messages published by Pedro Sanchez, one of the candidates for the post of the Spanish Prime Minister in April 2019.

Within the framework of this study, we use the analysis model proposed by Beatris Gallardo-Paúls. Taking into account Fillmore's ideas, she suggests using framing mechanisms, which help each speaker direct the recipient's interpretation by means of various discursive strategies. B. Gaillard-Paúls distinguishes three levels of pragmatics with different strategies; within the framework of this article, the strategies are analyzed at the level of the utterance.

The study revealed the frequent use of such lexical means as metaphor, anaphora and euphemism, which emphasizes the importance of their role in creating a political image and influencing the emotional perception of the audience. We also note a high frequency of the personal pronouns "we" and "they" as actants, which helps the politician to emphasize the ideological confrontation between the left and right parties in Spain.

Keywords: lexical strategy, predicative strategy, framing, political discourse, political image

Данное исследование направлено на изучение стратегий фрейминга в политическом дискурсе. Целью научной работы является изучение дискурсивных стратегий фрейминга, а именно лексической и предикативной, в текстах политических сообщений, опубликованных Педро Санчесом, одним из кандидатов на пост премьер-министра Испании в апреле 2019 года.

В рамках данного исследования используется модель анализа, предложенная Беатрис Гайардо-Паульс. Основываясь на идеях Филлмора, она предлагает использовать механизмы фрейминга, с помощью которых «каждый говорящий может направлять интерпретацию реципиента, используя различные дискурсивные стратегии». Б. Гайардо-Паульс выделяет три уровня прагматики, на каждом из которых применяются разные стратегии, в рамках данной статьи анализируются стратегии на уровне высказывания.

В результате исследования обнаружено частое использование таких лексических средств, как метафоры, анафоры и эвфемизмы, что подчеркивает важность их роли в создании политического образа и воздействии на эмоциональное восприятие аудитории. Также отмечается высокая частота употребления личных местоимений *мы* и *они* в качестве актантов, что помогает политику подчеркнуть идеологическую конфронтацию левых и правых партий Испании.

Ключевые слова: лексическая стратегия, предикативная стратегия, фрейминг, политический дискурс, политический образ

Для цитирования: Пупырева П. Лексическая и предикативная стратегии в политическом дискурсе: анализ сообщений Педро Санчеса в предвыборной кампании 2019 года // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 58–63. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-58-63

В современном политическом дискурсе использование языка играет ключевую роль в формировании образа кандидата и воздействии на избирателей. Лексическая и предикативная стра-

тегии являются неперменными инструментами, используемыми политическими деятелями для достижения своих целей в предвыборной кампании. Одним из ярких примеров, исследование которого может раскрыть эффективность данных стратегий, является предвыборная кампания 2019 года в Испании. Анализ лексических и предикативных характеристик сообщений политиков важен не только для понимания особенностей коммуникации, но и для общего постижения механизмов языкового манипулирования в политике.

Лексико-дискурсивная стратегия, согласно Беатрис Гайардо-Паульс, «относится к выбору слов» [1, с. 199] и «позволяет нам разграничить значение слов и направлять интерпретацию (формировать ее), активируя некоторые коннотации и лексические отношения» [Там же, с. 201], то есть стратегия лексического фреймирования определяет, какие слова или выражения выбираются и как они используются для воздействия на аудиторию или формирования особого смысла. Лексико-дискурсивная стратегия может включать в себя несколько аспектов, одним из которых является выбор лексических единиц: автор выбирает определенные слова или выражения для передачи информации, создания определенного настроения или вызова определенной реакции у аудитории. Например, использование метафор может вызвать сильную эмоциональную реакцию, использование иронии или сарказма может передать скрытый смысл или подвергнуть критике идеи или ситуации.

В процессе исследования был проведен качественный и количественный анализ маркированной лексики в речи испанского политического лидера партии PSOE (PCOE – Испанская социалистическая рабочая партия) Педро Санчеса. При анализе рассматриваются стилистические фигуры (метафора, метонимия, антитеза, сравнение, повтор, риторические вопросы, ирония, сарказм и др.) как маркированная лексика, а также фразеологические единицы, сленг, жаргон и просторечные слова.

Анализ корпуса исследования (111 сообщений, опубликованных в период предвыборной кампании) дал результаты, показанные на рис. 1.

Рис. 1. Использование маркированной лексики (%)

Количественный анализ лексических ресурсов корпуса представлен в табл. 1:

Таблица 1.

Количественный анализ использования лексических средств

Лексические ресурсы	Количество (n)
Метафора	23
Анафора	9
Эвфемизм	3
Фразеологизм	2
Антитеза	2
Олицетворение	2
Эпитет	2
Сравнение	1
Сарказм	1
Англицизм	1

Важным аспектом политической речи является наличие большого количества стилистических приемов, используемых для совершенно разных целей [2, с. 65]: для усиления воздействия слов, донесения своих идей и убеждений до широкой аудитории и достижения их поддержки. На основании данных, приведенных в Таблице 1, подтверждается, что политик чаще использует в своем дискурсе метафору, анафору и эвфемизмы.

Метафора в политическом дискурсе изучалась многими исследователями [3], [4]. По семантическому признаку выделяют несколько типов метафор, анализ показал, что в корпусе одним из наиболее распространенных является спортивная метафора. Многие лингвисты отмечают популярность использования спортивных метафор в политическом дискурсе [5], [6]. Выборы обычно представляются в виде спортивной борьбы, как, например, в следующем сообщении:

(24/04/2019) *Nada está hecho. Lo importante no es cómo empieza una competición, sino cómo acaba. Quedan pocos metros para llegar a la meta. Movilicemos todo el voto en torno al @PSOE para frenar a la derecha. Tenemos que GANAR y*

GOBERNAR. #EstamosMuyCerca /♥ #VOTAPSOE [7]. – Ничего не сделано. Важно не то, как начинается соревнование, а то, чем оно заканчивается. До финиша осталось всего несколько метров. Давайте мобилизуем все голоса вокруг @PSOE, чтобы остановить правых. Мы должны ПОБЕДИТЬ и ПРАВИТЬ. #Мы очень близки /♥ #ГОЛОСУЙЗАПСОЕ (здесь и далее перевод наш – П.С.)

Фраза *Lo importante no es cómo empieza una competición, sino cómo acaba* подчеркивает, что результат и итог соревнования имеют гораздо большее значение, чем начало. Точно так же, как в политической борьбе, победа на выборах важнее, чем исходное положение.

Quedan pocos metros para llegar a la meta – в данном контексте слово *metros* указывает на физическое расстояние, оставшееся до цели. Оно образует часть спортивной метафоры, где слово *meta* означает финишную линию или цель, а *metros* показывает, что до этой цели осталось небольшое расстояние. Это слово помогает создать образ волнующей и захватывающей гонки, где каждый метр до финиша имеет большое значение.

Важной характеристикой является использование нескольких лексических ресурсов в одном сообщении, например:

(14/04/2019) *Hay una derecha con 3 siglas que se parecen como 3 gotas de agua. Las 3 crisan, las 3 quieren involucrar y las 3 plantean ponernos un cordón sanitario. Pero no habrá cordón sanitario que frene la ola de esperanza y futuro que representa el @PSOE #VOTAPSOE* [Там же]. – Есть правые партии с 3 аббревиатурами, которые похожи как две капли воды. Все три вызывают напряжение, все три стремятся к инволюции, и все три предлагают установить вокруг нас санитарную изоляцию. Но не будет никакой санитарной изоляции, способной остановить волну надежды и будущего, которую представляет @PSOE #ГОЛОСУЙЗАПСОЕ

Политик в своем сообщении использует анафору, которая проявляется в повторении слов *las* (3). Это усиливает эффект и передает идею, что все три партии обладают одинаковыми характеристиками. Фразеологизм *se parecen como 3 gotas de agua* – это выражение, которое указывает на то, что три политических партии (которые не названы напрямую) очень сильно похожи друг на друга. Оно подразумевает, что они имеют схожие цели, стратегии или идеологии, и трудно различить их. Таким образом, этот фразеологизм используется для усиления сходства между тремя правыми партиями и образно передает их

схожесть в отрицательном свете, учитывая далее в сообщении критические характеристики, которые им приписываются.

Стоит отметить использование эвфемизмов, примеров которых было найдено три в нашем корпусе сообщений:

(25/04/2019) *Nos deja Paloma Tortajada. Una de esas voces que no se olvida, referente del periodismo radiofónico en nuestro país. Todo mi cariño para su familia, para sus amigos y compañeros* [7]. – Палома Тортахадэ покидает нас. Один из тех голосов, который не забывается, эталон радиожурналистики в нашей стране. Мои соболезнования её семье, её друзьям и коллегам.

В данном контексте используется глагол с местоимением *nos deja* ('нас покидает') вместо прямой номинации *morir* ('умирать'). Данный эвфемизм относится к группе эвфемизмов, которые служат для обозначения понятия «смерть». Причиной появления этих эвфемизмов являются табу, предрассудки и чувство страха [8, с. 135].

Итак, отметим, что в ходе анализа лексической стратегии в политическом дискурсе Педро Санчеса были обнаружены интересные особенности, которые характеризуют его коммуникацию в предвыборной гонке. Важно отметить, что данные особенности не только влияют на образ политика и его партии, но и играют значимую роль в формировании общественного мнения и мобилизации избирателей.

Что касается предикативной стратегии, она основана на иконичности синтаксиса и влияет на актантность высказывания, так как распределяет ответственность в действии [9]. Чтобы понять, кто является объектом действия и кому из политических лидеров в сообщениях предоставляется актантность [10, с. 85], мы проанализировали сообщения, опубликованные Педро Санчесом, выделив не более двух протагонистов в каждом из них, и обнаружили 40 акторов политической деятельности, которые можно разделить на следующие группы: институты (партии, правительство, ЦИК), коллективы (молодые люди, мужчины, женщины, жертвы), должностные лица (политики, правители, писатели, журналисты). Актанты, встречающиеся наиболее часто в корпусе сообщений Педро Санчеса, представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Частотность упоминаний акторов в сообщениях

Акторы	Количество упоминаний
Nosotros (Мы)	41
Pedro Sanchez (Педро Санчес)	17
España (Испания)	10

La derecha (Правые)	10
PSOE (ПСОЕ)	5
Mujeres (Женщина)	5
Ellos (Они)	4

Исходя из представленных данных, можно сделать несколько выводов. Наиболее упоминаемым актором является сам Педро Санчес, что неудивительно, так как он выступал в роли кандидата на выборах. Наиболее упоминаемой в сообщениях является Испания, что ожидаемо, так как эта предвыборная кампания проходила в контексте данной страны. Упоминания правых партий и ПСОЕ свидетельствуют о наличии политической оппозиции и сравнении с политическими конкурентами.

Очевидно, что одной из ключевых тем предвыборной кампании партии ПСОЕ являлись гендерные вопросы. Достаточно часто *mujeres* ('женщины') выступают в роли действующего лица в предложениях, как, например, в следующем сообщении:

(14 abr. 2019) *Queremos un país en el que las mujeres no deban escoger entre ser madres y desarrollarse profesionalmente, ni resignarse a cobrar un 20% menos. Queremos una España en la que las mujeres no vuelvan a casa con miedo. Las queremos libres, seguras, vivas. #HazQuePase / ❤️ #VOTAPSOE* [7]. – Мы хотим страну, в которой женщинам не придется выбирать между материнством и профессиональным развитием, а также мириться с тем, что они будут зарабатывать на 20% меньше. Мы хотим Испанию, в которой женщины не возвращаются домой в страхе. Мы хотим, чтобы они были свободны, невредимы, живы. #HazQuePase / ❤️ #ГОЛОСУЙЗАПСОЕ

Кроме того, следует отметить частотное использование местоимений *они* (n=4) и *мы* (n=41) в качестве актантов. Идеологическая конфронтация *мы* – *они* является основой политического дискурса, и предикативная стратегия служит инструментом для создания этой основы. Эта оппозиция имеет универсальный характер и всегда организуется на жёсткой аксиологической основе: *мы* / *свой* располагается на шкале «хорошо», «правильно», *они* / *чужой* – на шкале «плохо», «неправильно» [11]. Это можем наблюдать в следующем примере:

(25 abr. 2019) *La derecha difícilmente puede aspirar a gobernar España si no son capaces de gobernarse entre ellos. Se trata de algo muy serio, del futuro de nuestro país. Si los tres partidos de la derecha no se fían de sí mismos, ¿cómo van a fiarse de ellos los españoles? #LosDesayunos* [7]. – Пра-

вые вряд ли смогут претендовать на управление Испанией, если они не способны управлять друг другом. Это что-то очень серьёзное, будущее нашей страны. Если три правые партии не доверяют себе, то как испанцы собираются им доверять? #Завтрак

В данном сообщении в качестве актора выступают правые консервативные политические партии в Испании. Второй актор, *los tres partidos*, также относится к правым партиям. Тон сообщения имеет негативный оттенок по отношению к политическим правым в Испании. Автор утверждает, что отсутствие единства и сплоченности внутри правых партий является препятствием для их способности управлять страной. Выражение *вряд ли смогут претендовать на управление* предполагает пессимистический взгляд на возможности политического успеха правых. Более того, задаваясь вопросом, могут ли правые партии доверять себе, автор косвенно предполагает, что это сомнение подрывает уверенность испанских граждан. Таким образом, сообщение имеет негативный тон, ставящий под сомнение способность правых партий управлять Испанией из-за отсутствия внутренней сплоченности и подвергающий сомнению его надежность.

Согласно данным Таблицы 2, чаще в сообщениях актором выступает местоимение *мы*. Примером служит следующий твит:

(24 abr. 2019) *Queremos una España en la que las mujeres puedan ser madres y desarrollarse profesionalmente, en la que cobren lo mismo que los hombres. Una España de mujeres libres, seguras y vivas, una España feminista. Porque NO es NO. Si no hay un sí, es un no. #EstamosMuyCerca / ❤️ #VOTAPSOE* [7]. – Мы хотим Испанию, в которой женщины смогут быть матерями и профессионально развиваться, в которой они будут зарабатывать так же, как и мужчины. Испанию свободных, уверенных и энергичных женщин, феминистскую Испанию. Потому что НЕТ значит НЕТ. Если нет согласия, то это означает нет. #Мыоченьблизко / ❤️ #ВОТАПСОЕ

Слово *nosotros* ('мы') включает в себя партию ПСОЕ и граждан Испании. Тон послания явно позитивный, поскольку оно отстаивает ряд ценностей и целей, которые считаются полезными и справедливыми для общества. Сообщение затрагивает проблему гендерного равенства и прав женщин. Использование таких фраз, как *Мы хотим Испанию, в которой женщины могут быть матерями и профессионально развиваться* и *Испанию свободных, уверенных и энергичных женщин, феминистскую Испанию*, указывает на благоприятную позицию в отношении продви-

жения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин в разных сферах жизни. Использование хэштега *#EstamosMuyCerca* предполагает, что сообщение сосредоточено на идее о том, что эти цели достижимы и что прогресс осуществляется в позитивном ключе. Таким образом, сообщение имеет позитивный и прогрессивный тон, поощряя гендерное равенство в испанском обществе.

В заключение стоит подчеркнуть главные результаты исследования. Итак, наш анализ указывает на то, что лексическая стратегия Педро Санчеса характеризуется активным использованием метафор, анафоры и эвфемизмов. Все эти элементы лексической стратегии направлены на привлечение внимания, эмоциональное воздействие и убеждение избирателей. Они могут помочь политикам и партиям выделиться среди конкурентов и убедить избирателей поддержать их программу и идеи. Относительно предикативной стратегии, одним из ключевых инструментов её реализации является использование личных местоимений *мы* и *они*.

Список источников

1. Gallardo-Paúls B. Niveles pragmáticos y cognición: estrategias lingüísticas de encuadre en el discurso político // Revista Anthropos. Huellas del conocimiento. 2013. Pp. 199–210.
2. Kazakova A.I. Lexico-semantic analysis of Pedro Sanchez's political discourse / A. I. Kazakova, S. O. Pupyreva // International scientific and theoretical conference «Student and Science: future view». 2023. Pp. 7–10.
3. Латыпова Ю. А. Концептуальная метафора в политическом дискурсе Джо Байдена // Теория и практика современной науки. 2020. №12 (66). С. 164–167.
4. Цыгунова М. М. Анималистическая метафора в политическом дискурсе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. №. 4. 2021. С. 121–135.
5. Чудинов А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе // ВЕСТНИК ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 2. С. 26–31.
6. Heyvaert P. Metaphors in political communication: A case study of the use of deliberate metaphors in non-institutional political interviews / P. Heyvaert, F. Randour, J. Dodeigne, J. Perrez, & M. Reuchamps // Journal of Language and Politics. 2020. 19(2). Pp. 201–225.
7. Twitter. URL: <https://twitter.com/> (дата обращения: 20.01.2023).
8. Махмудова Ю. Р. Функционирование эвфемизмов в медиадискурсе в эпоху коронавируса // Молодой ученый. 2022. № 10 (405). С. 133–136.
9. Manual de lingüística del hablar. URL: <https://dokumen.pub/manual-de-linguistica-del-hablar-lnbsped-9783110334883-9783110335224-9783110393668.html> (дата обращения: 20.01.2023).
10. Gallardo-Paúls B. Pseudopolítica en la red: indicadores discursivos de desideologización en Twitter // Pragmalingüística. 25. 2017. Pp. 189–210.
11. Синельникова Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса // Политическая лингвистика. 1(31). 2010. С. 34–38. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sinelnikova-10.htm> (дата обращения: 20/08/2023).

References

1. Gallardo-Paúls, B. (2013). *Niveles pragmáticos y cognición: estrategias lingüísticas de encuadre en el discurso político* [Pragmatic Levels and Cognition: Linguistic Framing Strategies in Political Discourse]. B. Gallardo-Paúls. Revista Anthropos. Huellas del conocimiento. 199 p. (In Spanish)
2. Kazakova, A. I. (2023). *Lexico-Semantic Analysis of Pedro Sanchez's Political Discourse*. A. I. Kazakova, S. O. Pupyreva. International scientific and theoretical conference “Student and Science: Future View”, pp. 7–10. (In English)
3. Latypova, Yu. A. (2020). *Kontseptual'naya metafora v politicheskom diskurse Dzhо Bajdena* [Conceptual Metaphor in Joe Biden's Political Discourse]. Yu. A. Latypova. Teoriya i praktika sovremennoi nauki. No. 12 (66), pp. 164–167. (In Russian)
4. Tsygunova, M. M. (2021). *Animalisticheskaya metafora v politicheskom diskurse* [Animalistic Metaphor in Political Discourse]. M. M. Tsygunova. Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6, Yazykoznanie: Referativnyi zhurnal. No. 4, pp. 121–135. (In Russian)
5. Chudinov, A. P. (2001). *Sportivnaya metafora v sovremennom rossiiskom politicheskom diskurse* [Sports Metaphor in Modern Russian Political Discourse]. A. P. Chudinov. Vestnik VGU. Seriya lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. No. 2, pp. 26–31. (In Russian)
6. Heyvaert, P. (2020). *Metaphors in Political Communication: A Case Study of the Use of Deliberate Metaphors in Non-Institutional Political Interviews*. P. Heyvaert, F. Randour, J. Dodeigne, J. Perrez, & M. Reuchamps. Journal of Language and Politics. No. 19 (2), pp. 201–225. (In English)
7. Twitter. URL: <https://twitter.com/> (accessed: 20.01.2023). (In English)
8. Makhmudova, Yu. R. (2022). *Funktsionirovanie evfemizmov v mediadiskurse v epokhu koronavirusa* [The Functions of Euphemisms in Media Discourse in the Era of Coronavirus]. Yu. R. Mahmudova. Molodoi uchenyi. No. 10 (405), pp. 133–136. (In Russian)
9. *Manual de lingüística del hablar* [A Manual of Speaking Linguistics]. URL: <https://dokumen.pub/manual-de-linguistica-del-hablar-lnbsped-9783110334883-9783110335224-9783110393668.html> (accessed: 20/01/2023). (In Spanish)

10. Gallardo-Paúls, B. (2017). *Pseudopolítica en la red: indicadores discursivos de desideologización en Twitter* [Pseudopolitics on the Internet: Discursive Indicators of De-Ideologization on Twitter]. B. Gallardo-Paúls. *Pragmalingüística*. No. 25, pp. 189–210. (In Spanish)

11. Sinel'nikova, L. N. (2010). *Kommunikativnye modeli oppozitsionnogo politicheskogo diskursa* [Communication Models of Opposition Political Discourse]. L. N. Sinel'nikova. *Politicheskaya lingvistika*. No. 1(31), pp. 34–38. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/sinelnikova-10.htm> (accessed: 20.08.2023). (In Russian)

The article was submitted on 11.09.2023

Поступила в редакцию 11.09.2023

Пупырева Светлана Олеговна,
старший преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
svopupyreva@kpfu.ru

Pupyreva Svetlana Olegovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
svopupyreva@kpfu.ru

УДК 81'37 + 811.512.145 + 811.512.141
DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-64-70

ВАРИАНТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ТАТАРСКИХ И БАШКИРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

© Лилия Сагидуллина, Ильмира Зарипова, Гульсина Гайнуллина, Забира Каримова

VARIANTS OF CONCEPT REPRESENTATIONS IN THE WORKS BY TATAR AND BASHKIR WRITERS

Liliia Sagidullina, Ilmira Zaripova, Gulsina Gainullina, Zabira Karimova

The article considers representation variants of the Tatar language concepts based on Tatar and Bashkir literatures of the Republic of Bashkortostan in terms of cognitive and cultural linguistics. Here, we briefly present the main approaches to the interpretation of such notions as 'concept', 'artistic picture of the world', 'individual linguistic picture of the world', etc.

The artistic comprehension of the national-linguistic picture of the world is carried out by writers and poets as they are able to create new artistic worlds and in this way to expand the connotational field of a particular concept. To analyze this process, the article uses the works of Tatar and Bashkir writers: M. Kabirov, G. Gizzatullina, G. Gilmanov, M. Vafin and M. Zakirov. We present our experience of interpreting such meaningful concepts of Tatar culture as 'кеше' (*Tat. keshe - person*), 'жан' (*Tat. zhan - soul*), 'кабык' (*Tat. kabyk - lubok*), 'шагыйрь' (*Tat. shagyir - poet*), 'моң' (*Tat. mon - melody / sadness*), 'юл' (*Tat. yul - road / path*) possessing linguistic and linguocultural significance. The research proves the value of the concept analysis aimed to determine the combination of universal, national and individual components of the concept in the oeuvre of a certain author. The article shows that analyzing a text or texts of writers from the viewpoint of conceptual frameworks allows a deeper understanding of their artistic canvas as a representation of the writer's world. The article highlights that the analysis of the conceptual picture of the text, based on Tatar literature, remains relevant and promising.

Keywords: cultural linguistics, concept, artistic picture of the world, Tatar language, local Tatar literature, Republic of Bashkortostan, representation of concepts in a text, interpretation of the concepts 'кеше' (*Tat. keshe - person*), 'жан' (*Tat. zhan - soul*), 'кабык' (*Tat. kabyk - lubok*), 'шагыйрь' (*Tat. shagyir - poet*), 'моң' (*Tat. mon - melody / sadness*), 'юл' (*Tat. yul - road / path*)

В статье рассмотрены варианты репрезентации концептов татарского языка на материале татарской и башкирской литератур Республики Башкортостан с позиции когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Здесь кратко представлены основные подходы в толковании таких понятий, как «концепт», «художественная картина мира», «индивидуальная языковая картина мира» и др.

Художественное осмысление национально-языковой картины мира осуществляется писателями и поэтами, так как они способны создавать новые художественные миры и тем самым расширять коннотационное поле того или иного концепта. Для анализа данного процесса в статье использованы произведения татарских и башкирских писателей: М. Кабирова, Г. Гиззатуллиной, Г. Гильманова, М. Вафина, М. Закирова. Авторы делятся опытом интерпретации таких значимых концептов татарской культуры, как «кеше» («человек»), «жан» («душа»), «кабык» («лубок»), «шагыйрь» («поэт»), «моң» («мелодия» / «грусть»), «юл» («дорога» / «путь»), обладающих лингвистической и лингвокультурной значимостью. На основе проведенного исследования обосновывается ценность концептуального анализа с целью определения соотношения универсального, национального, индивидуального компонентов концепта в произведении или в творчестве того или иного автора. Показано, что анализ текста или текстов писателя со стороны созданных им концептосфер позволяет глубже вглядываться в художественное полотно, отражающее его мир. В статье отмечается, что проблема анализа концептуальной картины текста на материале татарской литературы остается актуальной и перспективной.

Ключевые слова: лингвокультурология, концепт, художественная картина мира, татарский язык, региональная татарская литература, Республика Башкортостан, репрезентация концептов в

тексте, интерпретация концептов «кеше» («человек»), «жан» («душа»), «кабык» («лубок»), «шагыйрь» («поэт»), «моң» («мелодия» / «грусть»), «юл» («дорога» / «путь»)

Для цитирования: Сагидуллина Л., Зарипова И., Гайнуллина Г., Каримова З. Варианты репрезентации концептов в произведениях татарских и башкирских писателей // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 64–70. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-64-70

Мир человека непрерывно усложняется. Эти изменения отражаются в языковой системе, что предполагает расширение границ науки о языке. В традиционной лингвистике язык изучается как автономное явление, как «вещь в себе». В соответствии с новыми тенденциями развития филологических наук на смену системно-структурному принципу приходит когнитивный принцип: исследования связи «язык – человек», «язык – мир» становятся объектом изучения.

Как известно, проявления антропоцентризма в лингвистике разнообразны. Одним из перспективных направлений является лингвокультурология. Взаимосвязь и взаимообусловленность языка и культуры отражается в её основной категории – концепте.

В понимании концепта – единицы, языковой по форме, ментальной по сути, – существуют разные подходы. При рассмотрении концепта одни отдают предпочтение культурологическому аспекту (Ю. С. Степанов, В. Н. Телия и др.). При таком подходе язык рассматривается как средство для оязыковления сгустка культуры. По мнению других (Д. С. Лихачев, Е. С. Кубрякова и др.), концепт является результатом столкновения значения слова с личным и национальным опытом человека, то есть выполняет роль транслятора между языком и «человеком с его окрестностями». Именно этот подход, на наш взгляд, раскрывает большие возможности для «индивидуализации» и «национализации» изучения языка и литературы [1, с. 25].

Разные подходы к толкованию понятия «концепт» определяют, в частности, выделение таких понятий, как «картина мира», «концептуальная (универсальная) картина мира», «национальная языковая картина мира», «индивидуальная языковая картина мира», «художественная картина мира». «Картина мира – то, каким себе рисует мир человек в своем воображении, – феномен более сложный, чем языковая картина мира, то есть часть концептуального мира человека, которая имеет „привязку“ к языку и преломлена через языковые формы» [2, с. 142].

По мнению Д. С. Лихачева, «концепты возникают в сознании человека не только как „намёки на возможные значения“, „алгебраическое их выражение“ но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – по-

этический, прозаический, научный, социальный, исторический и т. п.» [3, с. 281–282].

Наиболее ярким проявлением индивидуализации использования языка является творческое осмысление слова писателем или поэтом, так как именно в слове воплощается мысль и чувство писателя, его восприятие и оценка мира. «Отсюда следует, что большинство порождаемых смыслов индивидуальны по своей природе» [1, с. 11].

В современной научной парадигме художественное произведение осмысливается как сложный знак, состоящий из художественного текста (поле знаков) и вне текстовой коннотации (семантическое поле). Художественное произведение имеет и лицо создателя (образ автора), и лик объективной реальности (образ мира). В процессе интерпретации эти образы проецируются на картину мира читателя, что создает широкое поле для создания различных вариантов толкования одного и того же произведения читателями разного плана и позволяет представить мир читателя (образ читателя).

В тексте объективируются замысел автора, его представления и знания о человеке и мире. Эти представления «выносятся за пределы авторского сознания» и становятся «достоянием других людей» [4, с. 13].

Интерпретация литературного произведения, созданного тем или иным автором, в рамках современных научных парадигм предполагает изучение художественной картины мира с точки зрения концептуализации автором мира. Обобщая разнообразные дефиниции, данные понятию «концепт» представителями разных направлений в лингвистике, культуре и литературоведении, определим концепты как ментальные сущности, которые имеют имя и отражают культурно-национальные представления человека. Исследование концептов ведется по нескольким направлениям, в том числе исследуются концепты познания (универсальные) и художественные (индивидуально-личностные) концепты.

«В художественном тексте конвенциональное значение концепта деформируется, видоизменяется под воздействием личностных интерпретаций. Так создается художественный концепт, который можно считать продолжением познавательного концепта» [1, с. 34].

Индивидуально-художественная картина мира изучается через раскрытие особенностей кон-

цептуализации мира автором, изучением его концептосфер. Основу концептосфер художественных картин мира, по мнению Ю. С. Степанова, составляют такие константы, как «человек», «время», «пространство» [5, с. 76].

Использование концептуального анализа для выявления своеобразия художественного мира того или иного автора до сих пор является слабо реализуемым инструментом в татарской лингвистике и филологии, что сужает возможность исследования окружающей действительности в мировосприятии языковой личности через призму языка.

Через выделение и изучение вербализованных концептов в художественных текстах поэтов и писателей, жизнь и творчество которых неотрывно связаны с Республикой Башкортостан, с её полилингвальным и поликультурным пространством, с одной стороны, с татарским или башкирским языком и культурой – с другой, мы открываем новые горизонты и глубины в национальной языковой картине мира. С этих позиций нами были проанализированы творчество башкирского писателя Г. Гиззатуллиной, татарского поэта и писателя М. Кабирова, поэтов М. Закирова и М. Вафина и др.

Возможности реализации и проявления константы «человек» в языке и речи разнообразны и многогранны. Поэтому можно сказать, что концепт «человек» является ключевым для понимания внешнего и внутреннего мира человека, этнической и политической нации.

В повести Марата Кабирова «Сары йортлар сере» [6] основной концепт – «кеше» («человек»). В тексте произведения он вербализуется такими лексемами, как *кеше*, *сары йортта яшәүчеләр*, *Мәдинә карчык*, *без*, *алар*, *адам балалары*. Слово *кеше* в тексте используется в разных вариациях 114 раз.

Основу конфликта произведения составляет противостояние личности и массы. В тексте этот конфликт раскрывается путем противопоставления двух контекстуальных антонимов *мин* (*я*) и *без* (*мы*). Ключевыми словами, характеризующими концепт «без (мы)» являются *газан*, *шом*, *жәң талану*, *акылдан шашу*, *жәһәннәм*, *кот очу*, *курку* и другие. Концепт «мин (я)» вербализуется с помощью слов *жан*, *рух*, *илаһилык*, *фәрештә*, *күңел тәрәзәләре*, *пәйгамбәр*, *изге*, *кодрәт*. Как показывают примеры, идея автора реализуется через выбор лексем, которые входят в основной концепт «кеше». В первой части повести нет отдельного героя, его заменяет коллективное «мы», которое противопоставлено личности («мин»). Выразителем идеи «мин» является Мадина карчык,

которая зовет человека («кеше») в свободный новый мир.

Концепт «жан» является системообразующим в концептосферах Г. Гильманова, М. Кабирова и Г. Гиззатуллиной. В качестве доказательства можно привести тот факт, что слово *жан* встречается в названиях многих их произведений: «Күңел утрауы» [7], «Йәнем китә – өмөтөмде калдыр» Г. Гиззатуллиной, «Жанбалык», «Жан сурәте» Г. Гильманова, «Өрәк жаны» М. Кабирова. Частотность употребления слов *йән-жан* в произведениях этих авторов также очень высока. Например, в повести «Сары йортлар сере» М. Кабирова [6] основной конфликт между теми, у кого есть душа («жанлылар»), и теми, у кого её нет («жансызлар»), предопределяет частотность и активность употребления слов, связанных с этим семантическим полем.

Если у всех трех авторов ядро концепта «йән-жан» в основном совпадает со значениями, представленными в толковых словарях татарского и башкирского языков, то коннотативное значение данного концепта у Г. Гиззатуллиной вообрал в себя идеи дзэн-буддизма и суфизма, Г. Гильманова – язычества, тенгрианства и ислама, а «душа» М. Кабирова космополитична, но более социальна» [8].

Часто концепт выступает как свернутый текст. Это определяется тем, что кроме ядра – словарного значения, в концепте содержится периферия – субъективный опыт, коннотации и ассоциации (Р. М. Фрумкина). В повести Г. Гиззатуллиной «Күңел утрауы» («Обитель души») [7] смыслообразующую функцию всего произведения играет концепт «кабык». Несмотря на невысокую степень частотности данного слова, только с его помощью можно «расшифровать» концепты «жан», «юл», «азатлык», «йортсызлык», «илаһи нур» и т. д. в этом произведении.

Ядро концепта «кабык» («лүб», «лубок», «ко-ра») в башкирском (татарском) и русском языках совпадают. Коннотативное же значение данного концепта имеет национально-культурную и индивидуально-авторскую окраску. «Кабык» в восточных религиозно-философских учениях является обязательной ступенью просветления, то есть духовного рождения. В повести слово *кабык* используется именно в этом значении. Этот подход к пониманию концепта «кабык» связан и с другим ассоциативным рядом, который возникает у читателя, знакомого с исламско-мусульманским мировосприятием татар и башкир, а именно с реальными картинами смерти и похорон. У этих народов умерших кладут на лубок и хоронят на нем же. Это значение как пере-

носное зафиксировано в толковых словарях татарского и башкирского языков. У В. Даля это значение отсутствует. Правда, приведена пословица: «На луб отца спустил, и сам того же жди» [9, с. 270]. Для иллюстрации национальной специфики можно сравнить эту пословицу с татарской: «Кабыйка менәселәр бар әле...» – ‘Еще предстоит подняться на лубок’. У русских на луб «спускают», у татар – «поднимают».

Концепт «шагыйрь» («поэт») в той или иной форме осваивается всеми поэтами. Назначение поэта, поэт и общество, поэт и власть, «погруженность поэта в иные, чем его современники глубины жизни, времени, души» [1, с. 88] – вот некоторые из тех смысловых слоев, репрезентирующих концепт «шагыйрь» в произведениях М. Закирова, М. Кабиров, М. Вафина и др. [10]. Кроме того, у концепта «шагыйрь» имеется национально-специфическая околожерная часть концепта: Г. Тукай, Х. Такташ, М. Джалиль, Х. Туфан. При этом у каждого из этих авторов концепт «шагыйрь» имеет и индивидуальную коннотацию. К примеру, у М. Кабиров «шагыйрь» (‘поэт’) и «нужа» (‘нужда’) довольно тесно переплетены. В качестве иллюстрации приведем отрывок из стихотворения «Талант белән генә мени...»: *Талант белән генә мени, / Таяныч кирәк бит ул... / ... Жилкәгә менеп баса да / Чүктерә. Нужа бит ул.* [11, с. 36.] Конфликт между духовным (поэтический дар) и материальным миром является периферией концепта «шагыйрь» («поэт») и во многих других его стихах («Яши иде шагыйрь», «Шагыйрь йортында» и др.).

У поэтов, живущих в РБ и пишущих на татарском языке, в слове-концепте «шагыйрь» присутствует тоска-ностальгия. «*Илеңдәге илсезлек – / Шулдыр зур тигезсезлек*» – в этом коротком стихотворении М. Вафина [12, с. 238] выражен не только драматизм состояния татарского поэта как представителя Республики Башкортостан, но и считывается отношение поэта к положению народа в целом по стране. Такой контекст, рождающийся от невозможности полной самореализации в конкретных социолингвальных и социокультурных условиях, характерен для многих татароязычных авторов РБ.

Концепту «моң», который является одним из важных концептов, характеризующих эмоциональный мир человека и восприятие мира человеком, присуща высокая степень абстракции с точки зрения понятийности, образности, ценности. Известно, что одной из особенностей концепта является его многослойность, которая проявляется в том, что содержательно и структурно он охватывает несколько смежных областей знаний. На этой основе возникают определенные

ассоциативные связи, коннотации, образы, что позволяет выявить индивидуально-художественную часть концепта в творчестве того или иного автора.

Художественная картина мира, созданная автором, как правило, расширяет и углубляет универсальное понимание концепта. Для иллюстрации данной мысли нами были использованы стихи двух авторов: М. Закирова [13], М. Кабиров [11].

«Поэзия Марата Кабиров богата концептами. Им присуща глубокая индивидуальность, которая неотрывно связана с национальным составляющим концепта» [14, с. 54]. В стихотворении М. Кабиров «Шул гына» концепт «моң» признается как явление, характеризующее татарский народ. Родной «моң» может расколоть камень, проникнуть в человеческие сердца, разбудить и успокоить людей: *Ташины ярып чыккан чиймә кебек, / Яңгыратып кала урамын, / Йөрәкләрен назлап кешеләрнең, / Моң агыла. / Безнең туган моң!* [11, с. 6] Здесь «моң» понимается как самостоятельно живущая сила, одна из форм бытия. «Моң» не зависит только от чувств человека; это явление само по себе «течет», «проходит», ласкает сердца, оно как некая жидкость, своего рода субстанция. «Моң», понимаемый и принимаемый татарским народом, обладает способностью удивлять представителей других народов: *Онытылып, башын кырын салып, / Туктап калган урыс агам. / (Ә мин аңа, гажәп куренешкә / Карагандай, көлөп карыймын)* [Там же]. Автор смотрит на него с насмешкой – оказывается, мелодия способна заставить «русского агая», забыв о мировых заботах, слушать эту незнакомую мелодию. Поэт показывает величие, глубину, национальную принадлежность мелодии и в то же время говорит о ее простоте: *Сәхнәләргә менеп сикермәгән, / «Йолдыз» түгел, / Гади моң гына. / Ташины ярып чыккан чиймә кебек, / Йөрәкләргә үтә. Шул гына* [Там же].

В этом стихотворении М. Кабиров слово *моң* употребляется три раза и имеет глубокую семантическую нагрузку. Вокруг его семантического поля объединяются все остальные слова стихотворения. Автор сравнивает «моң» с ключом, который пробивает камень. «Моң» в данном стихотворении не ограничивается смыслом «песня, мелодия», а несет в себе сущность бытия народа и предстает как сила, способная преодолевать большие препятствия, как лечебное средство для души.

Концепт «моң» в тюркских языках многозначен. Как показывает анализ, в художественных текстах, в которых смыслообразующим является данный концепт, редко преобладает только одно

значение. Как правило, мы встречаем разные смысловые оттенки. В стихотворении Мухаммата Закирова «Шунда гына кебек» за словом «моң» скрываются такие понятия, как «тоска», «мысли», «стихи», «ностальгия», «творчество»: *Сулкылдады күңел, тулып, / Сөйгәч җилләр баштан. / Җимерек койма-кураны / Яшь кычыткан баскан. / Шунда, шунда гына кебек / Моңарымның башы. / Үги итте шуңа гына / Калаларның ташы.* [13, с. 26]

В стихотворении речь идет о родном крае. Родная земля, родной дом – это начало начал, источник творчества лирического героя, то есть то место, где рождается, возникает «моң». Хотя слово *моң* в данном стихотворении употребляется только один раз, обладая широким семантическим полем, оно объединяет в себе все остальные слова стихотворения. Стихотворение можно разделить на две части; в этих частях прослеживается противопоставление деревни и города. Неприкаянность, одиночество поэта рождает ту тоску, которая выливается в форме стиха – мелодии его души. «Моң» в данном стихотворении имеет и социальное звучание: разрушенное, заброшенное родное село, уничтоженные национальные корни.

Таким образом, исходя из анализа концепта «моң» в поэтических текстах, можно сделать следующий вывод: каждый поэтический текст отражает мировоззрение автора, то есть концептуализирует мир по-другому; концепт может передавать внутри стихотворения индивидуально-авторские значения, выходящие за рамки словарного толкования слова, репрезентирующего данный концепт, и слов, стоящих в синонимическом, ассоциативном ряду с ним.

Пространство, по мнению Ю. М. Лотмана, в литературном творчестве относится к первичным и основным константам, «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [15, с. 56]. Пространство «обживает» автором, этот процесс отражается в языке произведения, в тех концептах, которые составляют структуру произведения. «Дорога», «дом», «деревня», «лес», «родина», «река» и т. д. относятся к пространственным концептам.

Концепт «юл» («дорога», «путь») в тюркской языковой и художественной картине мира занимает одно из центральных мест.

На объемность коннотационного поля концепта «юл» в тюркских языках указывают и результаты этимологического анализа слова «юл». В древнетюркском языке *йол*, *дол* имели значение «дорога, счастье»; в якутском, бурятском,

монгольском, тувинском языках слова *соул*, *зол*, *жол*, *чол* – значения «дорога, удача, счастье, дело, часть, случай» [16, с. 258].

В романе татарского писателя Г. Гильманова «Албастылар» [17] концепт «юл» является центральным в семантическом поле произведения и имеет очень сложную индивидуально-авторскую составляющую: в произведении реализованы как прямые (наиболее регулярное для слова *путь* – «передвижение куда-л.; поездка, путешествие», «полоса земли, служащая для езды и ходьбы»), так и переносные значения. Среди последних выделены следующие значения: а) истина, жизнь по законам совести и наоборот; б) собственное мнение; в) удел, долг; е) прошедшая молодость; ж) взрослая жизнь, переход от юности к зрелости; и) безызвестность (потеря памяти) как заросшая или занесенная дорога; к) конец жизни – конец дороги; л) место пересечения судеб, предназначение и др. *Юл* – «дорога», по мнению Г. Гильманова, доброжелательна к человеку; она – помощница, движение, бесконечность, преобразователь жизни, дорога может быть своей и чужой (главный герой романа Халим в одном из поворотов судьбы выбрал чужую)» [17]. *Юл* – место пересечения и борьбы Добра и Зла; дорога предоставляет возможность выбора того или другого в попутчики. В интерпретации Г. Гильманова «юл» становится синонимом судьбы – «язымыш». В романе «юл» вырастает в самостоятельного героя. В то же время попутчик Халима им воспринимается как Хозыр Ильяс. В романе Хозыр Ильяс – хозяин Дороги – предопределяет судьбу главного героя, оставляя возможность выбора одного из множества жизненных путей самому Халиму.

У Г. Гильманова в концепте «юл» отражаются мифологические представления тюркских народов о пространстве, судьбе, жизни и смерти в переосмыслении нашим современником.

Изучение концептов в произведениях Г. Гильманова, М. Кабирова и др. позволило нам выделить три направления, три пласта метакультуры, которые оказывают принципиальное влияние на те или иные концепты, на всю концептосферу того или иного автора, следовательно, на тот или иной язык в целом: российская (европейско-российская) культура, восточная философско-религиозная культура; тюркско-татарская / башкирская культура.

Итак, анализ художественных текстов татарских и башкирских писателей и поэтов с позиций лингвокультуры – это перспективный способ познания мира отдельной творческой личности и народа во всем его многообразии. Попытка анализировать текст или тексты писателя со сторо-

ны созданных им концептосфер позволяет глубже вглядываться в художественное полотно, отражающее его и наш мир.

Список источников

1. Маслова В. А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. Москва: Флинта: Наука, 2004. 256 с.
2. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е. С. Кубряковой. Москва: Издательство Московского государственного университета, 1996. 245 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. проф. В. П. Нерознака. Москва: Academia, 1997. С. 280–288.
4. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного произведения. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 169 с.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Москва: Издательский дом «ЯСК», 1997. 824 с.
6. Кәбиров М. Сары йортлар сәре / Мәхәббәт яңгыры: повестлар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2006. 359 б.
7. Гиззәтуллина Г. Күңел утрауы. Өфө: Китап, 2003. 104 б.
8. Сагидуллина Л. Р. Текст как дидактический материал в системе обучения родному языку. URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 01.11.2023 г.)
9. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т.2: И – О. М.: ТЕРРА, 1995. 784 с.
10. Сәғыйдуллина Л. Р. Татар лингвомәдәни концептлар сүзлегә. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 224 б.
11. Кәбиров М. Өзәңгегә баскан чак: Шигырьләр. Уфа: Башкортстан «Китап» нәшрияты, 2002. 160 б.
12. Вафин М. М. Йөрәгем парәләре. Уфа: Китап, 2007. 272 б.
13. Закиров М. Кылычка кунган сандугач. Уфа: Башкортстан «Китап» нәшрияты, 2005. 176 б.
14. Сәғыйдуллина Л. Тел, мәдәният, язучы. Уфа: БашГУ РИЦ, 2010. 150 б.
15. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Москва: Просвещение, 1988. С. 251–293.
16. Сагидуллина Л. Р. Формирование лингвокультурологической компетенции филолога-билингва на основе анализа концептов писателей Республики Башкортостан. URL: <http://elibrary.ru> (дата обращения: 03.11.2023 г.)
17. Гыйльманов Г. Албастылар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2003. 383 б.

References

1. Maslova, V. A. (2004). *Poet i kul'tura: kontseptosfera Mariny Tsvetaevoy* [Poet and Culture: The

Concept Sphere of Marina Tsvetaeva]. 256 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

2. Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Pod obshchei red. E. S. Kubryakovoi. 245 p. Moscow, izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russian)

3. Likhachev, D. S. (1997). *Kontseptosfera russkogo yazyka* [Conceptosphere of the Russian Language]. Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. Pod red. prof. V. P. Neroznaka. Pp. 280–288. Moscow, Academia. (In Russian)

4. Babenko, L. G. (2000). *Lingvisticheskii analiz khudozhestvennoy proizvedeniya* [Linguistic Analysis of a Work of Art]. 169 p. Ekaterinburg, izd-vo Ural'skogo un-ta. (In Russian)

5. Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. 824 p. Moscow, Izdatel'skii dom "YASK". (In Russian)

6. Kәbиров, М. (2006). *Sary jortlar sere* [The Mystery of the Yellow Houses]. Mәhәbbәt jаңгыry: povest'lar. 359 p. Kazan, Tat.kn.izd-vo. (In Tatar)

7. Gizzәtullina, G. (2003). *Kүңel utrauы* [Fun Island]. 104 p. Өfө, Kitap. (In Bashkir)

8. Sagidullina, L. R. *Tekst kak didakticheskii material v sisteme obucheniya rodnomu yazyku* [Text as Didactic Material in the System of Teaching the Native Language]. URL: <http://elibrary.ru> (accessed: 01.11.2023). (In Russian)

9. Dal' V. (1995). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t. T.2: I – O. M.: TERRA*, 1995. 784 p. Moscow, TERRA. (In Russian)

10. Sägyidullina, L. R. (2013). *Tatar lingvomәdәni kontseptlar syzlege* [Dictionary of Tatar Linguistic and Cultural Concepts]. 224 p. Ufa, RIC BashGU. (In Tatar)

11. Kәbиров, М. (2002). *Өзәңгегә баскан чак: Shigyr'lar* [The Longest Moment: Poems]. 160 p. Ufa, Bashkortstan "Kitap" nәshriyaty. (In Tatar)

12. Vafin, M. M. (2007). *Jөрәгем парәләре* [Pieces of My Heart]. 272 p. Ufa, Kitap. (In Tatar)

13. Zakirov, M. (2005). *Kylychka kungan sandugach* [A Nightingale Sitting on a Sword]. 176 p. Ufa, Bashkortstan "Kitap" nәshriyaty. (In Tatar)

14. Sägyidullina, L. (2010). *Tel, мәдәният, yazuchy* [Language, Culture, Writer]. 150 p. Ufa, BashGU RIC. (In Tatar)

15. Lotman, Yu. M. (1988). *Khudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolya* [Artistic Space in Gogol's Prose]. V shkole poeticheskogo slova. Pushkin. Lermontov. Gogol'. Pp. 251–293. Moskva. (In Russian)

16. Sagidullina, L. R. *Formirovanie lingvokul'turologicheskoi kompetentsii filologa-bilingva na osnove analiza kontseptov pisatelei Respubliki Bashkortostan* [Formation of Linguocultural Competence of a Bilingual Philologist Based on an Analysis of the Concepts of Writers of the Republic of Bashkortostan.]. URL: <http://elibrary.ru> (accessed: 03.11.2023). (In Russian)

17. Gyl'manov, G. (2003). *Albastylar* [They Tatar Smiled]. 383 p. Kazan, Tatarstan kitap nashriyaty. (In

The article was submitted on 07.11.2023

Поступила в редакцию 07.11.2023

Сагидуллина Лилия Рашитовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450073, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32, каб. 411.
lisagdi@bk.ru

Sagidullina Liliia Rashitovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Kab. 411, 32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450052, Russian Federation.
lisagdi@bk.ru

Зарипова Ильмира Фаргатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450073, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32, каб. 411.
ilmira2712@yandex.ru

Zaripova Ilmira Fargatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Kab. 411, 32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450052, Russian Federation.
ilmira2712@yandex.ru

Гайнуллина Гульсина Улфатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450073, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32, каб. 411.
kgu79@mail.ru

Gainullina Gulsina Ulfatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Kab. 411, 32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450052, Russian Federation.
kgu79@mail.ru

Каримова Забира Сагитовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Уфимский университет науки и технологий,
450073, Россия, Уфа,
Заки Валиди, 32, каб. 411.
zabira56@mail.ru

Karimova Zabira Sagitovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Ufa University of Science and Technology,
Kab. 411, 32 Zaki Validi Str.,
Ufa, 450052, Russian Federation.
zabira56@mail.ru

ОБЩЕНИЕ ПОКОЛЕНИЙ: ВИДЫ ДИСКУРСОВ И ИХ СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ

© Екатерина Садовская

COMMUNICATION OF GENERATIONS: TYPES OF DISCOURSES AND THEIR ESSENTIAL FEATURES

Yekaterina Sadovskaya

The article concentrates on the communication of generations. It also seeks to identify and differentiate specific features of discourses related to and connected with the interactions of generations. These discourses include the discourse about generations, generational, intragenerational and intergenerational discourses. The main differentiating criterion is the verbalized generational identity of one or more participants of the communication process. Addressing generational issues in the process of communication without actualizing the generational identity of the communicants and the accentuation of the thematic choice is a criterion for distinguishing the discourse about the generation as a separate subspecies. The coinciding or differing generational affiliation of communicants acts as a differentiating feature of generational, intergenerational and intragenerational discourses. The verbalized generational belonging of the addresser is the marker of a generational discourse. It usually has no designated addressee. If the generational identity of both the addresser and the addressee is revealed, the generational discourse is divided into intragenerational and intergenerational. If communicants belong to the same generation, the discourse is intragenerational. If communicants belong to different generations, the discourse becomes intergenerational. The concept of "generation" can be considered from a biological and social point of view. If communicants belong to different generations and are relatives, the subspecies of the discourse is the intrafamilial discourse (personality-oriented). If the communicants belong to different generations but they are not relatives, the interfamilial discourse subspecies is distinguished, which can be both personality-oriented and institutional in nature (if the communicants emphasize the function of the generation as a social institution).

Keywords: discourse, types of discourse, generation, generational identity, discourse about generations, generational discourse, intergenerational discourse, intragenerational discourse

Статья обращается к вопросу общения поколений и ставит своей целью выявить виды дискурсов, актуализируемых в процессе поколенческой коммуникации. Фокус внимания статьи направлен также на идентификацию и разграничение отличительных черт дискурсов, связанных с взаимодействием поколений. Исследуемые дискурсы включают дискурс о поколении, поколенческий, межпоколенческий и внутрипоколенческий дискурсы. В качестве критерия разграничения данных видов дискурсов выступает эксплицируемая поколенческая идентичность одного и более коммуникантов. Обозначенная поколенческая принадлежность адресанта, адресата и / или адресанта и адресата манифестирует присутствие поколенческого, межпоколенческого или внутрипоколенческого дискурсов. Обращение к поколенческой тематике в процессе общения без актуализируемой поколенческой идентичности коммуникантов и акцентуация тематического выбора является критерием выделения дискурса в дискурс о поколении как отдельный подвид. Совпадающая либо отличающаяся поколенческая принадлежность участников коммуникации, а также количество коммуникантов с эксплицированной поколенческой идентичностью выступают в качестве дифференцирующего признака поколенческого, межпоколенческого и внутрипоколенческого дискурсов. Вербализованная поколенческая принадлежность адресанта манифестирует поколенческий дискурс, носящий преимущественно безадресатный характер. Экпликация поколенческой принадлежности коммуникантов позволяет разделить поколенческий дискурс на внутрипоколенческий и межпоколенческий. Если поколенческая принадлежность коммуникантов совпадает, дискурс является внутрипоколенческим. Если участники общения относятся к разным поколениям, дискурс классифицируется как межпоколенческий. Понятие «поколение» может рассматриваться с биологической и социальной точки зрения, что позволяет разграничить дискурсы на внутрисемейный (общение родственников – представителей разных поколений) и внесемейный (общение коммуни-

кантов, не связанных родственными связями и относящихся к разным поколениям). Внесемейный подвид межпоколенческого дискурса может быть разделен на личностно-ориентированный и институциональный (если коммуникант акцентирует функцию поколения как социального института).

Ключевые слова: дискурс, виды дискурса, поколенческая идентичность, дискурс о поколении, поколенческий, межпоколенческий, внутривоколенческий

Для цитирования: Садовская С. Общение поколений: виды дискурсов и их сущностные признаки // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 71–78. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-71-78

Введение

Заметная часть современных лингвистических исследований направлена на изучение дискурса. В рамках дискурсологии разрабатываются определения дискурса и различные классификации. Вместе с тем, по мнению Е. С. Кубряковой, «... вряд ли можно говорить сегодня о существовании общепринятого определения дискурса и вряд ли можно говорить о том, что единая и целостная теория дискурса уже создана» [1, с.523], поэтому в дополнение к уже изученным видам продолжается выделение и изучение ранее не анализировавшихся видов дискурса.

Дискурсы, связанные со взаимодействием представителей разных поколений, несмотря на острую социальную значимость на современном этапе политико-исторической и социально-экономической ситуации, пока остаются недостаточно изученными, поэтому целью данной статьи является выявление таких дискурсов, как поколенческий, межпоколенческий, внутривоколенческий и дискурса о поколении, а также их отличительных признаков.

Методы

Анализ видов дискурсов в данной работе осуществлялся посредством обращения к их письменно зафиксированным формам – текстам. В качестве текстов для исследования был использован гетерогенный материал, который состоит из примеров, взятых из Национального корпуса русского языка и сервиса поиска по книгам Google Books, а также иных примеров, отобранных по ключевым словам в информационно-коммуникационной сети интернет (842 примера). Отбор фрагментов для анализа был произведен по наличию ядерных маркеров, эксплицирующих поколенческую принадлежность коммуникантов (словосочетания в формате «притяжательное местоимение + лексема «поколение») и тематической направленности (поколенческое взаимодействие). Примеры с маркерами периферийного и амбивалентного характера (например, «в наше время», «когда я был в твоём возрасте») в рамках данного исследования не рассматривались.

Работа с эмпирическим материалом включала сочетание нескольких методов исследования, а именно контент-анализ, описательно-сопоставительный и интерпретативный методы, а также анализ словарных дефиниций.

Результаты

Дискурс можно рассматривать с разных ракурсов (дискурс как текст, дискурс как общение, дискурс как власть и т. п.). В рамках данного исследования наиболее актуальным представляется понимание дискурса, предложенное В. В. Карасиком, указывающим, что дискурс представляет собой «взаимодействие определенных типов людей, у которых есть свои идеи, концепты в сознании, обмен этими концептами», то есть в центре внимания – «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе...» [2, с. 194] (здесь и далее разрядка наша – Е. С.). На востребованность экстралингвистических факторов и внеязыкового контекста указывают также Е. С. Кубрякова [1], А. В. Полонский [3], С. Е. Тупикова [4], А. Н. Кудлаева [5], Т. А. Светашева [6], Т. А. Воронцова [7]. Поколенческий, межпоколенческий, внутривоколенческий виды дискурса, как вытекает из их названий, определяются соотносительностью их участников с определенной социальной группой – поколением, то есть принадлежность коммуникантов к поколенческой когорте выступает в качестве признака, отделяющего данные виды дискурсов от других. При обращении к ним поколенческая идентичность является экстралингвистическим фактором, который «отличает один дискурс от другого» [8] и представляет собой дискурсивную составляющую текстовых смыслов и дискурсивную обусловленность текстовых форм. Е. С. Кубрякова предлагает обращать большее внимание именно на социальную активность как на один из критериев, используемых для разграничения дискурсов: «... тип дискурса детерминруется типом той социальной активности человека, в рамках которой он осуществляется и с целями которой он согласуется...» [1, с. 524], что

справедливо для взаимодействия представителей разных социальных когорт (поколений).

В качестве других признаков, используемых для разделения дискурсов, выделяются каналы передачи информации, ориентированность дискурса, отношение к тексту / ситуации, адресованность и интенциональность дискурса, состав участников общения, тематическая направленность. При обращении к дискурсам с поколенческой составляющей также актуальны тематика взаимодействия, состав коммуникантов (наличие и / или отсутствие адресата), совпадающая либо различающаяся поколенческая принадлежность участников коммуникации, а также ее направленность.

Прежде всего для выделения дискурсов в отдельную группу по признаку поколенческой соотнесенности необходимо вовлечение одного или более представителей поколения в процесс коммуникации, например:

– Это чья философия – бедуинов или бабуинов? Или кто там бьет в колотушку? – Не придуряйтесь дурой, тетя Саша. Ваше поколение гибнет от того, что вы назло всем слепы и глухи. Вас жалко до спазм. Я боюсь за близнецов. Они остаются с двумя безумными поколениями – отцов и дедов (Галина Щербакова. «Моление о Еве» (2000)) [9].

Адресант акцентирует внимание на поколенческой принадлежности адресата, используя маркирующее словосочетание *ваше поколение*, противопоставляя таким образом поколение тети своему собственному поколению.

Подобная эксплицированная поколенческая принадлежность участника(ов) общения позволяет отделить поколенческий, межпоколенческий и внутрipoколенческий дискурсы от любых иных видов дискурса (таких как, например, политический, педагогический, массово-информационный, гендерный, профессиональный и т. п.), которые могут и часто обращаются к поколенческой тематике. Однако, если такие дискурсы не содержат указания на актуализируемую поколенческую принадлежность продуцента дискурса и / или оппонента, они не являются поколенческим, внутрipoколенческим или межпоколенческим дискурсом по сути, ср.:

Господа, здравствуйте! На ваш взгляд, представители старшего поколения – они умнее молодых или нет? Борис, вы как на этот вопрос ответите?

Борис Кагарлицкий: Могу сказать, что образование. Наверное, да, по целому ряду причин. К сожалению величайшему. Умнее? Ну, это бывают дураки в любом поколении.

Юрий Алексеев: Сейчас мы выясним, почему «к сожалению».

Олег, а ваше мнение?

Олег Сорокин: Ну, я думаю, что жизненный опыт, конечно, за старшими. Но если говорить про различия в компетенциях, например, в цифровых навыках, то здесь могут фору и молодые взять. Например, владение гаджетами, программными продуктами тогда». (Программа «Прав!да?»: Отцы и дети: разногласия между поколениями) [10].

Фрагмент из программы «Прав!да?» (ток-шоу, в данном случае образец телевизионного дискурса) обращен к поколенческой тематике; в центре внимания – мнение участников передачи об умственных способностях разных поколений, уровне образованности и владении современными технологиями. Данный фрагмент можно рассматривать как образец дискурса о поколении, так как актуализируется только тематическая направленность – общение сконцентрировано на обсуждении поколенческих характеристик старшего и младшего поколений. Вместе с тем поколенческая принадлежность самих участников программы и зрителей не актуализируется (поколенческая идентичность не озвучивается ни одним из коммуникантов в процессе взаимодействия). Соответственно, подобный вид дискурса нельзя считать собственно поколенческим; вместе с тем его можно включить в периферийную зону поколенческого дискурса.

Разграничение внутри группы дискурсов, базирующихся на актуализируемой поколенческой идентичности коммуникантов (поколенческом, межпоколенческом и внутрipoколенческом), осуществляется по наличию либо отсутствию адресата (адресатный либо безадресатный / квазиадресатный вид дискурса).

Поколенческий (generational) дискурс рассматривается как своего рода «зонтичный» дискурс по двум причинам. Прежде всего, данный вид дискурса подразумевает наличие не менее одного коммуниканта с заявленной эксплицированной поколенческой идентичностью. Другие требуют обозначения поколенческой идентичности всех участников общения. Продуцентом дискурса выступает адресант, в то время как наличие адресата не является обязательным для данного вида дискурса, но обязательно для межпоколенческого и внутрipoколенческого видов дискурсов. Это в определенной степени обусловлено природой данного дискурса, на что указывает В. Максимов: «Поколение как дискурсивная фигура предполагает способность и предрасположенность именно к сильному монологу, а следовательно, сам поколенческий дискурс постоянно экспонирует и возвращает проблему коммуникативного статуса, потенциала и строения монологических форм» [11, с. 65]. Таким обра-

зом, поколенческий дискурс стремится к монологу, адресат опосредован и не является ключевым участником процесса взаимодействия. Поколенческий дискурс не требует взаимодействия с четко обозначенными представителями каких-либо конкретных социальных групп. Подобный вид дискурса представлен преимущественно в публицистике, биографиях и мемуарах, что является его отличительной чертой. По мнению, В. Г. Борботько, «монолог – это дискурс с одним говорящим» [12, с. 7]. Аналогичную мысль высказывает Т. Г. Винокур: «...публицистическая речь также дает нам пример ... речевого акта как действия одного лица [13, с.53]. Применительно к поколенческому дискурсу это может выглядеть следующим образом (фрагмент взят из мемуаров Л. Гурченко; повествование ведется от первого лица и представляет собой рассказ о детстве, становлении в профессии и сложностях, связанных с карьерой актрисы):

Многие ушли навсегда. Я люблю своих сверстников, мое поколение. Мы начинали вместе. (Л. Гурченко. «Аплодисменты» (1994-2003)) [9].

Наличие эксплицированно обозначенного адресата – представителя(ей) какого-либо поколения – позволяет разграничить поколенческий и внутр поколенческий и межпоколенческий дискурсы. При общении поколений в качестве адресата может выступать как представитель поколения, чья поколенческая принадлежность совпадает с поколенческой принадлежностью адресанта, так и адресат, чья поколенческая принадлежность отличается от поколенческой принадлежности адресанта.

Совпадение поколения адресанта с поколением адресата является дифференцирующим признаком внутр поколенческого (intragenerational/within-generation) дискурса. Коммуникация направлена на взаимодействие представителей одного и того же поколения, чья поколенческая принадлежность идентифицирована:

– Вот еще одного из нас нет, – сказал он не на весь стол, а ближайшим, – а наше поколение уже в том возрасте, в котором обычно любое поколение решает главные исторические задачи текущего момента. (А. А. Уткин. «Дорога в снегопад» (2008-2010)) [9].

Межпоколенческий (intergenerational/cross-generational) дискурс отличается тем, что функционирует только при взаимодействии эксплицитно обозначенных таковыми представителей разных поколений. Наличие адресата – представителя иного поколения – является необходимым

требованием для функционирования данного вида дискурса. Общение коммуникантов подразумевает актуализацию отличающихся поколенческих идентичностей (в отдельных случаях идентичность одного из участников коммуникации может носить имплицитный характер и представляется путем скрытого сравнения):

Как получилось, что вы олицетворяете добро и чистоту, хотя в ваше поколение миллениалов увлекается цинизмом и иронией? (К. Гощицкая. Антоха МС: «Наше поколение настолько впрягли в сани, что остается только злиться и оценивать» (07.09.2017)) [9].

Для дальнейшего анализа и разграничения данных видов дискурсов необходимо обратиться к пониманию такого основополагающего понятия, как «поколение». Толковые словари русского языка ставят на первое место биологическую характеристику (объединение по признаку кровного родства): ПОКОЛЕНИЕ; ПОКОЛЕНЬЕ, -я; ср. 1. Родственники одной ступени родства по отношению к общему предку [предкам]. *В доме живёт три поколения семьи Кузнецовых. Инженер во втором [третьем] поколении* [по отношению к своим ближайшим предкам] [14]. Разграничение по признаку родства позволяет разделить дискурс на внутрисемейный и внесемейный. Внутрисемейный (intrafamilial) дискурс функционирует в рамках иерархии «прародители – родители – дети – внуки». Примером взаимодействия представителей разных поколений в рамках семьи (в данном примере взаимодействуют дядя и племянник, чьи родственные отношения эксплицируются через обращение племянника к дяде «дядюшка») может служить следующий фрагмент:

Жадов соглашался с ним. И где-то здесь начинался очень медленный процесс его внутреннего очищения. Это восстановление личности начиналось незаметно в потерянном и раздавленном человеке, разрасталось и крепло, к нему приходила сила, и разум снова обретал свою прежнюю остроту, веру и новый, выстраданный покой. «Дядюшка, я не говорил, что наше поколение честней других, – очень тихо и еще неуверенно начинал Жадов. – Всегда были и будут честные люди... всегда были и будут слабые люди. Вот вам доказательство – я сам». Потом температура менялась, происходили медленные мизансценические изменения, Жадов набирал, поднимался, рос (М. А. Захаров. «Театр без вранья» (2007)) [9].

В случае внутрисемейного взаимодействия поколенческая идентичность членов семьи не всегда эксплицирована, но она подразумевается, так как прародители, родители и дети в силу

причин биологического характера относятся к разным поколениям:

– «Дед, ну почему ты не можешь купить себе нормальную тачку? Сколько себя помню, все время ездил на этой рухляди. Весь класс надо мной смеется, – пробурчал внук, заскакивая на заднее сиденье старого джипа, и пытаясь сесть ниже уровня окна, – или жди за углом, нет же, прямо к центральному входу школы нужно подъехать!»

– «Когда-то это был самый модный в городе автомобиль! От девчонок отбоя не было! Они сами прыгали на заднее сиденье, даже уговаривать не надо было, – заговорщицки ответил дед, – но все стареет».

– «И что теперь? Ездить на нем, пока он не развалится под тобой? Купить бы вон такую...» – внук мечтательно проводил взглядом плавно выехавший на перекресток новенький, матовый, полностью тонированный джип» (М. Postman. Дед и внук) [15].

Идентификация статусов коммуникантов как членов семьи маркирует данный вид дискурса как семейный, но одновременно имплицитно демонстрирует различие во взглядах на жизнь, обусловленное принадлежностью к разным поколениям. Общение родственников носит, как правило, бытовой характер: «Бытовое общение происходит между хорошо знакомыми людьми и сводится к поддержанию контакта, решению обиходных проблем. Оно диалогично по своей сути и имеет место на сокращенной дистанции в связи с тем, что участники хорошо знают друг друга и не проговаривают дополнительных речевых формул и уточнений. Бытовое общение – естественный, исходный тип дискурса, характеризуемый спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, выраженной субъективностью, а также нарушением логики и структурной оформленности высказываний» [16]. На это обращает внимание и В. Карасик: «Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [2, с. 193]. В подобного рода диалогах отсутствует необходимость в эксплицированном обозначении поколенческой принадлежности коммуникантов.

Помимо родственных связей, индивиды могут быть объединены в поколение в случае совпадения их по возрасту и наличию схожих интересов: «Одновременно живущие люди [особи] приблизительно одного возраста. *Подрастающее, современное п., Военное п. Ребята моего поколения. Представитель, человек прошлого*

поколения. Подрастает новое, замечательное п. Преемственность поколений. Молодое, старшее п. [разг.; люди близкого возраста]. 3. кого или с опр. Группа людей, близких по возрасту, объединённых общей деятельностью, общими интересами. Выросло новое п. учёных, лётчиков, руководителей. Этот опыт будет изучаться последующими поколениями» [14].

Социологи, культурологи, философы, лингвисты акцентируют также иные компоненты поколенческой принадлежности, дополняя выше представленные определения факторами социализации и разделяемых социетальных ценностей: «ПОКОЛЕНИЕ [генерация] ... – историко-культурная, духовная общность современников, жизнь которых связана с какими-либо важными историческими событиями, единство нравственных позиций, дух времени [например, комсомольцы 20-х, военное поколение]» [17, с. 450]. К данному списку могут добавляться и другие аспекты, в частности мироощущение: «В П. важно социальное самоопределение людей, то, к какому поколению они принадлежат» [Там же].

В случае взаимодействия представителей поколений, не связанных узами кровного родства, дискурс рассматривается как внесемейный (extrafamilial) и гетерогенный по характеру (коммуниканты не являются родственниками, но могут быть друзьями, знакомыми, коллегами, связаны иными видами отношений):

Дружеским тоном он сказал молодому лакею: «Рыбки, Миша, яиц и парочку пива». Торопливо закурив папиросу, он вытянул под стол уставшие ноги, развалился на стуле и тотчас же заговорил, всматриваясь в лицо Самгина пристально, с бесцеремонным любопытством: «Интересно, что сделает в а ш е п о к о л е н и е, разочарованное в человеке? Человек-герой, видимо, антипатичен вам или пугает вас, хотя историю вы мыслите все-таки как работу Августа Бебеля и подобных ему. Мне кажется, что вы более индивидуалисты, чем народники, и что массы выдвигаете вы вперед для того, чтоб самим остаться в стороне. Среди вашего брата не чувствуется человек, который сходил бы с ума от любви к народу, от страха за его судьбу, как сходит с ума Глеб Успенский». (Максим Горький. «Жизнь Клим Самгина». Часть 2 (1928)) [9]

В данном фрагменте коммуниканты относятся к разным поколениям и не связаны узами родства, то есть характер общения – внесемейный; в то же время участники общения знают друг друга и общаются как представители разных поколений, то есть можно говорить об определенном характере взаимодействия коммуникантов. По мнению Е. С. Кубряковой, «Дискурсивная деятельность носит отчетливо выраженный специализированный характер, т.е. не может быть опи-

санной вне указания на „среду“ ее проявления ... (со всеми ее разновидностям)» [1, с. 525]. В ракурсе данного исследования под такой средой можно понимать «погружение» коммуникантов в межпоколенческое взаимодействие.

Учитывая выше представленные определения лексемы «поколение», межпоколенческий дискурс (как оперирующий в рамках взаимодействия представителей разных поколений) может быть разделен далее по своей направленности и составу участников. В классификации дискурсов, предложенных В. И. Карасиком, дискурсы разделяются на такие типы, как институциональный и личностно ориентированный: «С позиций отношений между участниками коммуникации наиболее существенным критерием является, на наш взгляд, дистанция, противопоставление личностно ориентированного и статусно ориентированного общения. Мы говорим о личностно ориентированном общении, если нам хорошо известен собеседник, если мы стремимся не только передать некоторую информацию или оказать определенное воздействие на него, но и раскрыть свою душу и попытаться понять внутренний мир адресата» [18], что справедливо для внутрисемейного и внесемейного (между друзьями, знакомыми, коллегами) межпоколенческого взаимодействия.

Однако необходимо принимать во внимание тот факт, что поколение также рассматривается, в частности, социологами и философами как социальный институт: «Поколение, реализующее этническое, экономическое и общесоциальное наследование в семье, национальной общности, а также сохраняющее традиции культуры, ее архетипы и символы путем трансляции новым поколениям, от старшего поколения к младшему, выступает одним из первичных социальных институтов» [19]. Соответственно, общение представителей разных поколений может осуществляться в более фиксированном официальном формате, и межпоколенческий дискурс может из личностно-ориентированного и бытового преобразовываться в институциональный, который, по мнению О. Г. Плеховой, «обязывает рассказчика представлять некоторый социальный институт» [20].

Выходя за пределы семьи и дружеского общения, межпоколенческое вербальное взаимодействие приобретает статусную характеристику: «Участники личностного дискурса выступают во всей полноте своих качеств, в отличие от участников институционального дискурса, системообразующим признаком которого является статусная, представительская функция человека» [18]. Как отмечает В. В. Карасик, институцио-

нальный дискурс «есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Там же], что происходит в процессе межпоколенческого взаимодействия, когда старшие и младшие поколения пытаются решить определенные задачи более глобального характера, нежели члены семьи или группа друзей и коллег, ср.:

Каждому народу история задаёт двустороннюю культурную работу – над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами и общественными отношениями. Если нашему народу в продолжение веков пришлось упорно бороться с лесами и болотами своей страны, напрягая силы на чёрную подготовительную работу цивилизации, то нам предстоит, не теряя приобретённой в этой работе житейской выносливости, напряженно работать над самими собой, развивать свои умственные и нравственные силы, с особенной заботливостью устанавливать свои общественные отношения. Таким образом, изучение нашей истории может помочь нам уяснить задачи и направление предстоящей нам практической деятельности. У каждого поколения могут быть свои идеалы, у моего свои, у вашего другие, и жалко то поколение, у которого нет никаких» [В. О. Ключевский. «Русская история. Полный курс лекций. Лекции 1-9» (1904) [9].

Соответственно, при рассмотрении дискурсов с поколенческой составляющей (в частности, межпоколенческого дискурса) «важно не упускать из виду этот двойственный характер „носителя языка“, который существует как в лице отдельного, индивидного субъекта, так и в лице всего социума – социального субъекта» [12, с. 6]. Поколение как коммуникант (в лице его представителей), представляющий социальный институт, детерминирует и сам характер дискурса: «Нормы институционального дискурса отражают этнические ценности социума в целом и ценности определенной общественной группы, образующей институт» [2, с. 9], что было продемонстрировано в выше представленном примере.

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа можно констатировать, что в основе поколенческого, межпоколенческого и внутрисемейного видов дискурсов лежит общение людей, объединенных по признаку принадлежности к определенной социальной группе – поколению. Субъектом коммуникации в данных видах дискурсов всегда выступает представитель

определенного поколения, чья поколенческая идентичность может быть представлена как эксплицитно, так и имплицитно. Актуализация адресата позволяет разделить поколенческий дискурс на внутр поколенческий и межпоколенческий дискурсы. При наличии адресанта с обозначенной поколенческой принадлежностью и отсутствии адресата дискурс является поколенческим. В случае наличия адресата дифференцирующим признаком служит совпадение либо отличие поколенческой принадлежности адресанта и адресата. Совпадение поколенческой идентичности участников коммуникации является основополагающим признаком внутр поколенческого дискурса. В случае различия поколенческой принадлежности коммуникантов дискурс классифицируется как межпоколенческий. Наличие / отсутствие кровного родства позволяет разделить дискурс на внутрисемейный и внесемейный. Внесемейный дискурс может актуализироваться в двух вариантах: как общение между друзьями и коллегами, так и как общение коммуникантов, представляющих социальные институты, трансформируя личностно-ориентированный межпоколенческий дискурс в институциональный.

Список источников

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. Полонский А. В. Медиа – дискурс – концепт: опыт проблемного осмысления. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29968576_99113900.pdf (дата обращения: 01.04.2023)
4. Тупикова С. Е. Разграничение понятий «Высказывание», «Дискурс», «Речевой жанр», «Тональность» в современной лингвистике // Вестник ТГУ. 2011. № 3. С. 148–154.
5. Кудлаева А. Н. Типы текстов в структуре дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук: Пермь, 2006. 19 с.
6. Светашева Т. А. Игра со стилистическими стандартами и институциональными дискурсами в русской неофициальной поэзии второй половины XX в. // Веснік БДУ. Серыя 4. Філа. Журн. Пед. 2014. № 2. С. 10–13.
7. Воронцова Т. А. Границы стилистики и стиля в современной научной парадигме // Дискурс и стиль : теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. С. 27–32.
8. Порядина Р. Н. Дискурсивные правила как текстопорождающий механизм (на материале русских говоров среднего Приобья). URL:

https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/294/image/294_65-72.pdf (дата обращения: 31.03.2023)

9. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.06.2023)

10. Программа «Прав!да?»: Отцы и дети: кто кого не понимает. URL: <https://otr-online.ru/programmy/pravda/ottsi-i-deti-17490.html> (дата обращения: 10.06.2023)

11. Максимов В. Нарративная технология поколенческого дискурса // Поколенческий дискурс в практиках самоопределения: Сборник научных трудов. Томск: Изд.-во Томского государственного педагогического университета, 2002. С. 61–70.

12. Борботько В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: Краснодар, 1998. 48 с.

13. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Вступ. ст. Л. П. Крысина. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 176 с.

14. Поколение. Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5&all=x> (дата обращения: 08.04.2023)

15. Google Books. URL: <https://books.google.com/> (дата обращения: 25.08.2023)

16. Салихов А. Ю. Типология дискурса. Дискурс ток-шоу // Lingua mobilis. 2014. №5 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-diskursa-diskurs-tok-shou> (дата обращения: 12.03.2023)

17. Кравченко А. И. Культурология: Словарь. Изд. 2-е. М.: Академический Проект, 2001. 672 с.

18. Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursologiya-kak-napravlenie-kommunikativnoy-lingvistiki> (дата обращения: 15.04.2023)

19. Каньшин А. Н. Поколение как цивилизационный институт // Научный вестник МГТУ ГА. 2005. № 95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-kak-tsivilizatsionnyy-institut> (дата обращения: 04.10.2022)

20. Плехова О. Г. Исторический дискурс: институциональные характеристики // Известия ВГПУ. 2016. №2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskiy-diskurs-institutsionalnye-mharakteristiki> (дата обращения: 14.03.2023)

References

1. Kubryakova, E. S. (2004). *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge. On the Way to Getting Knowledge about Language. Parts of Speech from the Cognitive Point of View. The Role of Language in World Cognition]. 560 p. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russian)
2. Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 477 p. Volgograd, Peremena. (In Russian)

3. Polonskii, A. V. *Media – diskurs – kontsept: opyt problemnogo osmysleniya*. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29968576_99113900.pdf/ (accessed 01.04.2023). (In Russian)
4. Tupikova, S. E. (2011). *Razgranichenie ponyatii "Vyskazyvanie", "Diskurs", "Rechevoi zhanr", "Tonal'nost'" v sovremennoi lingvistike* [Differentiation of the Concepts "Utterance", "Discourse", "Speech Genre", "Tonality" in Contemporary Linguistics]. *Vestnik TGU*. No. 3, pp. 148–154. (In Russian)
5. Kudlaeva, A. N. (2006). *Tipy tekstov v strukture diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Types of Texts in the Structure of Discourse: Ph.D. Thesis Abstract]. Perm', 19 p. (In Russian)
6. Svetasheva, T. A. (2014). *Igra so stilisticheskimi standartami i institutsional'nymi diskursami v russkoi neofitsial'noi poezii vtoroi poloviny XX v.* [Playing with Stylistic Standards and Institutional Discourses in Russian Non-Official Poetry in the Second Half of the 20th Century]. *Vestnik BDU. Seriya 4*. No. 2, pp. 10–13. (In Russian)
7. Vorontsova, T. A. *Granitsy stilistiki i stilya v sovremennoi nauchnoi paradigmaty. Diskurs i stil': teoreticheskie i prikladnye aspekty* [The Borders of Stylistics and Style in Contemporary Scientific Paradigm: Discourse and Style: Theoretical and Applied Aspects]. *Koll. monograf. ed. by N. I. Klushina, N. V. Smirnova*. Pp. 27–32. Moscow, FLINTA, Nauka. (In Russian)
8. Poryadina, R. N. *Diskursivnye pravila kak tekstoporozhdayushchii mekhanizm (na materiale russkikh govorov srednego Priob'ya)*. [Discursive Rules as a Text-Producing Mechanism (Based on the Russian Dialects of the Mid-Ob' Area)]. URL: https://www.lib.tsu.ru/mminfo/000063105/294/image/294_65-72.pdf/ (accessed 31.03.2023). (In Russian)
9. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (accessed 10.06.2023). (In Russian)
10. *Programma "Prav'da?": Ottsy i deti: kto kogo ne ponimaet* [The Program "Is It True?": Fathers and Sons: Who Doesn't Understand Whom]. URL: <https://otr-online.ru/programmy/prav-da/ottsy-i-deti-17490.html> (accessed 27.09.2023). (In Russian)
11. Maksimov, V. (2002). *Narrativnaya tehnologiya pokolencheskogo diskursa. Pokolencheskii diskurs v praktikah samoopredeleniya: Sbornik nauchnykh trudov*. [Narrative Technology of Generational Discourse. Generational Discourse in Self-Identification Practices: A Collection of Academic Papers]. Tomsk, izd.-vo Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, pp. 61–70. (In Russian)
12. Borbot'ko, V. G. (1998). *Obshchaya teoriya diskursa (printsipy formirovaniya i smyslopороzhdeniya): avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [General Theory of Discourse (Principles of Formation and Generation of Meaning: Doctoral Thesis Abstract)]. Krasnodar, 48 p. (In Russian)
13. Vinokur, T. G. (2007). *Govoryashchii i slushayushchii: Varianty rechevogo povedeniya* [A Speaking Person and a Listening Person: Variants of Speech Behavior]. Vstup. st. L. P. Krysina. Izd. 3-e, 176 p. Moscow, izd. LKI. (In Russian)
14. *Pokolenie* [Generation]. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5&all=x/> (accessed 08.04.2023). (In Russian)
15. *Google Books*. URL: <https://books.google.com/> (accessed 25.08.2023). (In Russian)
16. Salikhov, A. Yu. (2014). *Tipologiya diskursa. Diskurs tok-shou* [Typology of Discourse. Talk-Show Discourse]. *Lingua mobilis*. No. 5 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-diskursa-diskurs-tok-shou/> (accessed 12.03.2023). (In Russian)
17. Kravchenko, A. I. (2001). *Kul'turologiya: Slovar'* [Culturology: Dictionary]. Izd. 2-e. 672 p. Moscow, Akademicheskii Proekt. (In Russian)
18. Karasik, V. I. (2016). *Diskursologiya kak napravlenie kommunikativnoi lingvistiki* [Discoursology as a Trend of Communicative Linguistics]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursologiya-kak-napravlenie-kommunikativnoy-lingvistiki/> (accessed 15.04.2023). (In Russian)
19. Kan'shin, A. N. (2005). *Pokolenie kak tsivilizatsionnyi institut* [Generation as a Civilizational Institute]. *Nauchnyi vestnik MGTU GA*, No. 95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pokolenie-kak-tsivilizatsionnyi-institut/> (accessed 04.10.2022). (In Russian)
20. Plekhova, O. G. (2016). *Istoricheskii diskurs: institutsional'nye kharakteristiki* [Historical Discourse: Institutional Characteristics]. *Izvestiya VGPU*, No. 2 (106). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskii-diskurs-institutsionalnye-mkharakteristiki> (accessed 14.03.2023). (In Russian)

The article was submitted on 25.09.2023
Поступила в редакцию 25.09.2023

Садовская Екатерина Юрьевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Минский государственный лингвистический
университет,
220034, Беларусь, Минск,
Захарова, 21.
sadovskaya@sbmt.by

Sadovskaya Yekaterina Yurievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Minsk State Linguistic University,
21 Zakharov Str.,
Minsk, 220034, Belarus.
sadovskaya@sbmt.by

ЯЗЫКОВАЯ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СМЕЖНЫХ ЭМОЦИЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

© Фируза Сибгаева, Гульназ Мугтасимова

LINGUISTIC VERBALIZATION OF RELATED EMOTIONS IN PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE TATAR LANGUAGE

Firuz Sibgaeva, Gulnaz Mugtasimova

By studying the verbalization means of emotionality in the area of Tatar phraseology, we present in a single complex the language and speech possibilities, contributing to the understanding of the mentality and psychology of the Tatar language personality. Phraseological units are characterized by imagery, emotional expressiveness and axiological features. These features are considered to be the most essential ones for phraseological units. If independent parts of speech have the categorical meanings of objectivity, action, state or attribute, which ensure their nominative function, in the case of phraseological units, the weakening of this function occurs due to the strengthening of emotional and figurative-expressive functions. The article discusses phraseological units that express several related emotions of varying degrees of intensity, these emotions can be subsumed into phraseosemantic subgroups ("a phraseosemantic subgroup of surprise"; "a phraseosemantic subgroup of grief, suffering, sadness and despondency", "a phraseosemantic subgroup of joy and happiness", etc.). All these phraseosemantic subgroups are combined into three main groups: 1) those expressing positive emotions; 2) those expressing negative emotions; 3) those expressing neutral emotions. We have identified two phraseosemantic subgroups denoting positive emotions: 1) joy and happiness; 2) calmness and ease. In each of the subgroups, phraseological units consist of the components with nationally specific features. The active components of the phraseosemantic subgroup "joy and happiness" are: *kuk* (sky), *bakhet* (happiness), *yorak* (heart), *kunel* (soul), etc. The active components of the phraseosemantic subgroup "calmness and ease" are: somaticisms, *kunel* (soul), *yorak* (heart), *жан* (soul), etc. Having got rid of negative emotions, such as anxiety and anger, a person calms down and becomes happy.

Keywords: Tatar language, phraseological unit, related emotions, active component, phraseosemantic subgroup

Изучение способов вербализации эмоциональности на примере татарской фразеологии позволяет представить в едином комплексе возможности языка, речи и способствует пониманию менталитета и психологии татарской языковой личности. Среди признаков фразеологических единиц отмечаются образность, эмоциональная выразительность, экспрессивность и оценочность. Эти признаки часто являются наиболее существенными для фразеологических единиц. Если для знаменательных частей речи важны категориальные значения предметности, действия, состояния или признака, что обеспечивает их номинативную функцию, то в случае с фразеологическими единицами ослабление этой функции происходит за счёт усиления эмоциональной и образно-экспрессивной функций. В статье рассматриваются фразеологические единицы, которые выражают несколько смежных эмоций различной степени и интенсивности, их можно объединить в фразеосемантические подгруппы («фразеосемантическая подгруппа удивления»; «фразеосемантическая подгруппа горе, страдания, печали, уныние», «фразеосемантическая подгруппа радость, счастье» и т. д.). Все они объединяются в три основные группы: 1) положительные эмоции; 2) отрицательные эмоции; 3) нейтральные эмоции. Мы выделили две фразеосемантические подгруппы, обозначающие положительные эмоции: 1) радость, счастье; 2) спокойствие, легкость. В каждой из подгрупп фразеологизмы состоят из компонентов с национальной спецификой. Активные компоненты фразеосемантической подгруппы «радость, счастье»: *күк* ('небо'), *бахет* ('счастье'), *йөрәк* ('сердце'), *күңел* ('душа') и др. Активные компоненты фразеосемантической подгруппы «спокойствие, легкость»: соматизмы, *күңел* (душа), *йөрәк* (сердце), *жан* (душа) и др. Избавившись от негативных эмоций, таких как беспокойство и гнев, человек успокаивается и становится счастливым.

Ключевые слова: татарский язык, фразеологическая единица, смежные эмоции, активный компонент, фразеосемантическая подгруппа

Для цитирования: Сибгаева Ф., Мугтасимова Г. Языковая вербализация смежных эмоций во фразеологических единицах татарского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 79–86. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-79-86

На современном этапе в языкознании усилилась тенденция к логическому анализу языка. Она предполагает исследование лингвистических, логических, культурных понятий, общих для научных теорий и обыденного сознания. Одним из результатов логического анализа языка является антропоцентризм в языке.

Согласно концепции Р. Редфильда культура состоит из тех «обыденных пониманий, проявляющихся в актах и артефактах, которые характеризуют общества». Так как они являются предпосылками действия, то те, кто владеет общей культурой, обладают общими модулями действия. Культура не есть статическая сущность, а длящийся процесс; нормы творчески пересматриваются со дня на день в процессе социального взаимодействия. Те, кто принимает участие в коллективном взаимодействии, подходят друг к другу с комплексом ожиданий, и реализация того, что ожидается, последовательно подтверждает и усиливает их установки. В этом отношении люди в каждой культурной группе постоянно поддерживают установки друг друга, каждый отвечая другому ожидаемым способом. В этом смысле культура есть продукт коммуникации [1, с. 88].

Для изучения отдельной культуры надо взглянуть на нее с точки зрения ее представителей и увидеть бесспорную информацию, присущую отдельным элементам этой культуры. Фразеологический фонд любого языка является именно таким уникальным элементом. Фразеологизмы позволяют увидеть, как каждый народ представляет себе мир. В них особенно сильно выражена оценочность и образность. Фразеологизмы отражают реально существующие явления образно, через придание слову переносного значения. Нет языка, в котором не было бы фразеологических единиц. По мнению В. Н. Телии, фразеологизмы возникают на основе образных представлений о реальности, отражающих исторический или духовный опыт коллектива [2, с. 12].

Фразеологизмы – языковые единицы, возникшие в результате накопленного за многие годы огромного опыта нации. В них отразилось многовековое культурное развитие народа. Семантика фразеологизмов связана в первую очередь с эмоционально-психологическим состоянием человека. Именно во фразеологизмах отра-

жаются эмоционально-экспрессивные признаки, поэтические особенности языка. На наш взгляд, экспрессивная функция фразеологизмов играет большую роль в формировании эмоциональной речи и активно участвует в выражении всех видов эмоций, сохраняя характер оценки того или иного явления. Они остро и аккуратно выражают мнение человека, отношение его к тому или иному явлению. В большинстве фразеологизмов информация в первую очередь передается через эмотивно-оценочные и образные представления.

Эмоциональность – обязательное качество, присущее человеку, поскольку каждый человек способен испытывать эмоции. По данным психологов, существует более 500 видов эмоций. Эмоции многообразны и могут быть выражены в языке с помощью различных средств и языковых единиц. Поэтому эмоциональная система человека должна изучаться и с точки зрения лингвистики.

Эмоции оказывают большое влияние на деятельность человека и в большинстве случаев отвечают за его действия. В связи с этим на эмоции обращали внимание еще с древних времен. Один из основополагающих факторов в управлении поведением человека заключается в эмоциях. Во всех сферах жизни человека (духовной, интеллектуальной, физической) участвуют эмоции. Долгое время изучение их на научном уровне оставалось вне поля зрения исследователей. В своих работах по психологии Н. Н. Ланге отмечал: «Чувство занимает в психологии место Сандрильоны, нелюбимой, гонимой и вечно обобранной в пользу старших сестер – „ума“ и „воли“» [3, с. 255]. Эту мысль можно использовать и взять за основу и в лингвистике, так как долгое время формальное понимание эмоций господствовало над содержательным. Начиная с 70-х гг. XX столетия внимание лингвистов переключается с изучения структуры языка на его функционирование.

Долгое время лингвистика не уделяла внимания проблеме эмоций. Современные лингвисты предлагают множество различных теорий относительно происхождения и сущности эмоций. Однако нет четкого определения, которое могло бы раскрыть содержание эмоций. Каждый исследователь, каждый ученый объясняет эмоции исходя из своей точки зрения.

В современном языкознании учитывается важность эмоциональной сферы человека. Авторы в разных аспектах изучают эмоции (например, эволюционная и молекулярная биология, физиология, нейрофизиология, психология, кибернетика, философия, психология, социолингвистика, общее языкознание, стилистика). Таким образом, ученые в разных плоскостях различных отраслей науки пытаются создать фундаментальную теорию об эмоциях. Особое значение имеет изучение выражения их в языке.

Способы выражения эмоций в татарском языке недостаточно изучены, хотя и рассматривались в работах таких ученых, как И. Б. Баширова [4], Г. Р. Галиуллина [5], [6], [7]; Х. Р. Курбатов [8], Ф. С. Сафиуллина [9], [10]. Недавно под авторством М. З. Закиева, Г. Р. Галиуллиной, Р. Ф. Фаттаховой, А. К. Булатовой вышел первый том трехтомника «Татар лексикологиясе» [11]. Заслуживают внимания диссертации Д. К. Вахитовой [12], Г. З. Габбасовой [13], Н. Ф. Галиевой [14] и др.

В татарском языкознании изучение способов вербализации эмоциональности на примере татарской фразеологии позволяет представить в едином комплексе возможности языка и речи и способствует пониманию менталитета и психологии татарской языковой личности. Таким образом, актуальность данного исследования не вызывает сомнений.

Представления о внутреннем мире создают в сознании человека эмоциональную концептосферу. На первый взгляд, эмоциональный концепт можно рассматривать как универсальный, поскольку эмоции являются качеством, присущим всем. Выражение эмоций характерно для любой народной культуры. Во все времена люди испытывали одни и те же эмоции: радость, печаль, любовь, грусть. Однако язык – не зеркальное отражение мира, поэтому в разных языках мир эмоций и языковые единицы, выражающие их, не могут полностью совпадать с представлениями другого народа. Это, конечно, не означает, что у одной нации есть эмоции, а у другой их нет. Эмоции – универсальны, но типологическая структура эмоциональной лексики одного языка может не совпадать с эмоциональной лексикой другого языка. У каждого языка существует своя классификация эмоций, которая доказывает национально-культурную особенность эмоциональных черт.

Эмоции можно разделить на положительные и отрицательные. Например, Е. Ф. Арсентьева составила шкалу, в которую включила 10 эмоций. Они расположены в следующем порядке: ласка, шутка, ирония, унижение, обвинение, ос-

корбление, грубость и т. д. Автор разъясняет каждую эмоцию и связывает ее возникновение с тем, как субъект относится к предмету или лицу [15, с. 98].

К. Э. Изард также выделяет 10 основных эмоций: интерес, радость, удивление, страдание, ненависть, отвращение, унижение, страх, обвинение, стыд [16, с. 176]. По его мнению, эти эмоции составляют семантический центр эмотивной лексики. Человек, воспринимая окружающие процессы, явления, выделяет только те события, которые для него важны. Именно этот процесс отражается в эмоциях.

Авторы словаря «Оксфордский словарь английских идиом» [17] А. П. Кови, Р. Макин и И. Р. Маккейг отмечают, что для выражения эмоционального состояния используются только отдельные виды идиом. Эти идиомы они делят на 3 группы:

1. Идиомы, выражающие ненависть человека. Эти типы идиом рассматриваются как табу, так как часто в них используются компоненты религиозной тематики и соматизмы. К ним относятся проклятия, выражения со значением презрения.

2. Идиомы, выражающие снисходительное отношение человека к другим. Под единицами со значением пренебрежения подразумеваются единицы, выражающие уничижительное отношение.

3. Идиомы, выражающие легкое ироничное или юмористическое отношение человека к предмету или человеку.

Французский ученый Р. Декарт в XVII веке выделил в человеке шесть основных чувств: удивление, любовь, ненависть, желание, радость, страдание [18].

П. В. Симонов выделяет четыре пары базисных эмоций: удовольствие – ненависть; радость – печаль; доверие – страх; торжество – гнев. Кроме этих эмоций, психолог выделяет вторичные: возбуждение, интерес [19, с. 119–133]. Педагог А. Бэн, один из основных представителей ассоциативной психологии, утверждает, что существует 12 различных человеческих эмоций [20]. Известный немецкий физиолог и психолог В. Вундт утверждает, что человеческие эмоции имеют более 5 тысяч значений, но из-за нехватки слов не все из них можно выразить при помощи лексических единиц [21, с. 116].

Проанализировав множество групп эмоций, мы пришли к выводу, что к одной фразеосемантической подгруппе можно отнести фразеологизмы, выражающие несколько смежных эмоций различной степени их интенсивности (например, «фразеосемантическая подгруппа удивления»; «фразеосемантическая подгруппа горе, страда-

ния, печали, уныния» и т. д.). Все они объединяются в три основные группы:

- 1) положительные эмоции;
- 2) отрицательные эмоции;
- 3) нейтральные эмоции.

Таким образом, состояние человека можно рассмотреть в пяти аспектах:

- 1) физическое;
- 2) эмоциональное;
- 3) состояние умственной деятельности;
- 4) умственно-психическое;
- 5) эмоционально-физическое.

Для более детального ознакомления с семантикой фразеологизмов, выражающих состояние человека, в пределах двух подгрупп была проанализирована структура отношений ФЕ подгруппы «Радость, счастье» и «Спокойствие, легкость» в аспекте «Эмоциональное состояние человека».

Фразеосемантическая подгруппа «Радость, счастье»

Радость создает у человека приподнятое настроение, счастье порождает чувство радости, состояние полного удовлетворения жизнью. Радость и счастье тесно взаимосвязаны между собой. Однако между этими двумя чувствами есть разница: счастье – это личное чувство, которое может быть радостным для другого человека, но от этой радости другой человек не может быть счастливым. Счастье связано с душевной гармонией человека и является глубоким чувством. Радость относится к эмоции, вызываемой благополучием, успехом или везением, и обычно ассоциируется с чувством интенсивного, продолжительного счастья.

Состояние радости и счастья в татарском языке очень часто сопровождается смехом: *эчектӱп кӧлү* [9, с. 314]; *шатлыктан (тәгәри-тәгәри) тәгәрәп кӧлү*; *шатлыгыннан авызын жәйеп ала алмый* [Там же, с. 302]; *көлә-көлә эч кату (катуга сабышу)*; *көлә-көлә эч кату* [Там же, с. 148]; *егылып кӧлү*; *егыла-егыла кӧлү* [Там же, с. 84]; *авызы колакка (колагына) житкән*; *авызы колакка* [Там же, с. 11].

В. Н. Телия выделяет три античных источника смеха:

- 1) гиппократовская философия смеха – лечебная;
- 2) формула Аристотеля: «Из всех живых существ только человеку свойственен смех»;
- 3) образ смеющегося в загробном царстве Мениппа, Лукиан подчеркивает связь смеха со смертью [2, с. 39–41].

В татарском языке существуют фразеологизмы с национальной спецификой, которые используются при выражении чувства радости:

кош тоткандай булу [9, с. 147]; *бәхет кошы*; *бәхет кошы тоткан кук булу* [Там же, с. 54]; *алтын кош тоткан кебек* [Там же, с. 20].

Птица Счастья, Птица Феникс, Жар-Птица, Царь Птица – это есть птица Семруг (Сәмруг). Семруг – мифическое существо в иранской мифологии, царь всех птиц. Также она известна в мифологии тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья. Персы и узбеки называли её Симург, казахи – Самурык, татары – Семруг.

По легенде, жила эта птица на вершине самой высокой горы. Настолько высокой, что ни пешие, ни конные путники не могли достичь её вершины, сколько бы ни поднимались. Никому не было дано увидеть Семруга – ни зверю, ни птице, ни человеку. Знали лишь, что оперение его прекраснее, чем все земные восходы и закаты вместе взятые. Семруг был не только блистательно красив, но и мудрость его была бескрайней, как океан. Эту птицу могли увидеть и обрести счастье лишь те люди, которые очень рано вставали и трудились до поздней ночи.

Образ, использованный во фразеологизме *Золотая птица*, обращенный к радующемуся, заимствован из сказки. Пройдя через тяжелые испытания, герой смог поймать золотую птицу, символизирующую счастье.

Также во фразеологии татарского языка при выражении чувства радости используется компонент *ат*, связанный с национальной спецификой: *атка менгәндәй булу*; *ат алгандай шатлану*; *атка атланган кук* [9, с. 28].

У татарского народа опорой и помощником в хозяйственных делах была лошадь. В фразеосемантической подгруппе «Шатлык, бәхет» фразеологизмы с компонентом *ат* употребляются активно. Лошади удовлетворяли почти все потребности татарского народа. Татары долгое время вели кочевой образ жизни, лошадям не нужно было заготавливать корма на зиму, сооружать конюшни. Шкура животного использовалась для изготовления одежды и посуды, а мясом и питался человек. Существовала и отдельная порода татарских лошадей – низкорослая, крепкая, быстрая и неприхотливая.

Следует отметить, что в древнетюркских языках слово *канатлану* имело переносное значение «ат алу» («брать коня»), «атлы булу» («иметь лошадь»). Действительно, когда человек испытывает чувство радости, он чувствует себя окрыленным: *канатлы жайдак*; *канат жәю*; *канатланып китү*; *канат үсү*, *канат кую* [Там же, с. 124].

В следующей фразеосемантической подгруппе выделяется большое количество фразеологических единиц, образованных космонимом *кук*

(‘небо’). В эпоху родоплеменной раздробленности люди считали, что на седьмом небе обитает Верховная сила (Танри), которая символизирует небо и решает судьбы народов и стран. Существует поверье, что *капка, капус* (‘купол’) открывается раз в год и человек, увидевший это, становится счастливым. Считалось, что, когда Бог открывает капус, он слышит желания людей и исполняет их: *күк капусы ачылу; күк кабагы (капусы) ачылган көн; күк капусы (ишеге) ачылу* [Там же, с. 166].

Еще одна группа, созданная компонентом *күк* (‘небо’): *жиде кат күккә менү; жиденче кат күккә ашу* [Там же, с. 93]; *түбәсе күккә тию / житү; түбәсе түшәмгә тию* [Там же, с. 254]; *баши күккә тию / күтәрелү; баши түбәгә тию* [Там же, с. 52]. Аллах сотворил небо семизэтажным. Ад находится в подземелье, а рай – на небе, имеет семь этажей, достижение седьмого этажа – это есть блаженство и добро.

Издrevле, говоря о каком-нибудь счастливом человеке, татары использовали фразеологизмы: *бәхет йөзлеге белән туу* (‘родиться в рубашке’), *бәхет йөзеге белән туу* (‘родиться со счастливым кольцом’) [Там же, с. 54]. Этимология фразеологизма *бәхет йөзеге белән туу* связана с пророком Сулейманом. Он правил не только всеми царями в мире, но и птицами, насекомыми, животными, ветрами, демонами и т. д. Такого безграничного могущества он достиг с помощью своего волшебного перстня. Не только он, но и обладатель этого перстня должен был быть счастливым.

Во фразеологизмах, выражающих чувство радости, часто используются соматизмы: *авыз колакка житү; авыз еру* [Там же, с. 9]; *йөз яктыру / ачылу* [Там же, с. 116]; *эч катып көлү* [Там же, с. 314]; *аяк жиргә тимәү (аяк жиргә тияр-тимәс)* [Там же, с. 34]; *йөз ачылу* [Там же, с. 116].

Компоненты *йөрәк* (‘сердце’), *күңел* (‘душа’) напрямую связаны с миром чувств человека и активно используются в образовании фразеологизмов во фразеосемантической подгруппе «Радость, счастье»: *күңел күтәрелү; күңел кинәнү; күңел кузгалу; күңел көрәю* [Там же, с. 169]; *йөрәк әчилкенү; күңел канатлану* [Там же, с. 118] и др.

Фразеосемантическая подгруппа «Спокойствие, легкость»

Спокойствие – состояние покоя, удовлетворения с подавлением страха, беспокойства, волнения, раздражения и других негативных эмоций. Легкость – избавление от трудностей, удовольствие, приподнятое состояние души.

К. Э. Изард отмечает, что если у несчастных хорошее настроение выражается в таких чувст-

вах, как успокоение, облегчение, то у людей со стабильной психикой в хорошем состоянии души наблюдается чувство удовлетворения в отношениях с миром и людьми [16, с. 185].

Специфической лингвокультуремой образованы следующие фразеологические единицы: *кул белән сыпырып / сыйпап алгандай булу* [9, с. 152]; *тел белән ялмап алгандай булу* [Там же, с. 234]; *караш белән юу; караш белән ялмау* [Там же, с. 128] и др. Раньше от сглаза, разного рода недуга, боли пытались лечить молитвами и заговорами.

Часто употребляется во фразеосемантической подгруппе «Спокойствие, легкость» компонент *күңел* (‘душа’), который напрямую связан с миром чувств как источником эмоций и местом их накопления: *күңел басылу; күңел булу; күңел бушау / бушату; күңел даруы табу* [9, с. 168]; *күңелгә жылы керү; күңелгә хуш килү* [Там же, с. 170]; *күңел кану / кандыру* [Там же, с. 168]; *күңел көрәю; күңел тынычлап калу; күңел утыру; күңел шакмак булу* [Там же, с. 169]; *күңел бөтен булу; күңел бөтәю; күңел килү* [Там же, с. 168].

Еще одноместилище эмоций – это сердце. Душа и сердце могут взаимодействовать с эмоциональной жизнью человека и часто даже взаимозаменяемы, о чем свидетельствуют примеры: *йөрәк басылу* [Там же, с. 118]; *йөрәккә ял булу; йөрәк шатлану* [Там же, с. 119]; *йөрәк жырылау* [Там же, с. 118]; *йөрәк әжанлану* [Там же, с. 119]; *йөрәк канатлану* [Там же, с. 118].

Лексема *әжан* (‘душа’) напрямую связана с миром чувств: *әжан керү; әжан рахәте* [Там же, с. 87]; *әжан эру* [Там же, с. 88]; *әжан яну; әжан ташу* [Там же, с. 89]; *әжанга шифа булып яту; әжанга яту* [Там же, с. 88].

Во фразеологизмах *әжилкәдән тау төшү* [Там же, с. 95]; *әжан тынычланып калу* [Там же, с. 88]; *әжан тыну* [Там же, с. 88]; *күңел бушау* [Там же, с. 168]; *күңелдән тап төшү* [Там же, с. 169] тревога и трудности соотносятся с горой проблем, невзгод, и, когда человек от них избавляется, он приобретает спокойствие, радость.

Когда негативная эмоция, такая как гнев, утихает, человек обретает покой: *ачу басылу; ачу бетү* [Там же, с. 30]; *ачудан котылу* [Там же, с. 31].

Во фразеосемантической подгруппе «Спокойствие, легкость» во фразеологических единицах используются компоненты: *күңел, йөрәк, әжан*. Избавившись от негативных эмоций, таких как беспокойство и гнев, человек успокаивается, о чем свидетельствуют примеры.

Таким образом, язык – зеркало народа, в нем отражается и его дух, и история, и суть жизни. В целях познания, изучения культуры, менталитета, обычаев, представлений о мире какого-либо

народа обращаются к фразеологическим единицам. Основное место в определении семантики фразеологизмов занимает эмотивный компонент. Особенно тесно он связан с внутренним смыслом фразеологизма. Внутренняя форма возникает при помощи образного представления действительности и несет в себе мотивацию. Она играет большую роль в определении ее эмотивности. Фразеологическая единица не теряет коннотативного компонента даже при утрате внутреннего значения, то есть при немотивированном значении.

Выражающие несколько смежных эмоций различной степени и интенсивности фразеологические единицы можно объединить во фразеосемантические подгруппы («фразеосемантическая подгруппа удивления»; «фразеосемантическая подгруппа горе, страдания, печали, уныния», «фразеосемантическая подгруппа радость, счастье» и т. д.) Все они объединяются в три основные группы: 1) положительные эмоции; 2) отрицательные эмоции; 3) нейтральные эмоции. Мы выделили две фразеосемантические подгруппы, обозначающие положительные эмоции: 1) радость, счастье; 2) спокойствие, легкость. В каждой из подгрупп фразеологизмы состоят из компонентов с национальной спецификой. Активные компоненты фразеосемантической подгруппы «Радость, счастье»:

күк ('небо'): күк капусы ачылу; бәхет ишеге ачылу; жиде кат күккә менү; жиденче кат күккә ашу; түбәсе күккә тию / житү; түбә түшәмгә очу; башы күккә тию / күтәрелү; башы түбәгә тию;

бәхет ('счастье'): бәхет йөзлеге белән туу; бәхет йөзеге белән туу

соматизмы: авыз колакка житү; авыз еру; йөз яктыру / ачылу; эч катып көлү; аяк жиргә тимәү; йөз ачылу;

йөрәк ('сердце'), күңел ('душа'): күңел күтәрелү; күңел кинәнү; күңел кузгалу; күңел көрәю; йөрәк кабыну; йөрәк жылкенү; күңел канатлану и др.

Активные компоненты фразеосемантической подгруппы «Спокойствие, легкость»:

соматизмы: кул белән сытырып / сыйпап алгандай булу; тел белән ялмап алгандай булу; караш белән юу; караш белән ялмау;

күңел ('душа'): күңел басылу; күңел булу; күңел бушау / бушату; күңел даруы табу; күңелгә жылы керү; күңелгә хуш килү; күңел кану / кандыру; күңел көрәю; күңел тынычлап калу; күңел утыру; күңел шакмак булу; күңел бөтен булу; күңел бөтәю; күңел килү;

йөрәк ('сердце'): йөрәк басылу; йөрәккә ял булу; йөрәк шатлану; йөрәк жырылау; йөрәк жанлану; йөрәк канатлану;

жәң ('душа'): жәң керү; жәң рәхәте; жәң эрү; жәң яну; жәң ташу; жәңга шифа булып яту; жәңга яту;

слова со значением тяжести: жылкәдән тау төшү; жәң тынычланып калу; жәң тыну; күңел бушау; күңелдән тап төшү; ачу басылу; ачу бетү; ачудан котылу и др.

Во фразеосемантической подгруппе «Спокойствие, легкость» во фразеологических единицах используются компоненты: күңел, йөрәк, жәң. Избавившись от негативных эмоций, таких как беспокойство и гнев, человек успокаивается и становится счастливым.

Публикация подготовлена в рамках НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур ИФМК КФУ.

Список источников

1. Redfield R. The social organization of tradition // Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. Chicago: Univ. of Chicago press, 2006. Pp. 67–104.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
3. Ланге Н. Н. Психический мир. Избранные психологические труды. М.: Наука, 1996. 368 с.
4. Бәширова И. Б. Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология. Казан: ИЯЛИ, 2010. 532 б.
5. Галиуллина Г. Р., Юсупова А. Ш., Хадиева Г. К., Денмухаметова Э. Н. Тюрко-татарская лексика как проекция национального менталитета. Казань, [б. и.], 2011. 120 с.
6. Галиуллина Г. Р., Галиева Н. Ф. Эмоциональный потенциал компонентов значения слова (на материале современной татарской прозы) // Филология и культура. 2014. №4 (38). С. 51–56.
7. Галиуллина Г. Р., Мубаракзянова Д. Р. К вопросу разграничения терминов «разговорная речь» и «литературный язык» в современном татарском языкознании // Филология и культура. 2014. № 4 (38). С. 57–61.
8. Курбатов Х. Р. Сүз сәнгате: Татар теленң лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. Казан: Мәгариф, 2002. 199 б.
9. Сафиуллина Ф. С. Татарча-русча фразеологик сүзлек. Казан: Мәгариф, 2001. 335 б.
10. Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортлары студентлары өчен). Казан: Хәтер, 1999. 288 б.
11. Татар лексикологиясе: 3 томда. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. 1. 352 б.

12. Вахитова Д. К. Инвективная лексика татарского языка: функциональный и этноментальный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2013. 239 с.
13. Габбасова Г. З. Средства выражения экспрессивности в татарском литературном языке (на материале имен существительных и прилагательных): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Уфа, 2002. 26 с.
14. Галиева Н. Ф. Языковые способы выражения эмоциональности в современной татарской прозе: дис. ... канд. филол. наук: Казань, 2016. 289 с.
15. Арсентьева Е. Ф., Арсентьева Ю. С. Эмотивно-оценочный компонент коннотации фразеологизмов-эвфемизмов английского и русского языков // Человек. Осведомленность. Интернет. Коммуникация, Том I, Варшава: Emitrade, 2017. С. 97–103.
16. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Изд-во «Питер», 1999. 464 с.
17. Кови А. П., Макин Р. К., Маккейг И. Р. Оксфордский словарь английских идиом. Нью Йорк: Oxford univ. press., 2004. 338 с.
18. Декарт Р. Избранные трактаты. URL: https://libr.link/fiziologiya-cheloveka_1558/vidyi-emotsiy-66516 (дата обращения: 21.08.2023 г.).
19. Симонов П. В. Эмоциональный мозг: Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций. Москва: Наука, 1981. 244 с.
20. Бэн А. Психология эмоций. М.: Изд-во МГУ, 1996. 356 с.
21. Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб.: Питер, 2001. 160 с.
22. Вахитова Д. К. "razgovornaya rech'" i "literaturnyi yazyk" v sovremennom tatarskom yazykoznanii [On Distinction between the Terms "Conversational Speech" and "Literary Language" in Modern Tatar Linguistics]. Filologiya i kul'tura. No. 4 (38), pp. 57–61. (In Russian)
23. Kurbatov, H. R. (2002). *Suz sengate: Tatar teleneñ lingvistik stilistikasy hem poetikasy* [The Art of Words: Linguistic Stylistics and Poetics of the Tatar Language]. 199 p. Kazan, Megarif. (In Tatar)
24. Safiullina, F. S. (2001). *Tatarcha-ruscha frazeologik suzlek* [Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. 335 p. Kazan, Məgarif. (In Tatar)
25. Safiullina, F. S. (1999). *Khezerge tatar edebi tele. Leksikologiya (yugary uku jortlary studentlary ochen)* [Modern Tatar Literary Language. Lexicology (for students of higher education institutions)]. 288 p. Kazan, Həter. (In Tatar)
26. *Tatar leksikologiyase: 3 tomda* (2015) [Tatar Lexicology: In 3 Volumes]. T. 1, 352 p. Kazan, TEHSI. (In Tatar)
27. Vakhitova, D. K. (2013). *Invektivnaya leksika tatarskogo yazyka: funktsional'nyi i etnomental'nyi aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Invective Vocabulary of the Tatar Language: Functional and Ethnomental Aspects: Ph.D. Thesis]. Kazan', 239 p. (In Russian)
28. Gabbasova, G. Z. (2002). *Sredstva vyrazheniya ekspressivnosti v tatarskom literaturnom yazyke (na materiale imen sushchestvitel'nyh i prilagatel'nyh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Means of Expressiveness in the Tatar Literary Language (based on nouns and adjectives): Ph.D. Thesis Abstract]. Ufa, 26 p. (In Russian)
29. Galieva, N. F. (2016). *Yazykovye sposoby vyrazheniya emotsional'nosti v sovremennoi tatarskoi proze: dis. ... kand. filol. nauk* [Linguistic Ways of Expressing Emotionality in Modern Tatar Prose: Ph.D. Thesis]. Kazan', 289 p. (In Russian)
30. Arsent'eva, E. F., Arsent'eva, Yu. S. (2017). *Emotivno-otsenochnyi komponent konnotatsii frazeologizmov-evfemizmov angliiskogo i russkogo yazykov* [Emotive-Evaluative Component of the Connotation of Phraseological Units-Euphemisms in the English and Russian Languages]. *Chelovek. Osvedomlennost'. Internet. Kommunikatsiya*, Tom I, pp. 97–103. Varshava, Emitrade. (In Russian)
31. Izard, K. (1999). *Psikhologiya emotsii* [Psychology of Emotions]. 464 p. St. Petersburg, izd-vo "Piter". (In Russian)
32. Kovi, A. P., Makin, R. K., Makkejg, I. R. (2004). *Oksfordskii slovar' angliiskikh idiom* [Oxford Dictionary of English Idioms]. 338 p. N'yu Jork, Oxford univ. press. (In Russian, in English)
33. Dekart, R. *Izbrannye traktaty* [Selected Treatises] URL: https://libr.link/fiziologiya-cheloveka_1558/vidyi-emotsiy-66516 (accessed: 21.08.2023). (In Russian)
34. Simonov, P. V. (1981). *Emotsional'nyi mozg: Fiziologiya. Neuroanatomiya. Psikhologiya emotsii* [Emotional Brain: Physiology. Neuroanatomy. Psychology of Emotions]. 244 p. Moscow. (In Russian)
35. Ben, A. (1996). *Psikhologiya emotsii* [Psychology of Emotions]. 356 p. Moscow, izd-vo MGU. (In Russian)

References

1. Redfield, R. (2006). *The Social Organization of Tradition*. Redfield R. Peasant society and culture: An anthropological approach to civilization. 488 p. Chicago, Univ. of Chicago press. (In English)
2. Teliya, V. N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects]. 288 p. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". (In Russian)
3. Lange, N. N. (1996). *Psikhicheskii mir. Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Psychic World. Selected Psychological Works]. 368 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Beshirova, I. B. (2010). *Khezerge tatar edebi tele. Semasiologiya* [Modern Tatar Literary Language. Semasiology]. 532 p. Kazan, IYALI. (In Tatar)
5. Galiullina, G. R., Yusupova, A. Sh., Hadieva, G. K., Denmuhametova, E. N. (2011). *Tyurko-tatarskaya leksika kak proektsiya natsional'nogo mentaliteta* [Turkic-Tatar Vocabulary as a Projection of the National Mentality]. 120 p. Kazan'. (In Russian)
6. Galiullina, G. R., Galieva, N. F. (2014). *Emotsional'nyi potentsial komponentov znacheniya slova (na materiale sovremennoi tatarskoi prozy)* [Components of Word Meaning and Their Emotional Potential (Based on Modern Tatar Prose)] *Filologiya i kul'tura*. No. 4 (38), pp. 51–56. (In Russian)
7. Galiullina, G. R., Mubarakzyanova, D. R. (2014). *K voprosu razgranicheniya terminov*

21. Vundt, V. (2001). *Problemy psikhologii narodov* Piter. (In Russian)
[Problems of Peoples' Psychology]. 160 p. St. Petersburg,

The article was submitted on 22.08.2022
Поступила в редакцию 22.08.2022

Сибгаева Фируза Рамзеловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
FiruzaRS@mail.ru

Sibgaeva Firuza Ramzelovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
FiruzaRS@mail.ru

Мугтасимова Гульназ Ринатовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ
стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
Gulnaz-72@mail.ru

Mugtasimova Gulnaz Rinatovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher at the Research
and Education Centre for Strategic Research
in the Field of Native Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
Gulnaz-72@mail.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-87-91

АРТИКЛЕВАЯ ФУНКЦИЯ УКАЗАТЕЛЬНОГО МЕСТОИМЕНИЯ *ТОТЬ* В ЮЖНОРУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVII В.

© Вероника Скрипка

THE ARTICLE FUNCTION OF THE DEMONSTRATIVE PRONOUN *TOTŭ* IN SOUTH RUSSIAN DOCUMENTS OF THE 17th CENTURY

Veronika Skripka

The paper considers one of the functions of the demonstrative pronoun-attribute *totŭ* (*tot*) in the South Russian documents of the 17th century. Researchers have repeatedly noted the similarity of this pronoun in some contexts with the definite article in languages where the expression of the definiteness category is mandatory. The purpose of this work is to examine the features and the consistency of the *totŭ* (*tot*) use in this function.

It was determined that, despite a large number of uses of the demonstrative group with *totŭ* (*tot*) to denote the objects already mentioned, in some cases the pronoun is omitted systematically (in the construction “цѣна (*tsĕna*) + Dat.”; when voivodes or geographical objects are repeatedly mentioned) or unsystematically. Considering that demonstrative nominal groups in their standard function should not be used as a means of naming an already mentioned object, as they distinguish a particular object from the class of similar ones, we may postulate the article function of the demonstrative pronoun-attribute *totŭ* (*tot*). However, the inconsistency of its use as a means of expressing definiteness denies the possibility of its grammaticalization and the nascence of a definite article on the basis of *totŭ* (*tot*).

Keywords: demonstrative pronoun, article, definiteness category, grammaticalization of demonstrative pronouns, South Russian business writing

В статье на материале памятников южнорусской деловой письменности XVII в. рассматривается одна из функций указательного местоимения-атрибутива *totŭ*. Исследователи не раз отмечали сходство этого местоимения в некоторых контекстах с определённым артиклем в языках, где обязательно выражение категории определённости. Целью настоящей работы было выяснить, каковы особенности употребления *totŭ* в этой функции и насколько последовательно это местоимение используется. В результате исследования на фоне большого количества употреблений указательной группы с *totŭ* для обозначения уже упомянутых объектов были выявлены случаи отсутствия местоимения – систематического (в конструкции «цѣна + Дат. п.», при повторном упоминании воевод и географических объектов), а также внесистемного характера. Учитывая, что указательные группы в основной своей функции не должны использоваться в качестве средства для постоянного именования уже упомянутого объекта, так как выделяют предмет из класса подобных, можно говорить об особой, артиклевой функции указательного местоимения-атрибутива *totŭ*. Однако непостоянство его использования в качестве средства выражения определённости не позволяет говорить о его грамматикализации в этой функции и появлении на основе местоимения *totŭ* определённого артикля.

Ключевые слова: указательные местоимения, артикль, категория определённости, грамматикализация указательных местоимений, южнорусская деловая письменность

Для цитирования: Скрипка В. Артиклевая функция указательного местоимения *totŭ* в южнорусской деловой письменности XVII в. // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 87–91. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-87-91

История указательных местоимений во многих языках тесно связана с историей артикля. Указательные местоимения «служат распростра-

ненным историческим источником для широкого спектра грамматических единиц» (“provide a common historical source for a wide variety of

grammatical items" [1, с. 115]), среди которых в первую очередь можно назвать определенный артикль. Это верно для многих индоевропейских языков; например, латинское указательное местоимение *ille* послужило источником для определенных артиклей в романских языках. Среди славянских языков постпозитивный артикль в болгарском и македонском языках также восходит к указательному местоимению **тъ*.

В истории русского языка местоимение *тъ* (*тотъ*) в роли атрибутива, то есть местоименного прилагательного, синтаксически согласующегося с существительным, многими исследователями также рассматривается как артикль или местоимение, обладающее функцией артикля («местоимение-артикль», по терминологии И. И. Ревзина [2, с. 129]). М. Г. Халанский отмечал «несомненные примеры постпозитивного члена» в «Житии Феодосия Печерского» [3, с. 130]. А. И. Соболевский писал, что «член *тъ* прежде ставился иногда перед тем словом, к которому он относился, иногда после этого слова; последнее было, кажется, чаще. <...> Но член в русском языке не получил такого развития, как в новоболгарском, и с течением времени стал выходить из употребления» [4, с. 227–228]. По мнению П. С. Кузнецова, местоимение *тъ* (*тотъ*) «выступает в роли определенного члена, обозначая нечто уже известное, упоминавшееся», однако он отмечал, что «ни в одном говоре русского языка употребление частицы из указательного местоимения *тъ* не достигло той степени обязательности, какой характеризуется член в языках, где он имеется» [5, с. 166–168]. С. И. Иорданиди, пользуясь схемой-шкалой Н. И. Толстого [6, с. 125–126], анализировала употребление постпозитивного *тъ* в «Житии протопопа Аввакума» и пришла к выводу, что оно «выступает в функции, приближающейся по своему значению к артиклю» [7, с. 162].

Задачей нашего исследования было проследить, употребляется ли местоимение-атрибутив *тотъ* в деловой письменности XVII в. в артиклевой функции и является ли оно полноценным артиклем. В качестве материала были выбраны документы, опубликованные в издании «Памятники южновеликорусского наречия» [8]; примеры подаются в упрощенной орфографии. Всего был проанализирован 161 документ 1619–1649 гг.: 131 челобитная, 25 обыскных речей, 2 сказки и 2 расспросные речи, все подлинные. Примеры помечены буквой Ю, затем указан номер грамоты в издании.

Местоимение *тотъ* в деловых текстах XVII в. становится очень распространенным. «Каждое повторение однажды названного сопро-

вождается указательным местоимением, которое по существу выполняет здесь функцию определенного артикля», – писал Г. А. Хабургаев [9, с. 229]. А. П. Майоров считал, что в таких контекстах указательная группа с *тотъ* выступает «в качестве стилиобразующего средства приказного слога» [10, с. 232]. В исследованном нами материале повторение указательного местоимения в сочетании с существительным, называющим уже упомянутый предмет, становится практически обязательным (прямой чертой подчеркнуты обобщаемые примеры употребления указательных групп, пунктиром – их антецеденты):

Приустали, зѣдрь, у меня шестера лошедеи на дороги, и я тѣ, зѣдрь, лошеди покину¹, пришель, зѣдрь, я на Волуки, учель я наима^{м<б>} на Волуки с сбою товарищеи ити^т для тѣх^х свои^х устолы^х лошедеи, и свѣдали зѣдрь про тѣ лошеди волуискія стоничные яздоки Орѣхъ Девочки^и да О^и тонъ Мостявъ зе^тя, а о^тцо^м зѣдрь и^х имени не упомяну, а цена зѣдрь мои^и лошеде^и три^тца^т рубле^е, и тѣ, зѣдрь, мои лошеди то^т Орѣхъ да О^и тонъ имали на степѣ, привели на Волуки, и тѣхъ, зѣдрь, мои^и лошедеи тѣ ездаки с тѣхъ мѣсть не отдали (Ю40).

Но все же нельзя согласиться с Г. А. Хабургаевым в том, что указательное местоимение стоит действительно при каждом повторном упоминании предмета. Например, в конструкции «цѣна + сущ. в Дат. п.» систематически не употребляется указательное местоимение, несмотря на то что в ней всегда называется уже упомянутый ранее предмет:

<...> сняли с мене, халопы твоѣ^о, зипун^и вышневой, цена зипуну се^{м<б>} рубле^е (Ю114); <...> у меня у Про^ики уме^п голоду ко^{н<б>}, цена коню оди^и натца^{м<б>} рубле^е (Ю77).

Возможно, в данной конструкции при повторном именовании имеется в виду не тот же самый предмет (*этот зипун*), а аналогичный (*любой зипун*), то есть при таком употреблении меняется денотативный статус именной группы (определенная именная группа сменяется универсальной, по терминологии Е. В. Падучевой) [11, с. 87–96]. Однако неясно, почему такая смена статуса делает излишним употребление указательного местоимения. В современном русском языке, напротив, при подобной смене статуса указательное местоимение употребляется регулярно [Там же, с. 159].

Нами были найдены и другие случаи, в которых указательное местоимение при повторном обозначении опускалось:

Написа^и о^тписку к тебе зѣдрю оди^и кнзь Олексеи своею рукою на на^е, на холопеи твои^х, и на посадьци^х крѣтя^и, и тае о^и кнзь Олексеи свою

о^тписку показыва^т таварыщемъ свои^и Ивану да подьячему Савину, а в о^тпискѣ з^дрь написано <...> и таварыщъ ево Иванъ да подьячей Сави^и, ву^слуша^т ъво о^тписку, в то^и ему кнзю Олексею отказали <...> имѣ^и свои^и ему кнзю Олексею в то^и о^тписку писать не велели, а в о^тпискѣ з^дрь у ево написано... (Ю9).

В этом отрывке речь однозначно идет об одной и той же отпискѣ, однако в ряду повторных наименований есть как именные группы с указательным местоимением, так и скрытоопределенные (без указательных местоимений).

При повторном именовании людей указательные местоимения употребляются неоднократно:

И^вещае^т холо^и твои з^дрвѣ о^сколскои стреле^и Ми^ика Глозу^и но осколского стрелца но Ивана Хлоповско^и. Дѣлося з^дрь н^ии[него] РЛА-^сгоду вевроля въ де пере^и усе^иднои неде^илею; были з^дрь мы но тво^ии з^дрвои службе но коро^иуле у городе, а то^и Ива^и у на^с де^ися^и ни^и да ста^и но мене ноходи^и неподело^и, и я то^иму Ивану уче^и говори^и: «За што, Ива^и, но мене ноходи^и? мнѣ на тебе би^и чело^и з^дрю», и то^и Ива^и уче^и говори^и мнѣ... (Ю10).

Местоимение может согласоваться только с первым существительным из нескольких, связанных сочинительной связью, однако по смыслу оно относится ко всем, поэтому денотативный статус одинаков у всех именных групп, связанных сочинительной связью. В таких случаях мы считаем, что последующие имена тоже образуют указательную группу:

Жалаба, з^дрь, мнѣ но вороножски^и на тор^игов^ихъ люде^и на Томи^иду Иванова сна Бро^иникова да но Е^ифима Фео^ид^иова снѣ Туленина: в про^ишлом з^дрь во РКД^и году взяли з^дрь у мене то^и Томи^ила да Е^ифимѣ для по^икупки взо^иимы сорок^и рубле^ивъ дене^и на време, и ннече з^дрь то^и Томи^ила Бро^инико^и да Е^ифимѣ Туленино^и те^и мои^и дене^и со^ироко рубле^ивъ не отдаду^и (Ю15).

Однако, как уже отмечал Г. А. Хабургаев [9, с. 229], указательные местоимения в этой конструкции могут быть заменены на местоимение он^и-его, которое употребляется как атрибутив:

Жалаба, з^дрь, мнѣ на ельченина^и на Са^иву Сухинина <...> и то^и з^дрь Са^ива са мно^игоми лю^ими прѣ^иг^иха^и в мое памѣ^итьшика <...> и то^и з^дрь Са^ива после мене на мое дв^ио^иришка в^име^итался са мно^игоми лю^ими <...> и, з^инаючи ево Са^ива, жанишка моя учела говори^и: «Почему де ты, Са^ива, прѣ^иезжае^и в полно^и?», и он Са^ива поче^ит^и женишку маю лая^и матер^ина и всякою непо^идобною ла^ию, да то^и жа Са^ива взя^и у мене, халопа твоего, шестера кошев^ихъ лошаде^и <...> вели

з^дрь в то^и м^ио^иемъ иску на того Са^иву да сваю з^дрву гра^имоту (Ю7).

Но имена могли использоваться повторно и без указательных местоимений, и без местоимения он^и-его. Например, имена воевод не употреблялись в сочетании с местоимением, даже если все остальные имена в тексте обязательно употреблялись в указательной группе:

Я, хало^и тво^и <...> подава^и чело^иби^иною в Курску твое^иму з^др[еву] воеводе Семену Ивано^ивичю Жере^ицову <...> а мо^и з^дрь иск^и де^ися^и рубле^ии с рубле^и с полтиною тво^и з^дрвѣ во[е]вода Се^име^и Иванови^и Жере^ицо^и не добрави^и [так, в^им. до^иправи^и], а на прав^иежи, з^дрь, то^и Меле^ите^и ста^иял два^ица^и недѣ^иль, и при^итх[а] в Курескѣ на смѣ^ину Семену Ивановичю Жере^ицову тво^и з^дрвѣ воевода Степа^ин^и Миха^илови^и Ушако^и, и тво^и з^дрвѣ воевода Степа^ин^и Миха^илови^и Ушако^и бе^и тво^иево[и] з^дрва указу дѣ^ила мое^иво не верши^и <...> вели з^дрь да сваю цр^искою гра^имоту в Курескѣ воеводе Степану Миха^илови^ичу Ушакову (Ю11);

Я, бго^имоле^и тво^и, би^и чело^и на Ливна^ихъ воеводе кнзю Миха^иилу Григо^ир^иевичю Ко^ило^иско^иму, и тѣ^ихъ дете^и боя^иски^и с приста^иво^и пере^иима^и <...> и то^иво свое^иво грабе^ижнова живота и бе^иче^итъ[я] свое^иво на то^и Иване Павлове да Ели^итрате О^ини^исимове да на Ку^ирюме Ов^исянико^иве пере^идою пере^и кнзем Миха^ило^и Ко^ило^иски^и иска^и <...> и с то^иво мое^иво иску воевода кнзъ Миха^ило Ко^ило^иско^и на тѣ^ихъ дете^ихъ боя^иски^и тво^ии з^дрвы по^ишлины до^иправи^и <...> з^дрь <...> вели мнѣ да Ливны к воевода^и ко кнзю Миха^иилу Григо^ир^иевичю Ко^ило^иско^иму да к Федору Ивановичю Грекову на те^ихъ дете^ихъ боя^иски^и <...> (Ю6).

Можно предположить, что указание на определенность, выраженное местоимением тот^и, было необходимо в том случае, когда назывались основные участники разбираемой ситуации (особенно те, кто был неизвестен адресату: дворяне, на которых жалуются; беглые крестьяне и т. д.), и не требовалось для обозначения известных адресату людей (воевод). Так, даже в грамоте Ю9, жалобе на воеводу, князя Алексея Долгорукого, он 12 раз называется просто кнзъ Олексеи, без местоимения, и 14 раз – он^и кнзъ Олексеи; указательные местоимения не используются в сочетании с его именем.

Однако на фоне исследованных документов выделяется челобитная Ю13, где имена участников-крестьян и детей боярских всегда употребляются без местоимений:

Бежали из за меня, халопа твое^и <...> кр^истьяне мои Па^ика Васи^и е^и да О^ит^июшка О^иле^ии^и снѣ Бочеро^и да Ива^ишка Ев^иимо^и женами и де^ими и со всѣ^ими своими кр^истьянскими жи-

воты, а бѣгоючи ѿдрѣ жили у Елѣ^{ко}мъ уѣзде за елчаны де^{т<б>}ми боярскими: Па^{ка} Васи^{л<б>}е^с за Несвитае^м за Копырины^м, а О^тюшка за М[о]исѣ^м за Воро^{б<б>}евы^м, а Ива^{шка} за Ива^м Кле^цовы^м <...> и по тв[оей] ѿдрѣ грамоте Па^{ка} Васи^{л<б>}е^с бы^л мнѣ выдо^н и бы^л у меня ту^м же на Е^{т<б>}цѣ, а нне бѣгоючи живе^м за елчанино^м за Семено^м Монахины^м, а О^тюшк[а] и нне живе^м за Моисѣ^м за Воро^{б<б>}евы^м, а к Блеву Кле^цову приставлива^н я холо^н твои на Москвѣ из Розряду и су^о у меня с ни^м бы^л в ннеине^м въ РЛ[А] ^[м] году, а с суда со мною помири^ся и за^ни^с на себя да^н, что ему отда^м мнѣ кр^стъянина мое^с Ива^{шку} Ев^{им}ова (Ю13).

В сочетании с географическими названиями местоимение *тотъ* не встретилось ни в одном исследованном документе, хотя есть контексты с повторным упоминанием одних и тех же населенных пунктов:

То^м Се^нка, И^на^мка^с отец, прихажива^н се (так, вм. съ) Е^нца и пожил на Гниловодѣ^х лѣтъ з де^{с<б>}се^{м<б>}, и ^з Гниловодѣ^х выше^н на Вешики, за Дорофея Дурова (Ю153).

Из этих примеров можно сделать вывод, что местоимение *тотъ* не было обязательным в сочетании с именами собственными, хотя при повторном упоминании людей указательные группы численно преобладают над именами без местоимений-атрибутивов.

Таким образом, можно заключить, что местоимение *тотъ* активно употреблялось в артиклевой функции в документах XVII в. Примеры употребления его в аналогичной функции были найдены нами и в деловой письменности более раннего периода [12]. Интересно отметить, что местоимение-атрибутив в исследованных текстах не употребляется постпозитивно, а стоит перед существительным, с которым образует именную группу; существование постпозитивного артикля, описанное цитированными выше исследователями, по нашим данным, не отражается в южнорусской деловой письменности.

Употребление указательного местоимения в артиклевой функции было широко распространено, но так и не стало обязательным во всех случаях, когда используется именная группа с определенной референцией. Кроме этого, оно не встречается в некоторых других контекстах, где в артиклевых языках мог бы использоваться определен^нный артикль: например, для обозначения универсальной именной группы (вместе с существительным, которое представляет весь класс предметов; подробно различия между местоимением и артиклем рассмотрены, в частности, И. И. Крамским [13], Х. Дисселем [1]). Однако в нашем материале местоимение *тотъ* используется

в составе указательной группы для повторного наименования уже упомянутого предмета и сочетается с именами собственными, что, по наблюдениям И. И. Ревзина [2, с. 122] и Е. М. Вольф [14, с. 117], нехарактерно для указательных местоимений, в основной своей функции выделяющих предмет из класса.

Таким образом, анализируя употребление указательных местоимений-атрибутивов в южнорусской деловой письменности XVII в., можно говорить об артиклевой функции, но не о грамматикализации местоимения, то есть превращении его в полноценный артикль.

Список источников

1. Diessel H. Demonstratives. Form, function, and grammaticalization. Amsterdam Philadelphia: John Benjamins publishing company, 1999. 203 p.
2. Ревзин И. И. Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования. М.: Наука, 1973. С. 121–137.
3. Халанский М. Г. Из заметок по истории русского языка. О члене в русском языке // Известия ОРЯС. Т. VI, 1901. Кн. 3. С. 127–169.
4. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М.: Университетская типография, 1907. 309 с.
5. Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М.: Издательство Московского университета, 1953. 306 с.
6. Толстой Н. И. Опыт типологической характеристики славянского члена-артикля // Всесоюзная конференция по славянской филологии. Тезисы докладов. Л.: Издательство ЛГУ, 1962. С. 125–126.
7. Иорданиди С. И. К истории постпозитивных и препозитивных артиклей в славянских языках // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого. Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2023. С. 147–165.
8. Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи. Отв. ред. В. П. Вомперский. М.: Наука, 1993. 235 с.
9. Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Издательство МГУ, 1990. 296 с.
10. Майоров А. П. Местоимения сей, тот, оной в деловом языке XVII–XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 224–239.
11. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношение с действительностью. Изд. 6-е, испр. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 292 с.
12. Скрипка В. К. Функционирование местоимения *тъ* (тотъ) в деловой письменности XIV–XV вв. // *Lit̑ra*. 2022. № 6. С. 56–65.
13. Крамский И. К проблеме артикля // Вопросы языкознания. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. № 4. С. 14–26.

14. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М.: Наука, 1974. 224 с.

References

1. Diessel, H. (1999). *Demonstratives. Form, Function, and Grammaticalization*. Amsterdam Philadelphia, John Benjamins publishing company. 203 p. (In English)
2. Revzin, I. I. (1973). *Nekotorye sredstva vyrazheniya protivopostavleniya po opredelennosti v sovremennom russkom yazyke* [Some Means of Expressing Opposition by Definiteness in Modern Russian]. Red. A. A. Zaliznyak. Problemy grammaticheskogo modelirovaniya. Pp. 121–137. Moscow, Nauka. (In Russian)
3. Khalanskii, M. G. (1901). *Iz zametok po istorii russkogo yazyka. O chlene v russkom yazyke* [Notes on the History of the Russian Language. About the Article in the Russian Language]. Izvestiya ORYaS. T. VI, kn. 3, pp. 127–169. (In Russian)
4. Sobolevskii, A. I. (1907). *Leksii po istorii russkogo yazyka* [Lectures on the History of the Russian Language]. 4-oe izd. 309 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya. (In Russian)
5. Kuznetsov, P. S. (1953). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya* [Historical Grammar of the Russian Language. Morphology]. 306 p. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian)
6. Tolstoi, N. I. (1962). *Opyt tipologicheskoi harakteristiki slavyanskogo chlena-artiklya* [Experience of Typological Characteristics of the Slavic Article]. Vsesoyuznaya konferentsiya po slavyanskoi filologii. Tezisy dokladov [All-Union Conference on Slavic Philology. Abstracts of Reports]. Pp. 125–126. Leningrad, izdatel'stvo LGU. (In Russian)

7. Iordanidi, S. I. (2023). *K istorii postpozitivnyh i prepozitivnyh artiklei v slavyanskikh yazykakh* [On the History of Postpositive and Prepositive Articles in Slavic Languages]. Red. S. M. Tolstaya. Slovo i chelovek: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo. Pp. 147–165. Moscow, Indrik. (In Russian)
8. *Pamyatniki yuzhnovelikorusskogo narechiya: Chelobit'ya i rassprosnye rechi (1993)* [Monuments of the South Middle Russian Dialect: Petitions and Questioning Speeches]. Red. V. P. Vomperskii. 235 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
9. Khaburgaev, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena* [Essays on the Historical Morphology of the Russian Language. Nouns]. 296 p. Moscow, izd-vo MGU. (In Russian)
10. Maiyurov, A. P. (2004). *Mestoimeniya sei, tot, onoi v delovom yazyke XVII-XVIII vv.* [Pronouns Sei, Tot, Onoi in the Business Language of 17th–18th Centuries]. Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii. No. 2 (8), pp. 224–239. (In Russian)
11. Paducheva, E. V. (2010). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and Its Correlation with Reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. 292 p. 6-oe izd. Moscow, izdatel'stvo LKI. (In Russian)
12. Skripka, V. K. (2022). *Funktsionirovanie mestoimeniya ty (tot) v delovoi pis'mennosti XIV–XV vv.* [Functioning of the Pronoun Ты (Tot) in Business Writing of the 14th–15th Centuries]. Litera. No. 6, pp. 56–65. (In Russian)
13. Kramskii, I. (1963). *K probleme artiklya* [On the Problem of the Article]. Voprosy yazykoznaniiya. Moscow, izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. No. 4, pp. 14–26. (In Russian)
14. Vol'f, E. M. (1974). *Grammatika i semantika mestoimenii (na materiale iberoromanskikh yazykov)* [Grammar and Semantics of Pronouns (based on the Ibero-Romance languages)]. 224 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 04.12.2023
Поступила в редакцию 04.12.2023

Скрипка Вероника Константиновна,
аспирант,
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, 1;
младший научный сотрудник,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН,
119019, Россия, Москва,
Волхонка, 18/2.
vkskripka@yandex.ru

Skripka Veronika Konstantinovna,
graduate student,
Lomonosov Moscow State University,
1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation;
Junior Researcher,
Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volhonka Str.,
Moscow, 119019, Russian Federation.
vkskripka@yandex.ru

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-92-96

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ОДНОКРАТНОСТИ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ И. А. БУНИНА «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ»

© Наилья Фаттахова, Лу Пин

FUNCTIONS OF ONE-TIME OCCURRENCE VERBS IN I. BUNIN'S SHORT STORIES "DARK ALLEYS"

Nailya Fattakhova, Lu Ping

The article presents the results of the study of modern Russian verbs with the person subject based on the cycle of stories "Dark Alleys" by I. Bunin. The purpose of the article is a one-time occurrence verbs' multi-level analysis taking into account several aspects, lexico-semantic and grammatical ones, through the prism of functional grammar. This analysis will reveal the features of the use of verbs with the meaning of one-time occurrence in I. Bunin's idiosyle, and their role in revealing the main conceptual space of the author's stories. The novelty of our research is the fact that we have taken into account the morphological and syntactic characteristics of the verbs, their features of compatibility with the circumstances of time, mode of action, measure and degree. We have established that the category of one-time occurrence functions in two groups (marked and unmarked one-time use), which have their own specific morphological characteristics, however, they are characterized by the fact that, as a rule, they are combined with time constants. The most frequent group of one-act verbs has been identified, namely: verbs with the suffix – nu (ну) -. This interpretation has made it possible to analyze in more detail the linguistic phenomenon of I. Bunin, to reveal the author's individual picture of the world. The analysis of the linguistic material allowed us to conclude that the functioning of the verbs with the meaning of one-time occurrence in fictional discourse helps to identify the author's perception of reality based on the unity of rational and emotional elements.

Keywords: functional semantic field, verb, one-time occurrence, means of expression, thematic analysis

В статье представлены результаты исследования глаголов с субъектом лицо в современном русском языке на материале цикла рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи». Цель статьи – разноразрядный анализ глаголов однократности с учетом нескольких аспектов – лексико-семантического и грамматического – сквозь призму функциональной грамматики. Подобный анализ позволит выявить специфику употребления глаголов со значением однократности в идиостиле И. А. Бунина, их роль в раскрытии основного концептуального пространства рассказов автора. Новизна предпринятого исследования состоит в том, что мы основывались на морфологических и синтаксических характеристиках глаголов с учетом их сочетаемостной специфики с обстоятельствами времени, образа действия, меры и степени. Установлено, что категория однократности функционирует в двух группах (маркированная и немаркированная однократность), которые имеют свои специфические морфологические характеристики, однако они, как правило, одинаково сочетаются с сирконстантами времени. Выявлена наиболее частотная группа одноактных глаголов, а именно глаголы с суффиксом -ну-. Подобное толкование позволило более детально проанализировать языковой феномен И. А. Бунина, выявить индивидуально-авторскую картину мира автора. Анализ языкового материала позволил утверждать, что функционирование глаголов со значением однократности в художественном дискурсе помогает идентифицировать авторское восприятие действительности, основанное на единстве рационального и эмоционального.

Ключевые слова: функциональное семантическое поле, глагол, однократность, средства выражения, тематический анализ

Для цитирования: Фаттахова Н., Лу Пин Функционирование глаголов однократности в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №4 (74). С. 92–96. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-92-96

Творчество И. А. Бунина привлекало и привлекает внимание ученых-лингвистов (Н. В. Богдановой, А. А. Забаровской, Т. А. Павлюченковой, О. В. Усмановой, Г. Р. Фахаровой), поскольку автор очень тонко и убедительно сублимирует собственные чувства и переживания, мироощущения, которые он блестяще отражает в своих произведениях. Тем не менее работ, посвященных изучению специфики функционирования глагольного слова в произведениях И. А. Бунина, практически нет, поэтому обращение к этой теме представляется несомненно актуальным.

В современной аспектологии существует определенное количество работ, посвященных исследованию категории однократности (Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, А. В. Исаченко, Ю. С. Маслов, Е. В. Падучева, В. С. Храковский и др.), вследствие чего можно выделить разные подходы к определению семантического содержания данного термина.

В предпринятом нами исследовании мы опираемся на концепцию М. А. Шелякина [1], выделяя вслед за автором следующие типы глаголов с семантикой способа действия: 1) одноразовый, 2) одноактный, 3) однократно-длительный.

Данные категории объективируются на разных грамматических уровнях: морфологическом и синтаксическом, при этом морфологический уровень рассматривается как ядро поля актуальности, а синтаксический уровень актуализирует семантическую зависимость членов глагольной группы в предложении, как правило, это обстоятельства разных семантических групп (времени, образа действия, меры и степени и т. п.).

Семантический центр категории одноразовости в исследуемом нами тексте актуализируется глаголом, поскольку именно глагол в русском языке выражает предикативность. Типичным глаголом, эксплицирующим семантику одноразовости в повествовательном тексте, является глагол с суффиксом *-ну-*, способный выразить одноразовую, то есть единичную, мгновенную, ситуацию. Это могут быть как глаголы, не имеющие соотносительную пару по виду, так и глаголы, имеющие ее. Наиболее частотными в тексте выступают бесприставочные глаголы, нами было выявлено 37 глаголов совершенного вида, прошедшего времени с суффиксом *-ну-*. Превалирование глаголов прошедшего времени совершенного вида актуализируется тем, что эти формы способны передавать динамику действия, последовательность событий в тексте.

Глагольное слово, функционируя в повествовательном тексте, создает определенную ситуацию, которая часто конкретизируется обстоя-

тельствами, переводящими словарное значение глагола в контекстуальное. При этом анализ текстового функционирования глагола позволяет выявить регулярные обстоятельственные распространители, моделирующие семантическую связь между компонентами текста. Обстоятельственные наречия могут или подтверждать словарное значение глагола, уточняя и усиливая его, или создавать текстовую многозначность глагола, переводя его на новый уровень – уровень семантической деривации, вследствие чего мы выявляем индивидуально-авторское употребление глагольного слова.

Анализ нашего материала позволил выделить две структурно-семантические группы, маркирующие семантику мгновенности: немаркированная и маркированная одноразовость, поскольку они различаются прежде всего на уровне взаимодействия с другими глагольными категориями, в частности немаркированная однократность, вербализирующая однократно-длительные действия, включает еще и категории длительности, фазисности и др.

1. Маркированная однократность

Рассматривая данную группу, мы учитываем несколько составляющих ее специфику компонентов, поскольку анализ только с точки зрения традиционной грамматики не позволяет выявить специфику авторского идиостиля. Совокупный анализ с точки зрения семантики и функциональной грамматики позволил нам, в рабочих целях, выделить несколько лексико-семантических групп. В основе их объединения, безусловно, лежит анализ словарных определений с последующим выявлением инварианта. Однако семантические значения, возникающие в тексте, не всегда в полной мере учитываются в толковых словарях русского языка, поэтому мы предлагаем интерпретацию семантических изменений с учетом контекстного окружения глагола.

1) Самой многочисленной является группа, объединенная интегральным значением движения и перемещения, которую можно разделить на несколько подгрупп.

В первую мы относим глаголы, включающие в качестве семы значения «что-то сделать резко, с силой, быстро», входящие в словарное описание, например: *толкать* – «касаться резким движением, коротким ударом» [2, с. 801]. Значение глагола в повествовательном тексте не ограничивается его словарным толкованием, потому что оно корректируется разного рода обстоятельственными словами, которые или сгущают исходную семантику, или ее нивелируют, сравните: *Он решительно вильнул по дороге влево...* [3, с. 125]; *... порывисто кинула*

на землю шаль. [Там же, с. 124] – ...*легонько толкнул ее в номер*, ... [Там же, с. 283] (здесь и далее разрядка наша – Н. Ф., Л. П.). Словоформа *легонько* затушевала исходное значение глагола *толкнуть* – «Резкими движениями, короткими ударами двигать от себя» [2, с. 801].

Вторую подгруппу образуют глагольные лексемы со значением нейтрального способа действия: *Касаткин неодобрительно качнул шапкой...* [3, с. 179]; *И тут она вдруг с усмешкой тряхнула головой...* [Там же, с. 102]. Наречие *вдруг* во втором предложении фиксирует начальную, неожиданную точку начала действия. Наречия, которые входят в группу глагольного предиката, фиксируют определенную смену категории глагола, переводя обычное действие в способ эмоционального выражения состояния субъекта.

Третью подгруппу образуют глаголы с семантикой внезапности, такие как *вспыхнуть*, *сверкнуть*, *блеснуть* и др. Интегральным значением таких глаголов является семантика внезапности, неожиданности, которая поддерживается обстоятельственными наречиями образа действия, называющими способ, признак действия: *Я по-дурацки вспыхнул...* [Там же, с. 177]. Обстоятельство образа действия *по-дурацки*, то есть *глупо, неразумно*, актуализирует переносное значение, которое можно рассматривать как метафорическую модификацию глагола *вспыхнуть* – «покраснеть (от волнения, смущения)» [2, с. 106]. Эмоции, чувства могут передаваться сочетанием с обстоятельствами образа действия, которые инкорпорируются с глаголом, например, глагол *блеснуть* определяется как «ярко светить, сверкать, излучать отраженный свет» [Там же, с. 51]. Положительное значение глагола моделируется семантикой наречия: *Девочка оживленно блеснула глазами...* [3, с. 374].

В противоположность данному примеру выступает конструкция, передающая отрицательное значение, поскольку глагол *сверкать* – это синоним к глаголу *блестеть*, словарная статья с данным глаголом фиксирует эту близость. *Сверкать* – «блестеть, выражая сильные чувства, страсть» [2, с. 700]. Однако обстоятельство *бешено* фиксирует семантику *необузданности, иступленности*: *Но она вдруг бешено сверкнула глазами...* [3, с. 115].

2) Во вторую группу мы относим глаголы, выражающие речевую деятельность, такие как *крикнуть*, *шепнуть*, *кликнуть* и др. Данные глаголы выражают манеру, способ говорения, что прежде всего связано с состоянием персонажа в данный, конкретный момент. Такие глаголы могут выражать и отношение к адресату, которое

актуализируется в тексте с помощью адвербиалов. Наиболее типичной оппозицией являются глаголы *крикнуть* / *шепнуть*, в которых имплицитно содержатся компоненты *громко* / *тихо*, переводящие ситуацию, обозначаемую глагольной лексемой, в новый статус, поскольку семантика неожиданности, непредсказуемости, внезапности, удивления часто маркируется с помощью обстоятельственных наречий. Например, в следующих предложениях обстоятельства образа действия фиксируют особенности произнесения, когда эксплицируется или семантика громкости, усиливающая эффект: *Дед! – громко крикнул он* [Там же, с. 32], или указывается на индивидуальные особенности произношения: ... *он ... несколько хрипло крикнул...* [Там же, с. 301]; *Готова постель? – гортанно крикнул он* [Там же, с. 377]; *Она ... пронзительно крикнула: – Негра!* [Там же, с. 379]. Обстоятельства образа действия могут выражать эмоциональное отношение к адресату: ... *он неприязненно крикнул...* [Там же, с. 6]; ... *грубо крикнул ... кучер...* [Там же].

И. А. Бунин часто использует адвербиалы при выражении эмоций персонажа, например, для передачи чувства страха с однократным глаголом *крикнуть* координируется наречие *бессознательно*: ... *но все-таки бессознательно крикнула...* [Там же, с. 229]. Сочетание союза и частицы *но все-таки* передает значение уступительности, когда действие осуществляется вопреки каким-то условиям, намерениям, желаниям. Наречия могут передавать тембр звучания (металлический), когда субъект испытывает испуг: ... *звонко крикнула она в испуге...* [Там же, с. 370]; фиксировать веселое настроение: ... *он... успел весело крикнуть...* [Там же, с. 259].

Второй компонент оппозиции глагол *шепнуть*, использующийся для передачи семантики *тихо сказать*, менее частотен, поскольку основным является состояние героев, которое можно охарактеризовать как *жить громко*: ... *мать... сдуру шепнула: «Беги попляши, деточка»* [Там же, с. 78]. Обстоятельство образа действия *сдуру* (не сообразив в чем дело или по глупости) фиксирует правомерность использования глагола *шептать*.

3) Третью лексико-тематическую группу образуют глаголы со значением звука от удара: *хлестнуть*, *стукнуть*, *хлопнуть*, *топнуть* и др. Эксплицитно данное значение воспроизводится в глаголе *стукнуть*, оно зафиксировано в словарном определении: «Стукнуть – производить стук, шум ударами» [2, с. 776]; во всех остальных глаголах семантика звука воспроизводится имплицитно.

цитно, поскольку сами действия *хлестнуть, топнуть, хлопнуть* предполагают их звуковое сопровождение, которое в тексте может актуализироваться обстоятельственными наречиями, переводящими ситуацию в более широкий контекст, часто с указанием неопределенности: *...хлопнул... выстрел, и что-то крепко хлестнуло...* [1, с. 368]; *...что-то стукнуло* [Там же, с. 25].

2. Немаркированная однократность

Данная группа формируется приставочными глаголами, в которых установка делается не только на выражение значения однократности, а включает и дополнительные значения, поскольку они коррелируются с категориями длительности, фазисности. Учитывая то, что контекстное поведение глагольного слова – это основная задача нашего исследования, мы проанализировали взаимодействие глаголов, выражающих немаркированную однократность, с ближайшим окружением. Частотны в исследуемом нами повествовательном тексте глаголы, значение которых близко к значению длительности, часто отражающемуся обстоятельственным наречием *вдруг* с семантикой неожиданности, внезапности действия, что позволяет рассматривать данный глагол как одноразовый, мгновенный: глагол со значением движения и перемещения: *...она вдруг выскочила из прихожей в столовую...* [Там же, с. 206]; *...вдруг поднял голову...* [Там же, с. 86]; глагол со значением речевой деятельности: *Вдруг она опять взвизгнула...* [Там же, с. 68–69]; *...но вдруг дико взвизгнула...* [Там же, с. 67]; глагол со значением смеха: *...и вдруг засмеялся...* [Там же, с. 307].

Периферия функционально-семантического поля однократности концептуализируется в нашем материале обстоятельственными показателями *однажды, раз, как-то, когда-то*, с интегральным значением *как-то раз, когда-то раньше*.

Наречие *однажды* координируется с глаголами со значением движения, в тексте темпоральная точка *однажды*, как правило, вводит рассказ-воспоминание о том, что произошло дальше (когда-то раньше, как-то раз): *И однажды...я опять приехал...* [Там же, с. 232]. Одновременное употребление оппозиции *однажды / опять* фокусирует внимание на повторяемость действия. Наречие *однажды* может задавать точку отсчета с момента какого-то события в прошлом: *Я вспомнил, ...как... шел однажды по улицам...* [Там же, с. 253]; обозначать какой-то переломный момент в прошлом, преодоление привычного, рутинного со-

стояния в своем прошлом: *Он же пошел однажды еще дальше...* [Там же, с. 311]. В тексте может содержаться и указание на конкретный период, когда произошло какое-то действие: *...и пошли однажды вечером...* [Там же, с. 311]. Наречие *однажды* может сочетаться и с глаголами зрения: *...увидал однажды в... картинку...* [1 :307]

Темпоральное наречие *однажды* отсылает к тому, что произошло когда-то раньше, формируя таким образом воспоминания о произошедших когда-то событиях: *...и вот, встретив ее однажды в коридоре, ...* [Там же, с. 321]; *Однажды, сидя возле нее..., я схватился за голову...* [Там же, с. 344].

Наречие *раз* в настоящее время употребляется в устойчивых выражениях, имеет оттенок устаревшего, стилистически сниженного, однако в цикле рассказов И. А. Бунина «Темные аллеи» оно частотно в своем первичном значении. Оно отсылает к определенному, однократному действию, которое имело место в прошлом, и синонимично в этом значении наречию *как-то, когда-то*, активно используется с разными тематическими группами глаголов (речевой деятельности, движения и др.), например: глаголы речевой деятельности: *Раз (как-то) он мне прямо сказал...* [Там же, с. 13]; *И раз (как-то) Натали сказала мне...* [Там же, с. 223].

Наречие *раз* активно употребляется в контекстах с глаголами со значением движения, в таких предложениях также актуализируются воспоминания о чем-то, что было в прошлом: *Приехали раз (как-то) под утро из «Стрельни»...* [Там же, с. 291]; *Раз (как-то) ...сбежала с целая стая их...* [Там же, с. 18]. Может употребляться с глаголом *улыбаться*, инкорпорированным с лексемой *улыбка*, как способе невербальной коммуникации, например: *...вряд ли хоть раз в году улыбается* [Там же, с. 108]. В данном предложении семантика сочетания *вряд ли хоть раз* передает значение *никогда*, так характеризуется персонаж, который никогда не улыбается, суровый и мрачный.

Несмотря на то, что неопределенные наречия *как-то* и *когда-то* имплицитно присутствуют в семантике наречий *однажды, раз*, сами они редко встречаются в нашем материале.

Наречие *как-то* чаще всего используется в контексте с глаголами движения, передавая значение отсылки к прошлому, к тому, что произошло и сохраняется в воспоминаниях: *Перед Рождеством я как-то поехал в город* [Там же, с. 45]; *Как-то он пошел пройтись по деревне...* [Там же, с. 137]. Наречие может быть использовано с глаголами речевой деятельности:

Я как-то спросил: «Зачем?» [Там же, с. 339].

Таким образом, результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что глагол формирует определенную ситуацию, в которой актуализируются, как правило, текстовые значения глагола. Однако поскольку он имеет обширный круг связанных с ним обстоятельств, то это позволяет выявить соотношение словарного и индивидуально-авторского значения, формирующего картину мира автора. Установлено, что интегральное значение цикла рассказов «Темные аллеи» можно идентифицировать как неожиданность, внезапность, поскольку действия или события происходят спонтанно, непреднамеренно или указывают на неопределенность, размытость события во времени.

В статье, кроме того, выяснен и подробно описан семантический признак категории однократности. Анализ материала позволил нам выявить, как глаголы со значением мгновенности, одноразовости функционируют в повествовательном тексте, координируясь с обстоятельствами времени, образа действия, меры и степени, которые в определенной степени моделируют семантику глаголов, способствуя контекстным сдвигам, позволяющим рассматривать бесприставочные и приставочные глаголы как одну семантическую парадигму.

Фаттахова Наиля Нурыйхановна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n-fattahova@mail.ru

Лу Пин,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
absaterin_tumen@mail.ru

Список источников

1. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы. Таллинн: Валгус, 1983. 216 с.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
3. Бунин И. А. Темные аллеи. М.: РИПОЛ классик, 2011. 384 с.

References

1. Shelyakin, M. A. (1983). *Kategoriya vida i sposoby deistviya russkogo glagola* [Category of Aspect and Modes of Action of the Russian Verb]. *Teoreticheskie osnovy*. 216 p. Tallinn, Valgus. (In Russian)
2. Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2006). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseological Expressions]. *Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 4-oe izd., dopolnennoe. 944 p. Moscow, LLC "A TEMP". (In Russian)
3. Bunin, I. A. (2011). *Tyomnye Allei* [Dark Alleys]. 384 p. Moscow, RIPOL klassik. (In Russian)

The article was submitted on 19.11.2023

Поступила в редакцию 19.11.2023

Fattakhova Nailya Nuryikhanovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n-fattahova@mail.ru

Lu Ping,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
absaterin_tumen@mail.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-97-103

СПЕЦИФИКА СЮЖЕТОСТРОЕНИЯ В ПОВЕСТЯХ В. КАТАЕВА «БЕЛЕЕТ ПАРУС ОДИНОКИЙ» И «СЫН ПОЛКА»

© Татьяна Бреева

SPECIFIC FEATURES OF THE PLOT CONSTRUCTION IN V. KATAEV'S STORIES "THE LONELY SAIL IS WHITE" AND "THE SON OF THE REGIMENT"

Tatiana Breeva

The article examines different options for the interaction of children's literature and the literature of the large canon plot models in the works of Valentin Kataev. The object of the study is two of his stories: the first part of the tetralogy "Waves of the Black Sea" – "The Lonely Sail Is White" and "The Son of the Regiment".

The first story is distinguished by a fairly obvious orientation towards the model of the Revolution conceptualization that developed at the turn of the 1910s and 1920s. The mystery model determines the nature of the plot construction, forming a certain internal plot, presented by the mythologemes of "Red Easter"/ "Working Easter" and "sails". The mythologemes are built along two storylines in the parallel development, at the end of the story they charge the ideological load of the traditional romantic image with a mysterious meaning.

The second story is characterized by its inclusion into the mythology of the "big family" being constructed at this stage. This is associated with a shift in a psychologically grounded plot action towards epicization, which is embodied in the accentuated archetypal component. The mythologeme of the "big family" is presented in the work in the context of ideological connotations common to the given time and is realized at all levels of the text: its plot, characters, images and chronotops. As a result, the nature of temporal conceptualization changes: the mysterious processuality of time gives way to temporal circularity.

Keywords: V. Kataev, plot construction, mythologeme, ideologeme, conceptualization of time, mythologeme of the "big family", mystery model of time

В статье рассматриваются разные варианты взаимодействия сюжетных моделей детской литературы и литературы большого канона в творчестве Валентина Катаева. Объектом исследования стали две его повести: первая часть тетралогии «Волны Черного моря» – «Белеет парус одинокий» – и «Сын полка».

Первую повесть отличает достаточно очевидная ориентация на ту модель концептуализации революции, которая сложилась на рубеже 1910–20-х годов. Мистериальная модель определяет характер сюжетостроения, формируя некий внутренний сюжет, презентуемый мифологемами «красной пасхи» / «рабочей пасхи» и «паруса». Мифологемы выстраиваются двумя параллельно развивающимися сюжетными линиями, в финале повести наполняя идеологическую нагруженность традиционного романтического образа мистериальным смыслом.

Вторую повесть характеризует вписанность в конструируемую на этом этапе мифологему «большой семьи». С этим связано смещение психологически обоснованного сюжетного действия в сторону эпизации, воплощением которой становится акцентируемая архетипическая составляющая. Мифологема «большой семьи» презентуется в произведении в контексте общих для данного времени идеологических коннотаций и реализуется на всех уровнях текста: сюжетном, персонажно-образном, хронотопическом. Следствием этого становится изменение характера временной концептуализации: мистериальная процессуальность времени уступает место временной закольцованности.

Ключевые слова: В. Катаев, сюжетостроение, мифологема, идеологема, концептуализация времени, мифологема «большой семьи», мистериальная модель времени

Для цитирования: Бреева Т. Специфика сюжетостроения в повестях В. Катаева «Белеет парус одинокий» и «Сын полка» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 97–103. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-97-103

Историческая повесть как жанр детской литературы, как известно, формировалась на протяжении XVIII–XX веков [1,], [2]. Послереволutionное же ее развитие претерпевает существенные изменения. Как отмечает М. Балина, «зависимость от политической ситуации в стране вместе с быстро формирующейся новой политкорректностью привела к созданию особого *метатекста* детской исторической повести, обязательными составляющими которого стали: изображение классовой борьбы как двигателя исторического прогресса, акцент на главенствующей роли народных масс, повышенная революционная патетика как важный эмоциональный заряд исторической дидактики, бинарность в описании исторического пространства в тексте» [2, с. 121].

Данный метатекст существует в сложном взаимодействии с общими стратегиями презентации исторического нарратива. Опираясь на рассуждения Е. Добренко об инфантилизме соцреалистической культуры, М. Балина высказывает предположение о том, «что именно детская литература становится „лабораторией слова, структуры и жанровой мутации“ для своего „старшего товарища“ – литературы для взрослых», что «именно в ней идеологические приемы разрабатывались сначала вчерне, чтобы затем быть перенесенными в пространство взрослой литературы» [Там же, с. 117].

Вряд ли можно столь категорично утверждать однонаправленный характер подобного взаимодействия, однако неоспоримым остается сам факт его существования. В этом смысле особый интерес представляют две хрестоматийные повести В. Катаева – «Белеет парус одинокий» (1936) и «Сын полка» (1944), каждую из которых отличает свой вариант взаимодействия с общелитературным каноном: для первой повести характерно, скорее, воспроизведение уже сложившейся и получившей распространение в 1920-е годы мифологемы «рабочей пасхи» / «красной пасхи», вторую отличает включенность в процесс конструирования и транслирования мифологемы «большой семьи». Отличаются и стратегии художественной репрезентации данных мифологем: психологический дискурс, свойственный первой повести, уступает место архетипической стратегии в повести «Сын полка».

В повести «Белеет парус одинокий» концепция истории определяется взаимодействием двух

мифологем – «рабочей пасхи» и «паруса». Обе мифологемы сюжетно и композиционно обусловлены, в равной степени задавая и «четко прочерченный социальный конфликт» [3, с. 15], и мистериальный аспект концептуализации революции, в целом характерный для литературы 1910–20-х годов. При этом идеологическая заданность первой мифологемы представлена, скорее, имплицитно, учитывая распространенность в 1920-е годы таких форм, как «красные крестины, красные Пасхи, красные карнавалы», и их присутствие в сознании читателей. В противовес этому мифологема «парус» социально буквализируется, обеспечивая идеологическую конкретизацию лермонтовской системе мотивов.

Развертывание и той, и другой мифологемы происходит посредством «центральной психологической „фабулы“ – изменения восприятия мира» героями. Совершенно очевидно, что ее развертывание не сводимо лишь к складывающемуся в момент написания повести изводу «истории воспитания подростка из рабочей среды под влиянием условий жизни и перевоспитания им, в свою очередь, мальчика из среды интеллигентной» (Л. М. Жариков «Повесть о суровом друге», А. Гайдар «Тимур и его команда» (образная пара Гейка – Коля Колокольчиков) и т. д.).

В повести В. Катаева психологическая фабула по-разному реализуется в отношении образов Гаврика и Пети. Сюжетная линия Гаврика определяется своего рода разыгрыванием лермонтовского «следа». С точки зрения психологического дискурса, в ней практически отсутствует мотив взросления героя, акцент перенесен на его социальное взросление. В противовес этому сюжетная линия Пети столь же последовательно определяется мифологемой «рабочей пасхи» / «красной пасхи», не только обеспечивая присутствие социальной и психологической инициации героя, но и обнажая мистериальную природу времени.

При этом символические ряды, вписанные в психологическую фабулу, взаимодействуют, образуя внутренний сюжет, презентующий концепцию истории, актуальную прежде всего для литературы 1920-х годов как мистериального действия, определяющего механизм социализации героя. Именно поэтому кульминационным моментом в разворачивании именно этого внутреннего сюжета становятся две последовательно расположенные главы – «Парус» и «Маевка».

Сюжетная линия Гаврика актуализирует модель, задаваемую в литературе 1920-х годов и затем широко разрабатываемую, правда с иными смысловыми контекстами, в литературе соцреализма. Ее основу составляет «диалектика стихийного и сознательного». В литературе двадцатых годов данная модель представлена как в отношении образного типа героя-массы (А. Серафимович «Железный поток»), так и в текстах, его разрушающих (А. Фадеев «Разгром»). Достаточно часто ее художественным выражением становится прием сюжетного параллелизма, который использует и Катаев. История внутреннего развития образа Гаврика сюжетно связывается с историей потери – приобретения – потери паруса дедушкиной шаланды. Утрата паруса, который *«пролечили, когда заболела бабушка»* [4, с. 64], не только обнажает четко выстроенный социальный конфликт, фиксируя его трагедийную наполненность благодаря истории жизни дедушки, но и одновременно позволяет продемонстрировать переход от стихийности к сознательности в отношении образа Гаврика, символически поддерживая этот процесс отсылками к лермонтовскому тексту.

Потеря паруса, совпадая со смертью бабушки, рассматривается как крушение условного «золотого века» (именно с образом бабушки в повести связывается представление об устроенности жизни). При этом приобретение паруса, происходящее незадолго до смерти дедушки, по-разному воспринимается им самим и Гавриком. В восприятии дедушки, находящегося на пороге смерти, возникает своеобразная временная закольцованность, проявляющаяся мерцанием сегодняшнего дня и давно прошедшего («золотого») времени.

В отношении Гаврика эпизод с парусом вписывается в систему мечтаний героя (вода «Фиалка» «за восемь копеек», ружье «монтекристо», приобретение паруса), реализация которой актуализирует модель сопряжения исторического и приватного, достаточно широко распространенную в литературе 1920-х годов именно как модель социального взросления. При этом Катаев выстраивает своеобразную градацию психологических реакций Гаврика на исполнение мечты. В первом случае с «Фиалкой» план обмана «усатого» вполне сочетается с триумфом героя [Там же, с. 98–99].

Во втором случае в отношении исполнения мечты всех одесских мальчишек – обладания «монтекристо» – демонстрируется динамика от разочарования от жилища Иосифа Карловича к абсолютному равнодушию героя, когда тот сообщает ему о потенциальной возможности обла-

дания ружьем и одновременно разрушает ее, упоминая свой «несчастный характер».

В эпизоде же с парусом смена точки зрения – события разворачиваются через призму восприятия Пети – обеспечивает уже практически полное игнорирование значимости не только приобретенного паруса, но и шаланды, фиксируя тем самым завершение процесса социального взросления героя.

Вторая мифологема, концептуализирующая исторический нарратив, поддерживается в повести сюжетной линией, связанной с образом Пети. Она подчеркнута психологизирована. Акцентирование психологического дискурса происходит на всех уровнях текста: хронотопическом (перцептуальный хронотоп определяет первые три главы повести), образном (образ Пети выстраивается в сопоставлениях с образами Павлика и Гаврика), сюжетном (появление классического мотива нравственного выбора) и т. д. При этом вхождение героя в исторический мир рассматривается не столько как социальное взросление, сколько как инициация. Поэтому в противовес модели социального взросления Гаврика трансформация образа Пети выстраивается как инициация героя, которая происходит параллельно развитию ситуации нравственного выбора.

В этом случае достаточно показательным будет сопоставление повести Катаева с повестью Е. Брониной «Удивительный заклад» (1946), сюжетной основой которой выступает та же самая, что и у Катаева, система сюжетных мотивов, определяющая ситуацию нравственного выбора. Однако если в повести Брониной данная ситуация становится доминантной в процессе внутреннего взросления героя, то в повести Катаева увлечение Пети игрой в «ушки» выполняет две функции; помимо собственно сюжетной функции (вовлечение героя в ситуацию революционного восстания), ситуация нравственного выбора создает особый вариант вхождения героя в историческое пространство, фиксируя не столько сознательное преображение героя, сколько его восприимчивость по отношению к мистериальному духу времени.

С самого начала Катаев, играя со спецификой детского восприятия, фиксирует в отношении образа Пети модель инициации. Проводником в собственно исторический мир становится для героя Гаврик (первое их путешествие происходит на Ближние Мельницы, результатом которого становится борьба *«в Петинной душе ... призрачной картины воображаемых мельниц, где „упокоятся“, с живой, разноцветной картиной железнодорожной слободки Ближние Мельницы»* [Там же, с. 120]). Кульминационным момен-

том инициации героя становится эпизод, когда вскрывается воровство Пети; в этом случае значимым оказывается соединение двух сюжетных мотивов – история игры в «ушки» и «рабство» Пети, благодаря которому он оказался вовлечен в действия восставших. Завершением этой ситуации становится обморок Пети, предвещающий многомесячную болезнь.

Следующие три главы – «Куликово поле», «Парус» и «Маевка» – внутренне объединены пасхальным хронотопом, реализующим мифологему «красной пасхи», причем происходит смысловое удвоение пасхального хронотопа: хронотоп христианской Пасхи сосредоточен в главе «Куликово поле», хронотоп «красной пасхи» разворачивается на протяжении следующих двух глав.

В первом случае восприятие Пети обеспечивает акцентирование игрушечно-кукольной атмосферы страстной недели и пасхального воскресенья: конец великого поста проходит для героя под знаком строящихся «сказочной красоты балаганов, полных чудес и тайн»; в страстную субботу «в балаганы привезли в высшей степени таинственные зеленые ящики и сундуки»; описание же самой Пасхи лишь подчеркивает задаваемую атмосферу [Там же, с. 226].

В противовес этому главы «Парус» и «Маевка» открыто демонстрируют мистериальный характер разворачивающихся событий. Последние дни жизни дедушки, его смерть, похороны, завершившиеся для Пети упоминанием рабочей пасхи, оборачиваются своеобразной ситуацией воскресения в главе «Маевка». Семантика воскресения акцентируется благодаря появлению образа птицы-души [Там же, с. 243]. Происходит традиционное для литературы 1920-х годов проживание мистериальных смыслов на социально-историческом материале, подчеркиваемое неявными параллелями смерти, похорон и «воскресения» дедушки.

Таким образом, в финале повести обнаруживается взаимосотнесение двух мифологем, концептуализирующих исторический нарратив. Художественным основанием этого становится постепенное усиление экфразической образности в отношении мифологемы паруса (исходным моментом в ее реализации выступают начальные строки лермонтовского текста, оформляющие восторг Пети в эпизоде расставания с морем, а завершением последняя строфа стихотворения, замыкающая повесть). Движение повествовательной инстанции осуществляется от ситуации сближения с сознанием героя (благодаря перцептуальному хронотопу в первом случае) к полной нейтральности в финале при воспроизведении

лермонтовских строк. Подобная нейтральная интонация становится обобщением экфразической презентации паруса:

«Теперь почти уже весь пейзаж был готов. Затаив дыхание, они засмотрелись, очарованные чудесным возникновением на маленьком холсте целого мира, совсем другого, чем на самом деле, и вместе с тем как две капли воды похожего на настоящий.

<...>

Теперь нарисованное море невозможно было отличить от настоящего. Все – как там. Даже парус» [Там же, с. 252].

Таким образом, идеологическая нагруженность традиционного романтического образа наполняется мистериальным смыслом, демонстрируя ту мистериальную концепцию истории, которая сложилась в литературе первой половины 1920-х годов.

Повесть «Сын полка» демонстрирует совершенно иной подход к концептуализации исторического нарратива. Как отмечает М. А. Литовская, в «повестях же он <Катаев> продолжает развивать излюбленную им семейную тему, на сей раз – на военном материале. Не случайно крупнейшие его произведения этого периода называются „Жена“, „Сын полка“ и „Отче наш“» [3, с. 16]. Однако следует отметить, что эта повесть характеризуется не только вполне очевидным для литературы военного времени содержанием смещением в интерпретации темы Отечества, но и отчетливым ее вовлечением в процесс конструирования мифологемы «большой семьи».

В политической мифологии она начинает актуализироваться в 1930-е годы. По замечанию К. Кларк, изменения политической реальности тридцатых годов провоцируют необходимость изменения сложившейся политической мифологии. Среди прочего это касается трансформации метафоры братства, которая начинает интерпретироваться не столько в контексте горизонтальных родственных связей, сколько в контексте вертикальных (поколенческих) связей [5, с. 102].

Данная метафора предполагала особый характер взаимодействия кровных и мировоззренческих родственных связей. Как отмечает К. Кларк, к «40-м годам писатели, обращавшиеся к теме родственной связи между отдельной семьей и всем советским обществом, соответственно рассматривали их как „малую семью“ и „большую семью“» [Там же, с. 104]. Именно начиная с 1940-х и заканчивая оттепелью особую значимость в конструировании модели отношений личности и государства (= истории) приоб-

ретае характер взаимодействия «малой» и «большой семьи».

Диапазон вариаций здесь оказывается достаточно широк, но в целом можно говорить о двух вариантах, первый из которых тяготеет к заявленному ранее героическому дискурсу, второй складывается в рамках актуального уже для оттепельного времени дискурса повседневности (в 1950-е годы примерами их очевидной поляризации могут служить поэма А. Твардовского «За далью – даль» и роман С. Кочетова «Журбины»). При этом ситуация периода Великой Отечественной войны со свойственным ей отождествлением «большой» и «малой» Родины запускает процесс национализации этой мифологемы (внешним проявлением этого становится настойчивое акцентирование этнонима «русский») при абсолютном сохранении ее идеологической нагруженности.

Все это определяет специфику концептуализации истории в повести Катаева. Принципиально значимым в этом случае становится смещение психологического дискурса, полностью определяющего поэтику предыдущей повести, в сторону стратегии эпизации, основу которой составляет архетипическая модель семьи. Конструирующаяся на ее основе мифологема «большой семьи» обнаруживает себя на всех уровнях: сюжетном, персонажно-образном, хронологическом.

Прежде всего это касается сюжетной организации повести, замещения мотива справедливого возмездия, который достаточно часто определял сюжетную коллизию произведений периода Великой Отечественной войны и который уступает место мотиву обретения семьи. Именно поэтому в повести возникает неявное противопоставление «кровной»/«малой» семьи и «большой семьи».

Потенциально сюжетная коллизия могла бы быть развернута в контексте мотива справедливого возмездия: семью Вани убили немцы, в результате чего он вынужден был скитаться в лесу два года. Однако Катаев психологически редуцирует ретроспективный план, практически полностью лишая его травматического содержания (неслучайно история Вани рассказывается не им самим, а сержантом Егоровым, причем с акцентированием на ее типичности – «дело известное»). Мотив сиротства героя начинает выполнять преимущественно сюжетную функцию, фиксируя внимание читателя на коллизии обретения семьи. Примечательным в этом случае становится описание «имущества» героя – «отточенный» гвоздь и букварь. При этом букварь затем вплетается в сюжетное развертывание действия, становясь значимой уликой в момент до-

проса, а вот гвоздь, скорее, связывается с бездомностью героя [6, с. 226–227].

Развитие сюжетного действия оказывается связано с преодолением заявленной бездомности и сиротства. При этом Катаев несколько переосмысливает значимый для «военной» прозы образ воинского братства. Его сосредоточенность на армейской повседневности лишена риторики, свойственной в дальнейшем оттепельной мифологии. В основном он выполняет функцию презентации семейного дискурса, обобщением которого выступает название повести. Формирование образа военного братства как отражение мифологемы «большой семьи» определяется особой организацией персонажно-образной системы и утверждением однотипности личной истории героев.

Одним из ведущих принципов организации образной системы в повести становится удвоение внешне антагонистичных пар героев: Биденко – Горбунов, Енакиев – Ахунбаев. И в том, и в другом случае акцентированная внешняя, психологическая и поведенческая непохожесть снимается акцентированным подчеркиванием их дружбы. В некоторых случаях утверждение парадоксального тождества происходит даже на стилевом уровне [Там же, с. 231].

Еще отчетливее мифологема «большой семьи» выстраивается посредством конструирования абсолютно тождественной коллективной истории героев, которая структурируется образом «пастушка», приобретающим значение уже не столько социального, сколько национального архетипа. Прозвище «пастушок» определяет образ Вани на протяжении всей повести вплоть до финала. При этом по крайней мере в отношении двух героев – Биденко и начальника училища, старого генерала (обращает на себя внимание их принципиальная нетождественность) – Катаев акцентирует внимание на подобию их личной истории «воображаемой» истории мальчика¹ [Там же, с. 247, 361].

Однотонность личных историй создает абсолютное единство коллективной памяти, позволяющее отчетливо вписать «воинское братство» в мифологему «большой семьи». Именно поэтому процесс обретения героем семьи выстраивается в повести как движение к слиянию с «большой семьей». Внешне три варианта обретенных семей (рота разведчиков, орудейный расчет первого взвода и предполагаемая семья с капитаном Енакиевым) кажутся функционально тождест-

¹ Сведения о реальной жизни героя в повести редуцированы до упоминания того, что он воспитывался в степенной крестьянской семье.

венными. Однако можно говорить об определенной градации кровного родства.

Так, любовь разведчиков только кажется отцовской, приобретая совершенно иные родственные коннотации: «Они в шутку называли его своим сыном» [Там же, с. 306].

«Семья» первого орудия, становясь частью плана воспитания мальчика, составленного Енакиевым, выступает, скорее, как предварение последующего усыновления. При этом отношения Енакиева и Вани Солнцева, в основе которых лежат нереализованные отцовские чувства капитана, остаются незавершенными, поданный Енакиевым рапорт с просьбой усыновить мальчика не может быть удовлетворен из-за гибели героя.

При этом суворовское училище, куда Биденко привозит Ваню, выполняет функцию «семьи» крайне своеобразно. Катаев вновь обращается к экфрастической презентации ключевой мифологии. Хронотоп училища структурируется топосом лестницы, на первой площадке которой во всю стену висела картина. Изображенная на ней лестница как бы становилась продолжением реальной лестницы, по ней, к стоящему наверху Суворову, «поднимался маленький мальчик в чёрном мундирчике с красными погонами» [Там же, с. 359]. Сюжет картины дважды проецируется на образ Вани (сначала в сознании Биденко, а затем во сне самого мальчика), создавая своеобразную закольцованность времени. На это указывает финал сна, когда врывающийся в сон Вани «голос трубы» смешивает временные потоки, накладывая друг на друга прошлое («длинная белая дорога, по которой белый грузовик вез тело капитана Енакиева») и будущее, одновременно реализующее сюжет картины:

«...Ваня бежал по этой лестнице.

Бежать ему было трудно. Но сверху ему протягивал руку старик в сером плаще, переброшенном через плечо, в высоких ботфортах со шпорами, с алмазной звездой на груди и с серым хохолком над прекрасным сухим лбом.

Он взял Ваню за руку и повёл его по ступенькам еще выше, говоря:

– Иди, пастушок... Шагай смелее!» [Там же, с. 361].

Таким образом, мистериальная концепция времени, достаточно полно определяющая повесть «Белеет парус одинокий», сменяется в последней повести характерным для эпохи «высокого сталинизма» ощущением закольцованности времени как воплощение «золотого века». Имен-

но поэтому преимущественно пространственный вариант развертывания хронотопа в финале первого произведения сменяется в «Сыне полка» столь же отчетливой временной доминантой, которая в то же время презентует не динамику времени/истории, а внутренне статичную мифологию «большой семьи».

Список источников

1. Житомирская Н. Н. Советская историко-художественная книга для детей и ее воспитательное значение: учеб. пособие / М-во культуры РСФСР. Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Кафедра дет. литературы и библиотечной работы с детьми. Л.: [б. и.], 1975. 190 с.
2. Балина М. Детская историческая проза: к вопросу о жанровой специфике // Детские чтения. 2018. № 1 (13). С. 114–140.
3. Литовская М. А. Социохудожественный феномен В. П. Катаева: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000. 52 с.
4. Катаев В. П. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. М.: Худож. лит., 1984. 542 с.
5. Кларк К. Советский роман: история как ритуал / пер. с англ.; под ред. М. А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Уралск. ун-та, 2002. 262 с.
6. Катаев В. П. Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. М.: Худож. лит., 1984. 455 с.

References

1. Zhitomirova, N. N. (1975). *Sovetskaya istoriko-hudozhestvennaya kniga dlya detei i ee vospitatel'noe znachenie: ucheb. posobie* [Soviet Historical and Fictional Book for Children and Its Educational Significance: A Textbook]. M-vo kul'tury RSFSR. Leningr. gos. in-t kul'tury im. N. K. Krupskoi. Kafedra det. literatury i bibl. raboty s det'mi. 190 p. Leningrad, [b. i.]. (In Russian)
2. Balina, M. (2018). *Detskaya istoricheskaya proza: k voprosu o zhanrovoi spetsifike* [Children's Historical Prose: On the Issue of Genre Specificity]. Detskie chteniya. No. 1(13), pp. 114 – 140. (In Russian)
3. Litovskaya, M. A. (2000). *Sotsiohudozhestvennyi fenomen V. P. Kataeva: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Socio-artistic Phenomenon of V. P. Kataev: Doctoral Thesis Abstract]. Ekaterinburg, 52 p. (In Russian)
4. Kataev, V. P. (1984). *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: In 10 Vol.]. T. 4. 542 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)
5. Clark, K. (2002). *Sovetskii roman: istoriya kak ritual* [The Soviet Novel: History as Ritual]. Per. s angl.; pod red. M. A. Litovskoi. 262 p. Ekaterinburg, izd-vo Uralsk. un-ta. (In Russian)
6. Kataev, V. P. (1984). *Sobr. soch.: v 10 t.* [Collected Works: In 10 Vol.]. T. 3. 455 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

The article was submitted on 23.11.2023
Поступила в редакцию 23.11.2023

Бреева Татьяна Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
tbreeva@mail.ru

Breeva Tatiana Nicolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
tbreeva@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-104-110

**СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА
ФЕЕРИИ «АЛЫЕ ПАРУСА А. ГРИНА НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕАТРАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ)**

© Татьяна Васильева-Шальнева, Милеуша Хабутдинова

**FEATURES OF TRANSLATION:
A. GRIN'S FÉERIE "SCARLET SAILS" IN THE TATAR LANGUAGE
(BASED ON THE THEATRICAL INTERPRETATION OF THE WORK)**

Tatyana Vasilyeva-Shalneva, Mileusha Khabutdinova

Based on the theatrical interpretation of the work (the play of the same name by the G. Kariev Tatar Youth Theater), this article discusses the features of translation into the Tatar language of the story-féerie by A. Grin "Scarlet Sails". The study reveals the specifics of the modern interpretation of the main story-lines and the images – the characters from Grin's work, presents the quotes with the original authorial translation (M. Khabutdinova), describes various techniques and means of theatrical art that make it possible to succinctly and expressively present the modern insights into the work that has celebrated its centennial anniversary. The article analyzes in detail the individual episodes of the play that have conceptual significance and the iconic mise en scene that receive a multi-aspect literary interpretation (in part due to the original translation of the text and its stage embodiment). The article characterizes all the components of the theatrical performance (its composition, choreography, musical accompaniment and the set design (scenery, stage costumes, props and furniture). Much attention is paid to the evaluation of the performers of both the main and supporting roles in the play, the nuances of the image interpretations by the actors of both casts (in particular, the images of Assol performed by Laysan Bolshova and Albina Nogmanova). The article focuses on the symbolic imagery in the production, thanks to which the traditional universal values, characteristic of A. Grin's fairy tale, are organically embodied through the metaphor of the modern performance. The article rates the performance highly due to the efforts of the whole team of authors and actors who created a bright original play that is relevant for the modern youth audience.

Keywords: Tatar theater, Russian prose on stage, A. Grin, R. Ayupov, N. Karimova

Данная статья посвящена раскрытию особенностей перевода на татарский язык повести-феерии А. Грина «Алые паруса» на материале театральной интерпретации произведения – одноименного спектакля татарского ТЮЗа им. Г. Кариева. В исследовании раскрывается специфика современного прочтения основных сюжетных линий и образов – персонажей произведения Грина, представляются цитаты с оригинальным авторским переводом (М. М. Хабутдинова), выявляются различные техники и приемы театрального искусства, позволяющие емко и выразительно представить современную трактовку произведения, перешагнувшего свой столетний юбилей. В статье подробно анализируются отдельные эпизоды спектакля, имеющие концептуальное значение, знаковые мизансцены получают многоаспектную литературную интерпретацию, в том числе через оригинальный перевод текста, и анализ ее сценического воплощения. В статье характеризуются все составляющие театрального представления (композиционное решение, хореография, музыкальное сопровождение, художественное оформление – декорации, сценические костюмы, бутафория, реквизит). Большое внимание уделяется оценке исполнителей и главных, и второстепенных ролей в спектакле, нюансам трактовки образов актерами обоих составов, в частности образов Ассоль в исполнении Ляйсан Большовой и Альбины Ногмановой. Акцентируется символическая образность в постановке произведения, благодаря которой через метафорику современного спектакля органично воплощаются традиционные общечеловеческие ценности, характерные для сказки А. Грина. В статье дается высокая оценка деятельности всего авторского и актерского коллектива, создавших яркое оригинальное представление, актуальное для современной молодежной аудитории.

Ключевые слова: татарский театр, русская проза на сцене, А. Грин, Р. Аюпов, Н. Каримова

Для цитирования: Васильева-Шальнева Т., Хабутдинова М. Специфика перевода феерии «Алые паруса» А. Грина на татарский язык (на материале театральной интерпретации произведения) // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 104–110. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-104-110

В январе 2023 года исполнилось сто лет повести-сказке Александра Грина «Алые паруса» [1]. Маленькая книжечка в тонкой обложке с рисунком кораблика с красными парусами стала любимой для миллионов читателей. В память об этом своеобразном юбилее татарская переводчица Нази́фа Каримова «переплывала» знаменитую феерию в сценарий [2]. Так родился в ТЮЗе им. Г. Кариева удивительно яркий и зрелищный спектакль (реж. Ринат Аюпов), пронизанный энергетикой юности и мечты.

Это произведение А. Грина хорошо изучено в отечественном литературоведении [3], [4], [5], [6], [7], [8], [9] и в лингвистике [10], [11]. Данная повесть стала кульминацией гриновского романтизма как воплощения в жизнь сказочной мечты о любви и счастье, победы над грубостью и цинизмом обывательского мира.

Татарская писательница передала содержание феерии яркими крупными мазками: где-то сгустила краски, добавив градус конфликту, а где-то подчеркнула нежной акварелью мечтательность и творческую натуру персонажей. Н. Каримовой удалось в незначительных деталях разглядеть потенциал оригинальных художественных образов.

Композиционно произведение А. Грина состоит из семи глав, в каждой из которых рассказывается о каком-либо важном событии. Чередование эпизодов в спектакле задает импровизированный радар. На его экране по мере развития действия появляются названия мизансцен: «Ассоль», «Артур», «Могжиза» («Чудо»), «Компас», «Трактир», «Мэхэббэт» («Любовь»), «Алжилкэннэр» («Алые паруса») (здесь и далее подстр. пер. наш. – М. Х.). Графика надписей напоминает буквы, считанные с приборной доски, что создает иллюзию присутствия зрителей в рубке. Сохраняя семь частей, создатели спектакля указывают на рукотворность созданного чуда. Ведущей в сценарии становится линия Грэя. Переводчица сохраняет ключевые мотивы сходства героя с Ассоль: игра, игрушки, музыка, свет.

По воле создателей на 1,5 часа зал превращается в море, а сцена – в судно, где зрители вместе с опытными артистами – «морскими львами», и «салагами» – студентами театрального училища, отправляются в увлекательное путешествие по просторам художественного мира знаменитой феерии Александра Грина «Алые паруса» (сце-

нограф Анна Новикова). Основное действие одноименного спектакля разворачивается, как принято говорить, на расстоянии вытянутой руки от зрителей. Зал трансформируется в бездонное зеркало, в котором мечта каждого заглянувшего в него обретает свой неповторимый жизненный узор. Благодаря световому оформлению сцены на сиденьях порой начинают напоминать барашки волн, находящихся в вечном движении.

Р. Аюпов, избрав формат дипломного спектакля, использовал удачный ракурс: режиссер увидел и воплотил знаменитую повесть сквозь призму восприятия детей. Вот почему зрителю не стоит настраиваться на плавное течение спектакля, пытаться нащупать взглядом единое полотно. Перед нами пестрое зрелище, увиденное словно бы сквозь подзорную трубу, скользящую по пространству повести А. Грина. Создатели спектакля оттолкнулись от потребности юного зрителя в игре и творчестве. Своеобразной фишкой спектакля стали пластические миниатюры (их генезис – родом из детской игры «Море волнуется раз...»). Артисты-игроки кружатся на месте, внезапно замирая, позволяя зрителям угадать тот или иной образ, заимствованный из морских глубин. По воле капитана-режиссера Р. Аюпова создается параллельный основному сюжету мир, где та или иная фигура «оживает», разворачивая в разных театральных техниках свою сюжетную линию в разных театральных техниках и утверждая в данном эпизоде свое доминирующее начало. Создатели татарского спектакля оттолкнулись в своей интерпретации от живописного экфрасиса оригинала – сюжет об оживающем изображении. В спектакле вообще очень удачно используется мотив ожившего изображения, лежащий в основе экфрасиса.

Стремясь придать спектаклю форму феерии, его создатели прибегают к яркому и красочному стилю с «врезкой» необычных образов, созданных в разной технике, носящей вневременный характер. Морская волна, рожденная художником, плавно переливается в пластическую и по воле режиссера разливается, отвоёвывая пространство души зрителей.

Морская тема постоянно акцентируется в морской терминологии, которая звучит в репликах героев. Н. Каримова не переводит эти термины на татарский: *боцман, капитан, камбуз, бинокль* и др.

Заглавным образом, задающим тон спектаклю, становится морская раковина, символизирующая жизненную траекторию героев. Чья-то *ракушка*, потерявшая тело моллюска, открывает потенциал своей творящей составляющей, а чья-то – навсегда остается пустой и статичной, лишенной души. В чьих-то руках *ракушка* превращается в орган, транслирующий музыку его души, или в сокровище природы, символизирующее красоту. Так и человек может застыть в своих стереотипах, а может найти в себе силы развернуть спираль своей жизни «*ракушки*», чтобы унести след за своей мечтой за горизонт, оказывая помощь окружающим, проявляя внутреннюю красоту души. Каждый прожитый год, пульсируя, на *раковине жизни*, оставляет свое разноцветное пятно или новое бугристое кольцо.

Корма судна, по прихоти Капитана (Ринат Аюпов), превращается на наших глазах то в дом Ассоль, то в замок, где вырос Артур (Искандер Низамиев), то в порт. В финале спектакля корабль, разрастаясь, становится равен морю, которое символизирует глубины души человека. Это первоматерия, погружаясь в которую человек черпает вдохновение, возвращается к вечным ценностям бытия.

Сначала сюжетные линии Ассоль и Артура Грэя развиваются в параллельном режиме, пересекаясь лишь в сцене свидания с ракушками. Н. Каримова детально проработала линию Артура Грэя. Режиссер использует разные приемы в создании персонажей спектакля. Так, в первой трети спектакля при разработке эпизода буллинга на рынке или семейного давления на Артура режиссер эксплуатирует эстетику фарса. Перед зрителем разворачивается галерея вневременных схематизированных героев-марионеток. Артисты стремятся выпукло показать ведущую черту своих персонажей.

Анализируя структуру текстового метафорического поля феерии «Алые паруса», А. О. Ключарева выделила три центра, образующие ядро текстового метафорического поля, которые взаимодействуют «между собой метафорами душа – сердце, мир мечты (рай) – блистательная страна и жизнь – игра» [11, с. 231].

«В центре самого поля находятся следующие значения лексемы «игра»: 1) иронически: «способ ухода от реальности; жизнь в собственной реальности»;

2) «самое важное в жизни, суть жизни»;

3) «подлинная жизнь»;

4) «изменение мира или чьей-то отдельной судьбы».

Последнее из этих значений, в свою очередь, имеет несколько подзначений, относящихся к ближней периферии метафорического поля:

– оживление/воскресение чего-либо/кого-либо;

– творение/пересоздание мира или чьей-то отдельной судьбы» [11, с. 231].

Чтобы придать динамизм действию, визуализировать внутренний мир своих героев, режиссер прибегнул к приему «театр в театре». Очень зрелищной получилась, например, сцена детских забав будущего капитана Артура. «Человек, – по мысли режиссера Н. Н. Евреина, – театрален, поскольку он стремится быть или казаться чем-то, что не есть он сам»; в основе театральности – «инстинкт преображения», «радость самоизменения»; «первый девиз театральности – не быть самим собой» [12]. Именно это и составляет основу концепции персонажей спектакля. Постоянное преломление ситуаций игры создает в спектакле особые отношения саморефлексии, указывающие на сюжетную и смысловую глубину театрального действия.

Н. Каримова, переплавляя прозу в сценарий, кардинально сократила первую часть: картина трепетной любви отца и дочери друг к другу противопоставлена сценам буллинга Ассоль на рынке. Переводчица стремилась отчетливо показать, что поведение детей есть проекция поведения взрослых, распускающих слухи о том, что отец и дочь – «сумасшедшие» («*Акылга туймаган бер исэр инде*»), «висельники», «убийцы» («*Ә әтисе кеше үтерүче*»). Дети на рынке «играют» во взрослых, они доводят до логического конца оброненные взрослыми слова. Творящая, созидательная сила, потребность в красоте, присущие детской душе от рождения, в первой мизансцене контрастно противопоставлены грубой злобе, которая пробудилась в детях усилиями взрослых. Юные вандалы разрушают сказочный мир Ассоль, которая благодаря живому воображению оживила игрушки отца. Девочке удалось сохранить лишь фрегат с алыми парусами. В спектакле, в отличие от оригинала, игрушечный корабль спасает Сказочник (Фанис Каримуллин). Это «волшебный помощник» в судьбе Ассоль, окунувшейся в стихию «взрослой» жизни. Для Сказочника она прекрасный цветок («*тере чәчәк*»).

Вслед за автором сценарист прибегает к приему «перевертыша»: живая жизнь «одичавшей», с точки зрения обывателей, семьи вдовца противопоставлена «мертвому», «игрушечному», «кукольному» существованию жителей рыболовецкой деревни и замка. В отличие от отца и дочери они не свободны в проявлении чувств, а

всецело подчиняются инстинкту толпы. Этот образ блестяще передается с помощью пластического этюда. Вместо «пчелиного роя» зритель наблюдает озверевшую толпу, буквально сминающую живую душу девочки. Плавность движений мечтающей девочки в мизансцене противопоставлена агрессивным, порывистым движениям хулиганов, ее нежный голосок – их злобным, хриплым выкрикам. Зритель сам должен решить, за кем правда, что значит «говорить по-человечески» («*Кешечэ сөйләшә*»).

Сказочник расширяет кругозор девочки. В орбиту ее формирующегося творческого мировоззрения он вплетает новые ориентиры: баснописца Эзопа, писателей братьев Гримм, Г. Х. Андерсена. По убеждению сказочника, мир, где не звучат сказки и песни, «мертвый», игрушечный, а не настоящий.

Спектакль имеет два состава. Ляйсан Большова и Альбина Ногманова создают на сцене разные по фактуре образы. Так, Ляйсан Большова словно «подглядела» свой образ в персонажах музыкальных шкатулок, уносящих нас в мир детства. Ее миниатюрная Ассоль порхает по сцене, как мотылек, что вписывается в концепцию воздушной феерии. Ассоль Альбины Ногмановой ближе к реалистическому плану, нежели к сказочному или феерическому. Открытый взгляд Ляйсан Большовой контрастирует с прищуром Альбины Ногмановой, внося в мизансцены дополнительные смысловые оттенки.

Тема буллинга получает развитие и во второй мизансцене, переносащей нас в замок, где в атмосфере диктата родителей вырос Артур Грэй. В потешных играх мальчика оживают его мечты стать капитаном. «Живую душу» ребенка в холодном замке родителей – «марионеток света» – лелеет садовник, в прошлом старый «морской волк» (Фернат Насыбуллин). Режиссер акцентирует внимание зрителей на природной наблюдательности мальчика, его ярком воображении, а также на духовном родстве с Ассоль. Главных героев сближает умение разглядеть красоту в миге бытия.

Режиссер переосмыслил образ Грэя. Чтобы подчеркнуть духовный уровень юного Артура, он наделил его современным хобби. Это страсть к фотографированию, что сближает героя А. Грина с современными детьми, которые любят и фотографировать, и снимать видеосюжеты.

В сценарии в одной из ремарок сохранилась отсылка к картине с кораблем:

«Дивардагы дингез дулкыннары арасында давыл белән көрәшкән кораб рәсеменә озак итеп карап тора. Капитан күперчеге дип ясалган жиргә менеп баса». –

«Он долго рассматривал картину на стене, на которой был изображен корабль, вступивший в борьбу с бурей. Капитан взобрался на капитанский мостик».

Живой ребенок противопоставляется родителям-марионеткам. В создании их образов важную роль играют костюмы, чьи узоры напоминают шторы и гобелены замков (художник по костюмам – Фагиля Сельская). В спектакле упоминается материал батист – признак принадлежности к аристократическому обществу. Грэй был рожден в титулованной семье, в которой *«отец и мать ... были надменные невольники своего положения, богатства и законов того общества, по отношению к которому могли говорить „мы“». Часть их души, занятая галереей предков, мало достойна изображения, другая часть – воображаемое продолжение галереи – начиналась маленьким Грэм, обреченным по известному, заранее составленному плану прожить жизнь и умереть так, чтобы его портрет мог быть повешен на стене без ущерба фамильной чести»* [1, с. 19]. В данном эпизоде возникает портрет-экфрасис, описание вымышленных предков, который «выливается» в вымышленную галерею бездушных портретов. В татарском спектакле вместо галереи предков на сцене появляются ожившие марионетки высшего света в образах родителей Артура и вдовы Амелии Стивенсон.

Как верно подметила М. И. Крюкова, «мотив куклы/манекена оказывается значимым для писателя. В какой-то мере, это рецепция романтической традиции (в частности, гофмановской), когда наделенные душой герои борются с механистическим миром; кроме того, у А. С. Грина это вариация на тему оживающей скульптуры, когда кукла/манекен становится символом выхода из статики в живой динамичный мир» [9, с. 17].

Артур Грэй и Ассоль не вписываются в эту социальную среду. Тема травли, непростых взаимоотношений толпы и неординарной личности в спектакле прорабатывается неоднократно. Если сцена с Ассоль решена в эстетике школьного буллинга, то сцена на корабле расцвечена беззлой иронией и матросским зубоскальством. Так, создатели спектакля, затрагивают современные проблемы молодежной среды: исподволь подсказывают потенциальной жертве буллинга выход из кризисной ситуации, указывая на необходимость работать над собой. Если Ассоль спряталась в свою «ракушку», сохраняя преданность мечте (женский вариант выхода), то Артур на наших глазах переживает серьезную эволюцию (мужской вариант). Многому научившись, набив шишек, работая буквально до седьмого

пота, он получает заслуженное уважение окружающих, можно сказать, вливается в матросский коллектив. Домашний, «рафинированный» мальчик добровольно становится «салагой»-новобранцем на морском судне, который наравне со всеми трудится, демонстрируя окружающим лучшие качества своей души: отзывчивость, наблюдательность, терпение. В спектакле будни матроса блестяще переданы с помощью акробатических этюдов, а также через массовые сцены. Индивидуальное на глазах у зрителей переплавляется в коллективное: *«сез бердамлекка, бер-берегезга ярдамда азер булырга да өйрәндегез»*. Капитан Гоп (Ильфат Камалиев) выполняет в этой мизансцене и орнаментальную функцию и в то же время «цементирует» смыслы (выполняет концептуальную функцию). Психологически достоверно передан этап «узнавания»: *«Син ... чын кеше. Болар капитаннарга хас үзенчәлек!»*. Артур Грэй увиден глазами матроса, капитана и садовника.

По мере развития сюжетной линии Грэя фарс перетекает в мелодраму. Несколько скомканно, на наш взгляд, представлен эпизод с письмом матери (известие о смерти отца). Зрителю, как и герою, не хватает, как нам кажется, времени прочувствовать всю трагичность этого события. Секундная трагедия, не повлиявшая кардинально на эволюцию героя (а психологически обоснованным должно было быть показано его взросление), переключается в идиллический план совместной рыбалки, а затем – в эпизод несостоявшегося ужина в таверне.

В картину рыбалки привнесена едва уловимая национальная нотка. Артур вместе с другом перед тем, как забросить удочку, читает заговор на рыбу, заимствованный из фольклора шакирдов татарского медресе. Обратим внимание, что режиссер в этом эпизоде очень удачно использует приемы и образы, характерные для кукольного театра. Перед зрителями совершают «парад» обитатели моря. Мы видим танец стайки рыбок, сбивающихся в кучу, напоминающих плавание медузы, образ которой завершает этот парад (Медуза – «черная вдова», готовая выйти замуж за юного Грэя ради денег и статуса). Разнообразие театральных приемов нацелено на то, чтобы удержать восприятие юного зрителя, поддержать интерес к неоромантической сказке.

Сцена в таверне строится на противопоставлении мечтателя Грэя с Летиком-практиком. На фоне гримасничающего Летика Грэй выглядит отстраненным, так как его поразил рассказ о девочке-мечтательнице. Развязной влюбленной парочке из таверны противопоставляются романтические отношения Ассоль и Артура Грэя. Осо-

бенно романтической получилась сцена их первого свидания, когда герои переговаривались с помощью ракушки. Очень зрелищной и динамичной является финальная сцена с алыми парусами, когда театральный зал трансформируется в море. Зажигательный танец матросов с флажками вряд ли оставил кого-то равнодушным.

Искандер Низамеев, несомненно, лидер «ворвавшихся» на сцену театра юных артистов. Он многое перенял от своих родителей Лилии и Ильназа Низамиевых. Кстати, Лилия Низамиева играет на сцене маму Артура Грэя. Вот почему в спектакле поклонники кариевского театра могут разглядеть и прочувствовать оду родительской любви. На наших глазах формируется театральная династия.

Важное место занимает в спектакле музыкальное оформление, за которое в спектакле отвечал Юсуф Бикчантаев. Ему удалось очень выразительно интонировать каждую мизансцену. Одна музыкальная тема вкрадчиво накатывается на другую, создавая иллюзию прибоя. Волею неволей зритель должен прислушаться к ней, чтобы прочувствовать ее ритм и уловить душевные переживания того или иного персонажа. Юсуфу Бикчантаеву удалось удивительно тонко воссоздать лирическое настроение на сцене, используя синтез цветовых и музыкальных решений.

Медитативная музыка обеспечивает плавное переключение реалистического плана в метафизический. Белые сети, разложенные на креслах, вкупе с белоснежным экраном создают атмосферу воздушности. Ирреальность происходящему придают видеопортреты матери и Ассоль, внезапно проступающие из морской глубины. Спектакль источает мягкость и нежность, в том числе и благодаря актуальным минималистическим костюмам персонажей.

В финале вновь «из ниоткуда» возникает сказочник с мешком ткани алого оттенка. Тем временем спектакль начинает набирать темп. Пластические миниатюры переключаются с музыкальным этюдом зазывания Ассоль, исполненным матросами на бочках-барабанах.

В финале на сцене появляются настоящие музыканты, в выступлении которых самобытно переплетаются мотивы музыки татарской и европейской. Вишенкой на музыкальном торте постановки становится яркая финальная партия, демонстрирующая богатый диапазон голосов в поющей труппе театра (хормейстер Миляуша Таминдарова) – завершающий штрих в создании феерии.

Вслед за автором создатели татарского спектакля прибегают к приему музыкального финала.

Это «своеобразный аккорд, концентрирующий основную мысль произведения» [8, с. 15].

Таким образом, спектакль татарского ТЮЗа им. Г. Кариева представляет собой яркое и оригинальное произведение по мотивам знаменитой сказки-феерии А. Грина «Алые паруса». Авторам спектакля удалось органично соединить традиционные для произведения А. Грина нравственно-этические мотивы и блестящие современные театральные решения, сделать спектакль актуальным, интересным для юной зрительской аудитории, открытой для восприятия лучших образцов отечественной культуры.

Список источников

1. Грин А. *Алые паруса*. М.-Пб: изд-во Фрэнкель, 1923. 141 с.
2. Ал жылкәннәр / Сценарий авторы Н. Каримова // Г. Кариев исемендә Татар дәүләт яшь тамашачы театры Кульязма. 42 б.
3. Ковский В. Е. *Романтический мир Александра Грина*. М.: Наука, 1969. 296 с.
4. Кобзев Н. А. О портрете в романах А. Грина / Н. А. Кобзев // Вопросы русской литературы. Львов, 1975. № 1. С. 86–92.
5. Михайлова Л. *Александр Грин: Жизнь, личность, творчество*. М.: Худож. лит., 1980. 216 с.
6. Лопуха А. О. Эстетический идеал и специфика его выражения в творчестве А. С. Грина: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. Петрозаводск, 1987. 184 с.
7. Козлова Е. А. Принципы художественного обобщения в прозе А. Грина: развитие символической образности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2004. 20 с.
8. Максимова О. А. *Проза А. С. Грина: музыка в художественном сознании писателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Вологда, 2004. 24 с.
9. Крюкова М. И. *Экфрастический тезаурус в прозе А. С. Грина: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Екатеринбург, 2019. 23 с.
10. Борисов Т. Г., Кузнецов Т. Б. Ономастическое пространство феерии А. Грина «Алые паруса» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 157–163.
11. Ключарева А. О. Текстовое метафорическое поле феерии А. Грина «Алые паруса» // Вестник БГУ. 2017. № 4 (34). С. 230–235.
12. Евреинов Н. *Театр как таковой. Обоснование театральности в смысле положительного начала сценического искусства в жизни*. М.: Время, 1923. С. 80–110.

References

1. Grin, A. (1923). *Alye parusa* [Scarlet Sails]. 141 p. Moscow-St. Petersburg: izd-vo Frenkel'. (In Russian)
2. *Al жылкәннәр* [Scarlet Sails]. Stsenarii avtory N. Karimova. G. Kariev isemendә Tatar дәүләт yash' tamashachy teatry Kul'yazma. 42 p. (In Tatar)
3. Kovskii, V. E. (1969). *Romanticheskii mir Aleksandra Grina* [The Romantic World of Alexander Green]. 296 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
4. Kobzev, N. A. (1975). *O portrete v romanakh A. Grina* [On the Portrait in A. Grin's Novels]. N. A. Kobzev. *Voprosy russkoi literatury*. L'vov. No. 1, pp. 86–92. (In Russian)
5. Mikhailova, L. (1980). *Aleksandr Grin: Zhizn', lichnost', tvorchestvo* [Alexander Grin: Life, Personality, Work]. 216 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)
6. Lopukha, A. O. (1987). *Esteticheskii ideal i spetsifika ego vyrazheniya v tvorchestve A. S. Grina: dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02* [The Aesthetic Ideal and the Features of Its Expression in A. Grin's Works: Ph.D. Thesis]. Petrozavodsk, 184 p. (In Russian)
7. Kozlova, E. A. (2004). *Printsipy khudozhestvennogo obobshcheniya v proze A. Grina: razvitie simvolicheskoi obraznosti: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Principles of Artistic Generalization in A. Grin's Prose: The Development of Symbolic Imagery: Ph.D. Thesis Abstract]. Pskov, 20 p. (In Russian)
8. Maksimova, O. A. (2004). *Proza A. S. Grina: muzyka v khudozhestvennom soznanii pisatelya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A. Grin's Prose: Music in the Artistic Consciousness of the Writer: Ph.D. Thesis Abstract]. Vologda, 24 p. (In Russian)
9. Kryukova, M. I. (2019). *Ekfrasticheskii tezaurus v proze A. S. Grina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Ekphrastic Thesaurus in the Prose by A. Grin: Ph.D. Thesis Abstract]. Ekaterinburg, 23 p. (In Russian)
10. Borisov, T. G., Kuznetsov T. B. (2017). *Onomasticheskoe prostranstvo feerii A. Grina "Alye parusa"* [Onomastic Space of A. Grin's Extravaganza "Alye Parusa"]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*. No. 3 (27), pp. 157–163. (In Russian)
11. Klyuchareva, A. O. (2017). *Tekstovoe metaforicheskoe pole feerii A. Grina "Alye parusa"* [Text Metaphorical Field of A. Grin's Extravaganza "Scarlet Sails"]. *Vestnik BGU*. No. 4 (34), pp. 230–235. (In Russian)
12. Evreinov, N. (1923). *Teatr kak takovoi. Obosnovanie teatral'nosti v smysle položitel'nogo nachala nachala stsenicheskogo iskusstva v zhizni* [Theater as It Is. Justification of Theatricality in the Sense of a Positive Nature of Performing Arts in Life]. Pp. 80–110. Moscow, Vremya. (In Russian)

The article was submitted on 21.10.2023
Поступила в редакцию 21.10.2023

Васильева-Шальнева Татьяна Борисовна,

кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
n.gabdreeva@mail.ru

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,

кандидат филологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Vasilyeva-Shalneva Tatiana Borisovna,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
n.gabdreeva@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Leading Researcher at the Research Center for
Strategic Research in the Field of Native Lan-
guages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-111-119

МИФОМОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ В РОМАНЕ САЛАВАТА ЮЗЕЕВА «НЕ ПЕРЕБИВАЙ МЕРТВЫХ»

© Гульчира Гарипова, Элеонора Шафранская

MYTH MODELS OF THE NATIONAL BEING IN THE NOVEL “DO NOT INTERRUPT THE DEAD” BY SALAVAT YUZEEV

Gulchira Garipova, Eleonora Shafranskaya

The article investigates the controversial problems of cultural identification of the novel “Don’t Interrupt the Dead” by Salavat Yuzeev in terms of the modern transculturation theory of literature, written in Russian by non-Russian (national) writers. We avoid the term “a Russian-language writer,” which does not seem to be appropriate as it does not reflect mental and aesthetic realities. In the course of the analytical study of the world artistic model in the novel “Don’t Interrupt the Dead”, our main goal is to present the validity and pattern of identifying the writer as a transcultural author who creates a national Tatar model of the world using the means of Russian linguistic culture, but on the basis of mental national and general “Soviet” historiosophical myths.

Mythopoetic analysis seems conceptual for the study of transcultural texts, since it allows us to identify generic mythological correlates of the maternal model of the world interrelated with foreign ethnocultural reality. The analytics, emphasized in the article within the framework of apophatic poetics, makes it possible to consider not only the inconsistent multinational constants of the artistic transcultural model (the borderland of the Russian and Tatar ethnicity and ethos), but also multinational ones in a special format of unity - concordia discors. The article underlines that in the case of transcultural literature, not *elimination*, but *expansion* of genetic memory takes place due to the acquisition of another culture as one’s own.

Keywords: Salavat Yuzeev, transculturation, transcultural literature, apophatics, national myth model, multinational world

В статье рассматриваются противоречивые вопросы культурной идентификации романа Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» в контексте современной теории транскультурации литературы, написанной на русском языке нерусскими (по национальности) писателями. Авторы уходят от неудачного и не отражающего мировоззренческие и эстетические реалии термина «русскоязычный писатель». Цель статьи определяется необходимостью в ходе аналитического исследования художественной модели мира в романе «Не перебивай мертвых» представить обоснованность и закономерность идентификации писателя как транскультурного автора, создающего национальную татарскую модель мира средствами русской лингвокультуры, но на основе ментальностных национальных и общих «советских» историософских мифов.

Мифопоэтический анализ представляется концептуальным для изучения транскультурных текстов, поскольку позволяет выявить родовые мифокорреляты материнской модели мира, сопряженной с иноэтнотранскультурной реальностью. Акцентированная в статье аналитика в рамках апофатической поэтики дает возможность рассматривать не только несогласуемые разнотранскультурные константы художественной транскультурной модели (пограничье русского и татарского этноса и этоса), но и полинациональные в особом формате единства – concordia discors. В статье подчеркивается, что в случае с транскультурной литературой происходит не и з б ы в а н и е , а р а с ш и р е н и е генетической памяти за счет обретения иной культуры как своей.

Ключевые слова: Салават Юзеев, транскультурация, транскультурная литература, апофатика, национальная мифомодель, полинациональный мир

Для цитирования: Гарипова Г., Шафранская Э. Мифомодели национального бытия в романе Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 111–119. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-111-119

В современной филологии активно используется понятие «транскультурация», введенное в научную парадигму гуманитарного знания антропологом Ф. Ортисом в 1940 году. Исследователи отмечают, что сложные процессы транскультурации учитывают динамику взаимонаправленного культурного взаимодействия, при этом доминирующая культура не только подавляет другие, но и формирует новые смысловые концепты и культурные коды [1, с. 48].

Несомненно, что транскультурные проблемы в развитии литературного процесса необходимо рассматривать в системе социокультурного полилога, детерминирующего культурное полиязычие и мышление. На наш взгляд, такой подход чрезвычайно важен при анализе транскультурной литературы периода советского и постсоветского функционирования полинациональной особой межлитературной общности (Д. Дюришин), а потом российской литературы, так или иначе связанной с процессами социально-политической трансмиссии (переселение народов, смешение наций, внутренняя миграция, полиэтнические эмиграция и иммиграция). Мы уже отмечали, что транскультурный подход к исследованию явлений парадигмы «русская литература и литературы народов России» дает возможность решить проблемы этнической идентификации литературного этоса, писателя и собственно отдельного произведения [2]. Достаточно показательным в этом плане представляется нам роман современного писателя Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых». Автор рисует полиэтнический мир, в котором национальное самосознание двух соживущих в едином социальном и онтологическом пространстве наций (русских и татар) находится в состоянии постоянной трансмиссии в силу ряда исторических причин.

Свои художественные произведения Юзеев пишет на русском языке, но репрезентирует национальную миромодель татарского этноса на основе народного мифологического этоса. В соотношении с теорией В. Кабакчи русский язык для писателя может быть определен как вторичное средство описания материнской (национальной татарской) культуры [3, с. 70], что определяет художественный статус языка в романе как транскультурного миромоделирующего медиатора. Исследователи отмечают и особую композиционную «монтажность» романа, создающую интроспективное «перетекание» мифологизированной истории в плоскость языкового сознания. В том числе и за счет билингвальных коннотаций. В результате такой стратегии каждое отдельное событие становится фактом целостного

«русско-татарского» социального мироустройства [4].

Творчество Салавата Юзеева очень показательно и в плане особой формы мультикультурализма, в основе которого, по теории М. Тлостановой, лежит желание того или иного этноса сохранить свои традиции и особенности в рамках одной культуры [5]. В романе «Не перебивай мертвых»¹ писатель выстраивает апофатическую поэтику¹ миромоделирования национального татарского мира через отрицание его закрытости, через признание его пограничности с русским миром в едином историософском пространстве. В нашем понимании апофатической поэтики, мы следуем за установкой исследователей, активно использующих сегодня подобную аналитику, где под апофатикой литературы и в литературе понимается не только Богопознание через отрицание, но и рождение сакрального пространства, священного инобытия (иерофании) [6, с. 11].

Салават Юзеев выстраивает судьбы своих героев в постоянном нелинейном движении от рождения к смерти, фиксируя точки самосознания в пограничье до-рождения и/или после-смертия. Большинство героев романа проходят два пути: «рождение – смерть» и «смерть – рождение» с разными уровнями осознанности мира. Писатель словно создает интегральную карту национального сознания героя-татарина, в которой до смерти он вписан в общую полиэтническую историософию, но именно после смерти в нем начинает проявляться генетический национальный родовой ген. Его герой делится с читателем потрясением от осознания своего рождения: потрясение впервые пришло в пять лет, затем в двадцать пять, в сорок – оно ничуть не уменьшилось в его восемьдесят два года. И каждый раз ему казалось: что вот теперь он в наибольшей мере соответствует себе. В итоге – дожидается второго потрясения, и читатель догадывается – какого [7, с. 5].

Апофатика Юзеева заключена в том, что через смерть он утверждает ценность жизни, соотнося ее с национальной аксиологией. Все герои проходят испытание потрясением рождения и смерти в разных своих проявлениях, апофатически связанных основными танатологическими мифообразами (см. подр.: [8, с. 26]) (Поляна мертвых, отряд бессмертных мстителей, система «вечных» образов-стихий и т. д.). Смерть позна-

¹ Апофатика в широком смысле идентифицируется как когнитивный принцип, определяющий изучение определенных явлений и процессов (природы, онтологии, телеологии и экзистенциальных феноменов) через принципы отрицания.

ется через отрицание жизни, жизнь – через отрицание смерти. Апофатический горизонт находится на онтологических границах жизненного (деревня Луна) и танатологического (Поляна мертвых) пространств. Здесь работает логика «лабиринтного мироздания», в рамках которой «герой одновременно проживает в разных „параллельных“ мирах экзистенциально заданного типа онтомира», что и формирует «особое осознанное пороговое мышление» [9, с. 471]. Организованный по принципу сквозного сюжетостроения романский «текст в тексте» позволяет выделить важнейший ряд героев (все они могут быть обозначены как образы-идеологемы), находящихся все время в состоянии переходов между нарративными факталами: Вафа-бабай, Минлебай Атнагулов, мулла Гильметдин, Фатима и Халил, а также немец Иохим Вернер. Помимо нарративного лабиринта (роман-путеводитель по некоему селению), автор моделирует и метафорическое онтологическое пространство для своих героев, живущих на пересечениях улиц-судеб внутри «селения» – магический многоугольник [7, с. 82].

Подобная многомерность детерминирует и апофатическую специфику субъектной организации романа, связанную со сквозными пересечениями всех онтологических и экзистенциальных констант. Экзистенциальная апофатика представлена в системе героев как носителей национального аксиологического сознания через отрицание антигероев, воплощающих вечные абсолюты зла, в большей степени обусловленных эпохальной историей предательства. Один из романских субъектов повествования (профессор Сарман Биги) с экзистенциальной одержимостью преследует Минлебая Атнагулова, своего врага. Они знакомы с детства, однако жизнь развела их по разные стороны: второго – на сторону зла. И если Сарман Биги, как и большинство «культурных героев» его историй, наговоренных на магнитофонную пленку автору-медиатору, связан не только кровно с памятью-историей своего народа, но и экзистенциально, то Минлебай Атнагулов становится имагологическим воплощением антиценностей «нового мира», эпохи XX века. Этот мир рушит исконные представления о нравственности. Именно поэтому он многолик, сосредоточивая в себе метафизические темные силы (убырь, шурале...) и исторически означенные образы-метафоры – Минлебай почти с фольклорной легкостью метаморфизуется из красного комиссара в офицера немецкого нацистского подразделения, а из него – в хозяина индейского ранчо. История «кровавого» XX века становится метафизической реальностью, в которой истори-

ческие события представлены как сверхъестественные, разрушительные, несущие эсхатологическое наказание нации и воплощенные в антиличность, рушащую национальный дух. Народ проходит в романе испытание встречей с этими антиличностями, воплощениями разрушительной силы. Даже деревня была названа вопреки этому навязанному историей пути. Ее название – «Луна» – как будто декларировало протест существующему режиму, когда по царскому указу большинство мечетей в крае были разрушены, а «Луна» (в татарском и «полумесяц») вопреки новым веяниям фиксировала на карте незыблемость мусульманской локации (см.: [7, с. 19]).

Референциальный ономастический контекст парадоксален и связан не столько с исторической семантикой, сколько с метафизической семиотикой. В рукописи Н. Г. Мустафина «Тан – моя родина. Воспоминания» (Ижевск-Тан, 1995) подробно излагается история основания и исчезновения татарской деревни Пролетарка, или Пролетарская Луна [10]. Историческая судьба реальной деревни Малмыжского района Кировской области под названием «Пролетарская Луна» трансформируется в романе в знак национальной эсхатологии.

В художественной версии Юзеева именно с этой деревни начинается «иная» история, навязанная татарскому народу, эсхатологическая. Впервые совершает страшный грех убийства своих односельчан-татар предатель Минлебай Атнагулов, одетый в форму красноармейца, а затем продолжает убивать, но уже в форме фашиста. В апофатической системе первой, рассказанной Сарманом Биги «Легенды о не сходящих с коней», не случайно месть представляется как благая сила, направленная на то, чтобы разрушить и остановить эту навязанную внешнюю силу, вселившуюся в «убыря», поправшего национальную память и подменившего свою родовую душу чужой экзистенциальной сутью разрушителя и предателя. Всю жизнь Сарман Биги ищет Минлебая, чтобы так же, как «не сходящие с коней», покарать зло.

Вся история татарского народа первой половины XX века: потрясения времен революции, Гражданской войны и первых лет советской власти – показана глазами эмигранта Сармана Биги. Именно поэтому его рождение потрясло его самого – он представлен в романе как личностное воплощение исторического XX века и метафизического сознания своего народа, «забывшего» место родовой силы. Он есть личностное воплощение памяти, он живет, потрясенный своим рождением и в ожидании смерти – второго потрясения. Смерть, по словам повествователя (и

героя), – порождение фантазии, потому у нее образ «тебя», встретившись с ней – ты увидишь «себя» словно в зеркале (см.: [7, с. 6]).

Такое художественное выражение личностного через онтологию смертности, которая, в свою очередь, выражается через этос жизни, становится возможным в эстетике Юзеева благодаря апофатической традиции отрицания всех существующих истин как ложных. «Апофатика», или «апофазис», будучи когнитивным принципом, рассчитанным на анализ природных процессов посредством отрицания (см.: [11, с. 6]), как способ эстетизации невыразимого, необъяснимого, невозможного, становится для Юзеева эстетическим способом разрушения границ между экзистенциальным, онтологическим и историческим, между реальностью и метафизическим хронотопом. Так писатель проникает через настоящее во внутренние пласты национальной памяти, метафорически фиксируемой в сознании героев чувственными знаками бессознательного, восходящего к мифологическому генетическому коду. Методология исследования романа, концептуализирующего национальный миф как способ постижения историософии XX века, несомненно, должна определяться мифопоэтическим ракурсом, поскольку только так русское творчество таких писателей можно анализировать как текст иноэтнокультурный: ставя во главу угла не язык творчества, а рассматривая его в сочленениях метатекста, или языка культуры (см.: [12, с. 11]).

Эпоха смешала историю татарского народа и советской общности, но для эмигранта Сармана Биги, собеседника автора и его alter ego, важно вытащить то, что было избыто новой историей. Его сюжетное возвращение из эмиграции на родину есть путь погружения в истоки памяти своего народа.

Апофатическая танатологизация художественного пространства романа связана и с историей советизации мира казанских татар. Генетически запрограммированный экзистенциальный лик целой нации распадается на множество иноликов, навязанных чужой историей, которая, как в зеркале, отразила эсхатологию нового, но «чужого» миробытия. Смерть заклеила этот новый мир. «Поляна мертвых» заместила новую действительность «общего счастья для всех». Жизнь каждого героя и всего народа определялась теперь исторической трансгрессией в пограничье.

Луной называлась не только деревня, но и речка, протекавшая рядом. Один из холмов, где располагалась Луна, плавно переходил в Черный лес, из него было проложено несколько тро-

пинок, одна из них вела на «Поляну мертвых». Если возникало желание поговорить с кем-то из усопших – надо было прийти на эту поляну. И это не было кладбищем (оно располагалось в другом конце деревни, там в основном покоились женщины). Так, герой Вафа-бабай providенциально сообщает, что татарские мужчины умирали вдали от родного дома, но потом души их возвращались домой и селились на Поляне мертвых [7, с. 6–8].

Возвращение Сармана Биги на родину – это духовная трансгрессия «помнящего сознания» нации к своим истокам, к той «Поляне мертвых», где хранится живая история народа. Семантика «Черного леса» во многом совпадает в романе с мифосемантикой «леса» в русской традиции в значении «сакральное пространство», с которым связана инициация героя, обретение им новой сознательности. Герои романа из своей деревни (метаобраз настоящего, действительности) попадают, точнее возвращаются, на Поляну мертвых (метаобраз духовного хронотопа национальной памяти) только через личностное сакральное пространство Черного леса. Возвращение национального «потерянного рая» возможно только посредством инициатической трансмиссии (Р. Генон) из чужого «другого» мира через осознанность своих корней в духовный мир своей нации, – мир вне времени и пространства. Через отрицание жизни без памяти возможно преодоление смерти как духовного забвения истории своего рода. И в первую очередь роман Салавата Юзеева о попытке преодоления беспмятства нации о своих истоках, традициях, образе жизни, о необходимости помнить в себе свой род. Обозначая семиотически «Поляну мертвых» как знак возрождения и осознанного обретения себя как части своей нации, писатель разрушает классическую семантику мифологемы кладбища как «другого потустороннего дома». В романе концептуализируется семантика «родового дома», в котором души, отменяя смерть в привычном понимании «забвение», возвращаются к своим национальным истокам, пережив инациональный опыт проживания в чужом «общем доме всех народов».

В романе трансгрессия как феномен перехода непроходимой границы между возможным и невозможным, как «преодоление непреодолимого предела» (М. Бланшо) организует апофатический хронотоп разрушенного национального миробытия. «Поляна мертвых» расширяет семиотику кладбища до значения «духовный мир татарского народа», в котором формируется некое духовное братство по возрождению родового единства, разбросанного по миру в силу исторических

катаклизмов народа. Только так, по мнению писателя, возможно преодолеть распад родового мира. Национальный «коллективный герой» должен преодолеть историю и возродить национальное самосознание.

Если души героев нашли упокоевание на Поляне мертвых в деревне Луна, то где-то должен покоиться их прах, и повествователь поведал историю своего путешествия в Берлин в начале 1930-х годов. Посетив одно из мемориальных кладбищ, он увидел большой камень, надпись на котором гласила: под ним казанские татары, попавшие в плен в Первую мировую и погибшие на немецкой земле. Среди прочих имен повествователь узнал земляка, Закарию Камали – его унесло из деревни «темной, быстрой водой», но душа, верно, теперь обитает вблизи дома (см.: [7, с. 8–9]).

Автор не просто размывает границы между действительностью и метафизическим, он сливает их в единое сознательное пространство, основанное на взаимопереходах *смыслов* (М. Эпштейн). Писатель снимает вопрос о двоимирии, это пространство целостное «родовое», мыслимое как условие стирания любых границ, замещения реальностей, когда человек внезапно оказывается на рубеже перевернутого мира: в его социальной, культурной, экономической и мировоззренческой нишах. Это своего рода «возможный мир», интерферирующий татарскую и русскую картины мира. Салават Юзеев пытается показать не только внутренний кризис человека, но и целого народа, вдруг оказавшегося в ситуации крушения исконных нравственных ценностей.

Трансгрессия экзистенциальной и пространственной сознательности особенно ярко показывает некий выход за границы обыденно-реального мира, постигаемого в призме героя Халиля, родившегося на пограничье жизни и смерти, из чрева мертвой матери. Поляна мертвых стала для него навсегда не местом смерти, а местом жизни. Апофатика рождения после смерти родителей делает образ сироты Халиля неким знаком преодоления национальной эсхатологии, приведшей к «растворению» родовой истории в мировой, к обескоренению целой нации. Рождению сироты Халиля предшествовала смерть его родителей (см.: [7, с. 10]). «Не сходящие с коней» внезапно обнаружили на месте боя разграбленный обоз с мертвыми мужчинами и женщинами, у одной из которых вздрагивал живот. Боец по имени Закария Камали вскрыл живот мертвой женщины саблей – и раздался плач младенца. Тогда он поклялся найти убийцу и отомстить

ему, то же сделал и весь отряд из десяти человек (см.: [7, с. 11]).

Рождение Халиля было одновременно катарсическим актом для нации и инициатической трансмиссией для отряда «не сходящих с коней», жизнь которых с того момента была подчинена родовой мести за гибель родителей Халиля, глобально – за разрушение национального самосознания целого народа.

«Не сходящие с коней» превратились в метафизическую силу, борющуюся с политикой стирания границ между нациями, уничтожения их языка, их национального самосознания еще до рождения, с историей катастрофического «смешения» народов, приводящего к экзистенциальной эсхатологии каждой отдельной Личности и целого народа. И это на фоне репрессий и депортаций целых наций во имя сохранения мифического советского Вавилона. Попытка бегства, странничество не освобождают человека от внутреннего страдания, даже усиливают его. Страдания оборачиваются новым бегством – бегством от реальности в инобытие, чаще всего совпадающее с родовым *genius loci*.

Таким героем, обитающим на границе, стал не только татарин Сарман Биги, убежавший от войны на своей родине, но и немец Иохим Вернер, убежавший от войны на чужой земле. Но однажды сдавшийся, не противостоявший войне, а убежавший от нее, обречен на вечное страдание, если и не от потери родины, то от своего бездействия, от того, что не стал «не сходящим с коней», не поклялся отомстить, не остановил, превратившись в палача поневоле. Страдания Сармана Биги можно остановить возвращением на Поляну мертвых, к родовым истокам. Страдания Вернера, живущего на своей родине, но сидящего за одним столом с палачами «чужого народа», в том числе Сармана Биги, искупить нельзя.

В романе «внутреннее бытие» метафоризируется различными формами онейрической реальности, но при этом сновидческое пространство не замещает бытийное, как, например, в романе А. Белого «Петербург», а приобретает статус параллельной реальности. Так, умирая, герои романа продолжают быть сразу в двух реальностях и влиять на судьбы живых. Герои преодолевают пограничье застывшего времени, которое утратило и свою текучесть, и необратимость. Подобные состояния «зависшего сознания» в литературе связаны с двумя мотивами. Первый связан с трансгрессией телесности, с разрушением границ тела живого и мертвого, второй мотив усиливает семантику «освобождения от формы тела» (М. Ямпольский), означая завершенность

перехода героев «пограничья» в измененное состояние сознания (см.: [13, с. 332]).

Подобное состояние перехода выстраивает и психологию героя-инородца, вечного странника в чужих пространствах. Ужас глобальности происходящих в мире процессов по отчуждению целых наций от своих истоков, бесконечного эпического искажения истории народов, войн, развоплощения человечности Юзеев усиливает за счет символического экфрасиса картины, написанной немцем Вернером, который был на войне в России и смог вернуться на родину. И здесь, в Германии, судьба вновь свела Сармана Биги и Вернера, но только теперь уже в других условиях чужестранствия. Они рассматривают картину: Сарман Биги спрашивает, Вернер отвечает. Картина называется «После казни». На ней изображен палач в фартуке, забрызганном кровью. Рядом стоит в ступоре родня казненного, в их глазах – застывший ужас. А еще рядом – застолье, мирная беседа о погоде, о музыке – под салат и другие яства. Вернер, автор картины, символизировал этой «мирной» сценой свою современность – своих сограждан, немцев, содружество жертв и палачей. Однако универсальность изображенного потрясает повествователя: так было всегда. «Адское соглашение, принятое на огромных территориях» [7, с. 76].

Экфрасическая идентификация кровавой истории сталинской России, покоряющей народы, и фашистской Германии, покоряющей Россию, в картине немца выводит смыслы в мировой исторический контекст и разворачивает модальность художественной картины мировой истории XX века, в которую втянуты практически все народы и государства. Картина «После казни» фиксирует семиотику метафоры остановившегося времени, через которую автор романа репрезентирует судьбы отдельных героев и не только трагические коллизии национальной истории XX века, но и глобальный миф потрясенного сознания (см. подр.: [14, с. 132]). Провиденциальный монолог автора звучит как предупреждение миру, утрачивающему идею активного противостояния абсолютному злу.

Повествователь словно видит на этой картине те события, в которые была погружена его родина, и верит, что палачи Германии будут найдены, а казнь исполнена, но как же быть с палачами «внутренними», «родными»? Увы, они так и сидят по-прежнему за одним столом со своими жертвами. Поэтому-то Минлебая Атнагулова никто не ищет (некому – все убиты) и не казнит.

Свойственная русской литературе, М. Лермонтову в особенности, апофатика «окультурно-метапсихической тоски <...> развоплощения»,

по мнению философа В. Н. Ильина, есть проблема «страдальчески воплощенного бытия, проходившего все ступени мытарств за какие-то непонятные довременные грехи и катастрофы...» [15, с. 285]. Подобная тоска охватывает и всех героев романа «Не перебивай мертвых», становясь способом фиксации в жизни каждого особой формы страдальческого воплощения бытия. По Юзееву, причина такой экзистенциальной развоплощенности живущих в утрате национального «родового призвания» мыслится как агоническая борьба со злом мира, с демонической разрушительной силой. Смысл такой мести-борьбы заключен в философии «не сходящих с коней», соотносимой с древними восточно-религиозными учениями зороастризма, манихейства, мадакизма – о том, что не смирение и не страдание есть долг человека, а именно борьба со злом. Равнодушное взирание на существование зла есть такой же грех, как само свершение зла. Восточная амартология оправдывает месть во имя наказания и искоренения зла. Историей нарушена эта философия в национальном сознании татарского народа, оттого он странствует по миру в поисках своего родового места, земли обетованной. И если в начале XX века татары не хотели уходить с земли родовой, то в романе показано, что «новый мир всеобщего счастья» XX века, в котором «все народы счастливы», приводит к подобному исходу поневоле – часть героев мигрирует во «внутреннее бытие», часть эмигрирует в «чужой мир». «Не сходящие с коней» вступают в глобальную агоническую борьбу между силами добра и зла, в том числе с историческим развоплощением национального сознания татарского народа. Они становятся войнами исторической памяти.

Сквозная тема творчества писателя – эстетическое измерение национальной памяти. В пьесе «Мы уходим, а вы?» она рецептивно соотносится со стихотворением татарского поэта начала XX века Габдуллы Тукая «Не уйдем!» Так поэт отвечал на имперские призывы к татарам уйти из России в Турцию. К концу века писатель Юзеев в своей пьесе показывает, что сама история сделала странничество возможным, но осознается оно как вынужденное скитальчество в поисках своих внутренних национальных истоков. И только сопричастность некоему всеобщему национальному мифу «не сходящих с коней», заключенному в бессознательных пластах сокровенного Я, может указать путь к спасению себя и своего народа. Мотив «блудного сына», семантически связанный с возвращением в деревню Луна и на Поляну мертвых после эмигрантского странничества Сармана Биги, дает надежду на

преодоление этой исторической эсхатологии. Накладываясь на другой мифологический мотив «спасения народа», он актуализирует «вечную тему» прихода Спасителя и провиденциальную надежду на возрождение народа через обретение благодатной земли. Сарман Биги рассказывает «Историю о переселении и роднике», которую ему, в свою очередь, рассказал Исламбек Топчибаш, «первый младенец, родившийся на чужой земле» [7, с. 85]. Фабула ее такова: на край обрушилась засуха, случился многолетний неурожай, люди погибали от голода и жажды, в итоге, собрав свои пожитки, оставшиеся люди покинули родной край, перед ними было четыре пути – четыре стороны света. Куда идти? Они пошли за караваном птиц, пролетавших над ними. Всмотревшись под ноги, они узнали дорогу, которая вела в Мекку их предков. Так они стали эмигрантами-татарами в Турции (см.: [7, с. 83–84]).

Их новой «землей обетованной» стала деревня Новорожденного у родника, где родился первый младенец рода.

Странничество героев, внутреннее – по Поляне мертвых и внешнее – по миру – принцип романа в целом, меняется лишь пространственно-временная координата блужданий, но не всегда этот путь равен только поискам самого себя, то есть «пути внутрь». Он пролегает через смерть, через чужой «другой мир», через инобытие. «Герой пути» (Ю. Лотман) Салавата Юзеева пребывает все время в пограничье жизни и смерти, в онейросферическом пространстве Черного леса, символически соотносимого с интегральным планом сознания, шкала которого в романе совпадает с троичной матрицей планов сознания Сатпрема – наша жизнь, наш сон, наша смерть [16]. За их границами исчезает всякий смысл бытия. Писатель моделирует романский хронотоп в сложных взаимопересечениях этих различных степеней сознательной пространственности, проживая которые, практически все главные герои попадают в четвертый авторский план сознания – спасительное родовое «внутреннее бытие» (Черный лес + Поляна мертвых). По мысли Юзеева, только обретая его, можно научиться осознавать себя в соответствии с национальной этикой своего народа. Импульсом к возвращению для героя романа становится инициатическая трансмиссия личностного Я через национальное самоосознание к мировому человеческому братству. Так в системе романного императива Юзеева проявляется мессианская тема национального самоспасения, преодоления глобальной мировой эсхатологии эпохи катастроф.

И тогда Сарман Биги смог обрести в тропических лесах Аргентины свою родину, ее пейзаж до боли напоминал деревню Луна – с ее Черным лесом и подножием холма. Наличие «говорящего» героя в современной литературе особенно важно в соотношении с теориями невозможности в слове выразить высший смысл. Апофатика невыразимого через язык, звучащая речь героя противопоставлена идее «мычащего» или «немом» языка, «молчания» как особых форм невыразимости происходящего эсхатологического хаоса мира XX века. По словам М. В. Михайловой, молчание – феномен рубежный во всех смыслах: эстетическом, историческом, психологическом, языковом – знаменует кризисную фазу (см.: [17, с. 120]), в контексте которой становится образом, знаком отсутствующего смысла, молчание как бы отправляет во внешний абсурдный мир сигнал экзистенциального протеста, который вызревает в «мире-во-мне». Роман называется «Не перебивай мертвых» и постулирует молчание как апофатику невыразимости того глубинного национального, которое сокрыто в бессознательном, и услышать его – значит преодолеть невыразимость. Высшим качеством героев романа становится способность слышать голос предков, не перебивая в своем сознании «мертвых», то есть воскрешая их в молчании. Апофатическая поэтика писателя определена возможностями нематеринского русского языка выразить глубинное национальное самосознание татарского миробития и выйти через это на понимание принципов трансмиссии культуры как основы современного полилога языков и культур.

Писатель не рассматривает жизнь татарского народа в оппозиции к другому национальному инобытию, а вписывает его в некий общий мир, рассматриваемый в системе взаимосогласия и взаимоотрицания жизни и смерти. Именно поэтому в поисках земли обетованной персонаж романа, Лотфулла Хасани, намеренно затягивает время своего путешествия – подобно ветхозаветному Моисею, обрекшего свой народ на сорокалетний путь восхождения в землю обетованную, чтобы умер тот последний, что был рожден в рабстве (см.: [7, с. 18]).

Пограничье со-бытия русской и татарской культур определяет транскультурализм Салавата Юзеева. При изучении современных вопросов определения и реконструкции этнической идентичности подобных маргинальных, транскультурных феноменов следует отметить наличие в них маркеров «столкновения цивилизаций» и «столкновения культур» (теории С. Хантингтона и Р. Льюиса), в нашем случае они выявляются на уровне ценностных синкретических констант, но

этот ментальностный конфликт анти-идей не носит непримиримый характер. Антагонизм носит, скорее, исторический характер. Апофатическая поэтика Юзеева высвечивает именно подобный феномен *concordia discors*². Обращение к кодам татарской и в целом восточной культуры выполняет аксиологическую функцию, утверждает ценность родовых корней, истоков для человека, соотносящего себя с нацией, но не конфликтующей с онтологическим полинациональным миром. Владение другим, вторичным «родным» языком, дающим возможность выразить национальное, внутреннее, экзистенциальное, не обедняет, а только обогащает национальную литературу, дает возможность расширить генетическую память за счет обретения иной культуры как своей.

Список источников

1. Женис Н., Кынова Ж. Транскультурный подход в рамках изучения национальной литературы // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2018. № 2 (170). С. 47–51.
2. Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т. Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвистичность и транскulturальные практики. 2023. Т. 20. № 3. С. 497–514. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514
3. Кабакчи В. В. Литератор между двух языков и двух культур // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2 (50). С. 70–75.
4. Монисова И. В., Сырысева Д. Ю. Роман Салавата Юзеева «Не перебивай мертвых» как проза кинематографиста // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. 2018. № 3 (23). С. 37–43.
5. Тлостанова М. В. Проблема мультикультурализма и литературы США конца XX века. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 400 с.
6. Дударева М. А. Апофатическое литературоведение. Заметки нефилолога. М.: Меринос, 2021. 120 с.
7. Юзеев С. Не перебивай мертвых: Сборник. Казань: Татарское книжное изд-во, 2015. 226 с.
8. Дударева М. А. Танатологический дискурс русской словесности конца Нового времени. Введение в апофатику культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 354 с.
9. Гарипова Г. Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 5. С. 467–474. DOI 10.33619/2414-2948/42/69
10. Пролетарская Луна // Родная Вятка. Краеведческий сайт. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/places/119496> (дата обращения: 15.06.2023).

11. Гуревич П., Спирова Э. Наука в горизонте апофатики // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 1. С. 6–25. DOI: 10.21146/2414-3715-2019-5-1-6-25.
12. Шафранская Э. Ф. Современная русская проза: Мифопоэтический ракурс. М.: Ленанд, 2015. 216 с.
13. Ямпольский М. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение, 1998. 379 с.
14. Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Смирнова А. И. Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 4. С. 132–142. DOI 10.20339/PhS.4-22.132.
15. Ильин В. Н. Вавилон и Иерусалим. Демоническое и святое в литературе. СПб.: Русский мир, 2011. 720 с.
16. Сатпрем. Шри Ауробиндо, или путешествие сознания. СПб.: Савитри, 1993. 346 с.
17. Михайлова М. В. Эстетика классического текста. СПб.: Алетейя, 2012. 345 с.

References

1. Zhenis, N., Kiynova, Zh. (2018). *Transkul'turnyi podkhod v ramkakh izucheniya nacional'noj literatury* [Transcultural Approach in the Study of National Literature]. Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. No. 2 (170), pp. 47–51. (In Russian)
2. Shafranskaya, Ye., F., Garipova, G. T. (2023). *Tuvinskii tekst v aspekte transkul'turatsii* [The Tuvan Text in the aspect of Transculturation]. Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. T. 20. No. 3, pp. 497–514. (In Russian)
3. Kabakchi, V. V. (2016). *Literator mezhdu dvukh yazykov i dvukh kul'tur* [A Writer between Two Languages and Two Cultures]. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. No. 2 (50), pp. 70–75. (In Russian)
4. Monisova, I. V., Syryseva, D. Yu. (2018). *Roman Salavata Yuzeeva "Ne perebivai mertvykh" kak proza kinematografista* [Salavat Yuzeev's Novel "Don't Interrupt the Dead" as a Cinematographer's Prose]. Mirovaya literatura na perekrest'e kul'tur i tsivilizatsii. No. 3 (23), pp. 37–43. (In Russian)
5. Tlostanova, M. V. (2000). *Problema mul'tikul'turalizma i literatury i literatury SShA kontsa XX veka* [The Problem of Multiculturalism and Literature in the USA of the Late Twentieth Century]. 400 p. Moscow, IMLI RAN, Nasledie. (In Russian)
6. Dudareva, M. A. (2021). *Apopaticheskoe literaturovedenie. Zametki nefilologa* [Apophatic Literary Criticism. Notes of a Non-Philologist]. 120 p. Moscow, Merinos. (In Russian)
7. Yuzeev, S. (2015). *Ne perebivai mertvykh: Sbornik*. [Do Not Interrupt the Dead: A Collection of Works]. 226 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)
8. Dudareva, M. A. (2021). *Tanatologicheskii diskurs russkoi slovesnosti kontsa Novogo vremeni. Vvedenie v apofatiku kul'tury* [The Thanatological Discourse of Russian Literature of the End of Modern Times. Introduction to the Apophatics of Culture]. 354 p. Mos-

² Concordia discors (лат.) – в значении «согласие несогласного» и/или «примирение непримиримого».

cow, St. Petersburg, Centr gumanitarnykh initsiativ. (In Russian)

9. Garipova, G. T. (2019). *Fenomen integral'nogo myshleniya i postroenie novitsionnykh metodik literaturovedcheskogo issledovaniya v sovremennoi nauchnoi paradigme* [The Phenomenon of Integral Thinking and the Construction of Innovative Methods of Literary Research in the Modern Scientific Paradigm]. *Bulleten' nauki i praktiki*. T. 5. No. 5, pp. 467–474. (In Russian)

10. *Proletarskaya Luna* [Proletarian Moon]. *Rodnaya Vyatka*. Kraevedcheskiy sayt. URL: <https://rodnaya-vyatka.ru/places/119496> (accessed: 15.06.2023). (In Russian)

11. Gurevich, P., Spirova, Ye. (2019). *Nauka v gorizonte apofatiki* [Science in the Horizon of Apophatics]. *Filosofskaya antropologiya*. T. 5. No. 1, pp. 6–25. (In Russian)

12. Shafranskaya, Ye. F. (2015). *Sovremennaya russkaya proza: Mifopoeticheskii rakurs* [Modern Russian

Prose: Mythopoetic Perspective]. 216 p. Moscow, Lenand. (In Russian)

13. Yampol'skii, M. (1998). *Bespamyatstvo kak istok (Chitaya Harmsa)* [Unconsciousness as a Source (Reading Harms)]. 379 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)

14. Shafranskaya, Ye. F., Garipova, G. T., Smirnova, A. I. (2022). *Metafora ostanovivshegosya vremeni v sovremennoi literature* [Metaphors of Stopping Time in Modern Literature]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*. No. 4, pp. 132–142. (In Russian)

15. Il'in, V. N. (2011). *Vavilon i Ierusalim. Demonicheskoe i svyatoe v literature*. [Babylon and Jerusalem. Demoniac and Sacred in Literature]. 720 p. St. Petersburg, Russkii mir. (In Russian)

16. Satprem. (1993). *Shri Aurobindo, ili puteshestvie soznaniya* [Sri Aurobindo, or the Journey of Consciousness]. 346 p. St. Petersburg, Savitri. (In Russian)

17. Mikhailova, M. V. (2012). *Estetika klassicheskogo teksta* [Aesthetics of Classical Text]. 345 p. St. Petersburg, Aletya. (In Russian)

The article was submitted on 18.10.2023

Поступила в редакцию 18.10.2023

Гарипова Гульчира Талгатовна,

доктор филологических наук,

профессор,

Московский городской

педагогический университет;

Российский государственный

университет имени А.Н. Косыгина,

121069, Россия, Москва,

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

ggaripova2017@yandex.ru

Шафранская Элеонора Федоровна,

доктор филологических наук,

профессор,

Московский городской

педагогический университет,

121069, Россия, Москва,

2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

shafranskayaef@mail.ru

Garipova Gulchira Talgatovna,

Doctor of Philology,

Professor,

Moscow City University;

A. Kosygin Russian State University,

4 Vtoroi Sel'skokhozyaystvennyi Proyezd,

Moscow, 121069, Russian Federation.

ggaripova2017@yandex.ru

Shafranskaya Eleonora Fedorovna,

Doctor of Philology,

Professor,

Moscow City University,

4 Vtoroi Sel'skokhozyaystvennyi Proyezd,

Moscow, 121069, Russian Federation.

shafranskayaef@mail.ru

УДК 82-3

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-120-125

ТРАДИЦИИ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРЫ ЗАПАДА В РОМАНЕ МО ЯНЯ «СТРАНА ВИНА»

© Елена Груздева

TRADITIONS OF CHINESE CLASSICAL LITERATURE AND WESTERN LITERATURE IN MO YAN'S NOVEL "THE REPUBLIC OF WINE"

Elena Gruzdeva

The article is devoted to the problem of interaction between the genres of Eastern and Western literature, which is an important part of modern literary criticism. In this paper, the interaction of genres is considered on the basis of Mo Yan's novel "The Republic of Wine" (1992), translated into Russian in 2012 by I. Egorov. The work of the modern Chinese writer is studied in the aspect of "hallucinatory realism", for its development the author was awarded the Nobel Prize (2012). The article studies the influence of classical Chinese literature genres and philosophy and Western literature on modern Chinese literature, based on the novel "The Republic of Wine" by Mo Yan. The novel of the Chinese writer is analyzed in the context of the world literary process. The article discusses the transformation of motifs and characters of Chinese classical literature in the novel by a modern Chinese author. The main characters of the novel are studied in relation to the plot-forming function they perform, the main of them is the detective one. The plot of the detective story is considered in relation to the satirical tradition. The article presents Mo Yan's view of the traditions, mentality and lifestyle of the Chinese people. The purpose of the work is to determine the main aspects of the influence of Chinese and Western literature on the work of Mo Yan "The Republic of Wine". As a result of the study, we describe the plot motifs and images of classical Chinese and Western novels, the ideological principles of Chinese philosophy, which are embodied in Mo Yan's novel "The Republic of Wine".

Keywords: national traditions, Chinese literature, realism, detective genre, Mo Yan

Статья посвящена проблеме взаимодействия жанров восточной и западной литературы, являющейся важной частью современного литературоведения. В данной работе взаимодействие жанров рассматривается на материале романа Мо Яня «Страна вина» (1992), переведенного на русский язык в 2012 году И. А. Егоровым. Произведение современного китайского писателя рассматривается в аспекте «галлюцинаторного реализма», за развитие которого автору была вручена Нобелевская премия (2012). Статья посвящена исследованию влияния жанров китайской классической литературы и философии и литературы Запада на современную китайскую литературу на материале романа Мо Яня «Страна вина». В статье исследовано влияние жанров китайской классической литературы, западноевропейской литературы на роман «Страна вина». Роман китайского писателя анализируется в контексте мирового литературного процесса. В статье рассмотрена трансформация мотивов и образов китайской классической литературы в романе современного китайского автора. Главные персонажи романа исследуются в соотношении с выполняемой ими сюжетообразующей функцией, основной из которых является детективная. Пласт детективного повествования рассматривается в соотношении с сатирической традицией. В статье представлен взгляд Мо Яня на традиции, менталитет, образ жизни китайского народа. Цель работы – определить ключевые аспекты влияния китайской и западной литературы на творчество Мо Яня на основе изучения романа «Страна вина». В результате исследования были описаны сюжетные мотивы и образы классических китайских и западных романов, идейные установки китайской философии, которые нашли свое воплощение в романе Мо Яня «Страна вина».

Ключевые слова: национальные традиции, китайская литература, реализм, жанр детектива, Мо Янь

Для цитирования: Груздева Е. Традиции китайской классической литературы и литературы Запада в романе Мо Яня «Страна вина» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 120–125. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-120-125

Мо Янь (1955) принадлежит к поколению современных китайских писателей, он – доктор филологических наук, лауреат Нобелевской премии (2012). Роман «Страна вина» (1992) является образцом того самого «галлюцинаторного реализма», в котором автор «соединяет сказку, историю и современность» [1], за который Мо Яню и была вручена Нобелевская премия. «Мо Янь» – это творческий псевдоним, в переводе с китайского языка означает «не говори», настоящее имя писателя – Гуань Мое.

Исследователями отмечена свобода творческого метода писателя, он использует в своих произведениях элементы и формы различных родов и жанров словесного искусства, подчиняя их главной задаче – изображению глубинных процессов жизни общества и человека [2, с. 41]. Его произведения относят и к «магическому реализму», и к «литературе поиска корней», и к китайскому постмодернизму [3, с. 73]. Роман «Страна вина» характеризуется наличием черт всех этих художественных направлений.

Мо Янь сам определяет в романе собственный творческий метод как «суровый реализм», с помощью которого писатель «снимает с загнивающей морали привлекательную оболочку так называемой „духовной цивилизации“ и обнажает ее варварскую суть» [4, с. 78]. С этим утверждением автора связан запрет на роман «Страна вина» в начале 1990-х годов, в котором, по мнению цензоров, натуралистично изображены чревоугодничество, пристрастие к алкоголю, коррупция.

Жанровый синкретизм «Страны вина» связан с композиционным построением романа. Он состоит из десяти глав, каждая из которых содержит несколько нарративных историй, повествовательных пластов, восходящих к различным жанрам [2, с. 41]. В романе три основных сюжетобразующих персонажа – известный писатель по имени Мо Янь, винодел и одновременно писатель-любитель, живущий в Цзюго – Ли Идоу и следователь Дин Гоуэр, который отправляется в провинцию Цзюго расследовать дело о поедании младенцев местными чиновниками и партаппаратчиками. Первая нарративная история представляет собой расследование Дина Гоуэра. При помощи эпистолярной формы создается второй нарратив: читатели знакомятся с перепиской Ли Идоу и Мо Яня. Персонаж Мо Янь пишет роман, в котором следователь Дин Гоуэр расследует детективную историю о поедании детей, и делится своими творческими изысканиями с близким ему по духу Ли Идоу. Таким образом, писатель Мо Янь выводит себя в качестве одного из персона-

жей произведения, превращая в художественный образ и тем самым стирая границу между реальностью и вымыслом. Рассказы Ли Идоу о жизни в Цзюго составляют третий пласт повествования, эти рассказы включают в себя различные древние легенды и современные мифы, в том числе и о детях, выращенных для удовлетворения кулинарных потребностей общества. Ли Идоу свои рассказы отправляет для критического анализа Мо Яню. Таким образом, в романе проявляются черты детектива, эпистолярной формы и новеллы [2, с. 41–42]. Все истории, созданные двумя персонажами-писателями, создают единый художественный мир, объединенный пространством и временем. Действие всех историй происходит в Цзюго, дословно в переводе с китайского это слово означает «страна вина» (кит. «酒国»).

В романе «Страна вина» Мо Янь содержатся аллюзии к классическим китайским романам с традиционным авантюрно-фантастическим повествованием: Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (XIV в.), Ши Найяня «Речные заводы» (1585), «Путешествие на Запад» (XVI в.), «Цветы сливы в золотой вазе» (XVII в.), «Сон в красном тереме» (XVIII в.). До создания «Сна в красном тереме» четвертым великим романом считался «Цветы сливы в золотой вазе» (XVII в.), то есть фактически их пять. На протяжении нескольких веков эти романы считаются сокровищницей китайской словесности, и отсылки к ним представлены в различных видах искусства: в литературе, драматургии, кинематографе. Эти произведения содержат общие для китайской культуры элементы: персонажи этих книг следуют даосскому и конфуцианскому учениям, а также своими поступками воплощают китайские нравственно-философские ценности.

Типы героев, созданные в древней китайской литературе, продолжают свое развитие на страницах произведений Мо Яня. В романе «Страна вина» автор использует образы персонажей из книги «Речные заводы», созданной в жанре уся – литературе, повествующей о древних китайских рыцарях, или «благородных разбойниках», как их еще принято называть. Мо Янь заявляет о том, что «эти лихие люди и через пару тысяч лет не переведутся» [4, с. 178]. Подобно древним рыцарям из «Речных заводов», в романе «Страна вина» появляется персонаж, обладающий чудесным навыком прыгать с крыши на крышу и взбираться по гладким стенам домов.

В духе легендарных повествований времен династии Тан описана сцена романа, в которой с крыши дома соскальзывает таинственный человек и которого уносит на своей спине мистиче-

ский черный ослик, появляющийся на Ослиной улице, в этой сцене действует традиционный персонаж китайской литературы – неуловимый странствующий воин [Там же, с. 182–183].

Образы персонажей романа Мо Яня в соответствии с принципами «галлюцинаторного реализма» обозначены нечетко: один может плавно перетекать в другой или быть наделенным его чертами. Например, такими являются персонажи «чешуйчатый малец, поднявший бунт» и «дьяволенок в красном». Подобный принцип создания характеров объясняется в романе самим автором двойкой. Во-первых, это отход от учения о типичных характерах в типичных обстоятельствах. Во-вторых, подобный способ создания характеров связан с национальным китайским образом мышления еще с древнейших времен. В подтверждение данной идеи Мо Янь обращается к цитате из классического романа «Троецарствие»: «*Великие силы Поднебесной, долго будучи разобщенными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадутся*» [5, с. 27]. Стоит назвать и еще одну причину подобного сходства этих персонажей, они ведут свои истоки от одного и того же типа героя – рыцаря литературы уся.

Двойственность как черта характеристики персонажей проявляется в обрисовке владельца дорогого фешенебельного ресторана «Поларшина» – карлика Юя Ичи. Мо Янь, с одной стороны, определяет его как типичного представителя Цзюго, наделенного приветливостью и любезностью, с другой стороны, автор подчеркивает наличие в нем черт жуткого злого духа из романов уся. Образ Юя Ичи усложняется тем, что, во-первых, он одновременно содержит в себе такие антонимичные качества, как доброта и злоба; во-вторых, автор придает ему черты другого персонажа – «чешуйчатого мальчика», в результате чего не всегда понятно, о ком из них в данный момент идет речь.

В романе «Страна вина» Мо Янь выводит свой вымышленный автопортрет, который содержит не только положительные, но и слабые стороны в характере человека, он характеризует себя словами персонажа Юя Ичи, при этом слабые стороны персонажа Мо Яня поданы в юмористическом ключе. Таким образом, Мо Янь ведет своеобразную игру с читателем – он снимает с себя ответственность за изображение неблагоприятных сторон своего характера, поскольку не он сам, а персонаж дает характеристику автору. В этой характеристике, безусловно, проявляется не реальный портрет писателя, а обобщенный тип китайца второй половины XX века, того пе-

риода времени, когда происходят события романа.

Мо Янь, помимо представления в романе «Страна вина» широкого пласта китайской литературы и философии, сам обозначает его встроенность в мировой литературный процесс. Так, например, автор романа провозглашает наличие типологических схождений «Страны вина» с произведениями русской литературы, он заявляет: «...этот рассказ, без сомнения, – „луч света в темном царстве“, сегодняшние „Записки сумасшедшего“» [4, с. 78].

В романе китайского писателя можно увидеть взаимосвязь и с произведениями западной литературы. Прежде всего стоит отметить влияние латиноамериканского магического реализма в лице Габриэля Гарсия Маркеса, оно проявляется в том, что, подобно Макондо, Мо Янь на примере Цзюго создает собственный художественный мир. Этот мир достаточно отдален и замкнут, он наполнен собственными традициями, мифами, легендами.

Во-вторых, книга «Страна вина» содержит описание обильных пиров в духе «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, с восхвалением изысканных блюд и напитков, с утверждением идеи получения физиологических удовольствий от жизни. Значительное место в повествовании автор уделяет образу вина и мотиву винопития. В самом начале романа представлена сцена банкета с обильным распитием алкоголя. Эта сцена романа имеет сакральный смысл, следовательно Дин Гоуэр оказывается принятым в мир Цзюго, по словам А. ван Генеппа, подобные застолья являются обрядом включения [6, с. 31].

Вино является одним из главных сюжетобразующих образов в творчестве Мо Яня. образу вина отведено центральное место уже в первом романе писателя – «Красный гаолян» (1987). В «Стране вина» содержатся отсылки к этому роману и присутствует переосмысление образа вина. Если в «Красном гаоляне» вино – материальный предмет, являющийся напитком, способом получения радостных эмоций, предметом производства и торговли, источником финансового благосостояния, то в «Стране вина» этот образ становится предметом философского осмысления, ему придаются мистические, духовные, возвышенные характеристики [4, с. 352].

В своих философских размышлениях о вине Мо Янь определяет роль вина в различных религиозных учениях. Он отмечает, что буддисты воспринимают вино как источник зла, в христианстве оно почитается как сакральный символ – кровь Спасителя, для китайцев роль вина определяется по-особенному: «*Но мы, в конце концов,*

материалисты и подчеркиваем, что вино духовно лишь потому, что благодаря ему душа управляет крыльями и воспаряет» [Там же, с. 354].

В описании вина Мо Янь использует специфический художественный прием – персонификацию – перенесение на неживой предмет свойств и функций живого. Подобный художественный прием позволяет китайскому писателю передать широкий диапазон внутренних переживаний, психологических состояний человека.

В-третьих, в романе «Страна вина» содержатся шекспировские реминисценции. Так, например, один из персонажей – тесть Ли Идоу – восклицает в лесу: «Я – стоящий в пленительном лунном свете китайский король Лир» [Там же, с. 390].

В-четвертых, Мо Янь продолжает традицию изображения карликов в мировой литературе, которая была наиболее ярко выражена в немецком романтизме. Карликом в романе является владелец ресторана – Юй Ичи [Там же, с. 173]. Ему придаются черты Цахеса, обладающего недоброй мистической силой, Маленького Мука, легко перемещающегося в пространстве, Карлика-Носа, который терпел насмешки в детстве, черты гномов, являющихся обладателями мистических знаний и хранителями сокровищ.

Вскоре после публикации «Страны вина» в Китае в 1992 году роман приобрел известность на Западе. Исследователями отмечено, что произведение получило почти единодушную похвалу от западных литературных критиков [3, с. 77]. Внимание аудитории было привлечено к роману в том числе и детективной сюжетной линией, содержащей шокирующие для западноевропейского читателя факты, граничащие с представлением о реальности. Прежде всего это касается Цзюго – места действия романа, являющегося центром виноделия и прославившегося своей экзотической кулинарией. Описанные в романе факты предстают настолько нереальными, что Мо Янь источником информации о них обозначает книгу неизвестного автора под названием «Записи о необычайных делах в Цзюго» [4, с. 247]. Из этого повествования становится известно, что в Цзюго готовится особое блюдо, которое вызывает неопишуемый восторг у каждого, его попробовавшего, – блюдо, приготовленное из младенцев [Там же, с. 203].

Этот факт является источником развития сюжета – следователь Дин Гоуэр прибывает в Цзюго, чтобы расследовать преступные деяния по умерщвлению и поеданию младенцев, но в результате он сам оказывается поглощенным атмосферой этого таинственного места и оказывается вовлеченным в жизнь горожан.

В романе «Страна вина», как и в других произведениях Мо Яня, широко представлены традиции, менталитет, образ жизни китайского народа, характерными чертами которых являются: коллективизм, большое внимание уделяется процессу принятия пищи и вина, жизнь наполнена неоправданной здравым смыслом жестокостью, особенно по отношению к животным. Это связано с необычными по европейским меркам вкусовыми предпочтениями китайцев прошлых веков и традицией жертвоприношения. Так, персонаж романа Мо Янь вспоминает: «Когда я был маленьким, отец рассказывал, что на столе у богатей бывают такие деликатесы, как верблюжье копыто, медвежья лапа, мозг обезьяны, ласточкины гнезда и тому подобное» [Там же, с. 344].

Важное значение коллективизма неоднократно подчеркивается в романе. Так, например, в одной из сцен романа рассказывается о личной неприязни к прибывшему в город следователю Дину Гоуэру со стороны замначальника отдела пропаганды, однако он говорит: «У меня, конечно, есть возможность сейчас же отправить тебя обратно <...>, но личные интересы следует подчинять интересам общества, поэтому я не стану чинить препятствий, и ты можешь продолжить выполнение своей миссии» [Там же, с. 223].

Роман «Страна вина», как уже было сказано выше, шокирует западноевропейских читателей обилием сцен жестокости, возведенную в крайнюю степень: сцена на дороге с мулом [Там же, с. 156–160], убийство буйвола [Там же, с. 334–337], похищение ласточкиных гнезд, из которых выпадали яйца [Там же, с. 338–339], разделывание ослов [Там же, с. 439–440]. Читать эти сцены романа невозможно, они вызывают сильное чувство жалости к животным и чувство физического отвращения к действиям людей, при этом интересно показана роль китайцев в подобных сценах: они выражают полную невозмутимость и равнодушие. Подобное поведение объясняется в романе неурожайными периодами, приводящими к голоду [Там же, с. 344], особенностями китайской философии и менталитетом. Во-первых, автор романа рассуждает о том, что выступающая на первый план жестокость – это особый путь к красоте. В одном из своих посланий от лица персонажа Ли Идоу он поясняет: «Мы стремимся к красоте, и только к красоте, но если эта красота не сотворена, она не настоящая» [Там же, с. 207–208]. Во-вторых, в романе говорится об отсутствии экологического сознания в Китае второй половины XX века. Так, от автор заявляет: «... ни за что не стану есть ласточкины гнезда: во-первых, потому что дорого, а во-

вторых, потому что с ними связано столько жестокости» [Там же, с. 346].

Проанализировав художественные особенности романа Мо Яня «Страна вина», можно сказать о том, что китайский писатель в своем литературном творчестве опирается на традиции классической китайской и мировой литературы. Типы героев, идейные основы литературных текстов прошлых веков китайский писатель переосмысливает в аспекте современных условий жизни китайского общества. Изучение литературных влияний на творчество Мо Яня позволяет глубже понять образы и идеи писателя, а также образ мышления современных китайцев. Перспективой данного исследования может стать анализ влияния русской литературы на творчество Мо Яня.

Список источников

1. Мо Янь // Noblit.ru: Noblit.ru, 2006–2023. URL: <http://noblit.ru/Yan> (дата обращения: 18.07.2023).
2. Кондратова Т. И. Полижанровая природа романа Мо Яня «Страна вина» // Теория жанра и метод в зарубежной литературе: история и современность / Сборник научных трудов по литературоведению. М., 2023. С. 37–45.
3. Щептева В. Э., Крашенинников А. Е. Проблематика романа Мо Яня «Страна вина» // Современная наука и образование: проблемы, решения, тенденции развития / Сборник статей международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 72–79.
4. Янь Мо. Страна вина / Пер. с китайского И. Егорова. М.: Эксмо, 2022. 448 с.
5. Ло Гуань-чжун. Троецарствие / Пер. с китайского В.А. Панасюка. СПб.: Наука, 2014. Т. 1. 845 с.
6. Геннеп А. Ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обряда. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. 198 с.

References

1. Mo Yan. Noblit.ru: Noblit.ru, 2006–2023. URL: <http://noblit.ru/Yan> (accessed 18.07.2023). (In Russian)
2. Kondratova, T. I. (2023). *Polizhanrovaya priroda romana Mo Yanya "Strana vina"* [Polygenre Nature of Mo Yan's Novel "The Republic of Wine"]. *Teoriya zhanra i metod v zarubezhnoi literature: istoriya i sovremennost'*. Sbornik nauchnykh trudov po literaturovedeniyu. Pp. 37–45. Moscow. (In Russian)
3. Shchepeteva, V. E., Krashenninikov, A. E. (2022). *Problematika romana Mo Yanya "Strana vina"* [The Problems Raised in Mo Yan's Novel "The Republic of Wine"]. *Sovremennaya nauka i obrazovanie: problemy, resheniya, tendentsii razvitiya*. Sbornik statei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Pp. 72–79. Petrozavodsk. (In Russian)
4. Yan, Mo. (2022). *Strana vina* [The Republic of Wine]. 448 p. Per. s kitaiskogo I. Egorova. Moscow, Eksmo. (In Russian)

5. Lo, Guan'-chzhun. (2014). *Troetsarstvie* [Three Kingdoms]. T. 1. 845 p. Per. s kitaiskogo V. A. Panasyuka. St. Petersburg, Nauka. (In Russian)

6. Gennep, A. Van. (1999). *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryada* [Rites of Passage. Systematic Study of the Rite]. 198 p. Moscow, izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN. (In Russian)

Библиографический список

1. Ван Ю. Безэквивалентная лексика в переводе произведений Мо Яня (на примере «Страна вина») // Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы / Труды и материалы международной конференции: в 2 т. Казань, 2022. С. 28–30.
2. Крашенинников А. Е., Щептева В. Э. Постмодернистские черты в романе Мо Яня «Страна вина» // На перекрестке Севера и Востока (методологии и практики регионального развития) // Материалы IV Международной научно-практической конференции. Северо-Восточный государственный университет. Красноярск, 2023. С. 227–231.
3. Сюй Л., Казакова Т. А. Культурно-значимые языковые единицы в произведениях Мо Яня в переводе на русский язык // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2021. Т. 13. № 4. С. 464–483.
4. Тарасенко Т. В. Вино в романе Мо Янь «Страна вина» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход / Материалы VI международной научно-практической конференции. Симферополь, 2022. С. 300–303.
5. Щептева В. Э., Крашенинников А. Е. Литературная мечта Мо Яня // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2022 / Сборник научных статей 11-й Международной молодежной научной конференции. Курск, 2022. С. 151–155.
6. Ягуфаров Р. А. Лексико-стилистические особенности произведений жанра магического реализма на материале произведений Мо Яня // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 6–2 (40). С. 94–97.

Bibliography

1. Van, Yu. (2022). *Bezekvivalentnaya leksika v perevode proizvedenii Mo Yanya (na primere "Strana vina")* [Non-equivalent Vocabulary in the Translation of Mo Yan's Works (based on "The Republic of Wine")]. *Nauchnoe nasledie V. A. Bogoroditskogo i sovremennyyi vektor issledovaniy Kazanskoi lingvisticheskoi shkoly. Trudy i materialy mezhdunarodnoi konferentsii: v 2 t.* Pp. 29–30. Kazan'. (In Russian)
2. Krashenninikov, A. E., Shchepeteva, V. E. (2023). *Postmodernistskie cherty v romane Mo Yanya "Strana vina"* [Postmodern Features in Mo Yan's Novel "The Republic of Wine"]. *Na perекrestke Severa i Vostoka (metodologii i praktiki regional'nogo razvitiya)*. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Severo-Vostochnyi gosudarstvennyi universitet. Pp. 227–231. Krasnoyarsk. (In Russian)

3. Syuy, L., Kazakova, T. A. (2021). *Kul'turno-znachimye yazykovye edinitsy v proizvedeniyakh Mo Yanya v perevode na russkii yazyk* [Culturally Significant Linguistic Units in the Works of Mo Yan Translated into Russian]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika*. T. 13. No. 4, pp. 464–483. (In Russian)
4. Tarasenko, T. V. (2022). *Vino v romane Mo Jan' "Strana vina"* [Wine in Mo Yan's Novel "The Republic of Wine"]. *Perevodcheskii diskurs: mezhdisciplinarnyi podkhod. Materialy VI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Pp. 300–303. Simferopol'. (In Russian)
5. Shchepteva, V. E., Krashennnikov, A. E. (2022). *Literaturnaya mehta Mo Yanya* [Mo Yan's Literary Dream]. *Pokolenie budushchego: Vzglyad molodykh uchenykh* – 2022. *Sbornik nauchnykh statei 11-i Mezhdunarodnoi molodezhnoi nauchnoi konferentsii*. Pp. 151–155. Kursk. (In Russian)
6. Yagufarov, R. A. (2018). *Leksiko-stilisticheskie osobennosti proizvedenii zhanra magicheskogo realizma na materiale proizvedenii Mo Yanya* [Lexico-Stylistic Features of Works of the Magical Realism Genre Based on the Works of Mo Yan]. *Evraziiskoe Nauchnoe Ob#edinenie*. No. 6–2 (40), pp. 94–97. (In Russian)

The article was submitted on 21.10.2023

Поступила в редакцию 21.10.2023

Груздева Елена Александровна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
reemyvera24@mail.ru

Gruzdeva Elena Alexandrovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
reemyvera24@mail.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-126-131

РУССКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА И КУМЫКИ: ОБРАЗЫ И ПРОТОТИПЫ

© Гарун-Рашид Гусейнов, Анна Мугумова

RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE OF THE 19th CENTURY AND KUMYKS: IMAGES AND PROTOTYPES

Garun-Rashid Guseinov, Anna Mugumova

In the literature on the issue, the ethnikon Dagestan is traditionally used, which is interpreted as an ethnonym identified with the highlanders of Dagestan. However, the languages of the latter were called Dagestanian only beginning with the second half of the twentieth century. This calls into question the historical subjectivity of the Kumyks who were traditionally called “Dagestan Tatars” as far back as in the 19th century. That is what they are called, along with the Dagestan highlanders-Lezgins, in the “Notes from the House of the Dead” by Fyodor Dostoevsky. Kumyks, under the name of “Tatars”, are also mentioned later - in Leo Tolstoy’s story “The Prisoner of the Caucasus”. A very significant fact is not only the images of the Kumyks in Russian fiction of the time under consideration, but also their historical prototypes’ fame, established by K. Aliyev. These works of fiction include A. Pushkin’s sketches and the plan of the “Romance on the Caucasian Waters” (1831), published in 1881, whose plot was connected with Shah-Vali, the son of Shamkhal of Tarkovsky Mehdi II. Crimea-shamkhal Ummalat-bek Buynaksky, an associate of the first Imam Gazi-Muhammad, was the prototype of the protagonist in A. Bestuzhev-Marlinsky’s story “Ammalat-Bek”. Bela is also considered to be a Kumychka who, together with her brother Azamat, belongs to the central images of M. Lermontov’s story of the same name. K. Aliyev found the Kumyk prototypes of some participants in the battle, to which M. Lermontov dedicated his poem “Valerik” (1842). We also draw attention to the Kumyk prototype of Colonel Khasanov, one of the characters in Leo Tolstoy’s story “The Raid. A Volunteer’s Story”.

Keywords: Russian classical literature of the 19th century, Kumyks, images and prototypes

В литературе по данному вопросу традиционно используется этникон *дагестанец*, который интерпретируется как этноним и идентифицируется с горцами Дагестана. Однако их языки стали именоваться дагестанскими только со второй половины XX века. Тем самым ставится под сомнение историческая субъектность кумыков, которые еще XIX веке традиционно именовались «дагестанскими татарами». Именно так, наряду с дагестанскими горцами-лезгинами, они называются в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевским. Кумыки под названием «татар» упоминаются и в последующее время – в рассказе Л. Н. Толстого «Кавказский пленник». Весьма существенным фактом являются не только образы кумыков в русской художественной литературе рассматриваемого времени, но также известность их исторических прототипов, установленных К. М. Алиевым. К их числу относятся опубликованные в 1881 г. наброски и план (1831 г.) «Романа на Кавказских водах» А. С. Пушкина, сюжет которого был связан с Шах-Вали – сыном шамхала Тарковского Мехти II. Крым-шамхал Уммалат-бек Буйнакский, сподвижник первого имама Гази-Мухаммада, был прототипом главного героя повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек». Кумычкой считается и Бэла, относящаяся вместе со своим братом Азаматом к центральным образам одноименной повести М. Ю. Лермонтова. К. М. Алиев установил и кумыкские прототипы некоторых участников сражения, которым было посвящено стихотворение М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1842). Автором данной публикации было обращено внимание на кумыкский прототип полковника Хасанова – одного из действующих лиц рассказа Л. Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера».

Ключевые слова: русская классическая литература, XIX век, кумыки, образы и прототипы

Для цитирования: Гусейнов Г.-Р., Мугумова А. Русская классическая литература XIX века и кумыки: образы и прототипы // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 126–131. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-126-131

Проблема, ставшая предметом настоящего исследования, может считаться изученной лишь в литературоведческом отношении, если иметь в виду, что, с этой точки зрения, в число задач входил, с одной стороны, вопрос, связанный с эволюцией принципа изображения характера дагестанского горца в русской литературе, связанный с движением от романтизма и реализму, с другой – в контексте эволюции жанров [1, с. 2–3].

Однако в историко-лингвистическом аспекте, каковой определяет актуальность данного исследования, понятия «*дагестанский* (горец)» и *дагестанец* приобрели нормативный характер позднее XIX века в силу того, что отразились в русских академических словарях лишь советского времени. Термин – «*дагестанский* (горец)» – в 1954 г. (первое издание «Словаря современного русского литературного языка» [2, с. 25], позже (1993 г.) – *дагестанцы* – во втором издании его издания [3, с. 169].

Последнее обозначение не этноним, как это зачастую понимается в пределах Республики Дагестан в обыденном повседневном сознании, но *этникон*, обозначающий лицо в соответствии с местностью, страной, территорией, городом его проживания или происхождения; ср.: *воронежцы*, *новгородцы* и т. п., тем более что его формантом является суффикс *-ец/-инец*, характеризующий лицо в контексте его отношения к мотивирующему слову [4, с. 332].

Показательно, что первые единичные случаи употребления этникона «дагестанец» в русской литературе о Кавказе имели место лишь в первой половине XIX века – в период Кавказской войны (1817–1864), что первоначально имело место в поэме А. И. Полежаева «Чир-Юрт» (1831–1832). Затем в «Письмах» (1836) А. А. Бестужева-Марлинского: «Боюсь, что мой дагестанец слишком дороден для „Телеграфа“»). Следующий «всплеск» его использования имеет место в начале XX века – в романе Ф. Ф. Тютчева «На скалах и долинах Дагестана» (1903) («Истребить вы их сможете, если никто не заступится, в Турцию прогнать то же самое можно, но чтобы дагестанец мирно жил рядом с христианином?») и очерке В. В. Вересаева «На японской войне (1907) («Дагестанец совершенно растерялся и неуверенно протянул руку») (см.: [5]).

Для вышеупомянутого комплексного этникона «*дагестанский* (горец)» следует отметить лишь единичный (в первой половине XX века) случай употребления, имевший место в мемуарах И. Л. Солоневича «Россия в концлагере» (1935). Что касается адектива «*дагестанский*», то известны лишь два случая его употребления в

1836 г. – в «Письмах» и повести «Аммалат-Бек» А. А. Бестужева-Марлинского, а также в «Кавказских письмах» 1845–1855 гг. М. С. Воронцова к А. П. Ермолову. После Кавказской войны – у Н. И. Воронова «Из путешествия по Дагестану» (1870), в дамских романах Л. А. Чарской «Княжна Джаваха» (1903) и «Вторая Нина» (1909), одном из очерков журнала «Русское слово» и дневнике Н. А. Ивановой (Панчулидзева) за 1917 г. Сюда же относятся другие фиксации 1920–30-х гг., включая документальные источники и произведения А. И. Куприна и Вл. А. Гиляровского, разножанровые источники 1950–80-х гг. Очередной всплеск употребления данного адектива начинается в 1990-х гг. и продолжается по настоящее время (см.: [Там же]).

Героями же подавляющего большинства классических произведений русской литературы XIX века, которые станут предметом последующего рассмотрения, являются кумыки, представляющие элитарную часть этноса рассматриваемого времени, в силу чего у значительного числа их образов обнаруживаются прототипы. При этом вхождение в русское общественное сознание не этникона, как *дагестанец* или *дагестанский горец*, но эндоэтнонима (самоназвания этноса) *кумык(и)* было гораздо более ранним по сравнению с другими народами Дагестана. Об этом говорит то, что данный этноним известен в русской письменной традиции уже в XVI–XVII вв., а с конца XVII в. – и западноевропейской [6].

Выявлены и установлены прототипы данных и иных образов горцев и кумыков, которые в более значительной, чем горцы, степени имеют свои прототипы. Последнее обстоятельство было обусловлено более высоким уровнем общественного развития кумыков, обусловившим достаточно раннее развитие классовой структуры в их обществе и появление у них, в отличие от горцев, соответствующей элиты. Довольно значительная ее часть в ходе Кавказской войны оказалась на русской службе в качестве офицеров и даже генералов, и личности некоторых из них (см. в последующем изложении) стали прототипами отдельных образов русской классической литературы XIX века эпохи Кавказской войны. Это позволило авторам включить в основную цель своего исследования установление не только образов кумыков, известных также в рассматриваемую эпоху под названием дагестанских татар, но и в качестве подчиненной ей задачи прототипы некоторых из них, не только уже известные из трудов исследователей-кумыковедов, но также установленные авторами настоящей публикации и связанные с кавказским творчеством Л. Н. Толстого, составляя тем самым их личный

вклад в рассмотрение соответствующей проблемы.

Этноэтноним *кумык* продолжает в дальнейшем, после XVI–XVII вв., использоваться начиная с XVIII в. Об этом говорит его фиксация в сборниках российских законодательных актов данного времени [7].

И уже в XIX в. он упоминается русскими писателями, побывавшими в Дагестане («Письма из Дагестана» (1831) А. А. Бестужева-Марлинского) [5]) и Засулакской Кумыкии, включенной во второй половине этого века в состав Терской области, в то время как собственно Дагестан, равнинная часть которого была населена кумыками, – в Дагестанскую область. Еще до этого в «Путевых записках» (1818) А. С. Грибоедова упоминается женский вариант данного этнонима – *кумычка* [5], употребленный в очерках «Охота на Кавказе» (1857) Н. Н. Толстого.

Примерно тогда же он приобретает статус *политонима* (в современном понимании – название всех граждан какого-либо государства), отразившись в контексте русско-кумыкских отношений (XVII век), освещенных в исторических сочинениях Н. М. Карамзина (1823) и С. М. Соловьева (1859). Он окончательно закрепляется в 1864 году в одном из энциклопедических словарей второй половины XIX века [8, с. 1837].

Кумыки также именовались в русской традиции «татарами», как и все тюркоязычные народы (ср. крымские, казанские, сибирские татары). Затем они именуются «дагестанскими татарами», в отличие, например, от соседних азербайджанских татар, которые называются в настоящее время просто азербайджанцами. Термин «дагестанские татары» был более книжным и приобрел в дальнейшем, до советского времени, традиционный характер. Причина заключалась в действии научной традиции рассматриваемой эпохи, согласно которой тюркские языки именовались «турецко-татарскими».

Не случайно, надо полагать, Ф. М. Достоевский в число героев своих «Записок из Мертвого дома» (1861–1862 гг.), посвященных пребыванию на каторге в Сибири, включает «кавказских горцев» – «черкесов». В их числе им упоминаются «трое *дагестанских татар*», которые, как полагает один из исследователей, были кумыками. Автор же указывает на то, что «дагестанские татары ... были родные братья», и выделяет среди них младшего Алея (ср. кум. личное имя *Алявдин/Алевдин*), который выучился «прекрасно говорить по-русски» (см.: [9]).

Показательно, что (см. и в предшествующем изложении) этноним *кумык* употребляется в русской литературе более ранней эпохи, но лишь в

составе дагестанских топонимов произведений А. А. Бестужева-Марлинского – в «Аммалат-Беке» (1831), когда упоминается <кумыкское> селение Кыфир-Кумык», и «Мулле-Нуре» (1836) с называемым в нем <лакским> селением *Казы-Кумык* (см.: [5]). В простонародном же дискурсе для кумыков и других собственно дагестанцев – носителей соответствующих языков – использовался вышеупомянутый этноним *татары*, как, например, в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник» (1873 г.) [10, с. 314, 315, 322, 325, 327, 313, 315].

В то же время кумыки, также именуемые «татарами», известны в качестве героев одного из произведений Л. Н. Толстого – «Кавказский пленник» (1872 г.). Их именник связывается с главным кумыкским государственным образованием – шамхальством Тарковским, учитывая его национальный состав, что позволяет отождествить его с жителями этого государства. В качестве подтверждения данного положения имеются антропонимические данные, характерные для дагестанских, но не чеченских и кабардинских имен. Речь при этом идет об Абдул-Мурате, Казы-Мугамеде, Дине – дочери Абдул-Мурата. В свою очередь, имя Дина кумыкское и представлено среди других тюркских народов, а Абдул-Мурат не отмечено в дагестанском антропонимиконе, при том что имя Казы-Мугамед имеет аварское звучание. Использование же этнонима «татары» могло быть обусловлено и тем, что рассказ был предназначен для детей (см.: [11, с. 202–211]).

Известно и то, что Л. Н. Толстой был студентом Казанского университета, изучавшим турецко-татарские языки на соответствующем факультета, в период своего пребывания на Северном Кавказе (1851–1853 гг.) овладел кумыкским и ногайским языками [12, с. 337]. Они функционировали здесь как до, так и после эпохи Кавказской войны в качестве основных коммуникативных средств в регионе Северного Кавказа и Дагестана. Это их знание отразилось в творчестве Л. Н. Толстого, связанном с Кавказом.

В отношении кумыкских прототипов следует отметить, что первым подобным произведением является «Роман на Кавказских водах» А. С. Пушкина, наброски и план которого, относящиеся к 1831 г., были опубликованы в 1881 г. (см.: [13]). В них отражаются события, имеющие отношение к княжне Алине (Александре) Александровне Римской-Корсаковой. Она в 1827–1828 годах ездила на воды, и какой-то «магометанский князек с Каспийского моря» сватался к ней [14, с. 91–92].

По мнению К. М. Алиева, сюжет связан с кумыком Шах-Вали – сыном шамхала Тарковского Мехти II. Он учился в 1830 г. в Царскосельской Гвардейской школе подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, и в числе его сокурсников были будущие поэт М. Ю. Лермонтов и фельдмаршал князь А. Барятинский, пленивший в 1859 г. имама Шамиля. В числе учеников были также князь Д. Чавчавадзе, барон А. Розен и многие другие потомки знаменитых княжеских и дворянских родов России (см.: [15]).

Еще одним кумыком, одним из героев русской классической литературы XIX века и прототипом повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1831), являлся претендент на престол шамхала, владетеля Дагестана, крым-шамхал Уммалат-бек из кумыкской исторической области Бойнак/Буйнак в южном Дагестане. Он был сподвижником Гази-Мухаммада, ставшего первым имамом, вождем восстания. В 1828 г. Уммалат-бек бежал в турецкие пределы, где погиб в Анапе, в 1829 г., когда эта крепость была взята русской армией.

Общеизвестно, что кумычкой является и Бэла, относящаяся вместе со своим братом Азаматом к центральным образам одноименной повести М. Ю. Лермонтова (1838). Ее кумыкское происхождение было убедительно доказано Р. Ф. Юсуфовым (см.: [16]).

Кроме того, К. М. Алиев обратился к известным строкам стихотворения М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1840, оп. 1842), которое было посвящено знаменитому сражению эпохи Кавказской войны, имевшему место в нынешней Чечне на реке, носившей данное название. Его участниками, наряду с М. Ю. Лермонтовым, который был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени, с бантом, а затем орденом Станислава 3-й степени (но не утверждено царем), были и кумыкские офицеры русской службы – дети генерал-майора Мусы-Хасаева корнеты Хасай и Султан-Мурад Уцмиевы, а также корнет Абу-Муслим Капланов (см.: [17]). Причем, как отметил К. М. Алиев еще в одной своей работе, «мирный татарин, совершающий намаз», в этом стихотворении является кумыком [18, с. 76].

В свою очередь, вышеупомянутого Хасайхана (Хасайбека) Уцмиева следует считать прототипом полковника Хасанова, который является одним из эпизодических действующих лиц, упомянутых в первом кавказском рассказе Л. Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера» (1852, оп. 1853). Этот рассказ был посвящен набегу русских войск (из притеречного укрепления близ кумыкского селения Старый Юрт через крепость Грозную) на аул горцев в Чечне (см.: [19]).

Заключение

До последнего времени в литературе исследователи, говоря о героях русской классической литературы, связанных с Дагестаном, используют этникон (о характере обозначения лица в соответствии данным понятием см. в предшествующем изложении) *дагестанец*. Последний обычно интерпретируется в повседневной практике, во-первых, как этноним и, во-вторых, идентифицируется с дагестанскими горцами. Их языки лишь со второй половины XX века стали именовать дагестанскими, называясь до этого лезгинскими. Носители же местных тюркских языков, в частности кумыки, при такой трактовке в какой-то мере лишаются своей субъектности, хотя в соответствии с русской дореволюционной традицией XIX века были известны как «дагестанские татары».

Именно они упоминаются у Ф. М. Достоевского в «Записках из Мертвого дома», когда он называет в числе действующих лиц двух лезгин, под которыми следует понимать дагестанских горцев, а также одного чеченца и троих *дагестанских татар* – кумыков. Обращает на себя внимание и то, что включает в число своих любимых героев младшего из них – Алея. Не случайно, как было показано в предшествующем изложении, кумыки под названием «татар» стали героями знаменитого рассказа Л. Н. Толстого «Кавказский пленник».

Возможно, этому способствовало изучение автором рассказа турецко-татарского языка в Казанском университете, а также последующее овладение им в период пребывания на Северном Кавказе кумыкским и ногайским языками, бывшими в это время языками межэтнического общения в регионе. Их знание отразилось в творчестве Л. Н. Толстого, связанного с Кавказом.

Весьма существенным обстоятельством являются в рассматриваемом отношении не только образы кумыков в русской художественной литературе, но также известность их исторических кумыкских прототипов, установленных кумыкским ученым-историком и общественным деятелем К. М. Алиевым. К их числу относятся опубликованные в 1881 г. наброски и план 1831 г. «Романа на Кавказских водах» А. С. Пушкина, сюжет которого был связан с Шах-Вали – сыном шамхала Тарковского Мехти II. Крым-шамхал Уммалат-бек Буйнакский, сподвижник первого имама Гази-Мухаммада, был прототипом главного героя повести А. А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек» (1831).

Кумычкой считается и Бэла, относящаяся вместе со своим братом Азаматом к централь-

ным образам одноименной повести М. Ю. Лермонтова (1838). К. М. Алиев выявил и кумыкские прототипы некоторых участников сражения, которым было посвящено стихотворение М. Ю. Лермонтова «Валерик» (1842). Одним из авторов данной публикации был установлен и кумыкский прототип полковника Хасанова, относящегося к числу эпизодических действующих лиц рассказа Л. Н. Толстого «Набег. Рассказ волонтера» (1853) эпохи Кавказской войны в Чечне.

Список источников

1. Ханмурзаев Г. Г. Дагестан в русской литературе XIX века: (Проблема национального характера): автореф. дис. ... докт. филол. наук: М., 1990. 35 с.
2. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., М.: Изд. АН СССР, 1954. Т. 3. 1340 с.
3. Словарь современного русского литературного языка. Изд. 2-е. М., 2005. Т. 4. 573 с.
4. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. I. 789 с.
5. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search> (дата обращения: 26.04.2023).
6. Гусейнов Г.-Р.А.-К. К истории отражения концептов «Дагестан», «дагестанцы», «(дагестанские) татары» и «кумыки» в русской и западноевропейских языковых картинах мира до начала XIX века // Материалы Международной научной конференции «Языковая семантика и образ мира». Казань, 2008. Ч. 2. С. 64–67.
7. Словарь русского языка XVIII века. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (дата обращения: 26.04.2023).
8. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1950. Т. 5. С. 1837.
9. Мугумова А. Л. Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», Дагестан и «дагестанский татарин» Алей в этноисторическом контексте русской художественной литературы о Кавказской войне // Культурологические исследования в Сибири. 2011. № 4 (35). С. 46–49.
10. Дагестан в русской литературе. Дореволюционный период. Махачкала, 1960. Т. I. С. 283.
11. Мугумова А. Л. Ориентализмы «Кавказского пленника» Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова в сравнительном освещении: традиции и инновации // Материалы XXXV Международных Толстовских чтений «Духовное наследие Л. Н. Толстого в современных культурных дискурсах». Тула: Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2016. С. 202–211.
12. Кононов А. Н. Изучение тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982.
13. Пушкин А. С. Роман на Кавказских водах. URL: <http://www.pushkin.niv.ru/pushkin/text/nakavkazskih-vodah.htm> (дата обращения: 26.04.2023).

14. Измайлов П. «Роман на Кавказских водах». Невыполненный замысел Пушкина. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/serial/s37/s372068-.htm> (дата обращения: 26.04.2023).

15. Алиев Камиль. Герой «Романа на Кавказских водах». Шах-вали Тарковский. Неизвестные страницы дагестанской историко-литературной Пушкиниады // А. С. Пушкин. Восток. Кавказ. Дагестан. К 200-летию поэта. Махачкала, 1999. С. 123–127.

16. Юсуфов Р. Ф. Где происходит действие «Бэлы» Лермонтова? (фрагмент статьи «Лермонтов и Дагестан», 1964 г.) // Ученые записки ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. XII (серия филологическая). Махачкала, 1964. С. 107–146.

17. Алиев К. М. Михаил Лермонтов и его кумыкские сослуживцы-участники сражения 1840 года на реке Валерик // Ёлдаш от 18.07.2014.

18. Алиев К. М. Кумыки в военной истории России (вторая половина XVI – начало XX вв.). Махачкала, 2010. 274 с.

19. Гусейнов Г.-Р. А.-К. О возможном прототипе одного из эпизодических действующих лиц рассказа Л. Н. Толстого «Набег». Генерал Хасайхан (Хасайбек) Уцмиев и его судьба // Толстовский сборник – 2012. Тула, 2012. С. 109–113.

References

1. Khanmurzaev, G. G. (1990). *Dagestan v russkoi literature XIX veka: (Problema natsional'nogo kharaktera): avtoref. dis. ...dokt. fil. nauk* [Dagestan in Russian Literature of the 19th Century: (The Problem of National Character): Doctoral Thesis Abstract]. Moscow, 35 p. (In Russian)
2. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (1954) [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. М.-Л., Т. 3, p.25. Тt.1-17 Moscow, izd. AN SSSR. (In Russian)
3. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (1993) [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. Izd. 2-e. М. Т. 24. (In Russian)
4. *Russkaya grammatika* (1980) [Russian Grammar]. Т. I, p. 332 Moscow, Nauka. (In Russian)
5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/results?search> (accessed: 26.04.2023). (In Russian)
6. Guseinov, G.-R. A.-K. (2008). *K istorii otrazheniya kontseptov "Dagestan", "dagestantsy", "(dagestanskie) tatary" i "kumyky" v russkoi i zapadnoevropeiskikh yazykovykh kartinakh mira do nachala XIX veka* [On the History of the Concepts "Dagestan", "Dagestanians", "(Dagestan) Tatars" and "Kumyks" Reflection in Russian and Western European Linguistic Pictures of the World until the Beginning of the 19th Century]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Yazykovaya semantika i obraz mira"*. Ch. 2, pp. 64–67. Kazan'. (In Russian)
7. *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the 18th Century Russian Language]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm> (accessed: 26.04.2023). (In Russian)

8. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* (1950) [Dictionary of Modern Russian Literary Language]. M.-L. T. 5, p. 1837. (In Russian)
9. Mugumova, A. L. (2011). *F. M. Dostoevskii, "Zapiski iz Mertvogo doma", Dagestan i "dagestanskii tatarin" Alei v etnoistoricheskom kontekste russkoi khudozhestvennoi literatury o Kavkazskoi voine* [F. M. Dostoevsky, "Notes from the House of the Dead," Dagestan and the "Dagestan Tatar" Alei in the Ethnohistorical Context of Russian Fiction about the Caucasian War]. *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri*. No. 4 (35), pp. 46–49. (In Russian)
10. *Dagestan v russkoi literature. Dorevoliutsionnyi period* (1960) [Dagestan in Russian Literature. Pre-Revolutionary Period]. T. 1, p. 283. Makhachkala. (In Russian)
11. Mugumova, A. L. (2016). *Orientalizmy "Kavkazskogo plennika" L. N. Tolstogo, A. S. Pushkina i M. Yu. Lermontova v sravnitel'nom osveshchenii: traditsii i innovatsii* [Orientalisms of "The Prisoner of the Caucasus" by L. N. Tolstoy, A. S. Pushkin and M. Yu. Lermontov in Comparative Light: Traditions and Innovations]. *Materialy XXXV Mezhdunarodnykh Tolstovskikh chtenii "Dukhovnoe nasledie L. N. Tolstogo v sovremennykh kul'turnykh diskursakh"*. Pp. 202–211. Tula, izdatel'stvo TGPU im. L. N. Tolstogo. (In Russian)
12. Kononov, A. N. (1982). *Izucheniye tyurkskikh yazykov v Rossii. Dooktiabr'skii period* [Turkic Languages Studies in Russia. Pre-October Period]. Leningrad. (In Russian)
13. Pushkin, A. S. *Roman na Kavkazskikh vodakh* [A Romance at the Caucasian Waters]. URL: <http://www.pushkin.niv.ru/pushkin/text/na-kavkazskikh-vodah.htm> (accessed: 26.04.2023). (In Russian)
14. Izmailov, P. "Roman na Kavkazskikh vodakh". *Nevypolnenniy zamysel Pushkina* ["A Romance at the Caucasian Waters". Pushkin's Unfulfilled Plan]. URL: <http://www.feb-web.ru/feb/pushkin/serial/s37/s372068-.htm>. (accessed: 26.04.2023). (In Russian)
15. Aliev, Kamil'. (1999). *Geroi "Romana na Kavkazskikh vodakh". Shakh-vali Tarkovskii. Neizvestnye stranitsy dagestanskoi istoriko-literaturnoi Pushkiniady* [The Protagonist of "The Romance at the Caucasian Waters". Shah Wali Tarkovsky. Unknown Pages of the Dagestan Historical and Literary Pushkiniada]. A. S. Pushkin. Vostok. Kavkaz. Dagestan. K 200-letiyu poeta. Pp. 123–127. Makhachkala. (In Russian)
16. Yusufov, R. F. (1964). *Gde proiskhodit deistvie "Bely" Lermontova? (fragment stat'i "Lermontov i Dagestan", 1964 g.)* [Where does Lermontov's "Bela" Take Place? (a fragment of the article "Lermontov and Dagestan", 1964)]. *Uchenye zapiski IIIaL Dag. FAN SSSR*. T. XII (seriya filologicheskaya). Pp. 107–146. Makhachkala. (In Russian)
17. Aliev, K. M. (2014). *Mikhail Lermontov i ego kumykskie sosluzhivtsy-uchastniki srazheniya 1840 goda na reke Valerik* [Mikhail Lermontov and His Kumyk Colleagues Who Took Part in the 1840 Battle on the Valerik River]. *Eldash* ot 18.07. (In Russian)
18. Aliev, K. M. (2010). *Kumyki v voennoi istorii Rossii (vtoraya polovina XVI – nachalo XX vv.)* [Kumyks in the Military History of Russia (the second half of the 16th– early 20th centuries)]. Makhachkala. (In Russian)
19. Guseinov, G.-R. A.-K. (2012). *O vozmozhnom prototipe odnogo iz epizodicheskikh deistvuiushchikh lits rasskaza L. N. Tolstogo "Nabeg". General Khasaikhhan (Khasaibek) Utsmiev i ego sud'ba* [About a Possible Prototype for One of the Episodic Characters in Leo Tolstoy's Story "The Raid." General Khasaikhhan (Khasaybek) Utsmiev and His Fate]. *Tolstovskii sbornik*, pp. 109–113. Tula. (In Russian)

The article was submitted on 05.11.2023
Поступила в редакцию 05.11.2023

Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович,
доктор филологических наук,
профессор,
Дагестанский федеральный университет,
367000, Россия, Махачкала,
Гаджиева, 43а.
garun48@mail.ru

Мугумова Анна Львовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Дагестанский государственный
педагогический университет,
367000, Россия, Махачкала,
Ярагского, 57.
garun48@mail.ru

Guseinov Garun-Rashid Abdul-Kadyrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Dagestan State University,
43a Gadzhiev Str.,
Makhachkala, 367000, Russian Federation.
garun48@mail.ru

Mugumova Anna Lvovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Dagestan State Pedagogical University,
57 Yaragskii Str.,
Makhachkala, 367000, Russian Federation.
garun48@mail.ru

УДК 398.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-132-140

ЛЕГЕНДАРНЫЕ ПРЕДАНИЯ О СВЯТЫХ В ТАТАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

© Ильсеяр Закирова, Ильназ Фазлутдинов

LEGENDARY TALES ABOUT SAINTS IN TATAR FOLKLORE

Ilseyar Zakirova, Inaz Fazlutdinov

The relevance of the research topic is the cultural and social need to comprehend one of the Tatar history and culture key phenomena in terms of holiness and subjects, reflecting the image of “the saint”, the tasks of restoring the people’s spiritual values, the most important ones for the moral education of modern society, as well as the need to replenish knowledge about the specific features of folk spirituality and folk beliefs. The object of the study is Tatar legendary tales about saints. The subject of the study is the image of a saint and motifs about saints in Tatar legendary tales. The purpose of the work is to identify the features, reflecting the image of the saint in Tatar tales, and the prerequisites, forming the basis of the holiness phenomenon. The research task of the article is to review legendary tales about saints, determine their genre features and identify the specific features of reflecting religious trends in modern folk thinking based on the transformation of the image of a saint and ideas of holiness in the oral folk art of the Tatars living in different regions of Russia.

The article concludes that the characters of the tales are endowed with holiness due to their sincere faith in God, a feeling of sincere love for him, they do not pursue the goal of demonstrating their abilities.

Keywords: tale, legend, cult, holiness, miraculousness, belief, worldview, auliya, divana

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью осмысления одного из ключевых для татарской истории и культуры феномена святости и сюжетов, отражающих образ «святого», задачами по восстановлению духовных ценностей народа, важнейших для нравственного воспитания современного общества, а также потребностью в восполнении знаний о специфике народной духовности и народных верований. Объект исследования – легендарные предания татарского народа о святых. Предмет исследования – образ святого и мотивы о святых в татарских легендарных преданиях. Цель работы – выявить особенности отражения образа святого в татарских преданиях и предпосылки, составляющие основу феномена святости. Задача статьи – обзор легендарных преданий о святых, определение жанровых особенностей легендарных преданий, выявление специфики отражения религиозных тенденций современного народного мышления на примере трансформации образа святого и представлений святости в устном народном творчестве татар, проживающих в различных регионах России. Авторы приходят к выводу, что герои преданий наделены святостью благодаря искренней вере в Бога, чувству чистосердечной любви к нему и не преследуют цель демонстрации своих способностей.

Ключевые слова: предание, легенда, культ, святость, чудотворность, верование, мировоззрение, аулия, дивана

Для цитирования: Закирова И., Фазлутдинов И. Легендарные предания о святых в татарском фольклоре // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 132–140. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-132-140

Культ святых в Исламе и отражение этого явления в народной культуре хорошо исследованы в этнографической и исторической науке. Этой теме посвящены труды выдающихся ученых XX века И. Гольдциера, В. Н. Баилова, Г. П. Снесарева. По их следам пошли известные этнологи С. Н. Абашин и В. О. Бобровников, которые сумели детально проанализировать мате-

риалы, связанные со святынями Азии и Кавказа, и расширили научный инструментарий.

Народные верования и предания татарского народа о святых Ислама и сакральных объектах зафиксированы в трудах Н. П. Рычкова; из современных ученых были записаны диалектологом Ф. С. Баязитовой, сотрудниками отдела народного творчества Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии на-

ук Республики Татарстан Р. Ф. Ягафаровым, Н. Ф. Ибрагимовым и др.

Культу святых в сибирском Исламе посвящена монография А. Г. Селезнева, И. А. Селезневой и И. В. Белича «Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального», в которой он рассматривается в этнологическом аспекте. Авторы анализируют предания и представления о святых – общеисламских персонажах, о религиозных подвижниках. Особое внимание уделяется могилам подвижников Ислама – *астана*.

В коллективной монографии Р. К. Уразмановой, Г. Ф. Габдрахмановой, Ф. Х. Завгаровой и А. Р. Мухаметзяновой «Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы» также целенаправленно исследованы сакральные объекты, однако находящиеся непосредственно на территории Республики Татарстан.

Сакральным объектам и отображению этих объектов в исторических преданиях посвящена и наша статья «Сакральные культы в преданиях об историях сел северо-западного Башкортостана», направленная на изучение проблемы наречения деревень с точки зрения сочетания в топонимах историзма и мифологических традиций, а именно сакральных культов, отражающих в себе анимистические, тотемистические и фетишистические верования древнего населения региона.

Как верно отмечает И. А. Панков, культ мусульманских святых рассматривается «как синтез трех элементов: святой как объект мусульманской агиологии, святилище, где находится усыпальница святого, и ритуал поклонения святому» [1, с. 140]. В данной статье авторы не ставят перед собой цель изучения культа святых, а также не рассматривают сакрализацию мусульманских культовых объектов, а останавливаются непосредственно на жанровой разновидности – легендарных преданиях, в частности исследуют отдельные сюжеты и мотивы о святых, анализируют особенности этих преданий с фольклористской точки зрения.

Исторические предания татарского народа, главной особенностью которых является ярко выраженная установка на историческую действительность, имеют особую разновидность, которая осталась без внимания ученых. Эти произведения, несмотря на описание исторических событий и жизни реальных личностей, созвучны с легендами и мифологическими рассказами, основанными на мифологических и религиозно-легендарных мотивах. По отношению к этим произведениям можно использовать термин «легендарные предания».

В понятие «легендарные предания» мы включаем произведения устного народного творест-

ва, сюжет которых состоит из своеобразного синтеза исторических и религиозных мотивов.

На легендарные элементы исторических преданий первой обратила внимание известная исследовательница славянского фольклора профессор Цветана Романска. Она разделяет исторические предания на две группы: предания, которые сохранили историческую основу, и предания, в которых преобладают легендарные элементы – это по большей части обработки международных мотивов и сюжетов [2, с. 5–46]. Одними из первых в татарской фольклористике предания, сформировавшиеся под влиянием религиозных мотивов, которые соответствуют определению «легендарных преданий», выделили М. А. Васильев и Г. Рахим. В 1926 году ученые опубликовали «Пособие для сбора фольклора и народной литературы», где рассматриваются принципы классификации исторических преданий [3, с. 50].

Наличие в исторических преданиях легендарных элементов не противоречит особенностям названного жанра. В то же время остается открытым вопрос о том, как стоит рассматривать произведения данной категории – как легендарное предание или как историческое предание с легендарным элементом? В татарской фольклористике термин «легендарное предание» первым ввел в научный оборот И. К. Фазлутдинов, который отмечает, что в отдельных произведениях свойственные историческим преданиям особенности – локализация исторических событий и трактовка названий местности сочетаются с мотивами чудотворности легенд. Особенно ярко это подтверждают тексты о святых и священных могилах (или захоронениях), об источниках и родниках, сокровищах и сокровищницах, об алыпях-великанах или, наоборот, о гномах, то есть о крошечных людях. Несмотря на то что выдумка в них имеет фантастический оттенок, легендарные предания имеют реальный характер, тесно связаны с историей народа, с его жизненными реалиями. «Чистые» анимистические, тотемистические, фетишистские и антропоморфические представления, характерные для легенд, здесь практически не проявляются. Поэтому по своему характеру, идейно-эстетическому содержанию, выполняемой функции они ближе к преданиям, чем к легендам [4, с. 33–34]. Соглашаясь с мнением И. К. Фазлутдинова, мы также считаем правильным относить эти предания к категории легендарных. Однако должны отметить, что оба данных термина верны и раскрывают содержание одного и того же жанра.

В татарских легендарных преданиях описывается жизнь святых – *эулия* («угодник; близкий; родной; святой»), *шәйх* (шейхов), *ишанов*, со-

вершенные ими чудеса, их чудотворная сила после смерти и сакрализация могил. В татарском фольклоре святых принято называть «изге, әулия». И. Гольдциэр, исследуя термин «авлия», отмечает, что «вали из набожного преданного богу человека превратился в вали, обладающего атрибутом чудотворения, в посредника между богом и людьми» [5, с. 29]. В то же время связанные с суфизмом термины «ишан, шәйх, мәрид», также указывают на принадлежность названных лиц к святым. В преданиях, записанных в Тюменской области, используется слово «дивана».

В отличие от русского православия в культуре Ислама святые не канонизируются.

В легендарных преданиях существует несколько популярных сюжетов: излечение людей святыми и ишанами (шейхами), рождение ребенка после чудодейственной молитвы, предсказывание мыслей, желаний и действий человека, сакрализация могил, сверхъестественные способности, демонстрируемые святыми. В преданиях описывается жизнь мусульманских святых: шейхов, ишанов и чудо – то есть му'джизат (могжиза) или карамат (карәмәт), на которое эти святые способны. В традиционной исламской терминологии му'джизат – это способность пророков творить чудеса; те же действия, совершаемые святыми, называются карамат. В татарских преданиях в основном используется термин могжиза (му'джизат). В данной статье мы исследуем предания о святых, которые имели сверхъестественные способности – 'могжиза', перемещались по воде или в воздухе.

Феномен святости, который до сих пор вызывает множество вопросов, является одним из самых спорных явлений в Исламе. Традиционный Ислам отвергает почитание святых, даже те люди, которые живут согласно воле Аллаха и готовы пожертвовать ради Всевышнего своей жизнью, «в своей земной жизни не более могущественны, чем остальные люди. Даже после своей смерти они не могут действовать вместо бога и претендовать на сверхчеловеческие почести» [Там же, с. 24]. Несмотря на отрицание Исламом, культ святых все же сформировался, что, в свою очередь, явно прослеживается и в татарском фольклоре. Если судить по сохранившимся в татарской народной культуре сведениям, к святым причислялись реальные личности, отличавшиеся своим праведным поведением и служением Всевышнему. Таким людям еще при жизни приписывались сверхъестественные способности. Они, как правило, входили в число святых благодаря своим поступкам, глубокому вероисповеданию или в соответствии со своими титу-

лами и чинами и должны были отвечать требованиям, предъявляемым этой категории людей. И. Гольдциэр также обращает внимание на «титолованных» святых: «различные ишаны, пиры, ходжи и т.п. чины мусульманской иерархии уже при жизни считаются у мусульман „святыми“» [Там же, с. 18].

В легендарных преданиях описывается жизнь реальных людей. Чаще всего о своих прадедах или односельчанах рассказывают жители той деревни, их соседи, внуки или правнуки. Информанты, чтобы подтвердить подлинность своих слов, повествуют об истории своего рода / своей семьи, показывают шәжәрә – родословные, указывают конкретное место, объект, связанные со святым, например дом, где он жил, его могилу. По совокупности признаков представляется возможным вычислить время их рождения и жизни. В своих рассказах информанты часто опираются на свидетельские показания. С другой стороны, в создании сюжета участвуют традиционные легендарные мотивы о преодолении святыми пространства и времени, об их способностях летать и ходить по воде.

Татарские легендарные предания, ввиду религиозного содержания, долгое время оставались без внимания исследователей, не записывались и не изучались. То, что они сохранились в письменных источниках досоветского периода, и, с другой стороны, то, что они дошли до наших дней сквозь народную память, свидетельствует о популярности и широком распространении произведений данного характера. Текстов, описывающих преодоление святыми пространства и времени, об их способностях парить над землей или ходить по воде, сохранилось не много. В последние годы во время фольклорных экспедиций было записано несколько вариантов. В 2017 году в Иркутской области и в 2019 году в Тюменской области И. Г. Закировой было зафиксировано четыре текста на указанную тему. В томе «Татарское народное творчество. Предания и легенды» размещен текст, записанный студентами Башкирского государственного университета (ныне УУНиТ) в деревне Старый Акбуляк Караидельского района Башкортостана [6, с. 24]. Еще одно предание со схожим сюжетом записано в 1982 году Р. Ф. Ягафаровым у Гильмии Фатхутдиновой (1904 года рождения) в городе Казани [Там же, с. 36]. В 1999 году в Тюменской области Р. С. Барсуковой зафиксировано предание со схожим сюжетом [7, с. 153]. Известны несколько текстов, опубликованных в «Календаре» за 1881 год Каюма Насыри. В предании «Үлмәс абыз» («Ульмас абыз») рассказывается о святых, которые во время сражения против вражеского

нашествия, преодолев большое расстояние (около 50 километров), намазы совершали дома [8, с. 39]. В этом же календаре опубликовано предание о шейхе Касиме, который, чудом преодолев дальние расстояния, каждый раз совершал намаз в разных местах: *«Вот и Касим шейх-хазрет ушел оттуда и около озера Кабан совершает обязательный утренний намаз, в Булгаре совершает суннат утреннего намаза, полуденный намаз („аз-зухр“) совершает в Бухаре»*. Предание было записано известным предпринимателем того времени Мухаметзяном Аитовым у своего отца Сулеймана Аитова в первой половине XIX века [Там же, с. 68–69]. Касим шейх (Касыйм бине Ибрахим эл-Казани) является известной исторической личностью, ученым и поэтом, который жил и творил в середине XVI века (известен год смерти – 1589 г.) [9, с. 32].

Все эти варианты предания, модифицируя отдельные детали, преимущественно сохраняют в качестве основы событие, что святые, используя некую форму телекинеза или телепортации, перемещались в пространстве и во времени. В преданиях, сохранившихся до наших дней, способность героя к «могжиза» в основном проявляется при его стремлении вовремя успеть или хотя бы спешно попасть на намаз, то есть демонстрация «могжиза» не является целью героя.

Предания, описывающие способность людей к сверхъестественному или чудодейственному, демонстрируемое ими «могжиза»-чудо, созвучны с суфийской литературой. Например, в книге Фариды ад-дина Аттара (1140–1234) «Тазкират ал-аулийа» рассказывается о суфиях, способных парить над землей или ходить по воде. Этот мотив тесно связан с именем единственной святой женщины суфизма Рабиа-ал-Адавии и раскрывается при описании ее жизни. Однако Рабиа-ал-Адавия подчеркивает, что ее способность к полету и способности Хасана к хождению по воде не имеют значения для истинной миссии суфизма. Рабийя сказала: «Знай, то, что можешь сделать ты, также доступно рыбам, а то, что предложила я, делает и муха. Реальность выше, чем это соперничество в способностях. Ищи чуда в смирении и покорности» [10, с. 20]. Творчество Фариды ад-дина Аттара было хорошо знакомо татарскому народу. Как показывают исследования А. Т. Тагирджанова, отдельные труды Аттара, например, его «„Панд-наме“ читали в Поволжье не только учащиеся медресе – шакирды, но и девушки, учившиеся у жен улемов; татарские женщины отдельные отрывки из этой поэмы знали наизусть. Шакирды переписывали „Панд-наме“ с подстрочным татарским переводом. После открытия в Казани типографии произведения

Фарида ад-дина Аттара неоднократно издавались с подстрочными переводами» [11, с. 151].

Еще один образец данного сюжета находится в книге «Хаким ата» («Отец Хаким»), которую принято считать биографией Сулеймана Бакыргани. В предании о святом отце Хакиме описывается, как *«Хаким-ата сунну (советуемую часть) утренней молитвы совершал в городской мечети, а фарды (обязательную часть) при Каабе в Мекке. Хубби-ходжа, его младший сын спросил Хаким-ата: „Отец, где ты совершаешь фард утренней молитвы?“*

– *Летаю в Мекку к каабе и там молюсь, – отвечал Хаким-ата»* [12, с. 115].

Тюркские народы, в том числе и татары, называли отцом Хакимом известного суфийского шейха Сулеймана Бакыргани (1091–1186), ученика Ходжа Ахмеда Ясави. Будучи очень популярной у татарского народа, «Хаким ата китабы» («Книга о Хакиме ата») до открытия в Казани первых типографий переписывалась, в XIX веке неоднократно издавалась в казанских типографиях. Ввиду своей широкой популярности отдельные мотивы и сюжеты из «Книги о Хакиме ата», перейдя жанровые границы и трансформируясь, распространились среди татарского народа в качестве преданий или легенд.

Татары, проживающие в Тюменской области, рассматривают образ Хакима ата в связи с *астана*, могилами мусульманских миссионеров. Баишевская астана (астана или могила Хаким-ата), которая находится близ села Баиш Вагайского района, известна по публикации Н. Ф. Катанова [13, с. 1–28]. Во время экспедиций, проведенных в Тюменской области, в особенности в Вагайском районе, информанты также рассказывают о *«самом главном святом Хаким ата»*, о его астане (записано И. Г. Закировой у Тазетдиновой Куйганяк Сулеймановны, 1935 года рождения, в деревне Вершинская в 2020 г.).

Именно суфийская литература и традиции суфизма сыграли большую роль в распространении этого сюжета и проникновении мотивов о святых в татарский фольклор. Однако они, будучи сюжетами, сформировавшимися до суфийской литературы, уходят своими корнями глубоко в прошлое. Как отмечает И. Гольдциер, «Ислам, сталкиваясь с традициями, устранение которых было избранной им самим исторической задачей, в процессе своего исторического развития трансформировал чужие религиозные предания и обычаи, перерабатывал и изменял их в духе своих идей» [5, с. 61]. Народный Ислам сохраняет многие элементы старых преданий, они получают новое толкование. Это относится и к сюжетам о святых. «Традиционные сюжеты, связан-

ные с образом святого, подвергаются переосмыслению и нарративной трансформации. Определенная модификация происходит и с отдельными образами и мотивами известных легенд о святых» [14].

Если отдельные святые, например Ходжа Ахмет Ясави, известны всем тюркским народам, проповедующим Ислам, существуют и локальные или местные святые, известные только какому-либо отдельному региону. Информанты часто делятся рассказами о своих родственниках или односельчанах. Одной из особенностей данной категории преданий является повествование о родстве информанта и человека, причисленного к святым, либо о какой-либо принадлежности к последнему. Например, Р. С. Барсукова записала один из вариантов предания у своей матери Фатихи Рафиковны Барсуковой (1935 года рождения) в деревне Ачир Тобольского района Тюменской области в 2000 году. И отец, и дед информанта были муллами. Еще в начале повествования предания «Пожилой мулла» («Мулла карт») информант оговаривает, что речь идет о ее собственном деде: *«Тәф атабыз (Тәу әтибис) тың мулла булган. Пир вакытны баласы билән торага баратлар икән»* [7, с. 157] («Прадед (дедушка) был настоящим муллой. Однажды он со своим сыном отправился в город» (перевод наш. – И. З., И. Ф.)).

Предания, записанные в Сибири, связаны с татарами-выходцами из населенных пунктов, относящихся к территории современного Башкортостана. Информант Шаехзаман Насипов (1921 года рождения) из деревни Черемшанка Заларинского района Иркутской области свое повествование начинает с рассказа о переселении своих предков в Иркутскую область.

Подобный пролог не случаен, так как информант рассказывает о событиях, которые произошли еще до переселения его предков: *«Это очень-очень давно. Әле Россияда булган»* [15, с. 221] («Это было очень-очень давно. Еще, когда жили в России» (перевод наш. – И. З., И. Ф.)). *«Минем әткәйнең атасы Мөхәммәтнасып. Шул Мөхәммәтнасыпның атасы Мөхәммәтсалих булган. Ул не только очып кына йөргән, су өстеннән йөгереп тә йөргән ул. Бәләкәй генә Салих карт булган. 150 лет тому назад. Әткәй сөйли иде. Ул вакытта 7-8 яшьтә булгандыр ул»* [Там же, с. 221] («Отца моего папы звали Мухаметнасиб. Отцом Мухаметнасиба был Мухаметсалих. Он не только летал над землей, но и бегал по воде. Дед Салих был некрупным. Происходило это 150 лет тому назад. Это еще отец рассказывал. Ему тогда, наверное, было 7-8 лет» (перевод наш. – И. З., И.

Ф.)). Информант указывает приблизительное время – около 150 лет назад. Иногда время описываемых событий можно выяснить по отношению к другому более значительному событию, о котором упоминается в том же тексте. В таком случае время этих событий можно называть как *условно точное*, потому что его можно установить исходя из известных дат. Например, «Это очень-очень давно. Әле Россияда булган». Если учитывать, что предки информанта переселились в Иркутскую область в 1911 году, то отцу героя тогда было около 20 лет, отсюда следует, что описываемое событие происходило примерно в 1895–1890 гг., так как информанту известен возраст отца на момент описываемого происшествия – ему было 7-8 лет, и то, что они вскоре переселились в Иркутскую область.

Акцентируется характерная для преданий установка на историческую достоверность рассказываемого. Информант называет точное место, где происходило описанное событие, предание преподносится как семейная история о своем родственнике – прадеде, называются имена героев: *«Үрмәт авылында яшәгәннәр. Карт атамның авылына, әткәйнең атасына кунакка килгән ул Мөхәммәтсалих бабай»* [Там же, с. 221] («Жили они в деревне Урметово. Пришел дед Мухаметсалих в гости в деревню моего деда, к отцу моего отца» (перевод наш. – И. З., И. Ф.)).

В предании не упоминается о святости героя. Информант делает упор на глубокую религиозность народа, на искреннее желание деда успеть на вечерний намаз. *«Татарлар биш вакыт намаз укый бит, ул вакытта татар намазын калдырмаган...»* [Там же, с. 222] («Татары по 5 раз совершают намаз, в те времена татары не пропускали намаз...» (перевод наш. – И. З., И. Ф.)). *«Картатам әйтте ди, кич булды инде. Намазга соңга калмаем. Икенде намазына өлгерергә кирәк, дип әйтте ди. Авыллары 12 чакырым, ди. Улым, мин очып китсәм, син курыкмассыңмы, дип әйтте, ди. Вот, әзерәк йөгереп барды да, очты да, китте, диде»* [Там же, с. 222] («Потом дед говорит, уже вечереет. Как бы мне не опоздать на намаз. Говорит, нужно успеть на вечерний намаз. А та деревня в 12 километрах. Сынок, если я улечу, ты не испугаешься? Вот, пробежался он немного и улетел, говорит» (перевод наш. – И. З., И. Ф.)).

При описании своего рода информант делится еще одной занимательной информацией. Если прадеда звали Мухаметсалих, деда Мухаметнасиб, то последующие поколения детей по мужской линии имели имена с основным образующим компонентом 'шейх': информанта зовут Шаехзаман, его отца звали Шайхлиман, а дядей –

Шайхгалим, Мухаметшаех и т.д. Шейхом в суфизме называют человека, получившего право заниматься наставничеством внутри отдельного тариката (братства). Учитывая то, что татарский народ подходил к имянаречению очень обдуманно, остается открытым вопрос, не служат ли эти имена для сохранения информации о наличии в роду суфиев или о принадлежности дедов и прадедов к шейхам.

Еще один вариант предания о святом прадеде был рассказан дочерью Шаехзамана Насипова – Кутлиахметовой Анисой Шаехзамановной, (1956 года рождения, г. Усолье Сибирское). В этом предании речь идет о другой ситуации, связанной с тем же персонажем, – о хождении героя по водной глади: *«Кирәк булган аңарга чыгарга Агыйдел суы аркылы. Кешеләргә соранган кәмәгә, урын аңарга табылмаган. Торган да, судан жәяү чәп-чәп-чәп киткән теге якка»* [Там же, с. 222] (*«Нужно ему было перейти через воды реки Агидель. Просился к людям в лодку, да нигде ему места не нашлось. Встал и пошел на противоположную сторону пешком по воде»* (перевод наш. – И. З., И. Ф.)).

В этих преданиях героями являются святые, которые известны только в определенном регионе, в определенной местности, отчего такие сюжеты передаются скорее как семейные предания.

В предании, записанном студентами Башкирского государственного университета, основание деревни Туюшево Караидельского района Республики Башкортостан объясняется в связи с именем Туеш, принадлежащим местному святому (аулия), который также ходил по воде: *«Туеш бабай көн дә, Байлы елгасының тирәнлегенә карамастан, батмый-нитми судан чыгып, елганың теге ягында намаз укый торган булган»* [16, с. 34] (*«Несмотря на глубину реки Байки, дед Туеш каждый день, ни разу не утонув, переходил по ней на другой берег, чтобы прочесть намаз»* (перевод наш. – И. З., И. Ф.)).

В деревнях Тобольского района Тюменской области были записаны несколько вариантов предания об ишане по имени Имаметдин, закрепившегося в памяти людей как дед Дивана. Благодаря простодушию, доброте, состраданию и милосердию он считался святым. Сам Имаметдин ишан говорил: «Не называйте меня ишаном, называйте меня дивана». Термин дивана также связан с суфизмом, укрепившим народную веру в святость юродства, и объясняется экстатическим состоянием святого [17, с. 30]. Предания гласят о чудотворной силе и всевозможных сверхъестественных способностях деда Дивана. Например, рассказывается, что дед Дивана с легкостью перебежал через реки, долетал в нужные

ему места. В предании, записанном в деревне Тубылтура Тобольского района Тюменской области у Халилова Хамита Халиловича, речь идет об упомянутом человеке: *«Дивана бабай елга-ларны кичеп чыккан су өстеннән. Андый кешеләрне бездә әулия дип әйтәбез. Имаметдин бабай үзе әйткән: Мине ишан димәгез, дивана бабай дип әйтегез, дигән»* (*«Дед Дивана пересекал реки по водной глади. Таких людей у нас здесь называют аулия – святыми. Сам дед Имаметдин говорил, не называйте меня ишаном, говорите – дед Дивана»* (перевод наш. – И. З., И. Ф.)) (личный архив авторов).

В другом варианте предания, записанном в той же деревне (информантом выступают Исхакова Идия Сафиулловна, 1934 года рождения, и Мустафина Ркыя Мухаметгалиевна, 1938 года рождения), описывается способность Имаметдин ишана к волшебству: *«Өч тапкыр хажга барган. Укымышлы булган, бөтен нимәне белгән. Баланы йөкләп Тубылны атлап кына чыккан. Ул бик каты тулкынны туктаткан, волналарны бетергән. Кешенең уен да белеп торган»* (*«Три раза совершал Хадж. Был образованным, знал все. Взяв ребенка, Тобол переходил пешком. Он мог остановить самые сильные волны, разогнать их. Мог узнать и мысли человека»* (перевод наш. – И. З., И. Ф.)) (личный архив авторов).

Исследование легендарных преданий о святых позволяет сделать вывод, что у них есть одно общее: информанты делают акцент на глубокую набожность святых; чудо-могущества, демонстрируемое ими, связано только с совершением намаза, именно во время усиливающейся спешки на намаз они преодолевают определенные расстояния в полете или идя по воде. В произведениях данной категории, по сути, сохраняются все свойства, присущие историческим преданиям: наличие исторического ареала упоминаемого сюжета, повествование об известных личностях, зачастую об односельчанах и родственниках информантов, присутствие объектов, подтверждающих существование названного героя – все это специфические черты, относящиеся к историческим преданиям. В то же время, в данных преданиях описывается мотив о способности святого демонстрировать сверхъестественное, сверхчеловеческое, волшебное, проникший из легенд. Слияние особенностей, характерных для этих двух жанров, в едином произведении позволяет нам смело рассуждать о легендарных преданиях как о самостоятельной разновидности исторических преданий.

Взросшая в последнее время популярность подобных сюжетов также закономерна.

В настоящее время одним из негативных явлений глобализации является посредственное внимание и отношение к духовным ценностям народа, формируются мнимые ценности и проникают инородные идеалы. Усугубляются противоречия в обществе, в отношениях между поколениями, в социальных группах, искажаются семейные ценности. Обращение к вере, к духовным ценностям, диалог с собственной памятью становятся настоящей необходимостью для восстановления духовности, моральных и общечеловеческих ценностей. Народ начинает искать в своем прошлом духовные ориентиры, ценностные начала. В преданиях сохраняются народные взгляды на нравственные и этические нормы, святость для современных информантов является нравственным ориентиром, святые – носителями высоких морально-волевых качеств. Именно образы святых являются воплощением нравственных идеалов. Как наблюдение отчетливо проявляется одно – неслучайно то, что народ не просто вспоминает, но и сизнова обращается к этим, забвенным на долгие годы, сюжетам.

Список источников

1. Панков И. А. Культ святых в исламе: социальное пространство мазара // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9 (42). С. 140.
2. Романска Цв. Българските народни исторически предани // Българско народно творчество, Т. XI, София, 1963. 196 с.
3. Васильев М. А., Рәхим Г. Фольклор һәм халык әдәбияты жью өчен кулланма // Әлифба тәртибе, имла кагыйдәсе, атамалар мәсәләсе, халык әдәбиятын жью турында инструкциялар жыентыгы. Казан: Татарстан Мәгариф Халык Комиссариаты басмасы, 1926. 55 б.
4. Фазлетдинов И. К. Башкортстан татарлары фольклоры: риваятьләр, легендалар, мифологик хикәятләр, сөйләкләр / төз., кереш мәкалә һәм искәртмәләр авторы И.К. Фазлетдинов; фәнни мөхәррир Ә.М. Сөләйманов. Уфа: Китап, 2018. 344 б.
5. Гольдциер И. Культ святых в исламе. М.: ОГИЗ-ГАИЗ, 1938. 180 с.
6. Татар халык ижаты: Риваятьләр һәм легендалар / Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләрне язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. 368 б.
7. Барсукова Р. С. Заболотный говор тобольско-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Казань: Фикер, 2004. 160 с.
8. Насыри Каюм. Календарь 1881 ел өчен. Казан, 1880.
9. Фәхрәддин Ризәддин. Асар. 1 том. Казан: Рухият, 2006. 360 б.

10. Фарид ад-дин Аттар. Тазкират ал-аулия, или Рассказы о святых / Перевод Ольги Васильевой. М.: САМПО, 2005. . 240 с.

11. Тагирджанов А. Г. Рукописи поэм Аттара в собрании библиотеки Восточного факультета ЛГУ // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 2. М.: Наука, ГРВЛ, 1982. . С. 150–153.

12. Залеман К. Г. Легенда про Хакимъ-Ат'а, Известия Императорской Академии Наук, 1898, Т. 9, вып. 2. С. 105–150.

13. Катанов Н. Ф. О религиозных войнах шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири // ЕТГМ, 1904, Вып. XIV. С. 1–28.

14. Калашникова А. Л., Поселенова Е. Ю. Христианские легенды и предания о храме святого Ильи пророка в контексте региональной паломнической культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16295> (дата обращения: 15.10.2023).

15. Милли мәдәни мирасыбыз: Иркутск өлкәсе татарлары. Казан, 2021. Б. 221–222.

16. Башкортстан татарлары фольклоры. Төньяк һәм төньяк-көнчыгыш районнар / төзүче, кереш мәкалә һәм аңлатмалар авторы И. К. Фазлетдинов. Казан: ТӘҺСИ, 2021. Б. 34.

17. Басилов В. Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.

References

1. Pankov, I. A. (2018). *Kul't svyatykh v islame: sotsial'noe prostranstvo Mazara* [The Cult of Saints in Islam: The Mazar Social Space]. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie"*. Pp. 139–154. (In Russian)
2. Romanska, Tsv. (1963). *Bolgarskite narodni istoricheski predani* [Bulgarian Folk Historical Traditions]. *Bolgarsko narodno tvorchestvo*. 196 p. Sofiya. (In Bulgarian)
3. Vasil'ev, M. A., Rəkhim, G. (1926). *Fol'klor һәм khalyk әdәbiyaty жууу өчен кулланма* [A Manual for Collecting Folklore and Folk Literature. Alphabetical Order, Spelling Rules, Questions of Names, a Collection of Instructions for Collecting Folk Literature]. *Әлифба тәртибе, имла кагыйдәсе, атамалар мәсәләсе, khalyk әdәbiyatyn жууу турында instruktsiyalar жуentygy*. 55 p. Kazan, Tatarstan Məgarif Khalyk Komissariaty basmasy. (In Tatar)
4. Fazletdinov, I. K. (2018). *Bashkortstan tatarlary fol'klory: rivayat'lar, legendalar, mifologik khikaytlar, soylaklar* [Folklore of the Tatars from Bashkortostan: Traditions, Legends, Mythological Tales, Stories]. Төз., keresh makala һәм iskərmələr avtory I. K. Fazletdinov; fənni mөkhərrir Ә. М. Sөлəimanov. 344 p. Ufa, Kitap. (In Tatar)
5. Gol'dtsier, I. (1938). *Kul't svyatykh v islame* [The Cult of Saints in Islam]. 180 p. Moscow, OGIz-GAIZ. (In Russian)

6. Gyləjətdinov, S. M. (1987). *Tatar khalyk ijaqatı: Rıvayət'lər həm legendalar* [Tatar Folk Art: Legends and Tales]. 368 p. Kazan, Tat. kit. nəshr. (In Tatar)
7. Barsukova, R. S. (2004). *Zabolotnyi govor tobolo-irtyshskogo dialekta tatarskogo yazyka v sravnitel'nom osveshchenii* [The Zabolotny Patois of the Tobol-Irtysh Dialect of the Tatar Language in a Comparative Aspect]. 160 p. Kazan', Fiker. (In Russian)
8. Nasyiri Kayum. (1880). *Kalendar' 1881 el ochen* [Calendar for the Year of 1881]. Kazan. (In Tatar)
9. Fəkhreddin Rizaeddin. (2006). *Asar. 1 tom* [Asar. Volume 1]. 360 p. Kazan, Rukhiyat. (In Tatar)
10. Farid ad-din Attar. (2005). *Tazkirat al-auliya, ili Rasskazy o svyatykh* [Tazkirat al-awliya, or Stories about Saints]. Perevod Ol'gi Vasil'evoi. 240 p. Moscow, SAMPO. (In Russian)
11. Tagirdzhanov, A. G. (1982). *Rukopisi poem Attara v sobranii biblioteki Vostochnogo fakul'teta LGU* [Manuscripts of Attar's Poems in the Collection of the Oriental Faculty Library of LSU]. Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XVI godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya). Chast' 2. Pp. 150–153. Moscow, Nauka. (In Russian)
12. Zaleman, K. G. (1898). *Legenda pro Khakim"-At'a* [The Legend of Hakim-Ata]. Izvestiya Imperatorskoi Akademii Nauk. Pp. 105–150. (In Russian)
13. Katanov, N. F. (1904). *O religioznykh voynakh sheikha Bagauddina protiv inorodtsev Zapadnoi Sibiri* [About the Religious Wars of Sheikh Bagauddin against the Foreigners of Western Siberia]. ETGM, pp. 1–28. (In Russian)
14. Kalashnikova, A. L., Poselenova, E. Yu. (2014). *Khristianskie legendy i predaniya o khrame svyatogo Il'i proroka v kontekste regional'noi palomnicheskoi kul'tury* [Christian Legends and Tales about the Church of St. Elijah the Prophet in the Context of Regional Pilgrimage Culture]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=16295> (accessed: 15.10.2023). (In Russian)
15. Milli mədəni mirasybyz: Irkutsk əlkəse tatarlary (2021) [National Cultural Heritage: Tatars of the Irkutsk Region]. Pp. 221–222. Kazan. (In Tatar)
16. Bashkortstan tatarlary fol'klory. Tən'yak həm tən'yak-könchygysh raionnar (2021) [Folklore of the Ta-

tars of Bashkortostan. Northern and Northeastern Regions]. Təzyche, keresh məkalə həm aqlatmalar avtory I. K. Fazletdinov. P. 34. Kazan, TƏhSI. (In Tatar).

17. Basilov, V. N. (1970). *Kul't svyatykh v islame* [The Cult of Saints in Islam]. 144 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

Библиографический список

1. Селезнев А. Г. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, И. В. Белич. М.: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
2. Уразманова Р. К., Габдрахманова Г. Ф., Завгарова Ф. Х., Мухаметзянова А. Р. Мусульманский культ святых у татар: образы и смыслы / под ред. Р. К. Уразмановой, Г. Ф. Габдрахмановой. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 168 с.
3. Фазлутдинов И. К., Фазлутдинов И. И. Сакральные культы в преданиях об историях сел северо-западного Башкортостана / И. К. Фазлутдинов, И. И. Фазлутдинов // Эпосоведение. 2023. № 2 (30). С. 43–55.

Bibliography

1. Seleznev, A. G., Selezneva, I. A., Belich, I. V. (2009). *Kul't svyatykh v sibirskom islame: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: The Specifics of the Universal]. 216 p. Moscow, izd. dom Mardzhani. (In Russian)
2. Urazmanova, R. K., Gabdrakhmanova, G. F., Zavgarova, F. Kh., Mukhametzyanova, A. R. (2014). *Musul'manskii kul't svyatykh u tatar: obrazy i smysly* [The Muslim Cult of Saints among the Tatars: Images and Meanings]. Pod red. R. K. Urazmanovoi, G. F. Gabdrakhmanovoi 168 p. Kazan', izd-vo "Yaz". (In Russian)
3. Fazludinov, I. K., Fazludinov, I. I. (2023). *Sakral'nye kul'ty v predaniyakh ob istoriyakh sel severo-zapadnogo Bashkortostana* [Sacred Cults in the Traditions about the Stories of the Villages in North-Western Bashkortostan]. Pp. 43–55. Eposovedenie. No. 2 (30). (In Russian)

The article was submitted on 10.11.2023
Поступила в редакцию 10.11.2023

Закирова Ильсеяр Гамиловна,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова
ГНБУ «Академия наук Республики
Татарстан»,
420111, Россия, Казань,
К. Маркса, 12.
ilzakirova@mail.ru

Zakirova Iseyar Gamilovna,
Doctor of Philology,
Chief Scientific Officer,
Galimjan Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art,
Academy of Sciences of the Republic of
Tatarstan,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420111, Russian Federation.
ilzakirova@mail.ru

Фазлутдинов Ильназ Ильдусович,
ассистент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fazl97@mail.ru

Fazlutdinov Ilnaz Ildusovich,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fazl97@mail.ru

УДК 82-4

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-141-147

МЕМУАРНЫЙ ОЧЕРК КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДОКУМЕНТ

© Наталья Кознова

MEMOIR ESSAY AS A DOCUMENT OF FICTION

Natalia Koznova

The article explores the memoir essay as a journalistic genre combining documentary and fictional elements. The study is based on the books of memoirs by B. Zaitsev, M. Nesterov and S. Rachmaninov. The analysis of memoir texts by people of creative professions makes it possible to identify the features of the synthesis of two narrative components and to determine the individual author's approach to the disclosure of the characters' personality.

As a result of the comparative, compositional, stylistic and contextual analysis, we have come to the following conclusions: the artistic and journalistic portrait essay fully retains its genre features only in B. Zaitsev's book "The Distant Land", the books of two other authors contain portrait characteristics and sketches as compositional elements in the biographical and autobiographical essay. However, the fictional images created by the memoirists contribute to the strengthening of the documentary nature, vividly, clearly and realistically recreating people and their era, despite the inevitable memoir subjectivism.

It is difficult to distinguish between the fictional and documentary sides of the text. In the journalistic text, each of them confirms the dual nature of the essay genre, which is at the intersection of documentary and fictional literature.

Keywords: memoir essay, documentary, fictional, portrait essay, synthesis

В статье исследуется мемуарный очерк как публицистический жанр, сочетающий в себе документальное и художественное начало. Материалом для исследования послужили книги воспоминаний Б. Зайцева, М. Нестерова и С. Рахманинова. Анализ мемуарных текстов, созданных людьми творческих профессий, позволяет выявить особенности синтеза двух повествовательных составляющих, определить индивидуальный авторский подход к раскрытию характеров персонажей.

В результате проведенного сопоставительного, композиционного, стилистического и контекстного анализа автор приходит к следующим выводам: художественно-публицистический портретный очерк полностью сохраняет свои жанровые признаки только в книге Б. Зайцева «Далекое», книги двух других авторов содержат в своем составе портретные характеристики и зарисовки как композиционные элементы в составе биографического и автобиографического очерка. Однако созданные мемуаристами художественные образы способствуют усилению документального начала, воссоздают людей и эпоху ярко, живо и, несмотря на неизбежный мемуарный субъективизм, реалистично.

Проведение четкой грани между художественной и документальной стороной текста в очерковом жанре затруднительно. Каждая из них, активно присутствуя в публицистическом тексте, подтверждает двойственную природу очерка, находящегося на пересечении документальной и художественной литературы.

Ключевые слова: мемуарный очерк, документальное, художественное, очерк-портрет, синтез

Для цитирования: Кознова Н. Мемуарный очерк как художественный документ // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 141–147. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-141-147

Очерк является одним из ведущих жанров мемуарной прозы. Как жанр публицистический по своей природе, он основывается на конкретных фактах, документах, точных деталях, убедительной аргументации, хроникальной композиции, что позволяет отнести его к документальной

прозе. Однако наличие сюжета, апелляция к художественным образам, использование языковых выразительных средств, бесспорно, сближают его с литературой художественной. В целом ученые-теоретики характеризуют очерк как жанр художественно-публицистический [1]. Подтвер-

ждение сказанному также находим в работах Г. Н. Поспелова [2], Т. М. Колядич [3], Л. Е. Кройчика [4], А. А. Тертычного [5], М. Н. Кима [6] и др.

Наличие документального и художественного начала в мемуарном очерке заставляет задуматься над особенностями синтеза таких неоднородных явлений и основных элементах, которые определяют очерковый жанр. Особенно важно понять жанровую природу произведения, если речь идет о воспоминаниях, оставленных творческими личностями, стремящимися сохранить подлинность, документальность изображения, но не отказываясь при этом от художественной составляющей. В качестве материала нашего исследования были выбраны мемуарные книги Б. Зайцева «Далекое» (1965), М. Нестерова «Давние дни» (1942) и С. Рахманинова «Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном» (1934).

Новизна исследования заключается как в самом выборе материала (авторами литературных воспоминаний являются великие представители разных видов искусства: писатель, музыкант, живописец, — использующие в литературном тексте только им присущие художественные средства изображения действительности, что, несомненно, влияет на поэтику жанра), так и в неоднородности и неоднозначности имеющихся изысканий в данной области. Так, если очерковое творчество и мемуары Б. Зайцева достаточно хорошо изучены на сегодняшний день (см. работы А. В. Громовой [7], В. Т. Захаровой [8], Ю. Н. Мажариной [9], Е. Г. Бикеевой [10]), то мемуарное наследие М. Нестерова и С. Рахманинова в литературоведении почти не представлено. Отдельные краткие характеристики мемуарных книг встречаем в основном в монографиях, посвященных жизни и творчеству великих представителей культуры, или вступительных, юбилейных статьях обзорного характера (например, в книге С. Р. Федякина «Рахманинов» [11] из серии ЖЗЛ, статье Н. Н. Митрофанова [12], посвященной 75-летию выхода книги М. Нестерова «Давние дни», материалах библиографического пособия Т. Д. Елизарьевой [13], выпущенного к 150-летию со дня рождения художника). Однако собственно мемуарный очерк, его поэтика не становятся предметом изучения в вышеуказанных работах.

Задача нашего исследования — выявить художественную и документальную основу в мемуарах творческих личностей, определить их жанровую природу, обнаружить авторские способы представления обоих в тексте и обосновать

самую возможность считать мемуарный очерк художественным документом эпохи.

Наиболее солидным мемуарным литературным наследием, бесспорно, обладает писатель Б. К. Зайцев. Его воспоминания публиковались фрагментарно с 1920-х до 1960-х годов в газетах и журналах Русского зарубежья («Современные записки», «Новое русское слово», «Русская мысль» и др.). Отдельным изданием книга «Далекое» вышла в Вашингтоне лишь в 1965 г. Несмотря на разное время написания мемуарных очерков, вошедших в это издание, разнохарактерность воссозданных лиц и событий, критики единодушно отметили целостность повествования, связанность всех текстов одним сюжетом, «единой темой — долгого жизненного пути» [14, с. 144].

Герои книги — современники автора, имена которых обычно вынесены в название: «Бальмонт», «Вячеслав Иванов», «Бердяев» и т. д. Некоторые заголовки носят эмоционально-оценочный характер: «Побежденный» — об А. Блоке, «Дух голубиный (К. В. Мочульский)», «О любви (Балтрушайтис)», — что, с одной стороны, указывает на субъективную авторскую оценку, с другой — приглашает читателя к размышлению и даже дискуссии. Так, эпитет «побежденный» в очерке о Блоке вызвал резкое неприятие у рецензентов-современников автора и споры о том, действительно ли А. Блок был «побежден» временем или сам он «победил свое время», также разгорелась полемика о сером цвете, постоянно сопровождающем поэта в очерке Зайцева.

В книге «Далекое» ощущается тяготение автора к строгой документалистике: воспроизведению подлинных имен, сохранению топографической точности мест и событий, воссозданию временных реалий. Композиционно мемуарист неизменно следует намеченному пути — рассказать о герое, выбирая из памяти самые яркие встречи: от первого знакомства до последнего земного прощания. Все эпизоды располагаются в хронологической последовательности. Автор стремится не столько высказать свое мнение о герое, сколько очертить и высветить самое важное в личности персонажа. В итоге создается единый, цельный образ, что более характерно для литературы художественной.

Повествуя о давних встречах, писатель предельно реалистичен, точен в описании быта и близкого окружения героев. Так, вспоминая о знакомстве с К. Бальмонтом, Зайцев сначала как бы готовит «почву», «фон» для появления главного персонажа. Указывает точную дату (1902 г.), место встречи (Москва, клуб писателей,

поэтов, журналистов в Козицком переулке), подробно описывает участников Литературного кружка. И только после этого представляет нам главного героя – К. Бальмонта:

«Слегка рыжеватый, с живыми быстрыми глазами, высоко поднятой головой, высокие прямые воротнички (*de l'époque*), бородка клинушкой, вид боевой. (Портрет Серова отлично его передает.) Нечто задорное, готовое всегда вскипеть, ответить резкостью или восторженно. Если с птицами сравнивать, то это великолепный шанклер, приветствующий день, свет, жизнь» [15, с. 367].

Заметим, что в данной портретной зарисовке всего в трех предложениях насчитывается 12 эпитетов, среди которых только 4 передают цвет и форму, другие 8 – носят эмоционально-оценочный характер и указывают на авторское, субъективное восприятие персонажа. Внимание акцентировано на главных чертах в характере героя, и применен прием *«живописи словом»*. Детали портрета, несмотря на всю их художественность и авторский субъективизм, кажутся вполне реалистичными: *«быстрый»*, *«живой»*, *«задорный»*, *«боевой вид»*, *«готовый вскипеть»*, *«приветствующий свет, жизнь»*. Тут же Зайцев ссылается на портрет Бальмонта, созданный Серовым, подтверждающий подлинность данного словесного описания.

Некоторые черты, метко подмеченные Зайцевым в Бальмонте, повторяются и углубляются в процессе дальнейшего повествования. Например, привычка поэта высоко держать голову. Любовь к высоким прямым воротничкам (при небольшом росте) закрепляется в некоторой надменности, гордости молодого Бальмонта: *«высокомерно возносил голову»*, *«попробуй противоречить мне!»* [Там же, с. 368]. Другие, наоборот, – представлены в динамике. В одной из описанных сцен герой – *«строгий»* и *«недовольный»*, в другой – *«грустный»* и *«тихий»*, в третьей – *«Бальмонт в мажоре»*. При этом не исчезают постоянные признаки: *«блеск, задор, певучесть»*, *«вольноелюбие»*, *«страстность»*. Те черты, которые носят устойчивый характер, думается, рождены не эмоциональным порывом мемуариста, а проверены и подтверждены временем, серьезными размышлениями над судьбой героя. Их вполне можно считать элементами художественной документальности в тексте.

Присутствие двух начал – художественного и документального – ощущается и на композиционном уровне в книге Б. Зайцева. В очерке о Бальмонте 2/3 части текста посвящены ранним годам жизни поэта (с начала 1900-х до отъезда в эмиграцию в 1920 г.) и значительно меньший

объем – эмигрантскому периоду (с начала 1920-х гг. до 1942 г.). При сохраняющейся хронологии событий мемуарист особенно подробно описывает годы их общей молодости, намеренно укрупняя отдельные художественные детали и объясняя такой прием особой важностью прожитого этапа: становление творчества, первые знакомства, узнавания друг друга, литературные споры, триумфы и взлеты.

Об эмигрантской жизни Бальмонта говорится кратко, бегло: *«прошла под знаком упадка»*, *«как поэт он вперед не шел»*, *«слабел»*, *«горестно угасал и скончался в 1942 году»* [Там же, с. 373]. Это – неоспоримые грустные факты, но в финале Зайцев все же пытается *«высветить»* то главное, что открыл в Бальмонте. Последние дни поэта поданы в православной традиции: исповедь перед кончиной, *«искренность и сила»* покаяния, признание себя *«неисправимым грешником»*. Однако финал очерка звучит оптимистически. Автор выражает надежду, *«что ко грешникам, которые последними, недостойными себя считают, особо милостив Господь»* [Там же].

Таким образом, мемуарист Б. Зайцев, не нарушая основной документальной линии в очерковом повествовании, обогащает текст художественно-точными образами и авторской интерпретацией фактов, воссоздавая не только портрет своего современника, но и дух ушедшей эпохи.

Книга мемуаров М. В. Нестерова «Давние дни» по своей структуре напоминает галерею литературных очерков-портретов. Перед нами, что вполне характерно для художника, – своеобразная «живопись словом». Автор восстанавливает в памяти лица художников-современников: В. Перова, П. Чистякова, И. Крамского, В. Сурикова, И. Левитана, братьев Коровиных и др., с кем был близок в юности, кто оказал на него особое влияние. Также среди героев мемуаров деятели отечественной культуры: П. Третьяков, С. Мамонов, С. Дягилев; актеры: М. Заньковецкая, П. Стрепетова, Ф. Шаляпин; писатели: Л. Толстой, М. Горький; известный ученый И. Павлов.

Открывается книга автобиографическим очерком – «Мое детство», где мемуарист рассказывает о днях, проведенных в родительском доме под Уфой, гимназических годах, начале творческого пути. Здесь автобиографические записи перемежаются с бытовыми зарисовками и путевыми очерками. Стоит заметить, что подобное совмещение удачно обогащает повествование, делая его более фактологичным и убедительно точным.

Далее Нестеров, как и Зайцев, начинает рассказ с воспоминания о своем знакомстве с тем

или иным известным современником, стараясь оживить давние впечатления при помощи ярких художественных образов, отмечая самые значимые моменты общения, а завершает рассказ – последним прощанием с близким ему человеком. Так сохраняется хроникальный принцип построения сюжета, свойственный большинству мемуарных очерков.

Начиная свой рассказ, например о В. Г. Перове, и стремясь быть объективным, Нестеров также подчеркивает неоднозначность восприятия героя современниками: *«О Перове говорили, славили его и величали, любили и ненавидели его, ломали зубы „критики“, и было то, что бывает, когда родился, живет и действует среди людей самобытный, большой талант»* [16, с. 22]. Описывая окружающую обстановку, мемуарист обращается не столько к художественным эпитетам (которые, предположительно, должны быть особенно близки живописцу), сколько к эмоционально-окрашенным глаголам, передающим динамику событий и настраивающие читателя на полемику.

В мемуарах Нестеров оказывается довольно скуп на художественную деталь, но если она появляется в портретной зарисовке, то обязательно – в связке с личностными качествами персонажа. Например:

«...Рядом с ним стоял некто среднего роста, с орлиным профилем, с властной повадкой. Он что-то говорил, кругом напряженно слушали. Я невольно спросил соседа: „Кто это?“ – „Перов“ – был ответ» [Там же].

Или:

Перов «задумчиво смотрел на улицу с ее суетой у почтамта, зорким глазом подмечая все яркое, характерное, освещая виденное то насмешливым, то злобным светом...» [Там же, с. 24].

Необходимо подчеркнуть, что портреты современников у Нестерова в большинстве своем психологичны, в них сделаны акценты на внутренний мир героя, а внешние детали лишь дополняют целостный облик: *«высокий, стройный, с пышными, вьющимися волосами, умный, даровитый Сергей Коровин»; «любимый Перовым, талантливым, тихий-тихий Андрей Петрович Рябушкин. <...> «Ленивой, барской походкой шел лучше всех одетый Шатилов, за ним мрачный Ачуев, прозванный „Ванька Каин“, Клавдий Лебедев, потом благодухный, с лицом сытого татарина, толстяк»* [Там же, с. 23]. В приведенных портретных характеристиках психологическая деталь особенно важна для раскрытия об-

раза. Она, бесспорно, пропущена через авторское восприятие и глубоко субъективна, но в итоге помогает составить более точное представление о человеке, чем только описание внешности.

Характерной особенностью мемуарного очерка Нестерова можно назвать соединение биографических и автобиографических черт, где рассказ о главном герое сочетается с повествованием о собственной жизни автора. Благодаря такому совмещению, читатель не только переносится в эпоху конца XIX века и знакомится с бытовой стороной жизни молодых художников, но и открывает для себя новые грани в облике самого мемуариста.

Жанровый синтез разных очерковых типов характерен для книги Нестерова. Мемуарист не стремится к чистоте жанра, но от этого его повествование только выигрывает. Так, завершая очерк о Перове рассказом о тяжелой болезни, своей последней встрече и прощании с мастером, Нестеров включает в текст некролог. При этом старается избегать возвышенной лексики, торжественной риторики, излагает свои мысли просто, ясно, предельно искренне, оперируя только фактами, а иногда и намеренно снижает «пафосность» вполне приземленными комментариями:

«Видя такие многолюдные похороны, подходили обыватели спрашивать: „Кого хоронят?“ – и, узнав, что хоронят не генерала, а всего-навсего художника, отходили разочарованные» [Там же, с. 31].

Поэтому сцена прощания с Перовым выглядит не только реалистично, но, можно сказать, натуралистично. Многочисленные длинные тире усиливают ощущение сдержанности и волнения, дают дополнительный посыл к размышлению о судьбе художника.

Таким образом, мемуарный очерк М. Нестерова не лишен авторской индивидуальности, субъективности, сопрягающейся с эстетическими установками живописца, вниманием к психологизму изображения, внутреннему миру героя. При этом повествование тяготеет к документальности, достоверности изображения.

Совершенно особая история у книги С. В. Рахманинова «Воспоминания». Эти мемуары, рожденные из бесед великого музыканта с его коллегой, дирижером, музыкантом, критиком Оскаром фон Риземаном, носят характер соавторства и диалога. В итоге мы имеем дело с устными воспоминаниями, записанными сначала на английском языке, а потом переведенными на русский. Работая с таким необычным текстом, необходимо выяснить, как удалось издателям сохранить подлинный авторский голос, и возможно

ли в подобном тексте обнаружить синтез документального и художественного начал.

Вполне очевидно, что сюжет книги носит в большей степени автобиографический характер и базируется на ключевых событиях жизни самого Рахманинова. Об этом свидетельствуют и названия глав: Счастливое детство. 1873–1882; Санкт-Петербург. Консерватория. 1882–1885; Москва. Зверев и Аренский. 1885–1889 и т. д., – до расцвета творчества и жизни композитора в Америке. Принцип «портретной галереи», как то было в воспоминаниях М. Нестерова, здесь не наблюдается. Мемуарист в равной степени испытывает интерес как к людям, так и событиям, имевшим особое значение в его жизни. Поэтому портретные характеристики современников эпизодически включаются в рассказ о прошлом композитора, являясь лишь частным художественным приемом в общей композиционной канве.

Портретирование ярко проявляет себя уже на первых страницах воспоминаний, где музыкант рассказывает о своих предках. Это – компактные, беглые зарисовки, обнажающие, сочетающие в себе как внешние черты, так и внутренние характеристики, порой резко противоречивые. Например, отец Рахманинова представлен так:

«Необыкновенно привлекательный, среднего роста, широкоплечий, смуглый, с изящными, быстрыми и выразительными движениями, наделенный недюжинной физической силой, он пленял окружающих своим обаянием». Но: «Вел довольно рассеянный образ жизни, сорил деньгами направо и налево, отдаваясь в плен разнообразным фантазиям» [17, с. 11].

Прием антитезы также встречаем в портрете сестры композитора:

«Удивительная девочка: красивая, умная, необычная и, несмотря на внешнюю хрупкость, обладающая поистине геркулесовой силой. <...> Обладала великолепным голосом» [Там же, с. 20].

Данный художественный прием убеждает в том, что автор стремится раскрыть главную, стержневую черту в характере близких ему людей, активно используя эпитеты, метафоры, сравнения, гиперболы. Подобные краткие характеристики нельзя назвать портретным очерком или литературным портретом в полном смысле слова, скорее всего, перед нами – зарисовки по памяти, небольшие «этюды». Однако Рахманинов не случайно акцентирует внимание именно на тех качествах персонажей, которые позже повлияли на его судьбу и творчество. На первом месте автор оставляет автобиографическую линию. Так, в портрете бабушки композитора (Со-

фьи Бутаковой) акцент делается на ее «*религиозность*». Музыкант вспоминает, как в детстве они вместе посещали лучшие петербургские соборы, где звучала хоровая музыка, развивавшая его слух, воображение, побуждавшая к творчеству.

Необходимо отметить, что рахманиновский голос все же не так часто звучит в мемуарах, как голос повествователя (соавтора). Роль самого Рахманинова ощущается в выстраивании общей структуры книги, отборе событий, фактов, лиц, воссоздании ярких впечатлений, оставивших след в памяти. В ходе повествования авторское «я» часто заменяется формой третьего лица – «он», «мы», то приближая образ композитора, то отдаляя его от нас, давая возможность рассмотреть его на расстоянии.

Параллельно с повествованием о жизни Рахманинова на страницах книги возникают портретные зарисовки других великих мастеров из мира музыки: Чайковского, Рубинштейна, Танеева и др. При этом создается «двойной» портрет или даже – два разных: один – тот, который возрождает в своей памяти Рахманинов, другой – каким представляет этого человека Риземан.

Следовательно, в книге воспоминаний Рахманинова-Риземана мемуарный очерк носит смешанный характер, включая элементы портретного, биографического, автобиографического очерка, зарисовки, эссе, заметки. Портретный очерк здесь не является самостоятельным жанром, а сам прием портретирования включается в другие жанры. Подобные описания кратки, емки и удачно дополнены художественными деталями. Без таких мини-портретов облик главного героя и образы персонажей были бы не полными. Стоит отметить, что созданные в книге портреты выполнены с достаточной степенью художественности, не уступающей классической литературной традиции. В некоторых эпизодах воспоминаний Рахманинова исследователи отмечают «*весьма цветистый слог*» и «*панегирический тон*» повествования [18].

Документальное начало также проявляет себя в воссоздании подлинных событий, введении в текст исторических лиц из мира музыки и культуры начала XX века. Голос самого С. Рахманинова здесь присутствует частично и, несмотря на переводной характер книги, не утрачивает индивидуальности, сохраняя собственные акценты и интонации.

Следовательно, можно утверждать, что из трех рассмотренных выше мемуаристов жанр портретного мемуарного очерка в классической литературно-публицистической традиции выдержан только у Б. Зайцева в книге «Далекое». Жанровая составляющая очерков-воспоминаний

М. Нестерова и С. Рахманинова носит смешанный характер, сочетая в себе биографический и автобиографический материал, в который включены портретные характеристики, бытовые зарисовки, эссе. Однако стоит отметить, что во всех проанализированных нами мемуарах, созданных творческими людьми, неизбежно присутствует синтез двух начал, документального и художественного, а созданные образы обладают подлинностью исторического документа, точно и ярко отражающего ушедшую эпоху.

Список источников

1. Литература и документ: теоретическое осмысление темы (материалы «круглого стола») / Институт мировой литературы им. А. М. Горького. Литература и документ: теоретическое осмысление темы, круглый стол (2008; Москва); П. Палиевский [и др.] // Литературная учеба. 2009. № 1. С. 198–210.
2. Пospelов Г. Н. Очерк // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 263–264.
3. Колядич Т. М. Воспоминания писателей: Проблемы поэтики жанра. М.: Мегатрон, 1998. 276 с.
4. Кройчик Л. Е. Публицистический жанр: природа и стратегия развития // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 171–176.
5. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2017. 320 с.
6. Ким М. Н. Очерк: теория и методология жанра. СПб.: изд-во СПбГУ, 2000. 166 с.
7. Громова А. В. Жанровая система творчества Б. К. Зайцева: литературно-критические и художественно-документальные произведения: автореф. дис. ... докт. филол. наук: Орел, 2009. 47 с.
8. Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева: монография. Н. Новгород: Мининский университет, 2014. 166 с.
9. Мажарина Ю. Н. Мемуарные портретные очерки Б. К. Зайцева: особенности поэтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Воронеж, 2014. 22 с.
10. Бикеева Е. Г. Поэтика мемуарной прозы Б. К. Зайцева: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Н. Новгород, 2014. 24 с.
11. Федякин С. Р. Рахманинов. М.: Молодая гвардия, 2014. 477 с.
12. Митрофанов Н. Н. Неисповедимые пути мемуаров. К 75-летию выхода книги художника Михаила Нестерова «Давние дни» // Независимая газета № 009 (6906). 2017. 19 янв.
13. Великий уфимец (к 150-летию со дня рождения М. В. Нестерова): биобиблиогр. пособие / сост. Т. Д. Елизарьева. Уфа: МБУ ЦСМБ: СБО, 2012. 67 с.
14. Горбов Я. Н. Литературные заметки: 1) Борис Зайцев «Далекое» 2) Политическая операция // Возрождение. 1965. № 167. С. 144–151.

15. Зайцев Б. К. Далекое // Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. С. 342–482.

16. Нестеров М. В. Давние дни: Встречи и воспоминания. М.: Русская книга, 2005. 560 с.

17. Рахманинов С. В. Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2010. 248 с.

18. Курчан Н. Н. Мемуары, которые «должны были быть на русском» // Новый мир. 2009. № 2. С. 152–163.

References

1. *Literatura i dokument: teoreticheskoe osmyslenie temy (materialy "kruglogo stola")* (2009) [Literature and Document: Theoretical Understanding of the Topic (the "round table" proceedings)]. *Literaturnaya ucheba*, No. 1, pp. 198–210. (In Russian)
2. Pospelov, G. N. (1987). *Ocherk* [An Essay]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'*. Pp. 263–264. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. (In Russian)
3. Kolyadich, T. M. (1998). *Vospominaniya pisatelei: Problemy poetiki zhanra* [Memoirs of Writers: Problems of Genre Poetics]. 276 p. Moscow, Megatron. (In Russian)
4. Kroichik, L. E. (2013). *Publitsisticheskii zhanr: priroda i strategiya razvitiya* [Publicistic Genre: The Nature and Development Strategy]. *Vestnik VSU. Seriya: Philology. Journalism*, No. 2, pp. 171–176. (In Russian)
5. Tertychnyi, A. A. (2017). *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of Periodicals]. 320 p. Moscow, Aspekt Press. (In Russian)
6. Kim, M. N. (2000). *Ocherk: teoriya i metodologiya zhanra* [Essay: Theory and Methodology of the Genre]. 166 p. St. Petersburg. Izd-vo St. Petersburg State University. (In Russian)
7. Gromova, A. V. (2009). *Zhanrovaya sistema tvorchestva B. K. Zaitseva: literaturno-kriticheskie i khudozhestvenno-dokumental'nye proizvedeniya: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Genre System of B. Zaitsev's Work: Literary-Critical and Artistic-Documentary Works: Doctoral Thesis Abstract]. Orel, 47 p. (In Russian)
8. Zakharova, V. T. (2014). *Poetika prozy B. K. Zaitseva* [Poetics of B. Zaitsev's Prose]. 166 p. Nizhnii Novgorod, Mininskii universitet. (In Russian)
9. Mazharina, Yu. N. (2014). *Memuarnye portretnye ocherki B. K. Zaitseva: osobennosti poetiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [M memoir Portrait Essays by B. Zaitsev: Features of Poetics: Ph.D. Thesis Abstract]. Voronezh, 22 p. (In Russian)
10. Bikeeva, E. G. (2014). *Poetika memuarnoi prozy B. K. Zaitseva: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Poetics of B. Zaitsev's Memoir Prose: Ph.D. Thesis Abstract]. Nizhnii Novgorod, 24 p. (In Russian)
11. Fedyakin, S. R. (2014). *Rakhmaninov* [Rachmaninoff]. 477 p. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russian)
12. Mitrofanov, N. N. (2017). *Neispovedimye puti memuarov. K 75-letiyu vykhoda knigi khudozhnika Mikhaila Nesterova "Davnie dni"* [The Mysterious Ways of Memoirs. On the 75th Anniversary of the Publication

of the Artist Mikhail Nesterov's Book "Old Days"]. *Nezavisimaya gazeta*, No. 009 (6906), 01.19. (In Russian)

13. *Velikii ufmets (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya M. V. Nesterova)* (2012) [The Great Ufa Man (on the 150th anniversary of M. V. Nesterov)]. 67 p. Ufa, MBU TsSMB, SBO. (In Russian)

14. Gorbov, Ya. N. (1965). *Literaturnye zametki: 1) Boris Zaitsev "Dalekoe" 2) Politicheskaya operatsiya* [Literary Notes: 1) Boris Zaitsev "The Distant Land" 2) Political Operation]. *Vozrozhdenie*, No. 167, pp. 144–151. (In Russian)

15. Zaitsev, B. K. (1993). *Dalekoe* [The Distant Land]. B. K. Zaitsev. *Sochineniya v 3-kh tomakh*. T. 3,

pp. 342–482. Moscow, Khudozhestvennaya literatura; TERRA. (In Russian)

16. Nesterov, M. V. (2005). *Davnie dni: Vstrechi i vospominaniya* [Old Days: Meetings and Memories]. 560 p. Moscow, Russkaya kniga. (In Russian)

17. Rakhmaninov, S. V. (2010). *Vospominaniya, zapisannye Oskarom fon Rizevanom* [Memoirs Recorded by Oskar von Rieseemann]. 248 p. Moscow, Izdatel'skii dom "Klassika-XXI". (In Russian)

18. Kurchan, N. N. (2009). *Memuary, kotorye "dolzhny byli byt' na russkom"* [Memoirs that "should have been in Russian"]. *Novyi mir*, No. 2, pp. 152–163. (In Russian)

The article was submitted on 21.10.2023

Поступила в редакцию 21.10.2023

Кознова Наталья Николаевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет промышленных технологий
и дизайна,
191186, Россия, Санкт-Петербург,
Большая Морская, 18.
nkoznova@mail.ru

Koznova Natalia Nikolaevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Saint-Petersburg State University
of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya Str.,
St. Petersburg, 191186, Russian Federation.
nkoznova@mail.ru

УДК 82.09

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-148-153

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ОЖИВШЕЙ КУКЛЫ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

© Наталья Махинина, Лилия Насрутдинова

EVOLUTION OF A REVIVED DOLL IMAGE IN RUSSIAN CHILDREN'S LITERATURE OF THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Natalia Mahinina, Liliya Nasrutdinova

The article notes that initially the image of the doll was associated not with the world of childhood, but with ancient beliefs in magical powers. Therefore, in folklore and mythological traditions, the image of the doll is closely associated with the cult of death. In modern literature, the actualization of this image is associated with the romantic tradition, with the idea of the living world. In literary works, especially those aimed at child readers, this image is reinterpreted. In different cultural and historical eras, the semantics of this image, as well as the approach to its interpretation, differ. In the 1920–30s, the dominant interpretation of the image of animated dolls was allegorical, reflecting the social problems of the time in a form accessible to children. In the second half of the twentieth century, the emphasis was placed on the psychology of the child reader; the image of a living doll acquires the features of a symbolic image and can act as a means of didactic influence. The situation of reviving a doll allows us to focus on the problems of the creator's responsibility for his creation, of a person for his work, as well as for those who have been "tamed." A number of examples prove that this image allows us to reveal not only the specifics of a child's perception of the world, the nature of the interaction between a child and a doll, but also the relationship between the worldview of a child and an adult.

Keywords: children's literature of the second half of the twentieth century, doll image, allegorical image, symbol image, folklore and mythological tradition

В статье отмечается, что изначально образ куклы был связан не с миром детства, а с древними верованиями в магические силы. Поэтому в фольклорной и мифологической традиции образ куклы тесно связан с культом смерти. В литературе нового времени актуализация этого образа связана с романтической традицией, с идеей живого мира. В литературных произведениях, особенно ориентированных на читателя-ребенка, данный образ переосмысливается. Отмечается, что в различные культурно-исторические эпохи семантика этого образа, а также сам подход к его интерпретации различаются. В 1920–30-е годы доминирует трактовка образа оживших кукол как аллегорического, отражающего социальные проблемы времени в доступной ребенку форме. Во второй половине XX века акцент делается на психологию читателя-ребенка, образ ожившей куклы приобретает черты образа-символа и может выступать как средство дидактического воздействия. Ситуация оживления-оживания куклы позволяет акцентировать внимание на проблемах ответственности творца за его творение, человека за его дело, а также за тех, кого «приручили». На ряде примеров доказывается, что данный образ позволяет раскрыть не только специфику детского восприятия мира, характер взаимодействия ребенка и куклы, но и соотношение мировидения ребенка и взрослого.

Ключевые слова: детская литература второй половины XX века, образ куклы, аллегорический образ, образ-символ, фольклорная и мифологическая традиция

Для цитирования: Махинина Н., Насрутдинова Л. Эволюция образа ожившей куклы в русской детской литературе второй половины XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 148–153. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-148-153

Первоначальное появление куклы как модели, игрушки, а позже как литературного персонажа не связано с миром детства. Интерес чело-

века к ней уходит корнями в глубокую древность, когда кукла воспринималась как мистическое существо, средоточие божественной силы.

Исследователь А. Василькова в книге «Душа и тело куклы» пишет: «Первые куклы, сделанные человеком, предназначались для магии, с их помощью пытались воздействовать на природу и других людей» [1, с. 195].

В контексте нашего исследования важно, что изначально кукла отождествлялась с божеством, и божество изображалось в виде куклы, поскольку она представлялась бессмертной. Таких кукол незачем было оживлять: в картине мира наших далеких предков они и без того обладали таинственной жизнью, как обладают своей таинственной жизнью камень или дерево. Восприятие куклы как искусственно созданного объекта сформировалось позднее.

Тем не менее образы оживающих искусственно созданных существ встречаются уже в фольклоре и мифологии. В. Я. Пропп в своей работе «Исторические корни волшебной сказки», говоря о таком предмете, как куколки, отмечал, что они находятся «на границе волшебных помощников и волшебных предметов» [2, с. 199]. Исследователь приводит в пример сказку «Василиса Прекрасная», где умирающая мать дала дочери куклу со словами: «Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай, а когда приключится тебе какое горе, дай ей поест и спроси у нее совета» (цит. по: [Там же]). Анализируя сказку «Князь Данила-Говорило», где «преследуемая девушка постепенно погружается в землю (уходит в преисподнюю) и оставляет вместо себя четырех куколок, которые отвечают преследователю за нее ее голосом» [Там же], В. Я. Пропп выявляет и другую роль образа куклы, которую она, по утверждению ученого, играла в верованиях очень многих народов: «Куколка служит заместителем ушедшего под землю» [Там же, с. 200]. Можно сделать вывод, что образы куколок в произведениях фольклора прежде всего были связаны с культом смерти.

Появившись в литературе, образ ожившей куклы первоначально использовался в этом же значении. Ю. М. Лотман в работе «Куклы в системе культуры» утверждает: «Чтобы понять „тайну куклы“, необходимо ограничить исходное представление „кукла как игрушка“ от культурно-вторичного – „кукла как модель“. И только на основе такого разделения можно подойти к синтетическому понятию: „кукла как произведение искусства“» [3, с. 377]. Исследователь указывает и на то, что, переходя в мир взрослых, кукла несет с собою воспоминания о детском, фольклорном, мифологическом и игровом мире.

Образ ожившей куклы актуализируется в литературе романтизма. Пристрастие европейских романтиков к этому образу связано с присущей романтизму идеей живого мира, где все имеет свою душу, характер, судьбу. Устойчивый мотив творчества одного из самых значительных немецких романтиков, Э. Т. А. Гофмана, – образ мира как театра марионеток, управляемых чьей-то рукой. Им постоянно подчеркивается кукольный характер жизни человека. Уделяя внимание не столько образу куклы как таковому, сколько кукольному образу человека, писатель акцентирует внимание на внешнем сходстве человека и куклы.

Характеризуя специфику функционирования образа куклы в эпоху романтизма, Ю. М. Лотман подчеркивает: «Кукла оказалась на скрещении древнего мира об оживающей статуе и новой мифологии мертвой машинной жизни. Это определило вспышку мифологии куклы в эпоху романтизма. В нашем культурном сознании сложилось как бы два лица куклы: одно манит в уютный мир детства, другое ассоциируется с псевдожизнью, мертвым движением, притворяющейся жизнью» [Там же, с. 378].

В русской детской литературе образ ожившей куклы также появляется в эпоху романтизма и потому, с одной стороны, несет на себе печать романтического мировосприятия, а с другой – адаптируется авторами с учетом потребностей и способностей ребенка воспринимать окружающую реальность. Так, в сказках А. Погорельского и В. Одоевского появляются живые существа, по своей сути напоминающие кукол: ожившие фарфоровые статуэтки и части механизма музыкальной табакерки. Образ же ожившей куклы как таковой мы находим в сказке более позднего периода – «Ванькиных именинах» Д. Н. Мамина-Сибиряка.

В детской литературе XX века образ ожившей куклы продолжает активно функционировать. В целом, ведя разговор о детской литературе XX века, стоит отметить, что, создавая свои произведения для детей, писатели берут на себя и роль психолога, тонко чувствующего мир ребенка, его отношение к действительности, к окружающему миру, они знают, как написать, чтобы ребенок нашел в тексте то, что соответствует его мировосприятию. И здесь образ «живой» куклы играет немаловажную роль.

В образах оживших кукол, созданных русскими писателями XX века, обнаруживается связь с фольклорными и мифологическими его интерпретациями и традициями романтической сказочной повести XIX века. В то же время каждый истори-

ко-культурный период обуславливает специфическую семантизацию исследуемого образа.

В 20–30-е годы XX века на первый план выходит аллегорическое начало в обрисовке образа ожившей куклы: кукольный мир моделирует мир человеческих отношений, прежде всего социальных. Тема «кукольного бунта», популярная в детской литературе XIX века, приобретает социально-игровые акценты (см. подр.: [4]).

В сказках Ю. Олеши «Три Толстяка», А. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», А. Волкова «Волшебник Изумрудного города» куклы выступают поборниками справедливости и равноправия. Однако и у А. Толстого, и у Ю. Олеши образ куклы оказывается связан с постановкой актуальных для современной им эпохи философских проблем соотношения живого и неживого, разума и чувства. Одной из важных идей времени становится и идея творения. Однако авторы, обрисовывая образы создателей кукол, одновременно и травестируют идею творения, и поднимают проблему ответственности творца за сотворенное существо.

Образ оживающей куклы, появляющийся в произведениях для детей, созданных во второй половине XX века, претерпевает определенные изменения. Ю. М. Лотман, осмысливая проблему в целом, справедливо отмечал, что «искусство второй половины XX века выдвигает образ куклы в центр художественной проблематики времени, а скрещение в нем ассоциаций со сказкой (мир детский и мир взрослый) открывает исключительный простор для выражения вечно живых проблем современного искусства» [3, с. 379]. С помощью этого образа в детской литературе второй половины XX века исследуется уже не столько феноменология детства, как это происходило в 1920–30-е годы, сколько психология ребенка. Все это определяет и усложнение ситуаций оживления-оживания кукол. В произведениях для детей все более отчетливо обозначаются два мира, в которых существует кукла. Один мир – реальный, где кукла ощущает себя наравне с человеком, причем это нисколько не смущает людей. Другой мир – сказочный, где происходят чудесные превращения, оживает неживое, и все это воспринимается как должное.

В оттепельное время образ ожившей куклы выражает актуальную для этой эпохи проблему свободы/несвободы, как общественной, так и личной. Мир кукол как аллегория зависимости от властной силы и последующего освобождения предстает, например, в сказке Л. Яхнина «Площадь картонных часов». Здесь возникает образ кукольного города и живущих в нем человечков, сделанных из картонных коробок для шляп мас-

тером Тульей. Но творец ошибается, оставив нитки, тянущиеся от рук и ног жителей картонного города, что позволяет разбойнику Краге управлять ими. В этой сказке образ куклы связан с идеей управляемости кукольного мира, возможности манипулировать куклами и, соответственно, приобретает аллегорический характер.

Аллегорический характер приобретает и образ куклы, помогающей осуществлению недобрых стремлений, в сказке А. Волкова «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». В ней также заостряется внимание на идее творения. Причем акцент, как и у Л. Яхнина, делается на характере самого мастера, столяра Урфина Джюса: не любя людей, он передает свою негативную энергию созданным вещам и игрушкам. А. Волков подчеркивает, что именно мизантропия Урфина становится основой его стремления к власти. Случайно попавший в его руки волшебный порошок, позволяющий оживить неживое, помогает ему создать армию деревянных существ с дубовыми головами, а главное – со свирепыми лицами, способными напугать кого угодно. Образы дуболомов становятся свидетельством того, что в сказку А. Волкова активно проникают элементы научной фантастики: они больше напоминают роботов, чем по-настоящему оживших существ. Поэтому в финале их не перевоспитывают, а переделывают, вырезая им веселые лица, что в корне меняет и их отношение к миру.

Однако в детской литературе второй половины XX века ощущается и стремление придать образу куклы не столько аллегорический, сколько символический смысл. Так происходит, например, в сказке Е. Борисовой «Счастливый конец». Здесь возникает образ маленького игрушечного трубочиста, который отправляется вслед за своей хозяйкой на поиски счастливых финалов сказок. Оживание происходит как бы ступенчато: сначала оживает тряпочная игрушка, в душе которой возникает страстное желание помочь хозяйке, а затем ожившая игрушка превращается в настоящего человека. И это вторичное превращение уже связано с обретением способности забыть о себе ради других, и его можно расценивать как награду.

Говоря о функционировании образа ожившей куклы в русских литературных сказках второй половины XX века, можно утверждать, что в большинстве произведений процесс оживания куклы связывается с сознанием ребенка, его фантазией. Поэтому образ оживающей куклы уже не является сюжетообразующим: на первый план выходит образ самого ребенка, дается его предыстория, очерчивается характер.

Кроме того, оживание куклы, обусловленное игрой человеческого воображения, позволяет писателям обозначить особенности взаимоотношений куклы и человека. В книгах писателей второй половины XX века возникают различные формы взаимодействия кукольного и человеческого миров.

Одна из них – это проникновение человека в кукольный мир, причем проникновение в качестве полноправного его обитателя, то есть в роли игрушки. Например, в сказочной повести Г. Садовникова «Спаситель океана» главный герой – слесарь Базиль Тихонович, подобно известному барону Мюнхгаузену рассказывающий детям необычайные истории о своих приключениях, в одной из них совершает путешествие в мир кукол. Ситуация «рассказ в рассказе» еще острее размывает границы между обыденным и чудесным. И здесь оживание кукол отчетливо позиционируется как плод фантазии героя. Специфичность образов оживших кукол связана в этом произведении и с тем, что чудо их оживания во многом связывается с неполнотой человеческих знаний о мире, то есть звучит мотив «и такое тоже может быть». Прием фантастического превращения героя позволяет изнутри раскрыть мир кукол, который оживает только после закрытия магазина, чтобы никто из людей не догадался, что все игрушки на самом деле живые.

В повести Г. Садовникова выявляется любопытная черта: сами игрушки осознают свою двойственность. Живя собственной жизнью, они понимают, что их предназначение – развлекать детей. Но их отношение к этому во многом связано с основными ценностями времени создания произведения. Куклы считают, что веселить и радовать детей – дело нужное, даже благородное. Таким образом, посредством введения образов оживающих кукол писатель вводит в детское сознание важную тему, характерную для современной ему взрослой литературы, – человек и его дело. Очевидно, именно поэтому в произведении присутствуют не абстрактные куклы, а носители различных профессий. И каждая игрушка чувствует свою ответственность за введение ребенка в мир интересных и важных дел.

В сказке Г. Садовникова акцентируется и идея творения. Но здесь уже подчеркивается нравственный аспект этого творения – ответственности за сотворенное существо. Эта идея звучит и в сказке Л. Кузьмина «Капитан Коко и зеленое стеклышко», где мастер Кашка, изготавливающий живых кукол, говорит, что профессия кукольного мастера не такая легкая, как кажется, поскольку, *«чтобы сделать хорошую игрушку, нужно терпение да хорошее настроение»* [5, с. 114].

В ряде произведений встречаются ситуации, когда творцами кукол становятся дети. Так, в одном из рассказов М. Киселевой – «Буль-буль» – мальчик создает себе необычного друга. В сущности, Буль-Буль – это тоже существо, оживающее только в фантазии ребенка. В то же время представлен и взгляд на мир самого Буль-Буля. В определенные моменты повествования взгляды ребенка и повествователя на героя соединяются, и кукла предстает как подлинно живая.

Определяющая роль детской фантазии в процессе оживления куклы приводит к тому, что образ ожившей куклы оказывается связан с мотивом сна. Так происходит в сказочной повести А. Шарова «Володя и дядя Алеша». Оживление Редисочного и Яблочного человечков в сознании мальчика Володи происходит еще до сна, одинокий ребенок даже воспринимает их как своих друзей, но об этом оживлении знает только он сам. В полной мере эти существа оживают лишь во сне мальчика, и там они уже живут своей, обособленной жизнью.

Образ ожившей куклы определяет в анализируемых сказках и характер взаимодействия между детьми и взрослыми: отношение к оживающим куклам становится критерием способности взрослого понять ребенка. Например, бабушка Володи в сказочной повести А. Шарова «Володя и дядя Алеша» при всей своей любви к внуку не способна проникнуть в его мир, понять его. Однако существуют взрослые, которые могут принять «правила игры» ребенка, и в их глазах куклы тоже оживают. Таков дядя Алеша, который стал для Володи взрослым другом.

Еще одним способом оживления игрушки становится память детства. Воспоминания того времени, когда ребенок играет и одновременно создает свой мир, также находят место в произведениях детских писателей второй половины XX века. Прежде всего в этом плане можно говорить о сказке Э. Успенского «Крокодил Гена и его друзья», где в качестве главных героев выведены любимые игрушки детства писателя. Примечательной чертой героев Э. Успенского становится то, что они не позиционированы как куклы. В сказке это обыкновенные, живые звери и люди. В то же время они во многом становятся носителями кукольного начала. Это выражает себя прежде всего в том, что они видят свое место в мире людей как место помощника человека.

И у Г. Садовникова, и у Э. Успенского изображение взаимоотношений в мире кукол отчасти выполняет роль дидактическую, моделируя отношения в мире людей. Так, ведущей в сказке Э. Успенского становится одна из важных для

ребенка проблем – преодоления одиночества, поиска настоящего друга, с которым можно поговорить обо всем на свете.

Оживание кукол, связанное с возвращением в страну детства, описывается и в повести-сказке Л. Кузьмина «Капитан Коко и зеленое стеклышко» о поиске мальчиком и петухом загадочной страны Валяй-Форси. В начале произведения приехавший к бабушке взрослый герой снова становится ребенком. И его путешествие вместе с петухом – капитаном Коко – на бабушкином сундуке можно рассматривать и как своеобразное путешествие в детство. В одном из эпизодов герои попадают в игрушечный замок, в котором *«игрушечные кондитеры в игрушечных духовках пекут самые настоящие торты <...> и кукла играет на скрипке»* [Там же, с. 100]. Однако здесь отсутствует механизм, приводящий все в движение. Это оживление волшебное, хотя и руководит им мастер Кашка. Созданные мастером куклы живут своей жизнью, и каждая занимается своим делом. Здесь так же, как и в повести Г. Садовникова, подчеркивается важность дела в жизни любого существа.

Осознание ребенком через процесс оживления куклы с помощью фантазии своих взаимоотношений с другими людьми включает в себя и чувство ответственности перед тем, кого ты «приручил». В данном аспекте важен мотив бегства кукол. Этот мотив возникает, например, в повести Г. Васюковой «С Маринкой не играю». Волшебная сказка, которую мама рассказывает дочке перед сном, повествует о том, как одной девочке на день рождения подарили новую куклу, а старые игрушки оказались забыты. Здесь также акцентируется внимание на умении кукол чувствовать: обидевшись на свою хозяйку, игрушки решают уйти.

Другой вариант оживания куклы – ее вхождение в мир людей – также возникает в сказках второй половины XX века. И в этом случае вновь актуализируются мифологические корни образа. Например, в сказке Ю. Дружкова «Приключения веселых человечков» появляются ставшие позже знаменитыми Карандаш и Самоделкин. В мире людей к ним относятся как к обыкновенным детям. Никто не замечает необычного вида кукол, и взрослые лишь изредка ругают их за совершенные шалости. Эти герои, переживая массу необычных приключений, ведут себя как обычные дети, которым многому придется научиться в этом мире.

Однако в этих образах присутствует и тайна, традиционно связанная с бытованием ожившей куклы. Карандаш рисует своим носом-карандашом немедленно материализующиеся

предметы и оживающих людей. Самоделкин тоже умел многое делать, как говорится в сказке, не хуже настоящих волшебников. Куклы здесь связываются с магическим началом, они способны творить чудеса.

Подобное качество акцентируется и в образе ожившей куклы в «кукольном романе» Л. Петрушевской «Маленькая волшебница». Здесь также отчетливо прослеживаются мифологические корни образа. Как и в сказке Ю. Дружкова, в «кукольном романе» проявляются свойства куклы-волшебника. Но ее способности мотивированы и тем, что она становится плодом творения человека, который вкладывает в нее душу. Таким образом, в сказке вновь актуализируется идея души куклы. Но Л. Петрушевская рассматривает ее не только как существующую изначально, но и как становящуюся. Это подчеркивается тем, что, хотя эту игрушку вполне можно назвать человекоподобной, поскольку она умеет чувствовать и переживать, кукольное начало в ней все же сохраняется.

Итак, говоря об образе ожившей куклы в детской литературе второй половины XX века, нужно отметить акцентирование, наряду с аллегорическим и философским, психологического его аспекта. Его функции связаны с выявлением не столько социальных, сколько нравственно-психологических сторон взаимоотношений между людьми, прежде всего между взрослыми и детьми.

Список источников

1. Василькова А. Душа и тело куклы. М.: Аграф, 2003. 201 с.
2. Пропп В. Я. Волшебные куколки // В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Ленинград. ун-т, 1986. С. 199–200.
3. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры // Ю. М. Лотман Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. С. 377–380.
4. Махнина Н. Г., Насрутдинова Л. Х. Образ игрушечного мира в детской литературе 1920–30-х годов как отражение реальности революции и гражданской войны // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность: Коллективная монография. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2018. С. 536–542.
5. Кузьмин Л. Капитан Коко и зеленое стеклышко. М.: Советская Россия, 1971. 123 с.

References

1. Vasil'kova, A. (2003). *Dusha i telo kukly* [Doll's Soul and Body]. 201 p. Moscow, Agraf. (In Russian)
2. Propp, V. Ya. (1986). *Volshebnye kukolki* [Magic Dolls]. V. Ya. Propp. Istoricheskie korni volshebnoi

skazki. Pp. 199–200. Leningrad, Leningrad. un-t. (In Russian)

3. Lotman, Yu. M. (1992). *Kukly v sisteme kul'tury* [Dolls in the Cultural System]. Yu. M. Lotman. Izbrannye stat'i. V. 1, pp. 377–380. Tallinn, Aleksandra. (In Russian)

4. Makhinina, N. G, Nasrutdinova, L. H. (2018). *Obraz igrushechnogo mira v detskoj literature 1920–30-kh godov kak otrazhenie real'nosti revolyutsii i grazhdan-*

scoi voiny [The Image of the Toy World in Children's Literature of the 1920s–30s as a Reflection of Revolution and Civil War Reality]. Natsional'nye kody evropeiskoi literatury v diakhronicheskom aspekte: antichnost' – sovremennost': Kollektivnaya monografiya. Pp. 536–542. Nizhnii Novgorod, DEKOM. (In Russian)

5. Kuz'min, L. (1971). *Kapitan Koko i zelenoe steklyshko* [Captain Coco and the Green Glass]. 123 p. Moscow, Sovetskaya Rossiya. (In Russian)

The article was submitted on 23.11.2023

Поступила в редакцию 23.11.2023

Махинина Наталья Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mahinin@rambler.ru

Насрутдинова Лилия Харисовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
lilija_nasrutdin@mail.ru

Mahinina Natalia Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mahinin@rambler.ru

Nasrutdinova Liliya Harisovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
lilija_nasrutdin@mail.ru

УДК 821.512.36

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-154-162

«ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТАТУС» ПЕРСОНАЖЕЙ ОЙРАТСКОГО ПАМЯТНИКА «СКАЗАНИЕ НЕКТАРНОГО УЧЕНИЯ»

© Бадма Меняев

“INDIVIDUAL STATUS” OF THE CHARACTERS FROM THE OIRAT MONUMENT “THE TALE OF THE NECTAR TEACHING”

Badma Menyayev

For the first time, this article has presented the experience of describing the internal and external features of the characters in the Oirat monument “The Tale of the Nectar Teaching” from the point of view of their individual qualities, based on the well-known work “The System of Characters of the Russian Fairy Tale” (2001) by the Russian folklorist E. S. Novik. The analysis is based on three unpublished copies of the monument, stored in the Scientific Library of the Oriental Faculty of St. Petersburg State University, the Manuscript Fund of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and the State Archives of the Republic of Tatarstan. Lexicographic works and dictionaries were used as additional materials for interpreting the names of the Buddhist characters. As a result of the analysis, we have come to the conclusion that for the intra-plot functioning of the characters, it is important to take into account not only the role they play in the given plot (episode), but also the individual characteristics they are endowed with, since they correspond to those actions (conflict situations) in which the characters take part. The individual features of the character not only determine the nature of the plot, but they can also change in the course of its development, since each character is a bundle of characteristics that can easily disintegrate or be completed. We believe that the results obtained will serve as the basis for further research into the family, class and local states of the characters in the Oirat monument “The Legend of the Nectar Teaching.”

Keywords: Oirat monument “The Tale of the Nectar Teaching”, archival materials, copies, system of characters, plots, “individual status”

В настоящей статье впервые на основе известной работы российского фольклориста Е. С. Новик «Система персонажей русской волшебной сказки» (2001) представлен опыт описания внутренних и внешних характеристик персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения» с точки зрения их индивидуальных качеств. Материалом для анализа послужили три неопубликованных списка памятника, хранящихся в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН и Государственном архиве Республики Татарстан. В качестве дополнительных материалов для интерпретации имен буддийских персонажей использовались лексикографические работы и словари. В результате анализа автор пришел к выводу, что для внутрисюжетного функционирования персонажа важным является не только то, какую роль он выполняет в данном сюжете (эпизоде), но и то, какими индивидуальными признаками он наделен, так как именно они соответствуют тем действиям (конфликтным ситуациям), в которых персонаж принимает участие. Индивидуальные признаки персонажа не только определяют характер сюжета, они могут меняться в ходе его развития, так как каждый персонаж – пучок признаков, которые могут легко распадаться или комплектоваться. Автор считает, что полученные им результаты послужат основой для дальнейшего исследования семейных, сословных и локальных состояний персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения».

Ключевые слова: ойратский памятник «Сказание нектарного Учения», архивные материалы; списки; система персонажей, сюжеты; «индивидуальный статус»

Для цитирования: Меняев Б. «Индивидуальный статус» персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного учения» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 154–162. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-154-162

В Государственном архиве Республики Тарстан (ГБУ «ГА РТ») среди письменных памятников на ойратском «ясном письме»¹ хранится рукописный сборник «Буддийские легенды на калмыцком языке» [1]. Сборник имеет форму тетради. На обложке указаны название архива, инвентарный номер, название дела и дата. Титульный лист из плотной желтоватой бумаги. В середине листа на кириллице указано название сборника «Буддийския легенды на Калмыцком языке» и дата – 15 марта 1870 г. В нижнем левом углу титульного листа шариковой ручкой синего цвета отмечен шифр дела. На следующем листе приводится оглавление на кириллице, в котором указано восемь произведений, относящихся к разным жанрам буддийской литературы. Оглавление составлено согласно ойратской пагинации: 1) Повесть о Хашин-хане – лл. 1–11; 2) Аршан номин тууджи – лл. 11–27; 3) Дорджи джодва – лл. 27–46; 4) Сякюсен – лл. 47–49; 5) Богдо Джибзун Дамба – лл. 49–53; 6) Хоншим бодисатва – лл. 53–55; 7) Оюни зула кемекю шаштар – лл. 56–91; 8) Маанин кюрдун тууджи – лл. 91–94. Следует отметить, что в сборнике имеется также не учтенная в оглавлении христианская молитва, переведенная с русского языка на калмыцкий язык («Молитва к Пресвятой Троице»). По всей видимости, данная молитва была вклеена позже в уже сформированный сборник, что подтверждается различием почерков, тетрадной формой написания, филигранью (Фабрика Сергеева № 6), цветом и плотностью бумаги, а также отсутствием ойратской пагинации. Все тексты ойратских произведений написаны чернилами на «ясном письме» одним неровным почерком на русской бумаге с филигранью (Фабрика Сергеева № 7). В них нет каких-либо исправлений, поэтому можно предположить, что рукопись является беловой. Пагинация ойратская на листах recto без каких-либо украшений. Листы прошиты без учета ойратской пагинации, что создает нарушение их порядка, имеющаяся нумерация арабскими цифрами (лл. 1–93 об.) в верхнем правом углу листов учитывает лишь количество листов в рукописи.

В оглавлении под номером два значится сочинение «Аршан номин тууджи» – «Aršan nomiŷin tuuŷi oršoboŷi» («Сказание нектарного Учения») (далее Список 1) [1, л. 11–26]. Внутри текста сочинения нет каких-либо исправлений, за исключением слова *odōd* на листе 19b: «*ükērti*

abči odōd olon modu cuqluulji». – «отнеся на кладбище, собрал много дров» (здесь и далее перевод мой. – Б. М.).

Настоящее сочинение, состоящее из тринадцати произведений, является лишь фрагментом более крупного рукописного сборника «Сказание нектарного Учения». В науке известны наиболее полные списки данного сборника, состоящие из шестидесяти трех произведений: 1) «Aršan nomiŷin tuuŷi oršoboŷi:» («Сказание нектарного Учения») хранится в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского университета (далее Список 2) [2]; 2) «Aršāni nomiŷin tuuŷi» («Сказание нектарного Учения») хранится в Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН (далее Список 3) [3]. При сличении всех трех списков памятника выяснилось, что тексты Списков 1 и 2 идентичны друг другу, за исключением написания некоторых окончаний слов (слитное/раздельное), Список 3 отличается от первых двух списков пропусками, сокращениями, заменой некоторых слов, а также их различным написанием.

Список 1	« <i>Dēdū blama noyoud-tu morgūmūi: nomiŷin zūq-tū xatuujil üyiledkūi kereqtüŷin tuuŷi inu: urida önggö=rōqsön caq-tu Varanase kemekū abxoi balyad bui: töün-dū Sayin Dürsün kemekū xān: ed jiryalang-luyā tögösōqsön amitan noyoud-tu köböün metü enerel-tū nigen-dū: Üzeskülen Tögös kemekū xatun kigēd köböün Zalu Üzeskülen kemekū xoyor bui:»</i> [1, л. 1b]. – «Поклоняюсь высшим ламам! Рассказы о совершенных подвигах ради Учения. В давние времена был город Варанаси. В нем <жил> хан, по имени Сайн Дурсун, он был преисполнен богатствами, милосерден к живым существам подобно своему сыну. У него была жена по имени Узесгуленг Тогус и сын по имени Залу Узесгуленг».
Список 2	« <i>Dēdū blama noyoud-tu murgūmūi: nomiŷin zūq-tū xatoujil üyiledkūi kereqteŷin tuuŷi inu: urida önggürōqsön caq-tu Varanase kemekū abxui balyad bui: töün-dū Sayin Dürsün kemekū xān: ed jiryalang-luyā tögüsūq=sen amitan noyoud-tu küböün metü eneriltū nigen-dū: Üzeskülen Tögüs kemekū xatun kigēd Zalu Üzeskülen kemē=kū xoyor bui:»</i> [2, л. 1b]. – «Поклоняюсь высшим ламам! Рассказы о совершенных подвигах ради

¹ Ойратское вертикальное письмо «тодо бичиг» (букв. «ясное письмо») было создано в 1648 г. ойратским просветителем Зая-пандитой Намкай Джамцо на основе старомонгольского письма.

	Учения. В давние времена был город Варанаси. В нем <жил> хан, по имени Сайн Дурсун, он был преисполнен богатствами, милосерден к живым существам подобно своему сыну. У него была жена по имени Узесгуленг Тогус и сын по имени Залу Узесгуленг».
Список 3	« <i>Dedü blama nuγud-tu mörgömü. nomiyin züqtü bereke xatuḡal üüldüqsen tuuḡin ünü urdu nöqčiqsen caqtu Varanasei kemeküi abaxu baḡad bui: tüündü Sayin Düürsen kemeküi xan ed jiryalung-luḡa tögö=söqsen aimiten nu=γudtu kübüin mitü ene=raltu: nigendü: Üüsküling kemeküi kübüin bui:</i> » [3, л. 1б]. – «Поклоняюсь высшим ламам! Рассказы о совершенных трудных подвигах ради Учения. В давние времена был город Варанаси. В нем <жил> хан, по имени Сайн Дуурсен. Он был преисполнен богатствами, милосерден к живым существам подобно своему сыну. У него был сын по имени Ускуленг».

Сборник «Arṣāni nomiyin tuuḡi» («Сказание нектарного Учения») представляет собой свод буддийских легенд, волшебных сказок, рассказов и джатак. «Главное назначение таких произведений – наставить слушателей (читателей) в нравственности, милосердии и щедрости на примерах поведения Будды. Сентенция в подобных рассказах весьма доходчива. Такой прием можно объяснить тем, что посредством детального описания нравов людей легко передается смысл причинно-следственной связи. Главная мысль, которая проходит красной нитью через все рассказы сборника, заключается в том, что результатом благих и не благих деяний является добровольный выбор самого человека» [4, с. 76]. Внутри сборника отсутствует какая-либо тематическая классификация. Каждая сюжетная единица сборника содержит определенное количество примеров, «вставных эпизодов», жанровый состав которых разнообразен. Все это позволяет рассматривать сочинение как пример особой жанровой разновидности ойратской литературы «народного буддизма». Какие именно источники послужили основой для составления этого сборника, нам неизвестно, но сюжеты многих его рассказов встречаются в различных сочинениях древнеиндийской и тибето-монгольской литературы (палийские «Джатаки», «Джатакамала» («Гирлянда джатак»), «Панчатантра», «Сутра о мудрости и глупости» («Дзанлундо»), «Комментарии к

«Субхашите»», «Комментарии к «Капле, питающей людей»» и др.).

До настоящего времени не было специальных монографических исследований по изучению памятника «Сказание нектарного Учения». Частично памятник (Списки 1, 2) рассматривался Б. Я. Владимирцовым [5], Д. Ёндоном [6], а также автором настоящей статьи: «Джатаки из ойратского сборника „Сказание нектарного Учения“» (2007), «Притчи из „Сказания нектарного Учения“» (2008), «О некоторых буддийских терминах в ойратском сборнике „Сказание нектарного Учения“» (2008), «Ойратский сборник „Сказание нектарного Учения“: мотив посещения ада» (2008), «О двух списках рукописи „Аршани номийн тууджи“ („Сказание нектарного Учения“)» (2010), «Жанровые особенности ойратского литературного памятника „Сказание нектарного Учения“» (2011), «История изучения ойратского литературного памятника „Сказание нектарного Учения“» (2012).

В настоящей статье впервые на основе известной работы Е. С. Новик [7] представлен опыт описания внутренних и внешних характеристик, определяющих «индивидуальный статус» персонажей «Сказания нектарного Учения» на материале трех списков, хранящихся в Научной библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Рукописном фонде Института восточных рукописей РАН и Государственном архиве Республики Татарстан. В качестве дополнительных материалов для интерпретации имен буддийских персонажей использовались лексикографические работы и словари. Описание системы персонажей в настоящем исследовании осуществляется в том виде, в каком они представлены в тексте, независимо от корней, их породивших.

Распределение персонажей в группе «Индивидуальный статус» по системе Е. С. Новик выполняется с помощью двух признаков, содержащих свои оппозиции: особенности внутреннего мира (оппозиция естественный / сверхъестественный) и внешнего облика (антропоморфный/неантропоморфный). Эти две оппозиции четко делят персонажей на сверхъестественные существа, людей, животных, растений и предметы. Оппозиции антропоморфный (с человеческими качествами и признаками) / неантропоморфный (зооморфные, растительные, аморфные) соотносятся с признаком «сверхъестественный».

В ойратском литературном памятнике «Сказание нектарного Учения» («Arṣāni nomiyin tuuḡi») к сверхъестественным существам относятся: божества – *tenggeri noḡoud* букв.

‘небожители, боги’ (<тюрк. *tägrī/tängri* ‘небо, бог’ [8, с. 261] + ойр. *noγoud* ‘показатель множественного числа’) – одни из шести существ буддийской космологии; *Tengeriyin erketü Xormusta (xān)* букв. ‘владыка небожителей Хормуста’ (монг. *Хурмаст* < тюрк. *Qormuzta* < согд. *χwrmzt* ‘верховный небожитель’ [9, с. 115]) – верховное божество; *Olon törölkitöni ezen Esrün kemēkü burxan* букв. ‘повелитель множества рожденных бурхан по имени Эсруа’ (приведенный эпитет *Эсруа тенгрия* «показывают о сложной процедуре его рождения» [10, с. 174]; монг. *Esrū-a* < уйг. *Äzrua* < согд. *Azruwa* < санскр. *Īswara* ‘создатель вселенной в индуизме’ (один из трех высших божеств в индуизме [8, с. 370]) – высшее божество; *Mañzuširi* (монг. *Манзишур* < санскр. *Mañjuśiri* ‘Благовзвучный’ [8, с. 157]) – Манджушри, бодхисаттва олицетворяющий высшую премудрость, персонифицирует всеведение и осуществляет полную просветленность; *Erlig Nomiyin xān (Ezen Erlig ‘хозяин Эрлик’; Üküliyin ezen ‘хозяин Смерти’)* (монг. *Эрлэг* < уйг. *Erklig* ‘Всесильный’ (результат плохих деяний прошлых рождений) [8, с. 368]; тюрк. *erklig* ‘могущество’ [11, с. 180]) – Эрлик, Номин хан, владыка (хозяин) смерти; владыка ада; судья умерших; хранитель Учения [12, с. 252] и др.; вредоносные существа: *hor üzüülüqçi/xor ögöqçi* (монг. *Хор өгөгч* ‘природные духи’ < уйг. *Yakşa* < санскр. *Yakṣa* [8, с. 374]; в калмыцкой мифологии *ягцан* ‘ведьма’) – вредоносные духи, связанные с водой, плодородием, деревьями, лесом, сокровищами и дикой природой; в рассматриваемом нами сборнике *якша* представлен как *покровитель разбойников* [3, л. 12b], *пятьсот якш рубят топорами макара* [1, л. 12b]; *matar* (монг. *матар* < уйг. *matar* < санскр. *makara* ‘морское чудовище’ [8, с. 159]) – фантастическое морское животное. В древнеиндийской мифологии *макар* представлен как существо с телом большой рыбы, со слоновьим хоботом и рогами антилопы; *эрг нуһуд (erlig < уйг. Erklig ‘Всесильный’ [Там же, с. 368] + noγoud ‘показатель множественного числа’)* – многочисленные служители ада, они изображаются с головами различных животных [12, с. 252]; *birid* (монг. *бирд* < uig. *birid* < санскр. *preta* ‘голодный дух’) – преты, существа, пребывающие в преддверии ада и испытывающие муки голода и жажды [Там же, с. 249]; *šimnu* (монг. *шимну* < тюрк. *šimni* < согд. *šmnw/šimani* ‘существо, которое вредит и мешает совершать добродетель’) демон-искуситель, который противостоит буддийской проповеди [9, с. 126]. Слово *шулм* с монгольского переводится как ‘черт, демон, дьявол, бес, ведьма, нечистая сила, злой дух’. Фольклорист С. Ю. Неклюдов считает, что «шу-

лам (*шулум*) восходит к слову *šmnw/šimani* – согдийской форме имени иранского божества тьмы Ангро-Майнью, при принятии согдийцами буддизма отождествленного ими с демоном Марой. Название *шимну (шумну)* проникает в буддийскую мифологию средневековых уйгуров, а затем монголов» [13, с. 249] и др.; бодхисаттвы (ойр. *bodhisadv*; монг. *бодисадва* < санскр. *bodhisattva* ‘обладающее бодхичиттой’) – существо, породившее «устремленность к Пробуждению», то есть, достигнув святости, отказавшееся от личного спасения ради спасения других существ: *черепаха-бодхисаттва, антилопа Ру-ру, обезьяна-бодхисаттва, слон-бодхисаттва* и др.; антропоморфные животные, наделенные человеческой речью: *лисы, мыши, пчелы, змеи* и др. В «Сказании нектарного Учения» сверхъестественными свойствами обладают волшебники, которые могут иллюзорно воссоздать мертвых из пучка травы; за четки, изготовленные из шерсти и глины, обмануть алчного монаха. Также чудесными свойствами (превращение в божества во вредоносные существа, наставление на путь истинный и др.) в данном сборнике обладают буддийские учителя и их ученики: *Gerel Sakiqči Burxan* букв. ‘Будда, защищающий свет’ (*Gerel Sakiqči* ‘Защищающий свет’) < тиб. *od srung* букв. ‘Защищающий свет’ – Кашьяпа (санскр. *Kāśyapa*, букв. ‘Земля’; пали *Kassapa*; тиб. *ka shyā pa/od srung*), имя одного из прошлых будд, предшествовавшего Шакьямуни [14, с. 37]; *Burxan* (монг. *Бурхан* < уйг. *Burxan* < **bur* < кит. *fo* < санскр. *Buddha*) + *qan* ‘достигший нирваны’ [9, с. 29]) – Будда Шакьямуни (монг. *Шагжамуни* < уйг. *Šikamini* < санскр. *Śākyamuni* букв. ‘Мудрец [из рода] Шакьев’), исторический Будда; *Ananda* (монг. *Ананд* < тиб. *Kun’ngah’bo* < уйг. *Anant* < санскр. *Ananda* ‘блаженство’) – имя одного из любимых учеников Будды Шакьямуни, который, по преданию, на первом буддийском соборе в Раджагрихе, состоявшемся вскоре после смерти Будды, продиктовал все проповеди Будды, составившие раздел сутр буддийского канона [Там же, с. 311]; *Šariyin kübüün* букв. ‘сын Шари’ (< тиб. *sha ri bu* < санскр. *Śāriputra* ‘сын Шари’ (< санскр. *śāri* ‘белая цапля’ + *putra* ‘сын’)) – один из десяти ближайших учеников Будды, прославившийся своей мудростью; прославился вопросами о природе вещей и пустоты, которые задавал Будде во время его бесед с ним [Там же, с. 312]; *Moloni toyin* (монг. *Модгалавана* < тиб. *mo’u’gal i bu chen po* < санскр. *Maudgalayāna* ‘саморожденный сын Маудгальи’) – один из десяти ближайших учеников Будды, по преданию, одаренный чудотворной силой, главный герой произведе-

ний, относящихся к жанру посещения ада на тибетском, монгольском и ойратском языках [Там же с. 317]; *Altan Čidaqči burxan* (санскр. *Kanakamuni* < тиб. *gser thub* ‘обладающий могуществом золота’) – имя будды предшествовавшего Будде Шакьямуни; *Subudhi* (санскр. *Subhuti* < тиб. *Rab 'byor* ‘прекрасная встреча’) – один из десяти ближайших учеников Будды Шакьямуни, один из главных персонажей сутр «Праджняпарамиты»; *Caqlaši ügei gereltü burxan* (санскр. *Amitābha* < тиб. *'od dpag med* ‘Беспредельно сияющий Будда’) – один из главных будд в махаянской традиции. Амиитабха создатель райской страны Сукхавати.

К естественным персонажам в рассматриваемом нами сборнике относятся: люди (ойр. *kümün noγoud*), ханы (ойр. *xān*), принцы (ойр. *xan küböün*), вельможи (ойр. *tüšimel*), домохозяины (ойр. *geriyin ezen*), монахи (ламы (ойр. *blama* < тиб. *bla ma* ‘высший учитель’) – учитель, избавляющий живых существ от страданий и монах, указывающий путь к спасению, глава монашеской общины; *тойны* (ойр. *toyin* < уйг. *toñ* < тиб. *btsung-ba* < санскр. *śramana*) – монахи высокого ранга, *гелонги* (ойр. *dgeslong*, *gelüng* < тиб. *dge-slong* < санскр. *bhikṣu*) – буддийские нищенствующие монахи, порвавшие с миром и соблюдающие 253 монашеских обета; *прамьекабудды* (ойр. *pradikabud* < тиб. *rang sangs rgyas* < санскр. *pratyeka buddha*) – будды, живущие в уединении, достигшие просветления благодаря своим собственным индивидуальным усилиям и не связывающие себя с сангхой и не опирающиеся на Учение Будды; достигнув цели, они не проповедуют Учение и др.), *убаши* (ойр. *ubaši* < уйг. *upasi* < согд. *'wr 'su* < санскр. *upāsaka* ‘близкий добродетели’) – мужчина-мирянин, держащий пять обетов (не лишать жизни, не лгать, не брать то, что тебе не дано, не прелюбодействовать, не употреблять алкоголь); брамины (ойр. *birman* < тиб. *bram ze* < санскр. *brahman*) – высший класс в системе из четырех основных каст в древнеиндийском обществе, представитель сословия священнослужителей; еретики (ойр. *ters*, *buruu nomton* ‘иноверец’), торговцы (ойр. *xuduldāči noγoud*) и др.

Неопределенность внешнего облика некоторых персонажей в «Сказании нектарного Учения» восполняется четкой фиксированностью признаков пола (оппозиция мужской/женский) и возраста (оппозиции взрослый/ребенок и старый/молодой). Из сверхъестественных существ божества, учителя и их ученики имеют мужские (*Tengeriyin erketü Xormusta (xān)*, *Mañzuširi*, *Erliq Nomiyin xān*, *Burxan* и др.) и женские облики (*Okin tenggeri* < тиб. *dpal ldan lha mo* ‘прослав-

ленная богиня’) – гневное женское божество, одна из восьми основных дхармапал, защитников Учения Будды, *Tenggeriyin okin Maši Asarangyui* – дочь тенгрия Маши Асарангуй (букв. ‘Весьма милосердная’) и др.). Неверующие, злые, жадные, не жертвующие подаяния монахам девушки и женщины в последующих перерождениях становятся *претами* (ойр. *birid* < уйг. *birid* < тиб. *yi dwags* ‘голодные духи’) – одними из шести классов живых существ, испытывающие мучения голода и жажды. В одном из рассказов «Сказания нектарного Учения» говорится:

«В давние времена у одного домохозяина был сын, который следовал Учению <Будды>, любящий <совершать> подаяния. Его мать, <напротив>, была неверующая, не дающая подаяний. К хувакакам относилась, как прет. На их <хувакаков> просьбы сильно сердилась. Этим самым она накопила грехи зловещия и, умерев, переродилась в прета» [3, л. 26b].

Далее в рассказе описывается внешность женщины-прета: *раздетая, одни кости, в скелете ее пылал огонь, неприятная для души, ужасная* [3, л. 27a]. В конце рассказа Будда, сжалившись, вместе со своими сподвижниками и ее сыном-тойном стараются избавить ее от препятствий претов, но навечно они не смогли ее избавить, обретя человеческое тело, она стала навсегда нищей. Герои-люди четко делятся по полу (мужской/женский) и возрасту (взрослый/ребенок, старый/молодой): *okin* ‘девочка’, *küböün* ‘мальчик’, *zahuu* ‘юноша’, *köqšin* ‘старец’ и др. Персонажи-животные, обладающие человеческой речью, не делятся по возрасту и полу. Исключение составляет собака-сука, которая, прослушав священное Учение от Шарипутры, перерождается в дочь домохозяина, то есть при перерождениях животного в человека маркируется пол [1, л. 13b–15a].

Обозначение возраста в рассказах «Сказания нектарного Учения» важно для характера функционирования персонажа. «Старые» персонажи обычно выступают в роли советчиков, наставников и даже в роли испытателей. Так, к примеру, в рассказе о Радующемся Учению и Радующемся Греху старый хан, прежде чем выдать дочь за героя и отдать ему половину царства, испытывает его. Юноше необходимо вернуть зрение хану, собрать мешок риса, рассыпанный ханом в ущелье, а также узнать ханскую дочь среди других одинаковых девушек. В исполнении трудных задач герою помогают «благодарные животные» (лиса, змея, мышь и пчела), которых он когда-то перевез на лодке через быструю и глубокую реку [2, л. 17b–18b].

«Молодые» персонажи в рассматриваемом нами сборнике часто выступают в роли главных героев или соперников героя, они бывают мудрыми и глупыми. В одном из рассказов хан Сайн Сара, состарившись, просит своего сына вступить на ханский престол и охранять ханство от иноземных войск. Но сын, будучи просвещенным священным Учением, отказывает отцу, сказав, что у них есть враг опаснее – это их призрачные воззрения, которые можно будет победить, только уверовав в Будду и его Учение [3, л. 31a–32b]. В другом рассказе юноша по глупости и неосторожности убивает свою мать, о чем он впоследствии сожалеет, мучается и становится на путь Учения Будды [1, л. 26a–26b]. В «Сказании нектарного Учения» имеется персонаж-ребенок, родившийся после смерти матери, в чреве которой он провел шестьдесят лет. Мальчик выглядел небрежным, тощим с седыми волосами. Он был помещен в утробу матери на шестьдесят лет в течение многих своих перерождений вследствие непослушания своему духовному наставнику [3, л. 14a–15b].

Дальнейшее описание персонажей настоящего сборника осуществляется с помощью системы признаков, описывающих внутреннее и внешнее состояние персонажей и включающих оценочные категории. Рассмотрим оппозиции внутри этих признаков.

Оппозиция «живой/мертвый» встречается в разных ситуациях, где главным и второстепенным персонажам грозит смерть: человек пытается убить своего спасителя обезьяну-бодхисаттву, муравьи съедают черепаху-бодхисаттву, люди съедают слона-бодхисаттву, больной человек, питающийся человеческим мясом, съедает человека и др. В одном из рассказов владыка небожителей Хормуста испытывает хана Сайн Дурсена, который стремился постичь Учение Будды. Хормуста, превратившись в якшу, взамен за разъяснение Учения Будды требует с него кровь и мясо только что убитого человека. Хан, желая услышать Учение, отдает ему на съедение сына, жену и даже согласен отдать себя. В конце рассказа Хормуста, убедившись в истинном намерении хана, пощадил сына и ханшу, привел их к хану и сказал: «— *Yeke törölkitü maši sayin sayin kicēnggüyin zemseq batudxu üyiled ötör ilerkei Duususan Burxan bolxu boluyu kemēn zarliq bolboi*». – «Высокородженный, очень хорошо, хорошо! Укрепляй свои доспехи усердия, и ты вскоре станешь совершенным буддой» [1, л. 11a–13b].

Мертвое персонифицируется в мертвецах (люди, дети, мужья, жены, матери, друзья), в виде птиц (попугай), животных (слон, лев, заяц,

обезьяна, черепаха, собака), насекомых (пчелы), претов, частей тела (суставы, ребра, кости, голова). Знак умерщвления – это не только изрезать на куски мясо и вырвать, сломать малые ребра (оппозиция целый/расчлененный), но и сжечь кости трупа. Операторами умерщвления служат ноги человека, камень, топор, острый меч, птица – ястреб. В одном из рассказов сын хана города Варанаси после убийства отца и матери получает имя *Ese törüqsen dayisun* букв. ‘Не рожденный враг’. Столкнувшись с одним из «*пяти безпромежуточных грехов*»², попадает в самый нижний мир непрерывного ада «авичи», где существа умирают и вновь перерождаются [1, л. 26a–26b].

В «Сказании нектарного Учения» сон и наваждение эквивалентны временной смерти персонажа. Состояние сна и наваждения наступает при применении определенных операторов: волшебный конь, который уносит героя в незнакомое место, где он женится, и гибнут его дети и жена; волшебник, который развлекает героя и вводит его в иллюзорный мир. Волшебнику удается посредством волшебства создать прекрасный богатый дворец, сотворить божеств на небе, сотворить временно отсутствующих или умерших детей.

В одном из рассказов сборника болезнь и здоровье хана зависят от змеи. Змея, чтобы освободить из темницы героя, спасшего когда-то ее, в глаза хана напускает яд, а в безымянный палец героя впитывает лекарство-противоядие. В рассказах с сюжетом ATU 160 обезьяна-бодхисаттва и антилопа Ру-Ру за попытку их убить проклинают «*неблагодарного человека*», и он заболевает неизлечимой мучительной болезнью [3, л. 43a–43b].

Оппозиция «целый/расчлененный» в «Сказании нектарного Учения»: герой, убив своего противника, расчленяет его. В рассказе о юноше-калеке пятьсот разбойников желают убить безногого юношу, а его тело и кровь принести в жертву своему гению-покровителю якше (*xor ögüqçi*). Юношу из рук разбойников спасает Будда Кашьяпа [1, л. 21a–24a]. В другом рассказе мужчина убивает мужа своей любовницы, расчленяет тело и сжигает его кости. Убийца, совершив грех, после смерти перерождается в существа ада (животных, макара), тело макара поедают дикие звери (*arātan*), а пятьсот якш (*xor ögüqçi*) рубят его пятьюстами топорами. Его кровью заполняется

² Ойр. *tabun zabsur ügei kilince* букв. ‘пять безпромежуточных грехов’ – это убийство отца, матери, архата; пролитие крови Будды и внесение раздора в монашескую сангху.

океан, и им питаются все существа [1, л. 18а–20а].

Оппозиция «истинный/преображенный» связана с превращением (превращение божества Хормусты в якшу; превращение Будды Кашьяпы в якшу и др.), перерождением (перерождение собаки-суки в дочь домохозяина; перерождение попугая в небожителя; перерождение милосердного брахмана с женой в хозяев тысячи дворцов и храмов и др.), наказанием (перерождение жадных женщин в голодных духов – претов; заключение ослушавшегося в чреве матери на шестьдесят лет и др.) и изменением в результате колдовства (воскрешение временно отсутствующих и умерших детей). В одном из рассказов небесное божество Хормуста тенгрий воссоздает преобразованного принца из пучка травы и тем самым успокаивает осиротевших родителей. Однажды лже-принц признается: «*Xatuiq nom ünün busu xōson xudal mōni tula ödō=gē mini beye ene metu bui kemēn ögüülēd xōson öbösüni coqco bolun odboi:*» [3, л. 51b]. – «Все дхармы не истинны, пусты и ложны, подобно моему нынешнему телу, сказав так, превратился в пучок травы». Родители признали, что принц не истинный, и их страдания успокоились.

Оценочные признаки, как и показатели состояний, относятся к внутреннему миру персонажей или к их внешности. Здесь представлены оппозиции «добрый/злой», «мудрый/глупый», «красивый/уродливый», «большой/маленький», «чистый/грязный».

Оппозиция «добрый/злой» часто встречается в тексте, так как настоящий признак делит персонажей на положительных (божества, бодхисаттвы, ханы, животные и др.) и отрицательных героев (якши, эрлики, преты, шулмусы и др.), а также определяет правила их поведения (добрый герой спасает человека либо животное; приносит себя в жертву ради спасения других, подает милостыню; злой персонаж убивает или пытается убить положительного героя; мешает совершать добродетель; жадничает, не подает милостыню). Оппозиция «добрый/злой» четко проявляется в споре Радующегося Учению (*Nomdu bayasuqči*) и Радующегося Греху (*Kilincedi bayasuqči*). Спор их заключался в том, что полезней совершать добро или грех для приобретения хорошего будущего перерождения. В завершение рассказа Радующийся Учению, совершив добро, получает в награду ханскую дочь и несметные сокровища, а Радующийся Греху, совершив грехи, обеднел и обратился за помощью к Радующемуся Учению, который ему не отказал [2, л. 17b–18b].

Оппозиция «мудрый/глупый» связана с такими персонажами, как божества, бодхисаттвы,

монахи, ханы (хан Сайн Дурсен, хан Икэ Эркэту), ханский сын (сын Сайн Дурсена хана, сын Сайн Сара хана по имени Сарайн Герел, сын Йеке Терген хана по имени Бюкюни Буян), родители, помогающие советами и наставлениями главному герою. Мудрыми представлены также животные, жертвующие своим телом ради спасения других живых существ. Глупыми представлены алчный гелонг, отдавший волшебнику за иллюзорные бирюзовые четки (на самом деле это были семь шариков из шерсти, грязи и пыли) лошадь, платье и полтуши баранины; вор, который корзину с человеком-калекой посчитал за корзину с драгоценностями; жадный, ненасытный хан; неблагодарный человек, пытающийся убить или продать своего спасителя (обезьяну-бодхисаттву, антилопу Ру-Ру).

В сборнике «Сказание нектарного Учения» оппозиция «сильный/слабый» рассматривается в контексте духовной, а не физической силы персонажа. «Сильными» персонажами в рассказах выступают ханы, которые, отрешившись от материального мира, занимаются практикой буддизма, а также люди и животные-бодхисаттвы, жертвующие своим телом ради спасения других живых существ. В одном из рассказов ханский сын говорит отцу, что у них есть враг, который сильнее заморских войск:

«Военачальник – это «цепляние за „я“», его окружает войско – рождение, старость, болезнь и смерть, полководец ведет войско пятью ядами „нисваниша“³. Эту вражескую страну населяют те, кто иллюзию воспринимает за действительность. Хан ее цепляется за „я“. Сановники – это пять ядов нисваниша, войска его – это рождение, старость, болезнь и смерть; доспехи и вооружение – это десять черных грехов; меч – это главенство совершенного сомнения. Можно заранее усмирить этого врага» [3, с. 31b–32a].

В конце рассказа сын с отцом обращаются к Будде для того, чтобы усмирить своего злейшего и сильного врага. Будда просвещает их:

«В стране веры нужно дать сражение нравственности, сесть на коня усердия, облачиться в доспехи терпения и в городе самадхи держать меч мудрости, разрушать, наступая, и ждать десятию путями Учения» [3, л. 32a].

Физически сильными в сборнике представлены животные (обезьяна и антилопа Ру-Ру), кото-

³ Пять ядов «нисваниша» (санскр. *pañca kleśaviṣa*; тиб. *dug lnga*; ойр. *tabun xortu sedkil*) – пять препятствий (страсть, злоба, невежество, возбужденность, сомнение).

рые благодаря своей мощи смогли вытянуть человека из глубокой пропасти.

Оценочные признаки красивый/уродливый, чистый/грязный, большой/маленький часто отмечаются в описании персонажей. При этом отрицательные оценочные признаки персонажа, такие как *уродливый* и *грязный*, оказываются временным низким описанием, так как после прослушивания им священного Учения он перестает быть уродливым и грязным (безногий юноша, безобразного вида, в истрепанной дворовой одежде, исповедуя веру в Будду, спасается от смерти, выздоравливает и становится тойном, то есть монахом высокого ранга; человек по имени Уцукэн Хаалга, некрасивый, больной и глупый, в конце рассказа становится архатом; одна нечестивая мать из-за своей жадности в последующей жизни рождается уродливым претом (нагая, с обнаженными костями и нутром, из которых распространялось пламя, отвратительная и страшная), Будда со своими приближенными и ее верующим сыном, молясь, возвращают ей человеческое тело, однако она навеки остается «духовно убогой»). «Красивыми» персонажами в сборнике представлены небесные девы, ханские сыновья (Зе Бидо, сын Рамаыны), юноши, замужние женщины. В одном из рассказов царевич, попав на материк океана Цаган Усун, во дворце с колоннами из белой раковины и украшенной яшмой видит красивую небесную деву: «*erdenibēr čimeqsen üzekü tālamjītai maši yō üzeskülengtei nige tenggeriyin okin bui*» [3, л. 37b]. – «прекрасная небесная дева, прелестная на вид и украшенная драгоценностями». Оппозиции «маленький» и «грязный» также относятся к «низкой видимости» героя. Шестидесятилетний мальчик, извлеченный из материнского чрева, выглядит маленьким, небрежным, тощим и с седыми волосами.

Предварительное описание персонажей ойратского памятника «Сказание нектарного Учения» по системе, разработанной Е. С. Новик, позволяет сделать вывод, что для внутрисюжетного функционирования персонажа важным является не только то, какую роль он выполняет в данном сюжете, но и то, какими индивидуальными признаками он наделен, так как именно эти признаки соответствуют тем действиям (конфликтным ситуациям), в которых персонаж принимает участие. Спасение человека или животных из глубокой ямы, быстрой глубокой реки, из рук разбойников или от голода связано с такими признаками, как «истинный / преображенный», «добрый / злой», «мудрый / глупый», «сильный / слабый», «живой / мертвый», «целый / расчлененный» и др.; выздоравливание и преображение персонажа

– с признаками «красивый / уродливый», «чистый / грязный», «большой / маленький» и др.

Индивидуальные признаки персонажа не только определяют характер сюжета, они могут меняться в ходе его развития, так как каждый персонаж – пучок признаков, которые могут легко распадаться или комплектоваться. К примеру, безногий юноша безобразного вида, веря в Будду, в конце рассказа выздоравливает и становится тойном. Данная особенность структуры персонажа делает ее удобной для функционирования по правилам сюжетного повествования произведений настоящего сборника. Полученные результаты послужат основой для дальнейшего исследования семейных, сословных и локальных состояний персонажей ойратского письменного памятника «Сказание нектарного Учения».

Список источников

1. Буддийские легенды на калмыцком языке» // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. П. 5. Д. 867. Л. 11-24.
2. *Aršan nomiyn tuuji orošiboi* (Сказание нектарного Учения). A collection of didactic stories (Сборник дидактических историй) // Научная библиотека восточного факультета СПбГУ. Шифр Calm. E 6. № 1917 (старый шифр: Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 лл.
3. *Aršanī nomiyn tuuji* (Сказание нектарного Учения) // Рукописный фонд Института восточных рукописей РАН. Ф. 247 (Позднеев). Шифр С 197. 64 лл.
4. *Меняев Б. В.* Жанровые особенности ойратского литературного памятника «Сказание нектарного Учения» // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 2011. № 1. Ч. 2(65). С. 76-78.
5. *Владимирцов Б. Я.* Монгольский сборник рассказов из «*Pañcatantra*» // Работы по литературе монгольских народов / Б. Я. Владимирцов; Редкол.: В. М. Алпатов (пред.) и др.; Сост Г. И. Слесарчук, А. Ц. Цендина. М.: Восточная литература, 2003. С. 79–204.
6. *Ёндон Д.* Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литератур. М.: Наука, 1989. 183 с.
7. *Новик Е. С.* Система персонажей русской волшебной сказки. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/novik8.htm>. (дата обращения 23.08.2023).
8. *Домийн Төмөртоого* Монгол хэлний үгийн гаралын тайлбар толь (Этимологический словарь монгольского языка). Улаанбаатар: Адмон Принт, 2018. 445 с.
9. *Домийн Төмөртоого* Монгол хэлэнд орсон гадаад үгийн хураангуй тайлбар толь (Краткий толковый словарь заимствованных слов монгольского языка). Улаанбаатар: Адмон Принт, 2018. 199 с.
10. Ойратский словарь поэтических выражений / факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, при-

ложения Н.С. Яхонтовой. Москва: Восточная литература, 2010. 615 с.

11. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. АН СССР. Ин-т языкознания. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1969. XXXVIII, 676 с.

12. Видения буддийского ада / Предисловие, перевод, транслитерация, примечания и глоссарий А. Г. Сазыкина. СПб: издательство А. Теретьева «Нартанг», 2004. 256 с.

13. Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 519 с.

14. Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями. Вып. 1. М.: Наука, 1981. 377 с.

15. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо) / Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. М.: Наука, 1978. 326 с.

References

1. *Buddiiskie legendy na kalmytskom yazyke* [Buddhist Legends in the Kalmyk Language]. Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan. F. 10. P. 5. D. 867. L. 11–24. (In Oirat)

2. *Aršan nomiyin tuuji orošiboi* [The Tale of the Nectar Teaching]. (Sbornik didakticheskikh istorii) Nauchnaya biblioteka vostochnogo fakul'teta (Collection of didactic stories). SPbGU. Shift Calm. E 6. No. 1917 (st. kod: Xyl. Q 107. Oirat ms.), 43 p. (In Oirat)

3. *Aršāni nomiyin tuuji* [The Legend of the Nectar Teaching]. (Skazanie nektarnogo Ucheniya). Rukopisnyi fond Instituta vostochnykh rukopisei RAN. F. 247 (Pozdneev). Code 197. 64 p. (In Oirat)

4. Menyayev, B.V. (2011). *Zhanrovye osobennosti ojratskogo literaturnogo pamjatnika "Skazanie nektarnogo Ucheniya"* [Genre Features of the Oirat Literary Monument "The Legend of the Nectar Teaching"]. B. V. Menyayev. Nauchnaya mysl' Kavkaza. No. 1, chast' 2(65), pp. 76–78. Rostov-na-Donu, izdatel'stvo Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshei shkoly. (In Russian)

5. Vladimirtsov, B. Ya. (2003). *Mongol'skij sbornik rasskazov iz "Pañcatantra"* [Mongolian Collection of Stories from "Pañcatantra"]. Raboty po literature mongol'skikh narodov. B. Ya. Vladimirtsova. Redkol.: V. M. Alpatov (pred.) i dr.; sost. G. I. Slesarchuk, A. Ts.

Tsendina. Pp. 79–204. Moscow, Vostochnaya Literatura. (In Russian)

6. Yondon, D. (1989). *Skazochnye sjuzhety v pamyatnikakh tibetskoi i mongol'skoi literatur* [Fairy Tales in Monuments of Tibetan and Mongolian Literature]. D. Yondon. 183 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

7. Novik, E. S. *Sistema personazhey russkoy volshebnykh skazki* [System of Characters of the Russian Fairy Tale]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/novik8.htm> (accessed: 23.08.2023). (In Russian)

8. Domiin Tomortogo (2018). *Etimologicheskij slovar' mongol'skogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Mongolian Language]. Domiin Tomortogo. 445 p. Ulaanbaatar, Admon Print. (In Mongolian)

9. Domiin Tomortogo (2018). *Kratkii tolkovyi slovar' zaimstvovannykh slov mongol'skogo yazyka* [A Short Explanatory Dictionary of Borrowed Words of the Mongolian Language]. Domiin Tomortogo. 199 p. Ulaanbaatar, Admon Print. (In Mongolian)

10. *Oiratskii slovar' poehticheskikh vyrazhenii* (2010) [Oirat Dictionary of Poetic Expressions]. Faksimile rukopisi, transliteratsiya, vvedenie, perevod s oiratskogo, slovar' s kommentariyami, prilozheniya N. S. Yakhontovoi. 615 p. Moscow, Vostochnaya literatura. (In Oirat, in Russian)

11. *Drevnetjurkskii slovar'* (1969) [Ancient Turkic Dictionary]. Red. V. M. Nadelyayev et al. AN USSR. In-t yazykoznaneya XXXVIII, 676 p. Leningrad, Nauka. (In Turkic, in Russian)

12. *Videniya buddiiskogo ada* (2004) [Visions of Buddhist Hell]. Predislovie, perevod, transliteratsiya, primechaniya i glossarii A. G. Sazykina. 256 p. St. Petersburg, izdatel'stvo A. Teret'eva "Nartang". (In Russian)

13. Neklyudov, S. Yu. (2019). *Fol'klorny landshaft Mongolii. Mif i obryad* [Folklore Landscape of Mongolia. Myth and Ritual]. S. Yu. Neklyudov, 519 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

14. Rerikh, Yu. N. (1983). *Tibetsko-russko-anglijskii slovar' s sanskritskimi parallelyami* [Tibetan-Russian-English Dictionary with Sanskrit Parallels]. Yu. N. Rerikh. Vol. 1. 377 p. Moscow, Nauka. (In Tibetan, in Russian)

15. *Sutra o mudrosti i gluposti (Dzanlundo)* (1978) [Sutra on Wisdom and Folly (Zanlundo)]. Per. s tib., vved. i komment Yu. M. Parfionovich. 326 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 18.11.2023

Поступила в редакцию 18.11.2023

Меняев Бадма Викторович,
специалист,
Калмыцкий государственный университет
имени Б. Б. Городовикова,
358000, Россия, Элиста,
Пушкина, 11.
orcid.org/0000-0002-9205-4537
Scopus Author ID: 57219295236
Researcher ID: 616985
bmeyayev@mail.ru

Menyayev Badma Viktorovich,
specialist,
Kalmyk State University
named after B. B. Gorodovikov,
11 Pushkin Str.,
Elista, 358000, Russian Federation.
orcid.org/0000-0002-9205-4537
Scopus Author ID: 57219295236
Researcher ID: 616985
bmeyayev@mail.ru

УДК 821.512.141

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-163-169

МОЛИТВА КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ПСИХОЛОГИЗМА В РАССКАЗЕ Г. ГИЗЗАТУЛЛИНОЙ-ГАЙСАРОВОЙ «МОЛИТВА МОЕЙ ЛЮБВИ»

© Гульнур Набиуллина

PRAYER AS ONE OF THE PSYCHOLOGISM TECHNIQUES IN THE STORY “THE PRAYER OF MY LOVE” BY G. GIZZATULLINA- GAISAROVA

Gulnur Nabiullina

The article studies the prayer as one of the techniques of psychologism in the story by G. Gizzatullina-Gaysarova. Our purpose is to study the role and function of using a prayer in the work by the Bashkir prose writer. The analysis is based on her story “The Prayer of My Love”. To achieve this goal, we used the comparative-historical, descriptive, functional and psychological methods. The analysis showed that the peculiarity of the writer’s manner is the use of the gender approach and the narration from the main character’s perspective. The psychological content of the work is revealed due to the writer’s ability to show the depth of human feelings using an emotionally colored artistic language, her skill to convey characteristic psychologism by means of such expressive techniques as a monologue, dialogue, letter, diary, confession and prayer. Thus, the writer’s mastership has made it possible to take a step forward in understanding deep human feelings and the embodiment of her character’s spiritual exploits; the reception of the prayer in the story helps to understand the emotions of the characters and comprehend the individual features of human nature.

The results of this study may contribute to the further study of the artistic psychologism in the writer’s prose.

Keywords: prayer, internal analysis, psychologism, Bashkir story, human soul, creative skill, unearthly love

В статье рассматривается молитва как один из приемов психологизма в рассказе Г. Гиззатуллиной-Гайсаровой. Целью является изучение роли и функции приема молитвы в произведении башкирского прозаика. Материалом для анализа послужил рассказ «Молитва моей любви». Для достижения поставленной цели были использованы сравнительно-исторический, описательно-функциональный и психологический методы. Анализ показал, что своеобразной манерой писателя является использование гендерного подхода и повествование от лица главной героини рассказа. Психологическое содержание произведения обеспечено умением писателя раскрыть глубину человеческих чувств с помощью эмоционально окрашенного художественного языка, таких приемов, как монолог, диалог, письмо, дневник, исповедь и молитва. Сделаны выводы, о том, что мастерство писателя позволило сделать шаг в осмыслении глубинных человеческих чувств и воплощения душевных подвигов героев, прием молитвы в рассказе помогает понять переживания героев и осмыслить индивидуальные черты человеческой природы.

Результаты данного исследования способствуют дальнейшему изучению художественного психологизма прозы писателя.

Ключевые слова: молитва, внутренний анализ, психологизм, башкирский рассказ, человеческая душа, творческое мастерство, неземная любовь

Для цитирования: Набиуллина Г. Молитва как один из приемов психологизма в рассказе Г. Гиззатуллиной-Гайсаровой «Молитва моей любви» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 163–169. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-163-169

В современной науке достаточно внимание уделяется психологическим аспектам личности, различных явлений и ситуаций. Ко второй поло-

вине XX века расширился круг научных трудов, посвященных данной проблеме. Об этом свидетельствуют опубликованные монографии «Ху-

дожественный психологизм в советской литературе (1920-е годы)» (1980) В. В. Компанеец, «Психологизм русской классической литературы» (1988) А. Б. Есина, «Английский психологический роман XX века» (1988) Н. Ю. Жлуктенко, «О психологизме Н.С. Лескова» (1993) Е. В. Тюховой, «Психологизм в литературе» (2009) О. Б. Золотухина и др.

«Определенных результатов в изучении психологизма в художественной структуре национальных литератур достигли татарские исследователи Ф. М. Хатипов, В. Р. Аминев, А. З. Карамова, чувашские ученые Г. И. Федоров, А. Ф. Мышкина, мордовские филологи В. И. Демин, О. И. Бирюкова, коми литературовед Г. В. Болотова и др. Приемы и формы психологизма затрагивались в монографиях и статьях С. М. Нефедовой (коми литература), Г. Н. Гареевой (башкирская литература), Р. А. Кудрявцевой (марийская литература)» [1, с. 4–5].

В работе Г. Н. Гареевой «Психологизм в башкирской прозе 1960–1980-х годов» (2012) подробно рассматривается проблема психологизма в исследованиях советских литературоведов (М. Е. Храпченко, Б. В. Бурсов, Л. Я. Гинзбург, Д. Ф. Марков, А. Н. Иезутов, Д. С. Лихачев, И. В. Страхов) [2, с. 9], наряду с ними в трудах башкирских и татарских ученых-филологов. Г. Н. Гареева подчеркивает, что отдельные вопросы психологизма выявлены в исследованиях С. Г. Сафуанова, А. Х. Вахитова, Г. Б. Хусаинова, Р. Н. Баимова.

Сам фактор психологизма не является новым. Его развитие в русской литературе связывают с именами А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого» [3]. Согласно А. Б. Есину, психологизм в литературе – это «художественное изображение внутреннего мира персонажей...» [4, с. 12].

В литературоведении авторитетными учеными обозначены основные психологические приемы: «система повествовательно-композиционных форм», которая включает в себя авторское психологическое повествование, рассказ от первого лица, письма, психологический анализ, также «внутренний монолог», «психологическая деталь, портрет, пейзаж», «сны и видения», «персонажи-двойники», «умолчание» и т. д. В гуманитарных науках выделяют три формы: явный, скрытый (прямой, косвенный), суммарно-обозначающий психологизм. В данном случае нас интересуют первые две формы, которые можно рассматривать на материале одного рассказа известного башкирского прозаика Гульсиры Гайсаровой-Гиззатуллиной (1957).

В современной башкирской литературе с именем Г. Гайсаровой-Гиззатуллиной связано появление оригинальной психологической прозы. Большое место в ее творчестве занимает тема женской доли, писатель остро реагирует на события современности, связанные с женской судьбой. Исследования в области гендерной проблемы, приобретенные знания, работа в журнале «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»), творческий и жизненный опыт помогли ей выдвинуть эстетические и целевые установки, создать неповторимые женские образы, определив характер и направление художественной деятельности.

Г. Гиззатуллина-Гайсарова – писатель масштабных возможностей в области раскрытия человеческой психологии, ее рассказы, повести и роман отличаются поэтической содержательностью пластики, широко раздвигают границы художественного психологизма в башкирской прозе.

«Исповедальная форма ее произведений отражает особенности романтического психологизма, являясь, с одной стороны, эффективным способом психологической мотивации душевного мира героев, а с другой – обозначает образ рассказчика с индивидуальным личностным видением и восприятием окружающей жизни» [5].

Психологический образ ее героев в книгах «Өмөтөмдө калдыр» («Оставь надежду», 1993), «Йөз зә бер ғүмерем» («Сто и одна жизнь моя», 1997), «Күңел утрауы» («Обитель души», 2003), «Тормош шау сәскәлә» («Жизнь в цветах», 2007), «Йәннәт һулышы» («Дыхание рая», 2011), «Йәшәргә вакыт» («Время жить», 2012), «Һәзиә» («Хадия») выделяется неординарностью.

Роман Г. Гайсаровой-Гиззатуллиной «Хадия» в 2005 году был объявлен самым лучшим башкирским романом, в 2008 году книга «Жизнь в цветах» была удостоена звания «Самая лучшая книга года», в том же году ее рассказ «Төшлөктәге төш» («Сон в полдень») получил первое место в региональном этапе Международного конкурса рассказов имени Махмуда аль-Кашгари, посвященного 1000-летию со дня рождения ученого. В 2022 году в переводческой номинации за цикл рассказов «Схватка» она стала лауреатом Международной литературной премии имени Фазиля Искандера.

Свойственные прозаику высокое мастерство и глубокие познания человеческой психологии отличают ее произведения, особый характер и вид объективности психологического самоанализа буквально поражают читателя. Особенностью рассказов Г. Гиззатуллиной-Гайсаровой является то, что в них утверждается вера в силу любви ге-

роев. Отталкиваясь от конкретных жизненных ситуаций своих персонажей, выделяя среди множества проблем главную, автор приходит к своеобразным и глубоким обобщениям, к созданию образного восприятия мироздания женской половиной человечества. И не только данная сторона привлекает к ее творчеству внимание читателей, литературоведов, исследователей, критиков, коллег по перу, она рассматривает эмоциональный аспект сложных проблем через призму психологизма.

Повествование в социально-психологическом рассказе «*Ҳейоғем доғаһи*» («Молитва моей любви») Г. Гизатуллиной-Гайсаровой начинается со встречи в палате госпиталя, которая служит символическим центром и кульминацией произведения. Письмо, полученное от подруги молодости, приводит молодую женщину в госпиталь, из которого героиня узнает о том, что ее любимый человек, считавшийся погибшим в Афганской войне, жив.

«Студент вақытымдағы көндәлегемде карап ултырғанда күзгә салынды: „Шул тиклем яратып та Райхан да Хәйзәре менән қауышмаһа – был донъяла хәкикәт юк!“ – тип язып куйғанмын». Сәләм юк, ни юк, хатын шулай сәйер башлаған Вәсилә.

«Мөхәббәтең илаһилығын төшөндөрөп биргәнегез өсөн рәхмәтлебез һезгә, Райхан. ...Озақ уйланым, бер язайым, тинем тукталдым, йәнә укталдым. Язам инде, һин белергә тейешһең. Хәйзәрәң иһән. Аякһыз-кулһыз хәлдә афған һуғышы ветерандары йортонда йәшәй». –

«Листая страницы своего студенческого дневника, я обнаружила запись: „Если даже безумно любящая Райхан не сможет быть вместе со своим любимым Хайдаром – в этой жизни нет истины“, – вместо приветствия так необычно начала свое письмо Василә. – Мы благодарны вам за то, что дали нам возможность понять высокое чувство неземной любви. Я много раз думала, сообщать тебе или нет... Но решила, все-таки ты должна знать, твой Хайдар жив, без рук и ног живет в Доме ветеранов Афганской войны» здесь и далее перевод наш. – Г. Н.) [6, с. 27].

Художественные компоненты, как письмо и дневник подруги молодости, помогают воссоздать предысторию главной героини: искренние и чистые чувства любви молодой девушки, ее душевные раны вызывают у читателя сочувствие. История любви Райхан и Хайдара пропущена через призму психологизма, характер героини подвергнут углубленному художественному анализу. Как отмечает Н. Д. Тamarченко, в эпической литературе «становится возможным раскрытие характера целиком через самосознание: в форме исповеди или дневника» [7, с. 257].

События из прошлого и настоящее героев рассказа тесно связаны. Воспоминания дополняют, разъясняют, детализируют данную встречу, во время которой раскрываются истинные чувства героев «в разных символических вариациях» [8, с. 63], которые скрепляют все временные плоскости рассказа в одну композицию.

Время в рассказе «Молитва моей любви» представлено фрагментарно: прошлое и настоящее героини, определяющие драматические моменты ее жизни, отодвинуты друг от друга на 12 лет. Присутствие советских военных на территории Демократической Республики Афганистан делит прошлое героини пополам. Если первое – это счастливое время, связанное с глубокими чувствами героини к молодому человеку, то второе противопоставлено первому – потеря любимого, боль, утрата и ее душевные травмы. В произведении раскрывается сущность и глубина переживаний Райхан и в настоящем. Тема любви в рассказе во всех временных координатах является сквозной, все монологи, диалоги, события, анализирующие различные состояния души героини, выстроены как определенный этап «молитвы ее любви».

Молитва практикуется во многих религиях. В исламе она означает «ритуальные действия, которые необходимо совершать, проговаривая определенные тексты...» [9, с. 143].

Молитва любви героини по внутренней структуре одноприродна обычной религиозной молитве. Бессилие перед проблемами бытия подталкивает Райхан обращаться ко Всевышнему с мольбой о спасении души ее любимого человека. То, что молитва связывает героиню с невидимым, духовным миром, вполне оправдывает заимствование из теологической лексики и использование данного понятия в литературном тексте для обозначения психологического состояния ее души. Безусловно, порядок совершения молитвы, в свою очередь, отличается от религиозного обряда.

Как известно, в фольклоре и в художественных произведениях о силе любви также много сказано, есть общеизвестные примеры из истории мировой литературы и литературы тюркских народов, к примеру, Тристан и Изольда (Жозеф Бедье), Ромео и Джульетта (Уильям Шекспир), Лейла и Маджнун (Низами Гянджеви), Фархад и Ширин (Алишер Навои), Джамиля и Данияр (Чингиз Айтматов), Тахир и Зухра (восточная легенда), Кузыйкурпес и Маянхылыу (башкирский фольклор), Халил и Галиябану (Мирхайдар Файзи), Акйегет и Зубаржат, Марагим и Акйондоз, Любомир и Мария (Мустай Карим), Фериди и Кемран (Решат Нури Гюнтекин) и др.

Тема любви – это одна из вечных тем в литературе. К примеру, в 1982 году в Башкирском книжном издательстве увидел свет сборник «Мөхәббәт китабы» («Книга любви»), подготовленный писателем Г. Байбуриным, где были собраны самые известные стихотворения башкирских поэтов о любви.

В отличие от них, Г. Гайсарова-Гиззатуллина использует гендерный подход в раскрытии темы любви. Она обращает свой взор на психологический аспект, «углубленное художественное изображение внутреннего мира», «чувств, мыслей, восприятий, переживаний, настроений, ощущений» [2, с. 5–6] героини, описывая многоголосую симфонию чувств женщины во всех ее красках, во всех конкретных деталях.

Поэтическое чувство писателя в восприятии сокровенных тайн человеческой души, творческое мастерство, необыкновенный талант позволили возвысить любовь героев до сакральности. Выбирая лишь отдельные события, характерные воспоминания, отрезок из жизни героев, выделяя психологические особенности, писательница собрала их вокруг встречи в Доме для воинов-интернационалистов, где подробно шаг за шагом описывает душевное состояние героев. При всей условности внутренних терзаний персонажей получились неординарные образы со своими индивидуальными характерами. Стремясь воплотить сердечные порывы и душевные подвиги героев в вышеназванном рассказе, Г. Гайсарова-Гиззатуллина создала уникальное произведение.

В рассказе самопожертвование воина-добровольца Хайдара подобно поступку центрального героя жанра трагедии, где он, стремясь к внутренней свободе, самоутверждается в борьбе и «погибая, становится победителем» [8, с. 239]. При выполнении боевого задания у Хайдара не раскрывается парашют, в результате этого он падает на землю и остается живым, в отличие от своих товарищей, которые были расстреляны афганскими «духами». За героизм его награждают орденом, но ему не было суждено умереть как герою трагедии: потеряв руки и ноги, он навсегда остается прикованным к постели.

Ф. Т. Кузбеков отмечает, что, видимо, испокон веков те, кто пытается в какой-то степени найти смысл жизни в период застоя, выбирает гореть в огне, чем задыхаться в болоте. Он видит в образе Хайдара черты известных литературных персонажей, таких как Андрей Болконский, Григорий Печорин, в том числе и творческих личностей, таких как М. Лермонтов, Байрон [10, с. 150].

После падения, очнувшись в госпитале города Ташкента, Хайдар хочет наложить на себя руки. Преодолеть тяжелые чувства помогает старый профессор, вытащивший его из того света, назвавший парня смыслом своей жизни.

Известие о смерти возлюбленного накаляет обстановку, подталкивая студентку Райхан на отчаянный шаг – попрощаться со своей жизнью. Ее также спасают. Происходящие в одной временной плоскости действия героев усиливают их «меру трагичности» [8, с. 237]. Хотя рассказ написан в форме молитвы, местами преобладают «идейные постулаты, имеющие отношение к психике, а не к моральным ценностям» [11], как в романе Итало Звево «Самопознание Дзено» (*La coscienza di Zeno*, 1923).

Эмоциональные потрясения героев рассказа происходят в одно и то же время, хотя они находятся больше двух тысяч километров друг от друга. Романтичной Райхан и человеку огромного ума и воли Хайдару не было суждено повторить историю любви известных влюбленных пар.

Как писал Н. А. Бердяев, «в сильной эмоции любви есть глубина бесконечности» [12, с. 88]. Талант писателя заключается не только в создании образов своих современников, но и в умении уловить и продемонстрировать ту «глубину бесконечности» любви своих персонажей, которая ассоциируется в рассказе с молитвой, раскрывая сложные психолого-философские раздумья писателя о роли и смысле любви в жизни человека.

Следует обозначить, что в формировании двупланности рассказа способствовали, с одной стороны, описание чувств Райхан, с другой – рассказы Хайдара, эти две части произведения объединяет их диалог. Часть рассказа составляет напряженный диалог между Хайдаром и Райхан:

– Нимә эзләп килден?

– Мин үземде эзләп килдем һинен яныңа, – тип яуап бирәм үземә лә, Хәйзәргә лә... Һинен янында ғына мин үземә үзем окшайым. Бары һинен янында ғына, донъяла башка ундай кеше юк.

– Что ты искала, зачем пришла сюда?

– Я пришла найти себя, – отвечаю я себе и Хайдару... Только возле тебя я похожа сама на себя. Только рядом с тобой, больше нет такого человека на свете [6, с. 29–31].

Именно диалог выполняет функцию раскрытия характера и смысла поступка Хайдара, его твердых убеждений. Причина, по которой герой не дал знать близким, даже своей матери, о том, что он остался жив, возвышает его нравственный облик. Хайдар предстает перед читателем благородным героем, вынесшим тяжелейшие испытания во время боевых операций и в мирной жизни.

ни, который готов отказаться от своих сокровенных чувств ради благополучия и счастья близких. Хайдар считает, что его решение и поступок достаточно мотивированы, мысленно представив, что если бы он вернулся десять лет тому назад, то ни Райхан, ни его мать не отказались бы от него, героически тянули бы свою ношу, а он бы мучился, увидев их несчастье. Его отец 11 лет был прикован к постели, внешне они казались счастливой семьей. Признаком невидимого психологического напряжения в семье служит завещание отца, где раскрывается негативное в его характере, недоверие и подозрительность к близким, постоянное ощущение угрозы своему здоровью и жизни. Болезнь портит характер человека, делает свои выводы Хайдар, он не намерен повторить судьбу отца.

В начале встречи с Райхан перенесенный болевой шок показывает глубину драматизма героя, его мнимого хладнокровия, когда он не смог справиться с эмоциональным контролем. «Драма начинается там, где есть герой, наделенный волей к решительным действиям» [8, с. 135]. Здесь драматизм проявляется внутри одного образа и возникает на основе противоречия его воли и чувств, которые причиняют Хайдару страдания.

Г. Гайсарова-Гизатуллина изображает своих героев в закрытом пространстве, располагая их напротив друг друга, как в драматическом произведении. Хайдар, потерявший рук и ног, не лишен человеческих достоинств, безгранично трогателен его психологический образ. Для того, чтобы продолжать жить, не падать духом, ослабить внутреннее отчаяние, страдание и напряжение, у него выработалась собственная «истина», служащая катализатором его воли, обращенная к философии Будды, что «боль и страдания возникают из-за желаний».

«Ә һәр бер теләктең юлдашы – әрнеү. Теләгенң ынтылаһың, ә тормош ағымы һиңә каршылаша, тукмай – ауыртынаһың... Минең иһә теләгем дә, ынтылышым да, хыялым да юк. Мин үземдә бөтәһен дә юғалтканыма ныклап күндерзем. Шунан бирле бер ауыртыу за тоймайым, сөнки тормош мине урап үтә».

«А спутник любого желания – боль. Стремись к желанию, а жизнь противится тебе, бьет – получаешь травму... У меня же нет ни желания, ни стремления, ни мечты. Я убедил себя в том, что потерял все. С тех пор я не чувствую никакой боли, потому что жизнь обходит меня стороной» [6, с. 37–38], – разъясняет свою «истину» Хайдар.

Он, как участник войны, много размышляет о жизни и смерти, о людских проблемах, о страданиях, о зле, о причинах своего состояния. Утешая

пациентов с душевными травмами, он чувствует себя как робот-психотерапевт.

Райхан пытается вернуть его прежнее душевное состояние, пытаясь убедить своим эмоциональным рассказом, что он имеет огромное значение в ее жизни. «Жанровой доминантой» рассказа является «усиленное внимание его создателя не ко внешнему событийному сюжету, а к сюжету „внутреннему“, который развивается в психике персонажа, имеет свою завязку, кульминацию и развязку, свой конфликт» [11]. Конфликт, который происходит в душе Хайдара, отражается в психологическом состоянии Райхан.

В прошлом воздействие Хайдара на Райхан всегда было благотворным, она чувствовала себя полноценным, здравомыслящим и умеющим любить человеком, только рядом с ним, вместе они составляли духовное целое. В связи с физическим состоянием Хайдара между ними образовался психологический барьер.

В рассказе «Молитва моей любви» на первый план писатель выдвигает описание истинных чувств своих героев. Любовь между Райхан и Хайдаром представляется через рассказ героини, который приобретает исповедальный характер, напоминающий настоящую молитву. Райхан, будучи замужем, имея детей, не скрывает свои искренние чувства, не хочет казаться лучше, чем она на самом деле есть. Ощущение невероятно чистых человеческих отношений в произведении особо отчетливо раскрывается также с помощью мимики и жесты художественных образов.

Четкость композиции, цельность характеров, сложная жизненная ситуация героев, искреннее отношение персонажей друг к другу, глубокий психологический анализ характерны для творчества Г. Гизатуллиной-Гайсаровой. Благодаря тонкому восприятию человеческой психологии и основным принципам создания гармоничной композиции рассказ «Һөйөүем доғаһы» («Молитва моей любви») писателя из сборника «Йөз зә бер ғүмерем» («Сто и одна жизнь моя») воспринимается как подлинный шедевр, как «гениальное творчество» [13, с. 28].

В своеобразной манере написан рассказ, где любовь персонажей представляется на основе трепетных чувств. Создавая образ Райхан, автор представляет особое женское мировоззрение и восприятие окружающих, чувственность души. Главная героиня рассказа олицетворяет глубину женской любви. Огромное место Г. Гайсарова-Гизатуллина выделяет в своем рассказе внутреннему анализу Райхан своих поступков и происходящих событий. Выбирая способ передачи характерного психологизма, прозаик весьма откровенно, подробно описывает каждое движение

и эмоциональный изгиб душевного состояния своей героини, максимально используя изобразительно-выразительные средства языка.

Тонким психологизмом проникнут рассказ, даже его романтический пафос преломляется через психологический самоанализ персонажей. Героиня, окинув прошлое, исповедует историю их любви с точки зрения сокровенных чувств, очищая свою душу от ран. Сага о любви Райхан и Хайдара, приобретая форму молитвы, предстает перед читателем как настоящее искусство слова.

Таким образом, в рассказе «Һөйөүем доғаны» («Молитва моей любви») события, которые легли в основу сюжета, не излагаются как в прозаическом произведении, а выражаются с помощью чувств и эмоций героев, в форме молитвы, как искреннее обращение главной героини к своей трепетной любви. Она индивидуальна и откровенна, как требует акт совершения данного ритуала.

Г. Гизатуллина-Гайсарова исключительно справляется с задачей. Удивительный, на редкость красивый и эмоционально окрашенный художественный язык, описывающий чувства героев рассказа, передающий их мысли и переживания, доводит историю любви до глубины души читателя, создавая оригинальное психологическое содержание и уникальную художественную концепцию действительности.

Особенность произведения писателя в том, что Г. Гайсарова-Гизатуллина строит параллельно внешнему сюжету произведения «внутренний сюжет» с помощью чувственного восприятия персонажами окружающей действительности. Свои чувства Райхан олицетворяет молитвой, призывающей различать истину, которая направлена на спасение души любимого человека от равнодушия к самому себе.

Рассказ писателя привлекает не только своеобразными героями, но и ее умением улавливать тонкие индивидуальные психологические черты человеческой природы. Важный момент в построении характера героя сыграли тонко подобранные жизненные ситуации, сопровождаемые элементами физических явлений. Философское обобщение жизненных проблем героев углубляется выразительностью психологических приемов, таких как монолог, диалог, исповедь, письма, дневник и молитва.

Список источников

1. Рябинина М. В. Марийская повесть второй половины XX века: поэтика психологизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2014. 24 с.

2. Гареева Г. Н. Психологизм в башкирской прозе 1960–1980-х годов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 138 с.

3. Психологизм // Foxford.ru: Фоксфорд, 2009–2023. URL: <https://foxford.ru/wiki/literatura/psychologism> (дата обращения: 05.05.2022).

4. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. М.: Просвещение, 1988. 176 с.

5. Халикова Э. В Национальной библиотеке Республики Башкортостан состоялась встреча с башкирской писательницей Гульсирой Гизатуллиной-Гайсаровой. URL: <https://vatandash.ru/news/kultura/2022-06-10/v-natsionalnoy-biblioteke-respubliki-bashkortostan-sostoyalas-vstrecha-s-bashkirskoy-pisatelnitsey> (дата обращения: 30.06.2022).

6. Гайсарова-Гизатуллина Г. М. Йөз зә бер ғүмерем [Сто и одна жизнь моя]. Уфа: Китап, 1997. 304 с.

7. Тамарченко Н. Д., Тюпа В. И., Бройтман С. Н. Теория литературы: в 2 т. М.: Академия, 2010. Т. I. 512 с.

8. Кильмухаметов Т. А. Поэтика башкирской драматургии. Уфа: Китап, 1995. 336 с.

9. Гогберидзе Г. М. Исламский толковый словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2009. 266 с.

10. Кузбаков Ф. Т. Һөйөүҙән яралған был донъя (Гөлсирә Гизатуллина ижадында катын-кыз фәлсәфәһе) // Ағизел. №9. 2022. С. 146–164.

11. Определение психологизма в психологии и литературе // URL: <https://poisk-ru.ru/s52391t9.html> (дата обращения: 05.05.2022).

12. Бердяев Н. А. Самопознание. Л.: Лениздат, 1991. 398 с.

13. Ветловская В. Е. Анализ эпического произведения: проблемы поэтики. СПб.: Наука, 2002. 123 с.

References

1. Ryabinina, M. V. (2014). *Mariiskaya povest' vtoroi poloviny` XX veka: poe'tika psikhologizma: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk* [The Mari Story of the Second Half of the 20th Century: The Poetics of Psychologism: Ph.D. Thesis Abstract]. Cheboksary, 24 p. (In Russian)

2. Gareeva, G. N. (2012). *Psikhologizm v bashkirskoj proze 1960–1980-kh godov* [Psychologism in Bashkir Prose of the 1960s–1980s]. 138 p. Ufa, RIC BashGU. (In Russian)

3. *Psikhologizm* [Psychologism]. Foxford.ru: Фоксфорд, 2009–2023. URL: <https://foxford.ru/wiki/literatura/psychologism> (accessed: 05.05.2022). (In Russian)

4. Esin, A. B. (1988). *Psikhologizm russkoi klassicheskoi literatury`* [The Psychology of Russian Classical Literature]. 176 p. Moscow, Prosveshhenie. (In Russian)

5. Khalikova, E. V. (2022). *Natsional'noi biblioteke Respubliki Bashkortostan sostoyalas' vstrecha s bashkirskoi pisatel'nitsei Gul'siroi Gizatullinoy-Gaisarovoi* [A meeting with the Bashkir writer Gulsira Gizatullina-Gaisarova took place at the National Library

of the Republic of Bashkortostan]. URL: <https://vatandash.ru/news/kultura/2022-06-10/v-natsionalnoy-biblioteke-respubliki-bashkortostan-sostoyalas-vstrecha-s-bashkirskoy-pisatelnitsey> (accessed: 30.06.2022). (In Russian)

6. Gaisarova-Gizzatullina, G. M. (1997). *Sto i odna zhizn' moya* [One Hundred and One Lives of Mine]. 304 p. Ufa, Kitap. (In Bashkir)

7. Tamarachenko, N. D., Tyupa, V. I., Brojtman, S. N. (2010). *Teoriya literatury* [Literary Theory]. 512 p. Moscow, Akademiya. (In Russian)

8. Kilmukhametov, T. A. (1995). *Poetika Bashkirskoi dramaturgii* [Poetics of Bashkir Drama]. 336 p. Ufa, Kitap. (In Russian)

9. Gogiberidze, G. M. (2009). *Islamskii tolkovyi slovar'* [An Explanatory Dictionary of Islam]. 266 p. Rostov, Phoenix. (In Russian)

10. Kyzbäkov, F. T. (2022). *Højøžän yaralzan by'l don`ya (Gölsirä Fizzätullina izhady`nda katy`n-ky`z fälsäfähe)* [A World Created out of Love (Women's Philosophy in the Works of Gulsira Gizzatullina)]. Arizel. No 9, pp. 146–164. (In Bashkir)

11. *Opredelenie psikhologizma v psikhologii i literature* [Definition of Psychologism in Psychology and Literature]. URL: <https://poisk-ru.ru/s52391t9.html> (accessed: 05.05.2022). (In Russian)

12. Berdyaev, N. A. (1991). *Samopoznanie* [Self-knowledge]. 398 p. Leningrad, Lenizdat. (In Russian)

13. Vetlovskaya, V. E. (2002). *Analiz epicheskogo proizvedeniya: problemy poetiki* [Analysis of the Epic Work: The Problems of Poetics]. St. Petersburg, Nauka, 123 p. (In Russian)

The article was submitted on 21.10.2023

Поступила в редакцию 21.10.2023

Набиуллина Гульнур Мирзаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»,
450000, Россия, Уфа,
Октябрьской революции, 3а.
gulnurnabiullina@mail.ru

Nabiullina Gulnur Mirzaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Akmulla Bashkir State Pedagogical University
3-a, October Revolution Str.,
Ufa, 450000, Russian Federation.
gulnurnabiullina@mail.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-170-174

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ЖАНРА ДНЕВНИКА В РОМАНЕ «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ» КАДЗУО ИСИГУРО

© Татьяна Орлова

STYLISTIC FEATURES OF THE DIARY GENRE IN “NEVER LET ME GO” BY KAZUO ISHIGURO

Tatiana Orlova

The article deals with the dystopia “Never Let Me Go” (2005) by the British writer Kazuo Ishiguro. The novel, chosen for our analysis, is the text of a diary, in which the main character’s memoirs are used to represent a transhumanist future. The main character of the novel, Kathy H., keeps a diary that defines the entire narrative organization of the text. The novel is seen as a postmodern example of an ongoing artistic tradition in which personal, private experiences, captured in Kathy H.’s diary, lead the reader through a fictional world. The article analyzes the genre and stylistic features of the diary to identify the narratological originality of the novel. The reception of the diary entries allows the reader to see how Kathy H.’s personality develops over time. This structure creates an engaging narrative approach that enables the reader to follow the psychological maturation and development of Kathy H.’s character and her journey of self-discovery. Kathy’s diary serves as an unreliable, but the only source of information in the novel. This allows the reader to adopt the protagonist’s emotional experience, to scrutinize her way of thinking and to plunge into her innermost world of desires. Taking the fictional world for a plausible one, the reader dives deeper into the narrative of the novel by the Nobel Prize winner in literature. This novel raises eternal and deeply philosophical themes, such as: humanity, memory, love, mortality and the meaning of life.

Keywords: novel, dystopia, fiction, postmodernism, diary

В статье рассматривается антиутопия британского писателя Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня» (2005). Избранный для анализа роман представляет собой текст дневника, в котором мемуары главной героини используются как средство представления трансгуманистического будущего. Главная героиня романа, Кэти Ш., ведет дневник, который определяет всю нарративную организацию текста. Роман рассматривается как постмодернистский пример продолжающейся художественной традиции, в которой личный, частный опыт, запечатленный в дневнике Кэти Ш., ведет читателя через фикциональный мир. В статье анализируются жанровые и стилистические особенности дневника с целью выявления нарратологического своеобразия романа. Прием дневниковых записей позволяет читателю увидеть, как события и история Кэти Ш. развиваются с течением времени. Эта структура создает уникальный повествовательный подход, который позволяет читателю проследить психологическое взросление и становление персонажа Кэти Ш. и ее путь самопознания. Дневник Кэти служит недостоверным, но единственным источником информации в романе, что позволяет читателю перенять эмоциональный опыт героини, примерить ее образ мыслей, окунуться в ее сокровенный мир желаний. Принимая фикциональный мир за правдоподобный, читатель глубже проникает в повествование романа лауреата Нобелевской премии по литературе, в котором поднимаются вечные и глубоко философские темы, такие как человечность, память, любовь, смерть и смысл жизни.

Ключевые слова: роман, антиутопия, фикциональность, постмодернизм, дневник

Для цитирования: Орлова Т. К вопросу о стилистических особенностях жанра дневника в романе «Не отпускай меня» Кадзуо Исигуро // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 170–174. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-170-174

Сэр Кадзуо Исигуро (р. 1954) – британский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (2017), обладатель международных лите-

ратурных премий. Критики и читатели единогласно признают, что писательское мастерство

Кадзуо Исигуро представляет собой интерес во многих аспектах.

Статья посвящена рассмотрению основных стилистических особенностей прозы Кадзуо Исигуро на материале его шестого романа – «Не отпускай меня» (“Never Let Me Go”, 2005), за который писатель получил Букеровскую премию. По версии журнала Time, роман включен в список 100 лучших романов на английском языке за последние 100 лет.

Тема памяти в творчестве Исигуро – одна из ключевых. Имея тесную связь с философским контекстом романного творчества Кадзуо Исигуро, она характеризуется своей особой художественной специфичностью. Кадзуо Исигуро неоднократно оформлял повествование в своих романах в виде воспоминаний или записей в дневнике. При этом мотив воспоминания в его романах служит не только утилитарной функции для выражения философского контекста романа, а обретает сюжетообразующую функцию. Борис Валентинович Аверин отмечал новизну сюжета воспоминания в сравнении с литературой в жанре автобиографии и дневниковой прозы XIX в., в которых акцент был на воссоздании картин прошлого, а не на самом акте воспоминания [1, с. 232]. Воспоминания детства, встраиваясь в этот тип сюжета, обретают специфический смысл в рамках глубоко философского и социального контекста романов Кадзуо Исигуро.

Действие романа-антиутопии происходит в Англии в конце 1990-х гг. О событиях этих лет вспоминает 31-летняя Кэти. Книга начинается традиционно для жанра дневника – с самопредставления, и почти сразу же читатель углубляется в ранние воспоминания о школьных годах и друзьях Кэти, Рут и Томми, в школе Хейшлем. Рассмотрим фрагмент текста: *My name is Kathy H. I'm thirty-one years old, and I've been a carer now for over eleven years* [2, с. 2]. По мере чтения раскрывается тайна школы Хейшлем, в которой учились Кэти, Рут и Томми. Подростки в этой школе – клоны, созданные для донорства органов.

Кэти стала помощницей доноров в 20 лет, и за 11,5 лет своей работы она проявила себя, как ей кажется, весьма успешно. Главная героиня не стесняется описывать себя как опытную сиделку, и вполне вероятно, это также свидетельствует о преданности девушки своей профессии.

Как отмечает исследователь Габриэлл Гриффин, если провести лингвистический анализ исследуемого нами текста, то можно установить факт отсутствия элементов, характерных для литературы в жанре научной фантастики. Они замещены нарочито простым языком подростка,

речь которого «странный налет» [3, с. 645] на гранях между настоящей реальностью и реальностью, созданной писателем.

Действительно, как показал проведенный нами лингвистический анализ художественного текста, фрагмент представлен в разговорном, неформальном тоне повествования, а лексика в нем типична для английской школы 1990-х гг.. Кадзуо Исигуро использует синтаксические построения из коротких предложений, создающих простой разговорный слог героини, подчеркивающий по-детски наивное мировосприятие Кэти. Она часто повторяет фразы и начинает предложения с союзов, что свойственно речи молодежи. Лингвистический анализ текста выявил, что Кэти старается быть искренней и прямолинейной в своих выражениях.

Читателю кажется, что как рассказчик Кэти надежна. На основе количественного анализа было выявлено, что отличительной чертой речи Кэти как героя и рассказчика является неуверенность: по частотности употребления в тексте противительный союз *но* представлен чаще всего; на втором месте по частоте употребления зафиксировано вводное слово *может*, которое используется для выражения неуверенного подтверждения высказывания, и союз уступки *хотя*; вводные конструкции *так или иначе* и вводные слова *наверно*, *кажется*, *думаю*, *помню*, *бывало* – характерная лексика для попытки самоанализа, самоубеждения и записи акта воспоминаний. Среди остальных лексических единиц, выражающих неуверенность главной героини, анализ выявил следующие лексемы: *наверняка*, *помоему*, *с другой стороны*, *почти*, *часто*, *скорее всего*, *пожалуй*, *вероятно*, *скажем*, *словно*. Отдельно стоит обратить внимание на обилие отрицательных предложений и местоимений в тексте романа.

Дневник Кэти определяет всю повествовательную организацию текста. Подчиняясь закону жанра, Кэти внимательна не только к своим подопечным донорам, но также и к деталям в своих воспоминаниях. Она выстраивает разрозненные жизненные эпизоды: всплески памяти, фрагментарные личные впечатления ребенка, которые фиксирует уже взрослый человек, эмоционально-оценочные размышления о происходящих с ней и вокруг нее событий, в частности, о долге. Поэтому стиль повествования часто обретает лирический, рефлексивный тон.

В целом, повествование романа «Не отпускай меня» представляет собой направленное добывание документально точных и кинематографически ярких фактов жизни Кэти. Через воспоминания она пытается не только произвести акт само-

познания. В своих воспоминаниях Кэти часто стоит в стороне от действия, внимательно наблюдая за окружающими и подмечая тонкие детали их поведения. Каждый эпизод, описанный Кэйт, как снимок, фиксирует психологическое состояние Кэйт, Томми и Рут.

Тем не менее переплетения прошлого и настоящего, обрамленные временами поэтичными выражениями в речи Кэти (благодаря ее занятиям творчеством в Хейлшеме), придающие, по выражению Габриэлл Грифина, «налет странности» [3, с. 645], ставят перед читателем задачу расположить ее воспоминания в хронологической последовательности.

Кэти словно не может рассказать свою историю линейно. Вместо этого ее память избирательно выбирает фрагменты между настоящим и прошлым, отбирает воспоминания. Избирает отдельные факты и детали, на первый взгляд незначительные, которые в совокупности своей создают художественное единство, но к развязке романа, когда Кэти остается подвести итоги прожитого, а читателю – прочитанного. Именно через эти подробности о душевных переживаниях Кэти, крупных и малых, в сознании читателя складываются психологические портреты героев, Кэти, Рут и Томми.

Кэти не всегда сообщает читателю известные ей события в школе Хейлшем. Предполагаемого доверительного диалога с собой не получается. Она никогда не сообщает нам все факты и суровую правду об окружающей ее реальности. Так, например, про заранее уготованную судьбу учеников Хейлшем становится известно лишь в VII главе, в пересказе речи учительницы, мисс Люси. Таким образом, Кэти, цепляясь за воспоминания, дает читателям только одну часть головоломки, что придает тексту задумчивое, грустно-философское настроение. Она по-подростково небрежно меняет темы и хронологические аспекты воспоминаний. В качестве примера можно привести фрагмент романа, когда Кэти решает перестать говорить о мисс Эмили. Она словно боится признаться в том, что происходит в ее жизни, какое будущее ее ждет. Отсюда тревожное настроение романа, использование эвфемизмов и метафор, хотя жанр дневника предполагает высокую степень соотнесенности с характером личности и откровенный тон повествования. Подобные недосказанности в романе, характерные для английской ментальности, призваны завуалировать таящиеся между строк ужасы так называемых пожертвований.

Кэти как повествователю нравится играть с читателем. В качестве примера может послужить эпизод, когда читатель узнает о том, что Томми и

Рут стали парой. Кэти не упомянула об этом в дневнике, объяснив такую избирательность тем, что к тому времени Томми и Рут были парой уже шесть месяцев. Некоторым, вероятно, травмирующим воспоминаниям, Кэти словно отказывается верить, психологически не принимая их, и поэтому решает пренебречь ими в своих воспоминаниях.

Таким образом, по мере продвижения по страницам романа Кэти становится классическим для романного творчества Кадзуо Исигуро ненадежным рассказчиком. Она не рассказывает нам все детали, ее рассказ о событиях прошлого субъективен и избирателен.

Также в романе «Не отпускай меня» отсутствует четкая хронологическая сетка, что позволяет писателю создавать «бесшовные» пересечения плана прошлого и настоящего. Кэти прерывает одно воспоминание другим, чтобы поделиться родственным воспоминанием из другого периода своей жизни. Воспоминания сливаются одно с другим, и нам иногда трудно понять, что к чему. События двенадцатилетней давности представляются Кэти как давние дела.

Таким образом, Кэти, когда читатель уже преодолел треть текста романа, признается ему, что она могла неправильно вспомнить некоторые детали. Она как повествователь контролирует то, что из событий ее прошлого будет зафиксировано на страницах ее дневника, а то, что Кэти не готова признать, читатель воспринимает между разрозненными фрагментами текста, выстраивая целую картину жизни девушки.

Анализ романа показал, что набор стилистических средств в этом романе Кадзуо Исигуро подчеркивает человеческие качества Кэти, Рут и Томми и других подобных им учеников школы Хейлшем. Благодаря детской речи персонажей и коротким предложениям читатель сочувствует этим ранним персонажам-детям, в прямом смысле учащимся жить, творить, любить.

Пласты жизни, представленные Кэти Ш., воспринимаются читателем как нечто абсолютно реальное и правдоподобное, вызывая сильный эмоциональный отклик. Вероятно, поэтому, Кадзуо Исигуро, британский писатель, получил Нобелевскую премию с формулировкой, в которой подчеркивается эмоциональный посыл и иллюзорность границ между реальностью и нашими чувствами [4].

Ненадежность Кэти как рассказчика направлена на тщательное сохранение, оберегание собственных чувств и эмоций. Например, она никогда прямо не говорит о глубине своих чувств к Томми, хотя ее любовь становится все более очевидной по мере развития повествования. Дру-

гой пример: Кэти часто выражает свою злость на Рут, уходя, а не открыто противостоя ей. Как воспитанница английской школы Хейлшем, Кэти проявляет эмоциональную сдержанность и скромность. Даже когда она вспоминает разговоры с друзьями в уединенном месте, ее часто беспокоит, что их кто-то увидит или подслушает, особенно во время разговора с Томми.

Как символ человеческих эмоций лейтмотивом в романе представлена одноименная песня Джуди Бриджотер, специально написанная и опубликованная в Интернете для публикации романа. Кэти слушает и танцует под эту песню, представляя себя в роли женщины, качающей ребенка на руках, напевая «никогда не отпускай меня». Символ и намек создают пугающий образ, поскольку читатели понимают, что у Кэти, никогда не будет собственного ребенка. Несмотря на все это, она проявляет такое же стремление к любви, как и любой другой человек.

В романе представлена постмодернистская игра с дневниковым текстом, характерная черта поэтики многих произведений Исигуро. Дневник в романе Исигуро – это не только средство, используемое для развития сюжета, но и элемент, который позволяет читателю соотносить себя с героиней, понять ее решения, эмоциональные состояния. Жанр дневника позволяет Исигуро более тонко проанализировать философские темы любви, утраты, обретения своего «Я», глубоко вовлекая читателя в повествование.

При этом в романе сложная логическая структура: ничего не говорится прямо и определено, хотя изначально текст претендует на искренность повествования и откровенность разговоров, правдивость наблюдений героини согласно закону жанра.

Однако сама Кэти словно не хочет верить в уготованную и известную ей судьбу, что подтверждает ее попытка с Томми изменить свою судьбу, доказать любовь, чтобы получить отсрочку и пожить вместе, как *нормальные* [2, с. 70]. Из анализа повествования и использования литературных приемов можно сделать вывод о склонности героини к саморефлексии, которая приводит читателя к размышлениям над темами морали и человечности, так как персонажи романа «Не отпускай меня», хотя и являются клонами, действуют, как мы, говорят, как мы, творят и чувствуют, как мы.

Как отмечает Лина Сергеевна Тихая, произведения Исигуро оценены по качеству стиля, актуальности тем и увлекательности сюжета, но они еще и оставляют что-то после себя [5, с. 55].

В романе Кадзуо Исигуро рисует следующую финальную картину замкнутого, обреченного общества. Перед нами одинокая тридцатидесятилетняя Кэти, которая вспоминает одноклассников, наставников, мечты о «нормальном» будущем в большом мире: о работе и друзьях, о семье и ребенке, пожертвованными ради исполнения долга – стать донором органов. Кэти как героиня готова к своей надиктованной извне судьбе и принимает ее, практически не сопротивляясь ей. Попытка работы Кэти с воспоминаниями призвана найти в чертогах памяти человека то, что поможет ей пережить настоящее, часто ужасное, и обрести момент счастья. На закате своей непродолжительной жизни она находит утешение – отправиться туда, где ей положено быть.

Список источников

1. Аверин Б. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 399 с.
2. Ishiguro K. *Never Let Me Go*. N. Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2005. 304 p.
3. Griffin G. Science and the cultural imaginary: the case of Kazuo Ishiguro's *Never Let Me Go*. URL: https://www.researchgate.net/publication/233160116_Science_and_the_cultural_imaginary_the_case_of_Kazuo_Ishiguro%27s_Never_Let_Me_Go (дата обращения: 15.06.2023).
4. *The Nobel Prize in Literature [Press Release]. 2017 // Nobel Prize. P.1.*
5. Тихая Л. С. Кадзуо Исигуро // Современная зарубежная проза / под ред. А. В. Татарникова. М.: Флинта: Наука, 2018. 576 с.

References

1. Averin, B. (2003). *Dar Mnemoziny` : Romany` Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii* [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition]. 399 p. St. Petersburg, Amfora. (In Russian)
2. Ishiguro, K. (2005). *Never Let Me Go*. 304 p. N. Y., Knopf Doubleday Publishing Group. (In English)
3. Griffin, G. *Science and the Cultural Imaginary: The Case of Kazuo Ishiguro's "Never Let Me Go"*. URL: https://www.researchgate.net/publication/233160116_Science_and_the_cultural_imaginary_the_case_of_Kazuo_Ishiguro%27s_Never_Let_Me_Go (accessed: 15.06.2023). (In English)
4. *The Nobel Prize in Literature* (2017). Press Release. Nobel Prize. P. 1. (In English)
5. Tikhaya, L. S. (2018). *Kadzuo Isiguro* [Kadzuo Isiguro]. *Sovremennaya zarubezhnaya proza*. 576 p. Moscow, Flinta, Nauka. (In Russian)

The article was submitted on 12.09.2023

Поступила в редакцию 12.09.2023

Орлова Татьяна Сергеевна,
аспирант,
преподаватель,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия
им. А. Л. Штиглица,
191028, Россия, Санкт-Петербург,
Соляной переулок, 13;
Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 7–9.
ots_prof@mail.ru

Orlova Tatiana Sergeevna,
graduate student,
Assistant Professor,
St. Petersburg Stieglitz State Academy
of Art and Design,

13 Solyanoy Pereulok,
St. Petersburg, 191028, Russian Federation;
St. Petersburg State University,

7–9 Universitetskaya Emb.,
St. Petersburg, 199034, Russian Federation.
ots_prof@mail.ru

УДК 821.161.1 + 821.512.145

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-175-180

ПЕРЕВОД КАК СВЯЗЬ МЕЖДУ КУЛЬТУРАМИ: РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТАТАРСКОГО ПЕРЕВОДЧИКА

© Альбина Саяпова

TRANSLATION AS A LINK BETWEEN CULTURES: LEO TOLSTOY'S NOVEL "ANNA KARENINA" IN THE INTERPRETATION OF THE TATAR TRANSLATOR

Albina Sayapova

The article discusses the translation of "Anna Karenina" into the Tatar language made by the writer and translator Mahmud Maksud. The relations between the fictional discourse of the two texts (primary and secondary) are interpreted as phenomena of the integration process. In fact, the translation of Mahmud Maksud, thanks to his special gift of perception and interpretation of the artistic and aesthetic features of the original text as, in general, any worthy translation of fiction, is not a simple tracing paper of the primary text, but a new artistic creation. The translator interprets the work: while preserving the fictional truth of the primary text, he/she creates a new poetic expression, "a new fictional truth." Mahmud Maksud's translation demonstrates the fact that in the process of translation and interpretation there are points of contact between two cultures that are not interchangeable. This indicates such a problem as the translatability of the untranslatable and the representation of the national characteristics of the original work.

Creating a "new fictional truth" is a rather complicated matter. At the same time, it is precisely the "new fictional truth" that makes the work "dioecious," that is, belonging to two national literatures.

Keywords: Leo Tolstoy, "Anna Karenina", Russian literature, literary translation, Tatar literature, Mahmud Maksud, interpretation, text

В статье рассматривается перевод «Анны Карениной» на татарский язык, выполненный писателем и переводчиком Махмудом Максудом. Отношения между художественными дискурсами двух текстов (первичного и вторичного) осмысливаются как явления процесса интеграции. По сути дела, перевод Махмуда Максуда, благодаря особенному дару восприятия и интерпретации художественно-эстетических особенностей текста-оригинала, как, вообще, любой достойный художественный перевод, является не простой калькой первичного текста, а новым художественным творением. Переводчик имеет дело с интерпретацией: сохраняя художественную истину первичного текста, создает новое поэтическое выражение, «новую художественную истину». Перевод Махмуда Максуда демонстрирует то обстоятельство, что в процессе перевода и интерпретации возникают точки соприкосновения двух культур, которые не являются взаимозаменяемыми. Это говорит о такой проблеме, как переводимость непереводаемого и воспроизведение национальных особенностей оригинала.

Создание «новой художественной истины» – дело достаточно сложное. Вместе с тем именно «новая художественная истина» делает произведение «двудомным», то есть достоянием двух национальных литератур.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, «Анна Каренина», русская литература, художественный перевод, татарская литература, Махмуд Максуд, интерпретация, текст

Для цитирования: Саяпова А. Перевод как связь между культурами: роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в интерпретации татарского переводчика // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 175–180. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-175-180

Известно, что мировая литература состоит из различных видов связей, отношений между художественными дискурсами, формирующимися в разные времена, в различных культурно-

исторических ситуациях. Каждая национальная литература, имея контактные связи или типологические отношения с другими литературами, становится частью мировой литературы.

Существенную роль в формировании процесса мировой литературы играет перевод. Перевод как связь между культурами, в первую очередь между художественными дискурсами, стал определять процесс интеграции, в той или иной мере начавшийся с XVIII века и достигший в XX столетии высочайшего уровня.

Известно, что «Анна Каренина» Л. Н. Толстого была переведена на татарский язык достаточно поздно, в 1960 году. Перевод был приурочен к отмечаемому тогда пятидесятилетию со дня кончины писателя. Автор перевода – маститый переводчик Махмуд Гисамутдинович Максуд (1900–1962). Его перу принадлежит также перевод «Войны и мира» Толстого. Говоря о переводе романа на татарский язык, мы употребили слово «поздно» потому, что к этому времени вышло из печати значительное количество профессионально выполненных переводов как на Западе, так и на Востоке. Можно говорить, например, об английских переводах, которых на сегодняшний день, по разным данным, насчитывается более десятка. Отметим перевод Констанса Гарнетта, вышедший в 1901 году, один из первых и наиболее известных переводов романа, который продолжает оставаться популярным и сегодня. Одним из последних переводов романа на английский является перевод Мариан Шварц. На Востоке, в частности в Турции, Иране, начинают переводить «Анну Каренину» с 1920–30-х годов. На сегодняшний день, по подсчетам Р.Ф. Бекметова и Казем Нежад Дахкаи Седиге, имеется не менее 12 персидских переводов «Анны Карениной» [1, с. 96].

Как Западу, так и Востоку в Толстом было интересно в первую очередь решение женского вопроса. Если говорить о татарской нации, то в решении проблемы женской эмансипации она опиралась не только на русскую, но и на национальную литературу. Уже в начале XX века татары имели повесть «Хаят» (арабское слово «حياة» – «жизнь», «существование») Фатиха Амирхана, который во многом находился под влиянием тургеневских романов; была также лирика Г. Тукая, в которой воспевалась свободная, образованная женщина.

Рассуждая о татарских переводах, следует подчеркнуть, что перевод Махмуда Максуда «Анны Карениной» остается на сегодняшний день единственным. В связи с этим приходится констатировать парадоксальный факт, что, вероятно, отпала необходимость переводов русско-

язычных авторов на татарский язык по причине билингвизма татар. Активизируется обратный процесс – перевод татароязычных авторов, как классиков, так и современных, на русский язык. В качестве примера можно назвать недавний перевод на русский язык романа Аяза Гилязова «Давайте помолимся» Наилем Ишмухаметовым, содержание которого, его стилистика вписывают это произведение в ряд лучших образцов мировой литературы. В нем очевидны резонансные переключки, с одной стороны, с идеями Толстого, с другой – со многими мыслями философа XX века М. Хайдеггера (об этом см.: [2]).

Если говорить о переводах произведений Л. Н. Толстого на татарский язык, то уже в 1920–30-е годы переводились его сказки для детей, «После бала», «Хаджи-Мурат», трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность» и другие небольшие произведения воспитательно-морализаторского толка. Необходимо подчеркнуть, что 50–70-е годы XX века – время активного перевода русской классической литературы на татарский язык. Преследовалась в первую очередь просветительская цель – помочь ученикам татарских школ в освоении русской классики: переводчики создавали возможность прочтения произведения сначала на родном языке. Вместе с тем конечный результат такого рода деятельности татарской творческой интеллигенции приводит к естественной интеграции культур, литератур народов страны. Этот процесс представляет существенный интерес для исследователей, занимающихся проблемами перевода. Так, в эти годы в татарском творческом мире были переводчики мирового уровня, внесшие свою существенную лепту в процесс интеграции татарского художественного текста в контекст мировой литературы. В качестве примера можно назвать Наки Исанбета – ученого-лингвиста, переводчика «Гамлета» Уильяма Шекспира. В 1952 году «Гамлет» в переводе Н. Исанбета выходит в Таткнигоиздате. Он переводил, ориентируясь на текст оригинала и сверяя свой текст с переводом М. Л. Лозинского – прославленного русского переводчика «Гамлета». Можно также назвать Раиса Даутова – переводчика «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского. Его перевод был опубликован в 1974 году в Татарском книжном издательстве.

В контексте сказанного представляется интересным остановиться на переводе «Анны Карениной», выполненном Махмудом Максудом. Рассмотрение отношений между художественными дискурсами (первичного текста и вторичного), осмысленным в контексте процесса интеграции, – конкретная задача данной статьи.

Предваряя анализ двух текстов, выскажем основную мысль представляемой статьи, простую и естественную для тех, кто работает с переводами. По существу, перевод Махмуда Максуда, благодаря особому дару восприятия и интерпретации художественно-эстетических особенностей текста-оригинала, как, вообще, любой достойный художественный перевод, является не простой калькой первичного текста, а новым художественным созданием.

С целью осмысления того, что такое перевод как интерпретация первичного текста, обратимся к суждениям об искусстве немецкого философа XX века М. Хайдеггера, который считал, что цель искусства заключается в выражении истины бытия и что «сущность искусства содержится в самом поэтическом творении» [3, с. 131]. Другими словами, именно художественное, поэтическое выражение текста и содержит «истину бытия». Данное суждение позволяет нам говорить, что сущность перевода как нового художественного создания составляет не переоформление уже оформленного первичного текста. Сущность перевода – в его новой художественной истине, как выражался М. Хайдеггер, в «набрасывании нового как истины, которая выйдет наружу в творении» [Там же, с. 131]. Разумеется, перевод как вторичный текст должен сохранять истину первичного текста в его художественном выражении. Следуя логике М. Хайдеггера, которого занимали многие проблемы герменевтики, скажем, что вторичный текст как «новое поэтическое создание» во многом определяется интерпретацией переводчика в процессе работы с первичным текстом. Так, если говорить об оригинальном тексте, выражаясь языком немецкого философа, как о «совершившемся замыслении, в котором царит язык (то есть эстетика текста. – А. С.)», то во вторичном тексте как «замыслении ином изнутри этого первого, уже состоявшегося замысления, наружу выходит новое поэтическое создание» [Там же, с. 132].

Современный российский теоретик литературы В. Е. Хализев, понимая перевод как явление, связывающее одно творческое сознание с другим, вписывает его в контекст герменевтики – науки и искусства толкования текстов, поскольку перевод в своей сущности – это не только автор, которого переводят, но и воспринимающее сознание переводчика. Именно поэтому в основе перевода, по мнению Хализева, должны лежать такие понятия, как «понимание» и «интерпретация» [4, с. 108–109].

Логически завершая все вышесказанное, подчеркнем, что перевод состоит как «новое поэтическое создание» благодаря способностям пе-

реводчика понимать и интерпретировать первичный текст, чем и достигается то, что Хайдеггер определяет как «набрасывание нового как истины». Переводчик, создавая новое художественное как истину, ставит перед собой задачу герменевтическую: он интерпретирует, истолковывает своему читателю произведение, за которое берется. Естественно, что во вторичном тексте много от вторичного автора. Этому способствуют не только объективные (культурно-исторические, национальные, лингвистические факторы), но и субъективные, такие как степень художественного таланта, стилевые пристрастия переводчика, его мировидение, мироощущение и многое другое.

Говоря о «новом поэтическом создании», необходимо озадачиваться вопросом: «Как выстраивается переводчиком художественно-эстетическое содержание им созданного текста?» Естественно, что переводчик сначала воспринимает текст как читатель. Возникающие при чтении эмоции рождают воображения с целым рядом представлений и образов, которые становятся как бы вторым выражением содержания прочитанного. Объяснение всему этому дает теория вчувствования Л. С. Выготского. Однако переводчик – не только читатель, он должен стать автором вторичного текста, в котором должна сохраниться художественная истина первичного текста, но в новом поэтическом выражении. Поставим вопрос: «Чем отличается автор текста-оригинала от автора текста-перевода?» Автор текста-оригинала создает своего героя из воображения-представления, на него работают какие-то случаи, факты, выхваченные из самой жизни, кто-то становится прототипом его будущих героев и так далее. Для автора текста-перевода источником его вдохновения становится выбранное им произведение. Переводчик сначала вживается в героя (героев) произведения как читатель. Потом начинается творческий процесс: переводчик, пройдя путь вживания в произведение как читатель, начинает работать с текстом как соавтор, стараясь быть максимально близким к автору оригинала. Для осмысления процесса трансформации текста-оригинала, ставшего источником творчества переводчика, обратимся к М. М. Бахтину, в частности к его работе «Автор и герой в эстетической деятельности», которая может много дать в понимании автора-переводчика и героев его текста-перевода в эстетической деятельности. Бахтин пишет, что автор должен вчувствоваться в предполагаемого своего героя, в отличие от себя «другого человека», «<...> ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, сно-

ва вернувшись на свое место», вне своего героя, оформить его эстетически [5, с. 107–108]. Перед автором-переводчиком стоит такая же задача. Он должен вжиться в героя произведения, в «другого человека», стать на его место, затем, отстранившись от него, встав на позицию «извне», начинать поиски адекватного перевода художественных особенностей текста-оригинала. Вместе с тем переводчик должен осознавать, что его текст, даже при максимальной приверженности автору оригинала, это во многом другое художественное создание.

В рамках данной статьи на нескольких примерах из текста перевода «Анны Карениной» покажем роль интерпретации в выстраивании вторичного текста как нового художественного создания. Возьмем из текста три частотных слова: «воля», «дурно» и «образуется». Этими тремя коррелирующимися словами можно объяснить всю смысловую концепцию романа.

Рассмотрим сначала связь между первыми двумя словами, а именно «воля» и «дурно».

Возьмем первую встречу Анны с Вронским (часть первая, глава XVIII). Толстой описывает замеченный Вронским «короткий взгляд Анны»: «Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выразился то в блеске взгляда, то в улыбке» [6, с. 66]. Слово «воля» у Толстого становится главным в авторском нравственном императиве, определяя тем самым смысловую конструкцию романа. Вся трагедия в отношениях Анны с Вронским случилась по той причине, что в Анне не хватило силы воли, чтоб подавить в себе «живую жизнь» (В. В. Вересаев) голоса природы.

Татарский перевод: «*Дама, юри үзе теләп күз карашынын якты нурын сүндерде, ләкин бу нур, анын ихтыярына буйсынмыйча, сизелер-сизелмәс кенә елмаюында һаман балкып торды*» [7, б. 80].

В той же сцене первой встречи Анны с Вронским Толстой вводит в текст слово «дурно», которое далее станет нравственной оценкой поступка Анны. Сцена с задавленным сцепщиком Анной невольно воспринимается как «дурное предзнаменование». Она как бы предчувствует что-то ужасное. Уже этой сценой предвещается смысловая корреляция между двумя словами («воля» и «дурно»): отсутствие воли приводит к «дурному», дурному поступку, дурному событию.

«Дурное предзнаменование» переводится как «начар галамәт» (буквально «плохой знак»). Согласно академическому «Толковому словарю татарского языка», «галамәт» – это знак, след, предвещающий, предсказывающий чего-либо

[8, с. 258]. Переводчиком сохраняется смысловая связь между двумя словами первичного текста.

Далее рассмотрим диалог Анны с Долли после бала, на котором Анна «против воли» влюбила в себя Вронского (часть первая, глава XXVIII). Анна хотела сватать Вронского к Кити, вышло «совсем другое». Оценивая свой поступок, Анна произносит: «Я не странная, но я дурная» [6, с. 104]. Слово «дурно» уже в устах героини становится ключевым в авторской нравственной концепции.

Татарский перевод: «*Мин сәер түгел, ләкин мин әшәке кеше*» [7, с. 126]. Определение «дурная» переводится как «әшәке кеше»; «әшәке кеше» – так говорят не просто о плохом, а об очень нехорошем, даже неприятном человеке, вызывающем отвращение. Таким образом, переводчик усиливает эмоционально-нравственную тональность переводимого слова.

В главе XXX той же части романа Толстой дает объяснение Вронского в любви: «Он сказал то самое, чего желала ее душа, но чего она боялась рассудком». Реакция Анны: «Это дурно, что вы говорите, и я прошу вас, если вы хороший человек, забудьте, что вы сказали, как и я забуду» [6, с. 109].

Максуд переводит слова Анны следующим образом: «*Сезнең әйткән сүзләрегез яхшы түгел*» [7, б. 134]. «Дурно» переводится как «яхшы түгел». В данном случае переводчик считает нужным использовать сочетание «яхшы түгел», оценивающее не человека в целом, а его поступок: он совершил нехороший (плохой) поступок.

Приведенные примеры говорят о том, что у переводчика толстовское «дурно», ставшее универсальным, конкретизируется в зависимости от смыслового контекста и, следовательно, переводится по-разному: «начар», «әшәке кеше», «яхшы түгел». Вместе с тем подбираемые переводчиком слова не выходят за рамки смысла первичного текста. Он мог в каждом случае это «дурно» переводить нейтральным «начар» («плохой»), однако семантика русского «дурно» гораздо шире татарского «начар». Следовательно, опытный переводчик имеет дело с интерпретацией: сохраняя художественную истину первичного текста, создает новое поэтическое выражение, «новую художественную истину».

Прежде чем перейти к третьему частотному слову «образуется», необходимо сказать, что толстовское «дурно» присутствует на протяжении всего повествования отношений между Анной и Вронским. Так, Алексей Александрович Каренин воспринимает Анну как «дурную и неверную жену» [6, с. 298]; Анна, представляя свое положение, рассуждает так: «Оно может быть

дурно, это новое положение, но оно будет определено, в нем не будет неясности и лжи» [Там же, с. 303] и т. д. Во всех этих случаях переводчик использует нейтральное «начар» («плохой»): «<...> лэкин ул алдакчы, начар хатын» [7, с. 361]; «Яна халнең начар булуы да мөмкин, лэкин ул анык булчак, анда анлашылмау һәм ялган булмаячак» [Там же, с. 366]. Слово «дурно» присутствует в устах Константина Левина, когда он говорит о чем-то противоестественном человеческой природе.

А вот в описании «поступка», то есть измены Облонского Долли, нет этого слова. Есть слово «образуется». Впервые в тексте его произносит Матвей – слуга Облонского. «Ничего, сударь, образуется», – говорит Матвей, когда в доме узнают об измене Степана Аркадьича [6, с. 7]. Татарский перевод: «Борчылмагыз, афәндем, рәтләнер, – диде Матвей» [7, с. 9].

Слово это принадлежит Матрене Филimoniновне «незаметному, но важнейшему и полезнейшему лицу» дома [6, с. 275]. Заметим, что слово «образуется», произнесенное устами Матрены Филimoniновны, выделено автором курсивом, что говорит о его концептуальной значимости. Слово это является своеобразной формулой бытия, в житейском его выражении, сути которого инстинктивно подчинился Стива Облонский.

Если, описывая отношения Анны с Вронским, Толстой употребляет слово «воля», вернее отсутствие воли («против воли»), то отношения Степана Аркадьича к жене определяются словом «нужно», являющимся у Толстого альтернативой понятия «воля». Слово «нужно» как категория должностования выражает сущностное в его земном (семейном) значении, что и дает возможность Облонскому признать себя «виноватым». И это ощущение своей вины и интуитивное чувство долга, того, что «нужно», и ведут Стиву Облонского по жизни, определяя его человеческое «я» в рамках семейных отношений. Бытийные формы этого существования как-то образуются сами собой, без особых усилий и мучений с его стороны. На этом «образуется», являющимся народной философией семейной жизни, в которой мудрость и генетическая память нации, и держатся, как говорит Толстой, «все семейные дома», в том числе «дом Облонских».

Во всех случаях слово «образуется» Максуд переводит словом «рәтләнде», имеющим, как и «образуется», целый веер семантических значений.

«Рәтләну» – это: 1) билгеле бер тәртипкә килу, жайга салыну (упорядочить, привести в порядок); 2) жайлану, көйләнү, барып чыгу (привести в норму, довести до конца); 3) төрле анла-

шылмаучылык, каршылыклар юкка чыгу, бетү; килешү, анлашу (устранить противоречия, разногласия, согласовать); 4) терелү, уңайлану, алга китү (выздоровить, оправиться, улучшить) [9, с. 605].

Слово «образуется» имеет корень «образ». Семантика слова «образ» связана с такими понятиями, как «святое», «идеал». Не случайно, что слово «образуется» звучит в устах Матрены Филimoniновны, женщины из народа. Оно у Толстого – выражение святого в народной философии семейных отношений. В татарском слове «рәтләну», как можно судить по «Толковому словарю татарского языка», сакрального значения нет. Есть целый ряд значений, семантически близких к слову «образуется», но нет того, что в русском значении близко к понятию «святое». Приведенный пример говорит о том, что в процессе перевода и интерпретации возникают точки соприкосновения первичного и вторичного текстов, но они не абсолютно заменяемые, что указывает на проблему переводимости непереваемого и воспроизведения национальных особенностей оригинала.

Таким образом, создание «новой художественной истины» – дело достаточно сложное. Вместе с тем именно «новая художественная истина» делает произведение «двудомным», то есть достоянием двух национальных литератур.

Список источников

1. Бекметов Р. Ф., Казем Нежад Дахкаи Седи-ге. Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина» в переводе на персидский язык: о стратегии Казара Симоняна // Филология и культура. Philology and culture. 2021. № 2 (64). С. 94–102.
2. Саяпова А. М. Л. Н. Толстой, М. Хайдеггер, А. Гилязов о сущностном «я» человека // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 159. Книга 1. 2017. С. 55–65.
3. Гадамер Г.-Г. Введение к Истоку художественного творения // М. Хайдеггер. Феноменология. Герменевтика. Философия языка / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Республика, 1993. С. 120–132.
4. Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. 398 с.
5. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // М. М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев: Next, 1994. С. 69–256.
6. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 18: Анна Каренина. М.: Художественная литература, 1934. 458 с.
7. Толстой Л. Н. Анна Каренина / М. Максуд төржемәсе. I том. Казан: Таткнигоиздат, 1960. 552 б.
8. Татар теленең анлатмалы сүзлеге: 3 томда. I том. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1977. 476 б.
9. Татар теленең анлатмалы сүзлеге: 3 томда. II том. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1979. 726 б.

References

1. Bekmetov, R. F., Kazem Nedzhad Dakhkaei Sedigheh. (2021). *Roman L. N. Tolstogo "Anna Karenina" v perevode na persidskii yazyk: o strategii Kazara Simon'yana* [Leo Tolstoy's Novel "Anna Karenina" Translated into Persian: On Kazar Simonyan's Strategy]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No. 2 (64), pp. 94–102. (In Russian)
2. Sayapova, A. M. (2017). *L. N. Tolstoi, M. Khaidegger, A. Gilyazev o syshchnostnom "ya" cheloveka* [L. Tolstoy, M. Heidegger, A. Gilyazev on the Essential "Self" of Man]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Vol. 159. Kn. 1, pp. 55–65. (In Russian)
3. Gadamer, G.-G. (1993). *Vvedenie k Istoku khudozhestvennogo tvoreniya* [Introduction to the Origin of an Artistic Creation]. M. Khaidegger, *Fenomenologiya. Hermenevtika. Filosofiya yazyka* [Phenomenology. Hermeneutics. Philosophy of Language]. Per. s nem. A. V. Mikhailova. Pp. 120–132. Moscow, Respublika. (In Russian)
4. Khalizev, V. E. (2002). *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. 398 p. Moscow, Vysshaya shkola. (In Russian)
5. Bakhtin, M. M. (1994). *Avtor i geroi v esteticheskoi dejatel'nosti* [Author and Hero in Aesthetic Activity]. M. M. Bakhtin, *Raboty 1920-kh godov* [Works of the 1920s]. Pp. 69–256. Kiev, Next. (In Russian)
6. Tolstoi, L. N. (1934). *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. V 90 tomakh. Vol. 18: Anna Karenina. 458 p. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. (In Russian)
7. Tolstoi, L. N. (1960). *Anna Karenina* [Anna Karenina]. Per. M. Maksuda. Vol. I. 552 p. Kazan', Tatknigoizdat. (In Tatar)
8. *Tolkovyii slovar' tatarskoogo yazyka* (1977) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. V 3 tomakh. Vol. I. 476 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Tatar)
9. *Tolkovyii slovar' tatarskoogo yazyka* (1979) [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. V 3 tomakh. Vol. II. 726 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Tatar)

The article was submitted on 12.10.2023

Поступила в редакцию 12.10.2023

Саяпова Альбина Мазгаровна,
доктор филологических наук,
профессор,
главный научный сотрудник,
Центр по изучению наследия Льва Толстого,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
albina.sayapova@kpfu.ru

Sayapova Albina Mazgarovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Chief Scientific Officer,
Leo Tolstoy's Heritage Studies Center,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
albina.sayapova@kpfu.ru

УДК 821.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-181-186

ОСОБЕННОСТИ СТИЛЯ И ЖАНРА ПЕРЕВОДНОЙ ДЕТСКОЙ ПОЭЗИИ М. Я. БОРОДИЦКОЙ

© Артем Скворцов, Альфия Давлетшина

FEATURES OF THE STYLE AND GENRE: TRANSLATED CHILDREN'S POETRY BY M. BORODITSKAYA

Artem Skvortsov, Alfiya Davletshina

The most influential persons in contemporary Russian poetry belong to the elder generation of authors. It is they who now maintain the entire tradition of Russian poetry, which is being consciously or unconsciously abandoned by many representatives of the younger generations, impoverishing their own verse practice. There are few poets today whose importance is recognized not only by their supporters but also by representatives of other aesthetic groups. Among these persons is the poet and translator Marina Yakovlevna Boroditskaya (b. 1954). Despite the aesthetic importance of her work, which has long been recognized by critics, and her wide popularity among the public, philology has so far hardly studied her poems and translations. Boroditskaya's position in literature is in many ways unique, as she acts both as a lyric poet for adults, as a children's poet and as a poetic translator, with all three types of her literary activity mutually enriching each other. The article considers Boroditskaya's translations from children's English-language poetry of the twentieth century (Dr. Seuss (USA) and Julia Donaldson (Great Britain)) and the influence of Russian poetic classics of the nineteenth and twentieth centuries on the versioning and stylistic features of the translated texts. The article proves that Boroditskaya actually realizes in her translations an implicit cultural synthesis, masterfully combining English and Russian poetic traditions, and overcomes the artificial barrier between poetry oriented towards adult and children's audiences, respectively.

Keywords: M. Boroditskaya, Russian poetry, children's poetry, translations, style, genre, verse forms

В современной русской поэзии наиболее значительные фигуры принадлежат к старшему поколению авторов. Именно они в основном отвечают ныне за всю традицию русской поэзии, от которой многие представители новейших поколений сознательно или бессознательно отказываются, обедняя свою собственную стиховую практику. В настоящее время известны немногие поэты, значимость которых признается зачастую не только их сторонниками, но и представителями иных эстетических групп. Среди этих фигур – поэт и переводчик Марина Яковлевна Бородинская (р. 1954). Несмотря на давно признанный критикой эстетический вес ее творчества и широкую известность у публики, филология до сих пор практически не обращалась к изучению ее стихов и переводов. Положение Бородинской в литературе во многом уникально, поскольку она выступает как лирический поэт для взрослых, как детский поэт и как поэтический переводчик, причем все три вида ее литературной деятельности взаимообогащают друг друга. В статье рассматриваются переводы Бородинской из детской англоязычной поэзии XX века (Доктор Сьюз (США) и Джулия Дональдсон (Великобритания)) и влияние русской поэтической классики XIX–XX вв. на версификационные и стилистические особенности переводимых текстов. Выдвигается и обосновывается гипотеза, что Бородинская фактически осуществляет в своих переводах неявный культурный синтез, мастерски совмещая английскую и русскую поэтическую традицию, а также преодолевает искусственный барьер между поэзией, ориентированной на взрослую и детскую аудиторию соответственно.

Ключевые слова: М. Я. Бородинская, русская поэзия, детская поэзия, переводы, стиль, жанр, стиховые формы

Для цитирования: Скворцов А., Давлетшина А. Особенности стиля и жанра переводной детской поэзии М. Я. Бородинской // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 181–186. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-181-186

Марина Яковлевна Бородинская (р. 1954) – одна из наиболее известных и значительных современных русских поэтов среднего поколения, лауреат и дипломант многочисленных премий и конкурсов: диплом Британского совета за двухтомник А. Гарнера (1997), премия Британского совета «Единорог и лев» (2006), премия «Мастер» за книгу «Английские „поэты-кавалеры“ XVII века» (2010), почетный диплом Международной премии имени Х. К. Андерсена за переводы английской поэзии (2013), переводческая премия «Инолиттл» журнала Иностранная литература (2007), премии им. Корнея Чуковского (2007), им. Самуила Маршака (2008) и «Алые паруса» за книгу стихов «Прогульщик и прогульщица», поэтический диплом премии «Московский счет» (2005 и 2013) за книги стихов «Оказывается, можно» и «Крутится-вертится» и др.

В литературной среде Бородинская известна как собственно лирический поэт, как поэт детский и как талантливый переводчик англоязычной поэзии XIV–XXI веков, и в этом смысле она представляет собой редкий тип культурного деятеля, одновременно плодотворно выступающего в трех ипостасях.

Бородинская дебютировала в 1978 году. Переводила с английского Д. Чосера, Р. Геррика, Д. Донна, Р. Бёрнса, Р. Браунинга, Р. Л. Стивенсона, Р. Киплинга, Г. К. Честертона, А. А. Милна, Л. Кэрролла, Р. Фроста и др. В начале 1980-х стала публиковать оригинальные детские стихи. Как поэт, обращенный ко взрослой аудитории, выступила уже на рубеже 1980–90-х годов.

Ее разнообразное и культурно насыщенное творчество привлекает внимание читателей и критиков [1, с. 107–108], [2], [3, с. 67–73] и представляет несомненный интерес для филологов [4, с. 517–518], но вместе с тем оно до сих пор практически не исследовано литературоведением [5, с. 187–188].

Взрослая лирика Бородинской – ядро ее художественного мира, а ее детская поэзия и переводы – дополнительные источники, обогащающие творческое русло автора. Общим художественным методом, скрепляющим воедино все три вида ее поэтической деятельности, является литературная и языковая игра, приводящая к доминированию в ее поэзии иронического модуса.

В настоящей статье затрагивается лишь один аспект творчества автора: как русская поэтическая традиция влияет на ее переводы из англо-американской детской поэзии.

В последние годы Бородинская активно переводит книги Д. Сьюза и Д. Дональдсон. Доктор Сьюз (Теодор Зойс Гайзель, Доктор Сьюз, Док-

тор Зойс, англ. Dr. Seuss; 1904–1991) – американский детский писатель и мультипликатор. На сегодняшний день Доктор Сьюз – самый популярный писатель для дошкольников в англоязычных странах, по его книгам учатся читать. Джулия Кэтрин Дональдсон (англ. Julia Donaldson Catherine, р. 1948) – английская детская писательница и поэт, обретшая практически всемирную известность благодаря своим книгам и снятым по ним мультфильмам. Она достойный продолжатель английской детской поэзии XIX–XX вв. и отчасти литературы нонсенса (Л. Кэрролл, Э. Лир, А. А. Милн, С. Маллиган и др.).

К настоящему времени в переводах Бородинской вышло четыре книги Сьюза и двадцать две – Дональдсон. Это солидный корпус текстов, о котором можно говорить как о своеобразном культурном проекте переводчика. В целом общая стилистика переводов Бородинской из Сьюза типологически близка оригинальной поэзии К. И. Чуковского и Б. В. Заходера, а переводы из Дональдсон ориентированы, скорее, на опыты детской и переводной поэзии С. Я. Маршака, причем Бородинская не уступает своим предшественникам ни в общей культуре стиха, ни в стилистическом изяществе, ни в разнообразии поэтической игры, необходимой для детской поэзии.

Литературная и языковая игра в переводах из Сьюза и Дональдсон многоуровневая. Она реализуется Бородинской как игра с жанрами, стихом, стилем и культурным бэкграундом.

Жанровое мышление не вполне характерно для современной русской поэзии, особенно в ее молодой части. Сам факт его наличия у автора рубежа веков – демонстрация глубокого понимания поэтом традиции, эволюции поэтического искусства и своего места в общей культурной цепочке. Оригинальное творчество Бородинской в полной мере отвечает указанным художественным особенностям.

В своем собственном творчестве Бородинская обращается к широкому кругу жанров, восходящих как к фольклору, так и литературной традиции: оде, элегии, идиллии, сатире, эпиграмме, инвективе, эпистоле, травелогу, балладе, песне и др.

Интерес Бородинской к Сьюзу и Дональдсон не в последнюю очередь связан именно с жанровой природой их произведений. Фактически переводы позволяют ей опробовать свои творческие силы в тех жанрах, которые были мало или вообще почти не задействованы в ее собственной поэзии, как взрослой, так и детской.

Жанровая палитра переведенных книг разнообразна, и Бородинская умело подчеркивает ее

соответствующие особенности. У Сьюза представлены нравоучительная рождественская история («Как Гринч Рождество украл»), притча на экологическую тему («Дриад»), иронические экзистенциальные философские трактаты в стихах («С днем рождения!» и «Это только начало!»). У Дональдсон набор жанров несколько иной: мелодрама («Самая лучшая свадьба»), страшная баллада, хоррор («Груффало», «Дочурка Груффало»), притча («Если в домике тесно», «Бумажные куклы»), народная баллада о раскаявшемся грешнике («Грызун с большой дороги»), блюз («Тимоти Скотт»), одиссея («Улитка и кит»), волшебная сказка («Джек и дерево флумбрикос», «Волшебная кисточка»), даже постмодернистская пародия («Любимая книжка Чарли Кука») и др.

В основе некоторых произведений Дональдсон лежат старые или архетипические сюжеты европейской традиции. Так, «Тюлька» ориентирована на «Приключения барона Мюнхгаузена», «Шмыги и шмяки» – вариант «Ромео и Джульетты» о вражде двух семейств (и даже двух рас), «Человеткин» и «Классный медведь» отсылают к «Одиссее», а «Суперчервячок» имеет не только очевидные пародийные черты комиксовых историй, но и реализует мифологический сюжет о культурном герое, спасающем человечество ценой собственной жертвы. Автор переводов стремится донести и эти особенности первоисточника до читателя, причем по канонам детской литературы все истории заканчиваются жизнеутверждающими выводами, а зачастую и хэппи-эндом.

В соответствии с оригиналами переводчик разнообразит стиховые формы.

Стихи Сьюза обычно переводятся Бородинской полиметрически – фрагменты четырехстопных анапестов и амфибрахий могут перемежаться четырехстопным хореем:

«Везут – не трянут и доставят нас вмиг
В Цветочные Джунгли, в гигантский цветник,
Где может унюхать твой нос деньрожденный
Прекраснейшие ароматы вселенной.
Пахнет медом и корицей,
Пахнет сыром и лакрицей,
И мелькают

С ножницами *обрезьянки* (...)» [6, с. 18–21] (здесь и далее курсив авт. – А. С., А. Д.).

Фразовик под пером русского переводчика обретает явные черты раешника, порой с дактилическими клаузулами, что свидетельствует об органичной русификации первоисточника – в английской просодии подобной акцентуации быть не может:

«Гринч терпеть не мог Рождества! И скажу вам честно,

Что причина этого даже мне неизвестна.

Может быть, с головой у него было что-то не так,
Может, жал ему правый, а также и левый башмак,
Или сердце в груди у него – так порою случается –
Было на два размера меньше, чем полагается...»

[7, с. 9].

Дональдсон чаще придерживается более строгих форм. Соответственно, переводы Бородинской также выдерживают этот принцип, причем стиховые формы ориентированы на определенные, опробованные в русской поэтической традиции образцы.

Например, в сказке «Суперчервячок» встречается практически пушкинский «сказочный» четырехстопный хорей, где порой даже воспроизводятся определенные ритмико-синтаксические формулы и фразеологические обороты классика:

«Колдовским цветком взмахнула,
Что-то странное шепнула,
Рвись не рвись – теперь его
Крепко держит волшебство» [8, с. 13].

Ср.:

На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла
И к обедне умерла» [9, с. 344].

Балладный ямб 4343 с мужскими окончаниями, характерный для русских переводов английской поэзии и стилизаций под нее, под пером Бородинской вызывает ассоциации с «Джоном Боттоном» В. Ф. Ходасевича:

«Садится солнце. И луна
Сияет – будто день.
Всю ночь танцуют напролет
Сельчане вместе с Шэнь» [10, с. 27];

«А больше всех учеников старался рыжий Зог:
За звездочку отличника боролся он как мог» [11, с. 3].

Ср.:

«Сражался храбро Джон, как все,
Как долг и честь велят,
А в ночь на третье февраля
Попал в него снаряд» [12, с. 185–186].

Стилистические особенности анализируемых переводов тесно связаны с версификационными. Для Бородинской важны четкий, хорошо улавли-

ваемый детьми ритм, удобопроизносимость и благозвучие, точный отбор лексики, ее формульность, понятный для детского сознания и восприятия синтаксис, а также игра слов. Поскольку детские тексты зачастую имеют двухадресную природу и обращены в том числе ко взрослым, Бородинская насыщает переводы поэтическими аллюзиями, придающими текстам смысловую глубину.

Отдельного внимания заслуживает упоминание об игровом словотворчестве в переводах Сьюза и Дональдсон. Наиболее заметно оно в рифмах, где встречаются аграмматизмы и неологизмы, когда одно слово в рифмующейся паре демонстративно фонически и графически подстраивается под другое:

«Ой мама, это груффало!
Оно меня понюфало!» [13, с. 17];

«Где-то он добывает еду и питье,
сам себя одевает в тряпье-лоскуть» [14, с. 6];

«И все эти струны, и все эти краны,
И все барабаны, и все музыканы
Стараются ради тебя!» [6, с. 43],

«И он пел на ходу: – Ах вы бедные *гдетушки*,
Вот проснулись, думали, праздник – ан негушки!»
[7, с. 44.] и т. д.

Что касается работы с чужим словом и в широком смысле цитации, то Бородинская использует аллюзии преимущественно двух типов: либо это отсылки к различным типам стиховых форм, за каждой из которых стоит определенная культурная традиция, либо отсылки лексические и стилистические.

Например, «Самая лучшая свадьба» написана преимущественно четырехстопным дактилем ААбб с редкими вкраплениями усеченных стоп. Он восходит к европейской романтической балладе и был органично пересажен на русскую почву В. А. Жуковским (перевод баллады Р. Саути «Суд Божий над епископом»), что в итоге уже через полтора века привело к появлению позднесоветского фольклорного жанра садистских стишков [15]. Хорошо зная генезис семантического ореола размера, Бородинская использует его в комических целях:

«Выпустил сдуру сигару из рук –
Стебли сухие
Вспыхнули вдруг...
Бетти кричит: – Помогите! –
Но Гарри,
Кашляя гулко, укрывлся в амбаре» [16, с. 23–24].

В текстах переводов встречаются аллюзии, передаваемые с помощью синтаксиса. Так, в названии «Как Гринч Рождество украл» (а не «...украл *Рождество*»), несомненно, есть намек на название хрестоматийной сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина «Как один мужик двух генералов прокормил» и в целом – на общий принцип номинации старинных русских назидательных сказок, где часто используется инверсия и значимый глагол помещается в конец фразы.

Значительно чаще Бородинская обращается к лексическим и фразеологическим отсылкам. Например, в «Мы ужаснее всех» две лексемы намекают на хрестоматийно известный фрагмент «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина, хотя и сюжет, и стиховая форма далеки от первоисточника:

«– Вы прекраснее всех, вы прекраснее всех,
Вы милей и теплей и прекраснее всех» [17, с. 28].

Ср.:

«Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее» [9, с. 346].

Еще один пример отсылки, на сей раз уже не только лексической, но и ритмико-синтаксической, – момент торжества победителя в «Суперчервячке», который недвусмысленно указывает на соответствующее место в «Мухе-Цокотухе»:

«Тут улитки и жуки,
Пчелы, жабы, мотыльки
Прилетели-прибежали
И запели-зажужжали:

– Слава, слава червячку,
Силачу и смельчаку!» [8, с. 30].

Ср.:

«Тут букашки и козявки
Выползают из-под лавки:
„Слава, слава Комару –
Победителю!“» [18, с. 92].

Так Бородинская обозначает поэтические ориентиры своих переводов.

В целом переводческому искусству Бородинской свойственны культурная «русификация» первоисточника, опора на отечественную поэтическую традицию XIX–XX вв., литературная и языковая игра, разнообразное проявление юмора, доброжелательность по отношению к детской аудитории и ненавязчивая дидактичность. Автор

выработал характерные переводческие алгоритмы и внес в переводимые тексты ряд излюбленных поэтических мотивов и тем: жизнеутверждающий посыл, оптимизм, упорное преодоление любых жизненных трудностей и вера в возможность позитивного воздействия культуры на человеческую природу. Это делает переводы Бородинской отчетливо индивидуальными, и таким образом они органично включаются в ее общее поэтическое пространство.

Список источников

1. Бек Татьяна. Из книжных лавок (о книге Марины Бородинской «Одинокое катание») // Арион. 2000. № 4. С. 107–108.
2. Яснов Михаил. Рецензия на книгу Марины Бородинской «С музыкой и пением» URL: <https://www.labirint.ru/reviews/show/317784/> (дата обращения: 22.11.2023).
3. Бак Д. П. Сто поэтов начала столетия: Пособие по современной русской поэзии. М.: Время, 2015. 576 с.
4. Хеллман Бен. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 560 с.
5. Gaynutdinova A. R., Skvortsov A. E., Galimullina A. F., Nickolsky E. V. Main characteristics of modern Russian female poetry // Journal of interdisciplinary research. 2018. №. 8. P. 187–189.
6. Доктор Сьюз. С днем рождения! / Пер. с англ. М. Бородинской. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 56 с.
7. Доктор Сьюз. Как Гринч Рождество украл / Пер. с англ. М. Бородинской. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 56 с.
8. Дональдсон Джулия. Суперчервячок / Пер. с англ. М. Бородинской. М: Машины Творения, 2015. 32 с.
9. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 4. Л.: Наука, 1977. 447 с.
10. Дональдсон Джулия. Волшебная кисточка / Пер. с англ. М. Бородинской. М: Машины Творения, 2018. 28 с.
11. Дональдсон Джулия. Зог / Пер. с англ. М. Бородинской. М: Машины Творения, 2014. 32 с.
12. Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Полное собрание стихотворений. М.: Русский путь, 2009. 648 с.
13. Дональдсон Джулия. Груффало / Пер. с англ. М. Бородинской. М: Машины Творения, 2017. 28 с.
14. Доктор Сьюз. Дриад / Пер. с англ. М. Бородинской. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 64 с.
15. Скворцов А. Э. Из принцев в нищие: О генезисе формы русских сатирических стихов // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 209–233.
16. Дональдсон Джулия. Самая лучшая свадьба / Пер. с англ. М. Бородинской. М: Машины Творения, 2014. 32 с.

17. Дональдсон Джулия. Мы ужаснее всех / Пер. с англ. М. Бородинской. М: Машины Творения, 2018. 32 с.

18. Чуковский К. И. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002. 500 с. (Новая Библиотека поэта).

References

1. Bek, T. (2000). *Iz knizhnykh lavok (o knige Mariny Boroditskoi "Oдиночное катание")* [From Bookstores (about Marina Boroditskaya's book "Solo Skating")]. Arion. No. 4, pp. 107–108. (In Russian)
2. Yasnov, M. *Reitsenziya na knigu Mariny Boroditskoi "S muzykoi i peniem"* [Review of Marina Boroditskaya's Book "With Music and Singing"]. URL <https://www.labirint.ru/reviews/show/317784/> (accessed: 22.11.2023). (In Russian)
3. Bak, D. P. (2015). *Sto poehtov nachala stoletiya: Posobie po sovremennoi russkoi poezhii* [One Hundred Poets of the Beginning of the Century: A Guide to Contemporary Russian Poetry]. 576 p. Moscow, Vremya. (In Russian)
4. Hellman, B. (2016). *Skazka i byl'. Istoriya russkoi detskoi literatury* [Fairy Tale and Reality. The History of Russian Children's Literature]. 560 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
5. Gaynutdinova, A. R., Skvortsov, A. E., Galimullina, A. F., Nickolsky, E. V. (2018). *Main Characteristics of Modern Russian Female Poetry*. Journal of interdisciplinary research. No. 8, pp. 187–189. (In English)
6. Dr. Seuss. (2019). *S dnem rozhdeniya!* [Happy Birthday to You!]. Per. s angl. M. Boroditsky. 56 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)
7. Dr. Seuss. (2018). *Kak Grinch Rozhdestvo ukral* [How the Grinch Stole Christmas]. Per. s angl. M. Boroditskoi. 56 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)
8. Donaldson, J. (2015). *Superchervyachok* [Superworm]. Per. s angl. M. Boroditskoi. 32 p. Moscow, Mashiny Tvoreniya. (In Russian)
9. Pushkin, A. (1977). *Polnoe sobranie sochinenii v desyati tomakh* [Complete Collection of Works in Ten Volumes]. Vol. 4, 447 p. Leningrad, Nauka. (In Russian)
10. Donaldson, J. (2017). *Volshebnaya kistochka* ["The Magic Paintbrush"]. Per. s angl. M. Boroditskoi. 28 p. Moscow, Mashiny Tvoreniya. (In Russian)
11. Donaldson, J. (2014). *Zog* [Zog]. Per. s angl. M. Boroditskoi. 32 p. Moscow, Mashiny Tvoreniya. (In Russian)
12. Khodasevich, V. (2009). *Sobranie sochinenii: V 8 t.* [Collected Works in Eight Volumes]. Polnoe sobranie stikhotvoreniy. T. 1, 648 p. Moscow, Russkiy put'. (In Russian)
13. Donaldson, J. (2017). *"Gruffalo"* ["Gruffalo"]. Per. s angl. M. Boroditskoi. 28 p. Moscow, Mashiny Tvoreniya. (In Russian)
14. Dr. Seuss. (2018). *Driad* [The Lorax]. Per. s angl. Boroditskoi. 64 p. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian)

15. Skvortsov, A. E. (2009). *Iz printsev v nishchie: O genezise formy russkikh sadistskikh stishkov* [From Princes to Paupers: On the Genesis of the Verse form of Russian Sadistic Rhymes]. *Voprosy literatury*. No. 3, pp. 209–233. (In Russian)

16. Donaldson, J. (2014). *Samaya luchshaya svad'ba* [The Scarecrow's Wedding]. Per. s angl. M. Boroditskoi. 64 p. Moscow, Mashiny Tvoreniya. (In Russian)

17. Donaldson, J. (2018). *My uzhasnee vseh* [The Ugly Five]. Per. s angl. M. Boroditskoi. 32 p. Moscow, Mashiny Tvoreniya. (In Russian)

18. Chukovsky, K. (2002). *Stikhi* [Poems]. 500 p. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt. (Novaya Biblioteka Poeta). (In Russian)

The article was submitted on 23.11.2023

Поступила в редакцию 23.11.2023

Скворцов Артем Эдуардович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bireli@inbox.ru

Давлетшина Альфия Алмазовна,
аспирант,
Казанский федеральный университет
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
davletshina.alfiya.96@mail.ru

Skvortsov Artem Eduardovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bireli@inbox.ru

Davletshina Alfiya Almazovna,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
davletshina.alfiya.96@mail.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-187-192

ПРОСТРАНСТВО УНИВЕРСИТЕТА В РОМАНЕ З. СМИТ «О КРАСОТЕ»

© Лилия Хабибуллина

UNIVERSITY SPACE IN THE NOVEL “ON BEAUTY” BY Z. SMITH

Liliya Khabibullina

The article examines Z. Smith's novel “On Beauty” (2005) in the context of the university novel tradition. In general, the writer adheres to the framework of tradition, reproducing typical plot situations in novels of this kind, describing the university environment, conflicts of interests in the teaching environment and relationships with students. One of the central characters of the novel, Howard Belsey, finds himself in a typical situation for a university professor experiencing an age crisis of family breakdown, which is also characteristic of the plots of such novels. The innovation of Zadie Smith is that she raises the issue of the university environment isolation, its social, racial and moral aspects. At the level of space, this idea is expressed in the emphasis on the closeness of the university space and the ways of penetration through its boundaries. The image of Karl Thomas, a young black trespasser of the University of Wellington, raises issues about the possibilities for young and free racially different people of finding a place for themselves in early twenty-first century American society. Particular attention is paid to the description of the university space in the novel in relation to other types of space.

Keywords: English literature, university novel, Zadie Smith, “On Beauty”, university space

В статье рассматривается роман З. Смит «О красоте» (2005) в контексте традиции университетского романа. В целом писательница придерживается рамок традиции, воспроизводя типичные для романов такого рода сюжетные ситуации, описывая университетскую среду, столкновения интересов в преподавательской среде, взаимоотношения со студентами. Один из центральных героев романа, Говард Белси, попадает в типичную для университетского профессора, переживающего возрастной кризис, ситуацию распада семьи, что также характерно для сюжетов подобных романов. Новаторство Зэди Смит состоит в том, что она ставит вопрос о замкнутости университетской среды, ее социальных, расовых и нравственных аспектах. На уровне пространства это выражается в акцентировании закрытости университетского пространства и способах проникновения через его границы. Образ Карла Томаса, молодого черного юноши, нарушающего границы университета Веллингтон, описанного в романе, позволяет поставить вопросы о наличии возможностей для молодых и свободных расово инаковых людей найти себе место в американском обществе начала XXI века. Особое внимание в статье уделяется описанию пространства университета в романе в соотнесении с другими типами пространства.

Ключевые слова: английская литература, университетский роман, Зэди Смит, «О красоте», пространство университета

Для цитирования: Хабибуллина Л. Пространство университета в романе З. Смит «О красоте» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 187–192. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-187-192

Роман Зэди Смит «О красоте» («On Beauty», 2005) не обделен вниманием критики, о чем свидетельствует большое количество посвященных ему исследований, в части из которых рассматриваются чисто литературоведческие проблемы, связанные с содержанием романа [1, с. 128–138], [2, с. 164–168], проблемами интертекстуальности [3, с. 73–89], в других затрагивается расово-

этническая проблематика романа [4, с. 511–519], [5, с. 117–118]). Традиции университетского романа в произведении З. Смит посвящена статья О. Куцепаловой, в которой автор в общем виде затрагивает основные аспекты романа, связывающего его с соответствующей линией в современной англо-американской литературе, и касается хронотопа, акцентируя в основном времен-

ной аспект [6, с. 161–166]. Да и в целом можно говорить о том, что творчество писательницы стало полноправной частью британского литературного процесса XXI века, о чем свидетельствует постоянное упоминание ее в солидных трудах, посвященных общим закономерностям развития английской литературы, в частности в монографии Ника Бентли [7, с. 245], связанной с последней обзорной статьей Б. М. Проскурнина [8, с. 209–214] и др.

Роман «О красоте» показывает образ мультикультурного мира полным противоречий, проблемы расово-этнических отношений далеки от их разрешения. В произведении они рассматриваются на примере расово неоднородной семьи, «женская» проблематика дополняет картину и одновременно делает роман еще более актуальным, что подтверждается множеством литературных премий. В центре сюжета история двух семей смешанного происхождения, одна пара белый-черная (семья Белси), в другой – оба представители расового меньшинства (афро-американцы, семья Кипс), девочка с ямайской внешностью, недовольная собой, красивый черный подросток, пожилой белый мужчина-неудачник и т.д. Роман в первую очередь представляет женскую постколониальную прозу, транслирует крайне актуальную на сегодняшний день мысль, которую можно уже отнести к идеологии деколонизации о том, что равенство рас в современном мире иллюзорно, представители черной расы продолжают ощущать тяжесть принадлежности к «другому» миру, например в университетской среде:

«Куда бы мы ни пошли, я одна в море белых. Черных я вижу мельком, Гови. Я веду белую жизнь. А черные разве что возят тряпкой у меня под ногами в чертовом кафе твоего черного колледжа. Или каталку в госпитале тянут мимо меня» [9, с. 218], –

говорит Кики Белси. Это приводит к тому, что дети семейства Белси чувствуют себя более чужими в мире черных, чем в мире белых, Леви, сын Кики и Говарда, переживает недостаточность своей «цветной» идентичности, мешающей ему считать себя частью молодежной «черной» культуры, поскольку имеет смешанное происхождение и принадлежит к обеспеченным классам:

«До чего чудно было видеть улицы, на которых все – черные! Слово вернувшись домой, правда, люди вокруг сплошь незнакомые. А все-таки прохожие бегут мимо, словно он здешний, второй раз никто не глянет» [Там же, с. 314].

Он живет в мире воображаемой черной идентичности, созданной им под влиянием рэп-

культуры, что вызывает недоумение у его друзей из бедных кварталов и выдает его истинное происхождение.

Зэди Смит не скрывает, что сюжет романа во многом повторяет сюжет произведения ее любимого Э. Форстера «Говардз Энд» (1910) [10]; действительно, многочисленные исследования подтверждают сходство сюжетов, которое лишь оттеняет основные различия: в первом случае героиня наследует дом, во втором – картину, в первом Маргарет «наследует» еще и мужа умершей подруги, что и является ее главной «наградой», во втором – главной темой становится женская дружба и солидарность. Это сходство также привлекло внимание как зарубежных [11], [12], так и отечественных литературоведов [13], которые дали обширный и исчерпывающий сравнительный анализ двух произведений.

В то же время, поскольку основной состав персонажей связан с обучением, а основное место действия – вымышленный университет Веллингтон в Новой Англии, нельзя не отметить связь романа Зэди Смит с традицией университетского романа. Прежде всего необходимо отметить сходство сюжета с одним из выдающихся произведений этого ряда, романом Д. Лоджа «Академический обмен» (1975): действие происходит в США и Великобритании, представлены два профессорских семейства с противоположными взглядами [14]. Далее, неумеренная и где-то нелепая сексуальность Говарда Белси напоминает о героях романа К. Эмиса «Счастливчик Джим» (1954) и отчасти о приключениях героя Тома Шарпа, незадачливого преподавателя и отца четверняшек Уилта, постоянно попадающего в нелепые ситуации («Уилт», 1976; «Уилт непредсказуемый», 1979; «Звездный час Уилта», 1985 и др.).

Роман полностью отвечает тематическим параметрам, заданным О. Ю. Анциферовой в ее известной статье «Университетский роман: жизнь и законы жанра»: «Тематическое поле прозы такого рода – университетская жизнь как сегмент культурно-образовательного пространства (в противовес естественному, природному), она может быть описана только с помощью вторичных культурных кодов, – кодов, присваивающих или переосмысливающих уже готовые культурные означающие. Отсюда насыщенность университетской прозы аллюзиями, отсюда апелляция при построении образа героя к стереотипам» [15, с. 265].

Смешанный состав семьи Белси, несмотря на внешнее благополучие, предопределяет травматический фон их существования за счет того, что жена и дети существуют в необычной для людей

их цвета кожи среде: дисгармония в этой семье оттеняется ситуацией в гармоничной, хотя и закрытой семье Кипс, все члены которой черные, но положение профессора дает Монти Кипсу возможность занять положение в обществе и стать достойным соперником белому профессору Говарду Белси. Парадоксальным образом именно Кипс выступает как консерватор и защитник устоев, который противостоит сопернику в университете и в политическом плане, он настаивает на равных требованиях ко всем, независимо от цвета кожи, в то время как Кики, жена Белси, говорит о том, что преимущества для черных просто восстанавливают равновесие, которое нарушалось много лет. Авторские симпатии, очевидно, на стороне либеральных Белси, моральная нечистоплотность Кипса проявляется в истории с картиной, которую его жена завещала Кики, а он решил оставить в семье. Говард Белси также далеко небезупречен, именно его измены жене сначала с коллегой Клер а потом и со студенткой, дочерью Кипса, составляют сюжетный центр романа, что еще раз подтверждает соответствие произведения «канону» университетского романа: «Еще одним влиятельным стереотипом современного университетского романа становится обязательное присутствие в нем эротики, а сюжетным клише – постоянное обращение к теме сексуальных связей преподавателей со студентками» [15, с. 266].

Образ Веллингтона¹ строится в соответствии с канонем американского «романа кампуса»: в центре два мира – преподавателей и студентов. Мир преподавателей внутренне конфликтен при внешних поверхностно приятельских отношениях. Центральный герой, Говард Белси, сосредоточенный на своем предмете исследований, творчестве Рембрандта, уязвим как перед студенческим миром, зависимым от быстротечных и поверхностных веяний, под влиянием которых студенты год за годом покидают его семинар, привлеченные чем-то более современным, так и перед руководством, лавирующим между консервативными и либеральными тенденциями в университете, осложненными еще и расовыми вопросами. В центре «университетской» проблематики традиционно борьба за студентов, место штатного преподавателя, внутренние конфликты.

В частности, одна из развернутых сцен романа – «отлов» студентов в начале учебного года при помощи лекции с популярной проблематикой:

«Он не знал – так, как знал это Говард, – что к следующему вторнику студенты пересчитают весь ассортимент интеллектуальных товаров, предлагаемых гуманитарным факультетом, произведут свой сравнительный анализ с учетом многообразных величин, как то: известность профессора в университетских кругах, наличие у него публикаций и наград, практическая сторона его лекций (их перспективность, польза для личного дела и аспирантуры), вероятность того, что вышеупомянутый профессор имеет вес в реальном мире, то есть года через три способен дать рекомендации, которые помогут устроиться на стажировку в „Нью-Йоркер“, Пентагон, офис Клинтона в Харлеме, французский Vogue, – словом, они прозондируют почву, взвешают все личные „за“ и „против“ и придут к выводу, что изучать „создание образа человека“, не входящее в список обязательных дисциплин этого семестра и преподаваемое человеком крайних политических взглядов, с горсткой публикаций за плечами, не первой молодости, в скверном пиджаке, с прической в стиле 1980-х и неудобным расположением сверху здания без нормального отопления и лифта, не входит в их интересы. Поэтому-то первая неделя года и называлась порой отлова» [9, с. 35].

«Набор» персонажей также традиционен: декан факультета, приятель главного героя, секретарь факультета, преподаватели-либералы (Говард и Клер), преподаватели-консерваторы (Монти Кипс).

Места действия также характерны для романа кампуса: кабинет декана, кабинет профессора, пара развернутых сцен в аудиториях (провал или реж – триумф преподавателя на лекции также важная составляющая сюжета университетского романа, достаточно вспомнить лекцию о «доброй старой Англии» нетрезвого Диксона из романа «Счастличик Джим» [16, с. 459]), дома преподавателей, которые являются продолжением университетского пространства, что хорошо видно в сцене вечеринки у Белси по случаю годовщины свадьбы:

«В действительности это было типичное веллингтонское торжество: боишься, что в доме будет не продохнуть, но до аншлага дело не доходит. Аспиранты кафедры африканистики пришли чуть ли не в полном составе, главным образом, потому что они не чаяли в Эрскayne души, а также потому что в Веллингтоне они были самым светским народом, гордившимся репутацией существ, наиболее приближенных на кампусе к нормальным. Они умели и просто поболтать, и сболтнуть лишнего, собрали у себя на кафедре фонотеку черной музыки, слыли знатоками современного телевизионного мусора и могли о нем красноречиво рассуждать. Их всегда на все приглашали, и они всегда на все ходили» [9, с. 183].

Новаторство Зэди Смит проявляется в том, что она сосредоточивает основной конфликт на

¹ Вымышленный университет в реальном штате Массачусетс.

вопросе допуска в узкий мир университета, реализуя именно посредством этого вопроса расовую проблематику романа. На первый взгляд то, что семья Кипс находится в центре университетской жизни и в Англии, и в США, демонстрирует разрешенность расового конфликта, однако для Смит важно продемонстрировать иллюзорность такого представления; так, Монти Кипс представлен как *«просто черный консерватор, который считает, что создание специальных условий унижает афроамериканских детей»* [Там же, с. 183]. Его позиция соответствует его положению и возрасту: оказавшись в университетской среде, он не думает, что представители его расы должны иметь привилегии в тяжелой конкурентной борьбе.

Вопрос о проникновении в мир университета связан прежде всего с образом Карла Томаса, который нарушает границу между мирами. Карл, чернокожий красивый и талантливый парень из бедных кварталов, переживает невозможность поступления в колледж и реализации своего таланта. Мир Веллингтонского колледжа, несмотря на все попытки проникнуть в него, остается для Карла чужим и малопонятным, и именно он формулирует проблему идентичности, касающуюся черных людей из традиционно «белых» классов: *«Вы уже не черные, а не знаю кто. Думаете, вы лучше, чем другие цветные. Получаете „корочки“, а живете непуतेво»* [Там же, с. 444], – говорит он в финале романа. Однако именно он пересекает невидимые границы между «белым» и «черным» миром, например, придя на концерт классической музыки, где слушают Моцарта и где нет черных, кроме семейства Белси. Он же пытается прийти на вечеринку в дом Белси, приняв всерьез приглашение их младшего сына и наткнувшись на обидный отказ Говарда. Он проникает в бассейн университета, благодаря своему приятелю, который работает в гардеробе. Наконец, Карл устраивается на работу в библиотеку университета, своего рода центр университетского мира, где проводятся факультетские собрания. Название библиотеки «Келлерская» апеллирует к истории Хелен Келлер, первой слепоглухой женщины, получившей бакалаврскую степень, чей портрет украшает стену библиотеки и обозначает потенциальную возможность проникновения в университетский мир тех, кому ранее доступ туда был закрыт. Должность сотрудника архива хип-хопа Карл получил благодаря тому, что ее изобрел профессор Эрскайн Джиджиди, зам. зав. кафедрой африканистики, однако она не делает юношу своим в университетском мире. Чувство отчужденности возникает и у

многих сотрудников университета, которые не являются преподавателями:

«Величественный Веллингтон вызывал у нее (Илайши Парк, заведующей музыкальной библиотекой. – Л. Х.) такое же, как у Карла, смешанное чувство восторга и обиды. Они сплотились и на пару презирали студентов и преподавателей, но при этом, если „эти“ обходились с „нами“ по-доброму, таяли от благодарности» [Там же, с. 448].

Взаимное неприятие двух миров подтверждается и тем, что при малейшем инциденте (кража картины Кипсов) подозрение падает именно на Карла Томаса, хотя ее совершил Леви Белси, не подозревая о том, что она и так завещана его матери.

С расширением этого же конфликта связана история вокруг семинара Клер Малколм, куда она принимает не только студентов Веллингтона, но и просто склонных к поэзии талантливых людей. Это становится точкой пересечения противоположных пространств: Веллингтона и «Остановки» – марокканского ресторана, где организуются Вечера ритмов, где настоящий талант Карла имеет возможность проявиться. Попав в семинар Клер (наряду с Шантель, черной девушкой из рабочей среды, молодой женщиной Бронвин из веллингтонского Сбербанка, математиком, которого все звали «Вонг из БУ»), Карл, хоть и пишет сонет по просьбе Клер, все же предпочитает «свободные» ритмы, тем самым демонстрируя свою независимость от привилегированного, но ограниченного мира Веллингтона.

Конфликт между двумя мирами ярче всего проявляется в противопоставлении дочери Белси, Зоры, прекрасно ориентирующейся в мире университета и манипулирующей преподавателями, но пустой внутри, не имеющей собственных идей, и Карла, беспомощного перед интригами университетского мира, но истинно талантливого. Именно Зора во время одного из их столкновений говорит ему о том, что мир Веллингтона для него недостижим:

«Нахватался за несколько месяцев в Веллингтоне сплетен и решил, что можешь обо всем судить? Думаешь, пораскладывал по полкам пластинки и сразу стал веллингтонцем? Тебе до этого, как до звезды» [Там же, с. 530].

Тем не менее, именно Зора пытается разрешить ситуацию, но, несмотря на ее усилия, Карл так и не пересекает границы, не возвращается в кружок Клер, хотя и получает эту возможность.

Таким образом, основная характеристика пространства университета в романе Зэди Смит – замкнутость и непреодолимость его границ, как олицетворения всего американского истеблишмента для молодых, талантливых и свободных представителей национального и расового многообразия США. Эти характеристики университетского пространства во многом определяют новаторство хронотопа университета в романе Смит, как и то, что эта замкнутость остается непреодоленной.

Список источников

1. Tolan F. Identifying the Precious in Zadie Smith's *On Beauty* // *British Fiction Today* / Ed. P. Tew and R. Mengham. London: Continuum, 2006. P. 128–138.
2. Хабибуллина Л. Ф. Проблема красоты в романе З. Смит «О красоте» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 4 (57). С. 164–168.
3. Tynan M. 'Only Connect': Intertextuality and Identity in Zadie Smith's *On Beauty* // *Zadie Smith: Critical Essays* / Ed. Tracey L. Walters. New York: Peter Lang, 2008. P. 73–89.
4. Несмелова О., Шевченко А. «Happy Multicultural Land» как поле для дискуссий в романе Зэди Смит «О красоте» // Парадигмы культурной памяти и константы национальной идентичности. Коллективная монография. Нижний Новгород, 2020. С. 511–519.
5. Ситникова Е. А. Соснин А. В. Мультикультурный Лондон в романе Зэди Смит «Белые зубы» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2013. № 21. С. 117–118.
6. Куцупалова О. А. Особенности университетской прозы на примере романа Зэди Смит «О красоте» // Риторика – Лингвистика: сборник статей. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. С. 161–166.
7. Bentley N. *Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 245 p.
8. Проскурнин Б. М. Реализм? Модернизм? Постмодернизм? Постпостмодернизм? Размышления о современной британской прозе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 6 (12). 2010. С. 209–214.
9. Смит З. О красоте / пер. с англ. О. Качановой, А. Власовой. М: издательство Ольги Морозовой, 2010. 560 с.
10. Форстер Э. М. Говардс-Энд / пер. с англ. Н. М. Жутовской. М.: АСТ, 2014. 415 с.
11. Adams A. M. A Passage to Forster: Zadie Smith's Attempt to "Only Connect" to *Howards End* // *Critique: Studies in Contemporary Fiction*. 2011. Volume 52, Issue 4. P. 377–399.
12. Carbajal A. F. "A Liberal Susceptibility to the Pains of Others": Zadie Smith's *On Beauty*, Haiti and the Limits of a Forsterian Intervention // *Ariel: A review of in-*

ternational English literature. 2013. Vol. 43, No. 3. P. 35–57.

13. Илунина А. А. Роль аллюзий на «Говардс-Энд» Э. М. Форстера в романе Зэди Смит «О красоте» // Ученые записки Новгородского государственного университета. № 4 (37) 2021. С. 461–465.
14. Лодж Д. Академический обмен. Повесть о двух кампусах / пер. О. Е. Макаровой. М.: Независимая газета, 2000. 307 с.
15. Анцыферова О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 264–295.
16. Эмис К. Я хочу сейчас. Счастливчик Джим / пер. с англ. А. Фридмана. М.: ЛГ-Бестселлер, 1993. 464 с.
17. Smith Z. *On Beauty*. Lnd.: Penguin books. 2006. – 464 p.

References

1. Tolan, F. (2006). *Identifying the Precious in Zadie Smith's On Beauty*. *British Fiction Today*. Ed. P. Tew and R. Mengham. Pp. 128–138. London, Continuum. (In English)
2. Khabibullina, L. F. (2020). *Problema krasoty v romane Z. Smit "O krasote"* [The Problem of Beauty in Z. Smith's Novel "On Beauty"]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully*. No. 4 (57), pp. 164–168. (In Russian)
3. Tynan, M. (2008). *'Only Connect': Intertextuality and Identity in Zadie Smith's "On Beauty"*. *Zadie Smith: Critical Essays*. Ed. Tracey L. Walters. Pp. 73–89. New York, Peter Lang. (In English)
4. Nesmelova, O., Shevchenko, A. (2020). *"Happy Multicultural Land" kak pole dlya diskussii v romane Zedi Smit "O krasote"* ["Happy Multicultural Land" as a Field for Discussion in Z. Smith's Novel "On Beauty"]. *Paradigmy kul'turnoi pamyati i konstanty natsional'noi identichnosti. Kollektivnaya monografiya*. Pp. 511–519. Nizhnii Novgorod. (In Russian)
5. Sitnikova, E. A., Sosnin, A. V. (2013). *Mul'tikul'turnyi London v romane Zedi Smit "Belye zuby"* [Multicultural London in Zadie Smith's Novel "White Teeth"]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova*. No. 21, pp. 117–118. (In Russian)
6. Kutsepalova, O. A. (2015). *Osobennosti universitetskoi prozy na primere romana Zedi Smit "O krasote"* [Specific Features of University Prose Based on Z. Smith's Novel "On Beauty"]. *Ritorika – Lingvistika: sbornik statei*. Pp. 161–166. Smolensk, izd-vo SmolGU. (In Russian)
7. Bentley, N. (2008). *Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides*. 245 p. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
8. Proskurnin, B. M. (2010). *Realizm? Modernizm? Postmodernizm? Postpostmodernizm? Razmyshleniya o sovremennoi britanskoi proze* [Realism? Modernism? Postmodernism? Post-postmodernism? Reflections on Modern British Prose]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*. Vyp. 6(12), pp. 209–214. (In Russian)

9. Smith, Z. (2010). *O krasote* ["On Beauty"]. Per. s angl. O. Kachanovoi, A. Vlasovoi. 560 p. Moscow, izdatel'stvo Ol'gi Morozovoi. (In Russian)
10. Forster, E. M. (2014). *Govard's End* [Govard's End]. Per. s angl. N. M. Zhutovskoi. 415 p. Moscow, АСТ. (In Russian)
11. Adams, A. M. (2011). *A Passage to Forster: Zadie Smith's Attempt to "Only Connect" to Howards End*. Critique: Studies in Contemporary Fiction. Volume 52. Issue 4, pp. 377–399. (In English)
12. Carbajal, A. F. (2013). "A Liberal Susceptibility to the Pains of Others": Zadie Smith's "On Beauty", Haiti and the Limits of a Forsterian Intervention. Ariel: A review of international English literature. Vol. 43, No. 3, pp. 35–57. (In English)
13. Ilunina, A. A. (2021). *Rol' allyuzii na "Govardz-End" E. M. Forstera v romane Zedi Smit "O krasote"* [The Role of Allusions in "Govard's End" by E. M. Forster in Z. Smith's Novel "On Beauty"]. Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. No. 4(37), pp. 461–465. (In Russian)
14. Lodzh, D. (2000). *Akademicheskii obmen. Povest' o dvukh kampusakh* [Changing Places: A Tale of Two Campuses]. Per. O. E. Makarovoi. 307 p. Moscow, Nezavisimaya gazeta. (In Russian)
15. Antsyferova, O. U. (2008). *Universitetskii roman: zhizn' i zakony zhanra* [A University Novel: Life and Laws of the Genre]. Voprosy literatury. No. 4, pp. 264–295. (In Russian)
16. Amis, K. (1993). *Ya hochu seichas. Schastlivchik Dzhim* [I Want It Now. Lucky Jim]. Per. s angl. A. Fridmana. 464 p. Moscow, LG-Bestseller. (In Russian)

The article was submitted on 08.10.2023

Поступила в редакцию 08.10.2023

Хабибуллина Лилия Фуатовна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
fuatovna@list.ru

Khabibullina Liliya Fuatovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
fuatovna@list.ru

ОБРАЗ ШАКУР-КАРАКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ И ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© Айдар Хабутдинов, Милеуша Хабутдинова, Айнур Машакова

THE IMAGE OF SHAKUR-KARAK IN RUSSIAN AND TATAR LITERATURE

Aidar Khabutdinov, Mileusha Khabutdinova, Ainur Mashakova

The article reveals a corpus of folklore and literary texts dedicated to the life and activities of the horse thief Shakur Rakhimov who was shot in 1926. His gang consisted of 100 people. In the Russian literary tradition, writers turned to this image only during the years of perestroika – largely by order of the Press Center of the Ministry of Internal Affairs. These are the story by E. Sukhov “Shakur-karak” (1994) and the essay by M. Belyaev and A. Sheptytsky “Robin Hood or the Progenitor of Organized Crime?”, which was written for the book “Gangster Tatarstan”. Both works were created on a documentary basis. The writers familiarized themselves with 40 volumes of the criminal case, analyzed press coverage of the events and the memories of the eyewitnesses. The fight between the smart thief and the professional investigator is depicted in F. Dostoevsky’s traditions. Tatar literature remains faithful to the folklore tradition where the image of Shakur-karak gravitates towards the pole of the Robin Hood archetype – the people’s protector. It is obvious that the Gorky romantic tradition dominates in Tatar works.

Keywords: Shakur-karak, K. Tinchurin, T. Minnullin, K. Latyp, E. Sukhov, M. Belyaev, A. Sheptytsky

В статье выявлен корпус фольклорных и литературных текстов, посвященных жизни и деятельности конокрада Шакура Рахимова, который был расстрелян в 1926 г. Его шайка состояла из 100 человек. В русской литературной традиции к этому образу писатели обратились лишь в годы перестройки – во многом по заказу пресс-центра МВД. Это повесть Е. Сухова «Шакур-карак» (1994) и очерк М. Беляева и А. Шептицкого «„Робин Гуд“ или прародитель оргпреступности?», который был написан для книги «Бандитский Татарстан». Оба произведения созданы на документальной основе. Писатели ознакомились с 40 томами уголовного дела, проанализировали освещение событий в прессе и воспоминания очевидцев. Схватка умного вора со следователем-профессионалом раскрыта в традициях Ф. М. Достоевского. В татарской литературе сохраняется верность фольклорной традиции, где образ Шакур-карака тяготеет к полюсу архетипа Робин Гуда – народного заступника. Очевидно, что в татарских произведениях доминирует горьковская романтическая традиция.

Ключевые слова: Шакур-карак, К. Тинчурин, Т. Миннуллин, К. Латып, Е. Сухов, М. Беляев, А. Шептицкий

Для цитирования: Хабутдинов А., Хабутдинова М., Машакова А. Образ Шакур-карака в русской и татарской литературе // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 193–203. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-193-203

Введение

Имя Шакур-карака до сих пор сохраняется в народной памяти. Тема конокрадства в народных песнях ассоциируется с жизненным выбором, со стремлением к свободе. В среде тюлячинских кряшен бытует протяжная песня «Шәкур карак – данлы карак» («Шакур-карак – известный вор» (подстр. пер. здесь и далее наш. – А. Х., М. Х., А. М.)), в которой рассказывается о том, как ко-

нокрад украл лошадь и не попался. Мамадышские кряшены посвятили ему такмак: «*Шәкур-карак ат урлаган, / Ат урлап – тотылмаган*». – «*Шакур-карак воровал коней, / Укрыв скакуна – не попался*». В творческом сознании народа конокрадство прочно ассоциируется со свободолобием и удалью, с выбором жизненного пути. Так, в одной из вариаций татарской народной песни «Кара урман» («Темный лес») есть такие строки:

«Кара да гына урман, караңгы төн, / Атлар урлар идем бур булсам». – «Темный лес, ночь темная, / Украл бы коней, коли был вором...» [1].

Шакур Рахимов – легендарный преступник из лихих 1920-х гг. Шестнадцать членов шайки, включая его самого (все из села Чутей Молькевской волости Свияжского кантона), были расстреляны в 1926 году по приговору Верховного суда РСФСР. Ход дела широко освещался в прессе. Процесс вела выездная коллегия Верховного суда РСФСР. В народе Шакур-карак снискал славу Робин Гуда и, по оценкам юристов, был уголовником, создателем преступной группы, которая занималась кражей лошадей и грабила магазины, больницы, потребительские общества. Шакур-карак долгое время выходил сухим из воды благодаря коррупции. После расстрела знаменитого вора с плеч полетели головы местных представителей советской власти, которые кормились взятками от банды и закрывали глаза на их деяния.

За силу, с которой надо считаться, стремительность и быстроту земляки прозвали Шакур-карака «Карчыга» («Ястреб»). О нем в народе гуляли легенды как об обладателе взгляда магической силы: «Аның күзләре бик тә үткен, адамне генә түгел, җә галәмне дә үтә күрә иде». – «Его глаза обладали пронзительной силой, могли пробиться до космоса». Если в деревне умирал ребенок, то односельчане считали, что его сглазил Шакур-карак. Окружающие искренне верили, что знаменитый вор одним взглядом может оживить жеребенка и вдохнуть жизнь в умирающую лошадь [2].

Споры о нем не утихают и поныне. Одни считают его дерзким вором, а другие – народным заступником [3]. Ряд легенд о нем можно встретить в повести-воспоминании К. Латыппа о Салихе Сайдашеве:

«Шәкүр мәҗлесләрдә карчыклардан мөнәҗәтләр әйттергән. Тирә-як авылларда яшәүче ярлы-ябагыйларга ярдәм иткәнгәме, аны изге кеше дип санаганнар. Бу, якты дөньядан битәртәк, Шәкүр теге дөньядан, ахирәттән курыккан. Үзен хажы дип исәпләп, мәчет картлары белән бергә намаз укыган, хәер-сәдака биргән, ураза тоткан, корбан чалган. Кирәк икән, динебез хақына канатлы атымны чалырга да ризамын, дигән» [2]. – «Шакур просил старух во время ритуальных обедов исполнять мунаджаты. Из-за того, что он помогал беднякам, живущим в округе, его считали святым человеком. Шакур ничего не боялся на этом свете, больше тревожился о загробной жизни, о своем положении в день воскресения мертвых. Считая себя хаджи (паломником, совершившим хадж), он вместе со стариками ходил в мечеть, раздавал подаяние, держал уразу, приносил в жертву жи-

вотных. Поговаривал, что, если потребует вера, готов принести в жертву даже своего любимого скакуна».

По свидетельствам очевидцев, это был «энергичный старик» среднего роста, «одетый в серый татарский кафтан и тюбетейку, разрисованную вышивкой» (см. подр.: [3], [4], [5]). Шакур Рахимов внешне не был похож на вора, скорее – на «благобразного старика, который больше походил на купца-татарина с благородно сидящими волосами» [6, с. 5]. На рынке появлялся неизменно с кнутом в руках [3, с. 35]. Шакур-карак совершал намаз, во время разговора часто цитировал суры Корана, но от родового ремесла отказываться не собирался даже в преклонном возрасте [Там же, с. 35]. Он умер, держа в руках маленький Коран, обтянутый кожей жеребенка, со словами мусульманской молитвы на устах (см. подр.: [5]).

О Шакуре Рахимове написано немало статей, среди которых встречаются и научные работы [Там же].

Материалом для нашего исследования послужили художественные произведения. Это повесть К. Биккулова «Ат караклары» («Конокрады», 1912) [7], пьесы К. Тинчурина «Зәңгәр шәл» («Голубая шаль», 1926) [8], Т. Миннуллина «Ат карагы» («Конокрады», 1972) [9], повесть Е. Сухова «Шакур-карак» (1994) [6], комедия И. Зайниева «ТатСинема» (2008) [10], повесть-воспоминание К. Латыппа «Әдрән дингез» («Адриатическое море», 2015) [2], очерк М. Беляева «„Робин Гуд“ или прародитель оргпреступности?» из книги «Бандитский Татарстан» (2015) [11], инсценировка А. Заббарова «Ат карагы» («Конокрады», 2023) [12].

Обсуждение

Повесть К. Биккулова «Ат караклары» («Конокрады», 1912) является данью просветительской традиции. В ней автор обрушивается с критикой на шакирдов-воришек, во взрослой жизни превратившихся в конокрадов (см. подр.: [13]). В этом произведении татарской литературы конокрадство однозначно трактуется как грех и утверждается неминимость наказания.

В годы революции вокруг конокрадства создается романтический ореол. Так, писатель Аяз Гилязов в письме к режиссеру к Г. Хусаинову отмечал следующее: «Безнең халыкның милли геройлары булып байтак еллар бары тик ат караклары гына санала килгән. „Зәңгәр шәл“дәге Миңлегали образына тамашачы һәрчакта да симпатия белән караган. Башкача татар кешесе Россия жирендә батырлык кыла алмаган, кылганы да көчләп оныттырылган» [14, с. 223]. – «Долгие

годы в среде нашего народа национальными героями слыли конокрады. Зрители с симпатией относились к Минлегали из „Голубой шали“. По-другому татары на просторах России лишены были возможности совершать подвиги, а о случившихся принуждали помалкивать».

Для каторжанина Минлегали, отсидевшего трижды в царской тюрьме за конокрадство, это занятие не столько источник дохода, сколько возможность самореализоваться, стать состоявшимся мужчиной, почувствовать себя свободным человеком:

«Их, егетләр, ат урлауның тәмен, рәхәтен белмисез сез... Моньсы юкә урлый, ә моньсы шәкерт башы белән солдаттан качып, кара урманда төн саклап ята. Эшмени бу!.. Юк, егетләр, монда ятып күке тавышын тыңлаудан файда чыкмас, ахры, иртәге миңа фатиха бирерсез, күрәм. Аллага тапшырып, теге Солтангәрәй мирзаның үзе белән хаждан алып кайткан аргамагын сынап карарга туры килер, ахрысы...» [8, с. 425]. – «Эх, ребята, вам не дано понять все удовольствие от конокрадства, сокрытое в нем счастье... Этот ворует липу, а этот шакирд, скрываясь от солдатчины, коротает ночи в темном лесу. Это разве дело!.. Нет, ребята, нет никакой пользы сидеть, вслушавшись в кукование кукушки, думаю, что завтра вы дадите мне благословение. Полагаясь на божью волю, я планирую завтра испытать скакуна, которого привез из хаджа Султангарай мирза...»

Перед нами типичный романтический герой, который в конокрадстве реализует подспудное желание свободы. Для него это единственный способ достижения своей мечты. В своей исповеди герой описывает, как осуществляется кража коня. Минлегали испытывает блаженство во время скачки от слияния воедино с украденным скакуном: «...*ат белән кеше бер була да кала, шулкадәр җанлы якынлык була*» [Там же, с. 426]. – «...*лошадь и человек сливаются воедино, эту духовную близость не передать словами*». Минлегали страстно привязан к этому животному, для него аргамаки дороже женщин. Конокрад постоянно одергивает беглецов, позволяющих неуважительные комментарии в отношении Аллаха: «*Баядан бирле тыңлап торам да, һаман Алла белән булышасың. Синең үзеңнең динсезлегең җиткәч тә, монда мөселманнар бар*» [Там же, 431]. – «*Давно за тобой наблюдаю, как ты осмелился тягаться с Аллахом. Если ты сам безбожник, здесь сидят мусульмане*».

Минлегали предупреждает соратников, чтобы они в его присутствии не оскорбляли Аллаха и во время набегов не поднимали руку на мулл и ишанов. Таким образом, в пьесе К. Тинчурина конокрад предстает человеком твердых убеждений, волей обстоятельств выброшенным на обо-

чину жизни, в своем ремесле реализующим потенциал своей личности и внутреннюю потребность в свободе.

В повести К. Латыйпа «Эдрән дингез» («Адриатическое море») со ссылкой на воспоминания уроженца д. Чутеи З. Баширова утверждается, что композитор С. Сайдашев, будучи проездом в одной из чувашских деревень, встречался с Шакур-караком. Именно Шакур-хаджи, по мнению автора повести, является прототипом образа Минлегали в музыкальной драме К. Тинчурина «Зәңгәр шәл» («Голубая шаль»), музыку к которой написал легендарный композитор [2, с. 18–19]. К. Латыйп делится с читателями предположением, что если бы Пушкин был жив, то он обязательно написал бы произведение о Шакур-караке. Таким образом, в этом народном герое писатель видит потенциал героя исторического романа, олицетворяющего яркого представителя татарского народа, гордого, свободолюбивого, со своим кодексом чести.

Т. Миннуллин разглядел в образе Шакур-карака потенциал национального героя, поэтому посвятил ему свою драму «Ат карагы» («Конокрад»). По собственному признанию драматурга, пьеса была написана им на «оттепельной» волне на основе изучения 40 томов уголовного дела. В ее основу легли перипетии из жизни шайки конокрадов, о которых гремела слава по всей Казанской губернии, затем Татарской АССР в 1917–1923 гг. Пьеса была поставлена на сцене ТГАТ им. Г. Камала М. Салимжановым лишь в 1989 г. В 1970-е гг. анонимщик пожаловался в обком, обвинив автора в романтизации конокрада. А. Гилязов искренне возмущался тем, что анонимщик, написавший донос в обком, даже не потрудился прочитать произведение. В результате возникла путаница: в докладе одного партийца Аяз Гилязов превратился в автора «Конокрадов», а Туфан Миннуллин – в автора «Трех аршин земли». Спектакль, имевший два состава, шел только один сезон. Образ Сибгата-конокрада в спектакле исполнил Ш. Биктимиров. Цензура в лице М. Мусина добила запрета спектакля.

Т. Миннуллин постарался раскрыть жизненное кредо известного в округе конокрада, внутренние мотивы его поступков. В драме подробно описывается жизнь потомственного конокрада, феномен конокрадства исследуется в ракурсе проблемы отцов и детей. Сибгат стремится обучить родовому ремеслу своего сына Файзеля, который мечтает получить образование. Если отец наслаждается своей властью над людьми, то сын мечтает добиться уважения в обществе не через насилие и страх. «*Ир йөрәкле адам булырга кирәк*» [9, с. 313]. – «*Необходимо быть челове-*

ком с мужественным сердцем», – так формулирует конокрад Сибгат свой идеал мужчины. Герой ассоциирует себя с представителем племени Иаджудж и Маджудж, наводящим порчу на земле (в библейской традиции – Гога и Магога).

Т. Миннуллин подчеркивает в своем герое страстную любовь к лошадям («*Атларны сагындым*» [Там же, с. 318]. – «*Соскучился по лошадям*»; «*Атсыз яшәү кыен. Их, ут уйнатып чабулары, колагыңда җил ыжгырып тора, күздән яшьләр атылып чыга*» [Там же]. – «*Жизнь без лошади нелегка. Эх, лихая скачка, ветер в ушах свистит, из глаз слезы брызжут*»). Сибгат-карак любит слушать сказки и риваяты о лошадях («Кашка бия гыйшыкы», «Чибер сылу байтал»). Конокрад показан человеком, имеющим свой кодекс чести. Вернувшись с каторги, Сибгат-конокрад стремится навести порядок в банде: наказывает Хайруша за неуважение к хлебу, Сайхуна – за грабеж бедняков, Ишми – за беспредел и доносительство. Когда в деревне объявились белые и красные, он выгоняет их, спрашивая, кто наделил их правом затевать войну, махать саблями [Там же, с. 336–337]. Сибгат-карак в конокрадском ремесле видит смысл своей жизни: «*Җирдә казынып ачтан үлгәнче, кәсәп күрәп иректә яшәвен артык*» [Там же, с. 334]. – «*Чем копать в земле и жить впроголодь, лучше жить на воле, занимаясь промыслом*». Он показан в драме заботливым отцом. В финале Сибгат-карак пытается объяснить сыну, считающему родовое ремесло «болезнью», что новая власть так же, как и царская, против человека, что она не принесет сыну ничего хорошего, а лишь научит его воровать по-новому [Там же, с. 355]. Он отказывается добровольно сдать власть. Во время ареста его сын получает ранение. Сибгат-карак признается, что в руки властям попала всего лишь его тень. Смыслом жизни этого человека была страсть к свободе.

В 1994 г. о лихом уроженце деревни Чутеево Е. Сухов – по заказу сотрудника пресс-центра МВД Анвара Маликова – написал повесть «Шакур-карак» [6], над которой работал 2 года. Писатель наделяет своего героя-конокрада «*шаловой и сатанинской силой, которая оставалась неподвластной пониманию*». «Хану конокрадов», по словам автора, был свойственен талант: накрепко привязывать к себе не только животных, но и людей [Там же, с. 10]. Описывая неразбериху в годы революции, писатель отмечает, что Шакур-карак увидел в большевиках «соперников», а не «союзников», поэтому постарался стать опорой новой власти («хлеб сдает и дезертиров вот помогает вылав-

ливать» [Там же, с. 15]; дает взятки; шантажирует...). Подробно описывается в повести, как Шакур-карак приручал представителей советской власти (председатель Свияжского кантона И. Бикчентаев, начальник милиции Сагеев, председатель сельсовета Амиров и др.). Шакур-карак строил на свои деньги школы, вырыл пруд, сотрудничал с властями [Там же, с. 63].

Е. Сухов акцентирует внимание читателей на набожности героя:

«В юности Шакур Рахимов не был набожным. Но вместе с прожитыми годами, которые он чувствовал в своем стареющем теле как тяжелое бремя, он все чаще возвращался к Аллаху и грезилась ему загробная жизнь» [Там же, с. 43].

Молитвами старик хотел замолить свои грехи, чтобы «*заслужить себе прощение*» и оказаться в раю. Шакур-карак вставал на колени только перед Аллахом [Там же, с. 44]. На суде на вопрос: «*Вы верите в бога, Шакур Рахимов?*», он ответил, как чувствовал: «*Когда верю, когда нет*» [Там же, с. 56]. В повести герой погибает с молитвой на устах [Там же, с. 143–144].

Примечательную характеристику главному герою в повести дает следователь И. С. Максимов, которого за глаза называли «ходячей картошкой»: «Шакур (или, как вы говорите, Сабодыр) – некий национальный герой, который помогает бедным. <...> Он не простой вор, а прирожденный», у которого развито «абсолютное чувство опасности» [9, с. 62, 63].

В повести подробно описывается внедрение в банду осведомителя Назима. Шакур-карак догадался об этом и наказал предателя.

В конце повести писатель прибегает к фольклорным эпическим традициям (см. эпизоды о дружбе Шакур-карака со своим конем Иблисом, эпизод поединка героя с 99 смертями). Во время обыска в доме Шакур-карака следователь В. Николич ловит себя на мысли, что перед ним сидит не конокрад, а «гигантская птица», «орел», готовый сорваться с места [Там же, с. 105]. Е. Сухов уделяет огромное внимание работе уполномоченного Наркомата юстиции ТАССР Николая Жаркова (Николич и Жарков – реальные персонажи) [5, с. 160–161], который достучался до самого председателя ОГПУ СССР Ф. Э. Дзержинского и довел дело с конокрадом Шакур-караком до исполнения приговора.

В качестве эпизодического персонажа в 2008 г. знаменитый конокрад всплыл в комедии И. Зайниева «ТатСинема». С одной стороны, Шакур-карак выступает здесь в качестве героя современного фильма, с другой, фигурирует в качестве исторического архетипа, ключевого для

понимания татарской национальной жизни, способствующего воссозданию национальной картины мира в ее культурно-философской универсальности. Вот почему режиссер Р. Аюпов решил назвать свой спектакль по этой пьесе «Шакур-карак». На первый план в сценической версии вышла проблема исчезновения татарских деревень, вымывание мужского начала из национального характера в связи с исчезновением в татарском мире лошадей. В системе персонажей пьесы И. Зайниева встречается потомственный конокрад, который превратился в годы советской власти в животновода. Когда ради съемок в деревню съемочная группа пригнала табун лошадей, этот герой переживает «вторую молодость». Этот образ в комедии пропитан ностальгией и грезой героев о былой свободе [10].

Книга заместителя председателя Верховного суда РТ Максима Беляева и старшего помощника руководителя следственного комитета РТ по взаимодействию со СМИ Андрея Шептицкого «Бандитский Татарстан» (2015) открывается очерком «„Робин Гуд“ или прародитель оргпреступности?». В отличие от К. Латыпа, авторы книги относятся к воспоминаниям З. Баширова о Шакуре Рахимове достаточно скептически. Очевидно, что они против романтизации этого героя. Авторы книги видят в Шакур-караке прародителя оргпреступности в Татарстане. Систематизировав все имевшиеся об этом уголовном деле сведения, М. Беляев и А. Шептицкий считают, что его банде как преступному сообществу были свойственны следующие признаки: «устойчивость, вооруженность, коррупционные связи, постоянство методов преступной деятельности и разветвленная структура» [11].

В книге приводятся интересные сведения о семейном положении конокрада, любившего ходить в гости вместе со старшей (Хусни-Замал, ее еще называли Асхаб апа) и младшей (Хамдениса – Якши апа) супругами. Утверждается, что у Шакира-карака было не менее восьми детей и одна русская любовница. Он носил красивый бобриковый кафтан и расшитую золотом тюбетейку. В документальном очерке конкретизируется имущественное состояние Ш. Рахимова:

«Из имущества он имел два дома с железными крышами, каждый по 20 аршин; баню, конюшню, два крытых тесом амбара по восемь аршин; трех лошадей, корову, теленка, пять овец, плуг, веялку, двое саней, две бороны, две сохи, телегу и тарантас» [Там же].

Авторы книги приводят факты, указывающие на физическую силу и мощь этого кряжистого татарина. Потомственный конокрад в молодости «прославился тем, что, будучи пойманным ни-

жегородскими крестьянами за похищение лошадей, сумел вырваться из окружения, схватившись за вилы и опрокинув сразу нескольких нападавших. При этом подельники Рахимова были заколоты на месте» [Там же]. Во время одной из краж он получил травму руки, поэтому она у него не поднималась [Там же]. Шакур-карак имел проблемы с властями еще при царе, за что был неоднократно судим. Авторы книги подчеркивают в герое широту души, которую он любил демонстрировать перед односельчанами. Когда советская власть его отпустила с каторги на волю, Шакур-карак осчастливил односельчан тем, что пригнал в деревню из Сибири табун в несколько десятков голов.

М. Беляев и А. Шепетицкий акцентируют внимание на интеллектуальном потенциале личности героя. Шакур-карак читал по-татарски печатные тексты, умел писать. Конокрад сумел наладить коррупционные связи с местными властями, «старался протасовать во власть своих людей, а если не удавалось, то просто бил кулаком по столу и срывал выборы», хорошо разбирался в лошадях и «уводил только племенных скакунов, иноходцев» [Там же]. Представители государственной комиссии сами приезжали в дом к Шакур-караку, чтобы обсудить с ним вопрос о регистрации краденых лошадей.

Авторы книги подчеркивают, что конокрад был человеком крутого нрава. Шакур-карак жестко пресекал любые попытки завладеть его собственностью. О мстительности конокрада ходила в народе недобрая слава.

К 1925 г. в составе банды числилось 100 человек, она орудовала по всей стране. Важное место авторы книги отводят речевой характеристике героя. Так, они приводят любимую поговорку Шакур-карака: «Пей – не падай, воруй – не попадись!» [Там же], чтобы указать на то, что он держал своих птенцов под жестким контролем, требовал соблюдения дисциплины.

Опираясь на сведения, содержащиеся в «Батыревской энциклопедии», авторы книги подробно описывают, к каким хитростям прибегали дерзкие конокрады, угоняя коней из чувашских деревень: увозили на санях или в валенках, чтобы не оставлять следы; почувствовав погоню, ненадолго разворачивались во встречном направлении, чтобы ввести в заблуждение преследователей [Там же] (см. подр.: [15]).

Односельчане относились к нему с уважением, так как он оказывал им помощь, совершая бартерный обмен в голодные 1920-е гг. [11]. Конокрадство для него было «ремеслом потомственным», «досталось от предков».

В книге «Бандитский Татарстан» подробно описан арест Шакур-карака, детали следствия, суд. В очерке фигурирует эпизод свидания Шакур-карака с сыном Мингали в тюрьме незадолго до расстрела, когда он якобы дал своим потомкам наказ «бросить „семейное дело“, уехать из Чутеево и зарабатывать на жизнь честным трудом» [11]. Потомки Шакур-карака выполнили его последнюю волю и добились неплохих результатов в своей трудовой деятельности в разных уголках СССР.

А. Заббаров в своей инсценировке «Ат карагы» («Конокрад», 1972), созданной по мотивам пьесы Т. Миннулина, отошел от документально-повествования. Впервые пьеса была поставлена в ТГАТ им. Г. Камала в 1989 г. (реж. М. Салимжанов). Молодой режиссер решил посмотреть на героя знаменитой пьесы глазами сына конокрада. Это позволило А. Заббарову выявить новый потенциал в образе Шакур-карака. Файзил приглашает нас совершить экскурсию в мир татарских конокрадов. А. Заббаров оттолкнулся от сказового потенциала, скрытого в пьесе Т. Миннулина. Изюминкой спектакля стали мизансцены с разыгрыванием сказок о лошадях. Стилистически они тяготели к сценкам народного театра. Зал задыхался от смеха, наблюдая за преображением лихих конокрадов в лошадей. Пластическое решение этих сцен вызвало восторг у зрителей.

Вслед за К. Тинчуриным и Т. Миннуллиным сценарист альметьевского спектакля видит в Шакур-караке выходца из народа со своим кодексом чести. По мнению А. Заббарова, Шакур-карак тяготеет не только к архетипу Робин Гуда, но и к архетипу плута, олицетворяющего озорство и жажду перемен. В спектакле «Ат карагы» («Конокрад») он помогает окружающим понять суть происходящих в жизни изменений, изобличает ложь и лицемерие и другие недостатки общества. В спектакле это один из центральных персонажей, который становится наставником не только для своего сына, но и для своих «птенцов» — членов банды. На глазах зрителей он превращается в трагического героя, вступившего в неравную схватку с государственной машиной, винтиком которой он становиться не желал. В спектакле Сибгат-карак — катализатор действия, провоцирующего изменения в жизни других, но не изменяющий себе. Таким образом, А. Заббаров углубил содержание пьесы Т. Миннулина. Он посмотрел на этого героя сквозь призму мировой культурной традиции.

Чтобы зритель лучше понял идею спектакля, режиссер использует разные приемы. Во-первых, в инсценировке доминирует взгляд не автора-

рассказчика, а сына Сибгата-конокрада, который стремится разобраться в природе воровства. Спектакль открывается его риторическим вопросом, обращенным к себе и зрителям:

«Разве воровство может носить благой или неблагой характер? У кого бы ты ни украл, у богатого или бедного, разве речь идет не о чужой доле? Что бы ни говорили, воровство есть воровство! Другого быть не может! А самое страшное, что за грехи дедов придется расплачиваться нам. Говорят, людские слезы, проклятия заставят расплачиваться 7 поколений потомков».

Т. Миннуллин подобрал сыну Сибгат-карака «говорящее имя»: в переводе с арабского оно означает «триумфатор», «победитель». Воображение мальчика оживляет статичное коллективное фото конокрадов, каждый член банды обретает индивидуальность благодаря его метким характеристикам. Каждый из них вначале оценивается сквозь детский взгляд мальчика, а затем сквозь взрослый взгляд юноши и окончательную оценку получает на весах мудрого Сибгат-карака.

С первых минут сценография спектакля подсказывает искушенному зрителю, что хронотоп спектакля не будет ограничен 1917–1923 гг., как это было у Т. Миннулина. Режиссер решил посмотреть на проблему жажды свободы в разрезе мировой истории.

А. Заббаров через сценографию стимулирует ассоциативное восприятие зрителей. В этом состоит второе режиссерское отличие трактовки знаменитой пьесы Т. Миннулина. А. Заббаров опирается на культурный багаж зрителей. Важную роль для понимания сценографии спектакля приобретают картины, символизирующие войну и революцию. В сценографии А. Заббарова легко угадываются отголоски символического ряда из картин В. В. Верещагина «Апофеоз войны» и Эжена Делакруа «Свобода на баррикадах».

Если внимательно присмотреться, то пирамида из шин у режиссера-художника А. Заббарова располагается на сцене, покрытой древесной щепой, что невольно заставляет нас вспомнить о народной пословице: «Лес рубят — щепки летят». На фоне безжизненной картины слышится голос экскурсовода Файзиля, который, как станет ясно в финале, был голосом из небытия. Трагедия Шакур-карака рассказана погибшим от рук члена банды сыном. Пирамида из старых шин, выступающая из мрака сцены, производит на зрителя удручающее впечатление безжизненности. Мрак сцены пробивает лишь рефлексирующий луч сознания потомка Сибгат-карака, на которого отец возлагал большие надежды, видя в нем продолжение своего рода. Сама пирамида из шин

является знаком обреченности технократической цивилизации, где не осталось места для проявления мужского начала. В то же время эта пирамида напоминает зрителю детскую игру «Царь горы», нацеленную на выявление лидера в коллективе.

Коллективный портрет воров, разместившихся на пирамиде из шин, выявляет двусмысленность шакурщины. С одной стороны, Шакур-карак в спектакле символизирует свободного духом человека, который вставал на колени лишь дважды: перед Аллахом и перед расстрелом. С другой стороны, его образ ассоциируется с жадой свободы, граничащей с анархией, несущей разрушение всего и вся. Философы и историки давно пришли к выводу, что в жизни отдельных стран и народов огромную роль играют выдающиеся личности, вожди и национальные герои, влияющие на ход ключевых событий.

Шакур-карак сохранился в народной памяти как народный заступник. Пирамида из шин напоминает знаменитую пирамиду из черепов мужей-нечестивцев, на которых пожаловались Тамерлану женщины Дамаска и Багдада. На раму картины «Апофеоз войны» В. В. Верещагин поместил символическую надпись: «Посвящается всем великим завоевателям – прошедшим, настоящим и будущим». Тамерлан и Шакур-карак в творческом сознании А. Заббарова – одного национального поля ягоды. Эти личности стали частью мировой и национальной истории. Если Тамерлан был правителем мира, то Шакур – народным лидером, скрутившим под своей властью всю округу. До сих пор не утихают споры, куда их отправить: в рай или ад мировой истории. Характер и их деяния во многом определялись жесткой действительностью. Тамерлан оставил своим потомкам «Уложение Тимура», письменный свод законов, в котором содержалось послание к потомкам, коих он называл не иначе, как «великие повелители мира». Шакур-карак, как и Тамерлан, испытывал огромную привязанность к семье. В борьбе за власть оба они получили увечье. Если сильной страстью Тамерлана были походы, то у Шакур-карака – кража табунов. Шайка конокрадов превратилась в небольшой, но идеальный завоевательный механизм, напоминающий по жесткой дисциплине войско Тамерлана. На расправу Шакур-карак был скор и суров, чем также напоминал властителя мира. Оба они принадлежали к породе вождей, выдвинувшихся из среды степняков, так как обладали волевым характером, стратегическим мышлением, способностью управлять, необыкновенной выносливостью, храбростью, цепкой памятью. При выборе решения оба они полагались на внутрен-

нюю интуицию, поражая окружающих быстротой принятия решений. Тамерлан и Шакур-карак были свободны от тщеславия, полагались на волю Аллаха. Оба они уважительно относились к слугам Аллаха. Тамерлан покровительствовал торговле, Шакур-карак в неразберихе первых лет советской власти вел бартерный обмен. На двери мавзолея, где покоится Тамерлан, имеется примечательная надпись, которая позволяет понять его суть: «Здесь покоится знаменитый и безжалостный властитель, один из величайших правителей, самый могущественный воин, повелитель Тимур, покоритель Земли».

А. Заббаров в своем спектакле стремится показать, как тонка грань между свободой и анархией, какая пропасть лежит между словом и делом. По мере развития спектакля драма Сибгатакара приобретает трагический оттенок, в результате чего он из героя драмы превращается в трагического героя, проигравшего поединок со своей судьбой, хотя это противоречит его «говорящему имени». Это тюркское имя означает «воин-победитель», «боец, достигший успеха».

Символична сценография второго действия, отсылающего нас к картине «Свобода на баррикадах». Мы становимся свидетелями замещения ключевых образов этой картины. Центральным образом картины Делакура, как известно, является образ Марианны, совмещающей в себе черты античной богини и бесстрашную свободу в лице женщины из простого народа. А. Заббаров в центр импровизированной картины поместил зятя Шакур-карака, выходца из простого народа, который, пользуясь своими властными полномочиями, занимается грабежом населения и бесстыдно кичится своим богатством. Показательно, что за его спиной, в отличие от картины-оригинала, не видно никого. В роли баррикады выступает стол, где этот винтик государственной системы – *укымышлы карак* «образованный вор» – принимает судьбоносные решения. Показательно, что красный стяг над его головой припущен, что является знаком глубокой печали и утраты. Революционные лозунги образованным вором извращены и нацелены на преумножение личного богатства, что в символической форме передано через коллекцию часов, отсылающих нас к современности. Часы превращаются в пространстве спектакля в метафору, которая отсылает нас к революционной поре. Невольно вспомнилась строка из поэмы В. Маяковского «Хорошо»: «*Которые тут временные? Слазь! Кончилось ваше время!*». С другой стороны, коллекция дорогих часов на руках народного избранника отсылает нас в современность, когда дорогие часы являются вызовом, где 17 процентов населе-

ния живет ниже прожиточного минимума. Часы подчеркивают их статус и индивидуальность. В то же время часы указывают на конечность человеческого существования и наступления Кыямата, дня Божьего суда, когда все люди получат воздаяние за свои дела.

Бесславная гибель Сибгат-карака в финале приобретает в силу этого символический характер. Всю свою жизнь он гордился своей свободой, тем, что ни перед кем не склонил голову, занимался незаконным промыслом, но карма его настигла. За ошибки отцов платят потомки. Птенцы Сибгат-карака в его отсутствие превратились в воров, занимающихся банальным разбоем. Они не хотят соблюдать кодекс чести конокрада, так как хотят жить здесь и сейчас. Разочарованный конокрад в финале признается, что не боится смерти, потому что не видит для себя будущего, его единственный сын убит. Сибгат-карак за свои грехи заплатил кровавую цену – вот такую притчу об удачливом конокраде побудил рассказать Файзиля с того света режиссер А. Заббаров.

Режиссер-художник пересмотрел песенный ряд пьесы. В спектакле цементирующей выступает песня конокрадов. Однако А. Заббаров сделал заглавной песню «Жиз кыңгырау» («Медный колокольчик»). Режиссер приглашает зрителей вслушаться в голоса прошлого: *«үткәннең та-вышлары»*. Маленький Файзиль оживляет силой своей памяти каждого из членов банды отца. В детском восприятии шакуровцы предстают в комическом ключе: алкоголик Хайруш (Айзил Файзиев) с морковкой в руках, который вместе с лошастью уносил все, что попадало ему под руку в чужом хозяйстве; Сайхун (Динар Хуснутдинов), переодевающийся перед кражей в платье хозяев, или Хафиз (Айрат Мифтахов), совершающий кражу строго по пятницам, после сотворения молитвы. Эти маленькие роли требуют от артистов отличной реакции, гибкости, умения молниеносно и полно высказать, что требует замысел. Благодарные зрители реагировали дружным смехом на находки обаятельных актеров, мастерски владеющих комическим даром. Огромную роль в этих этюдах приобретали звуки (хруст, чавканье, стук копыт). А. Заббаров использует здесь приемы народного театра.

Маленький Файзиль знакомит зрителей с прозвищами членов банды, которые также служат их характеристике. Так, кряшенов Егора (Нафис Газиев) и Григория (Рамазан Юсупов) в банде называют «Чистильщиками» («Чистартучылар»), так как они во время набегов все уносят с собой, ничего не разбирая.

Сын Сибгат-карака обладает живым воображением: из жалости превращает нищего Шаги (Алмаз Шагимарданов) в богатыря, способного украденного коня принести на спине.

Файзиль знакомит зрителей с Гильмутдином (Фаиль Сафиуллин), который подделывает паспорта лошадей.

В спектакле важную роль играет поединок отца и учителя за сознание Файзиля. Незадолго до своей смерти «блудный сын» вновь возвращается в орбиту отца.

Важную роль в сценографии играют фигуры белых лошадей в полный рост. В финальных сценах их становится три, по числу кругов-символов в тамге Тамерлана. Конь символизирует мужскую солярную силу, которая служит подножием для поднимающегося духа человека. Белый конь у тюрков символизировал победу. Символично, что во втором действии спектакля покорная белая лошадь послужила основой для пирамиды из колес, что также является знаком заката аграрной цивилизации, несостоятельности мужского начала.

А. Заббаров пытается разбудить дух предков в современных зрителях с помощью песен, отсылающих нас эпохе «оттепели». Созданная в 1968 г. поэтом А. Атнабаевым и самодельным композитором Василем Хабисламовым песня «Жиз кыңгырау» до сих пор волнует сердца слушателей, наполняя их щемящей лирической грустью по былым временам. Она становится фоновой в спектакле в исполнении И. Шакирова, имевшего яркую индивидуальность. Голос «соловья татарского народа», уникальный по своей красоте и силе, щедро наделенный от природы богатством мелизматики, позволял раскрыть всю глубину человеческих чувств.

Революционная эпоха воспринимается А. Заббаровым сквозь призму национального «мифосознания», поэтому режиссер актуализирует архетипические образы, такие как образ дороги, народный бунт. *Белая лошадь*, *Шакур-карак*, *Ильгам Шакиров* превратились в пространстве спектакля в национальные образы-архетипы татарского народа, символизирующие диалектику бунтарства и мастерства, разрушения и созидания. Потеря ориентиров ассоциируется в спектакле с мраком и дымом, застилающим горизонт. Это и объективная реальность, и метафора современного состояния татарского народа, утратившего государственность. Картина сражения жителей деревни Шакур-карака с непрошенными гостями – красными и белыми – выливается в создание метафоры исторического пути татарского народа, стойчески сохраняющего порядок в своем доме. Столица в спектакле ассоции-

руется с хаосом, а деревня – с космосом. Схватка безоружных крестьян с вооруженными военными приобретает в спектакле символический характер. Она демонстрирует потенциал народного гнева, скрытого до поры в утробе народной массы. Оглобля в руках питомцев Сибгат-карака получает здесь символический смысл (ср.: «Тэртэдэн ашкан айгыр яман». – «Вырвавшийся из оглобли жеребец страшен»). Стихийность «птенцов» конокрада передана в спектакле также через колоритную атмосферу пьянок-гулянок.

Нам довелось смотреть спектакль после премьеры. Бросилось в глаза, что актеры, игравшие главные роли (Сибгат – Эдуард Латыпов, Файзиль – Эльмир Нургалиев), из-за волнения или других недоработок порой не справлялись с поставленной перед ними задачей. Герой Эдуарда Латыпова не дотягивал в отдельных сценах до мудрого конокрада, порой выглядел угрюмым паханом из «Джентельменов удачи». Т. Миннулин писал пьесу с оглядкой на цензуру, вот почему А. Заббарову пришлось наращивать материал. Бросается в глаза бедность фольклорного материала, который придал бы ключевым образам и пьесы, и спектакля сочность. Иностраным элементом стала в ткани спектакля и русская песня. Неясно, почему А. Заббаров избавил образ Сибгат-карака от религиозности, которая была свойственна прообразу.

Надо сказать, что эта пьеса Т. Миннулина не является шедевром. А. Заббаров постарался обогатить оригинал подтекстом и символическими образами. Мы считаем претензии дочери драматурга несправедливыми как по отношению к спектаклю, так и к его создателю. А. Заббаров подарил «вторую жизнь» пьесе с непростой творческой судьбой. Режиссер избавляет свой спектакль от реалистической достоверности, превращая историю Сибгат-карака в народную притчу о повелителе мира, за грехи которого расплачиваются потомки. Стилистический разноречивой в костюмах персонажей, в оформлении хора указывает на то, что действие происходит в условном хронотопе, который отличается подвижностью. От постановки к постановке спектакль войдет в свою колею. «След» проложен, и это самое главное. Спектакль «Ат карагы» («Конокрад») является еще одной попыткой нащупать новую вариацию национального героя татарского народа, найти ориентиры для дальнейшей жизни.

Результаты

В своей статье мы проанализировали целый ряд фольклорных и литературных текстов, в которых увековечен образ Шакур-карака. В народ-

ной памяти этот образ тяготеет к архетипу Робин Гуда, народного заступника, национального героя. В русской литературной традиции мы обнаружили два произведения с этим персонажем, созданные в разных жанрах. Повесть Е. Сухова была написана в 1994 г. в рамках литературной мастерской Д. Валеева по заказу пресс-центра МВД. Цель – рассказать о работе доблестной милиции. Вот почему в повести судьба Шакур-карака переплетается с судьбой следователя Жаркова. Хронотоп строится на противопоставлении сельской глубинки и столицы. Система персонажей строится на антитезе хитрого умного вора и умного следователя-профессионала (ср. с «Преступлением наказанием» Ф. М. Достоевского). В 2015 г. появился очерк М. Беляева и А. Шептицкого, «„Робин Гуд“ или прародитель оргпреступности?», который был написан для книги «Бандитский Татарстан». Он имеет четкую документальную основу, написан на материале уголовного дела, а также на материалах прессы, освещающей процесс, воспоминаний местных жителей. Всем содержанием очерка авторы выступают против романтизации вора – талантливого организатора оргпреступности.

В татарской литературе наблюдается доминирование фольклорной традиции. В музыкальной драме К. Тинчурина «Голубая шаль», драме Т. Миннулина «Ат карагы» («Конокрад», 1972), в повести-воспоминании К. Латыпа «Эдрэн диңгез» («Адриатическое море», 2003) чувствуется ностальгия по героическому началу. Шакур-карак в этих произведениях предстает человеком со своим кодексом чести, героем своего времени. В инсценировке «Ат карагы» («Конокрад», 2023) А. Заббарову удалось вписать этот образ в мировую культуру, соотнести с архетипом плута, показать двойственность природы «шакуровщины», создать галерею национальных образов, начиная от Тамерлана до Ильгама Шакирова.

Выводы

История жизни Шакур-карака – благодатный материал для писателей. Каждое поколение в этом образе будет находить свою проблематику и свой повод поговорить с читателем.

Список источников

1. Кара урман (халык жыры) // Коллекция композитора М. Шамсутдиновой.
2. Латып К. Эдрэн диңгез // Казан утлары. 2003. № 12. Б. 6–39.
3. Шакурова И. Шакур Рахимов – король конокрадов? // Газета «Первое сентября». С. 35.
4. Дивеев О. Что было в Свияжском кантоне // Красная Татария. 1923. 18 октября.

5. Багаутдинов Ф. Н. Свяжский «Спрут»: дело банды Шакур-карака // Научный Татарстан. 2015. № 3. С. 151–171.
6. Сухов Е. Е. Шакур карак: Повести. Казань: Татар. кн. изд-во, 1994. 286 с.
7. Биколов К. Ат караклары. Роман. Казан: Өмет, 1912. 32 б.
8. Тинчурин К. Зәңгәр шәл // Т. Тинчурин Пьесалар [төз. Р. Ваһапова]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. Б. 391–454.
9. Миннуллин Т. Ат карагы // Миннуллин Т. Сайланма әсәрләр 10 т. Т. 1. Казан: Татар. кит. нәшр., 2002. Б. 401–447.
10. Зайниев И. ТатСинема (комедия) (сценическое название «Шәкур карак» (реж. Р. Аюпов). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xRdN3WzFqEQ>. (дата обращения: 11.11.2023.).
11. Беляев М., Шептицкий А. «Робин Гуд» или прародитель оргпреступности? Казань: Татполиграф, 2015. 335 с. IRL: <https://kaibicy.ru/news/novosti/o-konokrade-shakure-rasskazal-maksim-belyaev-v-svo>. (дата обращения: 10.11.2023.).
12. Заббаров А. Инсценировка по мотивам драмы Т. Миннуллина «Ат карагы» («Конокрады»). Альметьевск. 2023. 39 с.
13. Нуриева Л. Образ татарского медресе и его выпускников в повести К. Биккулова «Конокрады» // Филология и культура. Philology and Culture 2022. № 4. 127–133.
14. Гыйләжев А. М. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 4. Казан: Татар. кит. нәшр., 2005. 732 б.
15. Батыревская энциклопедия = Патәр'ел энциклопедий / авт.-сост.: И. М. Матросов, С. А. Карягин, А. И. Мефодьев. Чебоксары: ГУП ИПК Чувашия, 2005. 373 с.
4. Diveev, O. (1923). *Chto bylo v Sviyazhskom kantone* [What Happened in the Sviyazhsk Canton]. Krasnaya Tatariya. 18 oktyabrya. (In Russian)
5. Bagautdinov, F. N. (2015). *Sviyazhskii "Sprut": delo bandy Shakur-karaka* [Sviyazhsk "Sprut": The Case of the Shakur-Karak Gang]. Nauchnyi Tatarstan. No. 3, pp. 151–171. (In Russian)
6. Sukhov, E. E. (1994). *Shakur karak: Povesti* [Shakur Karak: Stories]. 286 p. Kazan', Tatar. kn. izd-vo. (In Russian)
7. Bikkolov, K. (1912). *At karaklary. Roman* [Horse Thieves. A Novel]. 32 p. Kazan, Өmet. (In Tatar)
8. Tinchurin, K. (2021). *Zəŋgər shəl* [A Blue Shawl]. T. Tinchurin P'esalar (töz. R. Vahapova). Pp. 391–454. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
9. Minnullin, T. (2002). *At karagy* [Look at the Horse]. Minnullin T. Sailanma əsərlər 10 t. T. 1. Pp. 401–447. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)
10. Zainiev, I. *TatSinema (komediya) (stsenicheskoe nazvanie "Shəkyr karak" (rezh. R. Ayupov)* [TatCinema (A Comedy) (stage name "Shakur karak" (dir. R. Ayupov)]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xRdN3WzFqEQ> (accessed: 11.11.2023). (In Russian)
11. Belyaev, M., Sheptitskii, A. (2015). *"Robin Gud" ili praroditel' orgprestupnosti?* ["Robin Hood" or the Progenitor of Organized Crime?]. Kazan', Tatpoligraf. 335 p. IRL: <https://kaibicy.ru/news/novosti/o-konokrade-shakure-rasskazal-maksim-belyaev-v-svo> (accessed: 10.11.2023). (In Russian)
12. Zabbarov, A. (2023). *Instsenirovka po motivam dramy T. Minnullina "At karagy" ("Konokrady")* [Dramatization Based on T. Minnullin's Drama "At Karagy" ("Horse Thieves")]. 39 p. Al'met'evsk. (In Russian)
13. Nurieva, L. (2022). *Obraz tatarskogo medrese i ego vypusknikov v povesti K. Bikkulova "Konokrady"* [The Image of a Tatar Madrasah and Its Graduates in K. Bikkulov's Story "Horse Thieves"]. Filologiya i kul'tura. No. 4, pp. 127–133. (In Russian)
14. Gyləjev, A. M. (2005). *Sailanma əsərlər 6 t. [Selected Works 6 Volumes.]. T. 4. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)*
15. *Batyrevskaya entsiklopediya* (2005) [Batyrev Encyclopedia]. Patār'el entsiklopedii. Avt.-sost. I. M. Matrosov, S. A. Karyagin, A. I. Mefod'ev. 373 p. Cheboксary, GUP IPK. Chuvashiya. (In Russian)

References

The article was submitted on 13.11.2023
Поступила в редакцию 13.11.2023

Хабутдинов Айдар Юрьевич,
доктор исторических наук,
профессор,
Казанский филиал Российского
государственного университета правосудия,
420088, Россия, Казань,
2-я Азинская, 7А.
aihabutdinov@mail.ru

Khabutdinov Aidar Yurievich,
Doctor of History,
Professor,
Kazan branch of Russian State University
of Justice,
7^a, 2nd Azinskaya Str.,
Kazan, 420088, Russian Federation.
aihabutdinov@mail.ru

Хабутдинова Милеуша Мухаметзяновна,
кандидат филологических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник,
НОЦ стратегических исследований
в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mileuscha@mail.ru

Машакова Айнур Касымжановна,
Институт литературы и искусства
имени М. О. Ауэзова,
050010, Казахстан, Алматы,
Курмангазы, 29.
a_mashakova@mail.ru

Khabutdinova Mileusha Mukhametsyanovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Leading Researcher at the Research Center for
Strategic Research in the Field of Native Lan-
guages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mileuscha@mail.ru

Mashakova Aynur Kasymzhanovna,
Institute of Literature and Art
named after M. O. Auezov,
29 Kurmangazi Str.,
Almaty, 050010, Kazakhstan.
a_mashakova@mail.ru

УДК 821.111

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-204-209

НЕСБЫВШЕЕСЯ ВЗРОСЛЕНИЕ: РОМАН Э. СИБОЛД «МИЛЫЕ КОСТИ»

© Надежда Шалимова

UNFULFILLED GROWING-UP: THE NOVEL “THE LOVELY BONES” BY A. SEBOLD

Nadezhda Shalimova

The article studies the poetics of the novel “The Lovely Bones” by E. Sebold. We applied comparative-historical and structural methods. The scientific novelty of the article is our research into the novel as a work about a frustrated adulthood. We consider its ideological and artistic specificity: the narration of a dead person, the description of the world beyond and the type of the character (a teenager being on the verge of growing up). The article investigates the spatiotemporal structure of the narrative and distinguishes its earthly and heavenly places. We analyze the system of characters in the novel and prove that the protagonist’s maturation is associated with the internal evolution of minor characters whose story unfolds both in the novel’s present and in the past, which the reader discovers due to flashbacks. Our study considers the specifics of the narration: as the main character is no longer alive, she has an omniscient position – her ability of flowing into the consciousness of other characters. The novel is analyzed in terms of transformation of initiation novel’s genre structures: Suzy is simultaneously a “mentor” for her loved ones and experiences her own growing up. In the finale of the novel, the emotive aspect of the work becomes crucial: gloomy hopelessness is replaced by the motifs of hope, forgiveness and faith. The article concludes that the theme of the formation and internal evolution of a person plays a plot-forming role in modern American literature.

Keywords: E. Sebold, initiation novel, novel of release, post-traumatic narrative, unfulfilled growing up

Статья посвящена исследованию поэтики романа Э. Сиболд «Милые кости». В исследовании использованы сравнительно-исторический и структурный методы. Научная новизна работы видится в изучении романа как произведения о несостоявшемся взрослении с учетом его идейно-художественной специфики: посттравматический нарратив, повествование от лица героини, которой уже нет в живых, двоемирие, тип героя (подросток, стоящий на пороге взросления). Исследуется пространственно-временная организация повествования, выделяются земные и небесные топоры. Анализируется система персонажей романа, делается вывод о том, что взросление главной героини сопряжено с внутренней эволюцией каждого из ее близких, история которых разворачивается как в романном настоящем, так и в прошлом, о котором читатель узнает благодаря ретроспекциям. Отмечается специфика наррации: главной героини уже нет в живых, она обладает всеведущей позицией, способностью проникать в сознание других персонажей. Избранное для анализа произведение рассматривается в контексте трансформации жанровых структур романа инициации: Сюзи является одновременно «проводником» для своих близких и переживает взросление сама. Основополагающим становится эмотивное пространство: мрачная безнадежность сменяется мотивами надежды, всепрощения, веры в финале произведения, что позволяет отнести данное произведение к такой разновидности романа инициации, как роман-освобождение. Делается вывод о том, что в современной американской литературе сюжетобразующую роль играет тема становления, внутренней эволюции человека.

Ключевые слова: Э. Сиболд, роман инициации, роман-освобождение, посттравматический нарратив, несостоявшееся взросление

Для цитирования: Шалимова Н. Несбывшееся взросление: роман Э. Сиболд «Милые кости» // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 204–209. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-204-209

Вопросы взросления, обретения собственной идентичности, преодоления возрастных кризисов являются магистральными в современной подростковой литературе.

Сюжетно-композиционным стержнем произведений становится структура архаического обряда посвящения, обращение к которому лежит в основе такой жанровой разновидности, как роман инициации. Его поэтика исследуется в трудах французских литературоведов (Л. Деом, Л. Селье, С. Вьерн), а также белорусских (Е. А. Борисеева) и отечественных ученых (М. И. Крупенина, С. М. Подоляк, Н. С. Шалимова, Л. Е. Чеботарева). Роман инициации, будучи генетически связанным с романом воспитания [1], является субжанровой формой, внутри которой формируется собственная жанрово-видовая система. Критерием выделения той или иной разновидности становится сюжетообразующее событие, кризис, с которым сталкивается протагонист. Так, одним из типов романа инициации является «роман-преодоление». В подобных произведениях протагонист переживает какое-то ключевое жизненное событие: борется с болезнью, участвует в преступлении, расследует загадочную историю, справляется со сложными жизненными ситуациями. Примерами являются такие романы о подростках, как «Винноваты звезды» Дж. Рина, «Тайная история» Д. Тартт и др. Поэтика такой разновидности романа инициации, как роман-постижение, наиболее сходна с классическим романом воспитания, так как изображается становление персонажа, его эволюция, путь расставания с иллюзиями и обретения самого себя. Это произведения «В поисках Аляски», «Бумажные города» Дж. Рина, «Короткая и удивительная жизнь Оскара Вау» Дж. Диаса, «Бегущий за ветром» Л. Оссейни, «Средний пол» Дж. Евгенидиса. В романе-освобождении репрезентирован посттравматический нарратив, протагонист переживает горечь утраты, душевную боль и пустоту, с которыми старается справиться. К этому типу относятся романы «Щегол» Д. Тартт, «Жутко громко и запредельно близко» Дж. С. Фоера, «Маленькая жизнь» Л. Янагихары.

Особого внимания среди произведений, относящихся к роману-освобождению, заслуживает сочинение Э. Сиболд (A. Sebold, 1963) «Милые кости» («The Lovely Bones», 2002). Нарратором в этом романе является девочка Сюзи Сэлмон (Susie Salmon), которой уже нет в живых. Книгу называют светлым произведением об ужасных событиях [2]. Можно предположить, что помимо острой проблематики, связанной с насилием, преодолением травмы, интерес к роману вызван тем, что идея смерти представлена в

специфическом контексте. Отмечается «христианское утешение» (Christian comfort), которое роман предлагает читателям [3]. Мотивике и стилистике романа посвящено исследование Э. Шивани, анализируется мотив спасения в контексте выявления его значимости в литературе США [4, с. 43]. А. Беннетт интерпретирует произведение как пример репрезентации высококультурных и обывательских представлений о потусторонней жизни [5]. Интерес среди литературоведов вызвали женские образы романа (A. Bliss, M. Pertiwi). Исследуются проблемы гендера, а также темы преступления, молчания, жизни после потери близкого [6]. Помимо гендерных исследований, подробному анализу подверглись нарративные структуры произведения (A. Rizki, S. Sahota). Анализируется сюжетно-композиционная структура произведения, система мотивов [7]. Исследователь И. Каллус отмечает, что благодаря выбору рассказчика, которого уже нет в живых, повествование становится более объемным и многомерным. Ученый называет такой вид нарратива «танатографией» [8, с. 428]. «Повествованию от лица мертвеца» посвящена статья В. Б. Зусевой-Озкан, для такого типа нарратива исследовательница предлагает термин «постум-нарратив». Анализируется его специфика в аспекте речевой организации повествования, системы персонажей, типа хронотопа. Выявляется связанный с ним мотивно-сюжетный комплекс, в том числе насильственной смерти и неупокоенности мертвеца, который актуален и для анализируемого нами произведения [9].

К. Бург, рассматривая такой тип нарратива, указывает на связь мотивов травмы и душевной боли, которая не исчерпывается страданиями, а является разрушением всей личности [10, с. 451]. Парадокс «мертвого рассказчика» выполняет функцию психологической помощи, так как он не просто излагает историю, но получает возможность обрести контроль над своей травмой. Эту мысль иллюстрирует признание главной героини романа «Милые кости» [11], которая замечает:

«Рассказывая свою историю, я всякий раз избавлялась от малой частицы, от крошечной капельки собственных мучений» [12, с. 214].

В возрасте четырнадцати лет Сюзи была изнасилована и убита, повествование она ведет, находясь в другом мире. О преступлении сообщается на первых страницах романа, называется его дата, конкретизируются ужасающие обстоятельства:

«Меня звали Сюзи, фамилия – Сэлмон, что, между прочим, означает „лосось“. Шестого декабря тысяча девятьсот семьдесят третьего года, когда меня убили, мне было четырнадцать лет» [Там же, с. 9].

После смерти Сюзи попадает в некий персональный рай, из которого она наблюдает за жизнью своих родных и друзей, имея возможность проникать в их сознание, видеть тайные помыслы и скрытые ото всех события.

Н. С. Зелезинская, анализируя топосы романа, отмечает, что художественное пространство этого сочинения имеет двойственный характер и делится на земное, которое населяют родные погибшей девочки, и небесное, где теперь обитает она сама [13]. Земной мир, в свою очередь, также состоит из безопасных локусов и страшных, чужих, соотносимых со смертью. Дом традиционно представлен как безопасное культурное пространство, ему противопоставлен антидом, лесной дом – место чужое, дьявольское. Это дом мистера арв и, землянка, кукурузное поле. Автор использует прием зеркального построения: внешне дома Сюзи и ее убийцы похожи, в строительстве был использован один план. героиня постоянно соотносит их друг с другом:

«Землянка была размером с чулан: у нас дома примерно в таком же закутке хранились плащи и резиновые сапоги» [12, с. 21].

Описывая жилище мистера арв и, Сюзи уделяет внимание немногочисленным предметам мебели, подчеркивает аскетизм интерьера, самым частым эпитетом становится *empty* ‘пустой’. По мнению исследователей, особую важность в структуре хронотопа получают могила нарратора-мертвеца и место его смерти [9, с. 33]. Поэтому помимо землянки топосом «ада» становится разлом в земле, куда жители Норристауна выкидывают мусор, среди которого оказывается труп девочки и подвал, также соотносённый с адом, кладбищем, подземным миром.

В структуре небесного пространства выделяются элементы индустрии развлечений, игровые площадки, качели, кафе-мороженое, которые отражают представления о современной Америке [14]. Так в романе отражается национальное самосознание и концептосфера [15]. Кроме того, этот мир имеет свойство наполняться теми объектами, которые хотят видеть вокруг себя его обитатели. Примечательно, что в описании небес отсутствует фигура Бога, религия представлена обобщенно, как вера в высшие силы [Там же] и исполняются только материальные желания, в то время как потребность в тепле и заботе не может быть удовлетворена.

Душа Сюзи принадлежит одновременно двум мирам, но не может обрести покой ни на небесах, ни на земле, поскольку пребывает в лиминальном пространстве. Н. С. Зелезинская указывает на связь этого промежуточного топоса с чистилищем [13, с. 32]. Этим обусловлено пограничное состояние Сюзи, желание участвовать в жизни близких, которые остались на земле, невозможность стать частью небесного мира, двойственность положения и нестабильность этого состояния. На небесах материализуются все желания и мечты, но Сюзи не чувствует себя счастливой, не обретает покоя. Там у девочки есть наставница Фрэнни, которая говорит ей о том, что нужно забыть прошлое, чтобы перейти на новый уровень:

«Надо отказаться от поиска ответов <...> Короче, отвернись от Земли» [12, с. 178].

Здесь возникает важнейшая для романа тема освобождения, но на этом этапе слова Фрэнни звучат для девочки как невыполнимая задача:

«Это уж слишком, подумала я» [Там же].

Небесный мир наполнен тем, что должно приносить радость: музыкальные концерты, игры с собаками, кафе-мороженое. Однако притягивает Сюзи земная жизнь, ее мысли и стремления там. По мнению исследователей, это связано с тем, что «небеса прекрасны, но они скучны и непонятно устроены, а земная жизнь, пусть и полна несправедливости и слез, но так притягательно интересна» [13, с. 31]. Вероятно, точкой притяжения на земле для Сюзи оказывается именно возможность повзрослеть, пережить ключевые этапы возрастных инициаций.

Для понимания образа главной героини необходимо проследить сюжетные линии других персонажей, с которыми тесно связана ее судьба и которые в той или иной степени влияют на становление личности девочки. Семья Сюзи включает отца (Jack), мать (Abigail), младшую сестру (Lindsey), брата (Buckley) и бабушку (Lynn). Каждый из этих героев, благодаря всеведущей наррации, показан многогранно. Отец не может пережить потерю дочери, он одержим поисками виновного, поэтому отстраняется от близких. Распад семьи связан и с образом матери Сюзи, которая покидает город и отправляется в странствие. Перед читателем раскрывается эволюция персонажей как через призму восприятия произошедшей трагедии и последовавших за ней личных драматических событий, так и ретроспективно, с помощью описания событий детства и юности. Особенно показательны в этом кон-

тексте образы матери Сюзи и преступника, мистера арв и. История Эббигейл, ее эскапизм связаны не только с непреодолимой болью от потери дочери, но и с личной драмой: невозможно самореализоваться, которая раскрывается через описание юности героини и в последующем приводит к утрате ценности семейных отношений. Благодаря погружению в детство мистера арв и перед читателем разворачивается история формирования зла в душе персонажа. Этим же объясняется его страшная одержимость коллекционированием¹ вещей убитых девочек: мать маньяка страдала kleptomanией.

Будучи частью потустороннего мира, Сюзи имеет возможность участвовать в жизни близких, наблюдать события их взросления, внутренней эволюции и переживать эти процессы вместе с ними. Наиболее значимыми фигурами оказываются ее сверстники: Рут (Ruth), Рэй (Ray), Линдси. Рут является двойником ушедшей Сюзи, поскольку именно ее коснулась героиня, перемещаясь в другой мир. Рэй также ощущает перманентную духовную связь с главной героиней. Выразительным эпизодом в этом контексте является сцена, в которой он говорит с фотографией девушки, ощущая рядом с собой ее присутствие:

«Что значит „умерла“, размышлял Рэй. Пропала, застыла, исчезла <...> я витала в воздухе, плыла в утреннем холоде <...> со мной он хотел целоваться. хотел выпустить меня на свободу» [12, с. 22].

Мотив освобождения, который является одним из ключевых в семантическом строе романа, оказывается тесно связанным с образом Рэя, а для Сюзи становится путем инициации и обретения самой себя. Выразительным персонажем является Линдси. Именно она совершает попытку расследования обстоятельств гибели сестры, проявляет смелость и решительность, проникая в дом мистера арви. Кроме того, ей, наряду с младшим братом, досталась участь жизни в тени «ожившего мертвеца»:

«...синдром ходячего покойника – это когда люди смотрят на живых, а видят мертвых» [Там же, с. 69].

Линдси и Рэй вынуждены жить в ситуации семейной посттравмы: родители отстранены друг от друга, над всем, что происходит, висит неразрешимая трагедия².

В обряде инициации, который в той или иной степени влияет на архитектуру произведений о взрослении, ключевое значение имеет символическая смерть посвящаемого. В романе Э. Сиболд героиня умирает буквально. Сегрегацией девочки становится прощание, в данном случае принудительное расставание с жизнью. Лиминальная фаза представлена промежуточным состоянием Сюзи, невозможностью инкорпорироваться в небесную сферу, встретить родных, которых уже нет в живых, обрести покой. Инкорпорация происходит тогда, когда Сюзи переживает взросление и становится готовой как отпустить своих близких, так и принять случившуюся с ней трагедию. Покинув мир в четырнадцать лет, девочка оказалась лишена возможности повзрослеть, об этом она неоднократно говорит:

«Как ни странно, меня охватило сильное желание познать то, чего я не испытала на Земле. Я жаждала повзрослеть» [Там же, с. 25].

Пребывая в потустороннем мире, она становится носителем сакрального знания и поэтому может быть проводником и хранителем для своих близких во время кризисных испытаний их жизни. Это касается представителей как младшего поколения, ровесников девочки (Линдси, Бакли, Рут, Рэй), так и старшего (мама, папа, бабушка). Воплощением Сюзи на земле становится Рут, которая ощущает особую связь с миром мертвых и в тело которой вселяется Сюзи, чтобы пережить собственное событие инициации, знаменующее ее взросление и освобождение, – воссоединение со своим возлюбленным Рэем. Незримая связь присутствует и между Сюзи и ее младшей сестрой Линдси, в которой Сюзи «растворяется», чтобы прочувствовать яркие события юности, сопряженные с обретением собственной идентичности и, следовательно, возрастными инициациями: первая любовь, выпускной, замужество, рождение ребенка. Ключевым событием для Линдси становится преследование мистера арв и, проникновение в его дом. Итогом пути этой героини становится обретение семьи, появление дочери, которая названа в честь Сюзи. Бакли, который долгое время находился на периферии внимания семьи, потеряв не только се-

вешен во дворе своего дома. После этой трагедии родители расстаются, до детей никому из них нет дела. Главная героиня романа арриет, сестра погибшего, как и Линдси, предпринимает попытку расследования обстоятельств гибели. Этот путь становится ее взрослением и способом обретения самой себя (см. подр.: [16]).

¹ Возникает параллель с образом Фредерика Клегга, героя романа Дж. Фаулза «Коллекционер».

² Подобная ситуация описана в романе Д. Тартт «Маленький друг». В центре сюжета находится семья, потерявшая ребенка, мальчика Робина, который был по-

стру, но и на долгое время маму, вновь обретает любящее окружение и заботу. Родители Сюзи воссоединяются, снова поддерживают и понимают друг друга после драматических событий в жизни каждого из них: побега и скитаний мамы, попытки папы быть хранителем семьи при физических и душевных страданиях от невозможности найти убийцу дочери. После испытаний, которые Сюзи переживает вместе с каждым из близких, а также переломного события собственной жизни (воплощение в теле в Рут и недолгое возвращение на землю), ее душа обретает покой, она переходит в «широкий» мир, воссоединяется с умершим дедушкой.

Произведение начинается со смерти, а заканчивается рождением нового члена семьи и имеет примиряющий финал:

«На месте пустоты, возникшей с моей гибелью, постепенно вырастали и соединялись милые косточки <...> ено й этому волшебному телу была моя жизнь» [Там же, с. 22].

Переход от мрачных тем к мотивным рядам надежды и принятия знаменует освобождение героини как в буквальном (перемещение в «широкий» небесный мир), так и в знаково-символическом пространствах (отдаление от близких, но не забвение, обретение покоя). Слова Сюзи в финале романа о милых косточках выражают идею смирения, жертвенности. Универсальность аксиологических установок находит отражение в отсутствии фигуры Бога как такового, но вере героев в высшие силы. Взросление героини становится сюжетообразующим элементом романа. Поскольку обряд инициации девочка переживает уже в небесном мире, ее взросление имеет двойственный характер: эмоциональные потрясения Сюзи и переживания за близких и собственное событие – возвращение на недолгое время на землю для воссоединения с Рэем и выражение подростковой любви к нему. Благодаря фантастическому элементу – материализации Сюзи на земле, временному обретению физической оболочки, происходит взросление героини. Это событие становится для нее рубежом взросления и символизирует освобождение, после которого душа девочки обретает покой. Писательнице удастся показать универсальность этапов взросления и кризисных испытаний, с которыми сталкивается человек и избежать которых не представляется возможным. В результате Сюзи обретает гармонию с собой и переходит к вечной жизни.

Список источников

1. Бахтин М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа). СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
2. Donaldson K. Why Peter Jackson Failed so Hard with the *Lovely Bones*. URL: <https://www.syfy.com/syfywire/why-peter-jackson-failed-so-hard-with-the-lovely-bones> (дата обращения: 10.07.2023).
3. Darby A. Publishing Weekly Talks with A. Sebold. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/33797-pw-talks-with-alice-sebold.html> (дата обращения: 18.06.2023).
4. Shivani A. Chad Harbach's «The art of fielding»: college baseball as an allegory for American national greatness. *The Cambridge Quarterly*. 2014. 43 (1). P. 39–59.
5. Bennett A. *Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. Basingstoke: Palgrave Macmillan UK. 2012. 228 p.
6. Wehling-Giorgi K. Picturing the fragmented maternal body: rethinking constructs of maternity in the novels of Elena Ferrante and Alice Sebold's. *Women: a Cultural Review*. 2019. 30 (1). P. 66–83.
7. Ahmad S., Nadarajan S. Investigating stylistic devices in Alice Sebold's «The lovely bones». *Modern Research Studies*. 2018. 5 (4). P. 226–238.
8. Callus I. (Auto)thanatology or (auto)thanatology? Mark C. Taylor, Simon Critchley and the writing of the dead. *Forum for Modern Language Studies*. 2005. 41 (4). P. 427–438.
9. Зусева-Озкан В. Б. Повествование от лица мертвеца в современной прозе // *Новый Филологический Вестник*. 2022. № 2 (61). С. 27–39.
10. Borg K. Narrating trauma: Judith Butler on narrative coherence and the politics of self-narration. *Life Writing*. 2018. 15 (3). P. 447–465.
11. Sebold A. *The Lovely Bones*. Boston: Little, Brown and Company. 2002. 372 p.
12. Сиболд Э. *Милые кости*. М.: Эксмо. 2010. 384 с.
13. Зелезинская Н. С. Топосы смерти в романе Э. Сиболд «Милые кости» // *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022. № 3. С. 26–40.
14. Kiaei S., Safdari M. Hyper-reality in Sebold's «The lovely bones». *International Journal of Comparative Literature & Translation Studies*. 2014. 2 (2). P. 53–58.
15. Меркулова М. Г. Теория английскости в контексте исследования творчества писателей-мультикультураллистов Великобритании // *Язык и литература в проблематике современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению*. Москва: «Принтик». 2021. С. 108–114.
16. Шалимова Н. С. «Пугающе жуткая книга о детях...»: особенности поэтики романа Д. Тартт «Маленький друг» // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2022. Т. 14. № 4. С. 134–143.

References

1. Bakhtin, M. M. (2000). *Epos i roman (O metodologii issledovaniya romana)* [Epic and Novel (On Methodology for the Study of the Novel)]. 304 p. St. Petersburg, Azbuka Publ. (In Russian)
2. Donaldson, K. *Why Peter Jackson Failed So Hard with the Lovely Bones*. URL: <https://www.syfy.com/syfy-wire/why-peter-jackson-failed-so-hard-with-the-lovely-bones> (accessed: 10.07.2023). (In English)
3. Darby, A. *Publishing Weekly Talks with A. Sebold*. URL: <https://www.publishersweekly.com/pw/by-topic/authors/interviews/article/33797-pw-talks-with-alice-sebold.html> (accessed: 18.06.2023). (In English)
4. Shivani, A. (2014). *Chad Harbach's "The Art of Fielding": College Baseball as an Allegory for American National Greatness*. The Cambridge Quarterly. No. 43(1), pp. 39–59. (In English)
5. Bennett, A. (2012). *Afterlife and Narrative in Contemporary Fiction*. 228 p. Basingstoke, Palgrave Macmillan UK. (In English)
6. Wehling-Giorgi, K. (2019). *Picturing the Fragmented Maternal Body: Rethinking Constructs of Motherhood in the Novels of Elena Ferrante and Alice Sebold's Women: A Cultural Review*. 30(1), pp. 66–83. (In English)
7. Ahmad, S., Nadarajan, S. (2018). *Investigating Stylistic Devices in Alice Sebold's "The Lovely Bones"*. Modern Research Studies. No. 5(4), pp. 226–238. (In English)
8. Callus, I. (2005). *(Auto)thanatography or (Auto)thanatology? Mark C. Taylor, Simon Critchley and the Writing of the Dead*. Forum for Modern Language Studies. No. 41(4), pp. 427–438. (In English)
9. Zuseva-Ozkan, V. B. (2002). *Povestvovanie ot litsa mertvetsa v sovremennoi proze* [Posthumous Narrative in Modern Fiction]. Novyi Filologicheskii Vestnik. No. 2 (61), pp. 27–39. (In Russian)
10. Borg, K. (2018). *Narrating Trauma: Judith Butler on Narrative Coherence and the Politics of Self-Narration*. Life Writing. No. 15(3), pp. 447–465. (In English)
11. Sebold, A. (2002). *The Lovely Bones*. 372 p. Boston, Little, Brown and Company. (In English)
12. Sibold, E. (2010). *Milye kosti* [The Lovely Bones]. 384 p. Moscow, Eksmo. (In English)
13. Zelezinskaya, N. S. (2022). *Toposy smerti v romane Je. Sebold "Milye kosti"* [Topos of Death in the Novel "The Lovely Bones" by A. Sebold]. Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. No. 3, pp. 26–40. (In Russian)
14. Kiaei, S., Safdari, M. (2014). *Hyper-Reality in Sebold's "The Lovely Bones"*. International Journal of Comparative Literature & Translation Studies. No. 2(2), pp. 53–58. (In English)
15. Merkulova M. G. (2021). *Teoriya angliiskosti v kontekste issledovaniya tvorchestva pisatelei-mul'tikul'turalistov Velikobritanii* [The Theory of Englishness in the Context of the Study of the Works by British Multiculturalist Writers]. Yazyk i literatura v problematike sovremennykh gumanitarnykh nauk: sbornik nauchnykh trudov po lingvistike i literaturovedeniyu. Pp. 108–114. Moscow, "Printika". (In Russian)
16. Baranova, K. M. (2011). *Vedushchie leitmotivy rannei amerikanskoi slovesnosti i ikh vliyanie na sovremennuyu literaturu* [Main Leitmotifs of Pre-national Literature and Their Influence on Modern American Literature]. Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. No. 1 (7), pp. 8–13. (In Russian)

The article was submitted on 06.09.2023

Поступила в редакцию 06.09.2023

Шалимова Надежда Сергеевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Московский городской педагогический
университет,
129226, Россия, Москва,
2-ой Сельскохозяйственный проезд, 4.
shalimovans@mgpu.ru

Shalimova Nadezhda Sergeevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Moscow City Pedagogical University,
4 Vtoroi Sel'skokhozyaistvennyi Proezd,
Moscow, 129226, Russian Federation.
shalimovans@mgpu.ru

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-210-215

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КИТАЙСКИХ СТАЖЕРОВ- ЛИНГВИСТОВ

© Роза Анопочкина

LITERARY TEXT AS A MEANS OF DEVELOPING INTERCULTURAL COMPETENCE IN CHINESE LINGUIST TRAINEES

Roza Anopochkina

The article studies the development of intercultural competence in the process of teaching international students. We discuss the preparation of trainee linguists from the People's Republic of China for intercultural communication while studying fiction.

Reading literary works develops the students' ability to empathize and argue their position, their skills of text analysis, enriches the students' language. A literary text is an important means for introducing international students to the culture they are studying, specific national characteristics and traditions of Russia, which is a part of their preparation for intercultural communication.

The article points out the difficulties that foreigners experience in the perception of poetic works, caused by their ambiguity and imagery, but concludes that it is necessary and possible to study not only prose, but also poetry with trainees from the PRC.

To participate in intercultural dialogue interns need to be able to compare the features of their native and studied cultures in order to identify differences and similarities in national cultural values and to realize universal human values. We consider it important for interns to be able to talk about their native culture in the target language. To solve these problems, we turn to literary texts of Chinese literature along with the study of Russian literature.

Based on the gained experience, the article provides examples of studying fiction with trainee linguists from the People's Republic of China.

Keywords: language, culture, intercultural competence, perception of a work of art, national and universal values

Статья посвящена проблемам формирования межкультурной компетенции в процессе обучения иностранных студентов. Автор рассматриваются возможности подготовки стажеров-лингвистов КНР к межкультурному общению в процессе изучения художественной литературы.

Чтение литературных произведений развивает способность к сопереживанию, обогащает язык обучающихся, развивает навыки анализа текста, аргументации ими собственной позиции. Обращение к художественному тексту при обучении иностранцев является важным средством для их приобщения к изучаемой культуре, ознакомления с национальными особенностями, традициями России, что является частью подготовки к межкультурной коммуникации.

Автор указывает на сложность восприятия иностранцами стихотворных произведений, вызываемых их многозначностью, образностью, однако полагает необходимым и возможным изучение со стажерами КНР не только прозаических, но и поэтических произведений.

Для участия в межкультурном диалоге стажерам необходимо уметь сопоставлять особенности родной и изучаемой культур для выявления различий и сходства национальных культурных ценностей, осознания общечеловеческих ценностей. Автор считает важным для стажеров умение говорить о родной культуре на изучаемом языке. Для решения данных задач автор обращается на занятиях к художественным текстам китайской литературы наряду с изучением русской литературы.

В статье приведены примеры изучения художественных произведений со стажерами-лингвистами КНР, основанные на авторском опыте.

Ключевые слова: язык, культура, межкультурная компетенция, восприятие художественного произведения, национальные и общечеловеческие ценности

Для цитирования: Анопочкина Р. Художественный текст как средство развития межкультурной компетенции китайских стажеров-лингвистов // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 210–215. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-210-215.

Введение

Успешность коммуникации с представителями других народов зависит не только от уровня сформированности языковых и речевых компетенций, но и от глубины наших представлений о реальной жизни данного народа, понимания его мировоззрения, знания его культуры. Язык – явление, связанное со всеми сторонами жизни народа: с бытом и культурой, с его прошлым и настоящим; он впитывает в себя и отражает национальные особенности восприятия мира. В концептах языка аккумулируются важные для народа представления и убеждения, язык сохраняет и передает следующим поколениям накопленный опыт, культуру. Любые изменения в жизни общества так или иначе находят отражение в языке. Характеризуя культуру как живое, постоянно развивающееся явление, Ю. М. Лотман писал, что «культура как часть истории человечества, с одной стороны, и среды обитания людей, с другой, находится в постоянных контактах с вне ее расположенным миром и испытывает его воздействие. Это воздействие определяет динамику и темпы ее изменений» [1, с. 601].

Задачей преподавателя РКИ, в силу своей профессии общающегося с представителями различных культур, является не только обучение языку, но и обучение его использованию в межкультурном общении, что требует понимания особенностей контингента студентов, поиска оптимальных путей, необходимых для их подготовки к диалогу культур. В научной литературе описаны различные подходы к обучению иностранным языкам с учетом национальных культур, целью которых является формирование таких компетенций, как лингвокультурная, лингвокультурологическая, социокультурная, этнокультурная и другие. В последнее время в качестве ключевой компетенции, выражающей уровень способности личности к межкультурной коммуникации, многими учеными рассматривается межкультурная компетенция; изучение ее структуры, поиск эффективных методов и приёмов формирования, возможностей использования процесса ее развития в обучении студентов привлекает большое внимание ученых и преподавателей-практиков.

Цель исследования и методология

Цель исследования – выявление потенциала художественных произведений для формирования способности стажеров-лингвистов КНР к межкультурному общению, рассмотрение некоторых путей для достижения данной цели. Методы – анализ и интерпретация художественных текстов; сопоставление с произведениями родной культуры стажеров; использование аудио- и видеоматериалов.

Основная часть

Условием успешной межкультурной коммуникации ученые считают открытость личности к познанию чужой культуры и восприятию психологических, социальных и культурных различий [2, с. 296]. Одним из важнейших путей развития таких качеств является обращение к художественным произведениям. Художественная литература привлекает человека возможностью погрузиться в мир, создаваемый силой таланта поэта, писателя, ощутить эстетическое наслаждение художественной формой произведения.

Темы, поднимаемые талантливыми поэтами и писателями, способствуют важным шагам в развитии общества. М. М. Бахтин писал, что «произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, то есть в большом времени, притом часто (а великие произведения – всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [3, с. 353].

В данной статье мы обращаемся к опыту работы с китайскими стажерами-лингвистами, проходящими обучение в российском вузе после двух лет изучения русского языка в родной стране. В современную систему обучения стажеров включаются занятия по русской культуре, русской литературе. Знакомство с художественной литературой дает студентам-иностранцам представление об особенностях российской действительности определенной исторической эпохи, оказывает влияние на совершенствование языка, дает максимальные возможности для развития качеств, необходимых в межкультурном общении, таких как способность к эмоциональному сопереживанию, умение формулировать и аргументировать личную позицию, искреннее стремление к изучению языка и культуры.

В школах и вузах Китая на знакомство с содержанием произведений русской литературы отводится небольшое количество времени, и, как правило, оно происходит на китайском языке в информирующей форме, поэтому с большинством предлагаемых для изучения произведений стажеры встречаются впервые.

Задачей преподавателя становится выбор форм занятий, методов изучения выдающихся произведений русской литературы XVIII–XX веков, дающих представление о ключевых темах и проблемах культуры России, освещенных в них, учитывая при этом возможности стажеров.

За недостаточностью времени для изучения крупных произведений преподаватель выбирает небольшие по объему, но емкие по содержанию произведения.

Одним из таких произведений является стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Воробей» [4, с. 22]. Анализ изображенной в произведении сцены защиты воробьем своего птенца от охотничьей собаки проводится путем исследования языковых средств (эпитетов, метафор, эмоционально насыщенных глаголов и т. п.), обсуждения сюжета и образов героев стихотворения, его идеи, афористично выраженной самим автором («Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь» [Там же]).

Во время обсуждения произведения И. С. Тургенева естественным образом возникает необходимость обращения к следующим темам: любовь родителей к детям, сила любви, самоотверженность, человек и природа, благородство и разум человека, жизнь и смерть, которые во многом определяют нравственный стержень русской классической литературы, ее идеалы. В дальнейшей работе со стажерами преподаватель может опираться на выводы, сделанные при знакомстве со стихотворением в прозе И. С. Тургенева, и сопоставлять поведение и взаимоотношения героев других произведений с тургеневскими образами.

Изучение художественных произведений создает на занятиях уникальные возможности для разговора о взаимоотношениях людей, о национальных и общечеловеческих ценностях, что имеет важное значение как для формирования личности стажеров, так и для совершенствования их речи, развития умения говорить о чувствах, выражать собственное мнение.

Устные высказывания и письменные работы стажеров свидетельствуют об их искреннем интересе к прочитанным произведениям, желании понять позиции писателей.

В характеристиках героев произведений, оценках описываемых событий заметно влияние привычных для стажеров принципов, во многом опирающихся на философию конфуцианства.

Так, например, верно воспринимая образ метели в повести А. С. Пушкина «Метель» как символ судьбы, стажеры выражают свое полное согласие с идеей неотвратимости судьбы: «мы не можем изменить то, что уже случилось, и не можем предусмотреть то, что случится», «надо принимать судьбу, так как мы не можем ее изменить».

Характерной является и оценка роли чувств героев: «любовь – это не самое важное дело жизни»; «родители и семья важнее, чем нереальная любовь героини». Встречаются попытки «политизации» объяснений: «символ „метель“ раскрывает беспощадность темных сил общества».

В практике обучения иностранцев, как правило, используются прозаические произведения русских писателей. Изучение поэзии с иностранцами-нефилологами является малоисследованным и редко применяемым видом учебной деятельности в системе РКИ. Восприятие стихотворного произведения требует высокого уровня владения русским языком, зависит от объема фоновых знаний, способности стажеров понять образы, иносказания, метафоры, присущие другой культуре.

Однако мы полагаем, что обращение к поэзии в работе с китайскими стажерами является оправданным, дает важные результаты. Школьная программа КНР включает изучение истории китайской поэзии, начиная с глубокой древности, поэтому китайцы хорошо знакомы с родной поэзией, знают наизусть стихи многих поэтов, понимают символику родной поэзии.

Профессор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, известный переводчик русской поэзии Чжэн Тиу подчеркивает особое отношение к поэзии в Китае: «Стихотворные формы пользуются в Китае наибольшим почтением среди всех литературных произведений» [5, с. 142].

Опыт работы со стихотворными произведениями родной литературы в определенной степени помогает стажерам при изучении русской поэзии, дает возможность сопоставления особенностей поэзии двух народов. Так, стажерами КНР было высказано мнение, что русские поэты «очень открыто, прямо» говорят о чувствах, в то время как китайской поэзии присуще раскрытие чувств через образы, намеки, ассоциации. Слова поэта XVII века Цангьяна Гьямцхо «молча влюбляемся, тихо радуемся» остаются важным

художественным принципом для многих любителей поэзии в Китае.

Интересными и близкими для китайских студентов оказались стихи поэтов Серебряного века: А. А. Ахматовой, А. А. Блока, К. Д. Бальмонта.

В качестве примера работы с поэтическим произведением обратимся к опыту изучения с китайскими стажерами стихотворения К. Д. Бальмонта «Безглагольность» [6, с. 170], в котором представлена тема «Человек и природа» – одна из «вечных» тем мировой поэзии, по своему интерпретированная поэтом.

Обращение к стихотворению предваряется сообщением о личности К. Д. Бальмонта, особенностях его творчества. Преподаватель ставит перед собой цель – помочь студентам увидеть в стихах проявление не только национального сознания, но и индивидуальности поэта, поскольку «... поэты – творцы коммуникации – находят все новые значения внутри себя; для них источником переозначиваний выступает прежде всего своя субъективность» [7, с. 178]. Именно субъективность талантливого поэта порождает у нас обновленное осознание мира и человека в нем.

В предтекстовую работу, выполняемую студентами самостоятельно, включаются чтение и перевод лексики стихотворения; предварительное объяснение названия стихотворения; выделение в тексте слов, связанных а) с описанием природы; б) с внутренним состоянием человека; в) связанных с названием стихотворения.

Притекстовая работа, выполняемая коллективно, направлена прежде всего на создание необходимого эмоционального настроения обучающихся, чему способствует прослушивание стихотворения в сопровождении музыки Г. В. Свиридова, написанной к стихотворению, и просмотра видеоряда, представленного картинками русской природы, соответствующими настроению стихотворения.

Анализ поэтического произведения включает рассмотрение его лексических, грамматических, фонетических особенностей, изучение использованных автором художественно-выразительных средств языка. В данной работе мы ограничиваемся обращением к вопросам, направленным на выявление смысла стихотворения через его лексический строй.

Пример работы с лексикой стихотворения

Вопросы и задания	Возможные варианты ответов
Как в стихотворении описана русская природа? Какие сло-	Поэт включает в зрительный ряд обычные для России детали пейзажа: <i>склон косогора, река,</i>

ва помогают ее представить?	<i>бор, луга, деревенский сад</i> ; но в то же время он расширяет реальную картину природы до космических размеров, используя слова: <i>безбрежность, громада, холодная высь, уходящие дали.</i>
Какие слова стихотворения передают ощущение холода? Для чего поэт использует их?	Применяя прилагательные <i>холодная, зябкая, свежие, прохладная</i> , поэт передает восприятие мира лирическим героем, объясняемое охватившими его чувствами безысходности, одиночества.
Есть ли в стихотворении слова, передающие цвет?	В описании природы использовано лишь одно слово со значением цвета: глагол <i>чернеет</i> .
В стихотворении использованы слова, передающие отсутствие изменений в природе. Найдите их. Какова цель применения этого приема?	Герой стихотворения воспринимает окружающий мир застывшим, неподвижным. Поэт подчеркивает это ощущение с помощью слов <i>безмолвная, застывший, недвижимый, не трещит, тишь, покой, глушь, безглагольность, глухое, немое, безмолвны.</i>
Можно ли считать, что поэт изображает природу равнодушной, безучастной?	Для поэта природа – живое существо, он чувствует в ней <i>усталую нежность, затаенную печаль</i> . Но она не может принести успокоения его душе.
Почему у героя стихотворения возникло ощущение, что всё вокруг остановилось?	Герой переживает трудное время, ему причинили незаслуженную боль, потеряна надежда, его сердце застыло.
Описание природы помогает ощутить внутреннее состояние героя стихотворения. Какие слова напрямую передают его чувства?	Поэт говорит о состоянии героя, многократно обращаясь к слову <i>сердце</i> : <i>сердцу больно, сердце не радо, сердцу грустно, сердце простило, сердце застыло и плачет.</i>
Как название стихотворения связано с его смыслом?	«Безглагольность» – отсутствие действий, изменений. Название стихотворения передает как неизменность привычных для русского человека картин природы (<i>безглагольность покоя</i>), так и состояние «онемения» души героя; страдания его настолько глубоки, что слова не могут передать их.

Послетекстовая работа состоит в подведении итогов проведенной работы. Обсуждение стихотворения приводит к выводу о том, что неподвижность, «безглагольность» природы перекликаются с чувствами лирического героя, с невозможностью высказать переполняющие его тоску,

душевную боль. Окружающий мир, его прохлада и сумрачность лишь усугубляют состояние человека.

Работа со стихотворением «Безглагольность» позволяет познакомить стажеров с такими понятиями, как «покой», «тоска», «сердце», «душа», «счастье», «горе», являющимися концептами русской языковой картины мира, важными для понимания многих произведений русской литературы.

Тема влияния природы на человека, выражение состояния лирического героя через описание природы свойственны и китайской литературе, поэтому образы и смысл стихотворения «Безглагольность» близки и понятны китайским стажерам.

Условием развития межкультурной компетенции является обращение не только к изучаемой, но и к родной культуре иностранных обучающихся. В последние десятилетия в России растет интерес к китайской литературе, появляются новые переводы, исследования. Российские синаисты высоко оценивают современную китайскую поэзию, отмечая, что в ней «сложность и интеллектуальная насыщенность соседствует с минимализмом и разговорным стилем, абстрактная метафизика – с документальной точностью, а внимание к повседневной жизни – с философской основательностью» [8, с. 9].

Метод сопоставления явлений разных культур способствует осознанию уникальности каждой из них; пониманию причин их различий; толерантному восприятию национальных особенностей, несвойственных родной культуре стажеров.

Следуя данному методу, преподаватель обращается к стихам китайских поэтов XX века, для которых также характерна романтическая «традиция печалей» [9, с. 6]. Лирический герой китайской поэзии часто одинок, его окружает «печальный сумрак», он в состоянии «оцепенения», «меж радостью и горем» [10]. В прекрасном мире, где «смотрят звезды с неба в озерную гладь, ветер приносит трав полевых ароматы», человек переживает душевный разлад: «Мир мой – пустыня! ... Я – существую, вечной тоскою обаятый» [11].

Размышляя со стажерами о мотивах грусти, уныния, характерных как для русской, так и для китайской культуры, приводим слова известного переводчика, китаиста Л. З. Эйдлина, о необходимости оценивать произведение искусства по особым меркам: «печаль искусства всегда радость для наслаждающегося встречей с прекрасным» [9, с. 8].

В ходе изучения стихов были отмечены не только сходство мировосприятия поэтами двух стран, но и их национальное своеобразие. Так, герою стихотворения Вэнь Идо «Встреча в мечтах» [10] на краткий миг является видение – лунный луч и белый журавль, слетающий по нему с небес. Стажеры объясняют, что лунный свет в китайской мифологии символизирует путь постижения смысла бытия, а образ журавля является символом благородства и бессмертия, знаком надежды, поданным свыше.

Для китайских студентов является важной информация о переводе Константином Бальмонтом на русский язык нескольких стихов известных китайских поэтов: Ли Бо, Ду Фу, Лао-Цзы и Ван Чанлина.

Заключение

Одним из условий успешного межкультурного общения, на наш взгляд, является заинтересованное отношение представителей разных народов к культуре, искусству друг друга. Изучение художественных текстов на занятиях по РКИ дает возможность обращения к глубинам культурной жизни двух стран – родной и изучаемой, помогает прочувствовать различие и общность картин мира, создаваемых писателями и поэтами, оценить их своеобразие и значимость для мировой литературы, для мирового сообщества.

Список источников

1. Лотман Ю. М. Асимметрия и диалог. // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. С. 591–603.
2. Садохин А. П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования: дис. ... д-ра культурологич. наук: М., 2009. 342 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. Тургенев И. С. Воробей / Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда, 1987. 384 с.
5. Чжэн Тиу. Как мы в Китае переводим стихи: стихотворный аспект // С.-Пб.: Вестник С.-Пб. гос. ун-та. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика, 2016. Вып. 4. С. 142–161.
6. Бальмонт К. Д. Безглагольность / Серебряный век: Поэзия / [Ред.-сост. Т. А. Бек]. М.: АСТ; Олимп, 1996. 672 с.
7. Ключанов И. Э. Коммуникативный универсум. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 256 с.
8. Азарова Н. М. Китайская поэзия сегодня / Н. М. Азарова, С.Ю. Бочавер // М.: Культурная революция, 2017. 288 с.
9. Эйдлин Л. З. Сухой тростник. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1999. 256 с.

10. Вэнь Идо. Встреча в мечтах. 1973. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=2409 (дата обращения: 28.10.2023)

11. Инь Фу. Ночью. 2000. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=2520 (дата обращения: 28.10.2023)

References

1. Lotman, Yu. M. (2000). *Asimetriya i dialog* [Asymmetry and Dialogue]. Semiosfera. Pp. 591-603. St. Petersburg. "Iskusstvo-SPb". (In Russian)
2. Sadokhin, A. P. (2009). *Mezhkul'turnaya kompetentnost': sushchnost' i mekhanizmy formirovaniya: dis. ...d-ra kul'turologich. nauk* [Intercultural Competence: Its Essence and Mechanisms of Formation: Doctoral Thesis]. 342 p. Moscow. (In Russian)
3. Bakhtin, M. M. (1986). *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creative Art]. 2-e izd. 445 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
4. Turgenev, I. S. (1987). *Vorobei* [A Sparrow]. Literaturnye i zhiteiskie vospominaniya. 384 p. Moscow, Pravda. (In Russian)
5. Chzhen Tiu (2016). *Kak my v Kitae perevodim stikhi: stihotvornij aspekt* [How We Translate Poetry in China: The Poetic Aspect]. Chzhen Tiu. St. Petersburg.

Vestnik SPb. gos. un-ta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika. Vyp. 4, pp.142-161. (In Russian)

6. Bal'mont, K. D. (1996). *Bezglagol'nost'. Serebryanyi vek: Poeziya*. [Verblessness. Silver Age: Poetry]. Red. sost. T. A. Bek. 672 p. Moscow, AST, Olimp. (In Russian)

7. Klyukanov, I. E. (2010). *Kommunikativnyi universum* [Communicative Universum]. 256 p. Moscow. Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN). (In Russian)

8. Azarova, N. M. (2017). *Kitaiskaya poeziya segodnya* [Chinese Poetry Today]. N. M. Azarova, S. Yu. Bochaver. 288 p. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russian)

9. Eidlin, L. Z. (1999). *Sukhoi trostnik* [Dry Reed]. 256 p. St. Petersburg. Centr "Peterburgskoe Vostokovedenie". (In Russian)

10. Vehn Ido. (1973). *Vstrecha v mechtakh* [Meeting in Dreams]. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=2409 (accessed: 28.10.2023). (In Russian)

11. In Fu. *Nochyu* [At Night]. (2000). URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=2520 (accessed: 28.10.2023). (In Russian)

The article was submitted on 02.11.2023
Поступила в редакцию 02.11.2023

Анопочкина Роза Халыфовна,
старший преподаватель,
Российский новый университет,
105005, Россия, Москва,
Радио, 22.
a.rosa@mail.ru

Anopochkina Roza Khalyafovna,
Assistant Professor,
Russian New University,
22 Radio Str.,
Moscow, 105005, Russian Federation.
a.rosa@mail.ru

УДК 372.881.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-216-223

РЕАЛИЗАЦИЯ ОБНОВЛЁННЫХ ФГОС ПРИ ОБУЧЕНИИ РОДНОМУ (ТАТАРСКОМУ) ЯЗЫКУ

© Радиф Замалетдинов, Кадрия Фатхуллова, Эльвира Денмухаметова,
Рамиля Сагдиева, Гульшат Галиуллина

IMPLEMENTATION OF THE UPDATED FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS: THE NATIVE (TATAR) LANGUAGE TEACHING

**Radif Zamaletdinov, Kadriya Fathullova, Ilvira Denmukhametova,
Ramilya Sagdeeva, Gulshat Galiullina**

The article discusses issues related to the organization of the educational process in the native (Tatar) language in the context of the introduction of the updated Federal State Educational Standards of General Education. A review of methodological literature and federal curriculum plans on academic subjects “Native (Tatar) Language”, “State (Tatar) Language of the Republic of Tatarstan” allowed us to come to the conclusion that in order to achieve personal, meta-subject and subject learning results, modern native language teachers should have certain general pedagogical and methodological skills, be competent in their subject area, as well as in the field of modern pedagogical technologies. In general, the main activity of the Tatar language teacher is to organize collective speech communication and update knowledge based on the creation of a positive psychological climate in the classroom; to assist students in achieving learning outcomes; to use interactive techniques and activity-based types of work; to positively evaluate students’ activities; to stimulate interest in learning their native language; to improve the quality of scheduled and extracurricular work on the subject.

It is also important to note that currently the study of the native languages of the peoples of the Russian Federation is one of the priorities in the system of general education, which emphasizes the relevance and significance of this study.

Keywords: native (Tatar) language, federal curriculum program, pedagogical skills, competence, learning goals, modern technologies, learning outcomes

В статье рассмотрены вопросы, связанные с организацией учебного процесса по родному (татарскому) языку в условиях внедрения обновлённых федеральных государственных образовательных стандартов общего образования. Обзор методической литературы, федеральных рабочих программ по учебным предметам «Родной (татарский) язык», «Государственный (татарский) язык Республики Татарстан» позволил авторам прийти к выводу о том, что для достижения личностных, метапредметных и предметных результатов обучения современный учитель родного языка должен обладать определёнными общепедагогическими и методическими способностями, быть компетентным в своей предметной области, а также в области современных педагогических технологий. В целом, основная деятельность учителя татарского языка заключается в организации коллективной речевой коммуникации и актуализации знаний на основе создания положительного психологического климата на уроке; в оказании помощи учащимся в достижении результатов обучения; в использовании интерактивных приемов и деятельностных видов работы; в положительном оценивании деятельности учащихся; в стимулировании интереса к изучению родного языка; повышении качества урочной и внеурочной работы по предмету.

Важно также отметить, что в настоящее время изучение родных языков народов РФ является одним из приоритетных направлений в системе общего образования, что подчеркивает актуальность и значимость данного исследования.

Ключевые слова: родной (татарский) язык, федеральная рабочая программа, педагогические способности, компетентность, цели обучения, современные технологии, результаты обучения

Для цитирования: Замалетдинов Р., Фатхуллова К., Денмухаметова Э., Сагдеева Р., Галиуллина Г. Реализация обновлённых ФГОС при обучении родному (татарскому) языку // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 216–223. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-216-223

Конституция РФ гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [1]. Родной язык – это средство сохранения и трансляции культуры, истории, традиций народа и преемственности поколений. Известный русский педагог, основоположник научной педагогики в России К. Д. Ушинский писал: «Родной язык – есть самая живая связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое историческое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно сама эта жизнь. Когда исчезает народный язык – народа нет более» [2]. В новых условиях проблема сохранения родного языка рассматривается как стратегический приоритет, который требует консолидации сил всех участников образовательного процесса. В условиях обновления содержания общего образования важно, чтобы каждый учитель родного (татарского) языка вносил свой посильный вклад в дело его сохранения, развития, изучения и распространения; развивал в себе умение творчески планировать и проводить любые уроки на любом материале и в любых новых условиях, а также был ответственным за свою профессиональную деятельность. Важно также, чтобы учитель родного (татарского) языка создавал во время урочной и внеурочной деятельности благоприятные условия для школьников, взаимодействовал с ними, добивался поставленных педагогических целей, а учащиеся восполняли свои потребности в познании и общении.

Обновленные федеральные стандарты общего образования ориентированы на становление личностных характеристик выпускника: любящий свой край и свое Отечество, знающий русский и родной язык, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции; осознающий и принимающий ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального российского народа, человечества [3].

Изучение учебного предмета «Родной (татарский) язык» в общеобразовательных организациях начинается на уровне начального общего образования, продолжается на уровне основного общего образования и завершается на уровне среднего общего образования. На сегодняшний день для всех ступеней обучения разработаны, утверждены и размещены на портале «Единое содержание общего образования» федеральные

рабочие программы по учебным предметам «Родной (татарский) язык»; «Государственный (татарский) язык РТ», «Родная (татарская) литература». Они являются основным нормативным документом для общеобразовательных организаций РТ, а также регионов РФ, где изучается родной (татарский) язык [4]. Следует отметить, что в общеобразовательных организациях, расположенных в субъектах РФ, где компактно проживают татары, практикуется изучение родного (татарского) языка на основе действующих учебных планов, и Республика Татарстан оказывает им всемерную поддержку в обеспечении средствами обучения, оказании методической помощи, организации курсов повышения квалификации учителей татарского языка.

Федеральная рабочая программа по родному (татарскому) языку направлена на обеспечение следующих требований к организации образовательного процесса в школах: создание равных возможностей и равных условий для изучения татарского языка на всей территории нашей страны; выработка и использование единых требований для объективного оценивания результатов обучения; определение обязательной части предметного содержания и предметных результатов по годам обучения для каждого класса. Программа не привязана к конкретному учебно-методическому комплексу, к конкретному учебному пособию. На ее основе каждый учитель разрабатывает и представляет для утверждения на заседании методического объединения календарно-тематический план работы на текущий учебный год с учетом особенностей и устава своей общеобразовательной организации. В качестве основной цели в программе указано развитие коммуникативной компетенции обучающихся по видам речевой деятельности, овладение основами культуры устной и письменной речи; развитие реальной готовности к речевому взаимодействию и взаимопониманию в жизненно важных сферах; развитие функциональной грамотности учащихся, что подразумевает способность решать жизненные проблемы на основе сформированных предметных, метапредметных и универсальных учебных действий. Программа нацелена также на овладение учащимися ключевыми компетенциями, составляющими основу дальнейшего образования и ориентации в мире профессий, подготовки к жизни в данном и будущем обществе.

Исходя из вышесказанного, можем заключить, что для практической реализации федеральных стандартов при обучении родному (татарскому) языку в общеобразовательной школе каждому учителю необходимо решать следующие первостепенные задачи: совершенствование коммуникативных умений учащихся на каждой ступени обучения; формирование умений использовать татарский язык как средство общения в поликультурном мире для успешной социализации и самореализации; практическое овладение основами татарского языка, знаниями об особенностях его устройства и функционирования, о стилистических и лексико-грамматических ресурсах; приобщение к культурному наследию и традиционным культурным ценностям татарского народа; формирование уважительного отношения к языкам народов, проживающих в Российской Федерации.

Известно, что вопросы внедрения в практику школ образовательных стандартов связаны со многими факторами, но главный из них, на наш взгляд, заключается в профессионализме учителя, что предполагает его компетентность не только в своей предметной области, но также и в области современных педагогических и информационных технологий [5, с. 17]. Для достижения предметных результатов обучения учителя родного (татарского) языка активно используют в своей работе различные технологии. В настоящее время наиболее популярными среди них считаются проектная технология; игровая технология; технология развивающего обучения; технология интегративного обучения; кейс-технология; кроссенс-технология и т. д. Они позволяют учителю родного (татарского) языка интенсифицировать учебный процесс; пробуждать интерес у учащихся к учебному предмету и повышать мотивацию; активизировать познавательную и творческую деятельность школьников; обеспечивать доступность изучаемого материала; систематизировать и обобщать языковой и речевой материал; расширять возможности для организации самостоятельной работы. При этом учителя учитывают возрастные особенности учащихся, их уровень знаний, тему и содержание конкретного урока в каждом конкретном классе. Как показывает передовой опыт учителей родного (татарского) языка РТ, традиционные методы и инновационные технологии обучения находятся в постоянной взаимосвязи и дополняют друг друга. Творчески работающие учителя используют их на уроках для поддержания активности учащихся с учетом индивидуализации и диффе-

ренциации обучения. Таким образом они обеспечивают образовательные потребности каждого ученика с учетом его склонностей и интересов. Для развития у учащихся старших классов навыков работы с дополнительными источниками учителя родного (татарского) языка знакомят их татароязычными Интернет порталами: <http://belem.ru>; <http://tatkniga.ru>; <http://elbette.ru>; <http://giylem.tatar>; <http://tatarica.org>; <http://www.antat.ru/ru/tatzet> и т. д., где можно найти материалы по различным аспектам языка (фонетике, лексике, грамматике, словообразованию, стилистике). На данных порталах они могут также ознакомиться с аудиокнигами известных татарских писателей, видеосюжетами о видных представителях татарского народа, а также почерпнуть нужную информацию на татарском языке, относящуюся к другим научным областям. Значимым подспорьем по родному (татарскому) языку является платформа «Татарча онлайн-мәктәп» («Онлайн-школа на татарском»), созданная педагогическим коллективом МБОУ «Татарская гимназия № 2 имени Ш.Марджани при КФУ» (<https://sites.google.com/g2kzn.org/online-mektep>), где учащиеся могут посмотреть видеуроки опытных учителей. Главное достоинство этой инновационной разработки – интересная и доступная подача материала по учебному предмету в виде видеоролика. С его помощью ученики могут повторить изученный материал. Вместе с тем данная платформа полезна и учителям, так как они могут воспользоваться имеющимися презентациями, конспектами, перенять формат подачи материала и т. д.

Исходя из сказанного, можно обобщить, что основная деятельность учителя татарского языка заключается в организации коллективной речевой коммуникации и актуализации знаний на основе создания положительного психологического климата на уроке; в оказании помощи учащимся в достижении предметных результатов; в использовании интерактивных приемов и деятельностных видов работы; в положительном оценивании деятельности учащихся; в стимулировании интереса к изучению родного языка; повышении качества и результативности урочной и внеурочной работы по предмету.

Практика показывает, что для успешной организации содержательной профессиональной деятельности, направленной на развитие личности школьника, учителю родного (татарского) языка необходимо владеть определенными общепедагогическими компетенциями, среди которых наиболее

важными считаются социальные способности (строить конструктивные отношения со всеми участниками образовательного процесса; выслушивать и принимать во внимание взгляды других; дискутировать и защищать свою точку зрения; критически относиться к материалам средств массовой информации и ориентироваться в информационном пространстве; брать ответственность на себя и принимать правильное решение в конкретной жизненной ситуации и т. д.). Не менее важную роль в учебном процессе играют организаторские способности учителя (разделить обязанности между учащимися и рационально организовать их работу на уроках, мотивировать их на активную познавательную деятельность, обращать особое внимание на самостоятельную деятельность учащихся и объективно ее оценивать, подводить итоги, сплотить классный коллектив, найти подход к каждому ученику и т. д.). Особое место в современной школе отводится дидактическим способностям учителя родного языка (создать проблемную ситуацию, чтобы учащиеся могли самостоятельно определить тему и цели урока; доступно и понятно объяснять языковой и речевой материал; использовать в учебном процессе наиболее продуктивные технологии, дополнительные материалы, наглядные пособия; развивать творческие качества учащихся; воспитывать у них эмоционально-ценностное отношение к родному языку; пробуждать интерес к своему предмету и сохранять его на протяжении всего периода обучения в школе и т. д.). Современному учителю родного языка жизненно необходимы также перцептивные способности (умение объективно анализировать эмоциональное состояние и поведение учащихся; выявлять у них индивидуальные и психологические особенности; проникать в духовный мир учащихся и т. д.). Наряду с вышеперечисленными компетенциями учителю важно обладать суггестивными способностями, которые заключаются в умении оказывать на учащихся эмоциональное влияние на уроках и во внеурочной работе. Исследовательские способности необходимы учителю родного языка, чтобы объективно оценивать весь педагогический процесс или конкретную ситуацию на уроке; вести педагогическое наблюдение и исследовательскую деятельность. Помимо всего сказанного, каждый учитель родного языка стремится к усвоению и практическому применению новых методов и приемов работы, новых технологий в области языкового образования, к самообразованию,

развивая в себе научно-познавательную способность. Именно эта способность необходима учителю родного языка, который принимает участие в профессиональных конкурсах и защищает честь своего района, города, республики. Для того чтобы успешно выдержать различные испытания (методическая мастерская, урок, классный час, мастер-класс) учитель должен продемонстрировать свое творческое развитие, готовность к решению новых образовательных задач. Участие в таких конкурсах дает возможность учителю родного языка обмениваться передовым опытом, распространять идеи по обновлению содержания своей профессиональной деятельности. Ежегодно в Республике Татарстан проходит конкурс «Лучший учитель родного (татарского) языка и родной (татарской) литературы», где участвуют победители зональных и городских этапов конкурса и демонстрируют свое методическое мастерство, педагогические достижения и находки. Победитель представляет республику на Всероссийском профессиональном конкурсе «Лучший учитель родного языка и родной литературы», организуемом ежегодно Министерством просвещения РФ и Федеральным институтом родных языков народов РФ. Отрадно отметить, что учителя родного (татарского) языка РТ являются лауреатами и финалистами этого мероприятия. Также учителя родных языков ежегодно принимают участие во Всероссийском конкурсе мастер-классов «Туган тел», который организуется Министерством образования и науки РТ. Лучшие из лучших показывают свой уникальный методический опыт, работу по самообразованию и добиваются победы в различных номинациях.

Кроме общепедагогических компетенций следует выделить методические способности учителя родного языка: правильно планировать структуру современного урока; ставить учебные цели и решать задачи; самостоятельно подбирать дополнительные материалы к уроку; строить учебный процесс с учетом индивидуальных и возрастных особенностей учащихся; использовать деятельностные виды работы на уроках (составление мозаики или пазлов, учебная дискуссия или тематический диалог, видеообсуждение, ролевые игры, брифинг, мозговой штурм, диспут, ток-шоу, виртуальная экскурсия и т. д.), а также проводить уроки в различном формате (урок-путешествие, урок-экскурсия, урок-соревнование и т. д.); постоянно пополнять свою методическую копилку, быть в поиске нового, делиться передовым педагогическим опытом.

Благодаря этим способностям учитель родного языка создает условия для развития у учащихся необходимых умений и навыков для успешной адаптации в современном мире; активной жизненной позиции и стремления к реализации личностного потенциала. На уроках учащиеся приобретают навыки аргументированно излагать свои мысли при общении, отстаивать свою точку зрения, быть вежливыми и внимательными собеседниками.

Вопросы реализации обновленных федеральных стандартов при обучении родному (татарскому) языку связаны также с обновлением действующих учебников и созданием новых учебно-методических комплектов. В соответствии с ФГОС НОО авторами данной статьи были разработаны новые учебно-методические комплекты по татарскому языку для полилингвальных школ «Адымнар». Они представляют собой средства обучения нового поколения, в котором учтены современные тенденции и методические требования к составлению учебников по родным языкам [6]. Методическую основу новых учебников татарского языка составляет система заданий, направленных на организацию коллективной, групповой, индивидуальной деятельности учащихся; обобщение и систематизацию полученных знаний; практическое использование изученного материала при самостоятельном выполнении заданий; сравнение и анализ изученной информации; самооценку (взаимооценку) работы на уроке, самостоятельное исправление ошибок; самоанализ учебной деятельности. В отличие от действующих УМК по татарскому языку в данных учебниках уделено отдельное внимание обновлению тематического содержания. Они содержат следующие разделы: «Мин. Я»; «Әйләнә-тирә дөнья. Мир вокруг меня»; «Ватаным. Моя Родина»; «Татар дөньясы. Мир татарского народа». Каждый раздел состоит из нескольких тем, при изучении которых учащиеся погружаются в этнокультурное пространство и расширяют культурологические знания, углубляют языковые знания, совершенствуют из года в год навыки устной и письменной речи и получают многообразную информацию о татарском мире. Отличительной особенностью новых учебников является и то, что в них впервые включены такие темы, как «Кырлайга сәяхәт» («Путешествие в Кырлай»), «Милли киёмнәр» («Национальная одежда»), «Кунакчыл шәһәр» («Гостеприимный город»), «Татар авылында» («В татарской деревне»), «Россия халыклары бәйрәмнәре» («Праздники народов

России»), «Жир буйлап сәяхәт» («Путешествие по миру») и т. д. Названия тем говорят о том, что учащиеся усваивают интересный материал об этноменталитете татарского народа, о его национальном своеобразии, получают полезные сведения о национальных праздниках народов нашей страны, о народах мира. Авторы также сделали акцент на развитие у младших школьников навыков аудирования и говорения, о чем свидетельствуют многообразные задания, представленные в учебниках. Говоря о новых учебниках, хочется также подчеркнуть: во-первых, они нацелены на достижение планируемых предметных результатов при обучении родному (татарскому) языку; во-вторых, направлены на повышение профессиональных навыков учителя, так как они отражают самые перспективные подходы в обучении родным языкам. В дальнейшем работа в данном направлении будет продолжена авторским коллективом, и УМК «Адымнар» будет составлять отдельную завершённую линию наряду с другими изданиями по татарскому языку.

Говоря о деятельности учителя родного (татарского) языка в условиях внедрения обновленных стандартов, мы считаем значимым подчеркнуть, что при организации учебной и внеурочной деятельности важно воспитывать у школьников чувство национальной гордости. У каждого народа есть выдающиеся личности, которые внесли огромный вклад в развитие культуры и науки (писатели и поэты, ученые и художники, певцы и композиторы и т. д.). Учитель должен воспитывать учащихся на их примере, чтобы они стали достойными сыновьями и дочерьми своего народа, своей страны. Поэтому опытные учителя татарского языка уделяют отдельное внимание организации различных внеклассных и общешкольных мероприятий по своему учебному предмету (викторины, творческие конкурсы, конкурсы рисунков о своем родном крае, интеллектуальные игры, театрализованные и литературные постановки, издание стенгазет, квизы и квесты, стихотворные флешмобы, онлайн-марафоны, экскурсии в музеи известных татарских деятелей и т. д.). Учителя готовят своих учеников для участия в различных внешкольных конкурсах районного и республиканского масштаба. Ежегодно для школьников проводятся Республиканские научно-практические конференции («Джалиловские чтения», «Хаковские чтения», «Татарская лингвокультурология: проблемы и перспективы», «Татарский язык, литература и

история: прошлое, настоящее, будущее», «Международная молодежная конференция имени Каюма Насыри», «Республиканская научно-практическая конференция имени Х. Ю. Миннегулова» и т. д.). Благодаря участию в таких конференциях у учащихся развиваются исследовательские навыки, они приобщаются к духовной культуре татарского народа. Ежегодно на муниципальном и республиканском уровнях организуются конкурсы для учащихся общеобразовательных школ: «Татар кызы», «Татар егете», «Если хочешь затронуть душу народа ...», посвященный дню рождения Г.Тукая; конкурс творческих работ «Мой Татарстан», республиканский фестиваль «Калейдоскоп культур», молодежный фестиваль «Безнен заман. Наше время», открытый республиканский телевизионный конкурс «Созвездие – Йолдызлык» и т. д. В последние годы особой популярностью пользуется конкурс художественного слова «Татар сүзе» («Татарское слово»), в котором учащиеся разных возрастов декламируют наизусть стихи татарских поэтов. Кроме всего этого, учителя татарского языка привлекают учащихся своих школ к участию в программе «Учимся говорить и писать по-татарски» детского телеканала «Шаян-ТВ», в акции «Мин татарча сөйләшәм» («Я говорю по-татарски»). Интересен опыт сельских учителей родного (татарского) языка, которые проводят в конце учебного года детский Сабантуй, куда приглашают учащихся из соседних школ, родителей. Школьники принимают активное участие в народных играх и соревнованиях (разбивание горшка, бег в мешках, бой с мешками, таскание воды на коромысле и т. д.), выступают с концертными номерами. Веселая атмосфера праздника пробуждает в душе каждого участника положительные эмоции, способствует развитию таких нужных качеств личности, как взаимопомощь, активность, гостеприимность, дружелюбие, любовь к родному краю, уважение к этническим традициям и обычаям.

В целом, внеурочная деятельность создает творческую атмосферу среди школьников, формирует ситуацию успеха, углубляет их знания по татарскому языку и литературе, совершенствует речевые навыки, развивает у них коммуникативную культуру. Участие и победа каждого ученика в таких мероприятиях становится настоящим подарком для педагога и придает новый импульс для дальнейшего творческого роста, творческой инициативы. Благодаря системной и последовательной работе учитель воспитывает у школьников уважение к

родному языку. В начальной школе учащиеся слушают татарские сказки, поют татарские песни и исполняют татарские танцы, рассказывают стихи; в основной школе читают произведения видных татарских писателей, смотрят спектакли на татарском языке, посещают музеи известных татарских деятелей. Всё это способствует тому, что они проникаются любовью к своим корням, национальной культуре, учатся передавать ее из поколения в поколение. Подтверждением важности этой работы учителя родного языка служат слова известного татарского учёного и просветителя Ризаэддина Фахреддина: «Воспитание, полученное в детстве, впоследствии не сможет изменить даже всё человечество» [7, с. 134]. Опыт многих учителей республики показывает, что уроки родного (татарского) языка и внеурочная работа обладают большим воспитательным потенциалом для личностного развития учащихся, формирования у них ценностных ориентиров и позитивной социализации.

Таким образом, реализация обновленных стандартов общего образования при обучении татарскому языку предусматривает организацию учебного процесса на основе системно-деятельностного и личностно-ориентированного подходов, использование наиболее эффективных педагогических технологий, создание условий для проявления самостоятельности и творчества учащихся. Каждая общеобразовательная школа с опорой на особенности своего региона и своего уклада реализует требования федерального стандарта по гражданскому, духовно-нравственному, патриотическому, эстетическому воспитанию подрастающего поколения.

В заключение хочется отметить, что особенность федеральных стандартов общего образования заключается в том, что они носят деятельностный характер и ставят главной целью развитие личности школьника. Вот почему учителю родного (татарского) языка необходимо добиваться в профессиональной деятельности средствами своего учебного предмета реальных результатов в развитии личности каждого учащегося. В нынешних условиях для каждой общеобразовательной школы внедрение обновленных федеральных стандартов – это целенаправленный и организуемый учителями процесс на основе комплексности и системности.

Публикация подготовлена в рамках НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур ИФМК КФУ.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 12.06.2023)
2. Язык народа. Из сочинений К. Д. Ушинского. URL: <https://russianclassicalschool.ru> (дата обращения: 12.06.2023)
3. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo> (дата обращения: 12.06.2023)
4. Единое содержание общего образования. URL: https://edsoo.ru/Rabochie_programmi_po_uch.htm (дата обращения: 12.06.2023)
5. Полат Е. С., Бухаркина М. Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Под ред. Е. С. Полат. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 368 с.
6. Адымнар. Татар теле. 4 нче сыйныф: гомуми белем бирү оешмалары өчен уку әсбабы. 2 кисәктә. / Р. Р. Жамалетдинов, Э. Н. Денмөхәмәтова, Р. К. Сәгъдиева, Г. Р. Галиуллина, К. С. Фәтхуллова. Казан: Татар. кит. нәшр. 2022. 112 б.
7. Фахредин Р. Жизнь длиною в жизнь. Казань: Рухият, 2014. 148 с.

References

1. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. URL:

<http://www.constitution.ru/> (accessed: 12.06.2023). (In Russian)

2. *Yazyk naroda. Iz sochinenii K. D. Ushinskogo* [Language of the People. From the Works of K. D. Ushinsky]. URL: <https://russianclassicalschool.ru> (accessed: 12.06.2023). (In Russian)

3. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Federal State Educational Standard of Basic General Education]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-ooo> (accessed: 12.06.2023). (In Russian)

4. *Edinoe soderzhanie obshchego obrazovaniya* [Unified Content of General Education]. URL: https://edsoo.ru/Rabochie_programmi_po_uch.htm (accessed: 12.06.2023). (In Russian)

5. Polat, E. S., Bukharkina, M. Yu. (2010). *Sovremennye pedagogicheskie i informatsionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya* [Modern Pedagogical and Information Technologies in the Education System]. Pod red. E. S. Polat. 368 p. Moscow, Izdatel'skii tsentr "Akademiya". (In Russian)

6. *Adymnar. Tatar tele. 4 nche syinyf: gomumi bel-em biry oeshmalary ochen uku asbavy. 2 kisakta* (2022) [Steps. Tatar Language. Grade 4: A Study Guide for General Education Organizations. In 2 pieces]. R. R. Zhamaletdinov, E. N. Denmökhametova, R. K. Säğ'dieva, G. R. Galiullina, K. S. Fätkhullova. 112 b. Kazan, Tatar. kit. nashr. (In Tatar)

7. Fakhreddin, R. (2014). *Zhizn' dlinoyu v zhizn'* [A Life Long Life]. 148 p. Kazan', Rukhiyat, (In Russian)

The article was submitted on 12.11.2023

Поступила в редакцию 12.11.2023

Замалетдинов Радиф Рифкатович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sovet.rus16@gmail.com

Фатхуллова Кадрия Сунгатовна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ стратеги-
ческих исследований в области родных язы-
ков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
kadria.kgu@mail.ru

Zamaletdinov Radif Rifkatovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sovet.rus16@gmail.com

Fathullova Kadriya Sungatovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Senior Researcher at the Center for Strategic
Research in the Field of Native Languages and
Cultures
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
kadria.kgu@mail.ru

Денмухаметова Эльвира Николаевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
руководитель НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
elvir25@mail.ru

Сагдиева Рамиля Камиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
старший научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ram-sag777@mail.ru

Галиуллина Гульшат Раисовна,
доктор филологических наук,
профессор,
ведущий научный сотрудник НОЦ стратегических исследований в области родных языков и культур,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
caliullina@list.ru

Denmukhametova Ilvira Nikolaevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Supervisor at the Center for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
elvir25@mail.ru

Sagdieva Ramilya Kamilovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Senior Researcher at the Center for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ram-sag777@mail.ru

Galiullina Gulshat Raisovna,
Doctor of Philology,
Professor,
Leading Researcher at the Center for Strategic Research in the Field of Native Languages and Cultures,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
caliullina@list.ru

УДК 372.881.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-224-232

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

© Светлана Косцова

THEORETICAL FOUNDATIONS OF THE META-SUBJECT RESULTS FORMATION IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS: BASED ON THE BASHKIR LANGUAGE LEARNING

Svetlana Kostsova

The article discusses the theoretical aspects of meta-subject results formation in primary school students in accordance with the updated Federal State Educational Standard of Primary General Education. We analyze the meta-subject educational results and approaches, for students in various subject areas, based on the development of universal learning activities including the subject area “Native language and literary reading in the native language”. In this study, the interpretation of the term “meta-subject” is given, according to which the development of universal educational actions among students takes place in various subject areas, in particular within the subject area “Native language and literary reading in the native language”. The article highlights that the study of state languages contributes to the formation of a multilingual and multicultural personality, which enhances the development of a more harmonious society where respect and recognition of other peoples become key values. We present the analysis of a number of laws and documents regulating the study of the state Bashkir language in schools of the Republic of Bashkortostan. The article focuses on the planned results proposed in the Approximate Curriculum for the academic subject “The State (Bashkir) language of the Republic of Bashkortostan” at the level of general primary education.

Keywords: meta-subject, meta-subject results, primary school, Bashkir language, universal educational activities

В статье рассматриваются теоретические аспекты проблемы формирования метапредметных результатов у учеников начальной школы в соответствии с обновленным федеральным государственным образовательным стандартом начального общего образования. Анализируются метапредметные образовательные результаты и подходы, основанные на развитии универсальных учебных действий у обучающихся в различных предметных областях, в том числе в рамках предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке». В данном исследовании дается интерпретация термина «метапредметность», согласно которой развитие у обучающихся универсальных учебных действий происходит в различных предметных областях, в частности в рамках предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке». В статье отмечается, что изучение государственных языков способствует формированию полилингвальной и поликультурной личности, что способствует развитию более гармоничного общества, где ключевыми ценностями становятся уважение и признание других народов. Приводится анализ ряда законов и документов, регулирующих изучение государственного башкирского языка в школах Республики Башкортостан. Конкретизируются планируемые результаты, предлагаемые в Примерной рабочей программе для учебного предмета «Государственный (башкирский) язык Республики Башкортостан» на уровне начального общего образования.

Ключевые слова: метапредметность, метапредметные результаты, начальная школа, башкирский язык, универсальные учебные действия

Для цитирования: Косцова С. Теоретические основы формирования метапредметных результатов обучающихся начальной школы при изучении башкирского языка // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 224–232. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-224-232

Обновленный Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (далее – ФГОС НОО) от 1 сентября 2022 г. (утвержден приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021), уделяет особое внимание формированию метапредметных образовательных результатов [1]. Так, в рамках ФГОС НОО большое внимание уделяется развитию учеников не только в каких-либо определенных предметных областях, но и в том числе в приобретении общих компетенций и навыков, которые могут применяться в различных учебных и жизненных ситуациях.

В ФГОС НОО метапредметные образовательные результаты определяются как результаты обучения, связанные с развитием метапредметных умений, навыков и компетенций обучающихся. Они направлены на формирование универсальных способностей, которые, в свою очередь, необходимы для успешного обучения и развития обучающихся в различных предметных областях.

Метапредметные образовательные результаты призваны обеспечить более глубокое и всестороннее обучение, тем самым помогая обучающимся лучше понимать применение полученных знаний и навыков в разнообразных ситуациях. Данные результаты поддерживают развитие учебной самостоятельности, критического мышления, коммуникативных навыков и других не менее важных компетенций, которые оказывают влияние на успех обучающихся как в учебе, так и в жизни в целом. Так, ФГОС НОО акцентирует внимание на необходимости развития метапредметных образовательных результатов с целью подготовки учеников к активной и продуктивной жизни в современном обществе.

К числу метапредметных образовательных результатов, определенных в ФГОС НОО, относятся следующие:

1. Развитие учебных навыков, таких как планирование учебной деятельности, организация учебного процесса, самоконтроль и оценка своих достижений обучающимися, а также развитие мотивации к обучению, саморефлексии и саморегуляции.

2. Развитие у обучающихся навыков поиска, анализа, оценки, интерпретации и использования информации в различных источниках, а также развитие критического мышления, критического оценивания информации и способности принимать аргументированные решения.

3. Развитие навыков эффективного взаимодействия и общения с окружающими людьми, умение грамотно выражать свои мысли, внима-

тельно слушать и понимать других, участвовать в диалоге.

4. Развитие таких навыков, как анализ имеющейся проблемы, поиск и принятие решений, оценка эффективности действий.

5. Развитие у обучающихся навыков сотрудничества, умения работать в команде совместно с другими учениками, относиться с уважением к их мнению и принимать во внимание различные точки зрения [Там же].

В ФГОС НОО указано, что формирование метапредметных образовательных результатов должно осуществляться в процессе изучения всех учебных дисциплин, а также через применение различных методов организации учебной деятельности. К таким методам можно отнести проектную и исследовательскую работы, проблемное обучение и прочее. Как можно заметить, целью ФГОС НОО является не только получение учащимися определенных знаний в процессе изучения отдельных дисциплин, но и развитие у них более широких компетенций, которые будут полезны и в других сферах жизни. Соответственно, можно сделать вывод, что метапредметные образовательные результаты формируются не только в процессе традиционной формы обучения, но и с помощью применения других различных методов обучения.

Метапредметные результаты представляют собой основные компетенции, которые содержатся в основе способности личности к обучению, и направлены на обеспечение развития у учащихся универсальных учебных действий (далее – УУД). В перечень метапредметных образовательных результатов включены базовые универсальные учебные действия – познавательные, коммуникативные и регулятивные. Все перечисленные УУД являются главными компонентами в построении эффективного образовательного процесса в начальной школе.

Универсальные познавательные учебные действия включают в себя:

- формирование способности самостоятельно формулировать и актуализировать проблему, рассматривать ее всесторонне;

- развитие креативного мышления при решении жизненных проблем;

- владение навыками учебно-исследовательской и проектной деятельности, навыками разрешения проблем;

- обладание навыками готовности к самостоятельному поиску методов решения практических задач, применению различных методов познания;

- способность владеть навыками получения информации из источников разных типов,

самостоятельно осуществлять поиск, анализ, систематизацию и интерпретацию информации различных видов и форм представления.

Универсальные коммуникативные действия включают в себя:

- формирование умения осуществлять коммуникации во всех сферах жизни;
- владение различными способами общения и взаимодействия; способность аргументированно вести диалог;
- понимание и использование преимуществ командной и индивидуальной работы;
- умение выбирать методы совместных действий с учетом общих интересов и возможностей каждого члена коллектива;
- обсуждение результатов совместной работы;
- оценивание качества своего вклада и каждого участника команды в общий результат;
- осуществление позитивного стратегического поведения в различных ситуациях.

Универсальные регулятивные действия включают в себя:

- формирование способности самостоятельно осуществлять познавательную деятельность, выявлять проблемы, ставить и формулировать собственные задачи в образовательной деятельности и жизненных ситуациях;
- умение самостоятельно составлять план решения проблемы с учетом имеющихся ресурсов, собственных возможностей и предпочтений;
- способность давать оценку новым ситуациям и т. д.;
- способность к самосознанию, саморегулированию, самоконтролю, умению принимать ответственность за свое поведение;
- способность принимать себя, понимать свои недостатки и достоинства;
- принятие мотивов и аргументов других людей при анализе результатов деятельности;
- признание своего права и права других людей на ошибки.

Формирование метапредметных результатов на уроках башкирского языка в начальной школе может быть организовано с использованием различных заданий, которые способствуют развитию общих учебных навыков и компетенций. Вот несколько примеров. Например:

а) Продолжите пословицу:

- Калған эшкә ...
- Якшы һүз- ...
- Ололарға кесе бул, ...
- Бер рәхмәт мең бәләнән ...
- Батыр бер үлер, ...

б) Найди правильную пару:

Эт һөт бирә

Этәс йорт һаклай
Һыйыр йомортка һала
Тауык уята
Ат йөк ташый

в) Прочитайте слово:

- бл, кбк, крғ, кл (А)
- Бала, кабак, карға, кала.
- Тлк, йрэк, стэл, кск (Ө)
- Брс, крс, крт, блт (О)
- тс, сй, клм, кит (Ә)

г) Кто победитель?

- К хәрәфенә башланған һүзәрзе тезеп язығыз. Иң күп язған кеше енеүсе.

Так, формирование коммуникативных, регулятивных и познавательных УУД в начальной школе играет главную роль в процессе обучения и всестороннего развития учащихся. Все перечисленные компетенции способствуют развитию необходимых навыков и умений у учащихся, которые, в свою очередь, становятся фундаментом для их дальнейшего обучения и развития [2].

Авторы Л. А. Безбородова и А. С. Жук [3, с. 63] отмечают, что, для того чтобы достичь развития метапредметных образовательных результатов у учащихся, необходимо соблюдать определенную структуру построения образовательного процесса в рамках изучения того или иного предмета, которая включает в себя несколько этапов построения образовательного процесса:

- мотивация к деятельности – предполагает создание интереса и мотивации учащихся к выполнению поставленных перед ними задач, что может быть достигнуто через интересные задания, примеры или практическую значимость деятельности;
- подготовка к деятельности – учащиеся готовятся к выполнению задачи или проекта, что включает в себя поиск и сбор необходимой информации, изучение теоретических основ, приобретение необходимых навыков;
- непосредственная деятельность – включает в себя выполнение задачи или проекта, который может быть познавательным, исследовательским, коммуникативным или связанным с развитием речи;
- обмен информацией между учащимися и учителем (или другими участниками образовательного процесса) – позволяет проверить промежуточные результаты и получить обратную связь;
- формулирование выводов – учащиеся анализируют полученные результаты, делают выводы и обобщения на основе проделанной работы;
- подведение итогов – делается обобщенный вывод о выполнении задачи или проекта;

– оценивание результатов – проведение контроля результатов деятельности с целью понимания успешности достижения цели;

– рефлексия – проведение анализа выполнения задачи, выводы.

Необходимо отметить, что в обучении необходимо следовать единым подходам к пониманию содержания «метапредметности», а также к постановке целей и задач, при этом учитывая особенности той или иной формы работы и потребностей обучающихся, так как это будет способствовать обеспечению построения более эффективного образовательного процесса.

Метапредметный подход в образовании ориентирован, прежде всего, не только на овладение обучающимися конкретными предметными знаниями, но и развитие способностей к самостоятельному поиску и использованию информации, критическому мышлению, анализу, синтезу и применению знаний в различных сферах жизни.

Основная цель метапредметного подхода состоит в развитии у учащихся универсальных учебных действий, которые позволят им не только изучать конкретные предметы, но и применять полученные знания и навыки в реальных ситуациях. Такой подход помогает развивать информационные навыки, анализировать, оценивать и применять полученные знания в различных контекстах.

Метапредметный подход также фокусируется на развитии ключевых компетенций, таких как коммуникабельность, независимость, креативность, критическое мышление. Это способствует формированию у обучающихся навыков самоорганизации, саморегуляции, самостоятельного и творческого мышления.

В целом, метапредметный подход помогает ученикам развить навыки активного и самостоятельного обучения, которые помогут им успешно функционировать в информационном обществе и адаптироваться к постоянно меняющимся условиям жизни и работы [4, с. 548].

Согласно выводам О. В. Коршуновой, метапредметный подход позволяет учащимся не только усваивать конкретные знания и навыки, но и развивать более общие и когнитивные способности, такие как аналитическое и теоретическое мышление, умение абстрагироваться и видеть связи между различными областями знаний. Кроме того, упомянутый уровень формирования целостной картины мира указывает на способность школьника видеть взаимосвязи и интегрировать знания из различных предметных областей. Все это может служить важным показателем успешности применения метапредметного подхода в образовании, поскольку он указывает на

развитие у школьников более высоких когнитивных навыков и способностей, которые могут быть полезными в их дальнейшем образовании и жизни [5, с. 179].

Понятие «метапредметность» представляет собой довольно сложную и многогранную концепцию в образовании. На данный момент в научном сообществе еще не существует общепринятой и универсальной интерпретации данного понятия, в связи с чем различные исследователи придают ему разные значения, а также делают различные акценты в контексте своих работ и исследований.

Авторы Н. В. Громыко, М. В. Половкова [4], А. В. Хуторской [6], П. С. Пурешева, Н. В. Ромашкина, О. А. Крысанова [7] одними из первых проводили исследования по данной тематике и выделили главные, по их мнению, концепции метапредметности:

1. Метапредметность как метакомпетентность. Исходя из данной концепции, метапредметность представляет собой умения и навыки, которые позволяют обучающимся реализовывать мыслительную деятельность на более высоком эффективном уровне, что включает в себя умение анализировать, сравнивать, обобщать, выделять принципы и закономерности, формулировать гипотезы, решать проблемы и прочее. Данная концепция концентрирует внимание прежде всего на развитии у обучающихся умений и компетенций, которые переносятся из одной предметной области в другую [4, с. 548].

2. Метапредметность как формирование предметных знаний и умений через метапредметные активности. Согласно этому убеждению, метапредметность представляет собой способ развития предметных знаний и умений через применение метапредметных стратегий и активностей, что включает в себя умение обобщать, анализировать, выделять существенные особенности и прочее. Через метапредметные активности ученики развивают свои предметные компетенции и способности [Там же].

3. Метапредметность как метапредметное знание. Исходя из данного представления, метапредметность – знание о структуре предметных явлений, о стратегиях и методах их построения и применения. Данная концепция включает в себя понимание логической структуры знания, понимание методов исследования и оценки достоверности информации, что способствует более осознанному и гибкому применению предметных знаний и умений учащимися [Там же, с. 549].

Все выше перечисленные концепции имеют свои особенности, которые до сих пор являются

объектом научных исследований и дискуссий среди педагогического сообщества.

Н. В. Громыко и М. В. Половкова говорят о том, что метапредметные компетенции и навыки создают определенные условия для того, чтобы обучающиеся могли осознать и анализировать собственные знания, а также планировать и исправлять свои учебные навыки. Так, вместо того чтобы просто усваивать факты и информацию, школьники могут использовать метапредметные навыки для анализа и решения реальных ситуаций, которые для них интересны и важны [Там же].

Авторы обуславливают метапредметную деятельность также и как метод работы с определенными предметными понятиями, схемами и моделями. Данная деятельность включает в себя не только изучение и использование предметных знаний и умений, но и в том числе методы анализа, сравнения, систематизации, абстрагирования. Также Н. В. Громыко подчеркивает, что метапредметная деятельность играет значительную роль не только в образовательном процессе, но и в жизни в целом, поскольку она способствует развитию критического и творческого мышления, умения анализировать сложные задачи, замечать новые пути их решения [Там же, с. 550]. Метапредметная деятельность способствует также развитию самостоятельности и активности, способности адаптироваться к изменяющимся условиям и умениям справляться с вызовами современного мира.

А. В. Хуторской, выражая свою позицию по отношению к метапредметности, полагает, что она не должна быть оторвана от содержания конкретных предметов обучения, а, напротив, должна рассматриваться в тесной взаимосвязи с другими предметами обучения и быть интегрированной в них. Так, автор подчеркивает, что метапредметность не является самоцелью, а представляет собой средство для более углубленного и осмысленного изучения тех или иных предметов [6, с. 71].

Авторы П. С. Пурышев, Н. В. Ромашкина и О. А. Крысанова определяют метапредметные результаты как способы деятельности, которые приобретаются учениками в процессе изучения ими различных учебных предметов. При этом абсолютно все способы деятельности могут использоваться не только в рамках обучения, но и в различных жизненных ситуациях, что играет значительную роль в развитии учащихся. Соответственно, метапредметные результаты помогают развивать универсальные навыки и компетенции, такие как анализ, синтез, критическое

мышление, коммуникация, творческое мышление и др. [7, с. 12].

Мы разделяем точки зрения А. В. Хуторского и Н. В. Громыко и полагаем вслед за авторами, что метапредметные результаты неотделимы от предметной составляющей, поскольку они формируются в процессе изучения всех учебных дисциплин, предусмотренных учебной программой, и при этом каждый предмет, в силу своих специфических особенностей, вносит значимый вклад в развитие метапредметных умений.

Так, принимая во внимание эти два подхода, мы выяснили, что метапредметная деятельность, развивающаяся в процессе изучения одного предмета, способна оказывать влияние и на изучение других учебных дисциплин, что, в свою очередь, способствует развитию метапредметных и предметных навыков на более эффективном уровне. Они являются взаимосвязанными и способствуют развитию у учащихся общих учебных способностей и компетенций, которые могут применяться в различных областях и тем самым способствовать повышению качества образования в целом.

Ф. Ф. Харисов отмечает, что изучение государственных языков способствует формированию полилингвальной и поликультурной личности [8]. Данный подход имеет несколько ключевых преимуществ, а именно:

- изучение государственных языков позволяет учащимся в большей мере понять культурное наследие и богатство отдельных регионов РФ;
- навыки общения на разных языках являются полезным инструментом взаимодействия с носителями других культур, что является актуальным, так как на территории РФ проживает большое количество народов со своей культурой и своим языком;
- изучение государственных языков помогает сохранить и развивать языковое многообразие и культурное наследие отдельных регионов.

Соответственно, развитие полилингвальной и поликультурной личности с помощью изучения государственных языков способствует развитию более гармоничного общества, где ключевыми ценностями становятся уважение и признание других народов.

Изучение государственного башкирского языка в школах Республики Башкортостан организовано в соответствии с законодательством РФ и Республики Башкортостан:

1. Изучение государственного (башкирского) языка осуществляется в соответствии с общероссийским законодательством РФ, регулирующим образование и языковую политику.

2. Концепция преподавания государственных и родных языков народов республики (утверждена Указом Главы Республики Башкортостан № УГ-613 от 30.12.2020 года) определяет принципы и подходы к преподаванию государственных языков, включая башкирский язык) [9].

3. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 года № ВС-22/15 (с изменениями и дополнениями) также устанавливает основы языковой политики и права на изучение и использование государственного языка на территории республики [10].

4. Закон Республики Башкортостан от 1 июля 2013 года № 696-з «Об образовании в Республике Башкортостан» (с изменениями и дополнениями) регулирует систему образования в Республике Башкортостан и включает положения о преподавании государственного языка в школах [11].

Все вышеперечисленные законы и документы, несомненно, обеспечивают правовую основу для организации и проведения учебного процесса по изучению государственного (башкирского) языка в школах Республики Башкортостан.

Учебный предмет «Государственный (башкирский) язык Республики Башкортостан» изучается во всех государственных и муниципальных образовательных организациях, находящихся на территории республики, что соответствует законодательству республики и ФГОС НОО в рамках предметной области «Родной язык и литературное чтение на родном языке». Башкирский язык изучается непосредственно по заявлениям родителей или законных представителей несовершеннолетних обучающихся [12].

Такое положение указывает на то, что родители или законные представители могут выбрать изучение государственного (башкирского) языка для своих детей в качестве части программы по родному языку и литературному чтению. Исходя из этого, обучающиеся получают возможность изучать башкирский язык и развивать навыки владения им в соответствии с установленными стандартами и программами обучения. Это условие является достаточно значимым и помогает сохранять и развивать язык и культуру народа Башкортостана. Изучение государственного (башкирского) языка способствует развитию умения и способности использовать его в повседневной жизни, общении и дальнейшем образовании.

Примерная рабочая программа для учебного предмета «Государственный (башкирский) язык Республики Башкортостан» на уровне начального общего образования может включать такие планируемые результаты, как личностные, мета-

предметные, предметные. Приведем примеры этих результатов.

Личностные результаты:

1. Формирование положительного отношения к изучению башкирского языка и культуре башкирского народа.

2. Развитие интереса к освоению башкирского языка и желания применять его в повседневной жизни.

3. Формирование толерантности и уважения к многоязычию и многонациональной культуре Республики Башкортостан.

Метапредметные результаты:

1. Развитие коммуникативных компетенций на башкирском языке, которые способствуют развитию умения обучающихся вести диалоги, задавать вопросы, выражать свои мысли и понимать речь собеседника.

2. Формирование навыков работы с различными источниками информации на башкирском языке (тексты, аудиозаписи, видеоматериалы) и умения извлекать необходимую информацию.

3. Развитие навыков чтения и письма на башкирском языке, в том числе умения понимать простые тексты и составлять их, писать короткие сообщения.

Предметные результаты:

1. Изучение базовых лексических и грамматических единиц башкирского языка.

2. Развитие навыков понимания на слух речи на башкирском языке.

3. Развитие умения построить монологическую и диалогическую речь на башкирском языке в соответствии с его правилами.

Все вышеперечисленные умения и навыки способствуют развитию у учащихся способности общаться на башкирском языке, понимать и относиться с уважением к культуре родного края.

В процессе изучения башкирского языка у учащихся могут формироваться различные метапредметные результаты:

– универсальные учебные познавательные действия (навыки анализа и синтеза полученной информации на башкирском языке; умения обобщать и систематизировать полученные знания; навыки самостоятельного поиска и применения информации; умения применять полученные знания в новых ситуациях);

– универсальные учебные коммуникативные действия (навыки понимания и толкования текстов на башкирском языке; умения грамотно выражать свои мысли на башкирском языке; навыки общения с другими обучающимися с использованием башкирского языка; умения приспосабливаться к всевозможным коммуникативным обстоятельствам на башкирском языке);

– универсальные учебные регулятивные действия (умения планировать и организовывать учебную деятельность при изучении языка; умения проверять и оценивать свои результаты при изучении языка; навыки самоконтроля в процессе изучения башкирского языка; умения решать учебные задачи на башкирском языке).

Безусловно, описанные примеры метапредметных результатов являются только лишь частью тех, которые могут быть сформированы у учащихся начальной школы при изучении башкирского языка. Окончательные результаты будут зависеть от конкретной программы обучения и тех методов, которые будут применяться в процессе его изучения.

Определяющее значение в аспекте формирования метапредметных результатов имеет разработка образовательных программ, поскольку именно они способствуют всестороннему развитию у учеников знаний башкирского языка с учетом их потребностей. Также значимая роль отводится и методам, применяемым на уроках башкирского языка, которые должны повышать интерес учащихся к его изучению. Соответственно, повышая интерес учащихся к изучению башкирского языка, педагог способствует не только получению знаний в этой области, но и формированию метапредметных результатов у учащихся.

Так, с целью повышения интереса к изучению башкирского языка на уроках могут быть использованы различные элементы ведения урока:

– включение интерактивных элементов в процесс проведения урока, например, игры, диалога и групповых заданий;

– использование современных образовательных технологий, например, компьютерных программ, мультимедийных материалов и онлайн-ресурсов, что позволяет сделать обучение учащихся более привлекательным и доступным;

– создание ситуаций, в которых учащиеся могут использовать башкирский язык непосредственно на практике, например, через общение с носителями языка или с помощью участия в культурных мероприятиях республики, города, района, села;

– использование на уроке познавательных материалов, связанных с башкирской культурой и историей, что может стимулировать интерес учащихся к изучению языка.

Перечисленные в качестве примеров методы организации урока башкирского языка будут способствовать более глубокому и эффективно усвоению языка, а также формированию метапредметных результатов.

Соответственно, успешное изучение башкирского языка младшими школьниками зависит, в первую очередь, от грамотной организации учебного процесса, применения эффективных методов обучения и учета индивидуальных потребностей учащихся.

В процессе изучения государственного башкирского языка в начальной школе метапредметные результаты могут включать следующие навыки:

1. Коммуникативные навыки – ученики овладевают навыками понимания и использования башкирского языка в устной и письменной форме. Они учатся выражать свои мысли и идеи на нем, слушать и понимать речь других людей, задавать вопросы и вести диалог.

2. Познавательные навыки – обучающиеся развивают навыки анализа и синтеза информации на башкирском языке, учатся обобщать и систематизировать знания о языке, а также развивают навыки самостоятельного поиска и применения информации.

3. Регулятивные навыки – ученики развивают навыки планирования и организации своей учебной деятельности, контроля и оценки собственных результатов, а также навыки саморегуляции и самоконтроля в процессе изучения башкирского языка.

Таким образом, анализ теоретического материала по вопросу исследования привел нас к выводу о том, что метапредметные результаты способствуют развитию у обучающихся общих учебных навыков и компетенций, которые могут быть применены ими не только в процессе изучения башкирского языка, но и при изучении других учебных дисциплин, а также в условиях реальной жизни. Метапредметные навыки включают в себя коммуникативные (навыки общения и взаимодействия с окружающими), познавательные (навыки анализа, критического мышления, решения проблем) и регулятивные (навыки саморегуляции, планирования, организации работы) способности. Они способствуют не только эффективному усвоению учащимися полученных знаний, но и развитию у них универсальных компетенций, которые пригодятся им во многих сферах жизни. В процессе изучения башкирского языка могут формироваться различные метапредметные результаты, например, универсальные учебные познавательные действия, универсальные учебные коммуникативные действия и универсальные учебные регулятивные действия. Они способствуют развитию умения и навыков грамотно выражать свои мысли на башкирском языке, проверять и оценивать свои результаты, развивать самоконтроль, что позволит достигать

поставленные цели и задачи в изучении башкирского языка.

Список источников

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050028?ysclid=lnohpwsfz899714291> (дата обращения: 13.10.2023)
2. Родной язык, культура и литература в системе образования: традиции и инновации: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, посвященной 30-летию факультета башкирской филологии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. Мифтахетдина Акумлы»; Году педагога и наставника, 21 февраля 2023. Уфа: БГПУ им. М. Акумлы, 2023. 548 с.
3. Безбородова Л. А., Жук А. С. Метапредметные образовательные результаты в начальной школе // Педагогическое образование в России. 2022. № 5. С. 57–65.
4. Громыко Н. В., Половкова М. В. Метапредметный подход как ядро российского образования // Сборник статей для участников финала Всероссийского конкурса «Учитель года России – 2009». 2009. С. 548–551.
5. Коршунова О. В. Метапредметность в современном обучении: сущность, признаки, проблемы и варианты реализации // Образование личности. 2016. № 4. С. 171–180.
6. Хуторской А. В. Пять уровней метапредметности // Народное образование. 2017. № 8. С. 69–80.
7. Пурешева Н. С. Ромашкина Н. В., Крысанова О. А. О метапредметности, методологии и других универсалиях // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1 (1). С. 11–17.
8. Харисов Ф. Ф. Воспитание полилингвальной и поликультурной личности средствами государственных языков республик: сборник трудов X международной научно-практической конференции «Ашмаринские чтения». Чебоксары: Чувацкий государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2016. С. 266–268.
9. Указ Главы Республики Башкортостан от 30 декабря 2020 года № УГ-613 «Об утверждении Концепции преподавания государственных языков Республики Башкортостан и родных языков народов Республики Башкортостан на 2021-2030 годы» <https://education.bashkortostan.ru/documents/active/351767/> (дата обращения: 13.10.2023)
10. Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. N BC-22/15 (с изменениями и дополнениями) URL: <https://goskomjust.bashkortostan.ru/documents/active/44119/?ysclid=lnoiyi6d6g109026496> (дата обращения: 13.10.2023)
11. Закон Республики Башкортостан от 1 июля 2013 года №696-з «Об образовании в Республике

Башкортостан». URL: <https://npa.bashkortostan.ru/4384/?ysclid=lnoj169z9d498917612> (дата обращения: 13.10.2023)

12. Давлетишина М. С. Примерная рабочая программа учебного предмета «Государственный (башкирский) язык Республики Башкортостан» для 1-4 классов начального общего образования. Уфа, 2022. 60 с.

References

1. Prikaz Ministerstva prosveshcheniya Rossiiskoi Federatsii ot 31.05.2021 № 286 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standart'a nachal'nogo obshchego obrazovaniya" [Order of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 286 dated 31.05.2021 "On Approval of the Federal State Educational Standard of Primary General Education"] <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107050028?ysclid=lnohpwsfz899714291> (accessed 13.10.2023). (In Russian)
2. Rodnoi yazyk, kul'tura i literatura v sisteme obrazovaniya: traditsii i innovatsii (2023) [Native Language, Culture and Literature in the Education System: Traditions and Innovations]. Materialy Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letnemu yubileyu fakul'teta bashkirskoi filologii FGBOU VO "Bashkirskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. Miftakhetdina Akmully"; Godu pedagoga i nastavnika, 21 fevralya 2023. 548 p. Ufa, BGPU im. M. Akmully. (In Russian)
3. Bezborodova, L. A., Zhuk, A. S. (2022). *Metapredmetnye obrazovatel'nye rezul'taty v nachal'noi shkole* [Meta-subject Educational Results in Primary School]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. No. 5, pp. 57–65. (In Russian)
4. Gromyko, N. V., Polovkova, M. V. (2009). *Metapredmetnyi podkhod kak yadro rossiiskogo obrazovaniya* [Meta-subject Approach as the Core of Russian Education]. Sbornik statei dlya uchastnikov finala Vserossiiskogo konkursa 'Uchitel' goda Rossii – 2009", pp. 548–551. (In Russian)
5. Korshunova, O. V. (2016). *Metapredmetnost' v sovremennom obuchenii: sushchnost', priznaki, problemy i varianty realizatsii* [Meta-subject in Modern Education: Essence, Signs, Problems and Implementation Options]. Obrazovanie lichnosti. No. 4, pp. 171–180. (In Russian)
6. Khutorskoi, A. V. (2017). *Pyat' urovnei metapredmetnosti* [Five Levels of Meta-Subject]. Narodnoe obrazovanie. No. 8, pp. 69–80. (In Russian)
7. Puryшева, N. S. Romashkina, N. V., Krysanova, O. A. (2012). *O metapredmetnosti, metodologii i drugikh universal'yakh* [About Meta-Subjects, Methodology and Other Universals]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. No. 1 (1), pp. 11–17. (In Russian)
8. Kharisov, F. F. (2016). *Vospitanie polilingval'noi i polikul'turnoi lichnosti sredstvami gosudarstvennykh yazykov respublik* [Education of a Multilingual and Multicultural Personality by Means of the State Languages of

the Republics]. Sbornik trudov X mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Ashmarinskii chteniya", pp. 266–268. Cheboksary, Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I. N. Ul'yanova. (In Russian)

9. *Ukaz Glavy Respubliki Bashkortostan ot 30 dekabrya 2020 goda № UG-613 "Ob utverzhdenii Kontseptsii prepodavaniya gosudarstvennykh yazykov Respubliki Bashkortostan i rodnykh yazykov narodov Respubliki Bashkortostan na 2021-2030 gody"* [Decree of the Head of the Republic of Bashkortostan dated December 30, 2020 No. UG-613 "On approval of the Concept of teaching the state languages of the Republic of Bashkortostan and the native languages of the peoples of the Republic of Bashkortostan for 2021–2030"]. URL: <https://education.bashkortostan.ru/documents/active/351767/> (accessed 13.10.2023). (In Russian)

10. *Konstitutsiya Respubliki Bashkortostan ot 24 dekabrya 1993 g. N VS-22/15 (s izmeneniyami i*

dopolneniyami) [Constitution of the Republic of Bashkortostan of December 24, 1993 N VS-22/15 (with amendments and additions)]. URL: <https://goskomjust.bashkortostan.ru/documents/active/44119/?ysclid=lnoiyi6d6g109026496> (accessed 13.10.2023). (In Russian)

11. *Zakon Respubliki Bashkortostan ot 1 iyulya 2013 goda №696-z "Ob obrazovanii v Respublike Bashkortostan"* [Law of the Republic of Bashkortostan dated July 1, 2013 No. 696-z "On Education in the Republic of Bashkortostan"]. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/4384/?ysclid=lnoj169z9d498917612> (accessed 13.10.2023). (In Russian)

12. Davletshina, M. S. (2022). *Primernaya rabochaya programma uchebnogo predmeta "Gosudarstvennyi (bashkirskii) yazyk Respubliki Bashkortostan" dlya 1–4 klassov nachal'nogo obshchego obrazovaniya* [Approximate Work Program of the Subject "State (Bashkir) language of the Republic of Bashkortostan" for Grades 1–4 of General Primary Education]. Ufa, 60 p. (In Russian)

The article was submitted on 13.10.2023

Поступила в редакцию 13.10.2023

Косцова Светлана Александровна,
старший преподаватель,
Стерлитамакский филиал федерального
государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Уфимский университет науки
и технологий»;
соискатель,
Башкирский государственный
педагогический университет
им. М. Акмуллы,
453100, Россия, Стерлитамак,
Комсомольская, 67.
koscova.sa@mail.ru

Kostsova Svetlana Alexandrovna,
Assistant Professor,
Sterlitamak branch of Ufa University
of Science and Technology;

Ph.D. applicant,
Bashkir State Pedagogical University
named after M. Akmulla,

67 Komsomolskaya Str.,
Sterlitamak, 453100, Russian Federation.
koscova.sa@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКИ У АРАБОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ И ИХ РЕШЕНИЕ С ПОМОЩЬЮ МНЕМОТЕХНИКИ

© Лидия Леонтьева

FEATURES AND PROBLEMS OF TEACHING RUSSIAN MEDICAL LEXIS TO ARABIC-SPEAKING MEDICAL STUDENTS AND THEIR SOLUTION WITH THE HELP OF MNEMONICS

Lidia Leontieva

The article identifies the main problems that arise when teaching Russian to Arabic-speaking medical students. The purpose of our research is to consider typical features and errors in the perception of medical lexis by Arab medical students and identify ways of solving them using mnemonics. In the theory and methodology of teaching Russian as a foreign language, there is a constant search for effective methods to solve the following problems of spelling: “mirror writing” among Arab medical students, as well as errors arising from the interfering influence of English and French, the replacement of letters and the omission of certain letters in medical terms. The article also focuses on the problems of Arabic-speaking students’ perception related to their native Arabic culture, namely right-to-left writing, known in linguistics as “Semitic writing”, and the perception of the chronology of events, which is also directly related to the right-hand Semitic writing. We suggest our own special mnemonics for Arab medical students. The obtained results showed that our mnemonic techniques contribute not only to the elimination of the above-mentioned spelling errors and perception problems, but also activate the mechanism of hemispheric interaction and neural connections in the brain; consequently, Arabic-speaking students actively memorize and consolidate professional medical lexis in Russian in the classes of Russian as a foreign language.

Keywords: mnemonic techniques, mnemonics, mirror writing, spelling errors, medical terminology, Arabic-speaking students, hemispheric interaction, theory and methodology of teaching and upbringing

Статья посвящена выявлению основных проблем, возникающих при обучении арабоязычающих студентов-медиков в рамках занятий по РКЛ. Цель данного исследования – рассмотреть типичные особенности и ошибки в восприятии медицинской лексики арабскими студентами-медиками и обозначить пути их решения с использованием мнемотехники. В теории и методике обучения и воспитания РКЛ идет постоянный поиск эффективных методов борьбы с данными проблемами. В статье рассматриваются проблемы орфографии: «зеркальное письмо» у арабских студентов-медиков, ошибки, возникающие из-за интерференции английского и французского языков, замена букв и пропуск определенных букв в медицинских терминах. Особое внимание в статье уделяется проблемам восприятия арабоязычных студентов, связанных с их родной арабской культурой, а именно письмом справа налево, известным в лингвистике как «семитское письмо», и хронологии событий, которое также напрямую связано с правосторонним семитским писанием. Автор предлагает собственные, специально разработанные для арабских студентов-медиков, мнемотехники. Полученные результаты показали, что авторские мнемонические техники способствуют не только устранению вышеназванных орфографических ошибок и проблем восприятия, но также запускают механизм межполушарного взаимодействия, активизируют нейронные связи в мозге, в результате чего у арабоязычных студентов происходит активное запоминание и закрепление профессиональной медицинской лексики на русском языке в рамках занятий по РКЛ.

Ключевые слова: мнемонические техники, мнемотехника, зеркальное письмо, ошибки в медицинских терминах, арабоязычные студенты, межполушарное взаимодействие, теория и методика обучения и воспитания

Для цитирования: Леонтьева Л. Особенности и проблемы в изучении русской медицинской лексики у арабоязычных студентов-медиков и их решение с помощью мнемотехники // Филология

В методике преподавания русского языка как иностранного у арабских студентов-медиков большое внимание стоит уделять лексическим единицам, которые необходимы для прохождения практических занятий по медицине. Лексика является одним из самых сложных аспектов теории и практики обучения иностранному языку. Разработка этноориентированных мнемотехник в обучении РКИ с учетом этнокультурной и языковой специфики арабских учащихся позволит «структурировать учебный процесс таким образом, чтобы максимально его облегчить и в то же время повысить качество обучения в условиях российского образовательного пространства» [1, с. 77]. При обучении русской медицинской лексике следует исходить из задачи формирования системы ассоциаций, языкового мышления, которые позволяли бы изучающему иностранный язык улавливать системные отношения между разрозненными языковыми явлениями [Там же]. Таким образом, обучение должно строиться так, чтобы «у учащегося вырабатывалась способность к „саморегуляции“, то есть к категоризации, систематизации языковых явлений на основе правильно и в нужное время указанных ориентиров» [2, с. 6].

Первой проблемой, с которой сталкивается преподаватель РКИ в изучении медицинской лексики арабоязычными студентами, является «зеркальное письмо». Это вполне типичное нарушение среди арабоязычных студентов является временным явлением, которое проходит в начале обучения письменному языку [3, с. 28]. Причина таких отклонений – включенность правого полушария головного мозга в процесс распознавания графических символов. На основании исследований, проведенных начиная с 70-х годов XX столетия, ученые сделали выводы, что в усвоении языка и построении связной речи активно и непрерывно участвуют оба полушария [3, с. 29], [4, с. 26], [5, с. 26]. Поскольку арабоязычные студенты только начинают изучать русский алфавит – совершенно новую для себя, не очень похожую на латинскую, систему символов, – то абсолютно естественна для них путаница с направлением написания букв. Явление схоже с тем, как дети начинают изучать азбуку, так и иностранные студенты начинают изучать русский алфавит, при этом активизируется правое полушарие мозга. Исследования, которые проводила Б. С. Котик-Фридгут в 1992 году подтвердили, что на начальных этапах овладения вторым языком существенна опора на правое полушарие,

обеспечивающее своеобразную переработку речевой информации на втором языке на основе фонетических признаков [6, с. 37]. Мозг сам начинает подбирать аналоги новых изучаемых символов в уже знакомых студентам символьных системах. Это утверждение подтверждается таким фактом: арабские студенты в русских медицинских терминах «тошнота», «одышка» пишут букву «Ш» в виде хорошо знакомой им графемы «W», как показано на рисунке 1.

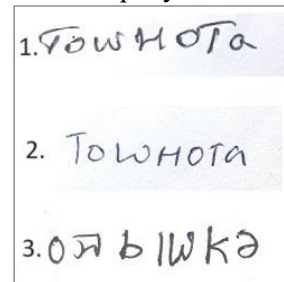

Рис. 1. Подбор похожей на русскую букву «Ш» графемы «W» из английского алфавита и использование ее в написании терминов.

Следует добавить, что арабоязычные студенты, как правило, учат английский и французский языки с детства, а значит, хорошо знакомы с системой латинского алфавита и практикуют европейское письмо слева направо уже с детства. В практике РКИ у арабских студентов-медиков под «зеркальным письмом» автор подразумевает зеркальное написание отдельных символов-букв. В русском алфавите 33 буквы, и написание 22 из них вызывает затруднения у арабоязычных студентов из-за свойств зеркальности. 11 букв являются симметричными. Это А, Д, Ж, М, Н, О, П, Т, Ф, Х, Ш, поэтому их написание для студентов достаточно легкое. В русском языке из-за свойств зеркальности 22 буквы вызывают затруднение: Б, В, Г, Е, Ё, И, Й, К, Р, С, Ц, Щ, Ы, Ь, Ю – правосторонние графемы, то есть пишутся справа, а буквы З, Л, У, Ч, Э, Я – левосторонние графемы, то есть пишутся слева [3, с. 29]. Как отмечает Александрова А. Ю., «Расхождение в соотношении „звук-буква“ между русским и арабским языками создает серьезные трудности для носителей арабского языка, изучающих русский язык» [7, с. 238].

Разберем наиболее распространенные ошибки, вызванные интерференцией английского и французского языков и связанные с зеркальным написанием букв в терминах:

- графемы, которые присутствуют в латинском и русском алфавитах, но пишутся в противоположные стороны, например русская «Я» и

латинская «R»; русские «Б» и «Ъ» и латинские «d» и «b»; русская «И» и латинская «N» являются зеркальными графемами (рисунок 2). Как правило, они обозначают разные звуки в разных языках, зачастую применяются студентами автоматически и создают ошибки (рисунок 2).

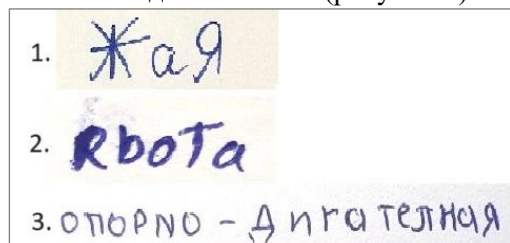

Рис.2. Использование зеркальных графем в терминах: 1. «жар», 2. «рвота», 3. «опорно-двигательная».

Также существует ряд типичных ошибок, не связанных с зеркальностью:

– написание букв, которые арабоязычным студентам сложно запомнить с первого раза и которые похожи между собой по написанию, например «Ш», «Щ», «Ц»; часто происходит замена одной графемы на другую ввиду схожести написания (по мнению иностранных студентов), например, в термине «пищеварительная система» (рисунок 3);

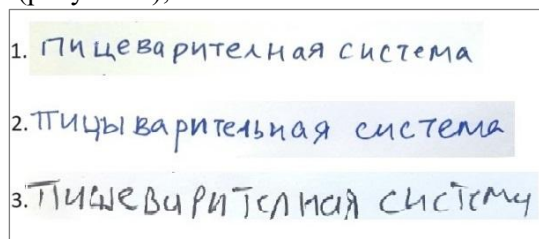

Рис. 3. Замена буквы «Щ» арабскими студентами на буквы «Ш» и «Ц» в медицинской терминологии.

– буквы, которые фонетически схожи и заменяемы в русском и английском / латинском языках, например звуки «б» (b) и «в» (v) в слове «боль», «бледность». В этом случае заглавная русская «В» и латинская «B» выглядят идентично и для студентов обозначают одну графему и фонему, с той разницей, что одна часть студентов идентифицирует ее как звук «вэ», а другая – как звук «бэ» (рисунок 4);

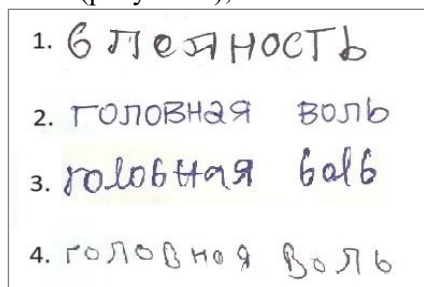

Рис. 4. Замена буквы «Б» арабскими студентами на графему «В» в медицинской терминологии.

– буквы, которые относятся в русском алфавите к левосторонним графемам, яркий пример буквы «Э» и «З», пишущиеся в левом направлении; в словах *это*, *эпителий*, *эпителиальная ткань* присутствует достаточно много случаев замены на графему «З» (рисунок 5);

– также нередки случаи фонетической идентификации арабоязычными студентами русских звуков [Э] и [Е] с графемой «Е», так как в латинском и английском языках обе фонемы обозначаются одним символом – одной графемой «E» (рисунок 5);

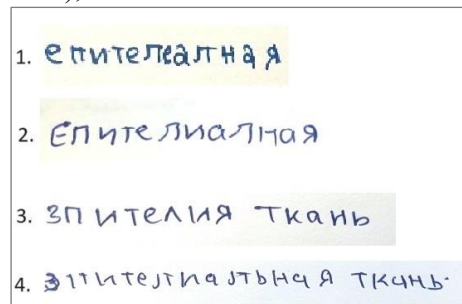

Рис. 5. Использование графемы «Е» и «З» арабскими студентами вместо буквы «Э» в медицинской терминологии.

Что делать для устранения данных ошибок? Выполнять мнемонические упражнения для ускорения процесса межполушарного взаимодействия. Чем больше связей образуется между полушариями в ходе выполнения упражнений, тем быстрее преподаватель и студенты смогут справиться с ошибками.

Так, например, чтобы устранить ошибки при написании левосторонних и правосторонних букв, предлагается разделить буквы на 3 группы по направлению их написания. Применяется таблица 1.

Таблица 1.

Классификация букв по направлению письма.

№	Симметрично	Налево ←	Направо →
1	Аа		
2			Бб
3			Вв
4			Гг
5	Дд		
6			Ее
7			Ёё
8	Жж		
9		Зз	
10			Ии
11			Йй
12			Кк
13		Лл	
14	Мм		
15	Нн		

16	Оо		
17	Пп		
18			Рр
19			Сс
20	Тт		
21		Уу	
22	Фф		
23	Хх		
24			Цц
25		Чч	
26	Шш		
27			Щщ
28			Ыы
29			Ь
30			Ъ
31		Ээ	
32			Юю
33		Яя	

Симметричные 11 букв усваиваются арабоязычными студентами легко, так как аналогичные символы есть в алфавитах романской группы языков, которыми владеют студенты, за исключением графемы «Ж». Букв левостороннего писания всего шесть, и как выяснилось в ходе занятий по РКИ, эффективнее всего сделать акцент на запоминание их написания с помощью сложения их в три слога: - ЗЭ, - ЛЯ, - ЧУ. Соответственно, все остальные буквы имеют правостороннее писание. Также рекомендуется выполнить задание на чистописание следующих простых предложений, содержащих левосторонние и симметричные буквы:

ЭТО ЭКЗАМЕН. ТУТ НАШ ПЛЯЖ. НАШ ДОМ – ЧУДО.

Второй частой проблемой при написании русских медицинских терминов становится пропуск гласных букв (рисунок 6), перестановка букв местами и появление лишних букв (рисунок 7), что также происходит из-за характерных особенностей арабского письма справа налево и является специфической ошибкой арабоязычных студентов.

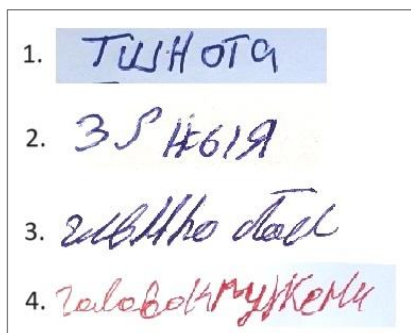

Рис. 6. Пропуск гласных букв в терминах: 1. «тошнота», 2. «зрения», 3. «головная боль», 4. «головокружение».

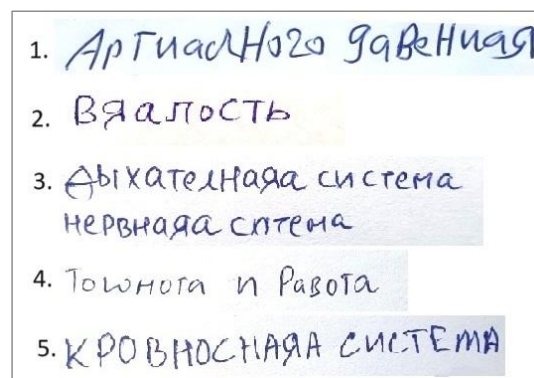

Рис. 7. Перестановка гласных букв и появление лишних букв в терминах: 1. «артериального давления», 2. «вялость», 3. «дыхательная система, нервная система», 4. «тошнота и рвота», 5. «кровеносная система».

Устраняются данные ошибки с помощью мнемотехники «Реверсивное письмо», когда определенный термин пишется в клеточках слева направо и справа налево на одной строчке, что заставляет студентов буквально считать количество букв в слове и обращать повышенное внимание на русский спеллинг терминов (рисунок 8).

Рис. 8. Пример мнемотехники «Реверсивное письмо» для запоминания спеллинга термина «воспаление».

Семитские языки отличаются от индоевропейских (письмо-вязь, особенности грамматики и национальной лексики), в связи с чем «особенно актуально обращение к этнолингвистике в широком смысле, которая является моделирующей системой языка и определяет собой мышление народа, говорящего на этом языке» [1, с. 77]. Как отмечают исследователи, семитское письмо справа налево формирует целостное мировосприятие арабоязычных студентов, отличное от восприятия европейских учащихся. Как переориентировать студентов на письмо слева направо?

Как известно, в древности многие народы широко использовали двунаправленное письмо «бустрофедон», которое возникло приблизительно в VII в. до н. э. в Древней Греции. По-гречески βοῦς – ‘бык’ и στρέφω – ‘поворачиваю’, так как траектория движения руки пишущего человека при таком письме подобна траектории движения руки пахаря при возделывании почвы в земледелии. Бустрофедон долго применялся в древнегреческом, южносемитском, критском, хеттском, южноаравийском, этрусском и др. письменах. Со временем разные культурные этносы выбрали для себя одно направление письма, и бустрофедон в письменности перестал ис-

пользоваться [8]. Надо сказать, что бустрофедон используется достаточно широко в современном мире, например, для надписей на машинах Службы спасения, чтобы ее можно было прочесть в зеркалах заднего вида впереди идущим машинам. Также бустрофедон широко применяется в фармацевтике на упаковках таблеток, которые нужно принимать ежедневно; при нумерации домов на улицах (рисунок 9).

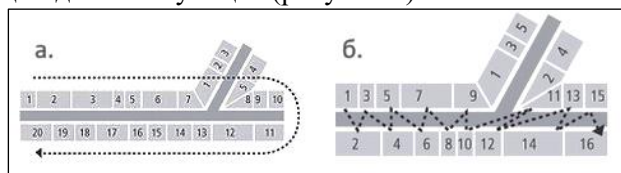

Рис. 9. Принцип бустрофедон при нумерации домов на улице; б. обычная нумерация домов (взято из открытых источников).

При изучении медицинской лексики автор предлагает ввести для арабских студентов мнемонические техники с письмом бустрофедон, так как чередование направлений письма в разных строках:

- быстро переключает мозг студента с одного направления письма на другое;

- тренирует внимание, так как студентам нельзя пропускать символы и термины при выполнении мнемотехники, – студенты учатся конструировать текст с помощью пиктограмм и выстраивать его структуру по порядку, но в разных направлениях;

- способствует активации речевых центров головного мозга и одновременной активной работе обоих полушарий (за пиктограммы отвечает правое полушарие, а за термины – левое).

Мнемотехника, специально разработанная автором в рамках этноориентированного подхода в обучении арабоязычных студентов для целей переключения с арабского на русское письмо, называется «Мнеморассказ-Бустрофедон». В ней студенты представляют медицинские термины в виде собственных пиктограмм (рисунок 10.). Запись закодированного в пиктограммы текста происходит непрерывной строкой способом бустрофедон.

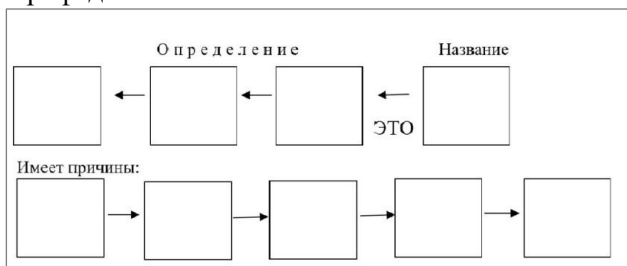

Рис. 10. Использование способа бустрофедон в мнемотехнике «Мнеморассказ-Бустрофедон».

По сути, каждый студент изобретает собственную систему знаков и символов, кодирующих определенный термин, – данная операция запускает цепь возбуждения нейронов в коре головного мозга и, таким образом, происходит запоминание и закрепление информации. Использование принципа бустрофедона («двунаправленное письмо», письмо справа налево и слева направо) активизирует нейронные связи и улучшает свойства памяти.

Одной из важных особенностей арабоязычных студентов является их восприятие времени и хода событий – они представляют в воображении события справа налево, то есть так же, как они пишут по-арабски. В своей статье авторы Романов Ю. А. и Соловьева Л. В. приводят следующие данные: «...тестируемые арабские студенты входили в заблуждение и проваливали тестовое задание из-за серии картинок, изображавших события в последовательности, привычной для русскоговорящих (слева направо), в то время как арабскими учащимися последовательность событий воспринималась в обратном порядке; как было установлено экспериментами, в таком же порядке – справа налево – арабы располагают картинки, изображающие завтрак, обед и ужин» [9, с. 48].

В медицинской практике важно учитывать хронологию событий при развитии некоторых заболеваний. Для прорабатывания у арабоязычных студентов-медиков восприятия последовательности событий слева направо (по-европейски) предлагается применить на уроке мнемотехнику «Хронология». Студентам дается рассказ пациента, описывающего свое заболевание, и изображение лестницы, ведущей вверх, по которой поднимается векторный человечек, как показано на рисунке 11.

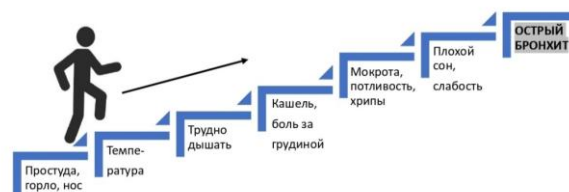

Рис. 11. Мнемотехника «Хронология» при изучении острого бронхита: события представлены в виде лестницы, идущей вверх, направление движения человека слева направо.

Ступени лестницы изображают возникающие симптомы, движение по лестнице человечек начинает снизу вверх, слева направо. Студенты заполняют последовательность появления симптомов у пациента, тем самым тренируя навык

представления последовательности слева направо.

Преподавателю РКИ следует помнить, что русский язык «является для иностранных учащихся, с одной стороны, содержанием обучения, подлежащим усвоению, с другой – инструментом познания иной культуры, иного миропорядка, освоения иной социокультурной среды, овладения профессиональными знаниями, навыками и умениями» [10, с. 5].

Для быстрого познания русской социокультурной среды и усвоения профессиональных медицинских знаний автор предлагает активно внедрять мнемотехники в обучение арабоязычных студентов-медиков. Результаты усвоения материала у студентов, которые обучались с помощью мнемотехник, в среднем на 30% превосходят результаты студентов, незнакомого с мнемотехниками. Кроме того, стоит отметить, что преподавателям РКИ, обучающим арабоязычных студентов-медиков, целесообразно формировать особые профессиональные знания в области физиологии работы памяти, межполушарной функциональной асимметрии и межполушарного взаимодействия, а также лингводидактические умения по применению мнемотехник в обучении медицинской профессиональной лексики на русском языке.

Список источников

1. Елагина Р. И. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку как иностранному арабских студентов. Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. № 4. 2008. С. 76–78.
2. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. Учебное пособие. Изд. 3-е испр. М.: Книжный дом «Либроком». 2010. 174 с.
3. Егорова В. В. Зеркальное письмо: пути решения проблемы / В. В. Егорова, Н. А. Власовец. Текст: непосредственный // Юный ученый. 2018, № 1.1 (15.1). С. 28–30. URL: <https://moluch.ru/young/archive/15/1144/> (дата обращения: 08.08.2023)
4. Журавлев И. В., Ощепкова Е. С. Мозг и язык: проблема латерализации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2020, № 4. С. 22–46. URL: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 08.09.2023)
5. Ахутин Т. В. Роль правого полушария в построении текста. Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. М.: Изд-во Эйдос, 2009. С. 5–26.
6. Азарова Е. А., Котик-Фридгут Б. С. Межполушарное взаимодействие у человека. Учебное пособие. Ростов-на-Дону – Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. 158 с.

7. Александрова А. Ю. Проблемы обучения арабов русскому письму // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. № 36 (77). 2008. С. 237–241.

8. Гринчук В. Что такое бустрофедон? URL: https://www.liveinternet.ru/users/paul_v_lashkevich/post294308982/ (дата обращения: 06.09.2023)

9. Романов Ю. А., Соловьева Л. В. Этнометодика в преподавании РКИ арабским студентам // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. 2015, № 4. С. 42–50.

10. Кротова Т. А. Этноориентированная система лингвокультурной адаптации арабских учащихся в практике обучения РКИ: автореф. дис.... канд. пед. наук: Москва, 2015. 27 с.

References

1. Elagina, R. I. (2008). *Lingvodidakticheskie osnovy etnoorientirovannogo obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu arabskikh studentov*. [Linguodidactic Foundations of Ethnooriented Teaching of Russian as a Foreign Language to Arab Students]. Moscow. Vestnik RUDN, seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. No 4, pp. 76–78. (In Russian)
2. Slesareva, I. P. (2010). *Problemy opisaniya i prepodavaniya russkoi leksiki* [Problems of Description and Teaching of Russian Vocabulary]. Uchebnoe posobie. Izd. 3-e ispr. 6 p. Moscow, Knizhnyi dom "Librokom". (In Russian)
3. Egorova, V. V. (2018). *Zerkal'noe pis'mo: puti resheniya problemy* [Mirror Writing: Ways to Solve the Problem]. V. V. Egorova, N. A. Vlasovets. Tekst: neposredstvennyi. Yunyi uchenyi. No 1.1 (15.1), pp. 28–30. URL: <https://moluch.ru/young/archive/15/1144/> (accessed: 08.08.2023). (In Russian)
4. Zhuravlev, I. V., Oshchepkova E. S. (2020). *Mozg i yazyk: problema lateralizatsii* [Brain and Language: The Problem of Lateralization]. Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal. No 4, pp. 22–46. URL: <http://tverlingua.ru/> (accessed: 08.09.2023). (In Russian)
5. Akhutina, T. V. (2009). *Rol' pravogo polushariya v postroenii teksta. Psikholingvistika v XXI veke: rezul'taty, problemy, perspektivy* [The Role of the Right Hemisphere in the Construction of the Text. Psycholinguistics in the 21st Century: Results, Problems, Prospects]. XVI Mezhdunarodnyi simpozium po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. 26 p. Moscow, izd-vo Eidos. (In Russian)
6. Azarova, E. A., Kotik-Fridgut B. S. (2009). *Mezhpolusharnoe vzaimodeistvie u cheloveka* [Interhemispheric Interaction of Humans. A Study Guide]. Uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu. 37 p. Taganrog, izdatel'stvo Yuzhnogo federal'nogo universiteta. (In Russian)
7. Aleksandrova, A. U. (2008). *Problemy obucheniya arabov russkomu pis'mu* [Problems of Teaching the Russian Writing to Arabs]. Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. Moscow. No. 36 (77), pp. 237–241. (In Russian)

8. Grinchuv, V. (2023). *Chto takoe boustrofedon?* [What is Boustrophedon?]. URL: https://www.liveinternet.ru/users/paul_v_lashkevich/post/294308982/ (accessed: 06.09.2023). (In Russian)

9. Romanov, U. A., Solov'eva, L. V. (2015). *Etnometodika v prepodavanii RKI arabskim studentam* [Ethnomethodics in Teaching RFL to Arab Students]. Moscow. Vestnik RUDN, seriya Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'. No 4, pp. 42–50. (In Russian)

10. Krotova, T. A. (2015). *Etnoorientirovannaya sistema lingvokul'turnoi adaptatsii arabskikh uchashchikhsia v praktike obucheniya RKI. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk* [Ethnooriented System of Linguistic and Cultural Adaptation of Arab Students in Teaching Russian as a Foreign Language: Ph.H. Thesis Abstract]. Moscow, 27 p. (In Russian)

The article was submitted on 13.11.2023

Поступила в редакцию 13.11.2023

Леонтьева Лидия Нектарьевна,
старший преподаватель,
ФГОУ ВО Ульяновский государственный
университет,
432000, Россия, Ульяновск,
Л. Толстого, 42.
leontievalidi@yandex.ru

Leontieva Lidia Nektar'evna,
Assistant Professor,
Ulyanovsk State University,
42 L. Tolstoy Str.,
Ulyanovsk, 432000, Russian Federation.
leontievalidi@yandex.ru

ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫЙ КОНТРОЛЬ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

© Людмила Свирина, Алсу Ашрапова, Фаина Ратнер

PERSONALIZED CONTROL IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING

Lyudmila Svirina, Alsu Ashrapova, Faina Ratner

The article considers personalized control as the basis for an individual development trajectory, an individual plan for improving foreign language communication skills. The tool for its implementation is individual success monitoring in foreign language learning followed by the analysis of test results with the participation of the teacher as a consultant, which makes it possible to identify the ways of overcoming existing problems in mastering a foreign language. The article analyzes the results of monitoring, conducted among students at the Institute of Philology and Intercultural Communication (Kazan Federal University), and concludes that further work should be done to determine the individual path of each student in eradicating their weak points. The decision-making remains with the students themselves; however, additional courses in the development of receptive skills may become a motivating factor, when the period of pseudo-passivity actually lays the foundation for improving communicative competence through the involuntary acquisition of foreign language vocabulary and grammar. Success in listening or reading comprehension, based on authentic texts, inspires confidence in further improvement of communicative competence and allows, through self-analysis and self-assessment, determining guidelines for each student's progress in learning a foreign language.

Keywords: personalized control, monitoring, individual development trajectory, native-language environment, receptive skills

Статья рассматривает персонализированный контроль как основу для разработки индивидуальной траектории развития, индивидуального плана устранения пробелов в знаниях и совершенствования иноязычных коммуникативных навыков. Инструментом его реализации является мониторинг индивидуальной успешности в освоении изучаемого предмета с последующим анализом результатов тестирования при участии преподавателя как консультанта и определением возможных путей преодоления имеющихся проблем в усвоении иностранного языка. В статье анализируются результаты мониторинга, проводимого среди студентов Института филологии и межкультурной коммуникации, и делается вывод о необходимости дальнейшей работы по определению индивидуального пути каждого студента в работе над своими пробелами. Принятие решения остается за самим учащимся, и мотивирующим фактором становятся дополнительные курсы на развитие рецептивных навыков, когда период псевдопассивности на деле закладывает основы совершенствования коммуникативной компетенции благодаря непроизвольному усвоению иноязычного лексико-грамматического материала, так как чтение и аудирование помогают частично компенсировать отсутствие языковой среды. Успешность в восприятии иноязычной речи на слух или в понимании аутентичных текстов при чтении внушает уверенность в дальнейшем совершенствовании коммуникативной компетенции и позволяет благодаря самоанализу и самооценке определить ориентиры своего продвижения в изучении иностранного языка.

Ключевые слова: персонализированный контроль, мониторинг, индивидуальная траектория развития, языковая среда, рецептивные навыки

Для цитирования: Свирина Л., Ашрапова А., Ратнер Ф. Персонализированный контроль в обучении иностранному языку // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 240–244. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-240-244

Одна из сложнейших задач, которую решает учитель, это проблема мотивации учащегося, побуждающей его совершенствовать свою учебную

деятельность. Более того, педагог стремится к тому, чтобы учащийся мог сам оценить своё продвижение вперёд (или отставание) и отметить

для себя те области знания или те умения и навыки, которые требуют дополнительных усилий для освоения. С этой целью в учебный процесс активно внедряются самоанализ и самооценка, предназначенные стать основой для разработки индивидуальной траектории развития, то есть направления, в котором учащийся будет реализовывать свой, индивидуальный план устранения пробелов в знаниях и развития умений, необходимых для улучшения результатов в изучаемом предмете [1, с. 12]. На этом пути должны быть обозначены этапы продвижения, те промежуточные пункты, на которых корректируется правильность выбранного пути, скорость продвижения и, соответственно, эффективность выбранной технологии и содержания обучения [2, с. 195].

Главным инструментом решения данной задачи является, безусловно, контроль, мониторинг индивидуальной успешности в освоении изучаемого предмета. Реализуя принцип личностно-ориентированного обучения, преподаватели дают учащимся критерии оценки собственных успехов, которые позволяют без вмешательства извне определить качество продукта учебной деятельности [3, с. 103].

Рассматривая данный вопрос в рамках предмета «Иностранный язык», мы обращаем внимание на сформированность языковых и речевых умений и навыков, определяя успешность обучения соответствием уровням владения иностранным языком по принятым международным критериям. Мониторинг качества не только выставляет заключительный балл-диагноз, но и указывает на те пробелы, которые мешают учащемуся достичь необходимого уровня в освоении языка: ошибки в грамматике и лексике, плохое восприятие речи на слух, слабая техника чтения, что сказывается на восприятии печатного текста, проблемы с устной или письменной речью и т. д. Однако причины возникновения подобных проблем у всех разные.

Мониторинг качества, проводимый через систему тестов, как правило, предполагает исходное тестирование и срез результатов обучения через определенный промежуток времени. На основании анализа полученных результатов даются рекомендации по соответствию или несоответствию предметной подготовки учащегося международным критериям, описывающим уровень владения четырьмя речевыми навыками: аудированием, чтением, письмом и говорением, дополняемым проверкой языковых навыков – грамматических и лексических. Учащийся получает результаты контроля, где указаны пробелы в знаниях и проблемы с коммуникативными навы-

ками, но на этом универсальность процесса контроля заканчивается. Все описанные выше моменты, связанные с проведением мониторинга знаний, достаточно хорошо известны и внедрены в международную практику. Процедура стандартная, отработанная годами и отличающаяся только содержанием тестового материала, временными рамками и количеством баллов, присуждаемых за разные виды речевой деятельности [4]. Однако остаются проблемы, решение которых может отразиться на оценке уровня коммуникативной компетенции учащегося. Чаще всего дискутируется соотношение значимости устной и письменной речи. Вопрос неоднозначный, поскольку аудирование, относящееся по сути к устной речи, обычно включено в письменную часть работы для удобства организации проведения контроля. При сдаче ОГЭ и ЕГЭ контроль понимания проводится после двукратного прослушивания. В то же время участие в диалоге невозможно без восприятия иноязычной речи на слух, и сдающие устный тест зачастую страдают не от того, что не могут дать ответ на заданный вопрос, а потому, что сам вопрос остался непонятым после однократного предъявления. Когда в диалоге участвует живой собеседник (преподаватель, например), он может перефразировать вопрос, повторить его, помогая учащемуся решить коммуникативную задачу, что и предполагает коммуникативный подход в методике: компенсаторный принцип коммуникативной методики, о котором следует упомянуть в рамках контроля навыков устной речи. В ходе диалога учащийся должен продемонстрировать умение добиваться решения коммуникативной задачи доступными ему средствами. Здесь имеют значение как вербальные, так и невербальные средства коммуникации. При разговоре с «электронным» интервьюером учащийся лишен возможности переспросить и уточнить информацию, что значительно усложняет его позицию, противоречит принципам, лежащим в основе коммуникативного обучения, и повышает уровень трудности устной части теста. Отсюда большая значимость роли «живого», непосредственного участника общения. Несмотря на существующие проблемы, мы их учитываем и придерживаемся существующих стандартов проведения контрольных срезов знаний.

В Институте филологии и межкультурной коммуникации мониторинг уровня языковой подготовки проводит Центр тестирования и экспертиз. Приводим результаты среза знаний, сделанного в апреле 2023 года. В тестировании участвовало семь студенческих групп, 375 человек. За письменную часть студенты получали макси-

мум 100 баллов, за устную – 20 баллов. Результаты мониторинга показали, что, как правило, учащиеся, получившие высокий балл за письменную часть, имеют высокую оценку и в устной части (гр. Б: 91 – 19,5; гр. И: 98 – 18), и соответственно, имеющие низкий уровень коммуникативной компетенции получили невысокие баллы и в письменной, и в устной части (приведены наиболее показательные примеры: гр. А: 63 – 11; гр. В: 72 – 8). Однако есть определенный процент тех, кто, успешно справившись с письменной частью работы, получил низкий балл за устную часть (гр. А: 82 – 12; гр. В: 87 – 11). Это около 21% студентов. Подобный результат нельзя отнести за счет недоработки преподавателя, так как оценки за устную часть в группе Б, например, составляют 19 и 19,5 баллов. И в этой же группе мы встречаем соотношение 90 (письменная часть) – 13 (устная часть) баллов. Процент учащихся, сдавших письменную часть значительно хуже устной, небольшой (около 5%). То есть баллы показывают наличие индивидуальных проблем, и причины неудач в освоении иностранного языка, как мы уже отмечали выше, в каждом отдельном случае требуют индивидуального подхода, а результаты мониторинга требуют тщательного анализа результатов преподавателем совместно со студентом.

Обращаясь к педагогическому опыту, можно назвать ряд наиболее характерных причин невысокой успеваемости по предмету «Иностранный язык»:

- недостаточная сформированность речевых навыков в родном языке. Монологическая речь часто развивается как «побочный продукт» пересказов текстов учебника, а диалогическая речь и участие в дискуссии не являются предметом обучения в школе (исключением является преподавание национальных языков), в то время как на иностранном языке это самостоятельно значимые и оцениваемые речевые умения. Зависимость успешности усвоения иноязычных речевых умений от уровня их сформированности в родном языке давно доказана психологами [5], [6];

- психологические барьеры неуверенности в своих силах, страх сделать ошибку, недоверие преподавателю, основанные на предыдущем негативном опыте изучения языка;

- неумение организовывать свою учебную деятельность, основанное на ложном представлении об изучении языка как усвоении свода правил и заучивании слов; недооценка роли постоянной практики в общении как залога успешности в формировании иноязычной коммуникативной компетенции. Более того, в предыдущих

работах мы уже останавливались на проблемах обучения иностранному языку интровертов и экстравертов [7];

- психологические особенности типа личности, замкнутость или открытость, стремление ограничить или расширить круг общения, «академичность» или общительность, что сказывается на успешности формирования навыков говорения [8];

- проблемы с памятью: не усваивается большой языковой материал, подлежащий запоминанию, что ведет к накоплению неусвоенного материала и в дальнейшем представляет изучение языка как бессмысленное и бесполезное занятие;

- низкая мотивация в области изучения иностранного языка, связанная с неясной целью его применения в будущей профессии; неопределенность профессиональных интересов или полное неприятие выбранного ранее поля деятельности.

Начав перечисление причин, мы упомянули лишь обобщенные, характерные факторы, отрицательно влияющие на уровень коммуникативной компетенции, не принимая во внимание не подлежащие охвату сугубо личностные проблемы, связанные с семейными обстоятельствами, межличностными отношениями, проблемами со здоровьем и финансами и т. д. То есть, получив результат мониторинга, каждый учащийся увидит за ним только свои проблемы. Незнание the Present Perfect Tense для одного означает, что он никак не может запомнить третью форму неправильных глаголов; для другого – что выученное правило не помогает включить данную видо-временную форму в устную речь, так как осталась непонятой функциональная сторона данного грамматического явления; для третьего – что отсутствие аналога в родном языке препятствует пониманию ситуативной обусловленности употребления грамматической единицы в конкретной ситуации общения и т. д.

Анализируя проблемы, связанные с формированием и совершенствованием языковых и речевых навыков, мы, с одной стороны, подчеркиваем направляющую роль учителя в определении путей преодоления имеющихся пробелов, с другой – оставляем право на принятие решения за самим учащимся, давая ему возможность на основе полученных данных и оценочных критериев выбрать из имеющегося арсенала определенных программ и дополнительных средств обучения те онлайн и оффлайн курсы, которые наиболее полно отвечают его представлению о повышении уровня своей коммуникативной компетенции и преодолении барьеров в усвоении иностранного языка.

Значительным препятствием на пути изучения иностранного языка является отсутствие языковой среды. Рассматривая направления, в которых развиваются методические технологии, мы видим, что естественный путь в изучении языка остается неизменно привлекательным способом, так как он наглядно показывает методам механизм порождения речи. Так или иначе, все методические технологии опираются на первичное восприятие языкового материала, пассивный период его усвоения, интериоризацию, подготовку к этапу продуктивной речевой деятельности. Автор натурального метода, С. Крешен, подчеркивал значимость данного периода для формирования ранней речи и рекомендовал не торопить учащихся, приступая к обучению говорению. Каждый учащийся в разное время ощущает потребность и готовность к оформлению своей речи новым иноязычным кодом [9].

Учитывая все вышесказанное и принимая во внимание возможность реализации личностно-ориентированного подхода в обучении иностранному языку, мы предлагаем студентам на выбор дополнительные курсы аудирования и чтения для компенсации недостатка языкового погружения, когда на основе накопленного лингвистического опыта появляется «чувство языка» и формируется основа для продуктивной речи [10]. Данный псевдопассивный период в изучении языка на деле дает толчок развитию коммуникативных навыков, компенсируя недостаток языковой среды, и, обладая высоким мотивационным потенциалом в силу успешности непроизвольного усвоения иноязычного лексико-грамматического материала, внушает уверенность в дальнейшем совершенствовании коммуникативной компетенции.

Таким образом, повышение эффективности обучения иностранному языку предполагает персонализацию контроля, когда, помимо мониторинга уровня коммуникативной компетенции и проведения анализа полученных результатов преподавателем совместно с учащимся, мы можем предложить ему самостоятельно, исходя из своих установок и затруднений, выбрать индивидуальную траекторию совершенствования иноязычной компетенции, опираясь на личные достижения, полученные при погружении в иноязычную языковую среду.

Список источников

1. Абдалина Л. В. Персонализация как ведущий образовательный тренд современности // Воронежский гос. университет. Вестник ВГУ. № 2. 2022. С. 10–13.

2. Ашрапова А. Х., Халикова Л. И. Реализация уровневого обучения и тестирования в английском и татарском языках // Актуальные проблемы адаптации и интеграции репатриантов: сборник материалов международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. Е. Агманова. Астана: Изд-во ТОО «KazServicePrint LTD», 2017. С.195–200.

3. Гусева Н. В. Мониторинг качества обучения иностранному языку в военном вузе // Проблемы современного педагогического образования. Крымский федеральный университет. 2019. №. 65–2. С. 102–105.

4. Карбышева О. П., Качалов Н. А. Проведение мониторинга качества языковой подготовки студентов технического вуза // Томский гос. политехнический университет. Вестник ТГПУ. Выпуск 7(70). Серия: педагогика. Томск. 2007. С. 92–95.

5. Шахнарович А. М. К проблеме языковой способности (механизма) // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука. 1991. С. 185–220.

6. Пушкарева И. А. Условия успешного изучения иностранного языка // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2019. С. 80–87.

7. Свирина Л. О. О некоторых стереотипах и роли пассивного периода в изучении иностранного языка // Филология и культура. 2015. № 2(40). С. 320–324.

8. Евдоксина Н. В. Психологические особенности изучения иностранного языка студентами технических вузов. Астраханский гос. технический университет. Вестник АГТУ. 2007. No. 2(37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-izucheniya-inostrannogo-yazyka-studentami-tehnicheskikh-vuzov/viewer> (дата обращения: 01.11.2023)

9. Krashen S. D. Explorations in Language Acquisition and Use. Heinemann. Portsmouth: NH: Heinemann, 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349255011_Explorations_in_Language_Acquisition_and_Use (дата обращения: 01.11.2023)

10. Рыжов В. В., Бурова И. В., Федосеева О. И. Построение когнитивной модели иноязычных способностей студентов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2–2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22589> (дата обращения: 04.11.2023)

References

1. Abdalina, L. V. (2022). *Personalizatsiya kak vedushchii obrazovatel'nyi trend sovremennosti* [Personalization as the Leading Educational Trend of Our Time]. Voronezhskii gos. universitet. Vestnik VGU. No. 2, pp. 10–13. (In Russian)

2. Ashrapova, A. Kh., Khalikova, L. I. (2017). *Realizatsiya urovneвого obucheniya i testirovaniya v angliiskom i tatarskom yazykakh* [Implementation of Level Training and Testing in the English and Tatar Languages]. Aktual'nye problemy adaptatsii i integratsii repatriantov: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Otв. red. A. E. Agmanova. 220 p. Pp.195–200. Astana, izd-vo TOO “KazServicePrint LTD”. (In Russian)

3. Guseva, N. V. (2019). *Monitoring kachestva obucheniya inostrannomu yazyku v voennom vuze* [Monitoring the Quality of Foreign Language Teaching at a Military University]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. Krymskii federalnyi universitet. No. 65–2, pp. 102–105. (In Russian)
4. Karbysheva, O. P., Kachalov, N. A. (2007). *Provedenie monitoringa kachestva yazykovoi podgotovki studentov tekhnicheskogo vuz* [Monitoring the Quality of Language Training of Technical University Students]. *Tomskii gos.politekhnicheskii universitet. Vestnik TGPU*. Vypusk 7(70). Seriya: pedagogika, pp. 92–95. (In Russian)
5. Shakhnarovich, A. M. (1991). *K probleme yazykovoi sposobnosti (mekhanizma)* [On the Problem of Language Ability (Mechanism)]. *Chelovecheskii faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi*. Pp. 185–220. Moscow, Nauka. (In Russian)
6. Pushkareva, I. A. (2019). *Usloviya uspehnogo izucheniya inostrannogo yazyka* [Conditions for Successful Learning of a Foreign Language]. *Teoriya i praktika nauchnykh issledovaniy: psikhologiya, pedagogika, ehkonomika i upravlenie*. Pp. 80–87. (In Russian)
7. Svirina, L. O (2015). *O nekotorykh stereotipakh i roli passivnogo perioda v izuchenii inostrannogo yazyka* [On Passive Learning and Certain Stereotypes in Foreign Language Acquisition]. *Filologiya i kul'tura*. No. 2(40), pp. 320–324. (In Russian)
8. Evdoksina N. V. (2007). *Psikhologicheskie osobennosti izucheniya inostrannogo yazyka studentami tekhnicheskikh vuzov* [Psychological Features of Learning a Foreign Language by Students of Technical Universities]. *Astrakhanskii gos.tekhnicheskii universitet. Vestnik AGTU*. No. 2(37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-osobennosti-izucheniya-inostrannogo-yazyka-studentami-tehnicheskikh-vuzov/viewer> (accessed: 01.11.2023). (In Russian)
9. Krashen, S. D. (2021). *Explorations in Language Acquisition and Use*. Heinemann. Portsmouth: NH: Heinemann. URL: https://www.researchgate.net/publication/349255011_Explorations_in_Language_Acquisition_and_Use (accessed: 01.11.2023). (In English)
10. Ryzhov, V. V., Burova, I. V., Fedoseeva, O. I. (2015). *Postroenie kognitivnoi modeli inoyazychnykh sposobnostei studentov* [Construction of a Cognitive Model of Students' Foreign Language Abilities]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 2–2. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22589> (accessed: 04.11.2023). (In Russian)

The article was submitted on 07.11.2023

Поступила в редакцию 07.11.2023

Свирина Людмила Олеговна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
l.o.svirina@yandex.ru

Ашрапова Алсу Халиловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
chudosun@list.ru

Ратнер Фаина Лазаревна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
faina.ratner@yandex.ru

Svirina Lyudmila Olegovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
l.o.svirina@yandex.ru

Ashrapova Alsu Khalilovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
chudosun@list.ru

Ratner Faina Lazarevna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
faina.ratner@yandex.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ-ХОРЕОГРАФОВ В СИСТЕМЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

© Хуан Чэньчэнь, Надежда Ячина, Светлана Добротворская

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR DEVELOPING PROFESSIONALISM IN FUTURE TEACHERS-CHOREOGRAPHERS IN THE SYSTEM OF CHOREOGRAPHIC EDUCATION

Huang Chencheng, Nadezhda Yachina, Svetlana Dobrotvorskaya

The article studies the complex of conditions ensuring the development of professionalism in future teachers in the system of choreographic education and describes these pedagogical conditions. We have identified the factors that determine the effectiveness of their implementation in the pedagogical process.

In the current sociocultural paradigm, the relevance of the article is conditioned by such factors as: the need to improve the quality of choreographic education; the revival of the whole system of professional training of dance teachers; the lack of a well-founded system of effective pedagogical conditions for the development of professional qualities in students-teachers-choreographers. The purpose of the article is to solve the identified problems in terms of scientific and theoretical substantiation of pedagogical conditions for the development of professionalism in future teachers-choreographers. The personality-oriented approach is chosen as the leading approach in the study of the problem. The results of the study present the proposed and substantiated pedagogical conditions that contribute to the development of professional competencies in students – future teachers-choreographers. The practical value of the results obtained is the possibility of introducing the developed pedagogical conditions into professional training of future choreographers.

Keywords: professionalism, teacher, dancing, teacher-choreographer, training

Статья посвящена исследованию проблемы создания педагогических условий формирования профессионализма будущих учителей в системе хореографического образования. Определены педагогические условия, необходимые для развития профессиональных компетенций и компетентности будущих педагогов-хореографов. Выявлены факторы, определяющие эффективность их внедрения в педагогический процесс.

В современной социокультурной парадигме актуальность исследования данной темы обусловлена множеством факторов. Прежде всего, это потребность в повышении качества образования в сфере хореографии, которая стоит в одном ряду с другими академическими дисциплинами. Вторым важным аспектом является необходимость пересмотра системы подготовки студентов – будущих преподавателей танцев. Существующие методики и подходы во многом устарели и не отвечают современным требованиям, что снижает эффективность образовательного процесса.

Целью данной статьи является обоснование комплекса педагогических условий, которые будут способствовать развитию профессионализма будущих педагогов-хореографов. В качестве ведущего подхода в исследовании выбран личностно-ориентированный подход, который предполагает индивидуализацию образовательного процесса и учет специфических потребностей каждого студента.

Результатами исследования стали разработанные и теоретически обоснованные педагогические условия. Они включают в себя, к примеру, методы активного обучения, использование современных технологий, интеграцию теоретических и практических аспектов хореографии. Вопрос о существовании термина «система танцевального образования» требует дополнительного исследования, но его применение в данном контексте является уместным для характеристики комплексной структуры образовательного процесса в данной сфере.

Практическая ценность полученных результатов заключается в возможности их непосредственного внедрения в учебный процесс. Это может существенно повысить эффективность подготовки студентов – будущих педагогов-хореографов, а также обеспечить более высокий уровень их

профессиональной компетентности. Таким образом, исследование открывает новые перспективы для развития теории и практики педагогики, что, в свою очередь, способствует повышению качества хореографической педагогической деятельности на профессиональном уровне.

Ключевые слова: профессионализм, учитель, танцы, педагог-хореограф, обучение

Для цитирования: Хуан Чэньчэнь, Ячина Н., Добротворская С. Педагогические условия формирования профессионализма будущих педагогов-хореографов в системе хореографического образования // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 245–250. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-245-250

Введение

В течение последних десятилетий система образования была подвержена существенным реформам, которые продолжаются и сегодня. Данное утверждение особенно актуально для современной системы подготовки педагогов хореографического образования. При этом, несмотря на динамичное возрастание требований к педагогу, который будет заниматься подготовкой юных танцоров, неизменным остается одно: системное, непрерывное совершенствование профессиональных компетенций. Последние должны отражать не только профессионализм личности, но и ее соответствие критериям, выдвигаемым перед учителем XXI века.

В этом контексте возникает проблема разработки комплекса педагогических условий для подготовки студентов – будущих педагогов-хореографов. Затрагиваемая проблематика нашла отражение в научно-педагогических трудах и исследованиях отечественных ученых: Л. Я. Николаевой, Т. Б. Сабанцевой, А. В. Вертохиной, С. А. Русиновой, Л. Л. Васьковой и др. Сущность, роль и задачи педагогических условий как неотъемлемого компонента в формировании педагогически эффективной среды рассмотрены в работах Н. Н. Ковалевой, А. В. Величко, И. Б. Готской, А. А. Володина, Н. Г. Бондаренко, и пр.

Методология исследования

Предварительным этапом в разработке комплекса педагогических условий для профессиональной подготовки студентов – будущих учителей хореографии был краткий обзор исследований, посвященных рассматриваемому вопросу. Однако прежде необходимо выявить подходы к определению ключевых понятий – «условия», «педагогические условия», «профессионализм».

Анализ психолого-педагогических источников, а также некоторых справочных изданий показал, что сущность условий определяется с разных точек зрения даже в контексте педагогической науки. Так, если обратиться к словарю русского языка, то термин «условия» будет трактоваться как предпосылка определенного явления [1, с. 1126]. В другом словаре указано, что усло-

вие является не только основой, предпосылкой чего-либо, но и представляет собой некоторые благоприятные обстоятельства, оказывающие содействие в развитии определенного процесса или деятельности [2, с. 954].

При этом с точки зрения психологии развитие психики индивида – это результат взаимодействия и взаимовлияния внешних и внутренних факторов, то есть условий. Обращаясь к теории причинного детерминизма, можно выявить, что каждое событие определено ранее произошедшими событиями. Последователи данной теории склонны считать, что причинно-следственные связи между событиями или явлениями дают возможность исследовать начало, истоки чего-либо вне зависимости от первоначальной причины [3 с. 24].

Педагогические условия как объект научных исследований, а также их роль и специфика нашли отражение в трудах многих отечественных ученых (Ю. К. Бабанский [4 с. 288], Н. Г. Баженова, И. В. Хлудеева [5 с. 219], А. Ю. Шаркова, Т. В. Сибгатуллина [6 с. 279] и др.). Педагогические условия, согласно утверждению, выдвинутому Ю. А. Звонаревой в ее статье, – это «...специфически определяемый конструкт современной научно-педагогической теории исследования качества педагогически верифицируемых процессов в системе антропознания, гарантирующий личности педагога-исследователя качественное определение и решение рассматриваемого явления и педагогического процесса» [7, с. 3].

В работе О. В. Галкиной предложена другая довольно оригинальная классификация педагогических условий. В основу данной классификации положен временной критерий [8, с. 232].

Данные взгляды на природу педагогических условий позволяют убедиться в том, что в рамках педагогической науки мы не можем рассматривать их под единым углом. Однако нам представляется целесообразным личностно-ориентированный подход, в котором обстоятельства носят ситуативный характер. Поэтому мы определяем педагогические условия как обстоятельства, которые позволяют обеспечить эффек-

тивность и качество системы профессиональной подготовки студентов – будущих учителей хореографии. Важно подчеркнуть, что проблема функционирования педагогических условий в плоскости педагогики хореографического образования является относительно новой, однако уже рассматривается в перечне диссертационных исследований [9 с. 19]. На наш взгляд, разработка педагогических условий в нынешней парадигме должна учитывать социокультурные вызовы современности. Именно эту цель преследуют перечисленные выше авторы.

Полученные данные

Педагогические условия, которые рассматриваются нами в качестве благоприятствующих обстоятельств и обладают ситуационной природой, должны охватывать разные педагогические аспекты. При этом важнейшую роль играет как организационная, материально-техническая составляющая, так и психологическая (мотивация, стимулирование и пр.).

Основываясь на положениях и идеях, высказанных учеными о сущности педагогических условий и их значении, мы разработали комплекс педагогических условий, значимых для подготовки будущих педагогов-хореографов в системе высшего образования:

- формирование у студентов – будущих хореографов положительной внутренней мотивации на развитие в профессии;
- создание творческой артистической атмосферы на организуемых для студентов занятиях;
- интеграция вузовской среды и среды театральной.

Обосновывая каждое из представленных педагогических условий, следует начать с первой позиции. Мотивация здесь может рассматриваться с разных точек зрения: как процесс [10, с. 93]; побуждающая сила [11, с. 99]; свойство психики; способ, путь к достижению цели [12, с. 99]; совокупность факторов, регулирующих поведение индивида [13 с. 12]. Мы же склоняемся к тому, чтобы изучать мотивацию как побуждение к действию.

Однако в рамках настоящей статьи речь идет о формировании позитивной мотивации – внутреннего, четко структурированного мотива, который характеризуется наличием конкретных целей и путей их достижения. Здесь целесообразно упомянуть и мотивы достижения, являющиеся неотъемлемыми структурными компонентами в процессе становления и самореализации личности. Таким образом, позитивная мотивация выступает стимулом, который способствует системному, последовательному формированию

профессионализма у будущих педагогов в системе хореографического образования. Профессионализм же, в свою очередь, является ключевым достижением, к которому стремится индивид.

Вторым педагогическим условием в формировании профессионализма студентов-педагогов в системе хореографического образования является создание благоприятной творческой среды для их развития. Это, несомненно, важнейший аспект, ведь хореографическое образование – один из структурных элементов в сфере искусства и культуры. Творческая составляющая приобретает особую значимость, если речь идет о кинетическом образовании. Студенты, получающие квалификацию педагогов-хореографов, будут воспитывать последующие поколения танцоров – творческих, одаренных, незаурядных личностей.

Учитывая вышеизложенные положения, студенты хореографических вузов испытывают потребность в креативной, созидательной среде, где они могут развиваться в двух направлениях – как будущие педагоги и как современные танцоры.

Создание благоприятной творческой среды является сложной, мультиэтапной задачей, для решения которой требуются как хорошее материальное обеспечение учебного заведения, так и организационно-управленческие усилия [14, с. 157].

Третье педагогическое условие – взаимодействие высших учебных заведений с учреждениями культуры и искусства, то есть театрами, что обеспечивается за счет интеграции студентов в активную профессиональную деятельность еще в период получения педагогической квалификации. На наш взгляд, в контексте данного педагогического условия необходимо решить ряд задач, а именно:

- 1) организовать регулярные мастер-классы для студентов – будущих педагогов в системе хореографического образования (с участием опытных хореографов, осуществляющих профессиональную подготовку театральных кадров);
- 2) предусмотреть возможность проведения практических учебных занятий в театрах, где студенты смогут испытать свои возможности как будущие педагоги;
- 3) организовать программы индивидуальной подготовки студентов к профессиональной деятельности в условиях учреждений культуры и искусств, а также хореографических школ, училищ и высших учебных заведений.

Предлагаемые педагогические условия не являются исчерпывающими и поэтому не решают проблему формирования профессионализма у студентов-хореографов в полной мере. Тем не менее, внедрение данных педагогических усло-

вий является одной из формирующих ступеней в повышении профессионализма молодого поколения хореографов [15, с. 149].

Обсуждение

На данный момент в отечественной парадигме хореографического образования проблема создания и реализации педагогических условий поднимается крайне редко. Опыт прошлых десятилетий и настоящего времени показывает, что создание педагогических условий является в большей степени темой для ведения научных дискуссий. В прикладной плоскости создание педагогических условий для профессионального роста будущих педагогов-хореографов практически не рассматривается. Следовательно, большинство предложений, базирующихся на реальных, актуальных потребностях системы хореографического образования, остаются без внимания и, соответственно, без внедрения. Несомненно, такой формат характерен и для других педагогических профилей. Формальный подход к созданию педагогических условий является ключевым препятствием на пути к реформированию не только образовательной системы, но и нынешней социокультурной модели, в которой хореографическому образованию отведено весьма незначительное место. В то же время, возвращаясь к вопросу о подготовке профессиональных кадров в области хореографического образования, необходимо подчеркнуть, что некоторые позитивные изменения все же происходят. Этот процесс запущен вместе со стремительными глобализационными процессами и индустриализацией. Он обусловлен стремлением поднять на уровень ведущих мировых систем хореографическое образование. Поскольку данная тенденция представляется нам положительным явлением, в перспективе проблема подготовки профессиональных кадров в рамках предложенных педагогических условий найдет оптимальное решение.

Выводы

В данной статье мы затронули один из наиболее значимых вопросов, связанных с развитием современной системы подготовки студентов – будущих педагогов-хореографов. Хотелось бы отметить, что профессионализм, достижение которого выступает одной из ключевых целей в подготовке нынешнего поколения педагогов в системе хореографического образования, воспринимается как дополнительная, а не основная цель.

Сосредотачивая внимание на таком факторе, как профессионализм, мы предложили ряд педагогических условий, способствующих его фор-

мированию у студентов-хореографов, а также выявили проблемные стороны рассматриваемого вопроса. Мы предполагаем, что решение раскрытых в статье проблем должно выйти за пределы теоретического осмысления, что уже становится трудновыполнимой, но посильной задачей. Педагогические условия, предлагаемые в настоящей статье, являются одной из ступеней на пути к последовательным, но радикальным изменениям в системе подготовки будущих педагогов-хореографов.

Ограничения

Дальнейшее изучение проблемы создания и внедрения педагогических условий для формирования профессионализма у будущих педагогов в системе хореографического образования ограничивается двумя факторами. Во-первых, это явный, очевидный дефицит научных исследований в данной предметной области. Во-вторых, система хореографического образования находится в непрерывной динамике, что осложняет мониторинг развития ее отдельных структурных компонентов.

Список источников

1. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингв. Исслед. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Москва: Полиграфресурсы, 1999. 2500 с.
2. Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / под ред. Д. В. Дмитриева. Москва: Астрель, 2003. 989 с.
3. Хёффер К. Причинный детерминизм // Стэнфордская философская энциклопедия: переводы избранных статей / под ред. Д. Б. Волкова. Стэнфордское изд-во, 2016. С. 51–57.
4. Бабанский Ю. К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований. Переиздание. М.: Педагогика, 2002. 299 с.
5. Баженова Н. Г., Хлудеева И. В. Педагогические условия, ориентированные на развитие: теоретический аспект // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2012. №151. С. 217–223.
6. Шаркова А. Ю., Сибгатуллина Т. В. Педагогические условия использования проектной деятельности для формирования проектно-исследовательских компетенций обучающихся педагогического колледжа // Андреевские чтения: Современные концепции и технологии творческого саморазвития личности: материалы статей уч. Всер. науч.-практ. конф. с междунар. уч. Казань, 27-28 марта. 2018 г. Вестник ОГУ. С. 277–284.
7. Звонарёва Ю. А. Педагогические условия как конструкт современной педагогической науки // Инновационная наука. 2016. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskie-usloviya-kak-konstrukt-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauki> (дата обращения: 29.09.2022)

8. Галкина О. В. Организационно-педагогические условия как категория научно-педагогического исследования // Известия Самарского научного центра Рос. Академии наук «Актуальные проблемы гуманитарных наук» 2008. № 3. Самара: Изд-во Сам. научн. Центра РАН. С. 231–238.

9. Иванова С. А. Организационно-педагогические условия совершенствования преподавания народно-сценического танца в старших классах хореографических училищ: личностно-деятельностный подход: автореф. дис... канд. пед. наук: Москва, 2013. 23 с.

10. Топоркова Е. П. Анализ понятия «Мотивация» в контексте социального управления // Вестник ЗабГУ. 2012. №11. С. 92–97.

11. Филатова А. В. Сущность и основные теории мотивации эффективности труда персонала // Основы ЭУП. 2012. №1 (1). С. 126–138.

12. Епанчинцева Г. А., Козловская Т. Н. Взаимосвязь мотивации достижения успеха и ригидности личности // Вестник ОГУ. 2020. №4 (227). С. 95–104.

13. Котов С. В. Психологические детерминанты позитивной мотивации // ИСОМ. 2014. №6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-determinanty-pozitivnoy-motivatsii> (дата обращения: 17.10.2022)

14. Сергеева Е. Ф., Моисеенко Р. Н. Практико-ориентированное обучение при подготовке специалистов по направлению «хореографическое искусство» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. №44. С. 155–162.

15. Никитин В. Ю. Сравнительный анализ систем хореографического образования в России и Западной Европе // Вестник МГУКИ. 2020. №4 (96). С. 148–157.

References

1. *Slovar' russkogo yazyka v 4-kh tomakh* (1999) [Dictionary of the Russian Language: In 4 Vol.] RAN, Inst. lingv. Issled. pod red. A. P. Evgenievvoi. 4-e izd. 2500 p. Moscow, Polygraphresursy. (In Russian)

2. (2003). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ok. 2000 slovar. st., svyshe 12000 znacheniy. Pod red. D. V. Dmitriev. Moscow, Astrel, 989 p. (In Russian)

3. Höfer, K. (2016). *Prichinnyyi determinizm* [Causal Determinism]. Stenfordskaya filosofskaya entsiklopediya: perevody izbrannykh statei / pod red. D. B. Volkova. Stenfordskoe izd-vo, pp. 51–57. (In Russian)

4. Babansky, Y. K. (2002). *Problemy povysheniya effektivnosti pedagogicheskikh issledovaniy* [Problems of Increasing the Effectiveness of Pedagogical Research]. Pereizdaniye. 299 p. Moscow, Pedagogika. (In Russian)

5. Bazhenova, N. G., Khludeeva, I. V. (2012). *Pedagogicheskiye usloviya, oriyentirovannyye na razvitiye: teoreticheskiy aspekt* [Development-Oriented Pedagogical Conditions: A Theoretical Aspect]. Izvestiya RGPU named after A. I. Herzen. No. 151, pp. 217–223. (In Russian)

6. Sharkova, A. Y., Sibgatullina, T. V. (2018). *Pedagogicheskiye usloviya ispol'zovaniya proyektnoi deyatel'nosti dlya formirovaniya proyektno-*

issledovatel'skikh kompetentsii obuchayushchikhsya pedagogicheskogo kolledzha [Pedagogical Conditions of Using a Project Activity for the Formation of Project-Research Competencies in Students of Pedagogical College]. Andreyevskie chteniya: Sovremennyye kontseptsii i tekhnologii tvorcheskogo samorazvitiya lichnosti: materialy statei uch. Vser. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uch. Kazan', 27-28 marta 2018 g. Vestnik OGU. Pp. 277–284. (In Russian)

7. Zvonaryova, Y. A. (2016). *Pedagogicheskiye usloviya kak konstrukt sovremennoi pedagogicheskoi nauki* [Pedagogical Conditions as a Construct of Modern Pedagogical Science]. Innovatsionnaya nauka. No. 6–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskiye-usloviya-kak-konstrukt-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauki> (accessed: 29.09.2022). (In Russian)

8. Galkina, O. V. (2008). *Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya kak kategoriya nauchno-pedagogicheskogo issledovaniya* [Organizational and Pedagogical Conditions as a Category of Scientific and Pedagogical Research]. Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Ros. Akademii nauk “Aktual'nyye problemy gumanitarnykh nauk”. No. 3, pp. 231–238 Samara, izd-vo Sam. nauchn. Tsentra RAN. (In Russian)

9. Ivanova, S. A. (2013). *Organizatsionno-pedagogicheskiye usloviya sovershenstvovaniya prepodavaniya narodno-stsenicheskogo tantsa v starshikh klassakh khoreograficheskikh uchilishch: lichnostno-deyatelnostnyy podkhod: avtoref. dis... kand. ped. nauk* [Organisational and Pedagogical Conditions of Improving the Teaching of Folk and Stage Dance in Senior Classes of Choreographic Schools: The Personal-Activity Approach: Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 23 p. (In Russian)

10. Toporkova, E. P. (2012). *Analiz ponyatiya “Motivatsiya” v kontekste sotsial'nogo upravleniya* [Analysis of the Concept of “Motivation” in the Context of Social Management]. Vestnik ZabGU. No. 11, pp. 92–97. (In Russian)

11. Filatova, A. V. (2012). *Sushchnost' i osnovnyye teorii motivatsii effektivnosti truda personala* [Essence and Main Theories of Motivation of Staff Labour Efficiency]. Osnovy EUP. No.1 (1), pp. 126–138. (In Russian)

12. Epanchintseva, G. A., Kozlovskaya, T. N. (2020). *Vzaimosvyaz' motivatsii dostizheniya uspekha i rigidnosti lichnosti* [Interrelation of the of Success Motivation and Personality Rigidity Interconnection]. Vestnik OGU. No. 4 (227), pp. 95–104. (In Russian)

13. Kotov, S. V. (2014). *Psikhologicheskiye determinanty pozitivnoi motivatsii* [Psychological Determinants of Positive Motivation]. ISOM. No. 6–1. URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskiye-determinanty-pozitivnoy-motivatsii](https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-determinanty-pozitivnoy-motivatsii) (accessed: 17.10.2022). (In Russian)

14. Sergeeva, E. F., Moiseenko, R. N. (2018). *Praktiko-oriyentirovannoye obucheniye pri podgotovke spetsialistov po napravleniyu “khoreograficheskoye iskusstvo”* [Practice-Oriented Training the Specialists on the Direction “Choreographic Art”]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. No. 44, pp. 155–162. (In Russian)

15. Nikitin, V. Yu. (2020). *Sravnitel'nyy analiz sistem khoreograficheskogo obrazovaniya v Rossii i Zapadnoy Evrope* [Comparative Analysis of Choreo-

graphic Education Systems in Russia and Western Europe]. *Vestnik MGUKI*. No. 4 (96), pp. 148–157. (In Russian)

The article was submitted on 13.10.2023

Поступила в редакцию 13.10.2023

Хуан Чэньчэнь,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
xuangchenchen@gmail.com

Huang Chenchen,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
xuangchenchen@gmail.com

Ячина Надежда Петровна,
кандидат педагогических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
nadegda_777@mail.ru

Yachina Nadezhda Petrovna,
Ph.D. in Pedagogy,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
nadegda_777@mail.ru

Добротворская Светлана Георгиевна,
доктор педагогических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
sveta_dobro@mail.ru

Dobrotvorskaya Svetlana Georgievna,
Doctor of Pedagogy,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
sveta_dobro@mail.ru

РУКОВОДСТВО ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения

Научный журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» публикует статьи по следующим разделам:

- филологические науки;
- психологические науки;
- педагогические науки.

Журнал «Филология и культура. *Philology and Culture*» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и др.). В тексте статей следует отдавать предпочтение ссылкам на публикации последних 15 лет. В журнале печатаются материалы, которые не опубликованы и не переданы в другие редакции.

Все статьи проходят рецензирование. Результаты рецензирования и решение редколлегии о принятии представленной статьи к публикации в журнале «Филология и культура. *Philology and Culture*» сообщаются авторам по электронной почте.

Небольшие исправления стилистического и формального характера вносятся в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку.

Рукописи авторам не возвращаются.

Порядок приема и движения рукописи

Редакция журнала принимает статьи исключительно в электронном виде (формат Word, файл типа .doc) на электронный адрес журнала: journal@ifi.kpfu.ru

Научные статьи должны быть объемом от 20 000 до 40 000 знаков (с пробелами).

Аннотация на русском и английском языках должна включать характеристику основной темы, проблемы, стоящие перед автором, цели работы и ее результаты. Не рекомендуется приводить цитаты из текста статьи. Средний объем аннотации от 150 до 250 слов. В тексте аннотации должны быть использованы все ключевые слова (5–7 понятий, терминов и имен собственных).

В конце статьи приводится краткая информация об авторе на русском и английском языках:

- фамилия, имя, отчество (жирным шрифтом),
- научная степень (если есть),
- должность, место работы с указанием почтового адреса, e-mail (данные – 12 кегль, почтовый адрес – 10 кегль).

Образец:

Иванов Петр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
ivamariak@mail.ru

Ivanov Petr Aleksandrovich,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
ivamariak@mail.ru

Художественные тексты, исторические источники должны быть на языке оригинала, при переводе текста указывается автор перевода.

Образец:
(перевод наш. – П. И., М. А.)

Качество иллюстраций должно быть максимальным (не ниже 600 dpi). Иллюстрации прилагаются к статье отдельным файлом в формате jpeg и должны быть с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье. Подписи к иллюстрациям дублируются в отдельном файле.

После того как рукопись пройдет двойное «слепое» рецензирование, мнение рецензента сообщается автору.

Анкета статьи должна быть заполнена следующим образом:

ФИО автора / Author
Организация / Organization
Страна / Country
Город / City
E-mail:
Наименование статьи / Title of article
Аннотация / Abstract
Ключевые слова / Keywords

1) Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

2) В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

3) Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Для связи с текстом статьи порядковый номер библиографической записи и страницу указывают в квадратных скобках. Сведения разделяют запятой. Пример:

В тексте статьи:

[10, с. 81]

В Списке источников:

10. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.

4) Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список» (в пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки).

6) Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном порядке.

Библиографический список оформляется следующим образом:

– Список литературы (по центру);

– труды должны быть представлены в алфавитном порядке: сначала указывается литература на русском языке, затем – на иностранном языке (согласно алфавиту английского языка);

– References (по центру);

– транслитерированный список литературы (порядок должен быть изменен согласно алфавиту английского языка).

Просьба оформлять научные статьи по следующему образцу:

Текст научной статьи должен быть оформлен на листе формата А4 по ГОСТ 9327-60, ориентация книжная, шрифт Times New Roman, кегль 14. Межстрочный интервал 1,5.

- Формат MS Word
- Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2 см.
- Абзацный отступ – 1,25.
- Выравнивание текста статьи по ширине.

Межбуквенный интервал – обычный.

Квадратные скобки – на латинской клавиатуре.

Межсловный пробел – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях т. е., т. п., т. д.

Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: М., 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: А. С. Пушкин.

Дефис должен отличаться от тире, например: литературно-художественный (дефис), русская литература конца XIX – начала XX века (тире с пробелами слева и справа, без пробелов – в числах и датах, например: 1960–1970 гг., с. 52–65.

Кавычки в тексте статьи:

- французские («елочки»), внутри цитаты – немецкие („лапки“).

Образец:

«Роман И. С. Тургенева „Отцы и дети“ был опубликован в журнале „Русский вестник“».

– при переводе значения иноязычного слова используют английские одиночные (‘марровские’) кавычки.

Образец:

Критика в комментарии может быть также выражена при помощи лексемы *leider* ‘к сожалению’.

- в тексте на иностранном языке употребляются “английские двойные кавычки”.

Образец:

I. S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons” was published in the journal “Russian Messenger”.

Точка, запятая и точка с запятой при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски.

Римские цифры набираются с помощью латинской клавиатуры.

Буква ё / Ё заменяется буквой е / Е за исключением важных для смысловоразличения контекстов и имен собственных, например: Генрих Бёлль.

При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.

Не допускаются пробелы между абзацами.

Выделения в тексте должны осуществляться по следующим правилам:

Жирный шрифт – для заголовков, подзаголовков.

Разрядка – для смысловых выделений.

Светлый курсив – для коротких примеров.

Образец:

Значение оборота «по сравнению с чем-нибудь» в составе устойчивой конструкции *против / противу прежнего*: «Я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро...» [Пушкин, т. 8, с. 7–47].

Мелкий шрифт с отбивкой от основного текста (полуторный интервал, кегль 12) – для фрагментов текста.

Образец:

Так, у А. И. Куприна читаем:

«В середине августа, перед рождением молодого месяца, вдруг наступили отвратительные погоды, какие так свойственны северному побережью Черного моря. То по целым суткам тяжело лежал над землею и морем густой туман, и тогда огромная сирена на маяке ревела днем и ночью, точно бешеный бык. То с утра до утра шел не переставая мелкий, как водяная пыль, дождик, превращавший глинистые дороги и тропинки в сплошную густую грязь, в которой увязали надолго возы и экипажи» [Куприн, с. 3].

Порядок оформления статьи

В начале статьи указывается УДК (в левом верхнем углу).

Название статьи – по центру, без отступа, прописными буквами.

Автор (ы): имя, фамилия.

Далее необходимо продублировать название статьи, имя и фамилию автора (или авторов) на английском языке.

Аннотация на английском языке (интервал 1,5; кегль 12).

Ключевые слова на английском языке. Слово *keywords* курсивом. После ключевых слов точка не ставится.

Аналогично – аннотация и ключевые слова на русском языке. После ключевых слов точка не ставится.

Текст статьи.

Список источников.

Библиографический список (если есть).

References. Библиографический список (если есть).

Данные об авторе: на русском языке и английском языках.

Внимание! Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей.

Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.

Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения.

Например: URL: <http://www.ruslit.ru> (дата обращения: 12.01.2016).

Список источников оформляется на языке оригинала издания с обязательным указанием места издания, издательства, года, количества страниц.

К статье прикладывается расшифровка использованных сокращений.

Примеры оформления списка литературы:

Список источников

Гринвалд Д. Кассандра // Сюжеты. 1990. № 10. С. 3–103.

Зайцев В. В. Теория и практика развития личностной свободы учащихся в системе начального образования: автореф. дис. ... докт. пед. наук: Волгоград, 1999. 48 с.

Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.

Исаева Е. Две жены Париса // Isaeva.ru: Поэтесса и драматург Елена Исаева, 2015. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Rabassa G. One hundred years of solitude. New York: Harper Perennial Modern Classics, 2006. 417 p.

References

Grinvald, D. (1990). *Kassandra* [Cassandra]. Siuzhety, No. 10, pp. 3–103. (In Russian)

Ilinskaya, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poesii XX veka* [Constantinos Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the Twentieth Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Isaeva, E. (2015). *Dve zheny Parisa* [Two Wives of Paris]. Isaeva.ru: Poe'tessa i dramaturg Elena Isaeva. URL: <http://www.isaeva.ru/plays/wife.html> (accessed: 24.02.2015). (In Russian)

Rabassa, G. (2006). *One Hundred Years of Solitude*. 417 p. New York, Harper Perennial Modern Classics. (In English)

Zaitsev, V. V. (1999). *Teoriia i praktika razvitiia lichnostnoi svobody uhashchikhsia v sisteme nachal'nogo obrazovaniia*: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk [Theory and Practice of the Learner Personal Freedom Development in Primary Education: Doctoral Thesis Abstract]. Volgograd, 48 p. (In Russian)

Транслитерация текста (пошаговая инструкция)

1. На главной странице сайта <http://translit.net> в строке «Включен» выбираем «русский транслит», вариант BSI (при этом следует делать исключение для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией).

Например:

Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznaniiia, а не Voprosy iazykoznaniiia.

2. Копируем из списка литературы данные об источнике (например: *Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.*), вставляем в поле и нажимаем кнопку «в транслит». Получаем: *Il'inskaya S. B. Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poe'zii XX veka. M.: Nauka, 1984. 320 s.*

3. После фамилии автора ставим запятую, затем инициалы.

4. В скобках год издания.

5. После названия книги (дается курсивом) в квадратных скобках даем перевод на английский язык.

6. Количество страниц (на английском).

7. Город (указывается полностью, например: Moscow, Leningrad, Kazan, St. Petersburg).

8. Издательство (без кавычек).

9. В скобках указываем язык оригинала:

На русском – (In Russian)

На татарском – (In Tatar)

На английском – (In English)

На немецком – (In German)

На французском – (In French)

На испанском – (In Spanish)

На китайском – (In Chinese)

На турецком – (In Turkish)

На казахском – (In Kazakh)

На польском – (In Polish)

На чешском – (In Czech)

На башкирском – (In Bashkir)

На чувашском – (In Chuvash)

На хакасском – (In Khakas)

На туркменском – (In Turkmen)

На киргизском – (In Kyrgyz)

На корейском – (In Korean)

На узбекском – (In Uzbek)

На азербайджанском – (In Azerbaijani)

На якутском – (In Yakut)

С требованиями к рукописям, обзорами номеров журнала можно ознакомиться на сайте: <http://philology-and-culture.kpfu.ru>

Филология и культура. Philology and Culture

№ 4 (74)

Дата выхода в свет 29.12.2023.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Формат 60х84 1/8. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 29,7.

Тираж 1000 экз. Заказ 155/12.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нухина, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

Свободная цена

